

РОССИЯ И МИР ДИАЛОГИ 2022

Материалы VI международной
научно-практической конференции

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАЦИЙ

NI

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
проекты

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

 Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

 +7 (495) 252-67-88 www.nicrus.ru institut@nicrus.ru

Россия и мир. Диалоги – 2022.

Материалы VI международной научно-практической
конференции

УДК 327
ББК 66.4
Р76

Россия и мир. Диалоги – 2022. Материалы VI международной научно-практической конференции (26-27 апреля 2022 г. Москва, Россия)

Редколлегия

Научный редактор – Комлева В.В., д.с.н., профессор

Редакция

Андрейченко Н.Н.

Тихонов Ю.П.

Тюлякова С.А.

Корректор

канд. фил. н. И.А. Емелин

Организаторы конференции

- Национальный исследовательский институт развития коммуникаций
- Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Научный партнер конференции

- Институт востоковедения РАН

Информационные партнеры конференции

- Научный журнал «Международная жизнь»
- Научный журнал «Россия и мир: научный диалог»
- Научный журнал «Россия: общество политика, история»

Р76

Россия и мир. Диалоги – 2022. Материалы VI международной научно-практической конференции (26-27 апреля 2022 г. Москва, Россия) / Под научной редакцией В.В. Комлевой. – М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2022. – 620 с. ISBN 978-5-7151-0589-9

Сборник содержит материалы выступлений ведущих ученых, экспертов и начинающих исследователей, прозвучавших на ежегодной международной научно-практической конференции «Россия и мир. Диалоги – 2022». Публикации охватывают широкий круг дискуссионных вопросов, связанных с тенденциями, проблемами, перспективами и рисками международного сотрудничества России и зарубежных стран.

Сборник материалов предназначен для специалистов в области международных отношений, экспертного сообщества и исследователей, а также для всех, интересующихся развитием внешнеполитических и внешнеэкономических стратегий России.

Макет и предпечатная подготовка Издательский дом «Проект Медиа Групп» (Департамент медиапроектов) г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2 Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 04.09.2022

Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 400 экз.

ISBN 978-5-7151-0589-9

9 785715 105899 >

> УДК: 327 ББК 66.4

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие научного редактора	8
Приветственные слова	
Приветственное слово Гасумянова Владислава Ивановича , директора Национального исследовательского института развития коммуникаций, доктора экономических наук	11
Приветственное слово Марголина Андрея Марковича , проректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктора экономических наук	13
Приветственное слово Наумкина Виталия Вячеславовича , академика РАН, научного руководителя Института востоковедения РАН, доктора исторических наук	14
Приветственное слово Оганесяна Армена Гарниковича , главного редактора журнала «Международная жизнь»	16
Приветственное слово Халевинского Игоря Васильевича , Председателя Совета Ассоциации российских дипломатов	18
Приветственное слово Корчагина Руслана Николаевича , и.о. директора Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, кандидата технических наук	20
Экспертные дискуссии	
Авдеева Т.В. Роль цифровизации экономических процессов в укреплении национальной безопасности государства	22
Архангельский А. Идеи не умирают	28
Барахвостов П.А. Цифровой авторитаризм в формировании будущего миропорядка.....	40
Бегалинова К.К. Диалог культур как фактор укрепления глобальной стабильности	50
Беляева О.И. Разработка стратегий и мастер-планов городов в условиях неопределённости	56
Бочарников В.Н. «Кровь» и «Почва» в цивилизационном коде современной геополитики России	66
Владиславская В.А. Психологическая безопасность человека в условиях трансформации глобального миропорядка	78

Гагиева А.Л. Биологический терроризм как угроза безопасности на Южном Кавказе	84
Голубченко И.В., Кагарманова А.И. Проблемы Европы в представлении студентов, обучающихся по направлению «Зарубежное регионоведение»	90
Егоров В.К. К вопросу о месте культуры в становлении нового миропорядка	96
Искандаров К. Военно-политическая ситуация в Афганистане и проблемы взаимодействия России и стран Центральной Азии по вопросам безопасности....	104
Коваль В.П. Внешняя политика России на переломном этапе современного исторического развития	112
Кузнецова Т.А. Неолиберальная глобализация: от эйфории к горькому разочарованию.....	124
Лазоркина О.И. Взаимодействие Беларуси и России в условиях глобальных геополитических изменений	132
Мармонтова Т.В. Динамика изменений социально-экономических процессов в Центральной Азии в условиях глобальной нестабильности	138
Матвеев И.А. Новые горизонты для сотрудничества России и арабских стран.....	148
Назаров Р.Р. Международное сотрудничество государств Центральной Азии в 1990-е годы: политико-правовые аспекты	160
Полякова А.А. Конфликт на Украине – точка бифуркации дальнейшего развития России.....	168
Санакоев И.Б. Милитаризация Грузии как угроза безопасности Южной Осетии ...	174
Семедов С.А. Трансформация мирового порядка	178
Семенов С.А. О новой кластерной политике России.....	184
Сухарев А.И. Проблемы национальной безопасности в условиях глобальной трансформации миропорядка	188
Табаринцева-Романова К.М. Роль культуры и науки в гуманитарной дипломатии	194
Филатова О.В. К вопросу об оценке устойчивого развития и ESG-критериях в новых условиях.....	200

Публикации молодых ученых

Абдуллаева А.Р. Социальная технология формирования и повышения компетенций глав муниципальных образований в области международного муниципального сотрудничества (ММС)	204
Анацкая В.Г., Мишина А.Ф. Иностранцы НКО на территории Армении и Грузии.....	212

Андрейченко А.А., Артеменко М.А., Перетокина А.С. Проблемы и перспективы современной внешней политики: Россия и страны бывшей Югославии	226
Андрейченко Н.Н. Актуальные проблемы международного сотрудничества в сфере высшего образования в трансграничном регионе Арктики	236
Андрейченко Н.Н. Роль сетевого формата сотрудничества между вузами в развитии трансграничного региона	244
Антонников Н.А. Цифровая трансформация в региональном управлении (на примере Новосибирской области).....	250
Белякова А.А. Миграционный отток молодёжи как фактор социально-экономического развития региона (на примере Тверской области)	260
Березина Д.С. Роль и участие Российской Федерации в регионах коллективной безопасности	272
Брем М.Е. Влияние российско-иранских отношений на безопасность в регионе....	278
Бунеев Т.П. Роль инновационно-образовательного кластера в создании цифрового двойника региона (на примере Томской области)	288
Бутвило А.С., Бученкова Т.А. Деятельность международных компаний по борьбе с бедностью в глобальном масштабе	302
Громов А.С. Территориальный спор в районе Ферганской долины как угроза безопасности в Среднеазиатском регионе	314
Домовова Ю.А. Негативные последствия для государств-реципиентов, сопутствующие нелегальной китайской миграции.....	322
Задорожный А.Д. Перспективы развития сельскохозяйственного сотрудничества между Россией и Германией в период кризисных явлений начала 2022 года	332
Зарубин И.А. Албанский вопрос в Северной Македонии: эволюция и перспективы развития	342
Золотов Е.М. Влияние экономических санкций на цифровизацию в регионах России	354
Князева С.Д. Правовое положение соотечественников в странах ближнего зарубежья	362
Крохина Д.А. Сетевые аспекты формирования международного сотрудничества «умных городов»	366
Кудяшев Е.Д., Любимова А.Д., Стаканов И.С. Государственный нейтралитет как перформатив в политико-географическом измерении	372
Кулиева Н. С. Гуманитарная политика Турции в условиях трансформации международной системы	380

Кучина Е.Н. Маркетинг территорий Дальневосточного федерального округа.....	386
Литовских К.Е. Реализация проектного подхода ГК «Росатом» как инструмент развития территорий (на примере Свердловской области)	394
Минкова С.С. Влияние феминистической повестки на маркетинговые успехи компаний: сравнение России и Германии	406
Молодцова Ю.Н. Правовые механизмы международного гуманитарного сотрудничества в субъектах Российской Федерации (на примере Астраханской области).....	414
Мороз Е.Н. Экономические показатели укрепления интеграционных связей в формате ЕАЭС.....	424
Наумов В.В. Москва как центр концентрации прямых иностранных инвестиций	436
Никифороенко Е.В. Деятельность международных НПО в регионах России	442
Островский С.С. Ограниченный суверенитет государств XXI века как историческая закономерность	450
Петрова Е.Н. Regulierung der gesellschaftliche Verantwortung von Unternehmen (Corporate Social Responsibility, CSR) in Deutschland und Russland	456
Пильщиков А.К. Зарубежный опыт организации вовлечения гражданского общества в процесс управления городом: перспективы внедрения	464
Пискунов Д.А. Вызовы информационной безопасности России в контексте конфликта на Украине	474
Пономарева Д.С. Реализация инноваций в социальной сфере городов (на примере здравоохранения Москвы)	480
Проценко Т.Д. Современные проблемы и перспективы сотрудничества России и стран ЕАЭС в области развития цифровых технологий	500
Прямичкин В.А. Капитальный ремонт, реконструкция и реставрация как инструменты повышения туристической привлекательности городов.....	510
Стрельникова Е.Д. Положение научно-образовательного комплекса Томской области в условиях экономических санкций.....	518
Сухаг В. Оценка перспектив сотрудничества Индии и России: сценарный подход	524
Тимофеев В.В. Миротворческие операции и прогнозирование экономических процессов	534
Тормозова А.С. Актуальные вопросы развития городов и регионов России в условиях	

экономических санкций. Воздействие экономических санкций на деятельность Москвы в рамках достижения ЦУР	542
Тюлякова С.А. Правовые подходы к понятиям дружественности и добрососедства в международном и национальном аспектах	552
Успенских Т.А., Семенова А.А. Политико-правовые аспекты «хумусных войн»: хумус между нациями и цивилизациями	560
Филиппова А.Б. Арктическая зона РФ: приоритеты и перспективы стратегического планирования	574
Шевелёва Ю.Р. Российское приграничное сотрудничество: ракурс национальной безопасности	588
Яндуткина А.И. Приграничное сотрудничество сопредельных регионов в действии (на примере г. Санкт-Петербурга)	602

Россия и мир – 2022: открытый научный диалог

Предисловие научного редактора

Международная научно-практическая конференции «Россия и мир: диалоги» шестой год подряд становится открытой диалоговой площадкой для экспертов, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся отношениями России и зарубежных стран. Идея конференции родилась в 2017 году на кафедре зарубежного регионоведения и международного сотрудничества ИГСУ РАНХиГС и за годы своего проведения приобрела значительные масштабы. С 2021 года со-организатором конференции стал Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК), что позволило нам усилить научную и международную составляющую конференции. В частности, нашим научным партнёром стал Институт Востоковедения РАН, а информационными партнерами – такие научные журналы, как «Международная жизнь», «Россия и мир: научный диалог», «Россия: общество политика, история», «Обозреватель-Observer».

В работе VI Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги» приняли участие ведущие ученые из двенадцати университетов и научных центров России, а также из Беларуси, Германии, Индии, Казахстана, Кыргызстана, Луганской Народной Республики, Таджикистана, Узбекистана, Франции, Эквадора, Эстонии, Южной Осетии и др. Эксперты в области международных отношений, регионалистики и глобалистики собрались на конференции, чтобы обсудить факторы, модели и перспективы развития мировой ситуации, предложить пути выхода из кризиса, проанализировать новые векторы и модели международного сотрудничества России.

С приветственными словами к участникам конференции обратились заместитель начальника Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами Антон Рыбаков, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций (НИИРК) Владислав Гасумянов, проректор РАНХиГС Андрей Марголин, Министр иностранных дел ЛНР Владислав Дейнего, научный руководитель Института востоковедения РАН, главный редактор журнала «Россия и мир: научный диалог», академик Виталий Наумкин, Председатель Совета Ассоциации российских дипломатов Игорь Халевинский, Главный редактор журнала «Международная жизнь» Армен Оганесян, и.о. директора ИГСУ РАНХиГС Руслан Корчагин и руководитель оргкомитета конференции, зам. директора НИИРК, зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества ИГСУ РАНХиГС Валентина Комлева.

За два дня работы на конференции выступили более 100 экспертов, ученых, преподавателей и более 50 молодых исследователей. Были успешно проведены:

- секция «Время перемен: как будет выглядеть новый миропорядок?», организованная Институтом финансов и устойчивого развития РАНХиГС. С докладами выступили проектор РАНХиГС Андрей Марголин, ректор Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан Ерлан Абила, ректор Академии государственного управления при Президенте Кыргызской республики Алмазбек Акматалиев, ректор Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан Абдухалил Гафурзод;
- секция «Стратегии международного сотрудничества России и зарубежных стран в изменяющемся мире», организованная НИИРК совместно с кафедрой зарубежного регионоведения ИГСУ РАНХиГС, с участием ученых Института стран Азии и Африки МГУ, Института востоковедения РАН, Института стран СНГ и др.;
- секция «Гуманитарные аспекты дипломатии» с участием ИМЭМО РАН, МГИМО(У) МИД России, НИУ ВШЭ, РГУ им. А.Н. Косыгина, организации «Врачи без границ»;
- секция «Глобальная и региональная безопасность в условиях трансформации современного мирового порядка», организованная кафедрой международного сотрудничества Факультета маркетинга и международного сотрудничества Института управления и регионального развития РАНХиГС;
- секция «Политико-географический взгляд на современную карту мира», организованная кафедрой зарубежного регионоведения ИГСУ РАНХиГС с участием представителей МГИМО, Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН, Сингапурской академии корпоративного менеджмента;
- секция «Афганский узел в системе регионального диалога», организованная Центром современных исследований Афганистана с участием ведущих ученых – афганистов из Института востоковедения РАН, МГИМО, Национальной академии наук Таджикистана, Казахстанского института азиатских исследований;
- секция «Актуальные вопросы развития городов и регионов России в условиях экономических санкций», организованная кафедрой регионального управления ИГСУ РАНХиГС, привлекала интерес не только научного сообщества Томского государственного университета, но и практиков из компаний ООО «Газпром МРГ», ГАУ «МосжилНИИпроект»;
- секция «Россия и Германия: многоаспектность двусторонних отношений», организованная коллегами с кафедры языковой подготовки ИГСУ РАНХиГС, прошла в формате заинтересованного диалога с участием ВШЭ и специалистов по российско-германским отношениям;
- секция «Логистика международного товародвижения в условиях изменения конъюнктуры рынка», организованная нашим новым партнёром – крупнейшим автомобильно-дорожным вузом России – Московским автомобильно-дорожным государственным техническим университетом (МАДИ).

Впервые на нашей конференции работали секции, организаторами и модераторами которых стали стажеры и члены Клуба молодых исследователей НИИРК. Молодые исследователи представили не только свои научные разработки, но и организовали на своих секциях научные дискуссии с приглашением ведущих российских экспертов. Так, в работе секции «Международное сотрудничество регионов России: актуальное состояние и перспективы развития» приняли участие специалисты лаборатории проблем пространственного развития Института проблем рынка РАН, Фонда Росконгресс, РЭУ им. Г. В. Плеханова, эксперты и молодые ученые из регионов России (Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Республики Бурятия, Республики Крым). На секции «Диалог цивилизаций: проблема субъектности и реализации» выступили не только российские аспиранты и студенты, но и коллеги из Франции и Эквадора. На молодежной секции «Концепт дружественности и добрососедства в контексте внешней политики Российской Федерации» выступили ИМПП МГЛУ, ИГСУ РАНХиГС, РУТ и МГИМО. Студенческая дискуссия «Внешнеполитические отношения России» была организована нашими стажерами – студентами кафедры истории и теории международных отношений РУДН с участием молодежи из стран Центральной Азии и регионов России.

Сборник материалов конференции, который мы предлагаем вашему вниманию, состоит из двух частей. Первая часть содержит выступления ведущих экспертов и ученых, а во второй части представлены материалы выступлений молодых исследователей.

Уважаемые читатели, надеюсь, вы с интересом познакомитесь с результатами наших дискуссий, мнением российских и зарубежных коллег, представленных на страницах сборника, а в дальнейшем присоединитесь к нашему сообществу Конференции «Россия и мир: диалоги».

С уважением,
Валентина Комлева,
научный редактор,
руководитель оргкомитета конференции,
д.с.н., профессор.

Приветственное слово

Гасумянова Владислава Ивановича,
директора Национального исследовательского
института развития коммуникаций, доктора
экономических наук

Уважаемые участники конференции!

Позвольте поблагодарить вас за то, что проявили интерес к нашей конференции и нашли возможность принять участие. В этом году значение конференции особенное. Она приходит в условиях мирового беспорядка, кризиса, очевидной трансформации мировой политической архитектуры, в условиях недееспособности международных институтов разрешить назревшие противоречия и в условиях необходимости создания ядра ответственных акторов – ядра сверхдержав, имеющих потенциал и желающих изменить ситуацию и сохранить мир.

Радикально изменились система международных отношений, трансформируются традиционные представления о базовых принципах ее организации. Системный кризис усилил непредсказуемость международных процессов, усугубил глобальные проблемы. Безответственные, эмоциональные, не просчитанные и не продуманные решения в отношении России, спровоцировали кризис в самих странах «коллективного запада» имеют вторичные следствия для других стран, усиливая их отставание и бедность. Ускорение инфляции повысило риск глобальной рецессии. Всемирный банк предупреждает о глобальном кризисе продовольствия, о снижении ВВП. Все это происходит на фоне колоссального недоверия международных игроков друг к другу. Ни одна из существующих моделей международных договоренностей не способна предложить путь преодоления глобального кризиса. Не способны взять на себя эту роль и международные институты.

ООН, имея систему дополнительных институций, уже не является гарантом мира и стабильности. Лимит доверия этой организации исчерпан. Эта диалоговая площадка политизирована и ангажирована. В мире более 50 затяжных конфликтов, приносящих жертвы. Некоторые из них длятся десятилетиями. Принципы ООН применяются выборочно в зависимости от политической целесообразности. Параллельно формируются региональные форматы для достижения международных договоренностей.

Международный военно-политический блок НАТО не способен стать гарантом безопасности. Его декларации разнятся с реальностью. НАТО показал свою неспособность решить вопрос с террористами после 11 сентября 2001 г. Он оказался не способен помочь союзникам в Европе (взрывы поездов в Испании). НАТО, по сути, раскололся в связи с военной операцией в Ираке. Он не выдержал Афганистан. Глобальный индекс терроризма показывает, что Ирак и Афганистан на протяжении последних 10 лет находятся в первой пятёрке индекса по террористической активности. НАТО не смог обеспечить и защитить союзников в зоне своей ответственности.

Наступило время создания новых международных институтов на принципах рационального мышления. Эти институты должны взять на себя координацию взаимодействий между странами сверхдержавами, а затем и другими странами.

Отсутствует дееспособное ядро, вокруг которого мог бы начаться процесс международной консолидации. «Пятерка» постоянных членов Совета Безопасности ООН показала неспособность урегулировать ситуацию. Глобальная «восьмерка» не смогла справиться с кризисом.

Но ни одно из государств не способно в одиночку гарантировать не только международную, но и собственную безопасность. Диалог становится единственным инструментом выхода из ситуации. Нужен диалог и перезагрузка отношений стран, которые меняют миропорядок, которые устанавливают его новые конструкции и правила, и имеют ресурсы для мирового влияния.

События последних лет показывают – это Россия, США, Китай, при определённых условиях – Индия и арабские страны.

Невозможно не считаться с Россией – сверхдержавой, с ее территориальным, ресурсным, духовным, интеллектуальным потенциалом и военно-технической мощью. Нельзя не считаться с США, с их технологическим потенциалом. Невозможно не учитывать Китай – с его человеческим потенциалом и интенсивно развивающейся экономикой.

Эти страны несут ответственность за дальнейшее развитие мира, они определяют судьбу мира. Им придется договариваться и оценивать варианты развития мировой политической архитектуры и предлагать миру наиболее приемлемые варианты. Каковы будут эти форматы? В экспертной среде налицо дефицит новых идей и предложений.

Мы организовали эту конференцию и пригласили как известных экспертов, так и начинающих ученых и аналитиков в надежде, что нам удастся осмыслить новую международную реальность, обсудить варианты видения будущего миропорядка, стратегий и тактики международного сотрудничества России.

Желаю участникам конференции продуктивной работы.

Приветственное слово

Марголина Андрея Марковича,
директора Института финансов и устойчивого
развития РАНХиГС, доктора экономических наук

Уважаемые участники конференции !

Рад приветствовать всех вас в стенах нашей Академии. Данная конференция является ежегодной, но в этом году она вышла на новый уровень, потому что организована в партнёрстве с Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций. Кроме того, конференция проходит в сложный период трансформации мирового порядка. Это важно как для нас, Академии, так и для экспертов, принимающих участие в работе конференции.

В современных условиях, когда мы каждый день сталкиваемся с новыми вызовами, не встречавшимися ранее, особенно важна подготовка специалистов, понимающих международные процессы, подготовка управленческих кадров, профессионально разбирающихся в проблематике мирового порядка, устойчивого развития, способных комплексно решать политические, экономические, социальные проблемы. Заинтересованность студентов и содействие академического, экспертного сообществ являются взаимодополняющими элементами для успешного достижения этой цели. На конференции будут рассмотрены актуальные вопросы отношений России и зарубежных стран. Но даже в рамках такого большого мероприятия невозможно полностью исчерпать темы для обсуждения. Думаю, данная конференция станет катализатором для дальнейшего, более углубленного, обсуждения темы диалога России и мира.

Очевидно, что сегодня мы испытываем серьёзные кадровые проблемы во многих областях, поэтому наши силы со стороны образовательных организаций, с одной стороны, и экспертного сообщества, с другой стороны, консолидируются ради подготовки специалистов нового типа, нового поколения.

Важно, что проблемы, рассматриваемые в ходе конференции, вызывают серьёзный интерес многолетних партнёров Академии, что нашло свое отражение в участии ректоров Академий государственного управления при президентах Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана. Эти образовательные организации, также как и РАНХиГС, являются системообразующими в области подготовки профессионалов для сферы государственного управления. В этой связи участие в международных конференциях даёт уникальные возможности обмена лучшими практиками управленческой деятельности и представляет несомненный взаимный интерес.

Широкая тематика секций сосредоточена вокруг диалогов стран ради мира, устойчивого развития стран и повышения качества жизни граждан. Думаю, что каждый участник конференции внесёт достойный вклад в развитие нашего общества и будущего мироустройства.

Надеюсь, в течение двух дней состоится продуктивный диалог участников конференции и будут выработаны практические рекомендации по результатам работы секций.

Приветственное слово

Наумкина Виталия Вячеславовича,
академика РАН, научного руководителя Института
востоковедения РАН, доктора исторических наук

Уважаемые коллеги!

Для нас большая честь стать научным партнером конференции и общаться с вами. Мы принимаем участие солидным составом коллег из Института востоковедения РАН и отмечу, что редко вижу такие комплексные конференции. Наша конференция строится вокруг одной большой, важной для России и мира темы – темы диалога. Полагаю, начавшийся процесс имеет большие перспективы.

Мне бы хотелось, чтобы на этой конференции сочетались теоретические и прикладные вопросы. Теория сегодня очень важна. Не напрасно все выступающие говорят о будущем переустройстве мира, начавшемся уже, а также о трансформации системы международных отношений и мироустройства. Сегодня появляется множество различных концепций и у нас, и у наших зарубежных партнёров, и у дружелюбно настроенных к нам учёных, политологов, международников. Я могу упомянуть развивающуюся сегодня в Китае и Индии теорию «государства-цивилизации». Эта любопытная концепция объединяет Китай, Индию и Россию, что противопоставляет её традиционным национальным государствам, которые вроде бы «господствуют» в мире, о которых принято говорить на Западе. Здесь есть о чём поговорить, потому что наш цивилизационизм, наше наследие (духовное, экономическое и др.) сегодня составляет собой основу. В связи с этим возникают многие философские, судьбоносные вопросы, которых так или иначе приходится касаться, в частности, где сегодня Россия? Не так давно была конференция в Санкт-Петербурге на базе Эрмитажа под названием «А является ли Россия частью Европы?», где я принимал участие. Были очень интересные выступления. Большинство экспертов высокого уровня сходятся на том, что мы в конечном итоге являемся Европой, поэтому нам не следует отдавать Европу тем, чьим поведением мы огорчены.

Традиционно у нас две руки: одна протянута на Запад. У нас есть Пётр Великий, чей юбилей (350 лет) мы будем вскоре отмечать. С другой стороны, у нас есть Александр Невский, который боролся с рыцарями, которые были интегрированными в наше общество восточными пришельцами. Они обозначили нам другую ориентацию. Две эти ориентации развивались параллельно и привели к синтезу, который составляет суть нашей цивилизации.

Поскольку на нашей конференции речь идёт о диалоге, и здесь вырабатывается практика диалога, я думаю «культура диалога» – это очень важная цель, которую надо развивать. Есть важный философский вопрос, связанный с проблемами коммуникации, диалога, сотрудничества. Сегодня мы сталкиваемся с «Великим коммуникационным разломом», который будет трудно преодолевать. Рядом с ним ещё множество «трещин», которые показывают, что многое в этом сотрудничестве «трещит по швам». Как нам это преодолевать и как нам развивать диалог – большой

вопрос. Если говорить о публичной дипломатии, то наше умение посредничать и сводить «несводимое» – это великое искусство, которым всегда обладала Россия. И в реализации которого нам сегодня пытаются помешать. Я согласен, что образ будущего очень важен, но я призываю не забывать о микросфере, потому что большое складывается из малого, как мозаика. Надеюсь, сегодняшние выступления добавят новизны к нашему знанию, переживающему трансформацию.

В заключение хочу пожелать всем участникам большого успеха и новых идей. Спасибо за приглашение.

Приветственное слово

Оганесяна Армена Гарниковича,
главного редактора журнала «Международная жизнь»

Для меня большая честь присутствовать здесь. Я не профессиональный экономист. А ведь эти стены связаны с решением проблем народного хозяйства и нашего развития в будущем. Это навеяло мне студенческие воспоминания: я учился на факультете журналистики МГУ на Моховой, а экономический факультет находился в так называемой «стекляшке» – здании гуманитарных факультетов на Воробьевых горах. У меня и у моих однокашников было представление, что экономика – наука точная, и нам было непонятно, что делают будущие экономисты в этом здании?

Однако, финансово-экономический кризис 2008 года взорвал устоявшуюся парадигму «точных» экономических теорий. Выяснилось вдруг, что в экономике человеческий фактор становится важнейшим и трудно поддающимся прогнозному моделированию. Другой известный постулат: политика – концентрированное выражение экономики, тоже не работает. Сегодня политика по-волюнтаристски управляет экономикой. К чему я веду? Я не против теорий, однако, очень важно позиционирование России в реальном мире, который диктует выход на новую экономическую политику. Не думайте, что я призываю копировать то, что Григорий Сокольников, автор НЭПа, когда-то осуществил в России по личному поручению В. Ленина. Тем не менее, я хочу предложить вашему вниманию некоторые цифры. К 1920 г. Россия лежала в руинах и производила 13% от общего производства довоенного времени. Представьте себе! В результате политики НЭПа к 1925 г. эта цифра достигла 75% от дореволюционного крупного валового производства, а к 1926 г. Россия уже обогнала довоенный уровень на 8%. И это в условиях жесткой политической и экономической изоляции. Интересующимся предлагаю ознакомиться с недавно изданной книгой И. Прокопенко: «Григорий Сокольников: невыученные уроки НЭПа».

Вот и нам с вами сегодня нужна «новая экономическая политика». Некоторые боятся слова «мобилизационная экономика». Ну не называйте так, если вас это пугает, пусть она будет смешанной, да какой угодно, лишь бы она была эффективной, адекватной тем вызовам, которым мы сейчас противостояим.

У нас, конечно, дефицит с кадрами практически во всех важных сферах государственной жизни. Надеюсь, эти стены «куют» те кадры, которые будут брать на себя ответственность. Время поколения экономистов, уповающих на лабораторные разработки, прошло. Нам необходима новая экономическая политика, а для ее осуществления нужны такие люди, как Григорий Сокольников и его помощники, которые, несмотря на бешеное сопротивление политиков военного коммунизма, взяли на себя смелость и ответственность и провели экономическую реформу. Ждём таких людей!

Друзья, меня всегда настораживал тезис «заграница нам поможет». Мы жили с этим очень долго как в советский, так и в постсоветский период. У нас был тренд, гласивший: западные государства – лидеры мировых технологий, что почти

автоматически возводило их в ранг наших главных помощников. Тягаться с ними за топовые строчки рейтинга в системе международного распределения труда, да еще в глобализирующемся мире считалось бессмысленным. Теперь мы говорим: Азия наше всё. Китай, Индия...

Конечно, я не за «изоляционизм», как раз наоборот. Пользуясь разными азимутами во внешней политике и внешней экономике, мы должны укреплять собственные стопы, на которых мы стоим. Мы не должны из одной зависимости, которую мы уже почувствовали, впадать в другую крайность, думая теперь, что Китай и Индия – наше «всё». Во-первых, мы ещё в полной мере не знаем, как они будут себя вести. Это только предстоит нам увидеть. В любом случае, работать надо со всеми, преследуя главную цель – самостоятельность и самоустойчивость России.

Напоследок хочу сказать, что существует ещё один постулат: «политика – искусство возможного». Приходят такие времена и эпохи, когда народ, люди, и сама история ожидают от политики сверхвозможного и даже невозможного. К этому историческому рубежу мы подошли.

Приветственное слово

Халевинского Игоря Васильевича,
Председателя Совета Ассоциации российских
дипломатов

Я сердечно приветствую организаторов и участников конференции. Изучив повестку конференции, хотел особо отметить тот пласт интереснейших тем, созвучных с требованиями и вызовами современной эпохи, обозначенными многими коллегами.

Действительно, изменения, трансформация формата международного сотрудничества России и других стран порождают вопрос: как относиться к странам, которые не только не слушают нас, но и не слышат. Российской стороной неоднократно давались комментарии об отсутствии проблем с организацией гуманитарных коридоров в Мариуполе, тем не менее Генеральный секретарь нанес визит с целью согласовывать с нами открытие этих коридоров. Почему международное сообщество до сих пор руководствуется в отношении геббельсовским принципом «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой»? Подобное поведение появляется все чаще и требует реакции – но какой: игнорирования или же наоборот более жесткого ответа на провокации, это является предметом для дискуссии. Анализируя западную прессу, соцсети можно налицо констатировать демонизацию образа России, его искажение, при этом российские СМИ и источники информации – заблокированы, следовательно, откуда Россия может нести свой взгляд, видение на ситуацию, разоблачать фейки, говорить правду? Как по сценарию, с началом специальной военной операции запрещаются властями Германии деятельность Sputnik и RT в целях блокировки информации со стороны РФ, затем следующим же этапом происходят инсценировки в Буче, Краматорске и др. С одной стороны, эти ложные сообщения постепенно развенчиваются, но в то же время это уже произвело колоссальный шок, и, по моему мнению, представители стран ЕС и НАТО смотрят действительно с ненавистью и глубокой неприязнью, видя в глазах перед собой эти эпизоды.

Несмотря на это, все равно работа на дипломатическом фронте должна быть продолжена, уже затрагивалась фрагментация, географические изменения, формирование групп государств с собственной системой взаимоотношений и центрами. Конечно, в этой ситуации, когда межгосударственные, дипломатические отношения зашли в полный тупик, когда 5-6 лет назад эта тема возникла, я считал это некоторым алармизмом, однако сейчас действительно возник реальный физический тупик во взаимоотношениях России и Европы, США на уровне официальной дипломатии, что требует определенных шагов от общественной, народной дипломатии, которая выдвигается на важные позиции. По моему убеждению, в условиях реальной, физической блокады посольств и дипломатических представительств, необходимо вновь активизировать институт почетных консулов. Этот институт начал возрождение в начале 1990-х годов, еще во времена СССР, сейчас в РФ уже более 200 человек входят в эту группу лиц, которым, безусловно, сложно

работать в текущих реалиях, однако это все же не бюрократическая структура, что дает и почву для развития и высокую адаптивность данного института. Огромное значение имеют и иные виды дипломатии: гуманитарная, экспертная, научная. Стоит вопрос и связей субъектов РФ в рамках трансграничного и международного сотрудничества, консультации по вопросам международного положения. Субъекты РФ даже в нынешних условиях развивают свои отношения, что может привести к определенным сдвигам, особенно учитывая сдвиг в сторону регионального сотрудничества групп стран.

Желаю больших успехов конференции, особенно рад отметить участие молодежи и их интерес к данной повестке. Имея многолетний опыт работы с молодыми международниками, в т.ч. в рамках конкурса молодых международников СНГ им. А.А. Громько, хочу отметить, что работы молодых исследователей всегда отличались, с одной стороны, определенной дерзновенностью, остротой, свежестью и оригинальностью подходов. На мой взгляд, обмен мнениями и экспертов, и молодых ученых в рамках данной конференции и совместная работа дадут качественный синергетический эффект и результат, который будет полезным и приведет к определенным позитивным подвижкам и выработке новых подходов к актуальной тематике.

Приветственное слово

Корчагина Руслана Николаевича,
и.о. директора Института государственной службы
и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Уважаемые коллеги!

Безусловно, шестая конференция «Россия и мир: диалоги» приобретает новое звучание на фоне геополитического контекста, консолидирует усилия для системного обсуждения тех проблем, которые стоят перед нашей страной.

Спасибо большое партнерам, которые организовали конференцию, коллегам из Администрации Президента, которые расставили некоторые опорные точки или даже многоточия для наших рассуждений.

Долгое время мы [Россия] пытались встроиться в формируемую под эгидой Запада систему, принять ее практики. Однако эта система себя дискредитировала. Помнится, в 2015 году на базе ИГСУ заседал международный круглый стол, на котором присутствовали французские коллеги по линии ОЭСР. Все они говорили «Мы не НАТО». Сегодня же стало ясно, что на всех уровнях западный мир аффилирован с НАТО, здравый смысл партнёров ушёл на второй план.

В контексте обсуждения мне видится важным вопрос субъектности. До определенного момента времени было ощущение, что Россию рассматривают больше как объект управления. Акторами управления стремились стать не только страны, но и технологические платформы. Отрадно, что сегодня мы взяли курс на выражение нашей внешнеполитической субъектности. Дальнейшее усиление позиций России как субъекта мировой системы является значимым, на мой взгляд, предметом для подобных сегодняшней экспертных дискуссий.

Ценностью нашего сегодняшнего обсуждения также может стать выработка конкретных инструментов сохранения дипломатии. В первую очередь, образовательной дипломатии. Многие студенты Академии сегодня находятся за пределами Российской Федерации, и мы видим, что на уровне наших вузов-партнеров остаются возможности для сотрудничества. Более того, сегодняшняя ситуация, наоборот, привлекает западных студентов приехать в Россию. Они хотят понять, что происходит, узнав позицию Российской Федерации изнутри. Конечно, некоторые ограничения образовательных контактов вызваны сокращением визовой поддержки со стороны недружественных России стран. Однако вопросы сохранения и развития образовательной дипломатии остаются для нас ключевыми.

На мой взгляд, накопился большой объём вопросов, стоящих перед экспертным сообществом. Я надеюсь, что консолидация усилий экспертов в рамках мероприятия будет полезна и даст конкретные ответы на вопросы: Как самоопределилась Российской Федерации и стать субъектом? Как выработать национальную систему государственного управления, всесторонне вписывающую внешнеполитические приоритеты? Что нужно сделать для того, чтобы сохранить и развить образовательную дипломатию?

Большая просьба к участникам конференции попытаться сформировать архитектуру новой системы, выработать механизмы, которые можно будет использовать в образовательных процессах.

Спасибо вам большое!

ЭКСПЕРТНЫЕ ДИСКУССИИ

Роль цифровизации экономических процессов в укреплении национальной безопасности государства

Авдеева Т.В.

АННОТАЦИЯ

В современных условиях развития информационного общества большое значение имеет национальная безопасность, в процессе формирования которой, могут стоять проблемы экономической и информационной безопасности и их решений, начиная от технических и заканчивая законодательными. В статье, отмечается отсутствие определенных стандартов и норм ответственности для пользователей международных интернет-площадок и необходимость формирования программ и технологий для защиты компаний и государств от угроз продиктовано временем.

RESUME

In the modern conditions of the development of the information society, national security is of great importance, in the process of formation of which there may be problems of economic and information security and their solutions, ranging from technical to legislative. The article notes the lack of certain standards and norms of responsibility for users of international Internet sites and the need to develop programs and technologies to protect companies and states from threats is dictated by time

Ключевые слова: информационная безопасность, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), международная информационная безопасность, международные интернет-площадки, стратегия кибербезопасности, доктрина, облачные технологии, умный дом/умный город, интернет вещей, дроны, блокчейн, криптовалюта, суверенный интернет

Keywords: information security, information and communication technologies (ICT), international information security, international Internet platforms, cybersecurity strategy, doctrine, cloud technologies, smart home/smart city, internet of things, drones, blockchain, cryptocurrency, sovereign internet

Авдеева Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и страхование» Факультета «Маркетинга и международного сотрудничества» Института управления и регионального развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация, avdeeva-tv@ranepa.ru

Tatyana V. Avdeeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Insurance Faculty of Marketing and International Cooperation Institute of Management and Regional Development Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, avdeeva-tv@ranepa.ru

Современная информационная отрасль экономики определяется как наиболее растущая, постоянно требующая инновационных взглядов, трансформации отношения к ней и к её содержанию. Все сферы деятельности человека охвачены информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), как наиболее эффективный инструмент информационной поддержки, определяющий механизм взаимоотношения экономических процессов и жизнедеятельности человека. Первый этап по формированию зрелой информационной инфраструктуры подходит

к своему завершению. Подтверждение тому интенсивное использование сетевых компьютерных технологий населением практически везде: в быту, образовании, здравоохранении, бизнесе, государственных структурах.

Современная международная ситуация, развитие международных экономических взаимоотношений, обмен информацией в процессе торговых контактов, появление инновационных инструментов для обмена информацией и возникновение новых угроз, которые обозначены шквалом фейков, кибератак, породили новые требования к обеспечению национальной безопасности государства. Межстрановая безопасность, как характеристика современной межгосударственной политики представляет собой защиту государством собственных территориальных границ, обеспечение личной безопасности и безопасности государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера. Национальная безопасность как составная часть международной безопасности является стратегией, направленной на обеспечение жизненно важных интересов граждан государства.

«Национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, который позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие РФ, обороны и безопасности государства», – говорится в статье 6 «Стратегии Национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537. (Указ Президента РФ №640, 2016).

Современное отношение к национальной безопасности должно формироваться из стабильности, постоянного мониторинга трансформации общества под изменившиеся условия, использовать системный характер и последовательность в развитии идеологического мировоззрения поколений, удерживать позиции разумной защищенности, продуманного хозяйствования, расчетливого использования имеющихся ресурсов. Для каждой сферы хозяйствования соответствуют свои определенные механизмы, инструменты, формы и методы обеспечения безопасности.

Современные взаимоотношения с мировым сообществом осложняются применением более «жестких технологий», формирование лжеинформации, её моментальным распространением и огромным охватом аудитории. Образовались новые лагеря государств, которые стремятся к самоутверждению любой ценой, производя опасности не только своим народам, но и другим соседним государствам.

На современную национальную безопасность влияет процесс цифровизации:

- инновационные средства ведения войны несущие новые вызовы в виде сложных опасностей, исходящих от внешних киберугроз, функционирование социальных сетей, распространения цифрового пространства во все отрасли жизнедеятельности общества, которые могут влиять на общество, как с положительной, так и отрицательной стороны, и внедрение искусственного интеллекта в современную жизнь;
- национальная безопасность, включая безопасность государства общества, личности. Проблематика национальной безопасности с самого начала воспринималась, как конкретно политико-экономической и прикладной,

причём с явным акцентом на экономические аспекты в связи с обострением проблем безопасности в современной реальности. В современных реалиях следует уточнить пространство этой проблематики, общие проблемы национальной экономической безопасности, её определённости и вообще существование экономической системы в создавшихся условиях.

В состоянии турбулентности в современных условиях неопределённости и безграничности влияния ИКТ, при определенных неправомерных действиях может оказаться не только одна отрасль, государство, но вся мировая экономическая система.

Над Россией вновь сгущаются тучи и теперь уже имея опыт можно прогнозировать появление силы и угрозы с большим разрушительным потенциалом, и вновь они исходят из-за океана. Угроза вытекает из менталитета американской элиты, которая жаждет мирового господства. Под нажимом и постоянным влиянием появились новые кланы европейских элит, которые стремятся наперегонки поучаствовать в переделе миропорядка, боясь оказаться в хвосте и не успеть «оттяпать лакомый кусок», не важно какой и чьей территории. «Мечты» запада о расколе России, их мнения якобы разделении нашего общества по отношению к проведению Россией специальной военной операции, потерпели крах. Это и есть первая победа России, за последние годы.

События последних лет показали, что идеологией мирового экономического доминирования поражена почти вся политическая элита, только долгое время не распознавались признаки этого заразного процесса. Угроза от новых сформировавшихся кланов, исходит в направлениях: информационных, экономических, финансовых и т.д.

Существует теория, что одной из причин разрушения Римской империи стали прекращённые поставки папирусов из Египта, стало невозможным передавать донесения, снизилась скорость коммуникации между Римом и провинциями, штабом и регионами. Это означает роль связи в существовании государства, и значимость информационной безопасности в системе национальной безопасности.

Под системой обеспечения национальной безопасности понимается совокупность органов сил, средств, инструментов и разработанных механизмов системы взаимодействия органов, причастных к этому направлению. Система обеспечения национальной безопасности является многоуровневой, предполагающей взаимодействие государственных органов общественных институтов, бизнеса и граждан с целью сохранения суверенитета страны, во избежание посягательства на национальные интересы, подразумевая разработку национальных программ и стратегий.

В рамках Национальной программы реализуется система внутренней безопасности страны, формируется взаимодействие между регионами, устраняется информационная асимметрия между центром и экономическими субъектами государства, расширяются рамки международных отношений, особенно основанных на территориальной близости. Взаимодействие между регионами призвано устранить наличие информационной асимметрии, для равномерного эффективного аккумулирования средства государства и решения вопросов общегосударственного

характера, а именно устранение цифрового неравенства. Последние десять лет в России цифровому неравенству было посвящено несколько федеральных программ, которые успешно реализуются.

Цифровизация промышленных отраслей и сферы услуг, изменение структуры потребления, внедрение информационных технологий и реализация цифровой трансформации экономических процессов, повлечет за собой появление новых рынков и новых отраслей, даст определенный толчок для развития информационного общества, создаст платформу для дальнейшего технологического прорыва.

В России есть необходимость расширения имеющихся программ и стратегий, предлагается обратить внимание на:

- формирование экономики нового уклада, с использованием потенциала российских компаний с привлечением научно-исследовательских лабораторий и центров;
- разработку направлений подготовки необходимых специалистов для отрасли ИКТ и цифровизации экономики, в высших учебных заведениях страны;
- определение высших учебных заведений страны центрами для аккумуляции и распространения знаний, практического опыта и формирование идеологии информационного общества;
- стимулирование организации обмена опытом и знаниями на ведущих площадках страны. – организацию постоянного мониторинга разработок ведущих мировых центров, в отрасли ИКТ и цифровой трансформации.

Предполагая одновременно и в равной степени защиты интересов государства, общества и личности информационная безопасность в системе национальной безопасности занимает одну из ведущих позиций. В России принимаются основополагающие документы и ведущими документами в Российской Федерации считаются программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая была принята в 2017 году и рассчитана данная программа на период до 2030 года и Доктрина информационной безопасности, ставшие краеугольным камнем в рамках современной системы защиты от информационных угроз. Доктрина дала определение понятия информационной сферы, которое должно применяться как новый взгляд на безопасность (Указ Президента РФ №646, 2016).

Под информационной сферой понимается совокупность информации объектов информационной инфраструктуры, сетей связи, интернета, технологий, участников цифровых отношений государственных органов и других организаций, которые участвуют в сфере разработок технологии защиты данных. Кроме того, к такой сфере относится система регулирования взаимоотношения между экономическими субъектами. В этой связи необходимо упомянуть и уровни цифровой экономики (Скобцова, 2021):

- рынки и отрасли экономики, где осуществляется взаимодействие конкретных экономических субъектов, поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг;
- платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики, сфер хозяйственной и экономической

деятельности, среда, которая создаёт условия для развития платформ и технологий, и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отрасли экономики и охватывает нормативно-правовое регулирование информационной инфраструктуры и кадрового менеджмента;

- кадровый менеджмент и информационная безопасность.

Обозначим основные технологии цифровой экономики упомянутые в национальной программе: большие данные нейротехнологии и искусственный интеллект системы распределённого реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии промышленный, интернет компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи технологии виртуальной и дополнительной реальности.

В этом перечне отсутствуют технологии, которые особенно необходимы нашей экономике сегодня: система принятия управленческих решений (ERP) (её разработка под изменившиеся условия и внедрение), геоинформационная система роботизация производства, облачные технологии, умный дом/умный город, интернет вещей, дроны, блокчейн, криптовалюта, цифровая гигиена, суверенный интернет. Необходимость перечисленных технологий трактуется временем и ситуацией формирования не только нового технологического и технического укладов, но и формирования мировоззренческого цифрового восприятия, реакции на инновации экономических процессов. Отношение современного менеджмента к цифровой трансформации в нашей стране, обозначено не адаптацией и нежеланием идти навстречу позывам инновационного развития.

Национальная программа развития экономики цифровизации и цифровой трансформации сформировала несколько направлений развития и поддержки наиболее благоприятных организационных, инфраструктурных характеристик российской цифровой правовой платформы для развития бизнеса в условиях нового экономического уклада, а также опережающего развития национальных институтов цифровой экономики.

Соблюдение национальных интересов страны должно быть создано в рамках реализации системы приоритетов ИКТ-технологий, основанных на отечественных разработках, с возможностью адаптации в российских отраслях. Наиважнейшим аспектом функционирования экономики цифровизации, в том числе и цифровой трансформации существующего промышленного кластера, является обеспечение информационной и экономической безопасности государства и бизнеса, защиты персональных данных граждан России в новом цифровом пространстве.

Программа развития отечественной цифровой экономики является социально ориентированной, морально-этически значимой и должна стремиться всячески содействовать созданию новых возможностей для улучшения жизни всех социальных групп населения страны.

Российская национальная программа развития цифровой экономики подразумевает формирование нового видения на реализацию имеющихся ресурсов и аккумулирования их с учетом мониторинга проблемных зон, которые обострились в период ужесточения санкционных мероприятий. Санкции февраля-апреля 2022 года дали понять несостоятельность мирового сообщества и не постоянство их решений

в угоду отдельным политическим лидерам, даже в ущерб собственным гражданам. Сегодня, некоторые направления стратегических программ, разработанных ранее, совершенно в других экономических условиях, требуется пересмотреть, а некоторые и совсем изменить. Мероприятия по импортозамещению могут сейчас поддержать экономику государства, а в частности сформировать новый пласт малого и среднего бизнеса.

Таким образом, наш опыт показывает, что вопросы национальной безопасности носят глобальный и системный характер, в свою очередь это обуславливает потребность в реализации разработанных национальных программ и формировании новых направлений взаимодействия государств в рамках межстрановой безопасности.

Список литературы

1. Скобцова А.С. Вопросы оценки экономической безопасности государства // Санкт-Петербургский научный вестник. 2021. № 1 (10). С. 10-16.
2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» <https://base.garant.ru/71296054/>.
3. Указ Президента РФ от 30.11.2016 N 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/.

Идеи не умирают

Архангельский А.

АННОТАЦИЯ

В изменяющемся мире, в котором находятся новые способы управления людьми, подрываются незыблемые ценности возможностью толкования исхода событий, основываясь на собственных интересах, становится важным вспомнить исторический опыт XX века. Снова в Европе сегодня слышится пропаганда исключительности отдельных народов, снова людей подтолкнули к братоубийственной войне. Автор в данном исследовании показывает инструмент Большой Европейской войны, приведший к мировому экономическому кризису, который мы можем наблюдать в настоящее время.

RESUME

In a changing world, in which there are new ways to manage people, unshakable values are undermined by the possibility of interpreting the outcome of events based on one's own interests, it becomes important to recall the historical experience of the 20th century. Again in Europe today one hears propaganda of the exclusiveness of individual peoples, again people have been pushed into a fratricidal war. The author in this study shows the instrument of the Great European War, which led to the global economic crisis that we can observe at the present time.

Ключевые слова: экономический кризис, нацизм, Великая депрессия, финансовые операции

Keywords: economic crisis, Nazism, Great Depression, financial transactions

Алексей Архангельский, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций, Москва, Россия, nicrus@nicrus.ru

Alexey Arkhangelsky, expert of the National communications development research institution, Moscow, Russia, nicrus@nicrus.ru

Не стоит придумывать новые инструменты, пока старые и проверенные эффективно работают. Взгляд на новую историю из новейшей.

Эпиграф

- Где ты, где ты, где ты? Тебя не найду
- Я собираю яблоки в своем саду
- А где твой сад, твой цветущий сад?
- Я порубил на дрова его много лет назад
- И где дрова? Чем ты был введом?
- Я сжег в печи их, согревая дом
- Но где твой дом? Его не вижу я
- Я дом оставил своим сыновьям
- И где же твои сыновья, твоя опора?
- Давно повзрослели все и уехали в город
- И где тот город в тысячу дворов?
- Город вырос за горой
- Но где гора? Горы стоят веками

- Была гора, ее разобрали на камни
- И где теперь эти камни, что из них сделали?
- Построили дворцы с высокими стенами
- Где же те дворцы, что стало с ними?
- Они давно заброшены, стоят пустыми
- Где же семьи те, что жили в них? Их нет уже
- Увяли жены, умерли, не дождались мужей
- А где мужья их, где их столько носил?
- С врагами воевать ушли давно все
- И где враги со своей грозной ратью
- Там, за рекой, где раньше жили наши братья
- И где теперь они? Что стало с братьями?
- Братья нам стали врагами заклятыми
- Но где причина, чтобы идти на погибель?
- Те, кто это помнят, давно в могилах
- Где их могилы? На надгробьях где их имена?
- Все разрушила война
- А где идет война и сколько лет?
- Война идет давно. На всей земле

Каста

Мы с вами живем в очень интересное время!

Такую фразу принято слышать каждому поколению живущих на планете людей. Меняются инструменты в человеческих руках, меняются государства и способы управления людьми, меняются народы и языки. Раз за разом, виток за витком, время по-прежнему возвращает человечество к истокам сложного пути борьбы за первенство и существование в нашем сложном мире. К войнам.

В этом материале, я хотел бы показать, как на заре двадцатого века рожденный Западом экономический кризис столкнул мир в горнило Мировой войны. Как скрупулёзно и системно был создан и финансово вскормлен нацизм в Германии. И какие выгоды Запад сумел из этого извлечь.

К двадцатому году двадцатого столетия население Соединенных Штатов Америки увеличилось почти до 123 миллионов человек. В основном, за счет переселенцев из Южной и Восточной Европы, в том числе – из Российской Империи. В отличие от первых поселенцев, вновь прибывавшую публику редко «тянуло к земле», – люди становились рабочими на фабриках и заводах, обеспечивая бум зарождающейся промышленной революции.

Люди стремились селиться в города, избегая сел и сельскохозяйственных регионов.

С появлением тракторов, все чаще заменяющих людей с лошадьми и мулами, укрупнилось производство сельскохозяйственной продукции за счет высвобождения земель под выпас крупного рогатого скота и выращивания еды на

прокорм крестьянских хозяйств. Количество произведенной сельскохозяйственной продукции существенно превышало внутренний спрос, что превращалось в излишки продукции с туманными возможностями для сбыта одной. Так зарождалась «сельскохозяйственная депрессия».

Тем временем, производительность труда на фабриках и заводах взметнулась вверх до небывалых высот в связи с изобретением господином Генри Фордом конвейера. И здесь речь идет не только о знаменитых Форд Модель Т, но и различных промышленных товарах бытового назначения. Успешность реализации стратегии массового производства напрямую связана с успешностью внедрения массового потребления как образа жизни. Так в Соединенных Штатах Америки появляется «потребительский кредит» – возможность приобретения товаров, в частности – автомобилей, в рассрочку.

Вслед за производительностью труда на фабриках, существенно увеличилась и оплата труда рабочих этих фабрик, живущих в городах. Уровень жизни рабочих превышал уровень жизни крестьян более чем втрое. В города хлынул поток внутренней и внешней миграции, цепляющийся за любую возможность заработать. Рабочие места зачастую были временными, вновь прибывающим в города рабочим приходилось, перебиваться случайными заработками, хоть и высокооплачиваемыми. Спрос на товары народного потребления, ярко определяющие «ревушие двадцатые», постепенно был удовлетворен. Излишки товара начали скапливаться на складах у производителей.

Обстановку довела до кипения, а потом и вовсе воспламенила биржевая торговля. Американские фондовые рынки наводнили как скудные денежные средства обычных граждан, так и накопленные сверхприбыли крупных промышленных гигантов того времени. Акции были на подъеме, опираясь формально на ожидания от новых технологий промышленной революции и индустриализации, а реально – на ажиотажный спрос. Реальный сектор экономики при этом начал никому не заметную стагнацию: кому нужно работать на бульдозере, если можно вложиться в ценные бумаги и полететь лебедем?

В этой игре непосредственно участвовала и недавно созданная Федеральная Резервная Система.

Уинстон Черчилль, возглавлявший в 1925 году британское казначейство, объявил о возвращении Британии к «золотому стандарту» фунта стерлингов. Это привело к установлению достаточно низкого курса доллара по отношению к фунту, что, в свою очередь, позволяло Великобритании нарастить импорт товаров народного потребления США в обмен на полученное в ходе репараций от Германии золото, чем США и решили воспользоваться. Глава Федерального Резервного Банка США Бенджамин Стронг тут же объявил политику «доступных денег», существенно понизив «ключевую ставку» и осуществив выкуп государственных ценных бумаг. А Федеральная Резервная Система незамедлительно вприснула через банки в реальный сектор экономики гигантские свеженапечатанные деньги, на которые все должны были жить долго, счастливо и с золотом.

Вот такой план!

Однако, жадность порождает бедность.

К 1929 году банки выдавали больше кредитов на покупку ценных бумаг, чем на промышленное развитие, модернизацию крупнейших предприятий и покупку недвижимости вместе взятых!

Люди выбирали полет лебедем!

Расцветали брокерские агентства, которые выдавали участникам рынка под залог уже имеющихся акций банковские средства на покупку новых. И так круг за кругом. Образовался «пузырь».

В это же время, промышленность, удовлетворившая спрос внутреннего рынка, но не собственные ожидания, продолжала стагнацию.

В сентябре 1929 года «пузырь» качнулся, а еще через месяц лопнул, разорив миллионы людей, тысячи предприятий, и обогатил мировой лексикон термином «черный четверг».

Так начиналась Великая Депрессия.

Она окончилась в 1939 году. С началом Второй Мировой Войны.

В конце 1918 года Германская империя в результате Ноябрьской революции прекратила свое существование. Кайзер Вильгельм Второй отрекся от престола, передав власть Совету народных уполномоченных, временному правительству. Да-да, оказывается, у немцев тоже был свой «Февраль», правда в ноябре, а вот «Ноябрь» был подавлен!

Первая Мировая Война все еще велась, и, почередовав монархию с республикой, Германский Рейх продолжал в ней самое непосредственное участие. Сражения окончились Компьенским перемирием, которое закрепилось подписанием Версальского договора с антигерманской коалицией в июле 1919 года. Германия потеряла вооруженные силы, земли, колонии, зато получила гигантские репарации. Алчность победителей была сбалансирована желанием как можно дольше не дать Германии восстановить разрушенную войной промышленность и опасением полного обрушения германской экономики с непредсказуемыми для мира последствиями.

Начались государственные преобразования, народ самоопределялся в условиях необходимости пережить унижительное военное поражение и вызванных тем очевидных тягот и лишений.

Появившаяся новая Германия известна в историографии как Веймарская республика. Была выработана новая конституция, закрепленные в ней права человека базировались на первой германской Конституции Паульскирхе 1842 года. В свою очередь, закрепленные Веймарской конституцией права человека были использованы при выработке Конституции ФРГ 1949 года, а она затем стала основным законом объединенной Германии в 1990. Мы, конечно, забегаем вперед, но здесь следовало обязательно дать оценку почти двухсотлетней демократической преемственности!

Правда, с перерывом на продолжительную диктатуру нацизма.

Начался послевоенный период.

Восстановление разоренного, разрушенного войной государства, да еще и потерпевшего поражение – это ужасное бремя для любого народа. Разрушенные города, голод, нищета, упадок сельского хозяйства, огромное количество

искалеченных войной людей. Во власти тоже было беспокойно: постоянные склоки между последователями крайне левых и крайне правых идей, необходимость подавлять путчи, рабочие восстания. К тому же Рурский регион оккупируют французы и бельгийцы.

Промышленный спад и безработица повлекли за собой безумную гиперинфляцию: батон хлеба подорожал за год с семидесяти марок до ста шестидесяти миллиардов марок!

«Черный обелиск» Эриха Марии Ремарка – безупречная иллюстрация.

Разве в таких условиях возможно исполнить хоть сколько-нибудь репараций? Что и говорить о возможности в такой ситуации создать дорогостоящую военную машину, способную завоевать Европу всего через пятнадцать лет!

Однако, спустя пять лет после Версальского мира, Великобритания и США отодвигают от рычагов влияния на Германию, зарвавшуюся и финансово зависимую от Англо-Саксонского мира Францию. Начинает формироваться план внешнего управления экономикой загибающейся Германии – план Дауэса, утвержденный Рейхстагом в 1924 году.

Схематично суть его заключалась в том, что правительство США предоставляет процентный займ Германскому Рейху, чтобы тот смог выплатить репарации Великобритании и Франции, которые, в свою очередь, получают возможность погасить свои собственные долги США из этих германских поступлений. В виде обеспечения платежей англосаксами устанавливается контроль над бюджетом Германии, Рейхсбанком и Имперскими железными дорогами, по сути – внешнее управление страной. Очертились границы благоприятного для стран Запада инвестиционного климата. Частные компании США и Великобритании осуществляли прямые инвестиции в промышленность Германии с оправданной впоследствии надеждой на прибыль, которую предполагалось получить на новом рынке сбыта – в истекающем кровью от столкновения с восстановленной Германией Советском Союзе.

При этом поддерживалась напряженность в континентальной Европе, так как Германия фактически возвращала себе возможность развивать промышленность, чему так отчаянно сопротивлялась отодвинутая в сторону англосаксами Франция. И правильно сопротивлялась, ведь совсем скоро продукция промышленного производства Германии объедет и перелетит линию Мажино.

Гениальный бизнес!

К концу 1929 года, спустя шесть лет после начала реализации Плана Дауэса, объем инвестиций в экономику Германии составил 26 миллиардов марок при 10 миллиардах репарационных платежей. Промышленное производство было восстановлено до довоенного уровня, объем экспорта был удвоен и достиг десятой доли в мировом масштабе.

При этом был ненавязчиво, но существенно укреплен военно-промышленный потенциал Германского Рейха, с которого во всю снимали сливки англосаксы.

Идея о Центральном банке США, по одной из версий, родилась в отеле некоего острова Джекил в Атлантическом океане в результате собрания крупнейших финансистов того времени, под председательством сенатора-республиканца Нельсона Олдрича.

Основным идейным генератором стал немецкий банкир еврейского происхождения Пауль Варбург. В «мозговом штурме» так же участвовали: глава Нейшенал Ситибанк Френк Вандерлип, уже известный нам Бенджамин Стронг, сотрудники казначейства США Пиатт Эндрю и Гарри Дэвидсон, ну и сам Нельсон Олдрич. Компетенции собрания были весьма высокими, ведь все действующие лица либо были представителями банковской системы «старого света», либо длительно и весьма пристально её изучали в ходе командировок на местах.

Сформулированную задумку полностью частного центрального банка с минимальным вмешательством государства Нельсон Олдрич представил Конгрессу США. Конгресс бурлил, сыпал обвинения в лоббировании частных интересов в адрес Олдрича, удачно выдавшего свою дочь за Джона Рокфеллера младшего и имевшего близкие отношения с Джоном Пирпонтотом Морганом и другими крупными банкирами. Разразилась дискуссия, результатом которой стало создание Федеральной Резервной Системы в виде независимого агентства правительства США. Вмешиваться в деятельность ФРС президент или Конгресс США напрямую не имели возможности, выступая лишь внешним регулятором деятельности при помощи законодательства.

Федеральная Резервная Система США существует по сей день, не претерпев значительных организационных изменений. Эта частная организация имеет возможность бесконтрольного производства долларов, обеспечивая любые требования колониальной политики США. Суть колониальной политики в том, чтобы дать терпящей бедствие стране займы в долларах, наводнить эту страну американскими товарами, за эти же самые доллары и покупаемыми.

В очередной раз, гениальный бизнес.

В 1929 году президентом США становится республиканец Герберт Гувер, немец по происхождению, выпускник Стэнфордского университета, горный инженер, объездивший весь мир несколько раз. Отметим «бескорыстное» участие будущего президента США в преодолении голода двадцатых годов в Советской России, в результате которого плененные ее революционными властями действующие лица американской интервенции были освобождены в обмен на продовольствие.

Великая Депрессия разразилась как раз в эпоху правления Гувера. Были предприняты смягчающие кризис меры в виде успокаивающих переговоров как с рабочими, так и с владельцами предприятий. Выделение бюджетных ассигнований было направлено на поддержку общественного благополучия используя предприятия-работодателей. Однако, возможности сохранения заработной платы предприятиями были вскоре исчерпаны, начала стремительно расти безработица, а вслед за ней и недовольство «бесчеловечными» действиями правительства, не оказывающего поддержку людям напрямую в виде пособий.

А в это же время в Германии начал действовать принятый на Гаагской конференции по репарациям план Юнга. В конференции принимали участие Европейские страны, получающие репарации от Германии, а также Япония. США официально участия не принимали несмотря на то, что являлись инициатором этого плана. Германский представитель, глава Рейхсбанка Ялмар Шахт требовал

снижения размера годовых платежей, корректировку налогового бремени промышленности, а также отмену внешнего управления и иностранного контроля. Снижение репараций отвергалось бывшими странами Антанты, которым необходимо было использовать германские поступления для расчета по долговым обязательствам перед США. Отстаивавший интересы частных кредиторов Германии в США господин Юнг, выступавший по совместительству главой Конференции, предложил компромиссный сбалансированный вариант, который позволил снизить репарации таким образом, чтобы Германия оставалась способной десятилетиями платить по прежде всего негосударственным обязательствам.

Созданный благоприятный инвестиционный климат и великолепное лоббирование со стороны Юнга обеспечили стабильность и уверенность в завтрашнем дне всем инвесторам в германскую промышленность из США на десятилетия вперед.

Вишенкой на торте стало то, что годом позже Ялмар Шахт уходит с поста главы Рейхсбанка и трудоустраивается главным представителем в Германии американского Джи Пи Морган.

Ничего личного – только бизнес.

Под план Юнга в швейцарском Базеле создается Банк международных расчетов, в котором участвуют шесть центральных банков стран, участвующих в операциях по репарациям: Бельгия, Великобритания, Франция, Италия, Япония и побежденная Германия. Государство США в создании Банка международных расчетов не участвует, но частные американские банки во главе с банком Джи Пи Морган с удовольствием покупают его акции.

После Второй Мировой войны Банк международных расчетов дискредитирует себя сотрудничеством с нацистами, чье добытое в том числе в концентрационных лагерях золото беззастенчиво обменивает на удобные доллары для целей закупок необходимых для фашистской Германии товаров в нейтральных странах типа Швеции. По итогам Бреттон-Вудской конференции образуется Международный Валютный Фонд, перехватывающий все функции Банка международных расчетов и продолжающий его дело, сам Банк решено ликвидировать. Однако, Банк международных расчетов существует и по сей день, обладает внушительным золотым запасом и весомыми заокеанскими клиентами.

Гувер посчитал, что причины американского экономического кризиса кроются за рубежом, и предпринял судьбоносный для Германского Рейха шаг – ввел в США мораторий на выплату задолженности по иностранным займам и репарациям. Мораторий прервал финансовые поступления от репараций из Германии в США через «посредников»-должников из Европы. Но не прервал поток американского финансирования германской промышленности!

Остановить развитие Великой Депрессии этим шагом не удалось. Зато Германии была предоставлена возможность использовать попавшие под мораторий обязательства по репарациям на собственное развитие, вдобавок к инвестициям частного капитала западных банкиров и предпринимателей.

И Германия этим шансов дисциплинированно воспользовалась.

Началась беспрепятственная накачка Германского рейха англосаксонскими деньгами! И начиналась она на фоне разгорающегося мирового экономического кризиса.

Задолго до описываемых событий, весной 1889 года, в австрийской деревне, у одной довольно странной семейной пары, после трех прервавшихся беременностей, родился долгожданный мальчик. Это был желанный и любимый в семье ребенок, очень похожий на мать. Он рос так же сложно, как и появился на свет. Буквально все существо окружающего его мира сопротивлялось его становлению. Но он справлялся, сносно получал знания, имел тягу к рисованию и архитектуре.

Но мироздание не сдавалось: он потерял отца, потом мать, потом и тётю. Получив наследство, занялся самообразованием, любил читать, в особенности о похождениях индейца Виннету Карла Мая, проникаясь романтикой покорения новых земель на Диком западе. Разумеется, принял участие в Первой Мировой войне, как и все немцы – не слишком успешно. Потом очень ругал Версальский мирный договор и в особенности – Ноябрьскую революцию 1918 года.

Несмотря на сложный взрывной характер и природную гневливость, он легко обзаводился друзьями. Наверное, потому что умел говорить так, что его хотелось слушать. Согласно моде того времени, фантазировал за кружкой пива в Хофбройхаусе о реформировании Германии и разных других будоражащих молодые умы радикальных вещах. Придумали даже себе партию! Однажды, так расфантажировались, что вышли на улицы и устроили публичный акт неповиновения властям, ставший впоследствии известным миру как «Пивной путч».

А далее была тюрьма, написание странных, но воспринятых местной молодежью виршей про борьбу, долгая и запутанная драка за власть, низложение конкурентов, превращение республики в диктатуру, «теория расового превосходства», «ночь длинных ножей», возрождение военной машины, «хрустальная ночь»... А дальше – самая кровопролитная и преступная в истории человечества война в погоне за мечтой из книжек Фрая – «диким востоком, завоеванным немецким мечом для немецкого плуга». Потом покорение Европы, концлагеря, «генерал мороз», «катастрофа на Волге», «десять сталинских ударов», бункер с относительно молодой барышней и собакой-овчаркой, самоубийство и показания дантиста.

Словом, Гитлер.

Настоящим диктатором стать не так уж просто. Помимо очевидных вещей вроде поддержки народа, устранения всеми средствами конкурентов, формирования харизматичного образа, написания внятной программы действий и повестки, необходимы деньги. Очень большие деньги!

Которые крайне тяжело найти. Особенно в едва оправившейся от военной катастрофы Германии во время бушующего мирового экономического кризиса, сопровождающегося стремительным распространением в массах идей коммунизма.

Вероятность прихода в Германии к власти партий, следующих марксизму в любых его проявлениях, означало риск национализации предприятий по советской кальке. А это – многомиллиардные потери для бизнеса США, Великобритании и

иных иностранных инвесторов, что категорически неприемлемо. Особенно, во второй раз.

И тут на помощь приходит Ялмар Шахт. Да-да, тот самый немец, который представляет интересы американской корпорации Джи Пи Морган, которая, кстати, на волне кризиса и низких цен, во всю скупала банки и предприятия в США, консолидируя их права требования и выданные Германии займы.

Он приходит не один. Со стороны Британии лоббистом выступает Вильгельм Регенданц, немец, возглавлявший работающий в Германии Амстелбанк. Это – Голландский банк, созданный в 1921 году и напрямую аффилированный с банком Кредитанштальт, принадлежащим семье Ротшильдов.

В начале 1930-х годов борьба за власть в Германии была далека от окончания, поэтому англосаксы сделали ставку на все партии, выступающие против действующей в Веймарской республике власти. Сразу. Цель была очевидной – предотвратить приход к власти коммунистов-большевиков любой ценой! А значит – без нацистов было не обойтись! Организуется Гарцбургский фронт – политический блок германских правых националистов и национал-социалистов, в который, безусловно, входит и НСДАП. На собраниях Гарцбургского фронта помимо политических фигур присутствуют немецкие промышленники, получившие западные деньги, и не совсем до конца немецкие лоббисты-банкиры, с которыми члены НСДАП знакомятся и сближаются. И, безусловно, берут от них и от их покровителей те самые очень большие деньги, которых так не хватало для победы диктатуры!

Наиболее освещенный факт финансирования будущих бонз Третьего рейха через крупнейшие германские предприятия изложен в изданной в Лондоне и на английском языке книге Фрица Тиссена, крупнейшего немецкого промышленника. Он был так очарован идеями национал-социализма, что вступил в НСДАП, сотрудничал и развивал под её знаменами свой бизнес, пока не впал в немилость в связи с попытками защитить евреев от погромов и не был отправлен в концентрационные лагеря. Он пережил войну и окончил жизнь в Аргентине.

Другой финансирующий НСДАП известный промышленник, Альфред Крупп, чьи пушки еще совсем недавно навели ужас на французов под Верденом, вновь стал работать над немецким оборонным заказом. После войны он был приговорен к 12 годам лишения свободы за разграбление промышленных предприятий других государств и использование рабского труда. В 1951 году американцы выпустили его на свободу досрочно, единолично аннулировав часть приговора, касающуюся конфискации имущества и возвратив ему часть состояния.

Удивительно, но их концерны объединились! Мы сегодня можем ежедневно наблюдать и использовать их продукцию, например, лифты и эскалаторы в торговых центрах, аэропортах или даже в собственном подъезде.

Стоит отдельно отметить факт создания в самих США нацистской организации под названием Друзья Новой Германии, которая впоследствии была преобразована в Германско-Американский Бунд. Организация была создана по поручению Рудольфа Гесса, имела численность в десятки тысяч человек, проводила различные «ритуальные» мероприятия на территории США: парады по улицам

американских городов, съезды в Мэдисон Скуэр Гарден, сбор средств и так далее. Финансово-промышленные капиталы и нацисты всегда идут бок о бок.

Закончить мировой экономической кризис непросто. Многие экономисты скажут, что нужно применить широкий комплекс различных мер для преодоления кризиса и его последствий. Прежде всего, необходимо трудоустроить людей и с помощью их труда производить востребованную в мире продукцию. Эта продукция может быть абсолютно любой: мир видел бум бытовой техники, телевизоров, компьютеров, айфонов, наконец.

Но по большому счету, человечество не придумало более эффективной, результативной, дорогой и бессмысленной для мирного человека, если вдуматься, продукции, нежели продукция, питающая войну.

У англосаксов в руках оказался ими же сформированный эффективный механизм, идея развязывания войны на соседнем континенте. У них в долгах была Германия с безумным фюрером во главе, у них был геополитический противник в лице красной угрозы. Осталось только аккуратно столкнуть их лбами, чтобы случайно самим не досталось, и снимать сливки.

И, к сожалению, у них получилось!

С началом войны СССР начал получать от США помощь по ленд-лизу. Объем этой помощи трудно себе вообразить! Это и автомобили, и самолеты, и бронетехника, и мотоциклы, и корабли. Это стрелковое оружие, взрывчатка и порох. Это станки и оборудование, мебель, сталь, нефть, кожа, обувь, одеяла и пуговицы! Это огромный объем промышленного производства, который США отправили на экспорт, возродив свою экономику после Великой Депрессии. Речь идет о миллиардах и миллиардах долларов!

Это – настоящая помощь. Ну такая, за деньги, любезно предоставленные в кредит под проценты.

За эту помощь СССР и впоследствии Россия расплачивалась золотом и валютой до 21 августа 2006 года.

Открывая Второй фронт, США декламировали желание помочь советским товарищам в невыносимо тяжелой борьбе с нацизмом. Действительно ли это было искреннем желанием помочь, или же под давлением американского истеблишмента, правительство США вынуждено было кровью Сынов Америки защищать частные многомиллиардные инвестиции и займы в Германию? Это была рука помощи или же желание не потерять поток старых и, возможно, новых репараций? Судите сами.

Известно лишь, что выданные Германии финансово-промышленными корпорациями и государственными институтами Запада займы гасились золотом долгие десятилетия после войны и неизвестно погашены ли сейчас.

Под дамокловым мечом сформированного пропагандой образа врага, духа войны, эффективное государство завалит работой все население и даже сверх того. Промышленность индустриально развитых стран в предвоенные годы и военные годы обеспечило работой людей настолько, что задора хватило на долгие десятилетия вперед. Сформированный впоследствии облик внешней угрозы поддерживал должный темп экономического развития.

Многомиллиардные инвестиции Запада в Германию и помощь Запада по ленд-лизу СССР – это как поставить в казино на чёрное и на красное одновременно. Эта беспроегрышная комбинация обязательно себя окупит, и с процентами.

Верю гуд бизнес.

Но ничто не вечно под луной!

Идеи не умирают, но другим Господь даёт более справедливые идеи.

В качестве эпилога

Сегодняшний день снова показывает нам острые зубья старых ржавых шестерней далекого, почти ушедшего из памяти живых прошлого века. Снова в Европе поднимает голову нацизм, снова звучат залпы орудий, снова мы слышим пропаганду исключительности отдельных народов, снова людей подтолкнули к братоубийственной войне. Снова кому-то оказывают экономическую помощь, снова гремит грабительским кистенём ленд-лиз, снова повсюду гудят и чадят трубами военные заводы, снова домой не возвращаются отцы, братья и сыновья.

Это значит, что вы снова наблюдаете, как Запад пытается решить свои проблемы, разжигающие новый невиданный мировой экономический кризис, с помощью привычного инструмента – Большой Европейской Войны.

И, конечно, за чужой счет. Еще и с процентами.

Никто не забыт и ничто не забыто!

Цифровой авторитаризм в формировании будущего миропорядка

Бархвостов П.А.

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе в рамках интегрально-институционального подхода анализируется проблема цифрового авторитаризма, особенностей его проявлений и влияния на мировой порядок. Показано, что цифровой авторитаризм – явление, обусловленное вызовами цифровизации, которое в том или ином виде проявляется в странах, характеризующихся институциональными матрицами с доминированием как рыночных (Y тип), так и редистрибутивных (X тип) институтов. Проанализировано влияние цифровизации на указанные институциональные матрицы. Показан ее противоречивый характер. С одной стороны, цифровизация способствует созданию/укреплению рыночных институтов в институциональной матрице любого типа, приводит к гибридизации институтов обмена, придавая им дополнительные «рыночные» характеристики. С другой стороны, наблюдается появление/усиление редистрибутивных политических институтов – государственного регулирования отдельных сфер цифровой экономики. Данный процесс интенсифицируется при возникновении реальных угроз социуму: возрастании проявлений терроризма и экстремизма, стихийных бедствиях и катастрофах, пандемии. Эти условия требуют импульсной общественной мобилизации, что предполагает усиление роли государства и, как следствие, укрепление институтов редистрибуции. Подобная трансформация характерна для любой институциональной матрицы, однако ее степень оказывается зависящей от типа доминирующих институтов (для X-матриц она больше) и уровня централизации системы управления социумом. Укрепление редистрибутивных институтов в институциональной матрице может проявляться в политической сфере в виде различных видов цифрового авторитаризма, причем даже для стран с Y-матрицей, где наблюдается его более мягкий вариант или отдельные элементы. Цифровизация трансформирует мировую систему. Различный уровень трансформации институциональной среды в различных локальных цивилизационных матрицах, незавершенность процесса придания последним устойчивости вызывает высокую турбулентность в мире. Тем не менее, цифровизация не приведет к масштабной инверсии институциональных матриц, т.е. страны с X (Y) матрицей таковыми и останутся. Однако новый мировой порядок будет выстраиваться на условиях равноправного взаимодействия стран с X и Y матрицами.

RESUME

In this paper, within the framework of the integral-institutional approach, the problem of digital authoritarianism, the features of its manifestations and the impact on the world order are analyzed. It is shown that digital authoritarianism is a phenomenon caused by the challenges of digitalization, which manifests itself in different forms in countries characterized by institutional matrices with domination of market (type Y) and redistributive (type X) institutions. The impact of digitalization on these institutional matrices is analyzed. Its contradictory nature is shown. On the one hand, digitalization contributes to the creation/strengthening of market institutions in the institutional matrix of any type, leads to the hybridization of exchange institutions, giving them additional «market» characteristics. On the other hand, there is the emergence/strengthening of redistributive political institutions – state regulation of certain areas of the digital economy. This process is intensified when real threats to society arise: an increase in the manifestations of terrorism and extremism, natural disasters and catastrophes, and pandemics. These conditions require impulsive social mobilization, which implies strengthening the role of the state and, as a result, strengthening the institutions of redistribution. Such a transformation is typical for any institutional matrix, but its degree depends on the type of dominant institutions (it is larger for X-matrices) and the level of centralization of the social management system. The strengthening of redistributive institutions in the institutional matrix can manifest itself in the political sphere in the form of various types of digital authoritarianism, even for countries with a Y-matrix, where its milder variant or individual elements are observed. Digitalization means transforming the world system. Different levels of transformation of the institutional environment in various local civilizational matrices, the incompleteness of the process of imparting stability to the latter causes the high turbulence in the world. However, digitalization will not lead to a large-scale inversion of institutional matrices, i.e. countries with the X (Y) matrix will remain so. However, the new world order will be built on the conditions of equal interaction of countries with X and Y matrices.

Ключевые слова: цифровизация, институциональная среды, институциональная матрица, редистрибутивные институты, рыночные институты, цивилизационный подход

Key words: digitalization, institutional medium, institutional matrix, redistribution institutions, market institutions, civilization approach

Барахвостов Павел Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры Политологии, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь, barakhvostov@yandex.by

Pavel A. Barakhvostov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Belarus State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus, barakhvostov@yandex.by

Введение

Чуть больше десятилетия назад социальные сети сыграли важную роль во время Арабской весны, а Интернет считался средством, способствующим открытости и прозрачности. Казалось, что доступ к информации и возможность для людей общаться с единомышленниками в не знающие государственные границы сетевых сообществах потрясут авторитарные режимы до основания и ускорят продвижение к демократии. Однако опыт последнего десятилетия показал обратное. В соответствии с данными Freedom House (Nations in transit, 2021), во всех регионах мира демократия подвергается нападкам со стороны популистских лидеров и групп, которые отвергают плюрализм и требуют беспрепятственной власти для продвижения конкретных интересов своих сторонников, как правило, за счет национальных меньшинств и других предполагаемых врагов. В течение 2020 года (последний год наблюдения) имело место снижение показателей, характеризующих уровень демократии, в восемнадцати странах, в то время как их повышение – только в шести государствах. Количество стран, обозначенных Freedom House как демократические, неуклонно уменьшалось на протяжении семнадцати лет, достигнув исторического минимума в 2020 году. Подобное явление не случайно. Неспособность институтов, существующих в признанных демократиях, решить насущные социальные проблемы, растущая поляризация общества и увеличивающееся неравенство породили недоверие к либерально-демократическим идеям, которое резко возросло в связи с беспомощностью перед COVID-19 и неэффективной борьбой с пандемией.

На фоне эрозии либерально-демократических ценностей наблюдался подъем авторитаризма, причем он стал приобретать новые черты, что нашло отражение в возникновении нового понятия – цифровой авторитаризм. Данная концепция активно изучается в последние годы. Выделена одна из существенных характеристик цифрового авторитаризма – наличие контроля за информацией, осуществляемого в виде слежки с использованием информационных технологий, цензуры, манипулирования общественным мнением (Polyakova, Meserole, 2019; Weber, 2019; Roberts, 2018; Deibert, Crete-Nishihata 2012; Münkler, 2018).

Еще несколько лет назад, исследуя данное явление, обращались к примеру Китая, описывая и анализируя проявления цифрового авторитаризма в этой стране (Creemers, 2016; Chi, 2012; King, Pan, Roberts, 2013; Laskai, 2017; Lu, Zhao, 2018; MacKinnon, 2011; Tkacheva et al., 2013). Однако теперь диагностируется его «расползание» по

всем континентам (Mare, 2020; Tan, 2020; Chabba, 2020; Howells, Henry, 2021). Таким образом, цифровой авторитаризм превращается в мировое явление. Как правило, авторы концентрируют свое внимание на изучении особенностей его проявления в различных странах. Значительно меньше предпринимается попыток объяснить, почему Интернет с его сетевой, децентрализованной структурой не стал драйвером демократизации. Почему новые достижения, позволив добиться огромного научного и экономического прогресса, породили цифровой авторитаризм и каков в связи с этим будущий миропорядок? В данной работе предпринята попытка ответить на эти вопросы в рамках интегрально-институционального подхода, объединяющего ряд идей цивилизационного подхода и неинституционализма.

Методология исследования

В соответствии с интегрально-институциональным подходом, общественную систему можно характеризовать посредством локальной цивилизационной матрицы (ЛЦМ), которая представляет собой оболочку, формируемую природно-климатической и материально-технологической средами, и расположенное под ней ядро – институциональная среда. При этом институты понимаются в широком смысле, как «правила игры», структурирующие социальное действие» (North 1991: 97), совокупность норм и правил, регулирующих функционирование взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем общественной системы (экономической, политической, социокультурной).

Сердцевина институциональной среды – базовые институты, определяющие направленность развития социума и образующие институциональную матрицу (ИМ) (Кирдина, 2014). В нее на условиях «доминантность – компенсаторность» (Polanyi, 1977) одновременно входят институты различных типов: рыночные и редистрибутивные. Редистрибутивная модель предполагает институты редистрибуции (аккумуляции – согласования – распределения), общественно-служебную собственность, общественный/ служебный труд, жалобы в виде обратной связи, институты унитарно-централизованного политического устройства с иерархическим типом управления и элементы коммунитарного мировоззрения. Модель рынка – это отношения купли-продажи, частная собственность, наемный труд, прибыль как сигнальный институт, федеративные начала государственного устройства с опорой на горизонтальные связи, элементы субсидиарного мировоззрения. При доминировании рыночных институтов говорят об Y-матрице, при доминировании же редистрибутивных – об X-матрице.

Формирование институциональной матрицы каждого государства началось в глубокой древности. Большое влияние при этом оказала оболочка ЛЦМ, точнее – климатические и географические особенности территории, занимаемой социумом. В частности, российский климат обуславливал короткий (не более пяти месяцев в году) производственный цикл для земледельческой деятельности и низко плодородные земли (урожайность зерновых не превышала трех собранных зерен на одно посеянное). Отметим для сравнения, что в Западной Европе срок

сельскохозяйственных работ был вдвое длиннее, а норма урожая – в 1,7 раз выше (Милов, 1998: 554). Осуществление сельскохозяйственных работ в режиме «импульсной мобилизации», низкая продуктивность и высокие риски земледелия (частные поздние заморозки, засушливое или, наоборот, слишком дождливое лето и т.д.) обусловили необходимость коллективного труда под единым руководством, выполняющим, кроме того, функции сбора – аккумуляции – перераспределения конечного продукта для снижения катастрофических последствий возможных неурожаев. Следствием этого стало создание централизованной системы власти и растворение индивидуальных домохозяйств в общинных коллективах, приведшее к формированию важнейших социокультурных институтов редистрибутивного типа – коллективистскому мировоззрению.

Другим важнейшим условием формирования институциональной матрицы X типа является фронтирное положение, при котором противостоять внешнему агрессору в состоянии лишь силы, объединенные могучим государством. В отличие от феодальных междоусобиц Запада, целью которых являлось расширение контролируемых земель а, следовательно, грабеж крестьян и горожан, но не геноцид, Россия столкнулась с иным – агрессией кочевников, направленной на тотальное разрушение всего, что встретилось на пути, и физическое уничтожение населения. В этих условиях проблему обеспечения безопасности взяло на себя государство.

Таким образом, наличие «мобилизационно-коммунальной» природно-климатической среды и фронтирное положение обусловили создание в России централизованного государства, которое стало главным регулятором всех общественных отношений, и привели к формированию X-матрицы.

Климатические условия (проблемы с водой, необходимой для выполнения сельскохозяйственных работ) явились также главной причиной формирования институциональной матрицы X-типа в других, преимущественно восточных странах (Wittfogel, 1957). Однако здесь плотность «гидравлического общества» (термин введен К. Витфогелем для оценки степени «распространенности» редистрибутивных институтов в институциональной среде) была выше в сравнении с Россией, где осуществление коммунальных работ осуществлялось в режиме «импульсной мобилизации», что ограничивало рост строго иерархической государственной машины и охват ею различных сфер жизнедеятельности человека.

Климатические (более длительный срок сельскохозяйственных работ в сравнении с Россией, более плодородные почвы) и географические особенности западноевропейских стран (близость к морю) способствовали быстрому развитию материально-технологической среды и, как следствие, формированию институциональной матрицы Y-типа.

Локальная цивилизационная матрица не является «застывшим» конструктом, однако ее изменения оказываются зависящими от всех предшествующих стадий развития общества, что необходимо учитывать при анализе трансформаций, которые происходят в эпоху цифровизации.

Результаты и обсуждение. Наиболее изменчива в локальной цивилизационной матрице материально-технологическая среда. В силу связи оболочки и ядра ЛЦМ, она оказывает возмущающее действие на институциональную матрицу, вызывая

появление новых институтов. Если таковые оказываются компенсаторными, при определенных условиях (сильном и резком возмущении) может возникнуть состояние неопределенности ИМ, которое разрешается одним из двух способов: 1) инверсией матрицы (изменением типа доминирования институтов), что реализуется, как правило, в результате крупных социальных потрясений или даже распада прежней социальной системы; 2) возвращением институциональной матрицы в устойчивое состояние путем гибридизации новых институтов, т.е. придания им свойств, характерных для доминирующих институтов матрицы (исторические примеры подобных явлений приведены в ряде работ (Барахвостов, 2021; Barakhvostov, 2021).

Интернет с его сетевой структурой, развитие цифровых технологий (особенно на первых порах) способствовали укреплению политических рыночных институтов в матрице любого типа: развитию горизонтальных связей внутри общественной системы, распространению принципов субсидиарности вследствие повышения доступности информации.

Однако возмущение материально-технологической среды (появление новых информационных технологий) было столь сильным, что привело к изменению как рыночных, так и редистрибутивных экономических институтов. В частности, трансформировались институты купли-продажи и редистрибуции: теперь в качестве актора социального действия стала выступать информация и ее носитель. Имплантированное в прежние институты «звено» свидетельствует об их гибридизации, придании им дополнительных «рыночных» характеристик. Однако это обусловило появление онлайн-мошенничества, эксплуататорских методов ведения бизнеса, промышленного и торгового шпионажа и вызвало необходимость государственного контроля за данными процессами. Как следствие, имело место создание новых редистрибутивных институтов, в частности, для Y-матриц – государственного регулирования цифровых рынков.

Кроме того, цифровизация потенциально способна породить принципиально новый экономический институт обмена, основанный на Big Data и искусственном интеллекте, которые теоретически позволяют создать (квази) совершенную систему планирования, учитывающую потребности каждого. Данный институт является редистрибутивным, и его появление может оказать непредсказуемое по силе разрушительное действие на ИМ стран с Y-матрицей.

В странах с X-матрицей, как указывалось выше, Интернет с его децентрализованной архитектурой обусловил укрепление политических рыночных институтов, что вызвало необходимость их гибридизации для сохранения устойчивости институциональной матрицы и общественной системы в целом. Это проявилось, в частности, в установлении государственного контроля над Интернетом, борьбе с анонимностью пользователей сети, обязательном следовании государственным директивам в отношении передачи информации, запрете распространения запрещенного контента и т.д. Данные явления названы проявлениями цифрового авторитаризма. Однако они не являются одинаковыми для всех стран, а определяются, в первую очередь, спецификой институциональной матрицы, плотностью «гидравлического общества», что подтверждает, например, сравнение китайского и российского кейсов (Howwels, 2020).

Отметим, что гибридизация новых рыночных политических институтов наблюдается не только в странах с X-матрицей. Она неразрывно связана с противоречивой сущностью Всемирной паутины. С самого начала существования, предоставляя практически неограниченные возможности для получения информации, Интернет с его сетевой структурой и отсутствием единого центра давал возможность заполнять информационное поле не только полезной и нужной информацией, но и фейками, что нередко использовалось различными силами для манипуляции общественным мнением (как в случае президентских выборов в США в 2020 году), дестабилизации других государств, ослабления противника, представляя тем самым угрозу национальной безопасности. Власти различных стран (как с X-, так и с Y-матрицей) создавали системы «производства» фейков и корректировки общественного сознания, включающие, в частности «ботов» для «нужных» комментариев в сетях. Человек оказался бессильным перед потоком противоречивой, недостоверной информации. Это обусловило необходимость введения в той или иной степени государственного контроля за Интернетом, т.е. гибридизации новых институтов, возникших в связи с появлением Интернета и внедрением новых информационных технологий, придания им черт редистрибутивных. Подобный контроль связывается с уменьшением свободы слова и зачастую относится к проявлениям цифрового авторитаризма. Как видно из сказанного выше, элементы последнего проявляются в любом обществе, что является ответом на вызовы, связанные с цифровизацией.

Процесс гибридизации новых институтов ускоряется при возникновении реальных угроз социуму: возрастании проявлений терроризма и экстремизма, стихийных бедствий и катастрофах, пандемии. Данные условия требуют импульсной общественной мобилизации, что предполагает усиление роли государства и, как следствие, укрепление институтов редистрибуции. Примером такой гибридизации стало создание на основе информационных технологий в более чем тридцати странах, из которых двадцать две Freedom House относит к характеризующим Y-матрицей демократиям, редистрибутивного института – государственного контроля за распространением вируса COVID-19 и физиологическим состоянием граждан, что предполагает: осуществление контроля перемещений и контактов в условиях повышенной угрозы заражения, использование браслетов с биометрическими трекерами, систем видеонаблюдения и программ распознавания лиц, в том числе, людей в масках, беспилотных летательных аппаратов, сбор данных о применении мобильных телефонов. Примечательно, что лидеры мирового рынка в сфере информационных технологий Apple и Google поддержали создание данного института и, в целях привлечения как можно большего количества пользователей к программе отслеживания, достигли беспрецедентных договоренностей по ликвидации технических препятствий для обмена данными между платформами iOS и Android (Eck, Hatz, 2020).

Наиболее широко для отслеживания населения используются мобильные приложения. Среди стран, их применяющих, есть и государства с Y-матрицей. В апреле 2020 г. Норвежский институт общественного здравоохранения запустил мобильное приложение Smittestopp («остановка заражения»), предназначенный для сбора геолокационных данных о перемещениях пользователей, чтобы помочь властям

отследить распространение COVID-19. Это приложение было квалифицировано Amnesty International как одно из самых агрессивных в мире для отслеживания контактов COVID-19 (Eck, Hatz 2020).

В период пандемии и катастроф возрастает деструктивная роль фейков. В январе 2020 года наблюдалось столь быстрое распространение слухов и лжи о происхождении, симптомах и средствах лечения COVID-19 в социальных сетях, что в феврале, за несколько недель до объявления пандемии Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) назвала ситуацию «инфодемией», предупредив, что вводящая в заблуждение информация имеет опасные последствия для здоровья людей и подрывает доверие к органам здравоохранения (28, 2020). Правительства ряда стран приняли такие меры, как цензура онлайн-контента и введение ответственности, вплоть до уголовной, за распространение фейковых новостей. Например, когда граждане Китая начали делиться информацией о таинственной болезни в Ухани, онлайн-посты и хэштеги, связанные с болезнями, были быстро удалены, а учетные записи пользователей заблокированы. В ряде государств запрещалась информация о COVID-19, не исходящая от правительства или органов здравоохранения. В частности, в марте 2020 года в Армении был принят закон, в соответствии с которым любая распространяемая о заболевании информация должна быть подготовлена на основе данных специальной службы экстренной помощи при премьер-министре страны (7, 2020).

Крайней формой цензуры, возникшей в связи с COVID-19, стало уголовное наказание за дезинформацию. Данная мера была широко распространена в странах как с X-, так и с Y-матрицей. По крайней мере, двадцать четыре страны приняли законы, направленные на препятствование распространению ложной информации, причем в пятнадцати из них это действие каралось тюремным сроком. Среди стран ЕС закон о фейковых новостях приняла Венгрия.

Цифровые технологии предоставили беспрецедентные возможности осуществления контроля правительств всего мира над населением. Однако уровень использования подобных возможностей оказывается зависящим от плотности «гидравлического общества». В частности, норвежские власти признали, что преимуществ Smittestopp недостаточно, чтобы оправдать его чрезмерное проникновение в частную жизнь граждан. При спаде пандемии подавляющее число правительств прекратило сбор информации о своих гражданах, аппаратные устройства, на которых хранилась информация, были физически уничтожены (как, например, в Армении). В ряде стран имело место изменение законодательства, препятствующее росту цифрового авторитаризма. В частности, в январе 2021 года правительство Сингапура подтвердило, что данные, собранные из приложения TraceTogether, которое использовалось с начала вспышки пандемии, были получены правоохранительными органами, что вызвало общественный резонанс, который привел к изменениям в законодательстве, предоставляющим доступ к данным только для расследования определенных преступлений. Это свидетельствует о контроле государства над уровнем гибридизации связанных с цифровизацией новых институтов, что снижает вероятность возникновения неопределенности институциональной матрицы и ее социальных последствий.

Цифровизация и, как следствие, появление и гибридизация новых институтов в каждой ЛЦМ изменяет сложившийся мировой порядок. Различный уровень гибридизации институциональной среды в различных локальных цивилизационных матрицах, незавершенность процесса придания последним устойчивости вызывает высокую турбулентность в мире. Тем не менее, на основе проведенного анализа можно сделать ряд выводов. Во-первых, цифровизация не приведет к масштабной инверсии институциональных матриц, т.е. страны с X (Y) матрицей таковыми и останутся. Во-вторых, появление и укрепление новых компенсаторных рыночных институтов в ИМ государств с X-матрицей обуславливает наличие естественного предела развития цифрового авторитаризма. В-третьих, цифровизация приводит к возникновению новых редистрибутивных институтов в странах с Y-матрицей, однако в данном случае государство осуществляет контроль над их укреплением. Наконец, новый мировой порядок будет выстраиваться на условиях равноправного взаимодействия стран с X и Y матрицами.

Заключение

Таким образом, цифровизация – сложный, многогранный процесс, происходящий в материально-технологической среде ЛЦМ, который способствует укреплению рыночных институтов в институциональной матрице любого типа.

Важным следствием цифровизации является гибридизация экономических институтов (обмена) ИМ любого типа (внедрение в них рыночного «звена»). С другой стороны, наблюдается гибридизация политических институтов (появление/усиление редистрибутивных элементов), что имеет место в любой стране, однако степень подобной гибридизации оказывается зависящей от типа институтов, доминирующих в ИМ, а также плотности «гидравлического общества».

Цифровизация трансформирует мировую систему. Различный уровень гибридизации институциональной среды в различных локальных цивилизационных матрицах, незавершенность процесса придания последним устойчивости вызывает высокую турбулентность в мире. Тем не менее, цифровизация не приведет к масштабной инверсии институциональных матриц, т.е. страны с X (Y) матрицей таковыми и останутся. Однако новый мировой порядок будет выстраиваться на условиях равноправного взаимодействия стран с X и Y матрицами.

Список литературы

1. Барахвостов П.А. Институциональный анализ интеграции земель Речи Посполитой в Российскую и Австрийскую империи // Вестник МГИМО университета. 2021. Т.14. №4. С. 51-69.
2. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб., 2014.
3. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998, 576с.
4. Barakhvostov P.A. The Remaking of Geopolitical Space and Institutional Transformations: The Case of The Baltic Region // Baltic region, 2021. V.13. N3. P. 42-57.
5. Chabba S. Pakistan's new Internet laws tighten control over social media // Deutsche Welle. 24th February 2020. URL: <https://www.dw.com/en/pakistans-new-internet-laws-tighten-control-over-social-media/a-52375508>.

6. Chi Eunju. The Chinese Government's Responses to Use of the Internet // *Asian Perspective*. 2012. V.36. P. 387-409.
7. COVID-19 Civic Freedom Tracker. URL: <https://www.icnl.org/COVID19tracker>.
8. Creemers R. Cyber China: Upgrading Propaganda, Public Opinion Work and Social Management for the Twenty-First Century // *Journal of Contemporary China*. 2016. V.26. N103. P. 85-100.
9. Deibert R. J., Masashi C.-N. Global Governance and the Spread of Cyberspace Controls// *Global Governance*. 2012. V.18(3). P. 339-361.
10. Eck K., Hatz S. State surveillance and the COVID-19 crisis // *J. Human Rights*. 2020. V.19. N5. P. 603-612.
11. Howells L., Henry L.A. Varieties of Digital Authoritarianism. Analyzing Russia's Approach to Internet Governance // *Communist and Post-Communist Studies*. 2021. V.54. N4. P. 1-27.
12. Howells L. Digital Authoritarianism in China and Russia: A Comparative Study // *Honors Projects*. 2020. URL: <https://digitalcommons.bowdoin.edu/honorsprojects/166>.
13. King G., Pan J, Roberts M.E. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression// *The American Political Science Review*. 2013. V.107(2). P. 1-18.
14. Laskai L. Nailing Jello to a Wall // *Control*. 2017. P. 191-208.
15. Lu J., Zhao Y. Implicit and Explicit Control: Modeling the Effect of Internet Censorship on Political Protest in China // *International Journal of Communication*, 2018. V.12. P. 3294-3316.
16. MacKinnon R. China's «Networked Authoritarianism// *Journal of Democracy*. 2011. V.22(2). P. 32-46.
17. Mare A. State-Ordered Internet Shutdowns and Digital Authoritarianism in Zimbabwe // *Inter. Journal of Communication*. 2020. V. 14. P. 4244-4263.
18. Münkler L. Space as a Paradigm of Internet Regulation// *Paradigms of Internet Regulation in the European Union and China*. 2018. Baden-Baden, Vol. 13. P.139-158.
19. Nations in transit 2021. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2021-04/NIT_2021_final_042321.pdf.
20. North D. C. Institutions // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. V.5. N1. P.97-112.
21. Polanyi K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y., 1977. 280p.
22. Polyakova A., Meserole C. Exporting Digital Authoritarianism. The Russian and Chinese Models. Brookings, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/research/exporting-digital-authoritarianism/>.
23. Roberts M. E. Censored: Distraction and Diversion inside China's Great Firewall. Princeton, 2018. V.16(4). P. 1134-1135.
24. Tan N. Digital learning and extending electoral authoritarianism in Singapore// *Democratization*. 2020. V.27. N6. P. 1073-1091.
25. Tkacheva O., Schwartz L.H., Libicki M.C., Taylor J.E., Martini J., Baxter C. The Internet in China: Threatened Tool of Expression and Mobilization// *Internet Freedom and Political Space*. RAND Corporation, 2013. P. 93-118.
26. Weber V. The Worldwide Web of Chinese and Russian Information Controls. Oxford, 2019. URL: https://public.opentech.fund/documents/English_Weber_WWW_of_Information_Controls_Final.pdf.
27. Wittfogel K. Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957. V. 56(4). P.393-395.
28. Working Together to Tackle the 'Infodemic'. URL : <https://www.euro.who.int/en/health-topics/Health--systems/pages/news/news/2020/6/working-togetherto-tackle-the-infodemic>.

Диалог культур как фактор укрепления глобальной стабильности

Бегалинова К.К.

АННОТАЦИЯ

В статье речь идет о необходимости ведения диалога в современном глобализованном мире, полном различных социальных противоречий, военных конфликтов. Показывается, как из-за игнорирования роли диалога общество ввязывается в различные войны, конфликты, в результате которых гибнут, страдают тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей. Раскрываются причины этих конфликтов, способы их разрешения. И одним из действенных способов является диалог. Автор раскрывает диалог как фактор укрепления глобальной стабильности. Без диалога немислимо бытие любого общества. Диалог есть форма взаимоотношений людей, когда требуется взаимопонимание, стремление понять точку зрения другого и по возможности принять его. Безусловно, диалог направлен на сближение позиций, взглядов людей, субъектов диалога. Анализируются эвристические возможности диалога. Показывается, что они неисчерпаемы. Рассматриваются принципы, условия диалога, сущность «платформы Тиллиха», в основу которой положено уважительное, благоговейное отношение к человеку, что важно и в наше время, когда человечество переживает ответственный этап своего развития. От того, насколько он будет соответствовать целям и задачам социального развития, будет зависеть развитие общества в целом, его способность качественно изменяться, его способность выдержать испытание временем, испытание историческим этапом своего бытия. Это очень ответственный момент нового тысячелетия. Будет ли человек соответствовать ему – покажет только будущее. И мы, живущие сегодня, постараемся сделать всё, чтобы приблизить это время посредством диалога как формы разрешения любого конфликта, укрепления стабильности общества, мира.

RESUME

The article deals with the need for dialogue in the modern globalized world, full of various social contradictions, military conflicts. It is shown how, due to ignoring the role of dialogue, society gets involved in various wars, conflicts, as a result of which thousands and thousands of innocent people die and suffer. The causes of these conflicts, ways of their resolution are revealed. And one of the most effective ways is dialogue. The author reveals dialogue as a factor in strengthening global stability. Without dialogue, the existence of any society is inconceivable. Dialogue is a form of human relations when mutual understanding is required, the desire to understand the point of view of another and, if possible, accept it. Undoubtedly, the dialogue is aimed at bringing together the positions, views of people, the subjects of the dialogue. The heuristic possibilities of the dialogue are analyzed. It is shown that they are inexhaustible. The principles, conditions of dialogue, the essence of the "Tillich platform", which is based on a respectful, reverent attitude towards a person, which is also important in our time, when humanity is going through a crucial stage of its development, are considered. The development of society as a whole, its ability to change qualitatively, its ability to withstand the test of time, the test of the historical stage of its existence, will depend on how it corresponds to the goals and objectives of social development. This is a very crucial moment of the new millennium. Whether a person will correspond to him – only the future will show. And we, living today, will try to do everything to bring this time closer through dialogue as a form of resolving any conflict, strengthening the stability of society and peace.

Ключевые слова: глобализация, кросскультурный диалог, транскультурация, культура, стабильность общества, принципы диалога, диалогическая философия, войны, конфликты, социальные противоречия, «платформа Тиллиха», интеграция, стабильность, мир

Keywords: globalization, cross-cultural dialogue, transculturation, culture, social stability, principles of dialogue, dialogic philosophy, wars, conflicts, social contradictions, «Tillich's platform», integration, stability, peace

Бегалинова Калимаш Капсамаровна, доктор филос.наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, ORCID:0000-0001-5575-5142, Алматы, Республика Казахстан, kalima910@mail.ru

Kalimash K. Begalinova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department religious studies and cultural studies, Kazakh Al-Farabi National University, ORCID:0000-0001-5575-5142, Almaty, Republic of Kazakhstan, kalima910@mail.ru

Наступивший XXI век не принёс конца войнам, терроризму и различным социальным конфликтам как формам решения человеческих проблем. Напротив, он порождает новые причины и следствия для ведения военных действий, представляющих реальную угрозу самоуничтожения человечества. В чём причина этих форм бесчеловечного решения человеческих проблем? Причина всё та же: человек, его противоречивость, не разрешаемые социальные противоречия, которые усугубляются глобализационными процессами. Глобализация, с одной стороны, ведет к росту взаимозависимости между народами и повышению уровня взаимодействия между культурами и цивилизациями, с другой стороны, предоставляя новые возможности по обмену и интеграции народов и культур, являет собой вызов в плане сохранения и развития культурного многообразия человечества и цивилизаций. В данном контексте возникают многочисленные противоречия между универсальными глобальными ценностями и самобытными национальными культурами, что составляет содержание и определяет направление социальных изменений в нашем глобализирующемся мире. Это противоречие можно определить, как столкновение идентичностей, о чем прекрасно писали Самюэль Хантингтон, Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, Макс Вебер, Фрэнсис Фукуяма и многие другие западные ученые. Эти противоречия порождают бесконечные конфликты, войны, вызовы. Современная картина внешнеполитических, межгосударственных отношений очень сложна, неоднозначна, насыщена обострением всевозможных противоречий на фоне глобальных миграционных процессов. Не случайно современный мир в научно-исследовательской литературе описывают как взаимосвязанный и непредсказуемый, хрупкий и прозрачный электронный, где ускорение времени, как никогда, набирает небывалые обороты благодаря мультимедийным спутниковым средствам связи, все более глобализирующим мировую систему. И в этих условиях государства, нации, этносы, особенно относящиеся к разряду аутсайдеров, в терминах постмодернизма к странам Первой волны, сталкиваются с другими в поисках «баланса сил» как ньютоновские бильярдные шары (Тоффлер, 2005), усиливая неравновесность мировой системы. Отсюда растет напряженность в мире, количество локальных войн. Не одно десятилетие полыхают войны, конфликты в странах исламского мира. И это вызывает особую озабоченность, поскольку мы связаны с ними общностью культуры, веры. Сегодня ни одно правительство мира не может контролировать курс своей валюты в мире, омываемой, по выражению Элвина Тоффлера, «нерегулируемыми приливами и отливами электронных денег». Из-за рубежа проникают набирающие силу потоки денег, террористов, оружия, наркотиков, чужой культуры, религии, поп-музыки, идеологии, информации и много чего еще. Наше общество, культуру называют массовыми, а человека именуют «человеком-массы» (Московичи, 1998). Эти массы и социально-культурные построения напоминают шаткую грудку кирпича, сложенную без специальной кладки и раствора. Они в любой момент могут рухнуть от любого незначительного порыва ветра, ибо лишены цементирующего вещества.

Как видим, реальную угрозу шатким социальным пирамидам представляют современные войны и вооруженные конфликты, как реальные, так и ожидаемые, возможные. Современные войны вызвали к жизни угрозу самоуничтожения человечества, выдвинули на первый план проблемы войны и мира, вопросы предотвращения войны. На рубеже тысячелетий в ООН отмечалось, что в последнем десятилетии, несмотря на позитивный факт предотвращения ракетно-ядерной войны, только обычные войны привели к гибели более пяти миллионов человек. В наше послевоенное время в мире велось около 300 войн, в которых погибли десятки миллионов человек. Научно-технический прогресс и социальные отношения породили невиданные ранее формы насилия над человеком – биологические, психологические, информационные войны. Не меньшая опасность исходит от современного терроризма, который выступает одной из опаснейших и изощренных форм вооруженного насилия, современной войной. Страшно предположить, что будет, если в руках террористов окажутся ядерное, химическое или бактериологическое оружие. «Терроризм – это не тот противник, которого можно обозначить на военных картах или штабных мониторах». «Террористы – кто они? Фанаты, некрофилы, шизоиды? Вряд ли можно ограничиться моральной экспрессией: они – нелюди, сумасшедшие, безумцы...» (Тоффлер 2005: 22-23).

В ситуации все новых вызовов для человечества особую значимость приобретает вопрос, связанный с сохранением мира: каковы новые формы или способы сосуществования людей различных культур и цивилизаций. Возможен ли глобальный диалог между цивилизациями, между культурами (Бадмаев, Сангаджиева 2013: 157). Безусловно, человечеству необходим диалог, иначе его ожидает сценарий «столкновения цивилизаций». Под диалогом понимается прежде всего обмен мнениями между сторонами. Диалог имеет различные формы – беседа, переговоры, консультации, собеседование, дискуссии и др. Поэтому диалог выступает широким обменом различными мнениями, вырабатываемыми учеными, интеллектуалами, теологами, представленными в СМИ и специальной литературе. В процессе такого обмена происходит филиация идей, их столкновение, взаимовлияние. Диалог — это многогранный исторический процесс сотрудничества и взаимовлияния различных культур, основной идеей которого являются совместные дискуссии, проводимые среди представителей различных народов, культур, конфессии. «Условием успешного кросскультурного и межконфессионального диалога является четкое знание тех значений, целей и смыслов, с которыми приходят к этой стадии общения партнеры; заблаговременное определение диапазона тех изменений, на которые может сознательно пойти каждый из участников. При этом более конкретным выступает знание собственных позиций и возможность их частичной трансформации в диалогическом общении» (Бадмаев, Сангаджиева 2013: 158). При позитивном диалоге необходимо равноправие сторон, каждый из участников отстаивает свои взгляды, и никто не имеет права требовать отказа от них. Об этом говорил еще в октябре 1986 года на Иссык-Кульском форуме Ч.Т. Айтматова. «Глобализированный мир, являющийся нашей эволюционной судьбой, не может быть жизнеспособен до тех пор, пока он не поддерживает насущные элементы разнообразия, которыми отмечены человеческие сообщества с тех времен, когда наши предки впервые спустились с деревьев. Это

означает разнообразие культур, верований и религий, экономических, социальных и политических устройств, а также всех способов жизни, сосуществующих в гармонии с взаимоуважением и непоколебимой доброжелательностью. Культивируемое разнообразие не означает изоляции людей или культур друг от друга: оно призывает к международному и межкультурному контакту и общению с должным взаимным уважением к отличиям, воззрениям, жизненным стилям и устремлениям каждого» (Айтматов 1998: 214-215).

Современный диалог понимается как «некий императив, требующий концептуальной разработки и институционального оформления. Приведем в связи с этим взгляды крупного протестантского теолога и философа Пауля Тиллиха (1886–1965), одного из первых, кто попытался систематически рассмотреть диалог религий как понятие и как проблему. Обобщая свой большой опыт наблюдения межрелигиозных контактов, он выпускает в 1962 году первую современную монографию по данной проблеме: «Христианство и встреча мировых религий». Здесь сформулирован свод принципов межрелигиозного диалога, ставший известным и влиятельным под именем «платформы Тиллиха». Приведем эти принципы. «Диалог между представителями разных религий основывается на ряде допущений. Во-первых, предполагается, что оба участника признают ценность религиозных основ другой стороны... так что оба они признают важность диалога. Во-вторых, предполагается, что каждый из участников способен уверенно отстаивать собственные религиозные позиции, так что диалог представляет собой серьезное противопоставление мнений. В-третьих, предполагается наличие общей основы, которая делает возможным как диалог, так и столкновение. В-четвертых, предполагается открытость обеих сторон для критики собственных религиозных основ. Если все эти условия соблюдаются, ... такая встреча двух или нескольких религий может быть очень плодотворной, и, если диалог продолжится, он даже способен привести к историческим последствиям» (Бадмаев, Сангаджиева 2013: 157). Эти положения можно распространить и на другие формы диалога культур, которым благоприятствует уважительное отношение к «другому». При этом, важным является знание причин, отличающих одни культуры, верования от других, что позволяет успешно вести любой диалог. Онтологическим основанием для его вступления и ведения диалога выступает выявление моментов общности, различия между участниками диалога. Речь в данном случае идет о важности выработки необходимых рекомендаций, установок для ведения диалога, «культуры диалога», которые обеспечивают саму ценность всего процесса диалога. Как справедливо считал выдающийся теоретик диалога Михаил Бахтин, «диалог» – корень и основание для всех определений человеческого бытия: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться». «Культура диалога» необходима для предотвращения тенденций взаимной нетерпимости и агрессивности в отношениях между культурами, этносами, религиями и подразумевает «обмен пониманием», а не «обмен непониманием», который ведет к конфликту» (Бахтин 1979: 294)

В наше время особую значимость в контексте диалога приобретает проблема транскультурации, под которой понимается «включение не одной, а нескольких культурных точек отсчета, пересечение нескольких культур, курсирование между

ними и особое состояние культурной потусторонности – не там и не здесь или и там, и здесь, в зависимости от индивидуального переживания этого состояния. Транскультурация, по мнению М.В. Глостановой, основывается на «культурном полилоге, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза, слияния, полного культурного перевода, где культуры встречаются, но не сливаются, сохраняя свое право на «непрозрачность». При этом «непрозрачности» могут взаимодействовать, сосуществовать, сплетаться в различные «кросскультурные узоры и букеты». Человечество находится в такой ситуации, когда различные цивилизации должны научиться жить рядом в мире, учась друг у друга, взаимно обогащая жизнь. Отсутствие диалога может привести к непониманию, напряженности, столкновениям. И международный порядок, основанный на диалоге, является самой надежной мерой предупреждения столкновения цивилизаций. Диалог возможен лишь между теми, кто способен преодолеть узкий горизонт своей идентичности, подняться над ним, включившись тем самым в более широкую коммуникационную систему отношений. В нем участвуют те, кто, осознав свою индивидуальность, не похожую на другие, одновременно осознает и свою связь с другими. Диалог и существует ради установления этой связи, ради достижения взаимного согласия между людьми, народами. В нашем стремительно меняющемся мире диалог религий, культур необходим для поддержания единого общецивилизационного поля, общечеловеческого пространства» (Бадмаев, Сангаджиева 2013: 159). Эвристические возможности диалога безграничны, поскольку они ориентированы на взаимоотношения субъектов диалога, каждый из которых обладает собственной внутренней культурой, духовностью, которые обогащаются, расширяются по мере их развития, взаимодействия с другими людьми, приобретения определенных знаний, опыта.

Решение всех коренных проблем кроется в самом человеке, в изменении его внутреннего мира. Правы восточные философы, которые говорили, что, прежде чем изменить мир, измени самого себя. Кардинальное решение всех социально-экономических и политических проблем невозможно без коренной перестройки духовного мира человека. Именно другой человек, человек с другим сознанием иначе решит все материальные проблемы, проблемы соотношения материального и духовного, чем современные люди, озлобленные, агрессивные, не способные разумно, взвешенно подойти к правильному решению глобальных задач. И поэтому новое мировоззрение, новое целостное видение мира и человека должно стать одним из ключей к решению данной проблемы. Только тогда человек сможет переориентировать свою отрицательно-психическую энергию, направить её в русло созидания, в русло творческой деятельности.

Человек живёт в сообществе. Это сообщество всегда было раздираемо противоречивыми тенденциями: добра и зла, насилия и ненасилия, прогресса и регресса, высшего и низшего. За этими противоречиями надо видеть интересы людей, сообществ, государств. Если посмотреть на современную географическую карту, то бросается в глаза наличие разных интересов государств Запада и Востока, Севера и Юга, так называемых развитых и развивающихся государств. Их интересы не совпадают. И питаются они, эти интересы материальными, политическими и

иными амбициями. Речь идёт о крупных монополиях, олигархах, людях, имеющих прямой доступ к материальным богатствам, которые, к сожалению, ещё определяют лидирующее положение людей в обществе. В сущностном плане их положение связано с такими материальными богатствами, как нефть, наркобизнес, драгоценные металлы, алмазы и другие вещи и предметы, материализующие властные функции человеческого бытия. И обладание ими, наличие их выступает альфой и омегой экзистенции людей в современном обществе. Очень грустно, что человек так однобоко реализует своё духовно-материальное богатство, свою человеческую сущность, эссенцию. Как можно в этих условиях говорить о том, что будущее принадлежит космическому Разуму, космически духовно богатому человеку. И все-таки мы верим, будущее принадлежит другому человеку, «лучистому человечеству». Тот этап, который переживает человечество – это зигзаг истории, его виток в бесконечной спирали развития, который необходимо пережить, который обогащает человека опытом античеловеческого, антикультурного бытия. Но это тоже человеческая история. И если мы хотим, чтоб она не повторилась, необходимо её хорошо знать, помнить, сделать всё, чтоб она была только пройденным этапом сложного человеческого развития. И в ее основу должна быть положена диалогическая философия.

Список литературы

1. Айтматов Ч. Т. Собрание сочинений: в 7-ми т. Статьи. Выступления. Эссе. Диалоги / сост. и ред. акад. Р. Рахманалиев. М., 1998. Т.7. 544 с.
2. Бадмаев В.Н., Сангаджиева Н.Н. Межконфессиональный диалог: культурное измерение // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2013, №1. С. 156-159.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
4. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 480 с.
5. Тоффлер Э. Война и антивоина: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 412 с.

Разработка стратегий и мастер-планов городов в условиях неопределённости

Беляева О.И.

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется процесс разработки стратегий и мастер-планов городов в условиях неопределённости. Исследуются вопросы обеспечения сбалансированности комплекса документов территориального планирования с положениями документов стратегического планирования на разных уровнях, включая мастер-планы. Автором проанализированы и систематизированы особенности стратегического планирования в муниципальных образованиях отдельных зарубежных стран. На основе изучения научных и экспертных мнений, анализа зарубежного опыта, автором определены наиболее эффективные инструменты, которые могут быть применены при разработке стратегий и мастер-планов в условиях неопределённости. Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанные рекомендации могут быть применены органами местного самоуправления на этапах разработки и реализации стратегий и мастер-планов городов с учетом прогнозируемых рисков и угроз социально-экономического развития.

RESUME

This article analyzes the process of developing strategies and master plans for cities under conditions of uncertainty. The issues of ensuring the balance of the complex of territorial planning documents with the provisions of strategic planning documents at different levels, including master plans, are being investigated. The author analyzed and systematized the features of strategic planning in the municipalities of certain foreign countries. Based on the study of scientific and expert opinions, analysis of foreign experience, the author identified the most effective tools that can be used in the development of strategies and master plans under conditions of uncertainty. The practical significance of the study lies in the fact that the developed recommendations can be applied by local governments at the stages of development and implementation of city strategies and master plans, taking into account the predicted risks and threats to socio-economic development.

Ключевые слова: стратегическое планирование, мастер-план, территориальное планирование, разработка стратегии, стратегия города в условиях неопределённости

Key words: strategic planning, master plan, territorial planning, strategy development, city strategy under conditions of uncertainty

Ольга Игоревна Беляева, кандидат экономических наук, доцент кафедры регионального управления, директор программы магистратуры «Стратегическое управление городом и урбанистика», Институт государственной службы и управления РАНХиГС, ORCID ID – orcid.org/0000-0003-0951-9928, Москва, Российская Федерация, belyaeva_klgd@mail.ru

Olga I. Belyaeva, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Regional Management, Head of the Master's degree program «Strategic City Management and Urban Studies», Institute of Public Administration and Public Service RANEPА, ORCID ID – [0000-0003-0951-9928](https://orcid.org/0000-0003-0951-9928), Moscow, Russia, belyaeva_klgd@mail.ru

Введение

Города сегодня становятся движущей силой развития экономики, науки, культуры и других сфер, которые нас окружают каждый день. Тем не менее, помимо новых возможностей урбанизация приводит и к ряду проблем и внешних угроз. К

таким вызовам можно отнести бюджетную недостаточность на муниципальном уровне, влияние пандемии, введение международных экономических санкций, общее состояние экономики в стране и регионах, а также другие факторы, требующие их оценки и учета.

Целью стратегического развития РФ является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны. Имеющиеся в настоящее время сценарии социально-экономического развития в стратегии города зачастую не могут учесть весь комплекс внутренних факторов и внешних угроз. Это обуславливает объективную необходимость исследования данного вопроса, а именно с помощью каких инструментов и методов можно наиболее эффективно разрабатывать стратегии и мастер-планы территорий в условиях неопределенности ситуации.

Вопросы стратегического планирования часто являлись предметом исследования российских и зарубежных авторов. Говоря о развитии стратегического планирования можно отнести ряд публикаций, авторами которых стали такие авторитетные ученые, как Б.С. Жихаревич, Н.В. Зубаревич, Н.Д. Кондратьев, Ю.Н. Шедько, Л.В. Канторович, А.Л. Гапоненко, О.С. Виханский, А.И. Наумов и др. Исследования по проблемам градостроительного планирования осуществлялись многими учеными. Систематическое изучение городов как территориальных образований началось в конце XIX — начале XX века. Исследованием стратегического планирования и его места в экономическом развитии занимались О.С. Виханский, А. Н. Петров, Б.А. Чуб и др. Теоретические аспекты стратегического планирования отражены в работах А. Г. Аганбегян, Е.М. Бухвальд, О.М. Рой. Среди зарубежных авторов необходимо отметить таких авторов, как Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. О.М. Рой. Вопросам разработки стратегии территориального социально-экономического развития России посвящены труды академика А.Г. Гранберга. Отдельные аспекты и особенности разработки, реализации мастер-планов были рассмотрены в работах таких современных авторов, как Тузовский В.С., Тахиаудинов М. М., Карелин Д. В., Манохин П.Е., Степанов В. П. и др.

Сущность, регулирование и значение стратегического планирования в городах

Слово «стратегия» имеет греческое происхождение и первоначально связывалось, в первую очередь, с военными стратегиями. Родоначальник концепции стратегического менеджмента И. Ансофф считает, что стратегия есть «набор правил для принятия решений, которыми организация руководствуется в своей деятельности» (Ансофф, 1989). Имеется большое количество определений данному термину, но они все схожи в том, что стратегия представляет собой способ действий, либо план действий, обычно на определенный период времени и является способом достижения цели, которая является главной для стратега, при этом не исключается корректировка такой цели и плана.

В советское время существовал прототип стратегии — это государственное планирование. В СССР устанавливались планы всего народного хозяйства и отдельных его отраслей, то есть цели, которые народное хозяйство должно достигнуть за определенный период. Безусловно, такие планы являлись стратегическим государственным планированием.

Актуальность разработки документов стратегического планирования на уровне местного самоуправления обусловлена следующими факторами:

- необходимость анализа существующей ситуации, проблем социального и экономического развития городов, взгляда на будущие возможности и угрозы в долгосрочной перспективе;
- поиск альтернативных решений, расстановка приоритетов развития на местном уровне, распределения бюджетных и других ресурсов в соответствии с уровнем значимости направления;
- потребность в улучшении координации действий различных субъектов, работающих в сфере экономической политики города, например, достижение баланса интересов между бизнесом и властью;
- поиск новых идей, способных стимулировать экономическое развитие, поддержка инноваций и повышение конкурентоспособности при сохранении социальных приоритетов общества;
- консолидация сил частного и общественного секторов в решении социальных и экономических проблем, повышение доверия к местным властям и к муниципалитету, как месту для жизни и инвестиций.

Нормативно-правовых документов по стратегическому планированию в настоящее время имеется очень большое количество. Конечно же, важными документами являются Конституция, Бюджетный и Налоговый кодексы, Градостроительный кодекс и другие. Отдельного внимания заслуживает Указ Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в определении долгосрочных перспектив и целей развития, а также Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. В 2021 г. вышел новый Указ Президента РФ N 633, в котором утверждены основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации. Основным действующий нормативный акт в сфере стратегического планирования — это Федеральный закон № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который выстраивает правовую основу стратегического планирования и должен обеспечить взаимоувязку, контроль за исполнением документов на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Помимо вышеперечисленных существует еще множество нормативных актов, касающихся отраслевых стратегий, реализации и оценки эффективности государственных программ и проектов Российской Федерации.

На каждом из уровней имеется свой набор документов стратегического планирования, например, на уровне макрорегионов сформированы стратегии федеральных округов. На региональном уровне основными документами стратегического планирования являются следующие: стратегия, прогнозы, программы субъекта Российской Федерации, а также планы по реализации стратегии, иногда разрабатываются дорожные карты по реализации стратегии. На муниципальном уровне законом рекомендуются следующие документы: стратегия, прогноз социально экономического развития и бюджетный прогноз, муниципальные программы и планы по реализации стратегии.

Как правило, бюджетные средства распределяются в соответствии муниципальными программами в городе, обеспечивая эффективное взаимодействие в треугольнике «стратегирование – бюджетирование – программирование». Чаще всего стратегии городов носят всего лишь декларационный характер, направление движения социально-экономического развития. Они мало взаимосвязаны и не встроены в прогнозы социально-экономического развития, в главный финансовый документ – бюджет муниципального образования, в целевые и ведомственные программы. Это говорит о том, что недостаточно развит механизм реализации такой стратегии и как результат – не достижение поставленных целей и задач.

Еще один важнейший вид планирования в городах — это территориальное планирование, которое регулируется Градостроительным кодексом Российской Федерации и направлено на развитие инфраструктуры городов, а также включает планирование городских пространств с учетом соблюдения баланса интересов населения, власти и бизнеса. Примеры документов — это схема территориального планирования города, генеральный план, мастер-план города, правила землепользования и застройки и другие.

Стратегия пространственного развития определяет ресурсы и механизмы достижения поставленных целей и задач, в том числе за счет привлечения бюджетных и внебюджетных источников финансирования, так как выделяет наиболее приоритетные и перспективные территории для города с целью создания новых объектов притяжения туристов и местных жителей. Стратегия пространственного развития также может использоваться как инструмент достижения ключевых показателей в рамках реализации отдельных муниципальных инициатив, региональных и федеральных программ, а также национальных проектов Российской Федерации. Во многих городах России стратегия пространственного развития зачастую включена в стратегию социально-экономического развития территории.

В настоящее время все большую популярность приобретает разработка мастер-планов, которые удачно сочетают в себе элементы стратегического и территориального планирования. Понятие «мастер-план» пришло к нам из зарубежной практики благодаря урбанисту Кейсу Кристиансе (Голландия), чья компания разработала стратегию пространственного развития города Пермь в 2010 году и стратегический мастер-план агломерации Березники-Соликамск-Усолье в Пермском крае. Одним из примеров новой разработки таких мастер-планов можно назвать мастер-план участка в районе бухты Новик острова Русский, разрабатываемый КБ Стрелка по заказу ДОМ.РФ. Здесь авторы ставят задачу разработать формирование современной городской среды там, где она только появляется и при этом учесть все экологические нюансы и инновационные процессы. Мастер-план может сочетать в себе не только пространственно-ориентированные решения, но и быть взаимосвязанным со стратегией или Генеральным планом. В свою очередь, Генплан в совокупности с программами комплексного развития транспортной, коммунальной и социальной инфраструктур представляет собой единый план инфраструктурного развития.

Согласно исследованию Жихаревич Б.С., Прибышина Т.К. среди городов с численностью свыше 100 тыс. чел. наличие стратегий принятых с 2014 по 2019 год распределилось следующим образом: среди 168 исследованных городов только

44,6 % имеют стратегию развития территории, из них города с населением свыше миллиона составляют 69,2% (не учитывались города федерального значения – Москва, Санкт-Петербург и Севастополь), далее идут города с населением 250-500 тыс. чел. с 47,5% наличия стратегий (Жихаревич 2019: 188). По данным цифрам можно судить о том, что необходимость стратегического подхода к развитию городов растет и мы видим интерес со стороны общественности, жителей к данному вопросу. Наиболее успешными стратегиями пространственного развития среди городов сегодня можно выделить Екатеринбург, Омск и Южно-Сахалинск. Мастер-план Южно-Сахалинска был выполнен Институтом территориального планирования «Урбаника» и архитектурным бюро «Остоженка». В мастер-плане была предложена детализированная концепция развития общественных пространств Южно-Сахалинска.

Стратегии многих малых городов опираются на стратегии развития территориальных образований регионального или федерального уровней или на стратегические документы более крупных населенных пунктов (Беляева 2021: 483).

Особенности разработки стратегий на примере отдельных зарубежных стран

Эффективное стратегическое планирование сопряжено с целым комплексом проблем, связанных с необходимостью учитывать ряд разноплановых и разнонаправленных внешних факторов. Среди них – исторические особенности развития конкретного города, юридические аспекты формирования городского пространства, социальные практики и традиции горожан, взаимодействующих и вступающих в отношения в уникальной экономической, материальной и культурной среде, внешние угрозы и риски экономики.

Необходимо глубже исследовать российский опыт и зарубежную практику стратегического планирования, которая на примере отдельных стран систематизирована автором и представлена в таблице 1.

Таблица 1

Особенности разработки стратегий на примере отдельных зарубежных стран

Страна Этапы	Канада	США	Германия	Великобритания
1	Оценка истории муниципалитета и значительных достижений. Определение концепции (видения) и миссии города	Подготовка: орг. структуры, плана работы, обеспечение необходимыми ресурсами	Формулировка «Mission Statement» (миссии, видения)	Создание группы стратегического планирования. Консультации с основными стейкхолдерами
2	Определение ценностей для муниципалитета	Активное привлечение к участию в процессе планирования всех заинтересованных сторон	Глубокий SWOT-анализ	Подготовка плана действий по формированию стратегии
3	Выявление ключевых бизнес-драйверов, «SWOT» анализ оценка критических факторов	Оценка окружающей среды: ресурсы, возможности, «SWOT» анализ.	Подготовка коммуникативной стратегии (состав участников разработки, распространение информации общественности)	Разработка видения и миссии муниципалитета, определение его роли в регионе.

4	Определение целей (должны быть четкими, краткими)	Разработка видения и миссии, стратегических приоритетов	Расстановка и определение приоритетов развития	Стратегический анализ проблем и возможностей
5	Формулировка задач и перспективных направлений для каждой цели	Установление целей, конкретных задач и направлений	Подготовка сценариев развития муниципалитета	Разработка сценариев и стратегических намерений развития
6	Определение конкретного плана действий, перечня проектов и мероприятий	Утверждение стратегии на местном законодательном уровне	Оценка обеспеченности ресурсами, подготовка финансового плана	Планирование тематических стратегий (в соответствии с местными проблемами)
7	Создание сценариев развития	Выделение финансирования на основе стратегического плана	Разработка проектов и планов по реализации стратегии	Построение иерархии целей, установление долгосрочных и краткосрочных целей
8	Претворение в жизнь выдвинутых задач, оценка выполнения по ситуации	Мониторинг реализации (отчетность), обзор показателей и индикаторов	Непрерывная оценка хода и качества реализации планов и проектов	Подготовка специфических стратегий конкретных служб
9	Формирование перечня показателей, индикаторов эффективности стратегии	Обсуждение результатов с членами местного совета, в т. ч. празднование достижений, корректировка стратегии, разработка ежегодного плана действий	Утверждение местными органами власти перечня показателей и индикаторов эффективности	Подготовка отчетов по реализации каждой из целей
10	Наблюдение за процессом выполнения стратегии и оценка ее эффективности	Оценка качества процесса стратегического планирования в муниципальном образовании	Координация и контроль реализации стратегических планов	Оценка стратегии, корректировка стратегии

Рассмотрим некоторые современные технологии и инструменты, применяемые при разработке стратегии и мастер-плана более подробно, которые дают возможность учета рисков и особенностей реализации этих документов в условиях неопределенности. Как справедливо отмечено в работе Л.В. Галата, Т.А. Мартыновой о необходимости прогнозирования, определения сценария будущего развития событий с учетом влияния разных факторов. Также отмечена важность прогнозирования неналоговых доходов, что позволит выявить ключевые точки роста города (Галата, Мартынова, 2021: 70). В другом исследовании показана устоявшаяся практика применения SWOT-анализа с целью выявления угроз городского развития на примере г. Минска, что позволяет обеспечить выработку стратегических приоритетов и действий по их реализации (Пинчук 2021: 243).

Подходы и инструменты разработки документов стратегического планирования с учетом рисков и внешних вызовов

Исходя из российской и мировой практики сформировались свои подходы к разработке документов стратегического планирования с учётом имеющихся рисков и вызовов, можно отметить некоторые общие принципы и особенности разработки таких документов, которые представлены автором в таблице 2.

Таблица 2

Подходы к разработке документов стратегического планирования в муниципальных образованиях за рубежом

Организационный подход	Характеристика	Концепция	Конституционного регулирования	Бизнес-подход
Административный подход – поручение разработки стратегии администрации муниципалитета	Тщательное научное обоснование стратегии, показателей, инновационные подходы к планированию	Городское предпринимательство	Унитарные государства - принцип планирования «сверху-вниз»	Бенчмаркинг, т. е. модели, построенные по образцу лидеров стратегического планирования
Создание временной рабочей группы с приглашением представителей местного сообщества	«Проектная» ориентация стратегии, проектное управление	Городской маркетинг	Федеративные государства - принцип планирования «снизу-вверх»	Стратегические матрицы SWOT, PEST, SNW и др.
Разработка стратегии силами сторонней организации	Гибкость и адаптивность процесса стратегического планирования, регулярная корректировка стратегии	Устойчивое развитие		Система сбалансированных показателей, GAP-анализ
Поручение разработки стратегии специализированному агентству (АЭР)	Активное участие местного сообщества, общественно-частное партнерство	Умный город (интеллектуальные технологии)		Дорожные карты, ключевые показатели эффективности

Таким образом, в зависимости от этапа разработки стратегии возможно применение следующих инструментов. Рассмотрим отдельные наиболее часто применяемые инструменты и технологии стратегического планирования в современных городах за рубежом более подробно (на основе данных таблицы выше).

Одним из наиболее часто применяемых инструментов стратегического анализа признан SWOT-анализ. Оценка сильных и слабых сторон в соотношении с анализом потенциальных возможностей и угроз внешней среды помогает предложить эффективные меры для конкретного города, расставить стратегические приоритеты и выявить возможности реализации намеченных целей. Еще одним распространенным инструментом для определения факторов макросреды

(политических, экономических, социальных, технологических, правовых и экологических факторов), является PEST-LE анализ.

SNW-анализ – довольно популярный метод в стратегическом менеджменте, а также часто применяющийся для оценки конкурентоспособности предприятия. Так автором предлагается применение данного метода при оценке конкурентных позиций города для их учета при разработке стратегии в условиях внешних вызовов. С английского аббревиатура переводится как S (Strength) – сильные стороны, N (Neutral) – нейтральные стороны и W (Weakness) – слабые стороны. Основная задача устанавливается для определения преимуществ и усиления этих преимуществ, а также перевода слабых сторон в статус сильных либо нейтральных факторов. Необходимо минимизировать влияние слабых сторон на развитие территории. В каждом из факторов можно оценить риски и угрозы.

GAP-анализ (с англ. «разрыв») является одним из часто применяется инструментов стратегического анализа организации, однако данный метод можно применить и при разработке стратегии города либо мастер-плана, поскольку он имеет свои достоинства в части понимания правильности формулировки задач и целей, представления графически имеющихся результатов. Суть GAP-анализа заключается в предварительной диагностике текущей ситуации и планируемого уровня развития города, а затем в выявлении «разрыва» (наиболее проблемных мест) между целями развития города и возможностями по их достижению. по наиболее острым проблемным моментам можно разработать варианты решений. Наглядно представлены решения можно представить в виде дашборда (графически представленные аналитические данные на специальной панели).

В настоящее время город рассматривается как центр пересечения разноплановых интересов многих социальных групп и сообществ: власть, бизнес, НКО, население и другие. Важное значение при этом должен играть методологический подход, основанный на участии, механизм «социального партнерства» участников экономической, бюджетной, политической и социальной сфер города. В сложившихся условиях во многих муниципальных образованиях недостаточно эффективно решается вопрос согласования интересов различных субъектов и объектов управления, что предопределяет необходимость разработки механизма, основанного в том числе, на сбалансированности регионального бюджета. Одними из проблем можно назвать отсутствие комплексного подхода к данной проблематике и низкий уровень информационно-коммуникационного взаимодействия основных заинтересованных участников в городе.

Метод Balanced Scorecard (инструмент сбалансированной системы показателей) – используется стандартное статистическое описание города в системе национальных счетов, что очень помогает процессу прогнозирования.

Проектное управление как инструмент реализации приоритетов внедрения проектного подхода к управлению инструментами развития территорий, в том числе стратегического планирования. Выделяется несколько концептуальных подходов к определению стратегического управления: проектный (инвестиционный подход), отраслевой (программы развития отраслей, практика поддержки импортозамещения), кластерный подход (кластерные образования и инициативы,

меры поддержки кластеров). Можно привести в пример один из наиболее важных примеров политики создания промышленных кластеров в Южном Китае – программу «Специализированные города», которая превратила некоторые китайские кластеры в основу глобальных производственных цепочек (Barbieri, Tommaso 2019: 420). Проектный подход позволяет лучше учитывать риски.

Бенчмаркинг как инструмент позволяет субъекту, в качестве которого могут выступать государственные организации, компании, образовательные учреждения, регион, город и др., не только найти лучший опыт, но и на его основе создать нечто новое. Подход к рассмотрению того или иного опыта зависит от рассматриваемой сферы: экономическая, политическая, социальная, культурная. Чичерина А.С. исследует такое явление, как бенчмаркинг в отношении зарубежной практики стратегического планирования городского развития (Чичерина 2017: 53).

Дорожная карта является документарным инструментом наглядного представления поэтапного сценария развития города или отдельных его предприятий, использование которой обеспечит комплексный подход к реформированию таких составляющих, как промышленность, транспортная система и городская инфраструктура. Приоритетные направления дорожных карт социально-экономического развития городов касаются перспективного и стратегического развития городов.

Форсайт (англ. «foresight» – предвидение) — достаточно гибкий методический подход, разработанный в целях обеспечения долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития, основанный на многогранном опросе мнений экспертов по ключевым вопросам. Разработка дорожной карты может быть частным методом представления результатов форсайта, при этом форсайт намного шире и масштабнее дорожного картирования. Функция метода также состоит в том, чтобы организовывать общие дебаты, вести обсуждение путем многоступенчатой экспертизы с местным сообществом, бизнесом, НКО, экспертами.

Параллельно с дорожной картой зачастую разрабатываются онлайн-приложения и электронные инструменты, которые поддерживают создание и внедрение интеллектуальных городских и региональных стратегий (3, 2022).

Выделение ключевых показателей эффективности стратегического управления помогает в достижении стратегических и тактических целей развития города.

Интеллектуальные методы городского планирования и электронные инструменты обеспечивают руководство и анализ шагов, которые необходимо предпринять для планирования и реализации успешной стратегии интеллектуального города. Новые технологии — «умный» город (цифровая трансформация), единая система стандартизации «умного» города (показателей, индикаторов). Популяризация ИКТ и инфраструктуры IoT (интернет вещей) с целью сделать новые технологии доступными и понятными для рядовых пользователей, снижение технологического отставания городов особенно актуально в условиях внешних угроз и рисков.

Отдельно хотелось бы отметить, что важнейшей из характеристик документов стратегического планирования, в том числе стратегии социально-экономического развития города, является вариативность будущего, которая выражается в наличии различных сценариев развития (Климанов 2017: 46). Наличие городских стратегий

социально-экономического развития позволяет развернуть долгосрочные решения (со сроком реализации пять и более лет) в набор средне- и краткосрочных задач, увязанных между собой.

Выводы

Таким образом, в работе выявлены особенности стратегического планирования в ряде промышленно развитых стран на современном этапе. На основе обобщения практики в России и зарубежного опыта, автором показано, что в процессе разработки стратегии или мастер-плана можно применять разные инструменты стратегического планирования с целью учета условий неопределенности, в числе которых: матрицы SWOT-анализа, PEST-анализа, проведение GAP-анализа; бенчмаркинг; дорожные карты; форсайт-сессии; проектное управление; цифровые технологии; система сбалансированных показателей; интеллектуальные технологии и др. Для повышения эффективности разработки документов стратегического планирования в условиях неопределенности необходимо:

- оптимизировать количество принимаемых документов по уровням;
- обеспечить согласованность стратегического планирования и бюджетного процесса;
- повысить уровень информационно-аналитического обеспечения с целью улучшения процессов прогнозирования, формирования сценариев будущего, в т. ч. с учетом внешних угроз и вызовов;
- проводить оценку эффективности и мониторинг стратегий, мастер-планов;
- учитывать новые тенденции и риски при разработке документов стратегического планирования городов.

Список литературы

1. Ансофф И. Стратегическое управление / Пер. с англ. М.: 1989. 563 с.
2. Беляева О. И. Стратегические приоритеты государственной политики в снижении регионального неравенства. Экономика и предпринимательство. 2021. № 10 (135). С. 481-484.
3. Всемирный форум городов. URL: <https://unhabitat.org/wuf>.
4. Галата Л. В., Мартынова Т. А. Проблемы разработки стратегии социально-экономического развития в условиях современных экономических вызовов (на примере города Краснодара) // Экономика, финансы и безопасность в период пандемии: состояние и возможные перспективы: мат-лы Межд. науч.-практ. онлайн-конф. Орёл, 2021. С. 77–84.
5. Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К. Стратегии развития городов: российская практика 2014-2019 гг. Пространственная экономика, 2019. Том 15. № 4. С. 184-204.
6. Климанов В. В., Сафина А. И. Вариативность в документах стратегического планирования в стране // Менеджмент и бизнес-администрирование. №1. 2017. С. 44-65.
7. Пинчук И. В. Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2021. С. 240-245.
8. Чичерина А. С. Бенчмаркинг зарубежной практики стратегического планирования городского развития // Воронежский институт экономики и социального управления. Воронеж, 2017. № 4. С. 52-55
9. Barbieri, E., Tommaso, M. Industrial Policy in China: The Planned Growth of Specialised Towns in Guangdong Province. Volume 12, Issue 3. 2019. P. 401-422.

«Кровь» и «Почва» в цивилизационном коде современной геополитики России

Бочарников В.Н.

АННОТАЦИЯ

Политика, распознаваемая как характеристика образа действий, направленных на достижение определённых целей в отношениях больших сообществ между собой является уделом профессиональных когорт. Идеи геополитики приходят из философии и социологии, истории и политики, но идейным дополнением этой научной дисциплины были естественные науки, в частности теория сохранения разнообразия жизни. Объяснение политики в натуралистской концепции может быть объяснено внешней природой среды (географическая парадигма) или исходя из свойств живой природы (метафора организма), так и из качеств самого человека. Современная геополитика в трудах своих отдельных представителей изучает воздействие естественно-природных факторов на мировой политический процесс как таковое, сближаясь не с одной лишь глобалистикой, но и с экополитологией. Однако, взаимодействие человечества с биосферой сейчас вышло на качественно новый уровень. Наступившая эпоха Антропоцена обозначает новое «прочтение» давней гуманитарной концепции антропоцентризма, а в общенаучном смысле новая онтология ныне выступает совокупностью всеобщих определений и пояснений бытия как целостной картины, показывающей позицию человека в мире.

RESUME

Politics, recognized as a characteristic of the way of actions aimed at achieving certain goals in the relations of large communities among themselves, is the lot of professional cohorts. The ideas of geopolitics come from philosophy and sociology, history and politics, but the ideological complement of this scientific discipline was natural sciences, in particular the theory of preserving the diversity of life. The explanation of politics in the naturalist concept can be explained by the external nature of the environment (geographical paradigm) or based on the properties of living nature (metaphor of the organism), and from the qualities of the person himself. Modern geopolitics, in the works of its individual representatives, studies the impact of natural factors on the world political process as such, approaching not only globalism, but also ecopolitology. However, the interaction of mankind with the biosphere has now reached a qualitatively new level. The coming epoch of the Anthropocene signifies a new «reading» of the long-standing humanitarian concept of anthropocentrism, and in the general scientific sense, the new ontology now acts as a set of universal definitions and explanations of being as a holistic picture showing the position of human in the world.

Ключевые слова: геополитика, биоразнообразие, дикая природа, Россия, Антропоцен

Keywords: Geopolitics, biodiversity, wilderness, Russia, Anthropocene

Бочарников Владимир Николаевич, д-р биол. наук, профессор, вед. научн. сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, SPIN-код: 6717-3510, ORCID ID – <https://orcid.org/0000-0002-6574-7864>, Владивосток, Российская Федерация, vbocharnikov@mail.ru

Vladimir N. Bocharnikov, Dr. Sci (Biology), Leading Researcher of the Pacific Institute of Geography FEBRAS, SPIN-код: 6717-3510, ORCID ID – <https://orcid.org/0000-0002-6574-7864>, Vladivostok, Russia, vbocharnikov@mail.ru

Введение

География и история формируют средства навигации и хронометража человечества, в прикладных целях, которые используют общественные деятели, исследователи и политики. Современный мир отличается высоким уровнем

турбулентности в международных отношениях, формируемой мало предсказуемыми многочисленными и противоречивыми средовыми и конъюнктурными факторами существования постбиополярного миропорядка (Полулях, 2017).

Любое общество имеет обязательную культурно-историческую маркировку, в ней «проставлены» пространственные координаты и сделаны хроноотметки, фиксирующие состоявшейся этап имевшей место социальной деятельности. И обычное содержание всемирной истории, что составляют завоевания, крупные международные конфликты, удачные проекты формирования и распада государств, показывающие цикличность существования и исчезновения народов, не является ныне уже достаточным (Семенов, 1997).

Политика, как и экономика возникает в условиях появления некоего дефицита, с разницей лишь в том, что первая является следствием несовпадения групповых интересов, в экономике же доминантой служит получение материальной выгоды. В новейшей истории происходит развитие начальной стадии Антропоцена — новой, хотя и не признаваемой всеми, геологической эпохи в истории Земли. Глобализация транслируется ныне как процесс, глобальные проблемы как исследовательский предмет, тогда очевидно, что объяснение политики в натуралистской концепции может быть выполнено как из особенностей внешней природой среды (географическая парадигма), так и исходя из качеств самого человека как типового свойства живой природы (к примеру метафора организма).

Антропоцен — неформальный геохронологический термин, обозначающий геологическую эпоху с уровнем человеческой активности, воздействующей на дикую природу и играющей существенную роль в экосистеме Земли. Здесь планетарность проявлена ее масштабом, целостность восприятия рассматривается как обязательный атрибут, впрочем, не раскрывающий многообразие и многогранность возможностей общечеловеческой цивилизации (Шешнев, 2017).

Географическая общественная разметка формирует ныне иной язык политики и экономики, все более выходящий за пределы прежних идентичностей инициативного Запада и пассивного Востока, богатого Севера и развивающегося Юга и т.п. В текущий период становится хорошо объясним поиск и формирование новой структуры геочивилизации, способной заменить собой западную парадигму развитию, ориентированную на ограниченный характер пространственного развития (Комлева, 2019).

Геополитика – предстает как деятельность, подразделяемая на экономическую, социальную, экологическую, культурную, военную, национальную и т.п. с выраженным особым интересом, сознанием, отношениями и взаимодействием во всех сферах общественной жизни. Истоки современной политологии обращают к базовой просветительской идеи гражданского общества, предполагающей существование «естественного» человека и либерализм, устраняющий государственное влияние на общественного индивида к минимуму. Диалектика Г.В. Ф. Гегеля позволяет рассматривать обязательность, и даже необходимость существования противоречий, требующихся для включения механизма любого развития.

Геополитика – специфическая политическая категория, что в отличии от нередко сопрягаемых терминов таких как «цивилизация», «общество», «народ»,

«культура», «эволюция» формирует вполне очевидную пространственную направленность своего предназначения. Появилось понимание, что политика должна отвергать линейный характер времени, когда в ее отражении показывается, что сменяются лишь лидеры и концепции, должны вскрываться и глубинные механизмы происходящего, определяться потаенные драйверы формирования международного порядка с обязательным энтропийным учетом.

Индивидуально-личностное учение либерализма декорирует примат отдельного, индивидуального, персонального перед обществом, обозначенность «естественного человека», обязательность закрепления частной собственности, убеждение в том, что все законы и ценности человек создает себе сам. Но здесь же и учитывается то, что: «человек видится как существо, обладающее разумом и волей, жизнь которого имеет смысл и предназначение, а не является пустой игрой стихийных сил природы», как справедливо замечал автор идеи коэволюционной стратегии ак. Н.Н. Моисеев (Глушенкова, 2018).

Государство – организм, система или напротив, – атавизм как транслируется релятивизмом представлений времени постмодернизма. Государство для Н.Н. Моисеева есть самая ранняя форма самоорганизации человеческого общества в истории, способная порождать новые и новые организмы. И если цивилизация позиционируется как социокультурный типологизируемый феномен человеческого развития, то «западный» вектор стремления непрерывной демонстрации евроцентристской избранности остается, а доминантные устремления США не потеряли еще своего значительного влияния в мире.

В своих истоках, геополитические воззрения, в классике развития исторических идей Фукидида, появились с ростом мощи государств и их позиционирования в качестве угроз другим государствам. В истоках российского политического дискурса следует обозначить русского публициста, социолога и естествоиспытателя Н.Я. Данилевского с его теоретической идеей культурно-исторических типов человеческой цивилизации, хотя западный цивилизационный процесс в таком ракурсе инспирируется как «процесс замещения власти отношений отношениями гражданского партнерства» (Панарин 2000: 7).

Французский либерал Алексис де Токвиль рассматривал вопросы защиты свободы индивида, в развитии данной позиции Бенжамен Констан утверждал, что народный суверенитет заканчивается там, где начинается независимость частного лица с его ценностями, духовной и материальной автономией, защищенного законом. Англо-саксонские философские «корни» следует отмечать, начиная от высказываний философа Джона Локка, который обосновал в политическо-философском дискурсе приоритет личности над обществом и государством, обозначил тему общественного договора, гарантом которого выступает государство.

Лишь в контакте, природы и человека, возникает необходимость переосмысления понятий «отчуждение», «освоение» и «присвоение». Политика – это игра, – утверждал известный отечественный политолог А.С. Панарин, к этому можно добавить, что таковая напоминает разрушительные игры природы с их кажущимися внезапными порывами яростного противоборства земных стихий. «Код» же как лингво-техническое и культурологическое понятие продолжает

метафоричность обращения к проблеме развития и самого существования личности русской цивилизации. Главной задачей в данном сообщении является авторское желание привлечь внимание к тезису о том, что «знание – создается как форма освоения человеком природы, рассмотрения мира в его предметной целостности при сохранении восприятия пространственно-временного континуума полярностей дикой природы и культурного ландшафта», что можно выполнить и осознать в полной мере на территории России.

Постановка проблемы «ненатуральности» мировой геополитики

Метафора «кровь» и «почва» получила широкую известность в геополитическом применении, что позволяет ее рассматривать как встроенный элемент отображения в политике базовых общечеловеческих потребностей. Здесь можно вспомнить, что немецкие экологические обозначения «кровь и почва» послужили выразительной метафорой, обозначающей очевидность врожденной экспансии, и, следовательно, необходимость агрессии и экспансии как обязательное свойство живого.

Российский общественный деятель П.Б. Струве обозначил тезис о том, что культура есть то, что дает бытие, а государству придает смысл и оправдание существования. К теоретической классике основы геополитики относят такие крупные географические идеи как: государственный экспансионизм (Ф. Ратцель, Ю. Челлен, К. Хаусхофер, П. Видаль де ла Бланш); библейский метафоризм противоборства Запада и Востока К. Шмитта; существование и взаимодействие в противоборствующих государствах Моря и Суши (Бражников, 2015). Известны – диалектический антагонизм и глубинная обусловленность дихотомии «Хартленд-Римленд» (Маккиндер и Н. Спайкмен), морская доктрина А. Мэхена, построения русской империи «от моря до моря В.П. Семенова-Тян-Шанского» (Василенко, 2003).

Зарубежные позиции, классифицирующие политику, базируются на трех философских основаниях: позитивизм, бихевиоризм и прагматизм. Рождение мировой геополитики можно связывать с появлением масштабных дихотомий – противостояния океанической (талласократия) и материковой (теллурократия) государственно-цивилизационных группировок. Идеи геополитики приходят из философии и социологии, истории и политики, из повседневной жизни и фундаментальной науки, идейным стержнем геополитики, полагаю были, и во многом остаются, естественные науки.

В западных подходах более привычен универсализм, и все существующие общемировые оценки антропогенной нарушенности или сохранности дикой природы даются без явной акцентуации на фактическое состояние (Исаев, 2011). В контексте представляемой нами концепции – геополитика выступает центральным элементом идеализированного тройственного отображения междисциплинарного подхода, определенного взаимодействием научных оснований политологии, географии и экологии. Основанием для пересмотра прежних экологических позиций с середины XX в. стала откровенная общемировая неудача с фактической

реализацией парадигмы устойчивого развития, а также и не снижающиеся темпы потери лесов, опустынивание, сокращения запасов пресной воды, истощения биологических ресурсов на суше и на море, все большую отрицательную роль стали отдавать причинности глобального изменения климата.

Геополитика обеспечивает инструмент для вдумчивого рассмотрения глобального мира в контексте региональной вражды, внутригосударственного противостояния, национальной конфронтации и во множественности неразрешимых противоречий международного порядка. Немецкие географы Карл Хаусхофер и Фридрих Ратцель обеспечили развитие социал-дарвинистских идей, переводя их содержание в разработку конкретных национальных планов мирового переустройства. Определенным их дополнением является англосаксонская концепция Геи Дж Лавлока представляет всю нашу планету как единый суперорганизм, как целое, где все связано со всем (Lovelock, 2009).

В трудах натуралиста и путешественника Александра фон Гумбольдта можно найти не только истоки геополитики, но и базовые основы для политической экологии, экологической политологии, экологической экономики, географической экологии и экономики природопользования. Но до сих пор политики не акцентируют никогда природу как определяющий, и почти автоматически перенаправляют все, что связано с Nature в вспомогательный и не решающий факторный контекст. Реальность современного мира заметно отличается от пожеланий и устремлений, которые вкладываются безальтернативными стратегиями Запада.

Предмет глобалистики — наиболее общие основания и качественные особенности планетарной политической сферы в условиях обострения глобальных проблем и нарастающих процессов глобализации. Дисциплинарная теория геополитики изучающая отношение государства к пространству (Р. Челлен) предстает важнейшим средством визуализации государственных интересов и выделения стратегических интересов транснациональных групп. Успех и признание в экономике центрально-периферийной модели имело свое основание в провозглашении хартленда и римленда, с неизбежным обменом их функциональных ролей.

Организованную теорию государства предложил для теории геополитики Ф. Ратцель. Основная цель государства, по Вильгельму фон Гумбольдту, — служение обществу и обеспечение безопасности граждан. Переход к современным надгосударственным представлениям о межконтинентальном политическом дрейфе обусловили начала масштабных процессов освоения недр и Космоса, освоения подводных ландшафтов и создание ядерного оружия, стремительное развитие транспорта и коммуникационных средств, развитие дистанционных средств слежения и противоборства. и глобальные подвижки «геополитических плит» Евразии, промышленная постиндустриальная революция, все то, что можно метафорически охарактеризовать как «лихорадочный пульс жизни в осыпающемся мире.

Диалектическое противоборство в геополитике, объясняющее политические процессы не отвергает ни применение эволюционного организма Ч. Дарвина, ни идей социал-дарвинизма и социобиологии, таковые не потеряли своей значимости за многие десятилетия и в современный период. В трактовке Н.Н. Моисеева системой

будет — «государство-нация (в рамках теорий цивилизаций — сама цивилизация), а среда — это, буквально, та окружающая естественная, природная и социальная среда, которая влияет на систему и даже способна собой ее определять» (Мухаев, 2007: 13-15).

Парадигма устойчивого развития получила известность после Всемирной Конференции ООН в Рио-де-Жанейро 1992 года, тогда же когда и была утверждена международным сообществом Конвенция о сохранении биологического разнообразия. Устойчивое развитие — концепция ООН, которая предполагалась должна быть действовать как гармоничный альтернативный ресурсному вариант всемирного развития, не оправдала себя, и характерной чертой времени стали экономические, финансовые и политические кризисы, где устраивающий всех выход из них человечеством не находится. Хотя немецкий политический философ У. Бек, говоря об абсурдности возведения «законов природы» в абсолют, отмечает: «природа сама по себе — не природа, это концепция, норма, утопия, абстрагирование...», которая со временем естественно меняется (Бек, 2000).

Н.Н. Моисеевым в концепцию устойчивого развития вложен нетипичный антропный принцип: человек стал объективно един с природой — неважно хочет ли он этого, осознает или нет — он качественно воздействует на нее и должен нести за это ответственность. На начальном этапе, при выделении геополитики из географии, была сильна позиция идей социал-дарвинизма, и образ государства как живого организма с его целостностью, метаболизмом и рефлексией на контактное раздражение, и, следовательно, право на ответную территориальную экспансию государства был определяющим. В социологическом подходе, и неслучайно, что было подмечено А.Г. Дугиным (2012) так, что «геополитика есть и наука, изучающая отношение государства и общества к пространству» (Дугин 2012: 12).

Один из отцов отечественной политологии К.Н. Леонтьев отмечал византийскую преемственность России на фоне конечности (эсхатологичности) и тысячадвухстолетней циклики государственного существования. В рамках такого нейтрального определения эколого-политическое измерение не находит точки пересечения с областью геополитики, на сегодня превратившейся в изучение форм контроля и, шире, взаимодействия (мысля его в русле политического идеализма), государства и других политических акторов с пространством Земли.

Ныне экологическая политология не привносит некие «экологические» принципы в политическую жизнь, наше внимание фокусируется скорее на взаимоотношениях людей и политических сообществ, в которые они входят, и скажем так, с «нечеловеческими» условиями и событиями в их окружающей — в том числе природной — среде по мере их адаптации к данной среде. Начнем с того, что политика не является объектом внимания и предметом интереса обычного человека в благополучное время. Она всегда остается лишь процессно-ориентированной характеристикой некоего образа действий, направленного на достижение скрытых и явных целей, главным образом во взаимоотношениях больших сообществ между собой.

Обострение экологических проблем в современную эпоху в значительной степени объясняется тем, что применяемая модель развития человечества во многих отношениях дефектна, логически неполноценна. В этом смысле, современное

общество не просто становится все более восприимчивым к новым технологиям, но и проникается особым технологическим мировосприятием: любая серьезная проблема осознается и мыслится в обществе как проблема существенно технологическая. Попробуем ответить на невысказанный еще вопрос: а насколько высказанное утверждение автора является преувеличением?

Дикая природа – это особый образ, философский концепт, фундаментальный идея, географический образ, практическая конструктивистская парадигма, практически неизвестная научному сообществу России (Бочарников, 2014). Будущее природы, как и будущее человечества может иметь несколько цикличных линий развития, о вероятности наступления которых, впрочем, мы не можем судить уверенно. Но сегодня не является секретом многочисленные проблемы и со здоровьем и адаптационными возможностями человека, и, тем более, мы не можем постичь закономерности природы будущего, активно изменяемой человеком.

В формате раскрытия глубинного философского смысла познания природы следует осмысливать базовые основы конструирования составляющих познания, раскрывается логика смыслов, сделана интерпретация избранных философских категорий, передающих структурность фундаментальных изменений существа человеческих связей и ценностных ориентаций человеческого познания в современном мире. И то, что мы способны уяснить, так это будет то, попытайтесь определить масштабность наших действий по превращению дикой природы в «человеченную» (Ф. Энгельс). Взглянуть пристальнее, и очевидно, что в природных координатах государственная политика – это поведение вечно голодного опасного хищника. И при этом мы не знаем «первозданной» природы, также, как и ее подлинного состояния природной среды.

Принципиальная позиция философии природы выражается на базе развития ноосферного мышления. Разум – это синоним спасения, сохранения, защиты, благоустройства; в общем – всего благого, но так ли это мы наблюдаем в нашей жизни? Зарождение экополитологии в конце 60-х гг. XX века сопровождалось глобальными политическими сдвигами, в т.ч. возникновением на международной арене новых социальных движений и борьбой активистов гражданского общества за включение экологической проблематики в политическую повестку дня. С начала 70-х гг. решение экологических проблем стало полноправной частью политики многих стран.

Всеобщим вызовом для человечества стало прогрессирующее развитие технауки в глобализирующемся обществе, которое в современных условиях носит которое крайне односторонний прагматичный характер, активно «подрывающей» встроенную систему адаптации человека, коренным образом изменившим и саму систему познания. Глобализация открыла новый этап в географии мира, в ее синергии воздействию и отклика поменяли себя фундаментальные в общенаучные константы значимости категорий «пространство» и «время». Человеческие действия меняют сегодня облик планеты, и американский философ наших дней, мысля в русле логики Вернадского, пишет: «Природа XXI века будет природой, которую создали мы» (Worster, 1993).

Глобализация стала основным системным качеством современной эпохи, выражая свои характерные черты в противоречии технологических,

информационных, финансовых, торговых и производственных проблем. Технократический неоконсерватизм показал, что таковой обращен к проблемам науки, техники и индустриального общества, и нет сомнений в том, что в научных силах возможно решать любые задачи. Получает зримое подтверждение, что найденный русскими философами принцип всеединства природы-общества ныне сопрягает поколения людей в непрерывную цепь, и это наш мир сетевого общества. Но насколько мы остаемся близки к своей природной, биологической сущности?

Россия и мир: в чем проходит зона контакта?

Русский философ В.С. Соловьев писал о соборности и всеединстве человечества, несмотря на раздирающие народы и эпохи противоречия и конфликты (Моисеев, 2019). Мы можем найти сейчас убеждающие примеры о том, что «гуманитарная реальность» распознается как отношение к миру человека, и его понимание этого составляет деятельностную социальную основу, выражает характер многообразных взаимодействий с социумом, и с природой, что и составляло когда-то объектную основу мировой антропогеографии. Можно уверенно говорить о такой цивилизационной составляющей антропологического человечества (Бочарников, 2020).

Как и ранее консервационизм и эколого-ресурсный подход превосходно сочетаются с миром «ненатуральных» идей геополитики, которая традиционно видит ресурсы как аспект борьбы держав за мировое лидерство. Впрочем, если консерватизм опирается на традицию, идею национального влияния и видение того, что цивилизация – хрупка по своей сущности, легко теряющаяся в позиции, когда общественные ценности перестают доминировать над интересами отдельных людей (Эдмунд Бёрк).

Коренные перемены, позволившие утверждать о без альтернативности глобализации по-западному произошли с появлением Интернет и структуризацией процессов международного разделения труда. Экополитология же, по сути своей, и вовсе не является политическим обоснованием «законов природы», поскольку экосистемы столь же изменчивы и нестабильны, сколь и общественные системы. Именно в развитых горизонтальных связях нельзя забывать о том, что каждое поколение как бы перевоплощается в последующем, осуществляя с ним кровную связь (отсюда и особое внимание к вопросам «крови и почвы» – родовым связям и священной земле предков. Только укорененная «основательность» позволяет говорить о непроходимости мессианской задачи России, что легко доказать обращением к природному.

В русской геополитике от А.С. Дугина можно понять и принять тезис о том, что «геополитика есть и наука, изучающая отношение государства и общества к пространству» (Дугин, 2012). В его понимании, «наряду с человеком, пребывающим пред природой, мы вполне можем иметь дело с человеком, находящимся в природе, внутри нее, и не выделяющим самого себя в отдельную инстанцию» (там же). Территория государства имеет исключительную важность как фундаментальный ресурс, она обеспечивает важнейшую позицию этнической и цивилизационной

ответственности народов, населяющих определённое природное пространство. Эта та непрерываемая сменами государств точка отсчета, для определения гармонии взаимодействия человека и природы.

Россия расположена в Северном полушарии, по своей общей площади (17, 1 млн. кв. км) страна занимает первое место в мире, она превышает своими размерами материка Австралию и Антарктиду, уступая относительно немного по размаху своей территории Южной Америке (18,2 млн. кв. км), превышает более, чем в полтора раза площади крупнейших стран мира (Канады, Китая и США), рассматривая суммарную площадь всех стран Европы. Свыше трех четвертых России географически принадлежат Азии, и по сути, территории к востоку от Урала, составляют «верхнюю» треть Азии с общим пространственным размахом – 2,5-4 тыс. км в меридиональном направлении, и 9 тыс. в широтном распространении.

Вильгельм фон Гумбольдт развивал правовые позиции наибольшего благоприятствования человека в государстве, человеческая ценность расширялась им за обязательства гражданина, в современном обществе непоправимо теряется уже и государственная ответственность за сохранение природы. Современное евразийское местоположение России, характеризуемое как неравномерное размещение в двух частях света: к Европе, относится немногим более одной пятой территории страны (около 22%), или около 23%, если учитывать официально существующую, но геополитически-оторванный европейский фрагмент, анклав России, – Калининградскую область. На Востоке, во многих научных работах, Сибирь заканчивается побережьем Тихого океана, иногда, наоборот, Сибирь становится обязательной части Азиатской или Тихоокеанской России, но чаще всего, Дальний Восток рассматривается отдельно.

Российская территории отличается слабой освоенностью, основные транспортные связи с другими российскими регионами обеспечивают проходящие по югу широтные железнодорожные магистрали – Транссибирская и Байкало-Амурская, а на крайнем севере – Северный морской путь. Тенденции роста антропогенного давления на биосферу и их тесная взаимосвязь с многими аспектами глобальных явлений, чем должна заниматься современная геополитика, должны обеспечивать для исследовательских ее задач – поиск цивилизационных путей гармонизации взаимоотношений общества, государств, международных отношений. Геоинформационный подход позволяет изучать в природном ландшафте (суши Земли) его размещение, простираение по земной поверхности и изменение от места к месту, мозаику, «лоскутное одеяло ландшафтов», закономерно обусловленное различными природными причинами (Бочарников, Егидарев, 2015).

Феномен идентичности – один из ключевых исследовательских сюжетов многих наук, и, прежде всего, этнологии, социологии, политологии. И если на севере материковую границу Сибири, естественным образом, представляет морское побережье и акваторию Северного Ледовитого океана, то южную границу Сибири ныне, в отличии от дореволюционного периода, когда были включены территория Средней Азии, проводят в соответствии с прохождением государственной границы Российской Федерации с Республикой Казахстан, Монгольской и Китайской народными республиками. Дикая природа и человек – антагонисты, но на

протяжении всей известной истории человечества, природа удовлетворяет и до сих пор наиболее важные и жизненно-необходимые потребности человека, обеспечивает разнообразными ресурсами, оказывает экологические услуги и сохраняет необходимый баланс для сохранения жизни на нашей планете.

В нынешних условиях формирующейся многомерной и структурно-многоуровневой картиной культуры глобализирующегося общества, стремительно размываются прежние достаточно четкие границы региональной и этнической идентичности. Состоявшаяся в ноябре 2021 г. в Китае (Куньмин) 15-й Конференции Сторон Конвенции о биологическом разнообразии, в этом отношении, следует обозначить как «знаковую» и возможно поворотную для политической экологии и российской геополитике. Российская инициатива по сохранению биоразнообразия и экосистемных услуг была дополнена специальным заявлением китайского Генерального секретаря КПК Си Цзиньпина о начале нового этапа для всей мировой природоохранной политики.

Особое внимание привлекает речь Президента РФ В.В. Путина, где подтверждено, что Россия обеспечивает не только сохранение редких и угрожаемых видов животных (амурский тигр, белый медведь, снежный барс и др.), но и обеспечивает важный практический поворот геополитики. Президент нашей страны заявил о новых и активных усилиях России в деле сохранения живой природы и их зримым подтверждением послужит 2-й Мировой тигриный саммит, который состоится в первый день Восточного экономического форума во Владивостоке в сентябре 2022 г.

Для того, чтобы оценить верно обозначенное событие, следует отметить, что с момента образования ООН признавалась необходимость объединения международных усилий в сохранении безопасной экологической среды, аргументом для которых стали последствия осуществленных ядерных взрывов. Очевидно, меняются многие прежние «западные» экологические приоритеты, крепнет новый курс на построение «экологической цивилизации», фактор международного признания о необходимости защиты мировой биоты подтверждается на самом высоком уровне.

В середине прошлого столетия евроцентристский взгляд геополитики сменился на биполярность с фактическим противостоянием политических систем Запада (США) и Востока (СССР). Пробуждение в XX в. общественного интереса к евразийству совпало по времени с объективной тенденцией интеграции государств, возникших на евразийском пространстве после развала Советского Союза. В последних десятилетиях двадцатого века получает известность концепция многополярного мира, в начале XXI в. активная геополитика Китая и его способы вхождения с иными, чем западные, и российские взгляды на мироустройство, весьма существенным образом поменяли практические аспекты геополитики.

Необходимость более глубоко включения разнообразия жизни в геополитическую повестку подтверждает специальная оценка Конвенции о биологическом разнообразии «Глобальная перспектива в области биоразнообразия 5» (7, 2020). Многостраничный документ подвел итоги реализации общемировых природоохранных задач, поставленных на период до 2010 г. Было подсчитано, что

около 80% земной поверхности остается бездорожной, незаселенная территория была разделена на ~ 600000 участков, однако более половины из них имеют площадь менее 1 кв. км, только 7% из которых превышают 100 кв. км. Отмечено, что на данном фоне глобальная защита экологически ценных бездорожных районов недостаточна. К середине прошлого века стала понятна в промышленно-развитых странах стала понятна острота проблем, связанным с атмосферным, почвенным и водным загрязнением.

Состоявшиеся дискуссии политиков показали, что текущее состояние живой природы и анализ будущего таково, что любые «инерционные» сценарии мирового развития приведут к дальнейшим серьезным негативным последствиям. В перечне ожидаемых в ближайший период природных потерь Конвенцией о биологическом разнообразии рассматриваются: утрата 300 млн. га лесов; истощению мировых рыбных запасов; росту в 3-20 раз экспансии инвазивных видов; загрязнение пластиком в 2,8 раза; ухудшению качества и нехватке питьевой воды; экономических потерь экосистемных услуг на сумму более 10 триллионов долларов. Следует говорить о крахе западной экологической политике, предлагаемой для реализации по их кальке во всем мире.

Более двадцати лет, иницилируемые западным сообществом велись «установочные дискуссии», включающие широкий круг вопросов по состоянию глобальных экологических проблем. Первый международный консенсус бы достигнут лишь на Стокгольмской конференции по окружающей среде 1972 г. Следующие двадцать лет были посвящены подготовке крупных международных конвенций. И начиная с 1992 г. в рамках Конвенции о биологическом разнообразии стали вестись согласованные международные действия по сохранению ценностей разнообразия живой природы. К сожалению, за тридцать минувших с той поры лет, скорее следует говорить о фактическом провале и тотальном невыполнении всех утвержденных природоохранных целей и задач в рамках Конвенции о биологическом разнообразии.

Заключение

Дикая природа – архетипически-уничтожимый образ опасности и тревог человека, проявленный в дихотомии кардинальных противоречий между представлением убежища и возникновением смертельной опасности, условием трансформации привычной жизни и возможностью расширения прежних возможностей и снятия ограничений. Вполне очевидно, что в научном отношении к геополитике нужны «геоэкологические прививки» для обеспечения перемены в восприятии. Ныне формирование научно обоснованной экологической политики сталкивается с неэкологичным менталитетом политиков, с недостаточно совершенным механизмом принятия и реализации государственной экологической политики, отсутствием системы нормативно-правовых актов, регламентирующих этот вид деятельности, политическими амбициями ряда государств и их лидеров, неразвитостью экологического сознания.

Концепты региональной идентичности, по-новому интерпретируемого культурного ландшафта, места как «дома» человека или группы людей (с которыми они связаны особо тесными, эмоционально насыщенными отношениями), несомненно, выходят далеко за рамки одной лишь культурной географии, выступая в роли маркирования важных точек роста в гуманитарной географии в целом. Социолог П.А. Сорокин рассматривал культуру как специфический тип исторической системы и вид мировоззрения, формулирующий представление о потребностях и методах их удовлетворения в сложившейся реальности. Социологическая оптика геополитики А. Дугина показывает, что выстраивание природно-антропогенной дихотомии, зависит от «общественного человека» или от выстроенности в том обществе, от лица которого транслируется геополитический фундамент. Таковой выстраивается, взращивается, воспитывается, проходит столкновения и компромиссы, но «каждое общество имеет свою географию, свою природу, свой окружающий мир, свою среду» (Дугин 2012: 13).

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Бочарников В. Н., Егидарев Е. Г. Дикая природа – новый природоохранный индекс // Проблемы региональной экологии. 2015. № 5. С. 75-80.
3. Бочарников В. Н. Междисциплинарный подход к проблеме «человек – общество – природа» // Владивосток: Изд-во МГУ им. адм. Г.И. Невельского, 2014. 232 с.
4. Бочарников В. Н. Антропологические коды пространства географии и культуры // Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации. сборник материалов III Национальной научной конференции с международным участием. Владивосток, 2020. С. 11-20.
5. Бражников П. П. Пример рассмотрения борьбы держав суши и моря с точки зрения критической геополитики // Сравнительная политика. 2015. № 4 (21). С. 27-30.
6. Василенко И.А. Геополитика. Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 204 с.
7. Глобальная перспектива в области биоразнообразия 5 2011-2020. URL: <https://www.cbd.int/gbo/gbo5/publication/gbo-5-ru.pdf>
8. Глушенкова Е. Идеи Н.Н. Моисеева в трудах современных российских обществоведов // Век глобализации. 2018. №4. С. 39-50.
9. Дугин А. Г. Геополитика России. Учебное пособие для вузов. М: Академический проект: Гаудеамус, 2012. 451 с.
10. Исаев Б. А. Геополитика классическая и геополитика современная // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 69-85.
11. Комлева Н. А. Глобальное доминирование: какая гецивилизация сменит западную? // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. №2-2. С. 172-177.
12. Моисеев В. И. Философия всеединства Владимира Соловьева как новое учение о многообразии // Соловьевские исследования. 2019. № 3(63). С. 59-67.
13. Мухаев Р. Т. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 495 с.
14. Панарин А.С. Политология. Учебник. М.: ПБОЮЛ С.М. Грачев, 2000. 408 с.
15. Полулях Д. С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка // Полит. наука. 2017. С. 245-260.
16. Семенов Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. 1997. №1. С. 156-217.
17. Шешнев А. С. Что такое «антропоцен»? // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2017. №3. С. 200-206.
18. Lovelock J. The Vanishing Face of Gaea. A Final Warning. Allen Lane & Penguin Group. 2009. V.67(1). P. 97-99.
19. Worster D. The shaky ground of sustainability // Sachs W. Global ecology. Halifax. 1993. 140 p.

Психологическая безопасность человека в условиях трансформации глобального миропорядка

Владиславская В.А.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы психологической безопасности человека как неотъемлемой части и одного из решающих условий национальной безопасности. Предпринимается попытка проанализировать информационно-психологическую безопасность как фактор успешного и устойчивого развития России.

RESUME

The article deals with the problems of psychological security of a person as an integral part and one of the decisive conditions of national security. An attempt is made to analyze information and psychological security as a factor of successful and sustainable development of Russia.

Ключевые слова: Психологическая безопасность, стресс, информационные войны, манипуляции, социальные сети, интернет

Key words: Psychological security, stress, information wars, manipulation, social networks, the Internet

Владиславская Валерия Андреевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Международное сотрудничество» Факультета маркетинга и международного сотрудничества Института управления и регионального развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация, experiment@bk.ru

Valerya V. Vladislavskaya, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of International Cooperation Faculty of Marketing and International Cooperation Institute of Management and Regional Development Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, experiment@bk.ru

Трансформация глобального миропорядка в 2022 году связана с проведением Российской Федерацией военной специальной операции на территории Украины. С начала спецоперации из 28 стран было выслано около 400 сотрудников российских дипломатических миссий. Что чувствует среднестатистический человек, когда слышит это? Тревогу!

В условиях турбулентности и неопределенности люди чувствуют себя небезопасно. А ведь по всем известной пирамиде А. Маслоу (Маслоу, 2014) потребность в безопасности и защите идет сразу после базового физиологического уровня потребностей.

Проблема психологической безопасности приобретает особую значимость в условиях усиливающегося противоборства стран в мировом информационном пространстве. Многие недружественные Российской Федерации страны используют информационные и коммуникационные технологии для достижения своих национальных интересов и геополитических целей.

Не секрет, что у зарубежных государств существует множество доктрин по реализации концепций информационных войн против стран-противников, т е прежде всего России. Основные формами являются, например, подрывные, деморализующие действия пропагандистского характера; содействие движениям и группам в оппозиции к официальной власти, диссидентам; оказание мощного влияния на политическую и культурную жизнь с целью развала морально-этических устоев в государстве; проникновение разными способами в государственную систему управления и др. (9, 1998).

Что же такое психологическая безопасность в целом и информационно-психологическая безопасность человека в частности? По мнению Г.М. Суворой (Суворова, 2019) психологическая безопасность человека – это способность сохранять сопротивляемость к воздействиям, которые наносят психотравму, а также к деструктивным внутренним и внешним влияниям среды. Эта способность может отражаться в переживании своей защищенности или ее отсутствии в конкретной жизненной ситуации. Термин информационно-психологическая безопасность связан с появлением и принятием первого варианта Доктрины информационной безопасности в РФ в 2000 году. Там вопросы информационной безопасности становятся одним из приоритетов государственной политики. А.В. Манойло (Манойло, 2003) интерпретирует информационно-психологическую безопасность личности как стабильность разного всех типов отношений общества на современном этапе в информационно-психологической сфере. Он говорит о духовных, социальных и политических отношениях. Самая современная интерпретация термина содержится в редакции 2006 года Доктрины информационной безопасности, которая была подписана Президентом РФ В.В. Путиным (Доктрина, 2022).

Для полноценного понимания психологической безопасности человека рассмотрим виды стресса, которые влияют на все психические процессы. Здоровье (психическое и физическое) каждого отдельного гражданина страны несомненно является важной частью, которая влияет на жизнь государства.

Существует два вида стресса: эустресс и дистресс (Селье, 1979). Эустресс люди часто называют полезным или положительным стрессом. Потому, что он мобилизует, придает силы. Это всегда происходит под действием гормона адреналина. В таком состоянии человек легко, успешно и много работает, является эффективным работником. Опасность такого вида стресса состоит в том, что ресурс организма человека исчерпаем. В современных реалиях смены глобального миропорядка очень важно следить за тем, чтобы эустресс не переходил в деструктивную форму.

От дистресса падает работоспособность, скорость психических реакций снижается, истощается нервная система, страдает иммунная система. Организм человека не может быть защищен от различных заболеваний.

Чтобы понимать, как бороться с негативным стрессом, нужно выделить факторы, которые обеспечивают психологическую безопасность человека. (Соломин, Шатровой, Михайлов, Маликова, 2008):

1. Навык управления и контроля над своим поведением.
2. Навык приводить нервную систему в устойчивое положение под натиском неблагоприятных стрессоров окружающей среды.

3. Навык поиска и своевременной замены смысложизненных ориентаций и жизненных целей (то есть способность к саморегуляции при негативных психических состояниях).

Врачи и психологи рекомендуют особенно тщательно следить своими индивидуальными биологическими часами, не отказываться от сбалансированного питания, минимальной физической активностью, коммуникациями, а, главное, жесткой информационной гигиене. Все эти меры помогут организму и психике правильно сформировать стабильно работающие навыки, указанные выше.

Информационная гигиена (8, 2022) представляет раздел медицинской науки, которая изучает как влияет информация на психическое, физическое и социальное благополучие человека, а также которая разрабатывает и предлагает мероприятия по оздоровлению окружающей информационной среды.

Существуют виды информации, которые традиционно считаются «вредоносными» для психики человека. Это прежде всего информация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду; это призывы к войне; пропаганда ненависти, вражды или превосходства; распространение неэтичной и заведомо ложной рекламы и т.д.

В 2020 году Еремин АЛ. (Еремин, 2020) сформулировал два новых понятия: инфозидемия и инфопандемия. Инфозидемия – это распространение среди большого числа людей фактов и сообщений в течение короткого периода времени. Инфопандемия предполагает распространение новых сведений и фактов в мировых масштабах.

Есть исследование показывающее, что до начала специальной военной операции РФ на территории Украины в феврале 2022 года, 47% взрослых россиян регулярно следили за новостями. (3, 2022). Неправильная работа с информацией, ее избыточность повышают в крови уровень гормона стресса кортизола и даже могут спровоцировать проявление симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Поэтому одна из главных задач – избавиться от ненужного информационного шума, т.к. он снижает концентрацию внимания, критическое мышление (Астахова, Харлампыева, 2009), а значит, психологическую безопасность в условиях трансформации глобального миропорядка.

Вторая важная задача при создании условий для информационно-психологической безопасности – это работа непосредственно с самой информацией. Современные исследователи выделяют фейки (от англ. fake – подделка) или фальшивые новости. Те новости, которые не соответствуют действительности. Выделяют также дипфейки (от англ. deep learning и fake – глубинное изучение и обман) – это методика, которая синтезирует изображения. Она основана на искусственном интеллекте. Все эти и многие другие методики используются в так называемых информационных войнах. (Сулейманова, Назарова, 2017) Информационные войны ведутся между военными, политическими, экономическими блоками, между отдельными государственными деятелями, государствами или группами стран и так далее. Именно на борьбу с информационными войнами направлен концепт фактчекинга (от англ. fact checking). Концепт представляет собой различные платформы для анализа информации. Они различаются между собой по форме, содержанию, техническим

характеристикам (Гороховский, 2017). Проверять факты нужно обязательно потому, что они, попадая в СМИ, получают живую реакцию и оценку аудитории. Что в свою очередь влияет на картину мира и, следовательно, на действия людей. Зачастую человек следуя стереотипам и подсознательным установкам, доверяет форме, в которой подана информация, но не воспринимает критически суть. С помощью фейков и дипфейков актуализируется и легализуется много непроверенных событий и явлений, которые, возможно, могут влиять на геополитические решения глав государств и внешнеполитических ведомств.

Важно отметить, что на современном этапе в условиях острейшей конкуренции во всех сферах, в условиях потенциального негативного информационного воздействия на ценностную систему человека и его эмоциональную сферу, каждый человек становится возможным объектом манипулирования.

О.Е. Воронова в своей монографии (Воронова, 2019) подразумевает под манипуляцией личностью такое воздействие на сознание и поведение человека, которое создает иллюзию самостоятельно принимаемых мировоззренческих установок и решений. Безусловно это информационно-психологическое воздействие является скрытым.

Далее рассмотрим в каких именно типах общения могут возникать манипулятивные воздействия на личность:

1. Межличностное общение (родственники, коллеги, друзья);
2. Публичное выступление (участие в митинге, демонстрации, собрании);
3. Ситуации с восприятием информации из СМИ.

Считается, что второй и третий типы общения наиболее уязвимы для психологического воздействия.

Г.В. Грачев разработал принципы, опираясь на которые, мы можем выстроить алгоритм самозащиты от вредоносной информации или манипуляций (Грачев, 2021). Первый компонент этого алгоритма – общая установка на информационную самозащиту. В современных условиях геополитической нестабильности видно, что чем сильнее человек внутренне замотивирован на критическое восприятие поступающей информации, тем сложнее им манипулировать. Такой тип восприятия позволяет давать мощный отпор деструктивному воздействию. Во-вторых, нужно научиться концентрироваться на выявлении признаков угроз информационно-психологического воздействия, анализировать их и оперативно давать оценку. Для этого в сети интернет, библиотеках или книжных магазинах есть литературы для изучения по теме. Знание методик проведения информационных войн позволяет личности сформировать свою картину мира. Третий алгоритм психологической самозащиты заключается в определении выгодоприобретателя в той или иной ситуации. Нужно всегда понимать кто инициатор воздействия, кому оно выгодно и почему. Последний алгоритм подразумевает, что личность умеет организовывать защитное поведение. На практике это выглядит как пошаговая инструкция, как вариант фактчекинга. Четкий план с пошаговыми действиями поможет избежать деструктивного исхода.

С психологической точки зрения, есть еще варианты самозащиты. Например, каждый день иметь ритуалы, связанные с работой, учебой, бытом. Они придают

чувство безопасности. Также важно озвучить, представить наихудший, наименее желательный исход события или явления. Это позволит нервной системе успокоиться, худшее позади. Для своей психологической безопасности важно фильтровать не только информационный контент, но и коммуникации. Самое эффективное общение всегда только с людьми, которые соблюдают личные границы друг друга и имеют общие мировоззренческие парадигмы.

В заключение важно сказать, что психологическая безопасность человека в условиях трансформации глобального миропорядка является проблемой из сферы ключевых национальных стратегий Российской Федерации. Наряду с агрессивной русофобией, иностранной информационной экспансией, экологическими катастрофами, демографическими экономическими проблемами, манипулятивные воздействия на общественное мнение, на массовое сознание и на отдельного человека могут стать в 21 веке глобальной проблемой (Пую, 2000). Российской Федерации для устойчивого развития сейчас как никогда нужен баланс информационно-психологической безопасности личности, общества и государства. Сейчас у СМИ есть беспрецедентная возможность для манипуляции сознанием граждан любой страны. Возможности социальных сетей позволили им участвовать в решении геополитических задач. Таким образом социальные сети превратились в информационное оружие.

Зная алгоритмы психологической защиты, понимая, как работать с фейками, изучив все инструменты фактчекинга, есть надежда на то, что современный человек имеет шанс на гуманистически ориентированную, социально ответственную жизнь. Это приведет к его психологической безопасности. Безопасность каждого отдельного гражданина обеспечит мирную жизнь государства, а, значит, и международную стабильность. Потому что геополитические решения тогда смогут приниматься с уважением к национальным интересам каждой страны.

Список литературы

1. Астахова Л. В., Харлампьева Т. В. Критическое мышление как средство обеспечения информационно-психологической безопасности личности: Монография / Под научн. ред. Л.В.Астаховой. М.:РАН, 2009. 136 с.
2. Воронова О. Е. Информационно-психологическая безопасность России в условиях новых глобальных угроз. М.: Аспект Пресс, 2019. 238 с.
3. ВЦИОМ выяснил главные источники новостей для россиян. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/09/2021/614b810f9a794706e3dd3ad8>.
4. Гороховский А. Фактчекинг как тренд журналистских расследований: возможности и перспективы: Практическое пособие. Алматы, 2017. 111 с.
5. Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: теория и технология: Дис. д-ра психол. наук. М., 2000. 360 с.
6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/>.
7. Еремин А. Л. Информационная гигиена: современные подходы к гигиенической оценке контента и физических сигналов носителей информации. 2020. С. 351-355.
8. Информационная гигиена. URL: <http://cgon.rosпотребнадзор.ru/content/62/1897/>.
9. Информационное противоборство в системе национальной безопасности Российской Федерации // ГШ ВС России. М., 1998. С. 6-7.
10. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003г. 388 с.
11. Маслоу А. Х. Мотивация и личность. М.: Питер. 2013. 351 с.

12. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. 124 с.
13. Соломин В. П., Шатровой О. В., Михайлов Л. А., Маликова Т. В. Психологическая безопасность: Учебное пособие. М.: Дрофа, 2008г. 288 с.
14. Суворова Г. М. Психологические основы безопасности. М.: Юрайт, 2019. 182 с.
15. Сулейманова Ш. С., Назарова Е. А. Информационные войны: история и современность: Учебное пособие. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. 124 с.
16. Пую Ю. В. Влияние информационно-психологической безопасности на конструктивное развитие России. 2009. №104. С. 57-66.

Биологический терроризм как угроза безопасности на Южном Кавказе

Гагиева А.Л.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется сущность биологического терроризма, опасность создания США сети военно-биологических лабораторий на постсоветском пространстве. В 2011 году в Грузии был открыт Центр Ричарда Лугара при участии военных из Пентагона, в результате, в ряде регионов ухудшилась эпидемиологическая обстановка.

RESUME

The article analyzes the essence of biological terrorism and the danger of the US creating a network of military biological laboratories in the post-Soviet space. In 2011, the Richard Lugar center was opened in Georgia with the participation of military personnel from the Pentagon, as a result, the epidemiological situation worsened in a number of regions.

Ключевые слова: терроризм, биологический терроризм, Россия, Грузия, США, сибирская язва, африканская чума

Keywords: terrorism, biological terrorism, Russia, Georgia, USA, anthrax, African plague

Гагиева Анна Леонидовна, старший преподаватель кафедры «Политологии и социологии» Юго-Осетинского государственного университета имени А.А.Тибилова, Цхинвал, Южная Осетия, anna_gagieva@list.ru

Anna L. Gagieva, Senior Lecturer of the Department of Political Science and Sociology South Ossetian State University named after A.A. Tibilova, Tskhinval, South Ossetia, anna_gagieva@list.ru

Современное общество не только открывает для себя новые возможности, но и сталкивается с серьезными угрозами. На сегодняшний день, помимо самых распространенных проявлений терроризма, существуют и менее «традиционные», которые, впрочем, являются не менее социально опасными. К их числу также можно отнести и биотерроризм. В настоящее время данный вид терроризма представляет собой едва ли не самую серьезную угрозу нашей планете, поскольку акты биологического терроризма требуют значительно меньших усилий и гораздо более доступны для террористов по сравнению с уже устоявшимися, традиционными видами терроризма. Вышесказанное позволяет полагать, что в ближайшем будущем именно биотерроризм станет для террористов самым доступным средством силового воздействия (Арешев, 2018).

Научный прогресс в сфере разработки и создания биологического оружия также является одной из главных причин, по которой биотерроризм может получить широкое распространение во всем мире, и быть направленным как на отдельные социальные, так и этнические группы населения планеты (2, 2022).

Анализируя исторические события, в которых в той или иной форме присутствовал терроризм, можно сделать вывод, что целью любого террористического акта является захват власти и сфер влияния в политике и экономике. Такие цели подразумевают необходимость совершения террористами акций не только в локальных, но и в глобальных масштабах, что, в свою очередь, позволит воздействовать на отдельные государства и их правительства. Биологический терроризм, который используется в этих целях, по своей сути практически ничем не отличается от привычного терроризма, за исключением масштабов и характера воздействия на население. В рамках актов биотерроризма зачастую переносятся инфекции и вирусы, которые созданы искусственно и нацелены на нанесение вреда здоровью и иммунитету людей, относящихся к определенной этнической группе (5, 2005).

На сегодняшний день многие источники массовой информации подтверждают факты функционирования американских военно-биологических лабораторий, которые расположены в непосредственной близости к отечественной границе. В пункте 19 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31.12.2015 г. (Указ Президента РФ, 2015) в качестве одной из серьёзнейших угроз указано расширение сети военно-биологических лабораторий США на территориях соседних с Россией государств. Под видом обеспечения качества сельскохозяйственной и эпидемиологической ситуации в стране могут проводиться рискованные исследования, угрожающие жизни населения.

Еще в 2002 году грузинские власти подписали с министерством обороны США соглашение с обтекаемым названием «О сотрудничестве в сфере технологий и патогенов, связанных с развитием биологического оружия и нераспространения информации в этой сфере». Годом позднее произошла ратификация данного соглашения парламентом Грузии, а еще через год состоялся визит сенатора США Ричарда Лугара в столицу Грузии, по итогам которого в поселке Алексеевка был учрежден Центр общественного здоровья под Тбилиси в посёлке Алексеевка.

Джеффри Сильверман – американский журналист – стал одним из первых, кто обнародовал информацию о существующей угрозе, которую несет в себе проект Лугара. Сильверман считал, что местное население Алексеевки попросту стало жертвой испытаний опасных для жизни и здоровья веществ, хоть на бумаге задачи проекта выглядели совершенно по-другому.

В тбилисской лаборатории производят сибирскую язву, чуму, свиной грипп. У лаборатории имени Лугара в Грузии, самый высокий уровень защиты. Эта лаборатория принадлежит армии Соединенных Штатов. Там работают исключительно военные микробиологи, вирусологи США. По словам Сильвермана, утверждать о том, что указанная лаборатория является военной, можно на основании наличия специального хранилища, которое используется для хранения произведенных веществ, тогда как гражданские лаборатории не располагают подобными специально оборудованными хранилищами.

Официальные лица США, впрочем, заявляют, что такие военные биологические лаборатории нужны исключительно для исследования опасных патогенов. Это, в свою очередь, подвергается сомнению по нескольким причинам, к числу которых можно отнести: отсутствие сущности биологической угрозы, с которой якобы борются

такие лаборатории; министерство здравоохранения не продвигает такую программу; исследования опасных веществ проводятся в относительно эпидемиологически благополучных странах (6, 2022).

В журнале «Science» опубликована статья ученых под красноречивым заголовком «Сельскохозяйственные исследования или новая система биологического оружия?». Исследования немецких и французских микробиологов и генетиков доказывают, что программа Пентагона «Insect Allies» («Насекомые-союзники») имеет значительные биологические, экономические и социальные последствия, которые могут быть использованы в военных целях.

«Insect Allies» является одной из программ, разработанных Пентагоном и направленных на изучение и использование геной инженерии и микробиологии. По словам зарубежных специалистов, успешное использование данной программы обусловлено возможностью внесения лабораторных модификаций в хромосомы целевых видов. При этом в процессе опытов используются лабораторные насекомые, что, в свою очередь, чревато серьезными изменениями в экосистемах, и, следовательно, появлению новых эпидемий и вирусов (4, 2022).

В 2014-м в биологической лаборатории установили оборудование для работы с насекомыми, после чего в Грузии появились комары-переносчики различных заболеваний и опасных для здоровья вирусов. После этого к числу разносчиков таких вирусов, как эбола, сибирская язва и некоторые другие, добавились летучие мыши.

Еще одним примером является распыление зараженных комаров, которые являются переносчиками малярии, с помощью специального прибора. Использование данного способа во время военного конфликта можно считать достаточно эффективным, так как в отдельных случаях комары-переносчики могут выводить из строя практически всю живую силу врага. Кроме того, существует ряд патентов на применение различных токсичных капсул, в которых в различных дозировках содержатся отравляющие вещества (7, 2022).

Похоже, население самой Грузии для военных биологов США действительно служит экспериментальной площадкой, но их главной целью являются, прежде всего, Россия, Южная Осетия и Абхазия, куда в первую очередь «уходит» каждая очередная эпидемия.

Расположение биологической лаборатории в Грузии в непосредственной близости с отечественной границей представляет серьезную опасность для населения Южной Осетии, его здоровья и жизни в целом.

Биотерроризм как инструмент воздействия на отдельные группы людей представляет собой явление, которое направлено на подрыв экономики определенного государства и нанесение ущерба сельскому хозяйству. Также основной целью биотерроризма следует считать нанесение ущерба человеческому потенциалу определенной страны, против которой осуществляются такие акции.

С 2011 года на территории республики отмечаются вспышки неспецифических заболеваний сельскохозяйственных животных. Вспышка в Южной Осетии африканской чумы свиней стала спланированной диверсией как раз с территории Грузии. Свиная чума – известное биологическое оружие. Именно в конце прошлого века американцы заразили свиной чумой территорию Кубы, после чего кубинцы

долгое время не могли восстановить поголовье свиней, которое является основным источником мяса на острове. Относительно недавнее нашествие мраморного клопа в Южной Осетии которое привело к гибели значительной части сельхозпродукции в республике.

Вспышку эпидемии нодулярного дерматита крупного рогатого скота в Южной Осетии, также связывают с работой американских биологических лабораторий в Грузии. Впервые нодулярный дерматит зарегистрировали в 1929 году в Северной Родезии и на Мадагаскаре. Поэтому с его появлением в регионах России и в Южной Осетии, у местных специалистов первоначально возникли трудности, поскольку они впервые столкнулись с этой угрозой.

Если учесть, какой ущерб экономике Южной Осетии, Абхазии и южных регионов России нанесли различного рода эпидемии, можно сделать вывод, что на данном этапе военные биологи США, действующие в Грузии, вполне успешно справляются с поставленной задачей (8, 2022).

Центр Лугара в Грузии является лишь небольшим элементом обширной военно-биологической программы Соединенных Штатов на постсоветском пространстве. Пентагон изучает влияние новых и мутировавших вирусов в каждом конкретном регионе – Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане, Молдавии, на Украине. Развитие военно-биологических лабораторий США продолжается.

В соответствии с законодательством США, участники подобных проектов освобождены от уголовной ответственности. Так что под видом медицинских экспериментов американцы совершенно безнаказанно могут вести подготовку к бактериологической войне.

Угроза глобальной биологической войны фрагментирована, но вполне реальна. Нельзя исключать в дальнейшем возможности применения различного вида оружия массового уничтожения в том числе и биологического против народа Южной Осетии.

На сегодняшний день одной из приоритетных задач в рамках борьбы с биологическим терроризмом является разработка средств, с помощью которых данному виду терроризма можно будет успешно противостоять. Это позволит не только сохранить отдельные этнические группы, но и позволит стабилизировать экологическую и демографическую ситуацию в мире в целом. Однако такой подход требует значительных материальных вложений и политического содействия, что, в свою очередь, включает в себя разработку конкретных программ и законов, направленных на противостояние биотерроризму.

Кроме того, должна также проводиться работа на уровне отдельных силовых ведомств, различных государственных органов и их подразделений, целью которой будет являться подготовка квалифицированных кадров в сфере биологии, что позволит просвещать население об опасности биотерроризма и препятствовать его повсеместному распространению. Такая работа должна проводиться повсеместно, поскольку таким образом можно будет не только снизить риск возникновения особо опасных эпидемий, но и бороться с последними в случае их возникновения гораздо более эффективно (Дворников, Айларова, Хубулова, Газзаев, Кадиева 2004: 77).

Список литературы

1. Аршев А. Г. Целью американских опытов в Грузии может быть создание нового биологического оружия // Архонт, 2018. № 4 (7). С. 34-36.
2. Генофонд смерти. Об угрозах биологического терроризма. URL: http://www.oagb.ru/bio.php?txt_id=4690.
3. Дворников В. С., Айларова Э. А., Хубулова А. Е., Газзаев З. И., Кадиева В. Г. Возможные аспекты биотерроризма на Северном Кавказе. Защита и Безопасность // Фундаментальные исследования. 2004. №6. С. 77-77.
4. «Добрые насекомые» от Пентагона: чем программа Insect Allies опасна для РФ. URL: <https://lt.sputniknews.ru/columnists/20181006/7201451/Dobrye-nasekomye-ot-Pentagon-chem-programma-Insect-Allies-opasna-dlya-Russia.html>.
5. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: Монография под общ. ред. А. В. Возженикова. М.: РАГС, 2005. 528 с.
6. О неизвестном заболевании в Республике Либерия. URL: http://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.
7. Расследование СМИ: секретные биолaborатории Пентагона раскинулись от Африки до Грузии. URL: <https://news-nt.ru/blog/43795726329/Rassledovanie-SMI:-sekretnyie-biolaboratorii-Pentagona-raskinuli>.
8. Россельхознадзор выявил вспышку африканской чумы в Южной Осетии. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/South-Ossetia/20160816/2894552.html>.
9. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. N 1 (часть II), ст. 212.

Проблемы Европы в представлении студентов, обучающихся по направлению «Зарубежное регионоведение»

Голубченко И.В., Кагарманова А.И.

АННОТАЦИЯ

Статья является обобщением результатов беседы со студентами первого курса (около 100 человек) о проблемах развития стран и регионов Зарубежной Европы. Первокурсники сами выбрали страну или регион и формулировали основные проблемы выбранной территории. Анализ позволил выделить более и менее часто упоминаемые территории, спектр названных проблем, соотношение проблем со странами и регионами. Исходя из формулировок, содержащихся в ответах студентов, названные проблемы разделены на пять групп: коммуникационные, демографические, экономические, политические и территориальные. Получен ряд нетривиальных выводов о предпочитаемых территориях для респондентов, их взгляде на региональные проблемы. Намечены пути продолжения исследования по данной тематике.

RESUME

The article is a summary of the results of a short survey of first-year students (about 100 people) about the problems of development of countries and regions of foreign Europe. Freshmen themselves chose a country or region and formulated the main problems of the chosen territory. The analysis made it possible to identify more and less frequently mentioned territories, the range of problems mentioned, the correlation of problems with countries and regions. Based on the wording contained in the students' answers, these problems are divided into five groups: communication, demographic, economic, political and territorial. A number of non-trivial conclusions were obtained about the preferred territories for the respondents, their view of regional problems. The ways of continuation of research on this topic are outlined.

Ключевые слова: региональные проблемы, Зарубежная Европа, макрорегионы, беседа

Key words: regional problems, Foreign Europe, macro-regions, survey of respondents

Голубченко Игорь Вячеславович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества ИГСУ РАНХиГС, SPIN 7434-5225, Москва, Россия, iv.golubchenko@igsu.ru

Кагарманова Альбина Иргалиевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры организационного проектирования систем управления ИГСУ РАНХиГС, SPIN 4708-6380, Москва, Россия, ai.kagarmanova@igsu.ru,

Igor V. Golubchenko, PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation, IPACS RANEPА, SPIN 7434-5225, Moscow, Russia, iv.golubchenko@igsu.ru

Albina I. Kagarmanova, PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organizational Design of Control Systems, IPACS RANEPА, SPIN 4708-6380, Moscow, Russia, ai.kagarmanova@igsu.ru

Данное исследование стало результатом одной из практических работ, проведенной со студентами первого курса направления «Зарубежное регионоведение» в начале второго семестра 2021/2022 учебного года в рамках предмета «Политическая география стран(ы) региона специализации», (далее – ПГЕ). Формат работы был общий – студенты на занятии отвечали на небольшую серию вопросов. Данная работа

Рисунок 1

Доля макрорегионов и крупных стран в ответах студентов

проводилась для определения круга интересов первокурсников, в том числе с целью оптимизации тематики курсовых работ по ПГЕ.

Вопросы были такими: о каком регионе (стране) зарубежной Европы хотелось бы рассказать (и, возможно, посвятить этой территории курсовую работу); какие там есть насущные проблемы; какую из них хотелось бы решить в первую очередь. Проблемы надо было сформулировать не обязательно с точки зрения развития самого региона – речь шла и о тех особенностях территории, которые не очень нравятся самому студенту и другим бывающим там людям. Собраны ответы от 96 студентов.

Обработка результатов шла по нескольким направлениям:

- разнообразие регионов, стран (и городов);
- спектр проблем (обобщенных в группы);
- среднее количество проблем, указываемых в одном ответе для разных стран и регионов;
- специфика проблем в разных странах и регионах.

Регионы в анализе присутствуют в основном не внутринациональные (мезоуровень), а наднациональные (макроуровень), т.е. деление Европы на Северную, Среднюю, Центральную, Южную, Центрально-Восточную и Восточную. Это связано с тем, что респонденты не так охотно выбирали для ответа мезорегионы, зачастую предпочитая останавливаться на целых государствах. При этом крупные страны (Великобритания, Франция, ФРГ, Италия и Испания) выносились из своих макрорегионов, по ним статистика отдельная.

Первый аспект анализа – соотношение количества упоминаний по странам и регионам. На диаграмме (рис. 1) хорошо видно, что ответы распределились достаточно равномерно, особенно по большим странам. Макрорегионы не так равновесны, особенно Восточная Европа – близкие к России (и территориально, и многие ментально) страны, оказались менее популярны.

По территориальному уровню ответы распределились так: о странах говорили в 26 ответах, о регионах мезоуровня – в 37, о городах – в 24. Из отдельных стран оказалась наиболее упоминаемой Греция (4 ответа), из регионов Бавария, Сицилия и Прованс (по 3 ответа), из городов – Лондон (4 ответа) и Прага (3 ответа). Можно заметить на страновом и региональном уровне заметное превосходство Средиземноморья, что вполне объяснимо – все-таки самый туристский макрорегион мира. А среди городов результаты интерпретировать сложнее – оказались за пределами лидеров Париж, Хельсинки, Киев и многие другие предполагаемые его фигуранты.

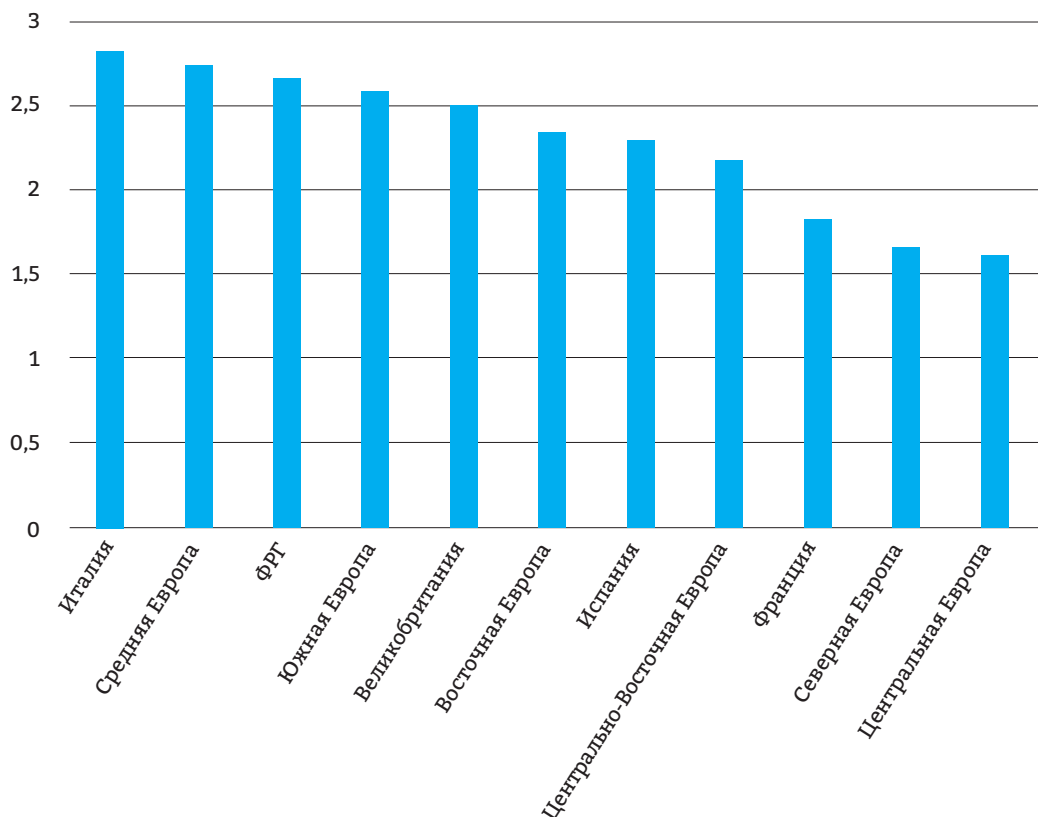
Из регионов по странам оказались самыми упоминаемыми итальянские регионы (их назвали пять), из городов – французские (прозвучали три). Интерес вызывает, что среди итальянских городов был назван только Милан, и то однажды – ни Рим, ни другие города не прозвучали. Из испанских городов – по разу Барселона и Малага, а про Мадрид никто не вспомнил. Обращает на себя внимание также отсутствие среди упоминаемых стран таких объективно значимых, как Украина, Беларусь, Бельгия, Дания, Венгрия. Всего по одному разу упомянуты Сербия, Польша, – зато имеются упоминания Люксембурга и Кипра (в классическом районировании Кипр – не Европа, но мы его учли и отнесли к Южной Европе). Такие результаты могут свидетельствовать о выраженной ориентации респондентов на крупные страны Европы, причем зачастую это связано с изучением второго иностранного языка (как второго иностранного после английского – это французский, испанский, немецкий либо итальянский).

Перейдем к анализу спектра проблем. Их формулировки у студентов были свободными, предварительный список не предлагался – соответственно разброс смыслов был большой. Студенты не были ограничены в количестве называемых проблем для страны/региона/города. Общее количество проблем составило более 60. Они были сгруппированы, получилось 5 категорий:

- социальные коммуникации, отношения, образ жизни (21 формулировка, например, слабое знание местным населением английского языка, медлительность жизни, раннее закрытие магазинов, много бездомных, проблемы с мигрантами и т.п.);
- демографические, макросоциальные (11 формулировок: старение населения, отток молодежи, слабая заселенность, наркомания, неравенство, тяжелая ковидная ситуация и т.п.);
- экономические (17 формулировок: слабое развитие экономики, нехватка отдельных учреждений сферы услуг, низкие зарплаты, проблемы развития малого и среднего бизнеса, высокие цены и налоги и т.п.);
- политические, безопасность (9 формулировок: сепаратизм, криминал, трудное получение гражданства, сомнительные законы и т.п.);
- природные, экологические, особенности среды, географическое положение

Рисунок 2

Среднее количество проблем, упоминаемых в ответах

(9 формулировок: плохая погода, горный рельеф, проблемы с мусором, много граффити, удаленное расположение, мало природных ресурсов и т.п.).

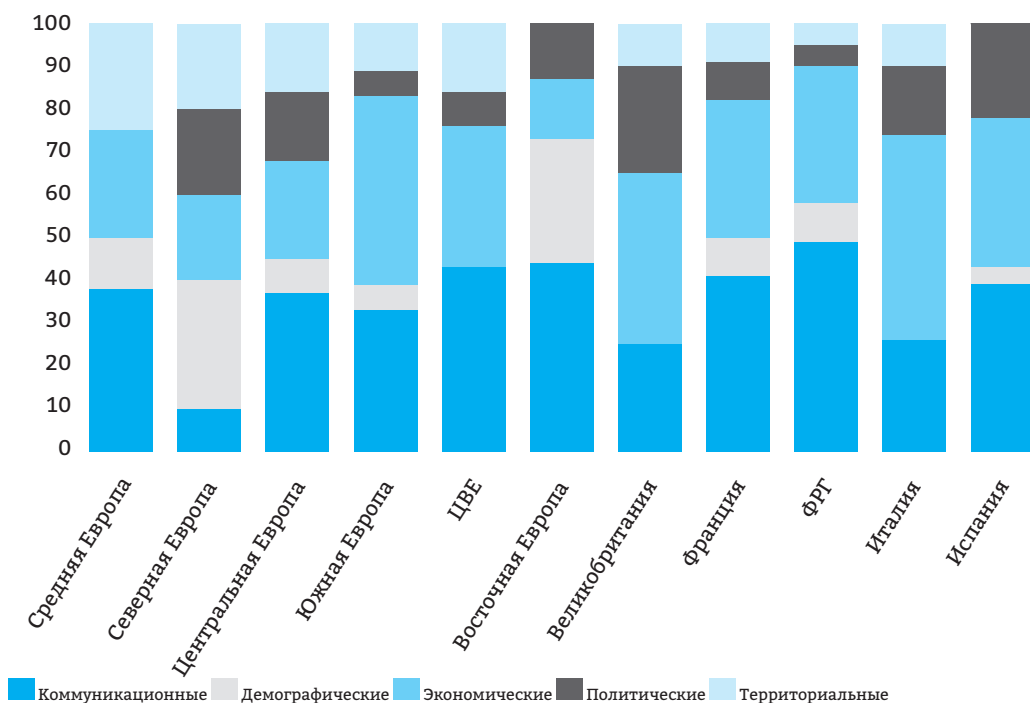
Указанные категории получили краткие названия: коммуникационные, демографические, экономические, политические и территориальные проблемы. Общее количество упоминаний отдельных проблем достигло 220 – в среднем более 2 на один ответ. Далее будем учитывать те упоминания, где есть четкая привязка к стране, региону или городу, таких оказалось 198 на 87 ответов (около 2,3 на ответ).

Рассмотрим показатель среднего количества упоминаемых проблем в одном ответе. На диаграмме (рис.2) заметны различия между странами и макрорегионами. Для крупных стран проблем упоминалось существенно больше.

Италия и ФРГ возглавляют рейтинг по количеству сформулированных в ответах проблем, Великобритания также имеет показатель немного выше среднего (2,5 против 2,3). Повышенной проблемностью отличаются два макрорегиона из шести – Южная и Средняя Европа. Это можно обосновать через разные обстоятельства – в Южной Европе реально больше проблем, в то время как в Средней Европе (представленной в данных ответах Нидерландами и Люксембургом) речь идет скорее о тех сторонах жизни, которые студентам хотелось бы адаптировать «под себя», а не о негативных явлениях.

Рисунок 3

Соотношение групп проблем по макрорегионам и крупным странам

Проанализируем структуру проблем по группам в разрезе стран и макрорегионов. Соотношение количества формулировок, относящихся к пяти основным группам, оказалось таково: коммуникационных 70, экономических 69, политических 26, территориальных 20, демографических 13. Рассмотрим диаграмму, где показано соотношение этого количества по тем же группам в разрезе крупных стран и макрорегионов (рис.3).

Различия между макрорегионами и крупными странами весьма существенные. Фактически каждая территория имеет свою специфику – типичные черты увидеть непросто. В Северной Европе, единственной из шести макрорегионов, выпали политические проблемы, в Центрально-Восточной – демографические, а в Восточной – территориальные. Южная Европа резко выделяется повышенной долей экономических проблем, Северная – демографических. Самая сбалансированная структура получилась у Центральной Европы. Среди крупных стран сформировались две пары, подобных по структуре сочетаний: относительно близкой к Великобритании неожиданно оказалась Италия, к Франции – Германия. Испания резко выделяется на фоне остальных стран, прежде всего из-за отсутствия упоминания территориальных проблем.

Таким образом, вырисовывается картина коллективного образа Европы в представлениях наших первокурсников. Картина субъективная, что и ожидалось:

- увеличенное внимание к одним странам и регионам (Южная Европа, включая Италию и Испанию), сниженное – к другим (Восточная Европа);

- стремление говорить скорее о городе или целой стране, нежели о регионе как части страны – то есть мезорегиональный уровень в какой-то степени «выпадает» из кругозора;
- вполне объективный коллективный взгляд на разнообразие проблем – они охватывают все основные сферы жизни, хоть и относительно небольшое количество упоминаний в среднем в одном ответе (во многих ответах названа только одна проблема);
- наряду с ожидаемыми не раз указывались неожиданные проблемы или наблюдались трудно интерпретируемые соотношения групп проблем. Так, для ФРГ чаще упоминались коммуникационные трудности, что вполне понятно (учитывая специфику менталитета немцев), для Италии – экономические (отчасти благодаря личному опыту посещения прежде всего южных регионов страны). А вот первенство коммуникационных проблем в Центрально-Восточной Европе можно считать неожиданным. Среди экономических проблем ЦВЕ нередко указывали высокие цены.

Отметим, что весьма перспективным представляется продолжение исследования того, как воспринимают студенты проблемы своего региона специализации в начале своего обучения. В описанной работе не учитывались портретные данные (пол респондентов, опыт поездок и т.п.) – это объясняется неформальным характером задания, выполненном фактически в режиме беседы на занятиях. Кроме того, идея обобщить результаты в виде перекрестного анализа проблем и стран/регионов возникла уже после проведения работы. Перспективным представляется проведение подобного обследования на более строгой научной основе и более широком круге участников. Это позволит получить динамику восприятия молодежью проблем зарубежных стран, что может быть, в частности, полезным для выбора учебных сюжетов в ходе преподавания многих дисциплин.

К вопросу о месте культуры в становлении нового миропорядка

Егоров В.К.

АННОТАЦИЯ

В данном исследовании автор обращается к вопросу определения значимости культуры в изменяющемся мироустройстве. В переходном периоде к новому миропорядку явственно видятся перекосы, например, частично происходит политизация деятельности ЮНЕСКО или модель культурной политики в России преобразуется из патерналистской в модель с рыночными началами. Чтобы попытаться определить очертания будущего мироустройства, автор обращается к видениям марксизма и либерализма будущего движения истории. Для доказательства значимости культуры в меняющемся мире приводятся варианты значений механизма «мягкой силы», в котором активно используются культурные факторы, ценности, предпочтения. Рассуждения автора приводят к основной мысли: культурная политика не должна ограничиваться экономическими целями, оказываться под политическим давлением. Вместо этого, культурная политика выступает стержнем сохранения национальной самобытности, культурного многообразия, поддержания истинных моральных ценностей.

RESUME

In this study, the author addresses the issue of determining the significance of culture in a changing world order. Distortions are clearly seen in the transition period to the new world order, for example, the activities of UNESCO are partially politicized, or the model of cultural policy in Russia is transformed from paternalistic to a model with market principles. To try to define the outlines of the future world order, the author refers to the visions of Marxism and liberalism of the future movement of history. To prove the significance of culture in a changing world, variants of the meanings of the «soft power» mechanism are given, in which cultural factors, values, and preferences are actively used. The author's reasoning leads to the main idea: cultural policy should not be limited to economic goals, be under political pressure. Instead, cultural policy acts as a core for preserving national identity, cultural diversity, and maintaining true moral values.

Ключевые слова: культурная политика, новый миропорядок, модели культурной политики, мягкая сила, культурные факторы, ценности

Keywords: cultural policy, new world order, cultural policy models, soft power, cultural factors, values

Егоров Владимир Константинович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, главный научный сотрудник Центра государственной службы и управления ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, Заслуженный деятель науки РФ, Москва Россия, vk_egorov@mail.ru

Vladimir K. Egorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the UNESCO Department, Chief Researcher of the Center for Public Service and Management of the IGSU RANEPa under the President of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow Russia, vk_egorov@mail.ru

О коренных переменах, идущих и грядущих трансформациях, более того — крушении привычного мироустройства и т. п. сказано и написано немало. Выделяются такие проблемы и повороты, как рост конфликтов, снижение уровня безопасности не только отдельных стране, но и целых регионов, невиданная по масштабам информационная обработка общественного мнения, кризис дипломатии, игнорирование международного права и казавшихся незыблемыми ценностей, в том

числе, таких, как неприкосновенность частной собственности и т.д. К сожалению, не очень просматриваются основания, которые бы давали уверенность, что этому все-таки придет конец. При этом следует выделить такой момент: подходы к культуре и место культуры в будущем мироустройстве, как особо значимую тему, (в той или иной степени) поднимают преимущественно только те страны и общественные акторы, которые не считают возможным вписываться в западнцентричный мейнстрим и с позиций которого до последнего времени прибывали в статусе, что называется, догоняющих, копирующих западные представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо, т.е., по сути — вторичных. В этой связи хотелось бы в самом начале обратить внимание на следующее.

Мы являемся свидетелями даже такого беспрецедентного явления, как попытки политизировать деятельность ЮНЕСКО. Постоянный представитель России при ЮНЕСКО А.И. Кузнецов в связи с инициативой западных стран о специальной сессии по событиям на Украине отметил: «Вообще, это уникальный случай в истории ЮНЕСКО. 75 лет существует организация, за это время было множество и международных кризисов, и войн, и конфликтов, но вот такую сессию созвали впервые. И создалось впечатление, что ЮНЕСКО в общем-то ничем кроме Украины заниматься не будет». Но он справедливо подчеркнул, что «Акции, которые преследуют цель наказать Россию, в действительности наносят еще больший вред самой организации. Целятся в Россию, а попадают в ЮНЕСКО». (2, 2014). Замечу при этом, что такой реакции со стороны, так называемого, коллективного Запада не было ни в период Карибского кризиса, ни в годы Вьетнамской войны. А ведь тогда мир стоял буквально на пороге ядерной войны и речь шла о невиданном военном противостоянии целых систем — капиталистической и социалистической. Впрочем, отличия того, что происходило в упомянутые годы и происходит сегодня, в принципе, понятны. И, пожалуй, главное — это то, что, сформулирую так, изменившийся Запад и ставший (становящийся) другим остальной мир впервые по-настоящему столкнулись в чуть ли не всеобъемлющем противостоянии за другое миропонимание. Борьба за новый миропорядок, кажется, действительно превращается из метафоры в реальность.

Вполне понятно, что взоры не только профессиональных политиков и ученых, но и вполне «обычных» людей обращаются сегодня к интеллектуальным поискам вокруг проблем прогнозирования в истории и политике. Отмечу в данном случае, что один из самых авторитетных специалистов по синергетике В.Г. Буданов, в статье «Ритмокаскады истории: Россия и будущее цивилизации» среди важнейших проблем моделирования в этих областях жизни и знания констатирует, что «в истории, да и вообще в гуманитарном знании» наличествует «отсутствие строгих количественных критериев при описании культурно-исторических событий. Точнее, относительно надежные критерии существуют лишь для временных и географических данных событий, для экономических, демографических и социологических они обесцениваются по мере погружения в прошлое. О культурологических, социально-психологических критериях допустимо говорить только на «неколичественном» языке тенденций, мнений и экспертных оценок (качественные показатели)». При этом мне представляется исключительно существенным его замечание, что он «отнодь не отрицает... необходимости социально-экономического моделирования,

но, скорее, дополняет его культурно-историческим прогнозом, без которого картина будущего вряд ли может быть представлена адекватно». А придавая особое значение содержанию факторов, определяющих движение в истории культур и народов, стран и регионов, ученый пишет о наличии ритмокаскадов в истории, выделяет «систему комплексных социально-исторических архетипов» — ценностно-смысловые, властные, трансформационные, структурные, адаптивно-синтезирующие, архетипы региональных напряжений и метасистемные (Буданов, 2007). И надо заметить, что, говоря об истории, о движении истории, Буданов употребляет, как бы подчеркнуто, понятия «культурно-исторические события», «культурно-исторический прогноз».

В самих попытках хотя бы обрисовать контуры возможного или грядущего нового миропорядка представляется необходимым вычленивать, по крайней мере, несколько моментов. Первый из них, как мне кажется, заключается в потребности обратиться к предыдущим этапам в развитии человеческой мысли, когда явственно формулировались попытки спрогнозировать и даже сконструировать само движение истории. Обращусь в данном случае к попыткам марксизма и либерализма.

К марксизму, можно относиться по-разному и, безусловно, следует относиться исторически. Но вот что примечательно. С позиций этого учения, если предельно схематически, то, что мы ныне именуем, в том числе, новым миропорядком, история утверждала, отвергая все предыдущие миропостроения, именовавшиеся формациями. И утверждался на планете коммунизм, знаменуя одновременно и расцвет, и конец истории. В этом смысле, идея о конце истории, выдвинутая в конце XX века Ф. Фукуямой, в конечном счете, утверждении всемирного либерального мироустройства, в концептуально-философско-прогностическом плане есть ничто иное, как заимствование, если угодно, плагиат. Однако важнее в данном случае другое. И та, и другая концепции базировались на абсолютном примате западноевропейского исторического выбора. Разумеется, с учетом трансформаций на путях социально-экономического, в целом общественного прогресса. Остальной мир по существу «выводился за скобки» истории, опыт и особенности тысячелетних, не говоря уж о многовековых цивилизациях, не принимался во внимание. Существенно, в чем-то и многозначительно следующее. Ф. Энгельс писал о ключевых моментах того, что именуется европейским Ренессансом: «В спасенных при падении Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях передизумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; ...в Италии начался невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого никогда больше не удалось достигнуть. В Италии, Германии, Франции возникла новая, первая современная литература...» и т.д. (Из «Диалектики природы» Фридриха Энгельса // Блог М. Récamier (07.03.2014). URL: <https://michel-recamier.livejournal.com/5329.html?ysclid=12ag7p7zzi>). Но что такое Ренессанс — это Возрождение. Возрождение же было, можно сказать, из цивилизаций, некогда похороненных самой новой Европой. Так, возможно, и новому, грядущему миропорядку, до последнего времени бесспорно господствовавшему (экономически, военно-политически, а стало быть, и идеологически, и культурно) западный мир, подготовил почву на руинах своей цивилизации? Ну, если не на руинах, так на основе ее кардинальной трансформации?

А выбравшись, выбираясь из руин, западный мир через Крестовые походы, насаждение мировой колониальной, а затем (в силу вынужденности) неоколониальной системы, по сути отодвигал на второй план истории мир иной. Тот, который приобрел (приобретает) ныне новое качество, другие возможности, все увереннее заявляя о нежелании Востока и Юга жить «под пятой» Запада и Севера. Из этого движения культурно-исторического процесса произросла сама философия многополярного мира — ученые и политики лишь (!) ухватили ее, пытаясь облечь в адекватные и привлекательные формулировки. При этом будем помнить, что «память культуры» — категория и глубокая, и всеобъемлющая. Это, как говорил Едегей, из замечательного романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день», — «Космодром не должен вытеснить кладбище».

Размышления над предполагаемой сущностью нового миропорядка имеют не только, а в чем-то и не столько философско-концептуальный ракурс, но и вполне практическое, вернее, научное международное, региональное, экономическое, политическое, военное, социальное, конечно, гуманитарное, национально-культурное ценностное наполнение. И не будет преувеличением, что в силу сложившегося в последние пару десятилетий тематического контента, кажется, сохраняется соблазн попытаться сфокусировать эти проблемы в поле притяжения концепции «мягкой силы». Пик популярности сформулированной Дж. Наем теории, пожалуй, пройден прежде всего под влиянием реальных процессов, происходящих в мировой политике, причем, надо отдать должное, в том числе, благодаря заключениям самого автора. О.Г. Леонова хорошо обобщает саму эту проблематику: «...механизм «мягкой силы» — это механизм формирования симпатии и притяжения, желания следовать данному примеру в политике и в стратегии своего развития... Если суммировать все его (Дж. Ная — В.Е.) высказывания на эту тему, можно констатировать, что данный механизм мягкого влияния включает в себя следующие активы: дружелюбную и привлекательную политику; привлекательную культуру, политические ценности и институты; наличие таких ценностей, которым захотят следовать другие страны; наличие привлекательной для других стран культуры и идеологии; наличие таких активов, которые могли бы производить эффект притяжения; таким образом сформулированные национальные интересы своей страны, что они включают также привлекательные для других стран цели». Кроме того, «мягкая сила» — это «общие, универсальные (разделенные другими участниками мирового политического процесса) ценности; предложенная международному сообществу повестка дня; сильная и эффективная экономика; международные институты (созданные по инициативе и работающие под эгидой данной страны); международные правила игры, установленные данной страной. Все они также являются ресурсами «мягкой силы» страны». Однако по ходу развития событий в мире «Дж. Най разочаровался в концепте «мягкой силы», право безусловного обладания которой он приписывал в основном США». И одновременно с этим он пришел к выводу, что «В эпоху информационных войн политика большинства стран не обходится без манипуляций и фейковых новостей, что, по мнению Дж. Ная, фактически убивает «мягкую силу» (Леонова, 2018).

Как бы то там ни было, в самой идее использования «мягкой силы» одной из несущих конструкций — в различных вариациях, конфигурациях, явно или латентно —

присутствуют, активно используются культурные факторы, ценности, предпочтения. Причем, следует подчеркнуть, что «мягкая сила» («мягкие силы») целенаправленно работают, как в качестве важного компонента внешней политики, так и в культурной политике, проводящейся в той или иной стране. На эти, своего рода, аксиомы часто не обращается внимание. И это происходит, как вполне сознательно, так и по причине «близорукости», по сути, недостаточного профессионализма управленческих кадров в сфере культуры. Разворачивающееся ныне противоборство, если взять не его военно-экономические аспекты, а противостояние идеологическое, политическое, буквально перенасыщено именно культурно-ценностным содержанием. Хотя, было бы неверным не видеть — подчеркну — и в ключевых экономических и военных компонентах борьбы, в принципе, те же культурно-ценностные подходы, аргументы. Пропагандистские, да и информационные усилия направлены на формирование в общественном мнении, сознании соответствующего образа врага. С таким контентом (не только внешним, но и внутренним) наша культурная политика столь явно не сталкивалась давно.

Переходя к тому, как выглядят проблемы нашей культурной политики в новых условиях, необходимо обратить внимание прежде всего на теоретико-методологические подходы, формирующие у нас представления о том, какие бывают культурные политики. Как известно, основные ее направления, содержание, механизмы реализации сформулированы и очерчены в «Основах государственной культурной политики», утвержденной Указом Президента Российской Федерации 2014 году. То же, что касается ее осуществления, в немалой степени связано с представлением на «этажах власти» о том, какие существуют модели культурной политики, каким их видам на этих самых «этажах» отдаются предпочтения и уже затем как они (эти подходы, принципы, модели) внедряются на практике. При этом нельзя не принимать во внимание и такой фактор, как формирование и в общественном мнении, и в профессиональной среде представлений о том, какие модели (варианты) культурных политик являются современными, прогрессивными. «Продвинутыми», используя сленг, достаточно популярный ныне и среди деятелей, работников культуры, ее партнеров из бизнеса, информационных систем, рекламы. Последнее существенно, т. к. работают над реализацией любых политик не всегда модели, но всегда руководители и исполнители в соответствующих структурах и учреждениях.

Касаясь моделей культурных политик (воспользуюсь в данном случае материалами М.С. Суюповой и М.С. Бондаренко), следует иметь ввиду, что специалисты (зарубежные и отечественные) выделяют примерно такой «ряд»: социостатическая («популистская» или «демагогическая», «патерналистская» или «догматическая», «эклектическая»); социодинамическая (А. Моль), политика основанная на знании и занятости; имиджевая политика; политика организационной модернизации; охранительная политика; использование культуры в более широких контекстах (М. Пахтер и Ч. Лэндри); модель доминантной культуры; модель культурного национализма; модель массовой культуры; общественная модель культуры (А.У. Хренов). Но вот что примечательно. При том, что мы имеем перед собой подобный разветвленный «модельный ряд» (а его можно и расширить) к оценке культурной

политики в России прилагается, как правило, «схема» с выраженным экономическим «флюсом»: в последние несколько десятилетий «модель культурной политики государства была преобразована из жестко централизованной (патерналистской) к модели, в основе которой заложены рыночные начала... Несмотря на это, внимание государства на развитие отечественной культуры остается ещё весьма существенным. Большинство учреждений культуры продолжают зависеть от объемов бюджетного финансирования, так как механизмы коммерциализации отрасли так и не получили должного развития. В частности, остаются недостаточно развитыми благотворительность и меценатство. Не приобрел широкого практического применения и механизм государственно-частного партнерства». А оценки эти связываются в первую очередь с именем руководителя Европейского института сравнительных исследований культурной политики А.Й. Визанда (Сюпова, Бондаренко, 2016).

Дело, разумеется, не только в проецировании на российскую культурную политику схемы: культурная политика патерналистская или рыночно-ориентированная. И не в том, что необходимо развивать государственно-частное партнерство, благотворительность и меценатство. Главное в том, что при приложении подобных схем и пожеланий (требований) к культурным политикам других стран «картина» вырисовывается отнюдь не спрямленно-примитивная. А у нас, зачастую и к сожалению, доминирует именно она. Так, в ФРГ акценты выглядят следующим образом: «Поддержание сферы культуры рассматривается как обязанность демократического общества, в котором для ее развития должно существовать свободное от экономического или политического использования пространство... Несмотря на мощный потенциал культурных индустрий, культурная политика не должна ограничиваться исключительно экономическими целями. К ключевым задачам культурной политики относят сохранение собственной ценности, а значит, и собственного смысла культуры, независимо от требований массового вкуса... Другой принципиально целью культурной политики считается сохранение культурного многообразия в условиях стандартизации культуры, обусловленной процессами глобализации и интернационализации. Свободный рынок при этом не считается источником культурного многообразия: напротив, подчеркивается, что «культура не является повседневным товаром» (Сюпова, Бондаренко, 2016). Или о Франции: здесь культурная политика понимается «как целенаправленная деятельность государства по сохранению и защите национальной культурной самобытности... При этом принципиальное значение для исследователя имеет тот факт, что независимо от формы правления или политической ориентации сменяющих друг друга правительств константой этой политики всегда было развитие, сохранение и защита национального культурного достояния Франции... Примечательно, что если в области экономики, социальной или военной политики между правыми и левыми во Франции существовали глубокие разногласия, то культурная политика, а точнее – ее направленность на защиту национальной специфики и независимости всегда были предметом не только политического, но и общественного консенсуса...». Кроме того, «По убеждению французских политиков, культура во Франции не может быть отдана на откуп действию законов рынка... Культура включает в себя такие не поддающиеся

коммерциализации понятия, как язык, религия, моральные ценности, национальные святыни, территория, произведения и памятники культуры и искусства, и даже гастрономия...» (Косенко, 2007).

Приведенные примеры — это еще один повод задуматься над возможностями, потенциалом российской культурной политики в конкуренции за отстаивание своего места в новом складывающемся миропорядке в сравнении с культурной политикой других стран. Конечно, не все государства выстраивают их, так сказать, по тем же французским лекалам. И далеко не всегда надо искать прямые установки, формулировки и пр., поскольку чаще всего, лежащие в основе культурных политик параметры и национально-государственные ориентиры, закладываются в различные механизмы управления. Нередко в общественные структуры, выполняющие, в том числе, и цензорские функции. К ним, например, вполне можно отнести действующие в США Национальную комиссию по просмотру художественных фильмов, Американскую библиотечную ассоциацию, Управление классификации фильмов в Канаде и т.п. Технологии работы подобного рода и самых подчас незаметных механизмов воздействия, инструментов регулирования необходимо изучать. Ведь «не с потолка же свалились» масштабные санкции Запада в информационной, культурной, научно-образовательной, спортивной сферах. Механизмы проведения такой политики были созданы давно и были задействованы в наши дни — и в полном объеме, и «в полной красе».

Надо сказать, что вопросы сопряжения понятий, самих феноменов «политика» и «управление» — совсем не отвлеченные и присутствуют в нашей жизни отнюдь не только для академических дискуссий. Представляя различные взгляды на эту проблему и интересно размышляя над уровнями их взаимодействия, А.И. Соловьев отмечает существенное: «...предельно упрощая межпарадигматический дискурс, можно указать, что относительно политики наиболее часто встречающимся специфицирующим признаком данного явления выступает власть (и все связанные с ее осуществлением и распределением процессы), в то время как применительно к управлению таким статусом обладает ряд иных признаков. В частности, к такого рода атрибутам ученые чаще всего относят процесс «упорядочения систем», приведение последних в соответствие с закономерностями, действующими в данной среде. (И. Новик) Столь же распространенной характеристикой управления является и его связь с целевыми установками субъекта, целесообразностью действий управляющих, целенаправленным взаимодействием субъекта и объекта. (В. Афанасьев)» и т. д. И следует, на мой взгляд, безусловно согласиться с мнением ученых, «не считающих возможным даже проводить между ними понятийную демаркацию» (О. Шабров). При этом Соловьев, лишь приводя эту точку зрения в ряду других, обращает внимание на изменения, происходящие под воздействием все более распространяющегося сетевого фактора, когда, по мнению специалистов, по существу можно говорить об «идентификации политики и управления как особых уровней принятия государственных решений» (Соловьев, 2005). Но в целом, необходимо, думается, перестать продолжать ассоциировать власть только с государством. Субъектов, не только имеющих, но и осуществляющих властные действия больше. И это становится все более очевидно в наше время, хотя феномены такие появились не вчера. Их много,

и они множатся. Вспомним хотя бы А. С.Пушкина, писавшего в стихотворении «К морю» о смене «властителей дум», когда на смену Наполеону пришел другой гений — Байрон, его поэт имел ввиду, считают пушкинисты. А овладевать умами — это разве не властвовать? Власть эта — над тысячами и миллионами... А большей и не бывает.

Список литературы

1. Буданов В.Г. Ритмокаскады истории: Россия и будущее цивилизации // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. 2007. С. 551-569.
2. Из «Диалектики природы» Фридриха Энгельса // Блог М. Récamier (07.03.2014). URL: <https://michel-recamier.livejournal.com/5329.html?ysclid=12ag7p7zzi>.
3. Косенко С. Актуальные аспекты современной культурной политики Франции // Власть. 2007. №6. С. 82-85.
4. Леонова О.Г. Джозеф Най и «Мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. №1. С. 101-114.
5. Постпред России при ЮНЕСКО заявил о попытках политизации работы организации // Риа новости. URL: <https://ria.ru/20220415/yunesco-1783712916.html>.
6. Соловьев А.И. Политика и управление: когнитивные основания взаимосвязи // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2005, №3. С. 36-37.
7. Сюпова М.С., Бондаренко Н.А. Тенденции развития культурной политики России // «Ученые заметки ТОГУ». 2016. Т. 7. № 4. С. 61-66.

Военно-политическая ситуация в Афганистане и проблемы взаимодействия России и стран Центральной Азии по вопросам безопасности

Искандаров К.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется военно-политическая ситуация в Афганистане после падения Исламской Республики Афганистан и взаимодействия стран Центральной Азии и России по вопросам обеспечения безопасности. Подчеркивается, что, хотя страны Центральной Азии и России в ходе переговоров и консультации по мирному урегулированию афганского конфликта отмечали необходимость формирования инклюзивного правительства и недопущения возрождения талибами исламского Эмирата, тем не менее, вся власть стремительно перешла к талибам. После своего прихода к власти талибы объявили Афганистан Исламским Эмиратом, сформировали правительство исключительно из членов Талибана и преимущественно из числа пуштунов. Также продолжились репрессии в отношении приверженцев прежнего режима и все ещё отказано от предоставления прав женщинам на учебу и работу. Несмотря на отсутствие признания правительства Талибана со стороны других государств, прослеживаются попытки установить взаимодействие, например, посредством аккредитации дипломатов Талибана, приглашением на встречи и др. В условиях существования внутривнутриполитических противоречий в Афганистане и отсутствия давления на руководство Талибана, не наблюдается возможность принятия требований оппозиционных афганских политических сил внутри страны и международного сообщества. Вместо этого предполагается расширение географии вооруженного сопротивления и стремления к объединению разрозненных антиталибовских сил на севере Афганистана.

RESUME

The article analyzes the military-political situation in Afghanistan after the fall of the Islamic Republic of Afghanistan and the interaction between the countries of Central Asia and Russia on security issues. It is emphasized that, although the countries of Central Asia and Russia during the negotiations and consultations on the peaceful settlement of the Afghan conflict noted the need to form an inclusive government and prevent the revival of the Islamic Emirate by the Taliban, nevertheless, all power quickly passed to the Taliban. After coming to power, the Taliban declared Afghanistan an Islamic Emirate, formed a government exclusively from members of the Taliban and predominantly from among the Pashtuns. The repressions against adherents of the former regime also continued and the rights of women to study and work are still denied. Despite the lack of recognition of the Taliban government by other states, there are attempts to establish interaction, for example, through the accreditation of Taliban diplomats, invitations to meetings, etc. Given the existence of internal political contradictions in Afghanistan and the absence of pressure on the Taliban leadership, there is no possibility of accepting the demands of the opposition Afghan political forces within the country and the international community. Instead, it is planned to expand the geography of armed resistance and the desire to unite the disparate anti-Taliban forces in northern Afghanistan.

Ключевые слова: Афганистан, стран Центральной Азии, взаимодействие, Талибан, террористические организации, ИГИЛ-Хорасан, Аль-Каида, Ансарулла, Таджикистан, Сеть Хакани, противоречие

Keywords: Afghanistan, Central Asian countries, interaction, Taliban, terrorist organizations, ISIS-Khorasan, Al-Qaeda, Ansarullah, Tajikistan, Khakani Network, contradiction

Искандаров Косимшо, доктор исторических наук, профессор, главный ученый секретарь Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан, ikosimsho@gmail.com

Iskandarov Qosimsho, Dr. of Science (Historical Science), professor, Chief Scientific Secretary of National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanba, Tajikistan, ikosimsho@gmail.com

Стремительный переход всей территории Афганистана под контроль террористической организации «Талибан» в августе 2021 года, и не менее быстрый распад подготовленных в течение 20 лет со стороны США и других стран НАТО вооруженных сил для многих стали неожиданностью. Хотя многие страны в последние два года имели контакты с Талибаном и считали эту организацию серьезной силой, без участия которой невозможно обеспечение мира и стабильности в Афганистане.

Все факторы, приведшие к распаду Государства, монополизация власти со стороны Талибан и ее последствия для стран региона нуждаются в тщательном исследовании. В настоящее время нет единого мнения среди ученых, экспертов и политиков относительно сущности режима Талибан, угроз, исходящих из Афганистана, в частности со стороны террористических организаций, базирующихся на севере страны. Тем не менее, очевиден тот факт, что политика Талибана по принципиальным вопросам государственного управления и сущность режима не претерпели особых изменений. Поэтому государства Центральной Азии, Россия и другие страны региона для того, чтобы минимизировать угрозы со стороны Афганистана, добиться формирования инклюзивного правительства, должны координировать свои усилия, больше взаимодействовать, учитывать не только свои интересы, но и интересы других партнеров.

Цель настоящей статьи анализ военно-политической ситуации в Афганистане и взаимодействия стран Центральной Азии и Российской Федерации по укреплению безопасности. Используются исторический метод исследования, а также методы сравнительного анализа.

Афганистан занимает важное геополитическое положение стабилизатора региона, ввиду потенциально возможной активизации международных террористических групп, угрожающих многим странам мира.

Прошло более восьми месяцев с того дня, когда 15 августа 2021 г. вся власть в Афганистане была передана Талибану, признанной террористической организацией во многих странах, в том числе в России и в Таджикистане. На что надеялись ведущие державы и многие страны региона, какие интересы преследовали – до конца еще не ясно. Но каким-то чудесным образом тогда сошлись интересы Запада во главе с США с одной стороны, и России, Китая, стран Центральной Азии и других региональных игроков, с другой. При этом каждая страна или группа стран преследовали свои цели. Несмотря на то, что на переговорных процессах часто акцентировали внимание талибов на необходимость формирования коалиционного или инклюзивного правительства, и недопущение возрождения Исламского Эмирата, Талибан всё же объявил Афганистан Исламским Эмиратом.

Получается, что Талибан поставил перед фактом, хотя ни одна страна официально не признала правительство Талибан. Но некоторые страны такие как Китай, Иран, Россия, Узбекистан, Туркменистан и др. устанавливают отношения с Исламским Эмиратом: налаживается торгово-экономическое сотрудничество,

работают посольства данных стран в Кабуле, затем началась аккредитация дипломатов этой террористической организации.

В результате происходит, если не де-юре, то де-факто признание Талибана, со стороны этих государств. При этом Талибан по законам этих стран считается террористической и запрещенной организацией, и такая практика уникальна в своем роде.

Некоторые эксперты считают, что эта политика в целом оправдывает себя и может минимизировать террористические угрозы для стран Центральной Азии. Однако проблема в том, что подобные решения не могут обеспечить мир и стабильность в Афганистане даже в среднесрочной перспективе. Нам представляется, что страны региона наряду с продолжением взаимодействия с Талибаном должны поставить перед их руководством четкие условия, направленные на формирование инклюзивного правительства, которое означает не только привлечение представителей различных этнических групп, политических сил, но и соблюдение других ценностей и основополагающих прав народов, населяющих эту страну. Установление власти Талибан оценивается как монополизация власти не только со стороны одной организации – «Талибан», но одного этноса пуштунов. В многонациональном Афганистане, когда межэтнические отношения накалены до предела и за многолетнюю войну потеряно доверие между представителями различных этносов, игнорирование права непустунских народов не может привести к миру и стабильности.

За восемь месяцев своего правления талибы, не только ни сделали ничего, чтобы заслужить доверие других народов, населяющих страну и обеспечить внутреннюю легитимность, но и установили жесткий режим угнетения и преследования. Несмотря на объявленную амнистию, талибы преследуют и убивают, государственных служащих прежнего правительства, представителей интеллигенции и активистов гражданского общества во всех провинциях.

Нью-Йорк Таймс на основе проведенного исследования сообщает, что за 6 месяцев правления Талибан убиты или пропали без вести около 500 государственных служащих прежнего правительства, в том числе офицеры органов безопасности (3, 2022).

Талибан главным достижением считает прекращение войны, однако за эти восемь месяцев произошло много беспощадных террористических актов, в результате которых погибло и ранено сотни мирных жителей.

Как и в прошлые годы многие террористические акты направлены против шиитов Афганистана: взрывы в Кабуле, Кундузе, Кандагаре, Мазари, Шарифе и т.д. Хазарейцы-шииты Афганистана квалифицируют это как акт геноцида. Ответственность за террористические акты берет на себя, как правило, ИГИЛ-Хорасан, но нельзя забывать, что традиционно Сеть Хакани (лидер Сираджуддин Хаккани возглавляет МВД Талибана) имела тесные связи с ИГИЛ-Хорасан. Спецслужбы ИРА имели информацию и доказательства, что самые резонансные с многочисленными жертвами террористические акты, приписываемые ИГИЛ-Хорасан, совершались террористами Сети Хакани. По сообщению ВВС «Сираджуддин Хакани в своем выступлении на одном из митингов в Кандагаре 23 февраля текущего года заявил, что

1050 членов только его группы, т.е. «Сеть Хакани» Талибана за полтора десятилетия совершали террористические акты, с использованием смертников (5, 2022).

Сегодня Сираджуддин Хаккани, возглавляющий МВД непризнанного правительства Талибан поднял этот вид терроризма на государственный уровень и всячески поощряет. По данным инсайдеров, в структуре МВД создан «батальон смертников (интихари)», насчитывающий более 400 смертников. Такие батальоны сформированы и в структуре министерства обороны. В условиях, когда С. Хаккани заявил, что операцию смертников командует сам пророк Мохаммед и лично выписывает шахидам пропуск в рай (Осман, 2022), желающих получить из рук самого пророка путевку в рай сейчас много.

Атаки на мечети и образовательные учреждения шиитов могут привести к усилению межэтнической и межконфессиональной розни, в худшем варианте могут спровоцировать Иран к вмешательству, в том числе посредством ввода «Армии Фатимидов».

Талибы по-прежнему не хотят прислушиваться к призывам международного сообщества о предоставлении права учебы девушкам старше шестого класса, и это отнюдь не связано с отсутствием условия для их отдельной учебы с мальчиками, как это преподносится, а исходит от идеологических постулатов Талибан. Ход переговорного процесса с участием Талибан показал, что представители этой группы в вопросе политической власти и реализации своих идейных установок никогда не соглашались идти на уступки, наоборот другая сторона всегда шла на уступки, и принимала условия Талибан. Поэтому сегодня, в ситуации, когда все страны региона согласны на взаимодействия и оказывают Талибану не только экономическое, но и морально-политическое содействие, трудно ожидать от Талибана смягчение своей позиции. Не менее, трудной проблемой, препятствующей достижению согласия Талибана на формирование инклюзивного правительства и соблюдение прав женщин, а также этнических меньшинств, является отсутствие единства в рядах Исламского Эмирата.

Создается впечатление, что Талибан пытается скрыть внутренние распри, внешне показывая единство, в пропагандистских целях. Захват Кабула Сетью Хаккани произошел без согласования с другими Советами Талибан, в том числе Совета Кветты и политического офиса Катара. Внезапный и незапланированный ввод сил в Кабул и последующее занятие важных и стратегических позиций Сетью Хаккани показывают, что Сеть Хаккани действуют самостоятельно и независимо от основной ветви Талибан. Однако в СМИ преподносится, будто между двумя ветвями нет различий и противоречий во взглядах и на практике. Но противоречия внутри Талибана с каждым днем становятся неоспоримыми, и основная причина отказа Талибана от принятия условий международного сообщества относительно формирования инклюзивного правительства, соблюдения прав женщин, в том числе права на учебу, отказа от проведения операции по преследованию и уничтожению бывших противников, заключается именно в этом.

Многие эксперты считают, что корень противоречий кроется в межплеменном конфликте между кланом Гильзаи (представляет сеть Хакани) и кланом Дурани (Кандагарская ветвь, в которую входя отцы основатели талибов). Однако после

падения Кабула организационная структура талибов изменилась. Эта трансформация происходила в три этапа: роспуск четырех советов Талибана в Пакистане, усиление разногласий между сетью Хаккани и муллой Барадаром и объединение организационной структуры талибов. Таким образом, эксперты, хорошо изучавшие внутренние разногласия в Талибан выделяют пять неофициальных групп (Ихсани, Бахар, 2022):

1) бывшие лидеры четырех советов Талибана, большинство из которых являются высокопоставленными членами Талибана, в том числе министры, заместители министров, руководители ведомств;

2) ведущие переговоры официальные лица и члены политического офиса Талибана в Кабуле;

3) ряд влиятельных заключенных, освобожденных в ходе мирных переговоров с прежним правительством, а также часть заключенных, освобожденных после взятия Кабула. Эти освобожденные люди теперь составляют бюрократическую силу нынешнего режима и занимают государственные должности среднего звена;

4) командиры талибских вооруженных отрядов, действующие независимо и автономно и не считающие приказы и директивы трех вышеуказанных групп подлежащими исполнению;

5) воюющая часть этих отрядов, которые раньше были военной машиной талибов. В некоторых случаях эти бойцы даже не подчинялись приказам своих командиров.

Эти группы имеют различные интересы и цели, иногда совсем противоречащие друг другу, с одной стороны связанные с межплеменными разногласиями, уровнем зависимости от стран региона, особенно Межведомственной военной разведки Пакистана, тесные контакты с другими террористическими организациями (Движение Талибан Пакистана, Лашкари Джангви, Сипахе Сахаба, Лашкари Тайиба, Исламское движение Узбекистана, Исламское движение Восточного Туркестана, Аль-Каида и др.), наличие различных взглядов в вопросах толкования шариата и многое другое.

В таких условиях руководству Талибан очень трудно принять согласованное решение, не противоречащее интересам и взглядам других групп.

Если будут продолжаться межгрупповые и межплеменные разногласия в рядах Талибан, то довольно трудно прийти к согласию относительно выполнения требования международного сообщества и внутренней вооруженной оппозиции.

Талибан не изменил свою позицию и по отношению пребывания в Афганистане таких опасных международных террористических организаций, как Аль-Каида, ИГИЛ-Хорасан, Исламское движение Узбекистана, Исламское движение Восточного Туркестана, Джамаат Ансарулла, Совет исламского джихада, Катибаталь-ИмамБухари, Лашкар-е-Тайеба и другие. Только в одном афганском Бадахшане насчитывается более 10 террористических организаций иностранного происхождения, созданы десятки тренировочных лагерей для боевиков. В своем выступлении на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон заявил: «По данным наших спецслужб, количество лагерей и центров по подготовке террористов, граничащих с южными границами ОДКБ, в

северо-восточных провинциях Афганистана, насчитывает свыше 40, а их численный состав достигает более шести тысяч боевиков» (1, 2022).

После прихода к власти талибов численность ИГИЛ-Хорасан и Аль-Каида увеличилось, как за счет новых членов, так за счет освободившихся из афганских тюрем членов этих террористических групп. И пока нет никаких доказательств, что Талибан порвал связи с этими организациями.

Кроме того, волнует обстоятельство, при котором Талибан провоцирует распространение экстремистской идеологии.

Затягивание вопроса о формировании инклюзивного правительства, смягчении политики в отношении прав женщин на работу и учебу, прекращении преследования и убийства сотрудников прежнего режима привели к усилению вооруженного сопротивления.

В настоящее время сформировались минимум 7 вооруженных группировок, которые самостоятельно ведут партизанскую войну против Талибана. Это Фронт национального сопротивления Афганистана, Фронт освобождения Афганистана, группы, подчиненные Атта Мохаммаду Нуру и маршалу Достуму, шиитские группировки и т.д.

Пока приведенные выше группировки действуют разрозненно (отсутствует единый фронт наподобие Северного альянса в 90-е гг.). Тем не менее, прилагаются усилия по формированию единого фронта, возможно в будущем, созданию Высшего совета Объединенного фронта национального сопротивления. В то же время, в Афганистане образуются группы, выступающие в роли силы в гибридной войне стран Запада во главе с США в афганском направлении. Они призваны создавать кризисную ситуацию, чтобы помешать осуществлению политики Китая, Ирана и России в регионе в угоду США и стран Запада. В Талибовском Афганистане, особенно на севере страны активизирует свою террористическую деятельность ИГИЛ-Хорасан, и нельзя исключать возможности использования этой террористической группировки для дестабилизации ситуации на границе центральноазиатских стран.

В настоящее время государства Центральной Азии и России, объединены в различные интеграционные структуры, но каждая страна на международной арене преследует свои цели. Сегодня как никогда необходима координация усилий по формированию в Афганистане устойчивого инклюзивного правительства, которое отвечало бы интересам абсолютного большинства населения страны, политических сил и этнических групп. Для этого целесообразно использовать налаженные некоторыми странами каналы взаимодействия с Талибаном, ориентированных на повышение его репрезентативности, путем привлечения представителей различных политических сил и этнических групп. В противном случае напряженность будет нарастать, а затем приведет к дестабилизации ситуации в Афганистане, особенно на севере страны, тем самым, представляя угрозу странам Центральной Азии.

Несмотря на отказ международного сообщества официально признать правительство Талибан, пока не наблюдается тенденция к формированию инклюзивного правительства и обеспечению прав женщин (талибы не идут на уступки). Отчасти возможно это связано с тем, что Талибан не чувствует какого-либо серьезного давления со стороны ведущих стран мира и соседей. С другой стороны,

наличие в рядах Талибан различных групп со своими собственными интересами и взглядами на будущее государство и неадекватное толкование шариата препятствует формированию правительства, учитывающего интересы большинства народов, населяющих страну.

Список литературы

1. Выступление Президента Республики Таджикистана Эмомали Рахмона на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ. 10 января 2022.г. URL: https://odkb-csto.org/news/news_.
2. Ихсани Х., Бахар М. Распад внутренней структуры Талибан: факторы и последствия. URL: https://aiss.af/persian/aiss/news_details/opinions/625da8c704c30.
3. Нью Йорк Таймс: Талибы убили или довели до исчезновения около 500 сотрудников прежнего правительства. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-61092715>.
4. Осман Н. Серьезный вызов Сираджуддина Хаккани религиозной реакции. URL: <https://www.ariaye.com/dari19/siasi/osmannajib6.html>.
5. Сираджуддин Хаккани подтвердил участие 1050 террориста-смертника со стороны сети Хаккани за два десятилетия. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-60492658>.

Внешняя политика России на переломном этапе современного исторического развития

Коваль В.П.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются актуальные аспекты внешней политики России на переломном этапе современного исторического развития, анализируются особенности развития международной обстановки, переживающей беспрецедентный переходный период. Трансформация старого и становление нового миропорядка сопровождается ростом геополитических рисков в мировом сообществе, формированием новой расстановки сил, серьезными проблемами в военно-политической, экономической, экологической, информационной и иных сферах. Россия снова оказалась на перекрестке ключевых тенденций, определяющих вектор будущего мирового развития. После распада Советского Союза потребовалась глубокая перестройка внешней политики России на основе примата национальных интересов, обеспечения безопасности страны, поддержания ее суверенитета и территориальной целостности, сохранения статуса великой державы. В результате активных и гибких действий страна восстановила статус одной из ведущих мировых держав. Коллективный Запад воспринял конструктивную линию Москвы как проявление слабости, проводил политику сдерживания, определил Россию в качестве угрозы. Острые противоречия с Западом стали одной из существенных характеристик современной внешней политики России. США и НАТО наращивали военный потенциал по всему периметру границ с Россией, оказывали активную поддержку радикально-националистическому киевскому режиму, насытили Украину вооружениями, превратили ее в «анти-Россию». Запад проигнорировал предложения Москвы по обеспечению стратегической стабильности, недопущению дальнейшего расширения НАТО, отказу от размещения альянсом ударных систем вооружений на российских границах, отзыву решения Украины и Грузии по членству в НАТО. Специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины (в глобальном измерении – опосредованная война России с США и НАТО) ускорила процесс трансформации мироустройства. Намечившаяся переконфигурация мира устанавливает новые принципы геополитической архитектуры, иные военно-политические и экономические схемы отношений. В своем стремлении к формированию нового мира Россия находит поддержку ряда ведущих стран планеты.

RESUME

The article deals with topical aspects of Russia's foreign policy at a turning point in modern historical development, analyzes the features of the development of the international situation, which is going through an unprecedented transition period. The transformation of the old and the formation of a new world order is accompanied by an increase in geopolitical risks in the world community, the formation of a new alignment of forces, and serious problems in the military-political, economic, environmental, information and other spheres. Russia has again found itself at the crossroads of key trends that determine the vector of future world development. After the collapse of the Soviet Union, a profound restructuring of Russia's foreign policy was required based on the primacy of national interests, ensuring the country's security, maintaining its sovereignty and territorial integrity, and maintaining the status of a great power. As a result of active and flexible actions, the country restored the status of one of the leading world powers. The collective West perceived Moscow's constructive line as a sign of weakness, pursued a policy of containment, identified Russia as a threat. Acute contradictions with the West have become one of the essential characteristics of modern Russian foreign policy. The United States and NATO built up military potential along the entire perimeter of the borders with Russia, provided active support to the radical nationalist Kyiv regime, saturated Ukraine with weapons, turned it into «anti-Russia». The West ignored Moscow's proposals to ensure strategic stability, prevent further expansion of NATO, refrain from deploying strike weapons systems on Russian borders by the alliance, and withdraw the decision of Ukraine and Georgia on NATO membership. A special military operation to demilitarize and denazify Ukraine (in the global dimension, Russia's proxy war with the United States and NATO) accelerated the process of transforming the world order. The outlined reconfiguration of the world establishes new

principles of geopolitical architecture, other military-political and economic schemes of relations. In its striving to form a new world, Russia finds support from a number of the world's leading countries.

Ключевые слова: современный мир, внешняя политика, безопасность, стратегическая стабильность, мировой порядок, специальная военная операция

Key words: modern world, foreign policy, security, strategic stability, world order, special military operation

Коваль Василий Петрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация, v.p.koval@yandex.ru

Vasily P. Koval, PhD in Law, associate professor of the Department of foreign regional studies and international cooperation of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, v.p.koval@yandex.ru

Современный мир переживает беспрецедентный по историческим меркам переходный период, сопровождающийся трансформацией геополитического ландшафта, ростом геополитических рисков в мировом сообществе, формированием новой расстановки сил, серьезными проблемами в военно-политической, экономической, экологической, информационной и иных сферах.

Распад старого мирового порядка, создание однополярной системы не привели к созданию нового мирового порядка. Постепенно международная система начала приобретать новое содержание: снижалось влияние Запада на фоне укрепления развивающихся стран, возникали новые вызовы в результате растущей конкуренции между различными центрами силы, деградации системы ядерного нераспространения, огромного влияния пандемий и ряда других невоенных угроз.

Возникшие на рубеже XX и XXI веков качественно новые явления привели к целому ряду существенных изменений в развитии международных политических процессов, серьезной трансформации системы международных отношений, обострению борьбы вокруг базовых принципов миропорядка. Особенность этого периода состоит в том, что Россия вновь оказалась на перекрестке ключевых тенденций, определяющих вектор будущего мирового развития.

Произошедшие после распада СССР изменения внутренних и внешних условий вызвали глубокую трансформацию внешней политики России. Происходящие масштабные перемены в мире потребовали определять внешне политические задачи. Смысловую основу внешней политики современной России составляют ее прагматичный характер, примат обеспечения национальных интересов, тесно связанный с первоочередными задачами:

- обеспечение безопасности страны, укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, сохранения статуса великой державы;
- создание максимально благоприятных условий для успешного внутреннего развития и устойчивого экономического роста;
- укрепление роли России как мировой державы, имеющей серьезное влияние на формирование новых международных правил на основе многополярности.

Россия сумела преодолеть угрозу дезинтеграции и наиболее тяжелые политические последствия распада Советского Союза. Она вернула статус одной из

ведущих мировых держав, проводит активную внешнюю политику, последовательно отстаивая свои интересы за рубежом.

Сегодня можно с уверенностью полагать, что в перспективе Россия останется одной из мощнейших стран мира в военном отношении, ядерной державой. В результате военной реформы страна имеет компактную, мобильную и хорошо оснащенную армию. Отечественная военная промышленность практически полностью обеспечивает запросы вооруженных сил. Будучи ядерной державой Россия, как свидетельствует нынешняя практика, даже несмотря на количественное военное превосходство соседних альянсов, гарантировано защищена от прямой военной агрессии.

Продвижение национальных интересов тесно связано с первоочередными задачами обеспечения безопасности страны. При этом, отмечал глава МИД России С.В. Лавров, во главу угла в нынешней ситуации, как и прежде, российская сторона ставит осуществление внешней политики «созидательно, конструктивно, гибко, всегда проявляя готовность к компромиссам, но исключительно на основе взаимоуважения и поиска баланса интересов (9, 2021). В условиях растущих масштабов глобальных проблем Россия призвала ведущих игроков мировой политики в ООН, в G20 и в других международных организациях к международному сотрудничеству.

Западный мир пытается противостоять объективному ходу истории, стремится обеспечить себе односторонние преимущества, сохранить доминирование в новых условиях. Более того, коллективный Запад настойчиво навязывают мировому сообществу собственное видение устройства международной жизни, называя это необходимостью установления и уважения «порядка, основанного на «правилах», навязывая их в самых разных областях, подрывая тем самым международное право и моноцентричную архитектуру международных отношений.

Естественно, Россия не могла подчиниться правилам, выработанным без её участия и ставящих ее в подчинённое положение.

В своей речи на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года В.В. Путин, характеризуя сложившуюся однополярную систему международных отношений как один центр власти, силы, принятия решения указал на то, что в конечном итоге эта система является губительной и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри (5, 2007). Подвергая критике однополярное устройство мировой системы В.В. Путин представил свое видение места и роли России в современном мире с учетом сложившихся реалий и угроз, указывая на то, что Россия как великая мировая держава, страна с более чем тысячелетней историей, практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику, реалистически оценивая свои собственные возможности и свой собственный потенциал (5, 2007).

Важным ресурсом внешней политики России является возможность играть активную роль сразу в нескольких регионах – в Евроатлантическом регионе, в АТР, на Большом Ближнем Востоке, в Центральной Азии, в Арктике.

В принятой в 2016 году Концепция внешней политики Российской Федерации в качестве основных особенностей современного мира выделяется формирование новых центров экономического и политического влияния, рассредоточение

мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион, сокращение возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике.

Серьезный вклад в трансформацию формирующегося миропорядка вносят страны глобального Юга, создающие свои региональные интеграционные объединения и системы финансовых расчетов. Важными участниками этих процессов являются страны БРИКС. По оценке заместителя министра иностранных дел Сергея Рябкова страны БРИКС войдут в основу формирующегося миропорядка, будут одним из его костяков. Они играют важную роль в деле защиты международного права и борьбе с санкционной политикой западных стран (7, 2022).

Характерной особенностью глобального развития начала XXI века стало увеличение военного и экономического потенциала КНР, его качественного состояния.

Следовательно, главной тенденцией современного этапа мирового развития становится борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы. Это приводит к повышению роли фактора силы в международных отношениях, наращиванию силового потенциала, созданию и развертыванию новых видов вооружения, что подрывает стратегическую стабильность, создает угрозу глобальной безопасности.

Констатация данного факта нашла свое отражение в совместном заявлении по итогам переговоров президента России В.В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина 4 февраля 2022 года, в котором отмечают масштабные преобразования в мире, развитие многополярности, экономической глобализации, информатизации, трансформации системы глобального управления и миропорядка, формирования тенденция перераспределения баланса мировых сил (17, 2022).

В данном документе отмечается, что представляющие меньшинство на мировой арене силы продолжают отстаивать односторонние подходы к решению международных проблем. Это выражается в использовании силовой политики, вмешательстве во внутренние дела других государств, провоцировании противоречия, разногласия и конфронтации, препятствуют развитию и прогрессу человечества.

Человечество движется к опасному рубежу, системному кризису во многих сферах жизни: политический, финансово-экономический, экологический, социальный и т.д. Система международных отношений все больше сползает к серьезным конфликтам между ключевыми участниками. Конфликт России и коллективного Запада – одна из наиболее выраженных составляющих этого состояния.

Президент России В.В. Путин в выступлении на Валдайском форуме в 2021 году отмечал необходимость осознания опасности и быть готовыми противодействовать многим разноплановым опасностям. Он подчеркивал, что нынешний кризис – концептуальный, даже цивилизационный. По сути, это кризис подходов, принципов, определяющих само существование человека на земле (18, 2022).

В начальном периоде становления Российской Федерации значительная часть общества надеялась, что по мере демократизации страна успешно интегрируется

в сообщество развитых государств. Более того, появился реальный шанс на преодоление раскола Европы. Наша страна была полностью открыта для такого варианта и выступала с многочисленными предложениями и инициативами. Даже ослабленная после распада СССР Россия не устраивала США и их западных союзников. Их цель заключалась в том, чтобы избавиться от геополитического конкурента и получить доступ к его ресурсам. В отношении России проводилась не только политика сдерживания, но была определена в качестве угрозы.

Важно отметить, что Россия своей политикой и действиями не угрожала интересам безопасности США и их союзников. Более того, за новой Россией закрепились роль активного игрока в ряде функциональных областей: ядерное нераспространение, контроль вооружений, мирный атом, кибербезопасность, продовольственная безопасность, освоение космического пространства, ресурсная безопасность и др.

Россия активно выступала в качестве посредника в решении целого ряда международных конфликтов и проблем (Иранская ядерная программа, Нагорный Карабах, Ближневосточное урегулирование и др.).

Представляется, что Запад конструктивную линию Москвы воспринял как проявление слабости. США в одностороннем порядке вышли в 2002 г. из Договора по ПРО, в 2003 г. вместе со своими союзниками развязали кровопролитную войну в Ираке, расширили провокационные действия по периметру российских границ. НАТО активно продвигал военную структуру на Восток к российским границам.

США начали наращивание военной мощи по всему периметру границ с Россией, начиная с Алеутских островов на северо-востоке, Японии и Кореи на юго-востоке, Турции в Закавказье, Польши, Румынии, Болгарии в Европе, Эстонии. (по данным председателя Объединенного комитета начальников штабов США Дж. Данфорда более 300 тысяч американских военнослужащих находятся в 177 странах (3, 2018), а согласно ежегодным отчетам Base Structure Reports, США за последние 10 лет использовали от 600 до 800 военных баз и объектов).

Важнейшей составной частью этой агрессивной направленности является многолетняя политика Запада по комплексному, системному сдерживанию России, по выражению С.В. Лаврова, «по всем фронтам». Кульминацией этого русофобского курса стала безоговорочная поддержка Вашингтоном и Брюсселем радикально-националистического киевского режима, превращение страны в «анти-Россию» (6, 2022).

Острые противоречия с коллективным Западом стали одной из существенных характеристик современной внешней политики России.

Лидеры Запада, вопреки обещаниям не допустить продвижения НАТО на Восток, провели пять волн расширения. Более того, действия блока по приближению к нашим рубежам своей военной инфраструктуры, размещение вооружений, включая современные высокоточные, большой дальности дестабилизируют обстановку не только на европейском континенте, но и в Евroatлантике.

В американских документах стратегического планирования закреплена возможность упреждающего удара по ракетным комплексам противника, к которым США и НАТО относят Россию, которая официально названа главной угрозой евроатлантической безопасности (13, 2022).

По заявлению советника президента США по национальной безопасности Дж. Салливана Соединенные Штаты в противостоянии с Россией преследуют цели в будущем видеть Россию ослабленной и изолированной, «а в идеале для США Россия должна «выпасть» из списка крупнейших экономик мира» (15, 2022).

Подобная практика коллективного Запада составляет основное содержание системных проблем, отягощающие отношения России с США и ЕС, что потребовало от российского руководства принять необходимые меры по обеспечению безопасности страны.

Россия провела эффективную военную реформу, создав более дешевые, эффективные вооруженные силы, обеспечением их новым поколением высокоточных, в том числе гиперзвуковых стратегических систем. Эти системы обесценивают большинство запланированных в США проектов наращивания стратегических сил. Россия де-факто выиграла гонку вооружений, не ввязавшись в нее.

Расшатывание общепризнанных норм и принципов международного права, ослабление и разрушение существующих международных правовых институтов, продолжающийся демонтаж системы договоров и соглашений в области контроля над вооружениями привели к росту напряженности и обострению военно-политической обстановки, в том числе вблизи государственной границы Российской Федерации.

Продолжает деградировать ситуация в стратегической сфере. В действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указывается на то, что стремление стран Запада сохранить свою гегемонию, кризис современных моделей и инструментов экономического развития, сопровождаются обострением внутривнутриполитических проблем, усилением межгосударственных противоречий, ослаблением влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности (Указ, 2015).

После выхода из Договора о ракетах средней и меньшей дальности в США началась разработка целого ряда ударных средств наземного базирования, баллистических ракет, которые могут поражать цели на дистанции до 5,5 тысяч километров.

В случае их размещения на Украине указанные средства были бы способны наносить удары по объектам на всей европейской части России и за Уралом. Подлетное время баллистических ракет до Москвы из района Харькова составит 7–8 минут, гиперзвуковых – 4–5 минут.

В Румынии и Польше США создают комплексы противоракетной обороны. Президент России В.В. Путин неоднократно указывал на то, что размещенные там пусковые установки могут быть использованы для ударных наступательных систем, способных поражать и надземные, и надводные цели, что «создает в системе ПРО США новые наступательные возможности» (11, 2022).

Опасным для России является размещения на территориях некоторых неядерных государств НАТО, в нарушение ДНЯО, ядерного оружия США, а также проведение «совместных ядерных миссий» с участием неядерных стран НАТО по отработке сценариев применения ядерного оружия по России. Эрозию стратегической стабильности, деградацию системы ограничения вооружений в значительной мере создают новые вооружения, включая кибероружие.

Особое значение по поддержанию стратегической стабильности принадлежит прежде всего России и США, как крупнейшие ядерные державы, во многом определяющие общее состояние глобальной безопасности. Из этого следует, что без российско-американских договоренностей невозможно обеспечить международную стабильность.

Важной в данном отношении стала состоявшаяся в июне 2021 г. в Женеве встреча президентов В. Путина и Джо Байдена. Лидеры России и США подтвердили приверженность принципам, что в ядерной войне не может быть победителей, она никогда не должна быть развязана и только предсказуемость в стратегической сфере может обеспечить снижение рисков вооруженных конфликтов и угрозы ядерной войны.

Однако в дальнейшем данная тематика не получила своего положительного развития.

В создавшейся ситуации Россия была вынуждена поставить перед западными партнерами вопрос о переводе в юридически обязывающую форму политических деклараций о неделимости безопасности вне зависимости от членства государств в военно-политических союзах.

В декабре 2021 г Москва передала Вашингтону и странам НАТО проекты Договора между РФ и США о гарантиях безопасности и Соглашения о мерах обеспечения безопасности России и государств НАТО.

В своих предложениях Москва поставила перед США и их союзниками целый ряд вопросов, требующих срочного решения. Они содержат ключевые пункты, касающиеся недопущения дальнейшего расширения НАТО, отказа от размещения альянсом ударных систем вооружений на российских границах, возврата военного потенциала и инфраструктуры блока в Европе к состоянию 1997 года, когда был подписан основополагающий акт Россия-НАТО. Россия потребовала отзыва решения саммита НАТО 2008 года в Бухаресте о том, что Украина и Грузия станут членами НАТО, отказа от провокационных мероприятий, в том числе разного рода учений, а также предоставлении России правовые, юридически обязывающие гарантии.

Однако наши главные озабоченности, остались проигнорированными. Ответы США и НАТО касались второстепенных моментов, что воспринято российской стороной в качестве попыток увести дискуссию в сторону.

В то же время Запад продолжал провоцировать конфликтные ситуации в непосредственной близости от границ России. США и НАТО приступили к освоению территории Украины как театра потенциальных военных действий, подвигали Киев к военному конфликту с Россией, насыщая ее вооружениями и военной техникой. Их стоимость составляет миллиарды долларов. Следует отметить, что возможность размещения на Украине тактической авиации НАТО, носителей высокоточного оружия позволило бы поражать территорию России на глубину до рубежа Волгоград – Казань – Самара – Астрахань, а создание радиолокационных средств разведки – плотно контролировать воздушное пространство России вплоть до Урала (11, 2022).

По данным представителя Совета безопасности России, в Европе за последнее время была сформирована значительная группировка вооруженных сил США, насчитывающая 60 тыс. военнослужащих, 200 танков и 150 боевых самолетов.

За последний год интенсивность полетов у российских границ американских стратегических бомбардировщиков возросла на 40%. Почти вдвое увеличилась интенсивность воздушной разведки сил НАТО в Калининградской области и Крыму. Постоянно велись провокации с участием кораблей НАТО в Черном море (16, 2022).

В результате кардинально повысился уровень военных угроз, опасности внезапного удара по нашей стране.

Нашу обеспокоенность вызвало заявление президента Украины о намерении создать собственное ядерное оружие, выйти из Будапештского соглашения, которое установило неядерный статус государства. Украина сохранила еще советские ядерные технологии, средства доставки, включая авиацию, а также оперативно-тактические ракеты «Точка-У».

В принятой в 2021 год новой военной стратегии Украины Россия называется «военным противником» и обвиняется в «вооруженной агрессии» против страны (14, 2021). В стратегии говорится, что предполагаемая война должна завершиться «на выгодных для Украины условиях при военной поддержке мировым сообществом в геополитическом противостоянии с Российской Федерацией».

По существу, в отношении России все последние годы проводилась тщательно спланированная операция в рамках концепции «гибридной войны», что создало реальную угрозу ее интересам, суверенитету и существованию. Запад заранее разрабатывал планы использования санкций против России, наращивал потенциал восточного фланга НАТО, накачивал Украину вооружениями. В нарушение Конвенции о запрещении токсичного и биологического оружия на Украине создано 30 биологических лабораторий, где разрабатывалось при американском финансировании биологическое оружие. В ходе специальной военной операции были обнаружены многочисленные документы по работе данных объектов.

Неоднократные предупреждения российского руководства о создании прямой угрозы безопасности России игнорировались Украиной, США и НАТО. По заявлению президента России В.В. Путина российская военная спецоперация на Украине стала вынужденным шагом, поскольку Москве не оставили шансов на другое развитие событий. Для России были созданы такие риски в области безопасности, что другая реакция была невозможна (12, 2022). Россия не могла больше терпеть геноцид народа Донбасса, который на протяжении 8 лет подвергается издевательствам со стороны киевского режима. Целью операции стали защита людей против издевательств, геноцида, демилитаризация и денацификация Украины, предание суду лиц, совершивших многочисленные, кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации.

Украинский кризис привел к обострению копившихся противоречий в отношениях с западными партнерами. Государственный переворот, а затем война на востоке Украины спровоцировали крупнейшее геополитическое противостояние между коллективным Западом и Россией. Весьма активное внешнее давление на Россию оказывали США и ЕС. Тем самым нынешнее противостояние стало опосредованным противостоянием между Россией и Западом. В ходе специальной военной операции со стороны западных лидеров прозвучало немало агрессивных, безответственных высказываний в адрес России. Отличился и глава европейской

дипломатии Ж. Боррель своим открытым признанием желательности военного поражения России и о решении конфликта на Украине «на поле боя».

В.В. Путин вынужден был предупредить, что попытки помешать нам, создать угрозы для нашей страны приведет к незамедлительному ответу (12, 2022). Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами РФ распорядился перевести силы сдерживания в «особый режим несения боевого дежурства».

Серьезным последствием украинского кризиса для России стала развязанная против нашей страны почти тотальная экономическая война. Введение рядом западных стран экономических санкций, отлучение российской экономики от источников финансирования, блокирование сотрудничества с западными компаниями в сферах высоких технологий, геологоразведки, добычи нефти и в других отраслях создают серьезные трудности для российской экономики.

Вместе с тем попытки коллективного Запада исключить Россию из международной политико-экономической взаимосвязанности наносят ущерб экономикам и стабильности всему человечеству, разрушают основы межгосударственных отношений в глобальном масштабе. Сокращение мировой торговли влечет за собой усугубление социально-экономических и политических проблем во многих государствах мира. Существенные потери в результате санкционных издержек, терпят сами ЕС и США, особенно связанных с замещением на их рынках российских энергоносителей и ряда других сырьевых товаров.

На состоявшейся 20 апреля 2022 г. заседании министров финансов и управляющих центральными банками «Группы 20» его участники констатировали существенное негативное воздействие текущего геополитического кризиса и санкционных мер на восстановление мировой экономики, еще не оправившейся от последствий пандемии. МВФ отметил высокий риск фрагментации мировой финансовой системы (1, 2022).

Наряду с политическим, экономическим, военным давлением против России развязана беспрецедентная информационная кампания, в которой задействованы глобальные социальные сети и все западные СМИ, создается огромное количество фейков, пропагандистских подделок, нагнетается истерия о целях специальной военной операции России. Дело дошло даже до того, что руководство социальной сети Instagram вопреки международному праву разрешило в отношении россиян призывать к насилию.

Начатая 24 февраля 2022 г. специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины, равно как и опосредованная война России с США и НАТО, носящая глобальное измерение, ускорили процесс трансформации мироустройства, смены мирового порядка. Намечившаяся переконфигурация мира создает новые принципы, геополитическую архитектуру, устанавливает иные военно-политические и экономические схемы отношений. МВФ и ВБ уже прогнозируют глобальный экономический кризис. По оценке главы МИД России С.В. Лаврова – это судьбоносный момент, эпохальный момент современной истории, потому что он отражает «битву» за то, как будет выглядеть миропорядок (8, 2022).

К настоящему времени сложились две противоречивых тенденции. С одной стороны, продолжается трансформация полицентричной системы международных

отношений с ее перерастанием в многополярный мир, с другой – обострилась борьба США и стран Запада за сохранение лидерства в мире.

Видение многополярного мира российской стороной было представлено в выступлении В.В. Путина на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021», в котором подчеркивалось, что в мире сформировались, заявили о себе действительно разные центры развития, со своими самобытными моделями, политическими системами, общественными институтами. И сегодня крайне важно выстроить механизмы согласования их интересов, чтобы многообразие, естественная конкуренция полюсов развития не обернулись анархией, чередой затяжных конфликтов (4, 2022).

Новый мировой порядок анонсировал и президент Байден, который по его представлениям, повторяется каждые три-четыре поколения. По итогам Второй мировой войны США установили «либеральный мировой порядок». Сейчас Вашингтон-де должен «определить исход мировых процессов и возглавить новый мировой порядок, объединить остальной свободный мир» (2, 2022). Следовательно, Байден мыслит «новое мироустройство» с сохранением доминирующей роли США без участия России.

В своем стремлении к формированию нового мира Россия находит поддержку ряда ведущих стран планеты, как Китай, Индия, Бразилия, Мексика и другие. Сотрудничество с незападными странами имеет большое значение для формирования совместных позиций и широкого общественного мнения по большому числу глобальных проблем: безопасности, экономики, торговли, финансов, экологии, информации, культуры и так далее.

Партнерские отношения у России сложились с рядом государств в азиатско-тихоокеанском регионе, Азии, Африке, Латинской Америке, арабским миром. Хорошие отношения поддерживаются с большинством организаций развивающихся стран, как Африканский союз, сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии и многие другие.

Понятно, что этим государствам с учетом оказываемого на них неприкрытого давления со стороны США и НАТО непросто сотрудничать с нами. Ряд стран глобального Юга осудили действия России на территории Украины. Но и среди них образуется понимание, что в противостоянии с Москвой Запад практикует двойные стандарты. Неспособность администрации США добиться приемлемых для Запада результатов вызывают сомнения в надежности гарантий США для американских партнеров и союзников. Более того, в международном сообществе имеются влиятельные силы, которые не заинтересованы в укреплении позиций Запада и стратегическом поражении Москвы.

Россия неизбежно несет определенные потери, ей предстоит пережить сложные времена. В ближайшей перспективе она будет оставаться важнейшим военным вызовом для США и Запада, что повлечет дальнейшее военно-политическое давление на Москву.

В то же время представляется, что длительная международная изоляция России невозможна и будет противоречить и интересам Запада. Введенные ими санкции против России создали эффект бумеранга и в значительной мере влияют на экономику

их инициаторов. В Европе растут инфляция цен на бензин, продовольствие, все виды энергии, удобрения и многое другое.

Кризис в отношениях между Россией и США стимулирует дальнейшее развитие мер независимости от долларовой системы. Американские санкции в отношении российских банков ускоряет снижение роли доллара в мировых финансах. Россия уже реализует проекты перехода на расчеты в национальных валютах с Индией и Китаем, запущена альтернативная SWIFT платежная система.

Россия сохранит широкое пространство для маневра. Ее военный потенциал позволяет купировать любую потенциальную военную угрозу. Отрезвляющим для Запада послужили демонстрации в ходе специальной военной операции возможностей сдерживания аэробаллистической ракетой «Кинжал», а затем успешный пуск уникальной межконтинентальной баллистической ракеты «Сармат».

Выводы

Главной тенденцией современного этапа мирового развития становится борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы. Это приводит к повышению роли фактора силы в международных отношениях.

Современная Россия является одной из ведущих мировых держав. Страна сумела преодолеть угрозу дезинтеграции и наиболее тяжелые политические последствия распада Советского Союза. Она ведет активную внешнюю политику, последовательно отстаивает свои интересы на международной арене. За новой Россией закрепилась роль активного игрока в ряде функциональных областей.

Россия не предпринимала никаких действий, которые угрожали бы интересам безопасности США и их союзников, была открыта к сотрудничеству с западными партнерами. Однако Запад продолжал провоцировать конфликтные ситуации в непосредственной близости от границ России. США и НАТО приступили к освоению территории Украины в качестве театра потенциальных военных действий, подвигали Киев к военному конфликту с Россией, насыщая ее вооружениями и военной техникой.

Украинский кризис привел к обострению копившихся противоречий в отношениях с западными партнерами. Государственный переворот, а затем война на востоке Украины спровоцировали крупнейшее геополитическое противостояние между коллективным Западом и Россией. Специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины носит глобальное измерение, тем самым, ускоряет процесс трансформации мироустройства, смены мирового порядка.

России предстоит провести серьезный анализ с учётом итогов специальной операции на Украине, ее влияние на формирующийся новый мировой порядок и на этой основе определить дальнейший вектор ее внешней политики и стратегии ее достижения.

Серьезные задачи стоят и перед исследовательским сообществом в деле теоретического сопровождения российской внешней политики.

Список литературы

1. Антон Силуанов на министерской встрече «Группы 20»: введённые против России санкционные ограничения привели к новым рискам в мировой экономике. URL: https://minfin.gov.ru/press-center/?id_4=37885-anton_siluanov_na_ministerskoi_vstreche_gruppy_20_vvedennyye_protiv_rossii_sanktsionnye_ogranicheniya_priveli_k_novym_riskam_v_mirovoi_ekonomike.
2. Байден обещает новый мировой порядок во главе с США (23.03.2022г.). URL: <http://www.vedomosti.md/news/bajden-obeshaet-novyy-mirovoj-poryadok-vo-glave-s-ssha>.
3. В Пентагоне заявили, что более 300 тыс. военных США размещены в 177 странах (24 июля 2018г.). URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5397080?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.
4. Выступление В.В. Путина на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/64938>.
5. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.
6. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарной сессии «Международные отношения в условиях цифровизации общественной жизни» международной научно-практической конференции «Цифровые международные отношения 2022», Москва, 14 апреля 2022 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/1809294/
7. Замглавы МИД России назвал основу нового миропорядка 30 марта 2022г. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/03/30/17499151.shtml>.
8. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова телеканалу РБК. URL: <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1804655/>.
9. Интервью С.В. Лаврова СМИ Китая. 22.03.2021. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4646592.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. N 640. URL: <https://base.garant.ru/71552062/>.
11. Обращение Президента Российской Федерации 21 февраля 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67828>.
12. Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.
13. Путин: при вступлении в НАТО Украина будет служить плацдармом для удара по России (21 февраля 2022г.). URL: <https://tass.ru/politika/13792007>.
14. «Россия — противник»: что говорится в новой военной стратегии Украины 26 марта 2021г. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/03/26_a_13527374.shtml.
15. Салливан назвал три главные цели США в противостоянии с Россией 10 апреля 2022г. URL: https://politros.com/22873842-sullivan_nazval_tri_glavnie_tseli_ssha_v_protivostoyanii_s_rossiei.
16. Совбез РФ: Западные лидеры должны осознать, что Россия никому не угрожает (16.02.2022г.). URL: <https://rg.ru/2022/02/16/sovbez-rf-zapadnye-lidery-dolzny-osoznat-chto-rossiya-nikomune-ugrozhaet.html>.
17. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770/print>.
18. Стенограмма выступления Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975>.
19. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

Неолиберальная глобализация: от эйфории к горькому разочарованию

Кузнецова Т.А.

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи, посвященной глобализации мировой экономики, заключается в том, чтобы провести содержательное разграничение между понятием глобализации как объективного процесса стягивания мировой экономики в целостную систему, в рамках которой все акторы мирохозяйственных связей становятся в большой степени взаимозависимыми, и формой встроеной в этот процесс политики по глобализации мировой экономики по неолиберальному образцу. В статье подчеркивается крайняя конфликтность и противоречивость ключевого процесса глобального развития, раскрываются цели и механизмы глобализации в ее неолиберальном исполнении. Автор характеризует результаты неолиберальной глобализации как разрушительные, угрожающие стабильности многих национальных государств в экономическом и социальном отношении, иллюстрируя это примерами из истории недавнего глобального экономического и финансового кризиса. В статье делается вывод о необходимости кардинальной смены подхода к управлению глобализацией с тем, чтобы сделать этот процесс более социально-ориентированным и обеспечить эффективную включенность в него менее развитых в экономическом отношении государств. В статье подчеркивается острая необходимость всестороннего изучения сути глобализационных процессов, критического анализа неолиберальной модели глобализации с целью качественно улучшить положение России в системе мирохозяйственных связей сегодня, скорректировав ее экономический курс.

RESUME

The author of the article focuses on defining the globalization process as both a universal trend of the global development and a policy of “globalizing” the world economy in compliance with the principles of the Washington consensus, thus making the entire process skewed in favour of key global players. The author draws a distinct line between the two and admits, that despite its promises of economic prosperity for all countries and social groups neoliberal globalization has caused a lot of damage to many. The article outlines the main goals of neoliberal globalization, revealing its mechanisms and outcomes. The conclusion that neoliberal globalization serves the interests of the strong at the expense of those disadvantaged makes the author stress vital importance of thorough analysis of the phenomenon with the aim of making the process of economic globalization more inclusive and socially oriented. In this context Russia who has been in the midst of the economic crisis for years should rise from its knees and use a chance to regain its economic positions.

Ключевые слова: экономическое содержание глобализации мировой экономики, неолиберальная модель, Вашингтонский консенсус, глобальный экономический и финансовый кризис

Key words: neoliberal globalization, the Washington Consensus, global financial and economic crisis

Кузнецова Татьяна Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры английского языка № 2, ф-т МЭО МГИМО МИД России, Москва, Россия, tkostetsky@gmail.com

Kuznetsova Tatyana Anatolyevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of English No. 2, Faculty of International Economic Relations, MGIMO, Moscow, Russia, tkostetsky@gmail.com

Мир сегодня находится в точке бифуркации (Wallerstein, 2009). Его стремительные изменения вынуждают государства действовать в условиях новых вызовов. Каждая страна сегодня должна правильно оценить тенденции мирового развития и свое положение в нем с тем, чтобы стратегически правильно выстроить свою внешнюю экономическую политику таким образом, чтобы не оказаться

вытолкнутым на периферию мирового хозяйства, но занять достойное место в мирохозяйственных процессах и связях, остаться активным игроком процесса глобализации, минимизировав ущерб от глобализационных процессов, укрепить свои экономические и геополитические позиции и удержать их. Это особенно актуально для России сегодня. По словам министра иностранных дел Сергея Лаврова «Процесс становления полицентричного мира оказался более длительным, более непредсказуемым, чем кто бы то ни было мог представить себе четверть века назад. Он протекает на фоне масштабного кризиса, затрагивающего экономическую, социальную и политическую сферы. Появляющиеся новые возможности сопряжены с невиданными ранее глобальными рисками. Все это дает основания говорить о начале новой эпохи и необходимости действительно стратегического взгляда на происходящие события... Россия на протяжении нескольких десятилетий находится на гребне глобальных перемен...» (2, 2014).

В состоянии глубочайшего кризиса находится феномен исторического развития, известный под названием “неолиберальная глобализация”. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы провести и подчеркнуть четкую грань между объективным процессом глобализации и встроенной в него формой глобальной экономической политики “сильных” в отношении “слабых” (неолиберальная глобализация), которая, в значительной мере, привела мир к его нынешнему кризисному состоянию.

Явление неолиберальной глобализации относительно молодо. Три десятилетия назад мировая экономика вступила в свою качественно новую фазу развития. Сегодня этот этап и эту тенденцию мирового развития называют глобализацией мировой экономики. Именно на этой стадии мировая экономика получила черты целостной экономической системы. Именно здесь произошел «переход количества в качество», когда начала активно формироваться более целостная, взаимосвязанная единая глобальная экономическая система. В основе этого явления лежал тот факт, что в таких сферах, как международная торговля товарами и услугами, международная финансовая сфера, международное научно-техническое сотрудничество, информационный обмен, накопились качественные изменения. По словам М. Делягина «Глобализация – это процесс формирования и последующего развития единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий» (Делягин, 2016).

В рамках мировой экономики хозяйствующие субъекты стали в значительной мере более взаимосвязанными. Целый ряд факторов лежал в основе этого процесса, и, в частности, то, что национальные экономики активно открывались глобализации в результате снижения различного рода барьеров как административных, так и экономических. Внешнеэкономические связи между странами современного мира претерпевали процесс активной либерализации. Описанные выше изменения стали следствием развития объективных тенденций интернационализации экономической жизни. И в этом смысле глобализация есть объективный процесс, когда мировая экономика движется к единой целостной системе. Таким образом, интернационализация экономической жизни достигает своей качественно новой ступени. Объективный аспект глобализации состоит именно в этом. Однако, очень часто исследователи забывают упомянуть еще об одном немаловажном аспекте:

глобализация мировой экономики одновременно есть форма экономической политики, которую реализуют наиболее сильные “глобальные игроки”. Это, прежде всего, ведущие страны мира и их группировки (прежде всего США), международные организации, крупнейшие транснациональные корпорации и транснациональные банки, их альянсы, мировые финансовые центры. Эти мощнейшие “глобальные игроки” проводят свою тонко выстроенную экономическую политику меняя при этом правила и реальности современного мира в своих интересах (субъективный аспект глобализации).

Таким образом, объективная природа глобализации не означает, что этот процесс лишен какой-либо конфликтности и противоречий. Конфликтность глобализации объективно заложена в том, что все без исключения субъекты международных экономических отношений, в том числе и менее сильные в экономическом отношении страны, их союзы, их корпоративный бизнес и т.д. стремятся проводить свои интересы в рамках процесса глобализации. Здесь возникает целый комплекс противоречий, который сегодня, завязался в очень тугий узел. Система международных экономических отношений, несмотря на заверения идеологов неолиберальной глобализации, не стала “системой международной гармонии”. Сегодня она находится в состоянии глубокого кризиса.

Несколько слов о том, когда же идея неолиберальной глобализации зародилась. Идеология неолиберальной глобализации была сформулирована и запущена в действие в начале 80-х годов прошлого столетия. Теоретическим обоснованием ее стал т.н. “Вашингтонский консенсус”. Правительствам всех стран предлагалось согласиться с тем, что альтернативы неолиберальной модели глобального развития не существует и, таким образом, экономики, в том числе, и бывших социалистических стран должны включиться в процесс глобализации мировой экономики посредством перестройки национальных экономик исключительно в соответствии с рекомендациями “Вашингтонского консенсуса”. Главными агентами в проведении неолиберальных реформ в национальных экономиках различных стран (в первую очередь стран бывшего социалистического лагеря) стали правительства богатых западных стран и международные институты – Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ) и Всемирная торговая организация (ВТО), контролируемые ими.

Требования “Вашингтонского консенсуса” сводились к следующему: во-первых, национальные правительства должны были освободить путь крупным и эффективным предприятиям к доминированию на мировом рынке. Под крупными эффективными предприятиями подразумевались, конечно же, ТНК. Для этого правительства государств (менее развитых и успешных в экономическом отношении) должны были позволить товарам и капиталом ТНК пересекать национальные границы без всяких препятствий. Второе ключевое требование “Вашингтонского консенсуса” заключалось в том, чтобы государства перестали быть собственниками высокоэффективных национальных промышленных предприятий и передали их в частные руки (процедура приватизации). В-третьих, роль государства должна была быть минимизирована не только в сфере экономической, но и в сфере социальной, то есть, по сути, сведена к минимуму социальная поддержка населения.

Таким образом, в экономической сфере управляющую и регулирующую функцию вместо национальных правительств взяла на себя “невидимая рука рынка”.

В политическом отношении политика “Вашингтонского консенсуса” стала успешной. Многие правительства последовали его рекомендациям, особенно в начале 90-х в странах бывшего социалистического блока. Но, к сожалению, политический успех этой стратегии не был подкреплен экономическими результатами. Конкуренция между ТНК и национальными предприятиями как правило заканчивалась победой ТНК над национальным производителем, укрепляя таким образом позиции ТНК на рынках менее развитых в экономическом отношении стран.

Так почему же страны приняли эти правила?

Ответ прост: механизм «внедрения» глобализации предполагал политическое давление через деятельность МВФ, ВБ и ВТО. Странам, которые в период перехода от плановой экономики отчаянно нуждались в кредитах, инвестициях и доступе на внешние рынки, предлагалось провести реформы т.н. “структурной адаптации” (т.е. процедура приватизации, политика дерегулирования, либерализация экономики). Специфика экономической ситуации конкретной страны не принималась во внимание, наказание за отказ принять новые правила игры предполагалось суровое: в случае отказа принять новые правила страну ожидал отказ в оказании международной финансовой помощи со стороны богатых стран и международных институтов.

Кроме того, программа “Вашингтонского консенсуса” была разработана в тот момент, когда период беспрецедентного в истории глобального экономического роста (1945 – начало 70-х) сменился периодом экономического застоя (особенно в странах бывшего социалистического блока). Именно в этот момент “Вашингтонский консенсус” пообещал всем участникам восстановление темпов экономического роста, т.е. новое экономическое чудо, когда свободный рынок и свободная конкуренция будут якобы способствовать эффективности национальных предприятий.

Уже в конце 90-х годов XX-го столетия в мире стало накапливаться разочарование в достоинствах свободного рынка, сомнение во всемогущей силе его “невидимой руки”. Политика неолиберального курса с начала XXI века подвергалась жесточайшей критике. Достаточно вспомнить имена таких выдающихся ученых, как Дж. Стиглиц (книги *Globalization and its Discontents*, *How to Make Globalization Work*), Эрик Райнерт (книга *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*), Иммануил Валлерстайн. Эти ученые раскрывали лицемерный характер неолиберальной модели глобализации, ее глубоко антинациональную и антисоциальную сущность. В частности, Дж. Стиглиц отметил, что «глобализация в принципе может принести положительный результат. В частности, на тех странах Восточной Азии, которые приняли ее на своих условиях, встроились в нее в своем ритме, она оказалась чрезвычайно благотворно. Однако для большинства стран мира она не принесла ощутимых преимуществ, а для многих скорее стала настоящей катастрофой» (Stiglitz, 2002).

Э. Райнерт в своей книге “*How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*” (Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными) пишет: «Анализ исторических событий показывает, что богатые страны

стали таковыми используя методы, большинство которых «Вашингтонский консенсус» путем навязывания «специальных условий» другим странам, фактически сделал недоступными для этих стран... Богатые страны стремятся навязать бедным странам теории и модели, которые сами они никогда не применяли и, вероятно, никогда не будут применять... Глобализация, проводимая в рамках «Вашингтонского консенсуса», больно ударила по периферии глобальной экономики. Удар носил преждевременный и асимметричный характер, делая неизбежным возникновение целой группы стран, обреченных специализироваться в том, чтобы в мировом разделении труда всегда оставаться бедными» (Reinert, 2008).

Таким образом, очевидным становится тот факт, что глобализация есть процесс не стихийный, это есть процесс управляемый и закреплённый институционально.

Сегодня стало очевидным, что в ходе процесса глобализации на протяжении трех десятилетий «сильными» проводилась политика так называемой «асимметричной взаимозависимости». Главным субъектом процесса глобализации, его «распорядителем» выступил постиндустриальный Запад (представленный ведущими странами мира и их группировками и союзами), а остальные части мира стали объектами глобализации (Смитиенко, 2014).

Россия – это тоже объект глобализации. Перестройка, построение рыночной экономики по западному образцу под руководством американских советников привела к колоссальному ущербу, который был нанесен экономике в результате неолиберальных реформ. По словам Э. Райнерта, размер этого ущерба превышает ущерб, нанесённый Советскому Союзу в результате Второй мировой войны (Reinert, Daastøl, 2004).

Таким образом, «неолиберальная модель реализации процесса глобализации мировой экономики на практике принесла и продолжает приносить выгоду прежде всего тем субъектам этого процесса, которые уже достаточно давно занимают и воспроизводят наиболее сильные конкурентные позиции в мировой экономике начала XXI века и, благодаря этому, реализуют свои собственные интересы, используя политику двойных стандартов и избирательного, селективного применения принципов либерализации системы внешнеэкономических связей. При этом потери от глобализации несут прежде всего те страны (и их корпоративный бизнес), чье отставание от лидеров предопределено уже сложившейся системой международных экономических отношений и априори слабыми позициями в глобальном конкурентном поле современной мировой экономики (например, худшие стартовые условия модернизации экономики, фактически неравные условия торговли, доступа на рынки капитала, современных научно-технических достижений и т.д.)» (Смитиенко, Кузнецова, 2005).

Таким образом, характер неолиберальной модели глобализации мировой экономики, полным правом можно назвать антинациональным для многих стран современного мира.

Однако, не только менее развитые в экономическом отношении страны пострадали от неолиберальной глобализации на сегодняшний день. Тяжелый урон нанесла она и развитым богатым странам, национальные экономики которых в результате политики неолиберализма оказались под ударами глобального

финансового и экономического кризиса, разразившегося в 2008 году. Национальные экономики понесли тяжелые потери в виде колоссальных долгов государств внешним заемщикам, огромных бюджетных дефицитов и, как следствие, программ жесткой экономии и резкого всплеска социальной напряженности. По словам И. Валлерстайна, «всемирное наступление правых к началу XXI века увенчалось грандиозным политическим успехом, но оно же стало их грандиозным провалом. Капитал генерировался и накапливался не в результате получения прибыли посредством производства, но в результате получения прибыли посредством финансовых «инноваций», т.е. финансовых спекуляций. Основным механизмом этих спекуляций состоял в максимально возможном поощрении потребления при помощи кредитования. На этот раз новым стал лишь масштаб спекуляций и задолженности. За самой мощной фазой подъема из всех, какие наблюдались в истории капиталистической мировой экономики, последовала самая мощная спекулятивная мания. Пузыри спекуляций вспухали и лопались по всему миру... Система шла от одного пузыря к другому. В настоящее время мир переживает последний пузырь – дотации банкам и массированную эмиссию долларов» (Валлерстайн, 2009).

Антисоциальная направленность неолиберальной модели глобализации особенно ярко проявилась на фоне глобального экономического кризиса. В частности, одной из основополагающих причин глобального экономического кризиса, зародившегося в 2008 году в США, стала извращенная политика финансового сектора (представленного крупнейшими ТНК), единственной движущей силой которой являлась максимизация прибыли на финансовых рынках любой ценой, для чего крупнейшие корпорации создавали условия максимально облегчающие неограниченные финансовые спекуляции на финансовых рынках с помощью «финансовых инноваций». Интересы общества, социальные интересы населения при этом не просто попирались. Весь цинизм ситуации заключался в том, что именно неимущие слои, простые налогоплательщики, пострадавшие в результате кризиса (потерявшие свои дома, работу, лишившиеся многих социальных выплат, и оказавшиеся в итоге один на один с бременем долгов), они, не имевшие прямого отношения к возникновению кризиса, в рамках политики правительства США вынуждены были оплатить колоссальные финансовые вливания, потребовавшиеся для срочного спасения даже не банковской системы, но, как выяснилось, финансовых институтов и промышленных корпораций, которые «слишком значимы, чтобы им было позволено обанкротиться (too big to fail). Сотни миллиардов долларов американских налогоплательщиков в итоге осели в карманах руководителей и владельцев корпораций в виде бонусов по итогам кризисного 2009 года.

В связи с угрозой краха, нависшей над экономической системой США целом, колоссальная по объемам программа финансовой поддержки была щедро развернута правительством в пользу коммерческих банков, затем инвестиционных банков, страховых компаний, автомобильных компаний. «Еще никогда в истории такие огромные деньги не переходили от столь широких масс в пользу столь узкого круга. Нам привычнее было бы думать, что правительство должно перераспределять деньги от богатых в пользу бедных слоев. В данном случае именно бедные и средние слои населения переводили деньги в пользу богатых... В результате обычные

налогоплательщики передали свои деньги институтам, которые обирали их десятилетиями – путем хищнического кредитования, ростовщических процентных ставок по кредитным картам... Вся эта программа по оказанию финансовой помощи правительством обнажила чудовищные масштабы лжи и лицемерия» (Stiglitz, 2009).

В августе 2016 года Дж. Стиглицт пишет о том, что в США 90% населения испытывали стагнацию доходов на протяжении трех десятилетий. В реальном выражении (с поправкой на инфляцию) сегодня средний доход мужчины, имеющего полную занятость, ниже, чем он был 42 года назад. А для низших слоев населения реальный заработок сравним с уровнем шестидесятилетней давности (Stiglitz, 2016).

Таким образом, не только среди стран четко определились выигравшие и проигравшие от глобализации, но и среди социальных слоев. Так Бранко Миланович в своей новой книге *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization* пишет, что выиграли от глобализации 1% населения планеты, а вот среди проигравших, тех кто не получил ничего или почти ничего оказались низшие социальные слои населения и средний слой в богатых развитых странах.

Таким образом, глобализация мировой экономики в ее неолиберальном исполнении принесла миру горькие плоды.

В частности, во-первых, суть политики в духе неолиберализма в отношении развивающихся стран проявилась в ее антинациональной направленности, когда национальные экономические интересы развивающихся стран были в большой мере подчинены интересам глобализирующегося транснационального капитала.

Во-вторых, как для богатых развитых стран, так и для развивающихся стран неолиберальная модель принесла резкую социальную дифференциацию, проявив, таким образом, антисоциальную направленность экономического развития, что, в свою очередь, привело к значительному обострению социальных проблем и стремительному росту социальной напряженности, в том числе, и в благополучных с экономической точки зрения странах.

В-третьих, в результате глобализации по неолиберальному образцу мир сегодня практически не выходит из кризисного состояния, когда сбои финансовой и экономической системы не снимаются, но лишь “заливаются” безудержной эмиссией, что, безусловно, оттягивает острый этап кризиса, но не искореняет его причины. Сегодня прогнозы новой более мощной волны финансового и экономического кризиса приходятся на 2020-2021гг. Подчеркну, это будет именно новая волна кризиса, начавшегося в 2008г, так проблемы и дисбалансы, вызвавшие его, не были разрешены.

В-пятых, в ходе воплощения в жизнь неолиберальной модели глобализации в мире в значительной мере усугубились глобальные проблемы.

Таким образом, сегодня необходима кардинальная смена подхода к управлению глобализацией мировой экономики. Он должен быть основан на понимании того, что рынок и рыночные силы, являясь двигателем экономического развития, нуждаются сегодня в адекватном регулировании с тем, чтобы обеспечить возможности развития для всех без исключения стран и народов современного мира.

Крайняя неоднозначность и конфликтность процесса глобализации на современном этапе заставляет нас основательно и разносторонне изучать проблемы

глобализации во всей внутренней противоречивости этого комплексного процесса. Это чрезвычайно важно сегодня, так как именно это даст возможность более адекватно реагировать не только в направлении адаптации к этому процессу, но и в направлении активного участия в нем в качестве одного из ведущих игроков. Россия должна, наконец, найти правильные ответы на вызовы глобализации и встроиться в нее на своих условиях, защитив при этом свои национальные интересы, освободившись от эйфории неолиберальных реформ.

Список литературы

1. Валлерстайн Э. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя // Эксперт. 2009. № 35. С. 53.
2. Выступление на Международном университетском форуме в МГИМО в апреле 2014 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=--fFmHnHQtk&feature=youtu.be>.
3. Делягин М. Мировой кризис: Общая теория глобализации. ИНФРА-М, 2016. 766 с.
4. Смитиенко Б. М., Кузнецова Т.А., Противоречия глобализации мировой экономики. Современный антиглобализм и альтерглобализм: Монография. М., 2005. С.81-103.
5. Смитиенко Б. М. Международные экономические отношения: Учебник / Под ред. Б.М. Смитиенко. 2-е изд. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 528 с.
6. Erik S. Reinert, Arno M. Daastøl The Other Canon: The History of Renaissance Economics». 2004. 70 с.
7. Erik S. Reinert How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. Constable. London. 2008. 384 с.
8. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. New York: Penguin Books, 2002. P. 21-22.
9. Stiglitz J. Globalization and its New Discontents, Aug. 2016, Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/globalization-new-discontents-by-joseph-e--stiglitz-2016-08>.
10. Stiglitz J. The Harsh Lessons of 2009. Project Syndicate. Dec.2009. Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-harsh-lessons-of-2009?barrier=accesspaylog>.
11. Wallerstein I. Dynamics of (Unresolved) Global Crisis: Thirty Years Later. Plenary Session No 5, 39th World Congress of the International Institute of Sociology изд. Yerevan, Armenia: June 13, 2009. P. 69-88.

Взаимодействие Беларуси и России в условиях глобальных геополитических изменений

Лазоркина О.И.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются ключевые направления поэтапного межгосударственного взаимодействия Беларуси и России. На фоне нарастания международной напряженности, критического снижения доверия и высокого уровня непредсказуемости, белорусско-российские отношения обладают определенным запасом прочности, основы которой были заложены, в том числе, и в последнее 30-летие. Автор рассматривает специфические особенности интеграции Беларуси и России, выделяет базовые платформы развития конструктивного межгосударственного диалога. Успех союзных связей Беларуси и России кроется в культурном притяжении, сходстве взглядов на принципы международного устройства, взаимоуважении и равноправии в рамках многостороннего формата взаимодействия.

RESUME

This article examines the key directions of the step-by-step interstate engagement between Belarus and Russia. Against the backdrop of growing international tensions, a critical decline in trust and a high level of unpredictability, Belarusian-Russian relations have a certain margin of safety, the foundations of which have been laid, among other things, during the last 30 years. The author considers the specifics of the integration of Belarus and Russia and outlines the basic platforms for the development of the constructive interstate dialogue. The success of the union ties between Belarus and Russia lies in the cultural attraction, similarity of views on the principles of the international system, mutual respect and equality within the multilateral format of interaction.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, дипломатические отношения, двусторонний формат, многосторонние площадки, культурный диалог, политический трек, экономическая интеграция

Key words: Belarus, Russia, diplomatic relations, bilateral format, multilateral platforms, cultural dialogue, political track, economic integration

Лазоркина Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела Белорусского института стратегических исследований, ORCID ID: 0000-0003-1290-6822, Минск, Республика Беларусь, lazorkina@bisr.by

Olga I. Lazorkina, CandSc(Hist), Associate Professor, Head of the Department of the Belarusian Institute for Strategic Studies, ORCID ID: 0000-0003-1290-6822, Minsk, the Republic of Belarus, lazorkina@bisr.by

В современном мире сложилось и успешно функционирует множество форматов взаимодействия между государствами. Любая страна традиционно основывается на национальных интересах в выборе партнеров. В основе тех или иных партнерств, коалиций, союзов лежат культурная общность, экономический интерес, политический консенсус, вопросы безопасности и др. И каждое из них представляет собой, несмотря на наличие универсальных черт, специфическое образование, представляющее теоретический и практический интерес исследователей. Особый статус интеграционного союза Беларуси и России на региональном и глобальном уровнях не вызывает сомнения, в том числе и у оппонентов.

В текущем году Беларусь и Россия отмечают 30-летний юбилей со дня установления дипломатических отношений. Это достаточно длительный этап для понимания глубинных течений двустороннего взаимодействия. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что ключевой линией в белорусско-российских отношениях является интеграция.

Начиная с создания Сообщества России и Беларуси в 1996 г. и Союза Беларуси и России в 1997 г., Союзного государства в 1999 г., стороны осуществляли поэтапный процесс интеграции практически по всем направлениям сотрудничества.

Любое объединение государств должно иметь несколько базовых платформ, которые позволяют запустить процесс интеграции и сделать его жизнеспособным. Я бы выделила, прежде всего, духовную. Именно она выступает побуждающей силой для интеграционных намерений. В ее основе должна быть схожая или общая система ценностей. Спустя три десятка лет можно с полной уверенностью констатировать, что ценностный фундамент интеграции Беларуси и России был естественным, а не создавался в трудах и мучениях искусственно. Двум странам не пришлось рожать формулировки и обоснования, создавать многостраничные документы и убеждать граждан в том, что руководство поступает правильно.

В преамбуле договора о Союзе Беларуси и России стороны акцентировали внимание на «духовной близости и общности исторической судьбы своих народов». В Декларации о дальнейшем единении Республики Беларусь и Российской Федерации говорится о том, что «неуклонное продвижение двух государств по пути к добровольному объединению опираются на прочный фундамент общности судеб, исторических корней и традиционной дружбы братских народов, неразрывности их родственных уз, духовной и культурной близости» (Декларация, 1998).

Культурно-гуманитарный сектор двустороннего сотрудничества всегда был настолько органичным, что зачастую ему не придавали слишком большого значения. Важный штрих, который отражает состояние данного направления – это сохранение многообразия, толерантность, терпимость, взаимное уважение к культуре и традициям друг друга. Белорусы и русские имеют во многом схожий культурный код, вместе с тем понимают и бережно относятся к уникальным культурным особенностям друг друга.

На современном этапе белорусско-российский политический диалог являет собой один из самых успешных примеров во внешней политике двух государств. Политический срез взаимодействия Беларуси и России всегда сохранял устойчивость и характеризовался естественным разнообразием. Самым надежным подтверждением стабильности и последовательности в развитии двустороннего взаимодействия может служить стратегический характер отношений, который оставался неизменным и никогда не подвергался сомнению. Белорусское руководство последовательно подтверждало свой курс на интеграцию с Россией в течение всего рассматриваемого периода. В ходе выступления на Втором Всебелорусском собрании в 2001 г. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко отметил, что «важнейшим геополитическим явлением конца XX века является Союз Беларуси и России».

В Обращении к белорусскому народу и Национальному собранию в апреле 2015 г. белорусский президент подтвердил курс Беларуси на сохранение стратегического

союза. «сотрудничество с Россией развивается поступательно и динамично» (Обращение, 2015).

Неизменной осталась позиция белорусского руководства и в 2020 г. В ходе своего выступления А.Г.Лукашенко подчеркнул, что «Россия всегда была, есть и будет нашим ближайшим союзником, кто бы ни был у власти в Беларуси или в России. Это непреодолимый фактор, это глубоко внутри наших народов» (Послание, 2020).

Кроме того, Беларусь и Россия неуклонно демонстрируют поддержку друг друга в международных организациях. В марте 2014 г. на фоне жесткой дискуссии в международном сообществе по вопросу принадлежности полуострова Крым, Президент Беларуси занял следующую позицию: «Де-факто Крым стал частью России. Ситуация развивается де-факто. И мы будем с РФ. Что будет де-юре — это будет потом... Крым сегодня — это часть территории России. Можно признавать или не признавать, от этого ничего не изменится... Мы будем проводить взвешенную политику, но, если станет вопрос, всегда будем с Россией. И я об этом сказал Путину» (4, 2014).

Беларусь вошла в число стран, которые выступили против принятия Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН ES-11/1 от 2 марта 2022 г. «Агрессия против Украины». Столь же решительно белорусская сторона высказалась против исключения России из Совета по правам человека ООН в апреле текущего года. Российская Федерация со своей стороны также неоднократно оказывала поддержку Беларуси на международных площадках, особенно в 2020 г.

Кроме двустороннего формата, политические отношения Беларуси и России играют роль стабилизирующего фактора в региональном разрезе. Политическое измерение сотрудничества находит свое выражение в ряде иных интеграционных проектов – СНГ, ОДКБ, ЕАЭС. Россия, которая является ядром данных объединений, в лице Беларуси имеет надежного и предсказуемого союзника, который полностью разделяет видение относительно региональных аспектов интеграции, их значимости для каждой страны в отдельности. Политический диалог Беларуси и России во многом выступает в роли связующего звена и стабилизатора при решении проблемных вопросов.

Одной из самых чувствительных сфер межгосударственного взаимодействия является военная. Сегодня она получила особое звучание. Данная область особенно восприимчива к терминологии. Поэтому наиболее отвечающей действительности является прочность, которая базируется на ясном и понятном принципе неделимости безопасности.

Беларусь образцово выучила уроки прошлого столетия. Стремление к миру заложено у белорусов на генетическом уровне. Беларусь никогда не испытывала никаких иллюзий по поводу аппетитов государств по западному периметру границ. С 1999 г., когда западный контур стал НАТОвским, наше взаимодействие в оборонной сфере последовательно выходило на первые позиции. Беларусь принимала самое деятельное участие в формировании архитектуры региональной безопасности, полностью разделяла подходы России в рамках двустороннего и многостороннего формата. Сегодня в лице друг друга страны имеют надежных союзников при понимании того, что каждое из государств вынуждено отвечать на вызовы безопасности в соответствии с уровнем угроз.

Межпарламентский трек является динамично развивающейся сферой взаимодействия. В 2021 г. Парламентский союз Беларуси и России отметил 25-летний юбилей. Ключевой задачей Союз видел развитие горизонтальных связей с целью сделать работу данной структуры наиболее эффективной. Сегодня парламентарии обеих стран на постоянной основе поддерживают контакты с представителями исполнительной власти, деловых кругов, гражданского общества. По мнению Первого заместителя Председателя Парламентского Собрания, председателя Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь В. Андрейченко: «Путь отнюдь не был устлан розами, сегодня никто не может оспорить, что Союзное государство превратилось в значимый фактор не только региональной, но и глобальной политики. В немалой степени этому способствовала и деятельность Парламентского Собрания, которое по сей день остается одним из важнейших механизмов продвижения интеграции и востребованной площадкой для обсуждения самых принципиальных вопросов двусторонней повестки» (5, 2021).

Социально-трудовая сфера постоянно находится под пристальным вниманием руководства двух стран. И результаты, которые были достигнуты, содействуют устойчивому развитию Союзного государства. Выступая на заседании Высшего государственного совета Союзного государства в ноябре 2021 г. Президент Беларуси отметил, что «отдельная тема в союзном строительстве – решение социальных вопросов, защита интересов граждан. Мы достигли самых весомых результатов именно в проведении согласованной социальной политики, обеспечивающей достойную жизнь и свободное развитие человека. Граждане наших стран имеют равные права в сфере труда, отдыха, здравоохранения, образования» (6, 2021). Вместе с тем, стороны намерены двигаться дальше и обеспечивать интересы белорусов и россиян на международном уровне.

Сегодня Союзное государство Беларуси и России являет собой пример объединения, которое претендует на модельный стандарт. Этот вывод можно сделать даже на основании того количества публикаций и, следовательно, рабочих часов затраченных на изучение экономических аспектов интеграции Беларуси и России и сценариев поглощения, представленных в зарубежной аналитике. «Захват Беларуси Россией не будет зрелищным событием с участием вежливых «зеленых человечков». Это будет медленная, скрытая, методичная операция, которая закончится еще до того, как большинство людей узнает о ней», – прогнозировал эксперт американского «мозгового» центра Atlantic Council (7, 2021).

Утверждение 28 союзных программ обе стороны расценивают как новое качество интеграции в экономической сфере. И они действительно могут стать прорывом, так как сегодня ситуация изменилась коренным образом. В условиях нарастающего давления со стороны Запада, введения «драконовских санкций» у Союзного государства появились дополнительные стимулы для дальнейшего развития. Ключевую роль в этом будет играть не ускорение, а приоритетность реализации тех или иных направлений, их соответствие запросам экономики. По мнению Президента Беларуси А.Г. Лукашенко «Экономика нас выведет на тот уровень и приведет к тому, что должно существовать между нашими государствами. Экономика – это фундамент любых отношений. В этом направлении мы и действуем» (8, 2022).

Несмотря на преимущественно позитивный характер оценок странами ключевых направлений сотрудничества, любая интеграционная структура в части анализа ее эффективности имеет два контура – внутренний и внешний. В первом случае стороны имеют собственное представление о состоянии интеграционного процесса. Кроме того, есть и внешнее восприятие. В случае Беларуси и России, сегодня прослеживается одна общая составляющая в рамках двух уровней. Это определенная доля скепсиса относительно перспектив интеграции двух неравновесных игроков. Ассиметричный характер Союзного государства оказал влияние на формирование и устойчивость тезиса о поглощении Беларуси. При этом на внешнем контуре опираются на стереотип об имперских амбициях России, а на внутреннем исходят из того, что экономическая зависимость предопределяет политический исход.

В то же время есть и реальность. Союзное государство по-прежнему основывается на принципах суверенного равенства и добровольности. В рамках Послания к белорусскому народу и Национальному собранию в январе 2022 г. Президент Беларуси подчеркнул: «Не надо сегодня упрекать Россию, что она хочет поглотить Беларусь. Нет таких целей, и я уже откровенно сказал: мы не настолько глупы с Путиным и настолько умны, чтобы, имея два государства независимых, суверенных, выстроить такую систему, что позавидует любое унитарное государство» (Послание, 2022).

Экономическая интеграция последовательно углубляется на основе взаимных и частных интересов. Политическое объединение рассматривается как возможное, однако оно еще далеко не вышло на уровень первостепенных задач.

Немаловажное значение в достижении равновесия в отношениях имеет прагматичная составляющая. И в этой части базовой характеристикой выступает стабильность, которая достигается с учетом национальных интересов сторон. Если мы проведем даже поверхностный анализ формулировок национальных интересов Беларуси и России, то не найдем качественных отличий. Однако это не означает наличие единой линии и отсутствие противоречий, так как методы достижения стабильности будут несомненно разными. Они зависят от множества факторов, в том числе и внешних.

Три десятилетия Беларусь и Россия как независимые государства жили в парадигме братства, дружбы и союзничества. Означает ли это автоматически отсутствие проблемных участков? Очевидно, что нет. Когда речь идет о реализации национальных интересов двух независимых государств, то определенные трения неизбежны. Они наблюдались как в политической области, так и по экономической линии. Политическая сфера всегда находится под прицелом внимания со стороны медиа. Поэтому любая дискуссия на высшем уровне в итоге может получить интерпретацию войны, например молочной или мясной. Белорусский президент использовал здесь слово «искрило». Камнем преткновения была политическая линия Беларуси на многовекторность, которая неоднократно ставилась в упрек со стороны отдельных российских экспертов. Беларусь со своей стороны акцентировала внимание на недостаточной кооперации в экономике, особенно в сфере промышленности.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что интеграция Беларуси и России в рамках двустороннего и многостороннего форматов по-прежнему сохраняет свою

значимость. Она наполнена широким кругом измерений: внешнеполитическое взаимодействие, парламентское сотрудничество, военная и пограничная безопасность, культурно-гуманитарное, информационное, образовательное и научно-техническое сотрудничество. Вкупе они образуют модель реализации интеграционного потенциала, которая обладает определенным запасом прочности. И не только в экономической сфере. Более важно, что тридцатилетний рубеж Беларусь и Россия преодолевают без линий разломов. Белорусы и русские не противостоят, а уравнивают друг друга. Белорусско-российская интеграция являет собой показательный пример того, что великие державы, а именно Россия, не мыслят и не действуют примитивно и стереотипно в отношении государств, обладающих меньшим потенциалом.

Текущий год, как и 1992 год, проходит под знаком турбулентности. Беларусь и Россия вступили в очередной цикл эпохальных перемен. Однако сегодня Беларуси и России не нужно никому ничего доказывать. Они являются самодостаточными для перехода на уровень центрообразующего ядра. В отличие от 1992 г. Союзное государство Беларуси и России имеет жизненно важные преимущества – образ будущего и возможности, чтобы его защитить.

Список литературы

1. Краткие тезисы выступления Президента Республики Беларусь на втором Всебелорусском народном собрании с докладом «За сильную и процветающую Беларусь». URL: <https://president.gov.by/ru/events/kratkie-tezisy-vystuplenija-prezidenta-respubliki-belarus-na-vtorom-vsebelorusskom-narodnom-sobranii-s-5770>.
2. Обращение с Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию. URL: <https://president.gov.by/ru/events/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301>.
3. Послание белорусскому народу и Национальному собранию. URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-1596556577>.
4. Александр Лукашенко назвал Крым частью России // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2436613>.
5. Стали первопроходцами на постсоветском пространстве // Парламентское собрание союза Беларуси и России. URL: <https://belrus.ru/info/stali-pervoprohodcami-na-postsovetskom-prostranstve/>.
6. Участие в заседании Высшего государственного совета Союзного государства. URL: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-zasedanii-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva>.
7. Нежная аннексия у всех на виду: как Россия поглощает Беларусь // Латвийские общественные СМИ. URL: <https://rus.lsm.lv/statja/analitika/analitika/nezhnaja-anneksija-u-vseh-na-vidu-kak-rossija-pogloschaet-belarus.a399234/>.
8. Встреча с губернатором Пензенской области России Олегом Мельниченко. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-gubernatorom-penzenskoj-oblasti-rossii-olegom-melnichenko>.
9. Послание белорусскому народу и Национальному собранию. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-28-yanvarya-obratitsya-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu>.

Динамика изменений социально-экономических процессов в Центральной Азии в условиях глобальной нестабильности

Мармонтова Т.В.

АННОТАЦИЯ

Центральная Азия – динамичный регион в плане развития социально-экономических процессов. Распад СССР на три десятилетия вперед определил контуры экономических и общественных систем. В отмеченный период сформировались и закрепились стратегические приоритеты развития новых независимых республик, в которых отношения с Российской Федерацией остаются в приоритете. В данной статье автор преследует цель выявить особенности развития социально-экономических процессов в Центральной Азии в ранний постковидный период, учитывая ситуацию в приграничной России. В результате исследования сделан вывод о том, что в настоящее время обстановка в Центральной Азии нестабильна за счет выраженных триггеров социального недовольства, индикаторами которого стали спад экономики, геополитическая нестабильность и снижение качества жизни населения.

RESUME

Central Asia is a dynamic region in terms of the development of socio-economic processes. The collapse of the USSR for three decades ahead determined the contours of economic and social systems. During the noted period, strategic priorities for the development of the new independent republics were formed and consolidated, in which relations with the Russian Federation remain a priority. In this article, the author aims to identify the features of the development of socio-economic processes in Central Asia in the early post-COVID period, taking into account the situation in border Russia. As a result of the study, it was concluded that at present the situation in Central Asia is unstable due to the pronounced triggers of social discontent, the indicators of which are the economic recession, geopolitical instability and a decrease in the quality of life of the population.

Ключевые слова: экономика, социальные протесты, конфликтность, рецессия, пандемия, глобальная нестабильность

Keywords: economy, social protests, conflict, recession, pandemic, global instability

Мармонтова Тансия Викторовна, кандидат исторических наук, профессор Института Дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, ORCID: 0000-0001-9162-297X, SPIN-code: 3857-8841, Астана, Республика Казахстан, marmontova@mail.ru

Taisiya V. Marmontova, PhD in History, Professor of the Institute of Diplomacy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, ORCID: 0000-0001-9162-297X, SPIN-code: 3857-8841, Astana, Republic of Kazakhstan, marmontova@mail.ru

Введение

Начало второй четверти двадцать первого века стало временем серьезных испытаний для мира. Выстраивавшееся после распада Советского Союза

транспарентное, глобальное сообщество как-то внезапно перестало быть стабильным. Нарастающая социальная конфликтность, рост экономических диспропорций усилились серьезными глобальными потрясениями. Вызов пандемии коронавирусной инфекции стал системным испытанием на прочность социально-экономических системы стран Центральной Азии.

Особенностью современного мироустройства становится высокая скорость динамики социально-экономических процессов. Центральная Азия может быть определена как регион периферийного типа. Можно предположить, что мировые процессы не настолько активно отражаются на ситуации в таких удаленных от мировых центров зонах. Но на деле, ситуация обстоит иначе, динамика развития процессов в Центральной Азии более активная, имеющая влияние на общую стабильность политических систем. В связи с этим есть необходимость систематического мониторинга ситуации, для своевременного выявления угроз стабильности и формирования адекватного ответа на новые вызовы современности.

Таким образом, целью данной статьи является выявление особенностей развития социально-экономических процессов в ранний постковидный период, с учетом развития ситуации в приграничной России.

Для реализации указанной цели раскрываются такие задачи, как

- динамика макроэкономических показателей в странах региона;
- характерные особенности экономического механизма стран Центральной Азии;
- мониторинг социального самочувствия граждан центральноазиатских республик;
- анализ протестной активности в регионе, в связи с общим ухудшением экономической ситуации и оценка влияния Российской Федерации на регион исходя из условий глобальной нестабильности.

Исследование было выполнено на основе данных ведущих новостных порталов республик: международное информационное агентство «DKNews», интернет-газета «ZONAkz», информационное агентство «LS», Газета.uz и др. С учетом того, что хронология исследования имеет оперативный характер, изучение сайтов и новостных лент – необходимая составляющая получения массива данных, которые позволят сформировать доказательные выводы. Также можно обратиться к материалам таких экспертов, как Амбребаевой А., Тулегеновой М., Темербулатовой Ж. и др. для формирования видения особенностей течения ситуации.

Методами достижения поставленной цели и задач являются информационный анализ и интерпретация оперативных данных, на основе которых делаются выводы о динамике социально-экономических процессов в регионе.

С начала 2000 гг. рост экономик стран Центральной Азии в среднем происходил на 6,7% в год. Это хороший показатель, с учетом динамики роста народонаселения, и взаимосвязи между его ростом и повышением макроэкономических показателей.

Эксперты ООН подсчитали, что на территории Центральной Азии проживает более 74, 5 миллионов человек. В среднем, за период с 2010 года рост населения региона составил порядка 1 миллиона человек в год (10, 2022). На среднесрочную перспективу демографическая ситуация останется благоприятной и в итоге даст

изменение модели возрастного распределения и снижению темпов роста населения (Винокуров, 2022).

К началу пандемии COVID-19 ВВП региона достиг показателя 300 миллиардов долларов. В 2020 году вследствие кризиса пандемии суммарный ВВП стран Центральной Азии составил 285 миллиардов долларов. К концу 2021 года экономики в целом восстановили положительную динамику развития, объем ВВП превысил допандемический уровень.

Казахстан дает примерно 60% ВВП региона, имея при этом примерно четвертую часть населения. Структура экономики Казахстана довольно диверсифицирована, что обуславливает ее высокую волатильность. В связи с этим для усиления устойчивости экономики к неблагоприятным воздействиям извне важно отойти от стратегии, основанной на экспорте сырья (металлы, углеводороды) и сосредоточить усилия на повышении инвестиционной привлекательности страны и улучшении условий ведения бизнеса.

Власти это понимают, так как планы модернизации экономики зафиксированы в «Стратегии Казахстан 2050». Снижать влияние «сырьевого проклятья» Казахстан будет посредством стимулирующей макроэкономической политики, повышения конкурентоспособности, привлечения инвестиций и др. (Стратегический план, 2018).

Для обеспечения устойчивости управления в период пандемии COVID-19 власти влили в экономику объем финансирования эквивалентный 8,3% ВВП, что позволило ко второму кварталу 2021 г. вернуться на допандемийный уровень.

Однако риски очень высоки, внешнее давление с высокой степенью вероятности приведет к снижению темпов экономического роста. Отрицательное влияние на экономическую систему Казахстана будет иметь авария на КТК, эксперты прогнозируют падение темпов экспорта на 5-6% (Галкина, 2022). Из-за серьезного взаимовлияния российской и казахстанской экономик на понижение темпов экономического роста окажет влияние последствия возложенных на Россию санкций. Разрыв цепочки поставок отрицательно повлияет на товарные и финансовые потоки. Прогнозы говорят о том, что в текущем году не стоит ожидать более 2% роста ВВП в год.

При этом стоит утверждать, что именно отрицательная макроэкономическая динамика плохо влияет на социальное самочувствие граждан, что в итоге придает турбулентности общественным процессам. И, это в полной мере показывает сегодняшняя ситуация в Казахстане, который несмотря на высокие позиции по уровню потенциала человеческих ресурсов столкнулся с серьезным взрывом социального недовольства. Испытав серьезный взрыв социального недовольства власти Казахстана, в настоящее время пытаются извлечь уроки из травматичного опыта январских событий.

Социологи общественного фонда «Стратегия» в начале 2021 года опубликовали итоги опроса, по результатам которого уровень социальных настроений в республике серьезно снизился. Эксперты этого фонда считают, что по такому показателю, как уровень удовлетворенности населения жизнью ситуация эквивалентна кризису 2009 года, доля тех, кого не устраивает уровень своей жизни в обоих случаях составляла

порядка трети опрошенных (по 35%) (12, 2022). Блиц опрос, который велся на сайте фонда показал, что 47,1% участников уверены в том, что через год (2023 г.) они и их близкие будут жить значительно хуже, чем сейчас (12, 2022).

Четко видно, что уровень социального оптимизма граждан Казахстана снижается, и причин этому достаточно много. К самым явным можно отнести, необходимость выровнять экономические потери, связанные с пандемией коронавируса, но сделать это практически невозможно ввиду общей неблагоприятной экономической и геополитической конъюнктуры (3, 2021)

Президент Республики Казахстан, К-Ж. К. Токаев вскоре после событий «горячего января» в Обращении указал на то, что причины социальных потрясений, с которыми столкнулся Казахстан следует искать в неэффективном распределении социальных благ (17, 2022). Есть данные международных экспертов, которые подсчитали, что у 162 человек сосредоточена порядка 50% национального благосостояния, при этом 50% населения страны имеют доходы на уровне прожиточного минимума. Они весьма красноречиво демонстрирует высокий уровень диспропорций. По среднему уровню заработной платы столица, практически в 2,5 раза опережает западные регионы, где, к примеру, добывается основная часть энергоносителей, экспорт, который, и пополняет бюджет республики. Налицо противоречие между амбициозными планами и жестко лимитированным уровнем доходов. Триггерами растущей физической нищеты стали плохо контролируемый рост цен, инфляция, растущая безработица. Причем, сейчас становится понятно, что власть увидела свои недочеты, и активно занялась вопросом сглаживания региональных диспропорций и формирования полноправных, активных, самоуправляемых регионов. Это было сделано посредством создания трех новых областей для оптимизации процесса государственного управления, давая в итоге местным исполнительным органам больше возможностей для социальных проектов и инициатив, направленных на улучшение ситуации на местах.

Для Казахстана, где согласно предварительным итогам переписи, которая прошла в 2021 году средний возраст граждан составляет 31,94 года, вопрос качественного образования можно считать стратегическим для сохранения мира и стабильности (9, 2022). Здесь стоит обратить внимание на проблемы, которые показывает международный рейтинг «Индекс качества системы образования», где Казахстан занял 62-е место из 93 по качеству образования в мире. Отрицательно на качестве знаний сказался период дистанционного обучения, во время действия ограничений, связанных с коронавирусом (Сабеков, 2022). И проблема здесь еще и в том, что те, кто недополучил знания по объективным причинам в будущем недополучит доход. В исследовании Э. Ханушека и Л. Вусмана сделан вывод по поводу того, что так или иначе период дистанционного обучения приведет к потере дохода, и ухудшению качества жизни будущих выпускников (Hanushek, Woessmann, 2020).

Опыт январских событий показал, что необходим пересмотр социальной политики чтобы создать условия для роста социального оптимизма. Глава Государства в своем выступлении на расширенном заседании правительства 8 февраля 2022 года обратил внимание на ряд острых социальных проблем, оказывающих отрицательное влияние на социальные настроения, в частности монополизм в секторе строительства, завышенные размеры утилизационного сбора (4, 2022).

Важным маркером стабильной социальной ситуации является развитие гражданское общество, об этом также говорится в том, наборе поручений и инициатив К.К. Токаева в своем Послании Народу Казахстана от 16 марта 2022 года. Стоит обратить внимание на то, что основой социального прогресса по мнению Президента является осознанное и конструктивное партнерства между государством и обществом реализовать которое предполагается через такой инструмент достижения общественного консенсуса как «Ұлттық құрылтай» (Национальный курултай) (17, 2022).

В целом, в плане насыщения потребления Казахстан достиг ощутимых успехов, при этом только столкнувшись с трудностями постепенно начало приходить понимание первичности производства. И только диверсификация экономики, поможет сгладить сформировавшиеся диспропорции, которые отрицательно влияют на уровень социальных настроений (Тулегенова, Темербулатова, 2022).

Второй экономикой региона является Республика Узбекистан. До пандемии темпы роста составляли примерно 5%. Из-за отрицательного влияния пандемии темпы роста ВВП снизились 1,6% (7, 2022). В отличии от Казахстана Узбекистан имеет более диверсифицированную структуру экономики, что делает его в определенной степени более конкурентным и привлекательным в плане инвестиций.

Республика Узбекистан, а плане оценки социальных настроений чуть более сложный объект для анализа. В период 2020—2021 годах количество семей, получающих пособия за счет государственного бюджета, выросла вдвое, их доля достигла почти 15%. Понимая важность работы по сокращению уровня бедности, в стране с динамично растущим населением, власти Узбекистана принимают Стратегию, согласно которой в период до конца 2026 года уровень бедности будет сокращен в два раза

Для того, чтобы оценить необходимость государственной поддержки был введен оценочный критерий – минимальные потребительские расходы по состоянию на начало 2022 года в 498 тысяч сумов на человека в месяц (примерно 44 доллара США) (19, 2022). Стратегической целью Узбекистана ставится создание основы для вхождения в верхнюю группу стран со средним уровнем дохода к 2030 году. Для этого предполагается легализовать занятость 2,5 млн неформально работающих граждан, что даст им возможность полностью использовать социальные льготы и гарантии со стороны государства. Узбекистан планирует на половину понизить безработицу среди женщин, обучив за счет государства более 700 тысяч безработных женщин. Также власть планирует в три раза поднять уровень работающих с инвалидностью, принять Социальный кодекс и др. (16, 2021).

При этом можно говорить о том, что узбекское общество демонстрирует аналогичную Казахстану ситуацию, связанную с системными изменениями в социальной структуре. Важной доминантой стали идеи успеха, карьеры, развитие бизнеса. Понимание таких фундаментальных ценностей как работа, семья, продолжение рода искажается, заменяя аспекты своего восприятия. Если несколько десятилетий назад для многих интерес к работе превалировал над возможностью продвижения по карьерной лестнице, то сейчас важен не только факт наличия работы, но и значительного дохода, привилегии от которого добавляются по мере карьерного роста.

Так, по результатам социологических исследований, которые проводит центр «Ижтимоий фикр» 86,6 % опрошенных указывают на то, что изменения, которые происходят в Узбекистане влияют на систему ценностей граждан, особенно молодежи. Согласно результатам исследований, проведенных названным центром в период с 2017 по 2020 год на 8,2% (с 78,4 до 86,6%) выросло число респондентов, указавших на динамику изменения приоритетов и жизненных установок граждан Узбекистана.

Аналогично ситуации в соседнем Казахстане изучение социальных настроений показало рост, у молодого поколения меркантильности, потребительского отношения к жизни, ориентированности на материальные ценности, иждивенчество и пр. Причем мерой противодействия данной тенденции видится необходимость формировать положительные ценностные ориентиры при участии семьи, общества и государства (8, 2022).

Что касается кризиса пандемии, то по состоянию на первый квартал 2021 года экономические и косвенные показатели позволяли сделать вывод о том, что экономика Узбекистана вышла из пике и смогла настроиться на траекторию экономического роста, улучшив при этом ряд своих структурных позиций.

Узбекистан, впервые был включен в международный рейтинг «Лучшие страны», где страны оцениваются по ряду критериев, среди которых вопросы социальной справедливости, расового равенства, политики в отношении климатических изменений и другим. Узбекистан по этим критериям занял 73-е место из 78 стран.

При этом оценивая социальные настроения, в контексте январских событий в Казахстане стоит заметить, что в целом есть определенный риск того, что неблагоприятная экономическая конъюнктура, приведет к выраженному социальному недовольству. Поводы – практически аналогичны тем, которые вывели на улицы жителей западного региона Казахстана: недостаточная эффективность государственных программ, слабо работающие социальные лифты, недостаточные социальные гарантии и пр. Важно не просто признать наличие проблем, но и начать решать их на деле (18, 2022).

Экономика Кыргызстана – одна из самых незначительных в регионе. По итогам 2020 года, ВВП Кыргызстана составил 7,7 млрд долларов, в пересчете на душу населения это составляет 1,31 тыс. долларов. Доля Кыргызстана в региональном ВВП составляет всего 2,7% (1, 2022).

Существенную часть поступлений в бюджет дает золотодобыча. Ощутимую часть ВВП составляют переводы физических лиц, т.е. трудовых мигрантов, в основном из России и Казахстана. В соотношении импорт/экспорт имеет место превышение практически в 3 раза. Велика доля финансовой помощи от МВФ, Всемирного банка. Как внешняя, так и внутренняя финансовая устойчивость невысока по причине большого внешнего долга и незначительных золотовалютных резервов.

Республика Таджикистан – самая бедная Республика Центральной Азии. При размере ВВП на душу населения в сумме порядка 800 долларов, темпы роста экономики выше.

Пандемия COVID-19 серьезно ухудшила макроэкономическую конъюнктуру. Темпы роста ВВП, которые до пандемии составляли примерно 6-7% снизились до 1% в год, инфляция увеличилась до 9,4%, дефицит бюджета увеличился. Для борьбы с

пандемией страна привлекла заемные и грантовые средства от международных организаций (7, 2022).

Основу экономики составляют – сельское и лесное хозяйство, развиты металлургия, горнодобывающая отрасль, выращивание и переработка хлопка. Инвестиционная активность завязана в первую очередь на финансировании энергетических проектов.

Как и в ситуации с Кыргызстаном, импорт примерно в три раза превышает экспорт. Таджикистан экспортирует хлопок и электрическую энергию.

В плане инвестиционной привлекательности лидирует горнодобывающая и обрабатывающая промышленности, основной инвестор – это КНР.

Пандемия коронавируса стала триггером для роста бедности в Кыргызстане, небольшой, по меркам региона стране. Всемирный банк в марте 2021 года опубликовал прогноз, согласно которому уровень бедности может составить в Кыргызстане 35%. Неофициальные данные говорят о том, что практически четверть населения вынуждена уезжать в трудовую миграцию за границу. Основную массу трудовых мигрантов составляют молодые люди в возрасте до 30 лет. Оценивая уровень социальных настроений в Кыргызстане, стоит указать, что политически эта страна отличается от своих центральноазиатских соседей. Кыргызстан – парламентская республика, уровень политической и гражданской активности выше, чем у соседей. Отрицательно на уровне социальных настроений сказывается высокий уровень коррупции (6, 2022).

Вопросы, которые побуждают граждан республик Центральной Азии выражать свое недовольство работой государственных органов сегодня связаны с последствиями пандемии, экономикой и социальным обеспечением. И, с высокой степенью вероятности этот круг будет расширяться.

Если в Казахстане недовольство граждан вызывали преисполненность власти и призывы к реформе, в Туркменистане – обеспокоенность по поводу нехватки продовольствия.

Протестная активность в Таджикистане носит специфический характер и сводится часто к инспирированным центральными властями выступлениям против тех, кто потенциально может поддержать оппозицию. В Узбекистане взрывы социального недовольства происходят из-за поставок газа или вопроса сноса домов.

Спровоцированные пандемией экономические проблемы могут усугубить антикитайские настроения в регионе, принимая во внимание опасения по поводу высокой за кредитованности стран Центральной Азии со стороны КНР. Кыргызстан и Таджикистан обращались к центральным властям КНР по вопросам облегчения долгового бремени.

Исторически страны Центральной Азии можно определить в качестве крупных торговых партнеров России. Велик объем финансовых и миграционных потоков.

В период января-августа 2021 года доля России в общем объеме товарооборота Казахстана составила 23,5%. В указанный период импорт из России составил 35,4% от общего объема импорта Казахстана, а экспорт в Россию – 10,5% (Бейноева, 2022).

Так, порядка 30% валового внутреннего продукта, по оценкам авторов доклада Всемирного банка «Война в регионах. Весна 2022» составляют денежные переводы в Кыргызстан и Таджикистан и из России (Галкина, 2022).

Аналогичная тенденция характерна и для экономической системы Республики Узбекистан. Так, в прошедшем, 2021 году объем переводов мигрантов составил сумму более чем в 7 млрд долларов, т.е. примерно 12% ВВП страны (11, 2022).

В целом, уровень доходов на душу населения в регионе составляет, вполне адекватную сумму в 4 тыс. долларов, однако, имеет место большие региональные диспропорции. Проблемой, мешающей развитию перспективных экономических ниш, является доступ к рынкам (транспортные коридоры, логистика).

Стратегически важным для сохранения социально-экономической стабильности региона является водно-энергетический комплекс. Проблема в том, что режим его работы далек от оптимального.

Кроме того, будет усиливаться социальное давление, связанное с ростом населения. Растущее население будет требовать от государства повышения трат на образование, трудовые дефицитные экономики будут испытывать потребность в экспорте рабочей силы. Существуют риски нестабильности, связанные с Афганистаном, а также риски внутренних потрясений, о чем свидетельствует Алматинская трагедия 2022 года.

Заключение

Говоря о факторах отрицательной социально-экономической динамики, стоит упомянуть три основных:

Отрицательное влияние пандемии. Для снижения скорости распространения инфекции были предприняты такие меры, как закрытие границ, ограничения перемещений, имевшие прямым следствием снижение экономической активности. Меры поддержки только отчасти частично удар пандемии. Хотя, в общем и целом, ограничения сняты, экономическая активность еще испытывает влияние долгого простоя и давления ограничительных мер.

Так, в Республике Казахстан на треть по сравнению с январем 2020 года ниже активность секторов торговли и развлечений, почти на 12 процентов просела розничная торговля.

Чувствительным для Таджикистана стало то, что почти на четверть меньше фиксируется перемещений людей, связанных с работой. Для страны, где трудовая миграция составляет важную часть обеспечения экономической и социальной стабильности это серьезный риск.

По ситуации на август 2021 года в Узбекистане число объявлений онлайн о работе составляло примерно четверть от аналогичной даты 2019 года, серьезно просели такие отрасли как туризм, отдых и развлечения (-94 %); производство и энергетика (-93 %); а также красота, фитнес и спорт (-95 %).

Экспортные возможности стран региона также сократились. Произошло глобальное падение спроса на целый ряд товаров. До обострения ситуации в Украине цены на энергоносители держались на низком уровне.

Серьезно сократились денежные переводы трудовых мигрантов. Для Кыргызстана и Таджикистана этот канал финансовых поступлений важная

часть доходов. Правда сокращение не было столь критическим. В частности, в период января-августа 2021 года имело место падение на 12 процентов, вместо прогнозированного уровня падения в 40-50 процентов. Это стало возможным, потому что Россия сумела удержать динамику развития строительной отрасли. Также, определенную роль сыграло и стремление мигрантов оказывать больше помощи своим семьям в непростое время.

Определять дальнейшее развитие ситуации будет:

- То, в какой степени успешно власти центральноазиатских республик смогут работать над формированием драйверов роста для малого и среднего бизнеса, создав равные возможности для всех, не давая преференций тем предприятиям, которые являются государственной собственностью, или принадлежат представителям местных элит. Хорошим способом сохранить положительные темпы экономического роста смогут государственные инвестиции в объекты инфраструктуры.

- Также стоит помнить о том, что именно человеческий фактор является самым важным активом экономики. «Индекса человеческого капитала» указывает на то, что дети, родившиеся в странах Центральной Азии, имеют перспективу реализовать свой потенциал человеческого капитала в пределах 50-63 %. Причем, из-за отрицательного влияния пандемии COVID-19 вероятно, что будет иметь место еще большее снижение этого показателя (Burunciuc, Izvorski, 2022).

При этом, в целом, регион продолжает развиваться, есть точки роста, и важно верно расставить акценты и найти себя в новой экономической реальности. Центральная Азия имела, и будет иметь стратегическое значение для России и Китая, в том числе с точки зрения поддержания общей стабильности, реализации торгового и инвестиционного потенциала, развития транспортных коридоров Запад-Восток и Север-Юг.

Список литературы

1. ВВП стран Центральной Азии достиг 290 млрд долларов, вклад Кыргызстана меньше 3%. URL: <https://rus.azattyk.org/a/31547285.html>.
2. Винокуров Е. Перспективы Центральной Азии до конца не осмыслены. URL: <https://dknews.kz/ru/eksklyuziv-dk/213659-perspektivy-centralnoy-azii-do-konca-ne-osmysleny#:~:text=%D0%92%D0%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B9,6%2C7%25%D0%B2%D0%B3%D0%BE%D0%B4>.
3. В Казахстане значительно ухудшились социальные настроения. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/03/03/v-kazahstane-znachitelno-uhudshilis-socialnye-nastroeniya>.
4. Выступление Главы государства на расширенном заседании Правительства от 8 февраля 2022 г. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-5-oktyabrya-2018-g.
5. Галкина И. 2022 год: то ли точка отсчета новой реальности, то ли апокалипсис. URL: <https://zonakz.net/2022/04/13/2022-god-to-li-tochka-otscheta-novoj-realnosti-to-li-apokalipsis/>.
6. Кыргызстан: хрупкая демократия в Центральной Азии. URL: <https://www.dw.com/ru/kyrgyzstan-hrupkaja-demokratija-v-centralnoj-azii/a-59705004>.
7. Макроэкономическая ситуация в странах Центральной Азии: как Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан переживают последствия пандемии COVID-19. Исследование 2021 г. URL: <https://roscongress.org/materials/makroekonomicheskaya-situatsiya-v-stranakh-tsentralnoy-azii-kak-kazahstan-uzbekistan-kirgiziya-i-ta/>.
8. Материалы сайта «Янги Ўзбекистон» (Правда Востока) 2021г. URL: <https://yuz.uz/ru/news/izuchenie-obestvennogo-mneniya---trebovanie-vremeni-i-jiznennaya-neobxodimost>.
9. Назван средний возраст населения Казахстана (08.12.2021). URL: <https://mgorod.kz/nitem/nazvan-srednij-vozrast-naseleniya-kazahstana/>.

10. Население Центральной Азии растет. А вместе с ним бедность и социальные проблемы. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20210729/kak-uluchshit-chelovecheskii-kapital-v-stranah-tsentralnoi-azii>.
11. «Негативное воздействие неизбежно». Как война повлияет на экономику Узбекистана и мигрантов. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/03/02/expectations>.
12. ОФ «Центр социальных и политических исследований «Стратегия». URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/publications>.
13. Сабеков С. Более 30 вузов и колледжей закроют в Казахстане (19.04.2022). URL: https://www.inform.kz/ru/bolee-30-vuzov-i-kolledzhey-zakroyut-v-kazahstane_a3924479?fbclid=IwAR0bISg3PoUy40OUB_S7USVgmbns419edh5oTRhDz2uqjj9jtE8RpI73K8s.
14. Стратегический план 2025 (утвержден 19.02.2018г.). Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. URL: <https://primeminister.kz/ru/documents/gosprograms/stratplan-2025>.
15. Тулегенова М., Темербулатова Ж. Социально-экономический переход: предпосылки, перемены, ожидания 2022г. URL: <https://dknews.kz/ru/eksklyuziv-dk/215558-socialno-ekonomicheskij-perehod-predposylki-peremeny>.
16. Узбекистан намерен снизить бедность вдвое до конца 2026 года — Джамшид Кучкаров (28.02.2022). URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/01/28/poverty/>.
17. Уроки «трагического января»: единство общества – гарантия независимости. Выступление Главы государства К.К. Токаева на заседании Мажилиса Парламента Республики Казахстан (11.01.2022). URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-zasedanii-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazahstan-1104414>.
18. Хамроев оценил настроения в Узбекистане после погромов в Казахстане 26.01.2022. URL: <https://centralasia.news/13437-hamroev-ocenil-nastroenija-v-uzbekistane-posle-pogromov-v-kazahstane.html>.
19. Черта бедности обновлена в Узбекистане. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/01/09/mpr/>.
20. Burunciuc L., Izvorski I. Central Asia: the first economic contraction in a quarter century (08.10.2020). URL: <https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/central-asia-first-economic-contraction-quarter-century>.
21. Hanushek Eric A., Woessmann Ludger. The Economic Impacts of Learning Losses. September 2020. URL: <https://www.oecd.org/education/The-economic-impacts-of-coronavirus-covid-19-learning-losses.pdf>.

Новые горизонты для сотрудничества России и арабских стран

Матвеев И.А.

АННОТАЦИЯ

Реакция международного сообщества на российскую военную спецоперацию на Украине высветила глубину противоречий между коллективным Западом и «Глобальным Югом» в условиях перехода от полицентричной системы международных отношений к многополярному миропорядку. Несмотря на санкции, коллективному Западу не удалось изолировать Россию, которая активизировала внешнеполитические усилия с целью укрепления отношений с другими полюсами силы. Одним из приоритетных партнеров становится арабский мир, которому близки по духу идеи «Русского мира» и принципиальная линия Москвы, направленная на противостояние западному диктату, попыткам вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

С учетом наличия общих и сходных проблем, вызовов и угроз в области политики, экономики, технологий и безопасности образовались реальные горизонты для наращивания российско-арабского политического диалога, расширения географии и диверсификации торгово-экономического, военно-технического и научно-технического сотрудничества. Просматриваются заделы и хорошие перспективы для расширения взаимодействия России с государствами Персидского залива, Северной Африки (Магриба), Восточного Средиземноморья (Машрика). При этом всем заинтересованным сторонам важно проявлять гибкость и креативность в подходах с учетом региональной, субрегиональной и страновой специфики.

Независимо от обусловленных санкциями временные трудности, Россия по-прежнему готова оказывать гуманитарную помощь арабским странам, содействовать в укреплении их продовольственной и технологической безопасности, участвовать в политическом урегулировании конфликтов в Йемене, Сирии, Ливии, совместно с другими акторами искать пути решения многолетней палестинской проблемы.

При подготовке статьи были использованы эмпирические материалы, собранные автором за время дипломатической службы в Сирии и командировок на Ближний Восток.

RESUME

Reaction of the world community toward the Russian special military operation in Ukraine has highlighted the depth of contradictions between the collective West and the Global South during transition from the polycentric system of international relations to a multipolar world. Amid the West failing to isolate Russia by sanctions Russia has been boosting efforts for strengthening relations with other points of influence. Meanwhile, the Arab world has been becoming an important partner of Russia supporting spiritually ideas of the “Russian world” and Moscow’s policy against Western attempts to interfere into domestic affairs of sovereign states.

Common challenges in politics, economy, technologies, and security have created horizons for the Russian-Arab political dialogue along with broadening geography and diversification of mutual trade, economic, military-technical, and scientific cooperation. One could witness both potential and good perspectives for enhancing coordination of Russia with the Arab Gulf states, states of North Africa (Maghreb) and the Eastern Mediterranean (Mashrek). Thus, importance of maneuver and creativity has emerged combined with the necessity of taking into consideration special features on regional, sub-regional, and country levels.

Regardless of temporary hardships caused by the sanctions, Russia is still ready to provide humanitarian assistance for Arab countries assisting in strengthening their food and technological security, as well as participating in political settlements of conflicts in Yemen, Libya, and Syria and seeking solutions to the long-standing Palestinian problem.

The author has used vast scope of materials gathered during his stints as a Russian diplomat in Syria and the subsequent visits to the Middle East.

Ключевые слова: арабский мир, Глобальный Юг, Запад, неоколониализм, санкции, экономическое сотрудничество, вооруженный конфликт, Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива

Keywords: Arab world, Global South, the West, neocolonialism, sanctions, economic cooperation, armed conflict, the Arab League, the Gulf Cooperation Council

Матвеев Игорь Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, ORCID: 0000-0002-4611-5669, Москва, Российская Федерация, iamatveev@mail.ru

Igor A. Matveev, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Senior Scholar, ORCID: 0000-0002-4611-5669, Moscow, Russian Federation, iamatveev@mail.ru

Введение

Усиливающаяся на фоне российской специальной военной операции на Украине поляризация международного сообщества вновь высветила переход от уже сложившейся полицентричной системы международных отношений (СМО) к многополюсному миру. Украинский кризис с одной стороны спровоцировал беспрецедентную, но не полную солидарность Запада, а с другой, растущее недовольство государств «Глобального Юга» гегемонизмом США, рационально воспринимаемым как воплощение неокOLONиализма в эпоху глобализации. В частности, в фарватере американской политики отказался идти арабский мир: хотя при голосовании 2 марта с.г. в Генассамблее ООН по Украине Россию из 21 арабских стран-членов ООН, поддержала одна лишь Сирия, Алжир, Ирак и Судан тем не менее воздержались, а Марокко не участвовало в голосовании. При голосовании 7 апреля против исключения России из Совета ООН по правам человека вместе с Сирией проголосовал Алжир. Воздержались сразу 11 членов Лиги арабских государств (ЛАГ), то есть большинство. В их числе Египет, Иордания, Ирак, Йемен, Судан, Тунис, все шесть членов Совета сотрудничества государств Персидского залива (ССАГПЗ): Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ – причем 27 февраля представитель ОАЭ воздержался при голосовании в СБ ООН, Оман, Саудовская Аравия. Пять членов ЛАГ в лице Джибути, Ливана, Мавритании, Марокко, Сомали уклонились от участия в процедуре голосования.

Характерно, что, даже формально поддержав 2 марта антироссийскую резолюцию ГА ООН под дипломатическим давлением Вашингтона, в чем открыто призналась постпред США в ООН Линда Томас-Гринфилд (25, 2022), никто из членов ЛАГ открыто не присоединился к антироссийским санкциям. Еще до украинских событий, в январе 2022 г. министры иностранных дел Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна и Омана вместе с генсекретарем ССАГПЗ посетили Пекин с пятидневным визитом в рамках подготовки к намеченному в текущем году в Саудовской Аравии первому саммиту «Китай – арабский мир» (Беленькая, Константинов, 2022). Тем самым союзные американцам аравийские монархии обозначили важность для себя Китая как альтернативного США полюса мировой политики и экономики. В разгар российской спецоперации на Украине Эр-Рияд, игнорируя озабоченности администрации Дж. Байдена, начал с Пекином переговоры об использовании юаней по нефтяным сделкам с Китаем (12, 2022).

Материалы и методы

В ходе исследований, проведенных автором с помощью контент-анализа обширного массива источников и путем сбора эмпирических данных в ходе командировок на Ближний Восток, нашел многочисленные подтверждения факта наличия у России и арабского мира общих или сходных вызовов. Так, в области национальной безопасности озабоченность вызывают не только терроризм и религиозный экстремизм, но и региональные конфликты. В случае с Россией речь о постсоветском пространстве, где свыше 30 лет сохраняются очаги нестабильности: в Приднестровье, Нагорном Карабахе, между Грузией и Абхазией/Южной Осетией. Вторая карабахская война 2020 г. показала, что «замороженные» конфликты легко реанимируются обратно в военные столкновения. Современному арабскому миру присущи множественные внутренние вооруженные конфликты (ВВК): в Йемене, Ливии, Сирии, Сомали, конфронтации (75-летнее противостояние Израиля и палестинцев), глубоко разделенные и многосоставные общества в Ираке, Ливане, Мавритании, пораженные трайбализмом, распрями на конфессиональной основе (арабск. таифийя). Миной замедленного действия остается укоренившийся в густонаселенных странах (Алжир, Египет, Судан) протестный синдром и потенциал «Арабской весны».

Арабским лидерами политикам – и не только из бывших стран социалистической ориентации, но и государств, традиционно пребывающих в орбите западного влияния, все больше импонируют попытки России твердо противостоять диктату коллективного Запада. Этим можно объяснить интенсивные – без оглядки на западный бойкот России – визиты в Москву мининдел Катара М. Бен Абдель Рахмана Аль Тани (14 марта), ОАЭ – А. бен Заеда Аль Нахайяна (17 марта с.г.), Бахрейна – А.Л. аз-Зайяни (7 апреля). 4 апреля мининдел России С.В. Лавров принял дипломатический десант в лице делегации Контактной группы ЛАГ по Украине, в состав которой вошли главы внешнеполитических ведомств Египта С. Шукри, Алжира – Р. Ламамра, Ирака – Ф. Хусейн, Иордании – А. Сафади, и.о. мининдел Судана А. ас-Садек Али, посол ОАЭ в РФ М. Джабер и генсекретарь ЛАГ А. Абульгейт.

В условиях общего неприятия неокOLONиализма и западного вмешательства в дела суверенных государств некомпрадорским элитам стран ЛАГ и особенно широким слоям населения («арабской улице») близки по духу идеи построения «Русского мира», которые коррелируются с интеграционными устремлениями самих арабов. С инициативами объединения арабского мира на базе общности языка, религии, культуры и традиций, исторического прошлого не раз выступали политические силы с полярными воззрениями. Достаточно вспомнить выдвинутые премьер-министром монархического Ирака Н. Саидом во время второй мировой войны планы «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца», которые подразумевали интеграцию государств Восточного Средиземноморья и Ирака под сенью Хашимитской династии. Или сторонников Партии арабского социалистического возрождения (баасистов), взявших на вооружение лозунги «Единство, свобода, социализм» (арабск. «Вахда, хурийя, иштиракийя») и «Арабская нация едина, ее миссия бессмертна» («Умма арабийя вахида, зат рисаля халида»). После распада Объединенной

Арабской Республики в составе Египта и Сирии (1958-1961 гг.) и провала других проектов полной интеграции государств идеи единства арабского мира устояли, трансформировавшись в 1970-е гг. в пусть и более аморфный концепт «арабской солидарности» (ат-тадамун аль-арабий) (Баракат 1997, с. 30, 40), подразумевающий сотрудничество между суверенными государствами, в том числе в формате ЛАГ.

Обсуждение

Из бесед в общественно-политических, предпринимательских и научных кругах арабских стран (Ирак, Ливан, Сирия) у автора сложилось впечатление об их понимании линии руководства РФ по противодействию попыткам Запада разложить изнутри российское общество посредством провоцирования протестов по типу «Арабской весны». В массовом сознании многих арабов спецоперация на Украине представляется логичным и легитимным ответом на проект «Анти-Россия» (18, 2021), угрожающий национальной идентичности, суверенитету и безопасности Российского государства. И это, несмотря на различные позиции указанных государств в ООН, где Сирия, как упоминалось, поддержала Россию, Ливан – Украину, в то время как Ирак выбрал нейтралитет. Что касается либералов в России и где бы то ни было, то они зачастую воспринимаются в арабском мире в качестве проводников чуждых ценностей: арабские политологи не зря окрестили навязывание Западом потребительских идей превосходства личного комфорта над духовными скрепами и коллективными интересами «культурным СПИДом» (Зейтун, 1996).

Существует у России и арабского мира и общая проблема в области технологической безопасности, обусловленная попытками искусственного сдерживания внешними акторами научно-технического прогресса (НТП). В свете текущего эмбарго на поставку в РФ технологий старшее поколение арабов вспоминает об учрежденном по инициативе США Координационном комитете по экспортному контролю (Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, COCOM: 1949-1994 гг.). Данный орган служил орудием западной стратегии «контролируемого технологического отставания», когда техника и технологии передавались странам социалистического лагеря не раньше, чем через четыре года после серийного выпуска (Буранов, 2019).

Российские военные эксперты в свою очередь справедливо указывают на то, что стремление Саудовской Аравии и других арабских стран со значительными финансовыми возможностями создать современные военно-промышленные комплексы наталкивается на трудности, связанные с отсутствием производственной и научно-технической базы, острым дефицитом квалифицированных инженерных кадров в условиях высокой зависимости от иностранных специалистов (Максимов, 2018). Основной экспортер оружия – США не спешит заключать офсетные контракты (долгосрочные договоры покупки со встречными инвестиционными обязательствами экспортера), ставя сами поставки и послепродажное обслуживание дорогостоящей продукции военного назначения (ПВН) в зависимость от политической конъюнктуры. Так, президент Дж. Байден в январе 2021 г. приостановил исполнение якобы

поспешного решения своего предшественника Д. Трампа о передаче Саудовской Аравии и ОАЭ наступательных вооружений, в частности, самолетов пятого поколения F-35 из соображений «оценки последствий для национальной безопасности США и защиты невинных жизней в Йемене» (Макарычев, 2021). Подобные риски ставят под угрозу реализацию амбициозных программ стран ССАГПЗ по модернизации экономик на базе модели «догоняющего развития» («Видение-2030» в Катаре и Саудовской Аравии, «Индустрия ОАЭ 4.0»). То есть, при сохранении статус-кво они едва ли смогут повторить опыт Китая и «азиатских тигров» (Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня), где, по экспертным оценкам, сформировался центр мировой обрабатывающей промышленности, не только конкурентоспособный в экономическом соревновании с Европой и США, но и технологически опережающий их в некоторых аспектах производства (Акимов, 2017).

Нельзя отрицать, что у Бахрейна и ОАЭ возникли ожидания технологических дивидендов в контексте нормализации отношений с Израилем («Авраамовы соглашения» 2020 г.). Эксперты обратили внимание на участие – впервые в истории – в работе выставки IDEX 2021 в Дубае (февраль 2021 г.) израильских компаний, представивших системы ПВО. В марте того же года было заключено соглашение между Израилем и Бахрейном об обмене технологиями очистки и опреснения воды, что стало первым научно-технологическим соглашением между Израилем и арабской страной (Лиокумович, Ахматшина, 2022). Однако арабы, судя по всему, не забыли формулу «Нового Ближнего Востока», предложенную еще в 1994 г. мининделом Израиля Ш. Пересом: нефть Персидского залива + египетская рабочая сила + турецкая вода + арабские капиталы + израильские мозги = Новый Ближний Восток (Зейтун 1996, С. 83). Из нее видно, что детерминированная извне роль арабов как поставщиков сырья, дешевой рабочей силы, в лучшем случае «спонсоров» не оставляет им шансов для формирования суверенной научно-технической базы устойчивого развития. Россия же готова предложить подлинно равноправное сотрудничество в форме реализации совместных проектов, в том числе с целью создания конкурентоспособных продуктов на основе созданного еще во времена СССР мощного научно-образовательного потенциала, умноженного уникальными российскими НИОКР. И тем самым активизировать свой вклад в долгосрочное обеспечение технологической безопасности арабских государств.

Наличие общих вызовов не отменяет, а, напротив, создает «окна возможностей» для успешного взаимодействия России и арабского мира, как в случае с продовольственной безопасностью. Оценка текущих проблем и прогнозирование будущих последствий витков обострения украинского кризиса (2014, 2022 гг.) для России, стран «Глобального Юга» и отдельных географических регионов стали предметом активного экспертного обсуждения. Среди узловых целесообразно выделить следующие моменты. Первое: неожиданный уход с мировых рынков украинских экспортеров продовольствия (пшеницы, кукурузы, сахара, растительного масла), кормов и удобрений ставит арабский мир перед необходимостью оперативного поиска альтернативных источников в условиях неблагоприятной внешней конъюнктуры – падения урожаев по причине глобального потепления. Об этом давно бьют тревогу специалисты, указывая на целый ряд факторов снижения

производительности и рентабельности сельского хозяйства. Речь о засухах и опустынивании как причинах расширения площади малопродуктивных земель и сдвига на север пояса возделывания сельхозкультур, о росте угрозы лесных пожаров из-за повышения средней температуры и расходов на борьбу с насекомыми-вредителями, дефиците воды, экстремальных природных явлениях (наводнениях и ураганах) (8, 2020).

Второе: ужесточение антироссийских санкций в сочетании с резким сокращением украинского экспорта усиливают неопределенность и волатильность на мировых рынках продовольствия. В группе риска оказались Алжир, Египет и Судан с населением свыше 40 млн чел., государства и территории со сложной военно-политической обстановкой и переживающие экономические кризисы (Ирак, Ливан, Мавритания, сектор Газа). В гораздо худших условиях – охваченные ВВК Йемен, Ливия, Сирия и Сомали, стоящие на грани гуманитарных катастроф и сильно зависящие от гуманитарных поставок. Геометрический рост цен на хлеб и мучные изделия чреват образованием множественных очагов голода в арабском мире и, как прямое следствие, усилением внутривнутриполитической напряженности.

Третье: Россия нуждается в четкой, рассчитанной на долговременные чрезвычайные условия отечественной стратегии экспорта продовольственной пшеницы, меслина (смеси пшеницы и ржи), ячменя, кукурузы, растительного масла, в том числе с целью замещения украинских поставок. Это позволит уберечь арабские страны, переживающие ВВК, от голодных бунтов и гуманитарных катастроф, в других случаях помочь обеспечить (Алжир, Египет) или укрепить (зона ССАГПЗ) продовольственную безопасность. Речь не только о поставках продовольствия, но и оказании научной помощи в повышении урожайности сельхозкультур и производительности сельского хозяйства: становлении национальных селекционно-генетических центров на базе опыта создания российского генетического банка семян им. Н.И. Вавилова, организации исследований влияния климатических условий на агропромышленный сектор – то есть, о выполнении в рамках российско-арабских проектов рекомендаций для отечественного АПК (8, 2020). Совместно с международными организациями Россия могла бы помочь в восстановлении коллекции семян в Сирии: до 2012 г. в сирийском городе Алеппо размещалась штаб-квартира Международного центра сельскохозяйственных исследований в засушливых районах (ICARDA), который в 2015 г. впервые в истории, а затем повторно в 2017 и 2019 гг. обратился во Всемирный банк семян сельскохозяйственных растений на норвежском острове Шпицберген за образцами для восстановления своей коллекции.

Четвертое: арабский мир способен внести вклад в продовольственную безопасность России как надежный поставщик сельхозпродукции в дополнение к Латинской Америке (Эквадор, к примеру, не в состоянии сейчас доставлять в прежних объемах бананы в РФ из-за проблем с логистикой), Турции, Китаю, Израилю, Ирану, Сербии, странам СНГ и Юго-Восточной Азии. Имеется ввиду налаживание регулярных поставок фруктов и плодов (яблоки, цитрусовые, финики, экзотические фрукты), овощей, зелени и орехов. Разумеется, одного желанья мало – потребуются пересмотр транспортных маршрутов с учетом ухода из России логистических

гигантов в лице той же датской компании Maersk и невозможности использования европейских хабов, таких как порт Роттердам. Потребуется также адаптация общими усилиями качественных характеристик агропродукции под требования российских потребителей (сортировка, калибровка), используя передовые технологии доставки Ro-Ro с горизонтальной погрузкой на суда-ролкеры из стран, не поддержавших западные санкции.

Результаты исследования

С учетом общих вызовов и возможностей партнерства странами Ближнего Востока и Северной Африки органично вписывается в курс России на международной арене. Соответствующий тезис с указанием механизмов Российско-Арабского форума сотрудничества и стратегического диалога с ССАГПЗ включен в действующую Концепцию внешней политики Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации 2016). Диалог с арабским миром согласуется с иерархией целей и задач в сфере политики и экономики, имея в виду, что к долгосрочным целям (10-20 лет) относится закрепление за Россией статуса центра силы в многополярном мире и повышение ее роли в мировой экономике, к среднесрочным (5-10 лет) – трансформация России в полюс влияния СМО, обеспечение надежных источников финансирования устойчивого развития и НТП, а к краткосрочным (1-5 лет) – упрочение роли России в полицентричном мире, региональной СМО на Ближнем Востоке, преодоление негативных последствий санкций при помощи стратегии «Взгляд на Восток».

В контексте противостояния западным попыткам изолировать Россию в мировой политике следует рассматривать активизацию российского участия в урегулировании ВВК в Сирии, Ливии и Йемене. Отдельно здесь стоит упомянуть успешную практику локальных примирений (арабск. мусалахат) в Сирии с использованием российского опыта в Чечне. На базе такой практики возникла «матрица безопасности». Ее суть заключается в том, что благодаря присутствию в Сирии российской военной полиции, в подразделениях которой служат мусульмане-сунниты из северокавказских субъектов РФ, создаются благоприятные условия для запуска национальных диалогов на местном уровне, оживления хозяйственной деятельности и безопасного распределения гуманитарной помощи. При необходимости «матрица безопасности» может быть использована в качестве гарантии для реализации на сирийской территории экономических проектов третьих стран, например, в рамках прорабатываемой ОАЭ и другими странами ССАГПЗ политики «открытия» Сирии (арабск. инфитах), что подразумевает отмену введенных в 2011 г. ЛАГ антисирийских санкций.

Западное давление и санкции требуют от России и арабских стран креативности в вопросах торгово-экономического, военно-технического (ВТС) и научно-технического сотрудничества. Здесь не обойтись без дифференцированного и диверсифицированного подходов, что подразумевает комплексное расширение географии и номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Эффективным решением может стать отказ от доллара и евро в пользу платежей в национальных

валютах, переход на клиринговые расчеты/клиринговые валюты с учетом советского опыта. СССР использовал клиринговый рубль в торговле с КНДР, Лаосом, Кампучией, Финляндией, швейцарский франк с Китаем, доллар с Югославией, индийскую рупию – с Индией, пакистанскую рупию – с Пакистаном (Инструкция Внешторгбанка СССР 1991). Эксперты Высшей школы экономики резонно причисляют к числу перспективных направлений стратегии выстраивания присутствия России на арабских рынках экспорт халяльных продуктов питания и задействование в экспорте исламских финансовых инструментов (Иванов, Молодыко, 2019).

На микроэкономическом уровне это способствовало бы развитию горизонтальных связей российских регионов с арабскими партнерами, поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Определенные шаги предпринимаются, в том числе в субъектах РФ с мусульманским населением: в 2013 г. учреждена Корпорация экспорта Республики Татарстан, в 2016 г. – Центр поддержки экспортной деятельности субъектов МСП Республики Дагестан, в 2017 г. – Центр поддержки экспорта Республики Башкортостан, в 2019 г. – Центр поддержки экспорта в Чеченской Республике при ГУП «Республиканский бизнес-центр» и Центр координации поддержки экспортоориентированных субъектов МСП Республики Ингушетия. Действуют другие аналогичные центры, как правило, в статусе автономных некоммерческих организаций. В их задачи входит оказание консультационных услуг, организация совместно с Минпромторгом России и региональными отделениями Торгово-промышленной палаты деловых миссий и участия экономических операторов в выставочно-ярмарочных мероприятиях в странах ЛАГ.

По поводу географии и номенклатуры ВЭД стоит отметить следующее. В Магрибе (западной части арабского мира) крупнейшим покупателем российской ПВН, по-видимому, остается Алжир. К 2017 г. суммарная стоимость закупок превысила 7,6 млрд долл., составляя до 80% алжирского импорта вооружений (Хетагуров, 2017). Значимым на данном географическом направлении становится экспорт зерна. В июне 2021 г. после пятилетнего перерыва были возобновлены поставки российской продовольственной пшеницы в Алжир – отправили почти 120 тыс. т (2, 2021). В апреле 2022 г. о намерении увеличить национальный запас мукомольной пшеницы заявили власти Марокко, при том, что украинские поставки в 2021 г. составили 25% марокканского импорта (16, 2022). На повестке дня замещение экспорта из Украины в Тунис, реэкспортировавший макаронные изделия из украинского зерна в соседнюю Ливию. В отношении самой Ливии, которая в 2020 г. вошла в десятку основных импортеров пшеницы с Украины (22, 2021), скорее всего, также встанет вопрос об увеличении российских поставок. Взамен страны Магриба готовы продавать в РФ фрукты (марокканские апельсины пользуются спросом среди россиян) и плоды, сезонные овощи, необработанные шкуры и кожевенные изделия.

Перспективным партнером остается Египет, который в январе 2022 г. занимал третье место в списке покупателей российской пшеницы – после Турции и Ирана (с июля 2021 г. объемы составили 3,42 млн т) (10, 2022). Флагманским является проект строительства «Росатомом» первой египетской АЭС Эд-Даб'а. Египетский экспорт в РФ, в 2020 г., по данным «Агроэкспорта», состоял из цитрусовых плодов

(43,4%/182,3 млн ам. долл.), свежего картофеля (17,5%/73,6 млн долл.), лука и чеснока (10,2%/42,8 млн долл.), винограда и изюма (6,8%/28,4 млн долл.) (6, 2021). В условиях западного эмбарго не менее значимым для России становится импорт египетской хлопчатобумажной одежды, обуви, изделий из кожи.

Торговля с Суданом отличается нестабильной динамикой и дисбалансом в пользу России, что связано со сложной военно-политической обстановкой в этой арабской стране. По статистике Российского экспортного центра (РЭЦ), экспорт в Судан в 2019 г. упал с 502 млн долл. в 2018 г. до 274,4 млн долл. в 2019 г., в то время как импорт в РФ в 2019 г. не превышал 0,7 млн долл. (21, 2020). В 2004-2011 гг. поставлялась российская авиационная техника: истребители МиГ-29С, вертолеты Ми-24П и Ми-8МТ (Российские интересы в Судане 2019). Это, однако, не означает отсутствия перспектив для ВТС, технической помощи, участия России в обеспечении продовольственной безопасности Судана, особенно если суданцы, невзирая на растущее давление США, позволят создать военно-морскую базу РФ на Красном море в рамках соглашения, подписанного в декабре 2020 г. (20, 2021). Может возобновиться обсуждение предложенных суданской стороной в 2013 г. 25 инвестпроектов на сумму 6 млрд долл. (сооружение исследовательского ядерного центра, промышленного кластера на Красном море, водоочистного комплекса в Хартуме, запуск суданского спутника) (17, 2019).

В Машрике (восточной части арабского мира) реальные модальности равноправного диалога со значительным резервным потенциалом просматриваются с членами ССАГПЗ: Саудовской Аравией, ОАЭ, Катаром, Оманом. В силу финансовых возможностей и амбиций указанных стран спектр ВЭД максимально широкий в сравнении с другими субрегионами. Он охватывает сотрудничество в сфере высоких технологий: мирного освоения космоса, компьютерных технологий, атомной и интеллектуальной энергетики, ВТС, равно как поставки зерна и других продовольственных товаров. Условием является принятие должных мер по защите прав интеллектуальной собственности РФ на уникальные технологии. В свою очередь аравийские монархии предоставили бы долгосрочные займы, например, в китайских юанях или индийских рупиях, нарастив объемы инвестиций в нашу обрабатывающую промышленность и АПК.

Учитывая наличие конфликтов, экономических и гуманитарных кризисов в Сирии, Ливане и на территориях Палестинской национальной администрации (ПНА), Россия продолжит направлять гумпомощь в Восточное Средиземноморье (Левант). При этом она постарается компенсировать свой снизившийся под санкциями донорский потенциал за счет сотрудничества с международными организациями и странами ССАГПЗ (вероятный сценарий: помощь с применением российской «матрицы безопасности» инфитаху аравийских монархий в Сирии в обмен на финансирование ими гуманитарных поставок российской пшеницы в Сирию, Ливан, ПНА, сирийским беженцам в Иордании, а также в Йемен, Ливию и Сомали).

В случаях с Иорданией и Ираком речь идет о диверсификации ВЭД, расширении номенклатуры ВТС (в арабском мире отслеживают применение российских вооружений в Сирии и на Украине) и сотрудничества в ИТ-секторе. Акцент делается на развитии бизнес-диалога с участием субъектов РФ: развиваются контакты между Иорданией с привлечением местной черкесской диаспоры и Республикой Адыгея;

Российско-Иракским деловым советом прорабатывается вопрос об организации в 2022 г. деловой миссии в Ирак, включая Курдский автономный район.

Выводы

В качестве резюме следует признать наличие горизонтов для активизации политического диалога, торгово-экономического, инвестиционного и технологического сотрудничества России с арабским миром. Императивом в условиях резкого ужесточения санкций против РФ является использование гибких дифференцированных подходов с учетом субрегиональной и страновой специфики местных партнеров, степени их подверженности западному давлению, динамики развития связей с другими полюсами полицентричного мира (Китаем, Индией).

В нынешних непростых условиях возрастает роль отечественных академических центров в оценке конкретных вызовов, препятствий и конкурентной среды на Ближнем Востоке и в Северной Африке, включая активность и Запада, и дружественных России или не поддерживавших санкции государств, в прогнозировании краткосрочных и среднесрочных сценариев развития ситуации с определением оптимальных ответных мер и шагов.

Список литературы

1. Акимов А.В. Влияние роботизации на перспективы развития стран Востока: основные тренды // Особенности, проблемы и перспективы экономического развития стран и регионов Востока (Азии и Северной Африки): мат-лы общерос. конф. экономистов-востоковедов. М.: ИВ РАН, 2017. С. 8-12.
2. Алжир становится перспективным рынком для российской пшеницы // Центр агроаналитики, 22 октября 2021 г. URL: <https://specagro.ru/news/202110/alzhir-stanovitsya-perspektivnym-rynkom-dlya-rossiyskoj-pshenicy>.
3. Баракат С. Взгляд на воззрения Х. Асада (арабск.). Дамаск, 1997.
4. Беленькая М., Константинов А. Визит в свете энергоносителей // Коммерсант, 12 января 2022 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5157681>.
5. Буранов Н. История западных санкций против СССР // История.РФ, 22.03.2019г. URL: <https://histrf.ru/read/articles/istoriia-zapadnykh-sanktsii-protiv-sssr>.
6. В 2020 году товарооборот между Россией и Египтом вырос на 28,2% // The Dairy News, 11 марта 2021 г. URL: <https://dairynews.today/news/v-2020-godu-tovarooborot-mezhdu-rossiey-i-egiptom-.html>.
7. Во всемирное хранилище семян в Арктике добавляют новые образцы // The Arctic, 15 февраля 2022 г. URL: <https://ru.arctic.ru/international/20220215/1000272.html>.
8. Глобальное изменение климата: вызовы и возможности для мировой торговли // АГРОЭКСПОРТ: Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России, 26 мая 2020 г. URL: <https://aemcx.ru/2020/05/26/globalnoe-izmenenie-klimata-vyzovy/>.
9. Зейтун А. «Культурный СПИД» и вирус нормализации (арабск.). Бейрут-Дамаск, 1996.
10. Злачное // Коммерсант, 25 января 2022 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5181359>.
11. Инструкция Внешторгбанка СССР от 25.12.1985 № 1 (ред. от 05.02.1991) «О порядке совершения банковских операций по международным расчетам» // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5153/1b3a4ffe2deac496abc8048844307f31c6ef1cb2/.
12. Китайский эксперт предрек «взрыв» после перехода Saudi Aramco с долларов на юани // Известия, 23 марта 2022 г. URL: <https://iz.ru/1309258/2022-03-23/kitaiskii-ekspert-predrek-vzryv-posle-perekhoda-saudi-aramco-s-dollarov-na-iuani>.
13. Лиокумович Я. Б., Ахматшина Э. К. «Авраамовы соглашения» между Израилем, ОАЭ и Бахрейном: изменения геополитической реальности Ближнего Востока // Азия и Африка сегодня, вып. № 2, 2022. С. 64-68.

14. Макарычев М.А. США приостановили продажу оружия Саудовской Аравии и ОАЭ // Российская газета, 28 января 2021 г. URL: <https://rg.ru/2021/01/28/ssha-priostanovili-prodazhu-oruzhiia-saudovskoj-aravii-i-oae.html>.
15. Максимов А. Военная промышленность Саудовской Аравии (2018) // Зарубежное военное обозрение. 2018, № 9. С. 23-27.
16. Марокко планирует увеличить запасы пшеницы // АПК-Информ, 12 апреля 2022 г. URL: <https://www.apk-inform.com/ru/news/1526339>.
17. Российские интересы в Судане // Коммерсант, 11 апреля 2019 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3940030>.
18. Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Президент России, 12 июля 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>.
19. Стратегия присутствия России на мировых продовольственных рынках: Доклад под рук. Иванова А.Ю., Молодыко К.Ю. М.: НИУ ВШЭ, 2019 г. С. 39-68.
20. Судан приостановил соглашение с Россией о базе на Красном море // Интерфакс, 28 апреля 2021 г. URL: <https://www.interfax.ru/world/763798>.
21. Судан // РЭЦ: Мой экспорт (цифровая платформа), 2020. URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/world_map/tropical_africa/sudan/.
22. ТОП-10 стран-импортеров украинского зерна в 2020 году // Latifundist.com, 22 февраля 2021 г. URL: <https://latifundist.com/rating/top-10-stran-importerov-ukrainskogo-zerna-v-2020-godu>.
23. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Decree of President of the Russian Federation # 640 dated 30 Nov 2016 “Adoption of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation”] // Президент России (электронный ресурс), 30 ноября 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 23.04.2022).
24. Хетагуров А.А. Военно-техническое сотрудничество России: государства Африки. [Russia's Military-technical Cooperation: African States] М.: РСМД, 20 октября 2017 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-afriki/> (дата обращения: 23.04.2022).
25. USA on the Vote on Ukraine. United Nations General Assembly // YouTube (2:36-2:37), 2 Mar 2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=P2VU1lb7_zI.

Международное сотрудничество государств Центральной Азии в 1990-е годы: политико-правовые аспекты

Назаров Р.Р.

АННОТАЦИЯ

История международного сотрудничества государств центральноазиатского региона (ЦАР) является гораздо более позитивной, чем принято считать. Ещё в 1993 г. лидеры пяти постсоветских государств (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) определили регион как «Центральную Азию», а не старым термином «Средняя Азия и Казахстан». Таким образом было подчеркнуто, что Казахстан представляет собой неотъемлемой частью региона. На протяжении следующих лет государства Центральной Азии смогли провозгласить регион в качестве зоны, свободной от ядерного оружия. Представление о том, что центральноазиатский регионализм малоперспективен – неверно. В середине 1990-х гг. партнёрство между Казахстаном и Узбекистаном было расширено за счёт включения в него Кыргызстана и Таджикистана. Это привело к созданию Центральноазиатского Союза, позже переименованного в Организацию Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). ОЦАС в 2005 г. был объединен с ЕврАзЭС. Сотрудничество в рамках СНГ и других проектов, не мешает государствам Центральной Азии реально сотрудничать и в рамках региона.

RESUME

The history of international cooperation between the States of the Central Asian region (CAR) is much more positive than is commonly believed. Back in 1993, the leaders of the five post-Soviet states (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan) defined the region as «Central Asia», and not the old term «Central Asia and Kazakhstan». Thus, it was emphasized that Kazakhstan is an integral part of the region. Over the following years, the Central Asian States were able to proclaim the region as a nuclear-weapon-free zone. The idea that Central Asian regionalism has little prospects is wrong. In the mid-1990s, the partnership between Kazakhstan and Uzbekistan was expanded to include Kyrgyzstan and Tajikistan. This led to the creation of the Central Asian Union, later renamed the Organization of Central Asian Cooperation (OCAC). The OCAC was merged with the EurAsEC in 2005. Cooperation within the CIS and other projects does not prevent the Central Asian states from actually cooperating within the region.

Ключевые слова: Центральная Азия, международное сотрудничество, интеграция, политика, международное право, региональные организации

Keywords: Central Asia, international cooperation, integration, politics, international law, regional organizations

Назаров Равшан Ринатович, кандидат философских наук, доцент Ташкентского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, старший научный сотрудник Института государства и права АН РУз, эксперт Международного института Центральной Азии, Ташкент, Узбекистан, Shon2002@yandex.ru

Ravshan R. Nazarov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Tashkent branch Plekhanov Russian University of Economics, Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, expert at the International Institute of Central Asia, Tashkent, Uzbekistan, Shon2002@yandex.ru

Государства и народы Центральной Азии имеют длительный, многовековой опыт контактов и сотрудничества. На протяжении истории территория региона входила в состав многих государств: Бактрия, Согд, Маргиана, Чач (Шаш), Хорезм, Ахеменидская империя, империя Александра Македонского, Греко-Бактрийское царство, Кушанская держава, Тюркский каганат, Арабский халифат, государства Саманидов, Караханидов, Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов-Ануштегинидов, Монгольская империя Чингизидов, государства Темура и Темуридов, Шейбанидов, Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства, Российская империя, Советский Союз. Как отмечают эксперты: «Необходимость регионального сотрудничества сегодня можно воспринимать как некую аксиому, и действительно, страны региона тесно связаны географически, культурно и этнически. Общность менталитетов народов, населяющих регион, и угрозы стабильности и безопасности – также общие для всей Центральной Азии. Это дает возможность говорить о том, что региональное взаимодействие и интеграция на сегодня являются приоритетом, как политической, экономической, так и социальной сферы жизни» (Омаров, 2012).

Процессы глобализации современного мира влияют на международные контакты. В ходе международных коммуникаций под влиянием объективных и субъективных факторов формируются контакты разной степени интенсивности. Активные международные взаимодействия логично перетекают в сотрудничество, нацеленное на решение общих проблем. В современный период развито международное сотрудничество в разных формах и направлениях. Поэтому важно понимание дефиниции «международное сотрудничество» как в общетеоретическом, так и в политико-правовом смысле.

Это связано с тем, что понятие «международное сотрудничество» активно используется в научных работах, в публицистике, национальных и международных политико-правовых актах. Рассмотрение данных источников показывает, что чаще всего авторы мало внимания уделяют указанному термину. Научно-теоретическое понимание проблем международного сотрудничества характерно в основном для политологов и юристов-международников (Крысанов, 2018; Фуражнин, 2017).

Эксперты полагают, что международное сотрудничество опирается как минимум на три основных элемента: общие цели и задачи государств-партнеров, ожидание ими определенных выгод от ситуации, взаимный характер указанных выгод (Цыганков, 2003).

Принципы международного сотрудничества получили свое признание только в XX веке (15, 2010). Например, Устав ООН базируется на принципах сотрудничества государств вне зависимости от социально-экономических укладов или политических режимов. По Уставу ООН, все государства должны реализовывать сотрудничество в разрешении международных проблем политического, социально-экономического, культурно-гуманитарного характера, поддерживать сохранение мира и безопасности.

В Декларации о принципах международного права от 24.10.1970 г. относительно сотрудничества между странами в соответствии с Уставом ООН, было установлено, что государства в целях международного сотрудничества должны: сотрудничать в поддержании международного мира и безопасности; сотрудничать в установлении всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод, в ликвидации

расовой дискриминации и религиозной нетерпимости; осуществлять свои международные отношения в экономической, социальной, культурной, технической, торговой областях в соответствии с принципами суверенитета, равенства, невмешательства; государства-члены ООН должны в сотрудничестве с ООН принимать совместные и индивидуальные меры, согласно положениям Устава (Декларация, 1970).

Принципы международного сотрудничества получили нормативно-правовое закрепление на региональном уровне. Так, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, ныне – ОБСЕ) говорится, что государства-участники будут стремиться, развивая свое сотрудничество как равные, содействовать взаимопониманию и доверию, дружественным и добрососедским отношениям между собой, международному миру, безопасности и справедливости (Заключительный акт, 1975).

Проводя анализ международных актов, можно выделить наиболее типичные направления международного сотрудничества: определение, согласование и осуществление необходимых совместных мер в установленной области сотрудничества; создание механизмов двустороннего сотрудничества; мониторинг угроз в предметной области международного сотрудничества; выработка совместных мер по развитию норм международного права в регулируемой области международного сотрудничества; противодействие возникающим угрозам в той или иной сфере международного сотрудничества; проведение экспертиз, исследований и оценок в установленной сфере; обеспечение безопасности; разработка и осуществление совместных мер доверия; разработка и осуществление согласованной политики в установленной сфере международного сотрудничества; обмен информацией; содействие совершенствованию международно-правовой базы; создание условий для взаимодействия компетентных органов государств; взаимодействие в рамках международных организаций и форумов; сотрудничество между образовательными учреждениями стран партнеров; ознакомительные поездки в страны-партнеры молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств (Крысанов, 2018).

Современный этап сотрудничества государств Центральной Азии начался в 1990-1991 г., когда все государства региона провозгласили сначала суверенитет, а потом и свою независимость.

Первыми документами были Декларации о суверенитете, принятые всеми республиками ЦА в 1990 г.: 20 июня – Узбекистаном, 23 августа – Туркменистаном, 24 августа – Таджикистаном, 25 октября – Казахстаном, 15 декабря – Кыргызстаном.

В этих документах уже отражался обновленный статус республик как субъектов международного права. Так, в статье 14 Декларации о суверенитете Казахстана отмечался принцип международной субъектности: республика «обладает правом выступать самостоятельным субъектом международных отношений, определять внешнюю политику в своих интересах, обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами, участвовать в деятельности международных организаций, в том числе ООН и ее специализированных учреждений» (2, 1990).

В Декларации о суверенитете Узбекистана отмечалось, что Узбекистан «признает и уважает основные принципы международного права» (статья 6), в

ведение республики «входят все вопросы внутренней и внешней политики» (статья 5), Узбекистан «определяет принципы и осуществляет политические, экономические, культурные и иные отношения с союзными республиками и другими государствами на основе договоров» (статья 7) (6, 1990).

Декларация о суверенитете Таджикистана подчеркивала, что республика «осуществляет непосредственные сношения с иностранными государствами, заключает с ними договоры экономического, культурного и научно-технического характера, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми представительствами, в случае необходимости принимает участие в деятельности международных организаций» (статья 15) (4, 1990).

В Декларации о суверенитете Кыргызстана отмечено, что республика «является равноправным участником международного общения, активно способствует укреплению мира и международной безопасности. Как субъект международного права республика осуществляет непосредственные сношения с другими государствами, заключает с ними договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми представительствами, принимает участие в деятельности международных организаций» (статья 13) (3, 1990). Причем Кыргызстан первым из республик ЦА официально изменил название с Кыргызской ССР на Республику Кыргызстан.

Декларация о суверенитете Туркменистана подчеркнула, что республика «осуществляет непосредственные сношения с другими государствами, заключает с ними договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми представительствами, принимает участие в деятельности международных организаций, активно способствует укреплению общего мира и международной безопасности» (статья 9) (5, 1990).

В 1991 г. все республики ЦА провозгласили независимость – 31 августа Узбекистан и Кыргызстан, 9 сентября – Таджикистан, 27 октября – Туркменистан, 16 декабря – Казахстан.

После подписания 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений руководителями России, Украины и Белоруссии относительно ликвидации Союза ССР государства Центральной Азии солидарно выразили свою позицию (Соглашение, 1991).

13 декабря 1991 г. в Ашхабаде состоялась встреча лидеров пяти центральноазиатских республик, в ходе которой им удалось выработать единую позицию по проблеме Беловежских соглашений. России, Украине и Белоруссии было предложено включить в Содружество все желавшие войти в него республики бывшего СССР. В своем совместном Заявлении лидеры пяти республик ЦА отметили, что: необходима координация усилий по формированию СНГ; создание СНГ должно осуществляться на правовой основе; должно быть обеспечено равноправное участие субъектов в процессе выработки решений и документов о СНГ, при этом все государства, образующие Содружество, должны быть признаны в качестве учредителей; следует учесть исторические и социально-экономические реалии ЦА; СНГ должно гарантировать равноправие всех наций и народностей, защиту их прав и интересов; СНГ не может образовываться по этническому, конфессиональному или любому иному признаку, нарушающему права человека и народов; СНГ признает территориальную целостность и неприкосновенность границ (Заявление, 1991).

21 декабря 1991 г. в Алма-Ате 11 республик бывшего СССР (в том числе все 5 центральноазиатских) подписали Протокол о вхождении в СНГ на правах равноправных соучредителей (Протокол, 1991), а также Алма-Атинскую Декларацию. В этом документе было отмечено, что отношения между государствами «будут развиваться на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета и суверенного равенства, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы и угрозы силой, экономических и любых других методов давления, мирного урегулирования споров, уважения прав и свобод человека, включая права национальных меньшинств, добросовестного выполнения обязательств и других общепризнанных принципов и норм международного права» (1, 1991).

Несмотря на масштабы постсоветской дезинтеграции, все-таки существовали предпосылки и для движения новых независимых государств навстречу друг другу. На фоне распада единой советской экономики, обретения независимости и осознания невозможности успешно развиваться в изоляции, пришло понимание необходимости совместного выживания (Махмутова, 2018).

22 января 1993 г. на саммите стран СНГ в Минске удалось принять Устав Содружества, вступивший в силу в январе 1994 г. Решение о его принятии было подписано главами 7 государств, в том числе – 4 государств ЦА (воздержался только Туркменистан). В Уставе СНГ отмечено: «Содружество основано на началах суверенного равенства всех его членов. Государства-члены являются самостоятельными и равноправными субъектами международного права. Содружество служит дальнейшему развитию и укреплению отношений дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами» (статья 1) (Устав, 1993).

В целях расширения и укрепления регионального сотрудничества, формирования и активизации центральноазиатского рынка 30 апреля 1994 г. был подписан Договор о создании Единого экономического пространства (ЕЭП) между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном. Была принята Программа экономической интеграции, которая предусматривала создание целого ряда СП, развитие производственной кооперации, сотрудничество в сфере совместного использования водно-энергетических и углеводородных ресурсов, совместного использования межгосударственных газопроводов, рост взаимных инвестиций, проведение согласованной таможенной политики, совместное развитие транспорта и связи (9, 1998).

В январе 1997 г. был подписан Договор о вечной дружбе между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан. Он явился как бы итогом трехсторонних встреч Президентов Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана в Алма-Ате (1993), Чолпон-Ате (1994) и Ташкенте (1996). Ключевыми аспектами Договора стали следующие моменты: широкомасштабное сотрудничество и взаимное доверие; уважение независимости, суверенитета, территориальной целостности и нерушимости государственных границ, принципов невмешательства во внутренние дела друг друга, равноправия и взаимной выгоды; предотвращение угрозы независимости и суверенитету, территориальной целостности и проведению

независимой политики; согласование позиций по региональным и глобальным вопросам, затрагивающим общие интересы; развитие торгово-экономических отношений, связей в области культуры, науки и технологий на широкой основе и с учетом долгосрочных перспектив (8, 1997).

26 марта 1998 г. к ЕЭП присоединился Таджикистан. С 17 июля 1998 г. организация получила официальное название – Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС) (Ушакова, 2003).

Кроме чисто экономических вопросов страны региона активно сотрудничали и в других сферах, например, безопасности. В 1996 г. была создана «Шанхайская пятёрка». Далее ежегодные саммиты участников «Шанхайской пятёрки» прошли в Москве (1997 г.), Алма-Ате (1998 г.), Бишкеке (1999 г.), Душанбе (2000 г.). С Бишкекского саммита начали складываться постоянные механизмы сотрудничества: встречи министров и экспертных групп. Начала складываться новая международная организация, появились национальные координаторы, назначаемые каждой страной-членом. 13-15 июня 2001 г. в Шанхае прошла встреча глав государств «Шанхайского форума». Тогда пять стран-участниц приняли в состав организации Узбекистан, что повлекло переименование организации в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) (Комиссина, Куртов, 2005).

Таким образом, к началу XXI века сложилась следующая система основных интеграционных проектов государств региона ЦА: Содружество независимых государств (СНГ), Центрально-Азиатское сотрудничество (ЦАС), Евразийский союз (ЕАС), Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Современные процессы развития международного сотрудничества в Центральной Азии происходят на фоне двух процессов – глобализации и регионализации. Слабо контролируемый характер глобализации (как интеграции страновых экономик в единую мировую), в целом отвечает, как общим (планетарным), так и частным (страновым) интересам. Но противоречия процессов глобализации порождают определенные проблемы, даже конфликты. Побуждая взаимодействующих субъектов к росту экономической эффективности, процесс глобализации не решает задач развития всех (а особенно – малых) государств мира. В этом контексте расширение регионального сотрудничества (региональная интеграция) выступает формой защитной реакции небольших государств, отстаивающих свою идентичность от негативных моментов глобализации. В настоящее время регионализация опирается на развитие международного сотрудничества во всех сферах – политико-правовой, социально-экономической, культурно-гуманитарной.

Рекомендации и предложения:

- Современный этап развития сотрудничества в регионе Центральной Азии должен опираться на глубокое знание начала и раннего периода международного сотрудничества (1990-е гг.);
- В рамках изучения раннего периода необходимо учесть все проблемные моменты и использовать в практике все накопленные позитивные аспекты;

- Создание в Ташкенте Международного института Центральной Азии (16, 2021) позволяет надеяться, что изучение политико-правовых, социально-экономических и культурно-гуманитарных основ сотрудничества государств ЦА получит новый импульс.

Список литературы

1. Алма-Атинская Декларация от 21 декабря 1991 года. URL: <https://cis.minsk.by/site/about-cis>.
2. Декларация о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики // Казахстанская правда. 28 октября 1990 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700_.
3. Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан от 15 декабря 1990 года. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205081>.
4. Декларация о государственном суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики от 24 августа 1990 года. URL: <https://www.gorby.ru/userfiles/tadgikistan.pdf>.
5. Декларация о государственном суверенитете Туркменской Советской Социалистической Республики от 22 августа 1990 года. URL: <https://www.gorby.ru/userfiles/turkmenistan.pdf>.
6. Декларация о государственном суверенитете Узбекской Советской Социалистической Республики от 20 июня 1990 года. URL: <https://lex.uz/docs/185389>.
7. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.
8. Договор о вечной дружбе между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан от 10.01.1997 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000242>.
9. Договор о создании единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан // Сборник основных документов Межгосударственного Совета Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан. Бишкек, 1998.
10. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Подписан в г. Хельсинки 01.08.1975 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901862>.
11. Заявление глав среднеазиатских республик СССР. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Заявление_глав_среднеазиатских_республик_СССР_от_13.12.1991.
12. Комиссина И. Н., Куртов А. А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М.: РИСИ, 2005. 117 с.
13. Крысанов А. В. Международное сотрудничество: общетеоретическое и правовое измерение // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 4. С. 23-28.
14. Махмутова Е. В. Центральная Азия в поисках собственной интеграционной модели // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №4 (61). С. 78-91
15. Международное право: Учебник / Отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. 3-е изд., перераб. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 720 с.
16. Международный институт Центральной Азии открылся в Ташкенте. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/07/15/iica/>.
17. Омаров М. М. Интеграция стран Центральной Азии на основе региональной идентичности // Вестник Череповецкого государственного университета. Исторические науки. 2012. № 4. Т. 1. С. 29-32.
18. Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6>.
19. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/682a55a474d019e747227e67eba18ee6/soglashenie_sng.pdf.
20. Устав Содружества Независимых Государств. URL: <https://cis.minsk.by/site/about-cis>.
21. Ушакова Н. Центральноазиатское сотрудничество: направления трансформации. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2003/journal_rus/cac-03/16.usarus.shtml.
22. Фуражнин Д. Ю. О понятии «международное сотрудничество в области противодействия терроризму» // Право в Вооруженных силах. 2017. № 12. С. 83-88.
23. Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с.

Конфликт на Украине – точка бифуркации дальнейшего развития России

Полякова А.А.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу конфликта на Украине как одного из precedents вмешательства коллективного Запада в систему отношений на постсоветском пространстве для ограничения геостратегических позиций России. Автор рассматривает сферы контрнаступления РФ против западного доминирования. Особое внимание уделяется тому, что в новой реальности России предстоит перейти от западной либеральной демократии к традиционным ценностям и укрепить свою культурную идентичность. Делается вывод о том, что развитие собственной культурной идентичности может стать основой для консолидации общества и мобилизации мощного социального ресурса для преодоления текущих вызовов.

RESUME

The article is devoted to the analysis of the Ukrainian conflict as one of the precedents of the collective West's intervention in the system of the post-Soviet space to limit Russian geostrategic positions. The author examines the spheres of the Russian Federation's fightback against Western domination. Particular attention is paid to the fact that in the new reality Russia will have to move from Western liberal democracy to traditional values and strengthen its cultural identity. It is concluded that the development of Russian own cultural identity can become the basis for the social consolidation and the mobilization of a powerful social resource to overcome current challenges.

Ключевые слова: Россия, Запад, США, Украина, Евразия, культурная идентичность, ценности

Keywords: Russia, West, USA, Ukraine, Eurasia, cultural identity, values

Полякова Анна Александровна, кандидат политологических наук, доцент кафедры «Международное сотрудничество» факультета маркетинга и международного сотрудничества Института управления и регионального развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ РАНХиГС, Москва, Россия, polyannalex@mail.ru

Anna. A. Polyakova, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department «International Cooperation» Faculty of Marketing and International Cooperation Institute of Management and Regional Development Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration RANEPA, Moscow, Russia, polyannalex@mail.ru

Текущие события в Восточной Европе ускоряют трансформации как в глобальном международном порядке, так и во взаимоотношениях России с западными странами. Период попыток сближения сменяется резким размежеванием. Сегодня на мировой арене происходит стратегическое контрнаступление Российской Федерации против доминирования коллективного Запада.

С распадом СССР начался период, когда, встав на либеральный демократический путь развития, Россия стремилась влиться в западнцентричный мир. США, в свою очередь, приобретя уникальное положение единоличной державы в результате краха соперника, начали претворять в жизнь стратегию по сохранению своего мирового доминирования. Опираясь на зависимые от американской военной, политической

и финансовой помощи государства, Соединенные Штаты намеревались сохранять свое превосходство над Евразийским континентом, так как «тот, кто контролирует Евразию, осуществляет контроль над всем миром» (Бжезинский 2021: 14). Для этого необходимо было не допустить укрепления России как самого крупного государства в Евразии и правопреемницы СССР.

Вместо создания новой системы отношений на Евразийском континенте с включением в нее России и других постсоветских стран коллективный Запад взял курс на максимальное вовлечение вновь созданных государств в орбиту своего влияния и одновременное отстранение России. Запад также проводил политику невключения РФ в ключевые европейские организации – в 2000 г. России отказали во вступлении в НАТО, в 2003 г. Европа обсуждала как избежать включения РФ в Европейскую политику соседства (ЕПС), а в 2008 году Россию не пригласили к участию в «Восточном партнерстве», возникшем как региональное измерение европейской политики соседства (Арбатова, 2014).

Региональная стратегия НАТО и ЕС была направлена на отдаление стран СНГ от России и распространение вширь институтов «холодной войны». Для влияния на постсоветские государства невоенными средствами Вашингтон проводил их идеологическую и мировоззренческую интеграцию в свою систему посредством ненасильственных политтехнологий через ориентированные на Запад элиты и ценности как основной «бренд» Запада.

«Цветные революции» в Грузии и Украине в начале 2000-х раскрыли активное участие Соединенных Штатов в смене власти в этих странах и установлении режимов отчетливо антироссийской направленности. Сложившееся в странах постсоветского пространства историческое единство, основанное на православии, общности языка и культуры, разрушалось призывами к скорейшему освобождению от вредного влияния России. Конфликт в Южной Осетии в 2008 году ярко продемонстрировал наступление коллективного Запада, который внес раскол не только на политическом, но и на ментальном и духовном уровнях, разделив православную Грузию и Россию.

Следующий раскол на постсоветском пространстве был организован в 2013 году на Украине, в государстве, независимое существование которого, согласно Збигневу Бжезинскому, помогает трансформировать Россию (Бжезинский 2021: 85).

Дальнейшее исключение РФ из «Большой восьмерки», антироссийские санкции, информационная война против России, скандалы с отравлением Скрипалей и вмешательством в американские выборы, выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и Договора по открытому небу, а теперь разрыв взаимодействий на уровне Совета Европы – все попытки давления на Россию явно не способствовали укреплению доверия, улучшению отношений и поиску компромиссов между коллективным Западом и Россией.

В декабре 2021 года Москва заняла активную позицию в существующем противостоянии. Кремль попытался получить «гарантии безопасности», но западные партнеры отказались искать компромисс по принципиальным для себя вопросам. США и НАТО прописали целый список шагов, на которые они готовы пойти, при этом каждый пункт обусловив тем, какие шаги должна сделать Россия в ответ. На один из основных вопросов относительно членства Украины в НАТО государственный

секретарь США Энтони Блинкен ответил, что Соединённые Штаты не откажутся от принципа «открытых дверей» НАТО (Blinken, 2022).

Не получив гарантий, Россия пошла на защиту своих интересов. Тут политика, по Карлу Клаузевицу, продолжилась другими средствами – все вылилось в гибридную войну между Россией и коллективным Западом, которая протекает в нескольких сферах: военной, экономической и информационной.

Противостояние непосредственно в военной сфере проводит Украина при поддержке западных стран. Коллективный Запад, в свою очередь, выбрал для себя использование экономических средств давления и манипуляций, поддерживая свои действия влиянием на общественное сознание в информационном пространстве.

Наложенные Западом санкции, уход из России иностранных компаний, отключение от системы SWIFT, ограничения по операциям с валютами и прочие гибридные меры принуждения со стороны Запада подталкивают Москву встать на путь повышения независимости, самостоятельности и суверенитета, а значит искать альтернативные модели социально-экономического и политического развития.

Россия ведет «контрнаступление», действуя активно и с опорой на собственные силы. В военной сфере проводит спецоперацию на Украине. В финансово-экономической сфере Кремль потребовал от коллективного Запада расплачиваться за поставки энергоресурсов в рублях. Таким образом Россия вводит газовый рубль, под которым находится натуральная стоимость – газ. Это можно считать заявкой на создание на энергетическом рынке независимой рублевой зоны.

Кроме того, заморозка части резервов стала не только элементом давления коллективного Запада на Россию, но и назиданием другим государствам, что их может постигнуть та же участь. Желание стран сократить уязвимость и зависимость от доллара может ускорить диверсификацию резервов в мире. Отказ от расчетов в долларах означает постепенное ослабление такого инструмента влияния, как доллар, а также выход государств из-под контроля Соединенных Штатов.

В частности, Китай давно и планомерно проводит политику отказа от расчета в долларах и повышения статуса юаня до резервной мировой валюты. В Юго-Восточной Азии Пекин уже запустил процесс отказа от доллара, и ряд государств имеет двусторонние договоры с расчетами в национальных валютах. КНР договаривается с Саудовской Аравией на покупку нефти в юанях. В апреле 2022 года несколько китайских компаний приобрели российский уголь за юани.

Конфликт на Украине и текущая ситуация в мире трансформирует мировую систему и может стать той точкой бифуркации, от которой Россия пойдет по другому направлению развития.

На внешнеполитическом поприще у РФ есть возможности укрепить то, что уже сложилось, и развивать другие направления. В частности, Россия может упрочить отношения с Белоруссией, углублять сотрудничество со странами ЕАЭС и ОДКБ, развивать связи с Турцией, Ираном, другими странами Азии, Латинской Америки и Африки, не присоединившимися к режиму антироссийских санкций. Чтобы нивелировать доминирование США, Москва может также активизировать сближение с основными стратегическими партнёрами – Китаем и Индией. Как писал Збигнев Бжезинский, «если средняя часть евразийской шахматной доски

даст отпор Западу, станет активным единым целым и образует союз с участием крупной восточной державы, то американское главенство в Евразии резко сузится» (Бжезинский 2021: 65).

Новая реальность требует коренных трансформаций страны, собственной репрезентации и определения роли и места России в мире. В 2016 и 2017 годах российским президентом Владимиром Путиным поддерживался проект «Большой Евразии», как «цивилизационный проект, устремлённый в будущее» и направленный на создание общеевразийского пространства развития, сотрудничества, мира и безопасности (Саенко 2022). В 2021 году президент России заявил о строительстве государства на основе умеренного консерватизма, и это можно рассматривать как заявление новой русской государственной идеологии.

Для достижения единства и целостности на важнейшем фронте противоборства внутри самого российского общества необходимо укреплять культурную идентичность, суть которой состоит в том, чтобы осознанно принимать культурные нормы и образцы поведения, ценностные ориентации и язык.

Справиться с вызовом можно при условии ухода от принципов западного либерализма, в котором с течением времени индивидуализм перешел в эгоизм, гедонизм, как последняя стадия развития общества, находится на грани нарушения морально-этических норм, а материализм наносит ущерб всему духовному.

России предстоит перейти к более органичным традиционным ценностям, которые бы соответствовали российскому культурному коду, менталитету и соотносились бы с эстетикой, этикой и логикой сердца. Такие ценности и принципы включают в себя в том числе гармонию человека с природой, веру, нравственность, трудолюбие, заботу о ближних, мораль, справедливость, национальное достоинство, поддержание культурного многообразия и диалога цивилизаций, взаимное уважение и доверие.

Отход от западных ценностей подтолкнет к появлению новой этики и выработке органичных принципов что должно, что можно, а что нельзя в жизни общества. Для развития культурной групповой идентичности российского общества предстоит обратить внимание и на эстетику, которая с распространением глобализации также впитала в себя западную культуру и несет чуждые российскому культурному коду традиции.

Один из самых осязаемых символов культурной и групповой идентичности – язык, требует пристального внимания. Благодаря чрезвычайной гибкости грамматических форм русский язык формирует целостно-иррациональное мышление, которое существенно отличается от абстрактно-понятийного мышления, формируемого английским или французским языками или конкретно-символического мышления, в основе которого лежит китайский язык. Русский язык наделяет носителей уникальным интуитивным мышлением, которое отличается парадоксальностью и неожиданностью решений. «Умом Россию не понять», как писал Федор Тютчев.

Современный русский язык наполнен иностранными словами, в особенности англицизмами, которые все чаще употребляются даже в тех случаях, когда в русском языке есть аналоги. Подстраивание русского языка на английский лад и

засилье англицизмов в языке препятствуют формированию у носителей особого типа мышления и закономерностей поведения, заложенных в коллективном бессознательном.

Еще один элемент культурной идентичности – еда. Процессы глобализации и вестернизации распространили рестораны быстрого питания такие как Макдоналдс и другие, тем самым популяризировали западную культуру питания и внесли изменения в культурную идентичность общества.

Язык кулинарии ориентирован на историю. Это своеобразная шкала ценностей, где наверху все старинное, всеми любимое, пропитанное ароматом времени. Блины, пироги и пельмени ассоциируются в России с чем-то родным и домашним и смогут стать хорошим аналогом американским гамбургерам и картошке-фри. Популяризация традиционной культуры питания также сработает на коллективном бессознательном уровне.

В процессе развития культурной идентичности логика сердца народа различит родные духу принципы и ценности, которые смогут консолидировать общество. Для этого предстоит большая работа по перестройке общественных сфер жизни, трансформации в системе образования, национализации элит и внедрению мер по укреплению общественной солидарности. И основной задачей является именно практическая реализация всех изменений. Если надежды на изменение вектора не будут реализованы, это породит всеобщее разочарование. По словам директора Московского центра Карнеги Дмитрия Тренина, «российское государство практически непобедимо извне, но оно рухнет до основания, когда значительная масса русских людей разочаровывается в своих правителях и существующей несправедливой или неработающей общественной системе» (Тренин, 2022).

Как говорится в книге Элвина Тоффлера «Шок будущего», «пророчествовать чрезвычайно трудно – особенно в отношении будущего» (Тоффлер 2008: 19). Но можно предположить, что текущий конфликт на Украине послужит той точкой бифуркации, от которой пойдет новый вектор развития России. Москва ведет активное контрнаступление против доминирования Запада на трех основных фронтах, отстраняясь от западнцентричного миропорядка. В этой связи изменениям подвергается характер международных отношений, внешняя и внутренняя экономика государства, а также ценностно-идеологическая сфера, перемены в которой необходимы для победы в борьбе за умы и сердца людей. Новая ценностная основа и правдивая, реальная цель необходимы для консолидации общества, поднятия духа, который способен подтолкнуть народ на титанические свершения и преодоление турбулентности. Мощный социальный ресурс станет опорой для реализации внешнеполитических технологий в информационной войне. Это позволит России дать адекватный ответ на существующий вызов, сохранить и укрепить свою идентичность и, тем самым, обеспечить себе достойное место в диалоге цивилизаций.

Список литературы

1. Арбатова Н. Украинский разлом: анатомия конфликта // Российский Совет по Международным Дела. 12.05.2014. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/1162/>.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., АСТ, 2021. 384 с.
3. Казин Ф. Уроки «цветных революций» // Перспективы. 17.04.2007. URL: https://www.perspektivy.info/book/uroki_cvetnyh_revoliuciy.htm.
4. Лукьянов Ф. А. Старое мышление для нашей страны и всего мира // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 2. С. 5-10.
5. Саенко С. «Большая Евразия»: миф или реальность? // ИнфоШОС. 21.01.2022. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=29198>.
6. Тоффлер Э. Шок будущего. М., АСТ., 2008. 557 с.
7. Тренин Д.В. «Переиздание» Российской Федерации // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 2. С. 27-33.
8. Blinken A. Secretary Antony J. Blinken With Stefan Kornelius of Süddeutsche Zeitung // US Department of State. 19.02.2022. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-with-stefan-kornelius-of-suddeutsche-zeitung/>.

Милитаризация Грузии как угроза безопасности Южной Осетии

Санакоев И.Б.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу проблем безопасности на Южном Кавказе и, в частности, в регионе грузино-осетинского конфликта. Автор рассматривает процессы милитаризации Грузии как стороны в конфликте, отмечая тенденцию к постоянному росту уровня военных расходов этой страны. В центре внимания автора также продолжающееся сотрудничество Грузии с блоком НАТО.

RESUME

The article is devoted to the analysis of security problems in the South Caucasus and in the region of the Georgian-Ossetian conflict in particular. The author examines the processes of militarization of Georgia as a party to the conflict, noting the trend towards a constant increase in the level of military spending of this country. The author also focuses on Georgia's ongoing cooperation with the NATO bloc.

Ключевые слова: Проблемы безопасности, военные расходы, угрозы и риски безопасности, расширение НАТО, военные учения

Keywords: Security issues, military expenditures, threats and security risks, NATO expansion, military exercises

Санакоев Инал Борисович, кандидат политических наук, заведующий кафедрой «Политологии и социологии» Юго-Осетинского государственного университета имени А.А.Тибилова, Цхинвал, Южная Осетия, inal59@mail.ru

Inal B. Sanakoev, Candidate of Political Sciences Head of the Department of Political Science and Sociology South Ossetian State University named after A.A. Tibilova, Tskhinval, South Ossetia, inal59@mail.ru

Многолетний переговорный процесс в Женеве по заключению договора о ненападении между Южной Осетией и Грузией буксует и до сих пор не дает положительных результатов. Данное обстоятельство на практике означает, что грузино-осетинские отношения фактически балансируют на грани войны. Более того, в русле санкционной политики коллективного Запада европейские участники Женевского процесса практически заморозили существующий формат, создав значительные угрозы безопасности на Южном Кавказе.

В этом контексте для Южной Осетии становится очень актуальным вопрос о военной составляющей политики соседней страны, об уровне ее военных расходов и внешнеполитической стратегии в целом. В этом отношении для Южной Осетии серьезную озабоченность представляют продолжающаяся милитаризация Грузии и активизация ее контактов с Североатлантическим альянсом.

В плане военной политики мы наблюдаем дальнейший рост военных расходов Грузии на 2022 год. Согласно грузинской бюджетной статистике, расходы на оборону

в 2022 году составят 322 млн. долларов, тогда как в 2021 году бюджет министерства обороны Грузии составлял 290 млн. долларов. Таким образом, в 2022 году расходы на оборону в Грузии возрастут на 32 млн. долл., то есть на 9% по сравнению с предыдущим годом (3, 2022).

При этом показательно, что представители грузинской политической элиты явно недовольны таким уровнем военных расходов страны. Так заместитель председателя комитета парламента Грузии по обороне и национальной безопасности Владимир Чачибая назвал эти расходы недостаточными, чтобы «никто не вздумал вынашивать против Грузии агрессивные планы» (2, 2021). По его словам, на оборону нужно как минимум еще 97 млн. долларов. Согласно комментарию грузинского министра финансов Лаша Хуцишвили, оборонный бюджет Грузии, возможно, полностью не отвечает тем вызовам, перед которыми стоит страна, но в этом направлении идет активная работа, ведется поиск новых источников финансирования. Председатель парламентского комитета по обороне и безопасности Иракий Берая в ходе комитетских слушаний проекта госбюджета Грузии на 2022 год заявил: «В целях эффективной обороны и сдерживания существующих угроз Грузии нужны боеспособные, мобильные и совместимые с НАТО силы обороны, для чего важно увеличить оборонный бюджет» (2, 2021). Очевидно, что, исходя из подобных оценок, мы будем наблюдать процесс дальнейшего наращивания военного потенциала Грузии в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Другое направление, вызывающее обеспокоенность в Южной Осетии в плане существующих угроз, это внешнеполитическая стратегия Грузии и в особенности ее военная составляющая, ориентированная на активизацию сотрудничества с Североатлантическим альянсом. При этом и сам альянс проявляет все больше интерес в этом направлении. Такой интерес продиктован планами глобальной геополитической экспансии США как главного актора НАТО. В подобных планах сохраняются попытки акцентировать мифические военно-политические угрозы, якобы исходящие от Кремля.

Так недавно Атлантический совет США опубликовал глобальную стратегию 2022 года. В ней рассматривается «агрессия России» против Грузии и необходимость оказания практической помощи Тбилиси. Подчеркивается, что «экспансия Москвы» в Грузии не получила должного ответа. «Пришло время изменить это», — говорится в тексте Атлантического совета и, если ЕС не согласится, Вашингтон должен быть готов действовать в одиночку (1, 2022).

Согласно этому документу: «Чтобы еще больше укрепить безопасность Грузии Вашингтон должен развернуть американскую инфраструктуру (логистику, технику, аэродром) для использования ВВС США. Этого явно недостаточно для создания американской базы, но это обеспечит присутствие ВВС США в Грузии. Это также повысит совместимость с НАТО» (1, 2022). Помимо этого, авторы документа предлагают расширить сотрудничество и оборонную поддержку партнеров – Грузии и Украины – в Черном море, и ввести пропорциональные санкции в связи с продолжающейся скрытой «агрессией Москвы» в Грузии. Подобные планы отчетливо проявляются и в политической риторике высшего руководства НАТО. Так, спецпредставитель генсека НАТО по Южному Кавказу и Центральной Азии Хавьер Коломина говорит о

том, что НАТО продолжает тесный политический диалог с Грузией как с ближайшим и давним партнером. По его словам, практическое сотрудничество сторон включает в себя совместную работу с командной структурой НАТО в целях укрепления обороноспособности Грузии и взаимодействия с Альянсом: «Благодаря этому сотрудничеству, которое за долгие годы еще более укрепилось, силы обороны Грузии стали еще более боеспособными и совместимыми с НАТО, чем когда-либо прежде» (4, 2022).

Врусле таких концептуальных установок происходит дальнейшее наращивание военно-политического сотрудничества НАТО и Грузии. Уже в январе 2022 года состоялась рабочая встреча командующего силами обороны Грузии генерал-майора Георгия Матиашвили с главой военного комитета НАТО адмиралом Робертом Бауэром, на которой стороны обсудили приоритеты военного сотрудничества. На встрече стороны также рассмотрели вопросы, касающиеся проходящих в Грузии реформ в сфере обороны. Как отмечается в сообщении о встрече, Матиашвили также принял участие во встрече военных руководителей членов военного комитета в формате комиссии НАТО – Грузия. На заседании командующий силами обороны Грузии затронул тему существующей в регионе среды безопасности и рассказал о процессе трансформации сил обороны Грузии. Согласно сообщениям прессы, на встрече также обсуждалась возможность проведения в стране международных военных учений и совместных тренировок. Стороны, как сообщается, обсудили ход процесса планирования совместных учений НАТО – Грузия в 2022 году.

Состоявшаяся встреча грузинских и натовских военных чинов уже начинает приобретать практические результаты. По сообщениям СМИ Грузия провела совместные с НАТО учения в марте 2022 года в Крцаниси вблизи Тбилиси. Командно-штабные учения «Грузия – НАТО 2022» прошли уже в третий раз. Руководством учений полностью занялась грузинская сторона. Военнослужащие отработали планировку военных операций альянса с использованием симуляторов. В маневрах приняли участие члены и партнеры НАТО. Всего в учениях были задействованы более чем 20 стран и партнеров НАТО. Согласно официальным комментариям НАТО «совместные учения НАТО-Грузия обеспечили дальнейшее развитие возможностей командования и управления силами обороны Грузии и их способности эффективно действовать совместно с силами других стран-членов НАТО и стран-партнеров» (4, 2022).

Таким образом, приходится констатировать наличие многолетней и устойчивой тенденции к наращиванию военного потенциала Грузии. И это происходит в условиях непрерывного усиления присутствия НАТО в этой стране. Очевидно, что данные обстоятельства создают серьезные угрозы для Южной Осетии, автоматически вовлекая ее в зону повышенных рисков, которые создаются глобальной геополитической экспансией США и наращиванием ее сотрудничества с Грузией как региональным партнером. Естественно, что эти процессы вызывают серьезную обеспокоенность в Республике Южная Осетия в плане обеспечения ее военно-политической безопасности, поскольку происходят рядом с нашей республикой, в непосредственной близости от ее границ.

Список литературы

1. Атлантический совет: США должны развернуть военную инфраструктуру в Грузии. URL: <https://www.apsny.ge/2022/mil/1644598243.php>.
2. В Тбилиси заявили о необходимости увеличения военного бюджета. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/10/15/v-tbilisi-zayavili-o-neobhodimosti-velicheniya-voennogo-byudzheta>.
3. Грузия увеличила военный бюджет из-за «российской угрозы». URL: https://finance.rambler.ru/economics/47774679/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
4. НАТО продолжает тесный политический диалог с Грузией как с ближайшим и давним партнером – спецпредставитель генсека (Эксклюзив). URL: <https://www.trend.az/scaucasus/georgia/3551618.html>.

Трансформация мирового порядка

Семедов С.А.

АННОТАЦИЯ

Мировой порядок меняется. Меняется не только Ялтинско-Потсдамская и постбиполярная системы, но и Вестфальская система со своей государственноцентричностью и «диктатом великих держав». Складывается новая конфигурация в современной системе международных отношений. Санкции в системе международных отношений приобрели форму масштабных глобальных акций против отдельных государств. Санкции, как экономический инструментарий в международных отношениях стали «всемирным молотом» в руках мирового экономического гиганта США для решения своих узконациональных задач. Переформатируются ценностные основы международных отношений. Информационные войны стали элементом современных международных отношений. Специальная военная операция (СВО) России на Украине меняет сложившийся после распада СССР порядок по-американски. От того, как Россия разрешит украинскую проблему зависит будущий миропорядок.

RESUME

The global order is changing. Not only Yalta-Potsdam and post bipolar systems are changing but also Westphalian sovereignty with its government centricity and “dictatorship of great Powers”. New configuration is being built in the modern system of international relations. In the modern system of foreign relations sanctions took a form of wide scale global actions against certain countries. As an economical instrument in foreign relations, sanctions became a “Universal hammer” in the hands of world economical giant the USA as a tool of securing their narrow national objectives. Value foundations of international relations are also being reformatted. Information wars became part of modern foreign relations. Russian Ukrainian special military operation (SMO) is changing the modern American order that established itself after the USSR’s disintegration. The way the future global order is going to be shaped depends on the way Russia is going to solve the Ukrainian question.

Ключевые слова: Мировой порядок, трансформация мирового порядка, Россия, глобализация, геополитика, ценностные основы мирового порядка, информационные войны, дипломатия

Key words: Global order, global order transformation, Russia, globalization, geopolitics, global order value foundations, informational wars, special military operation, sanctions, diplomacy

Семедов Семед Абакаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Международное сотрудничество» Факультета маркетинга и международного сотрудничества Института управления и регионального развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ РАНХиГС, Спин-код РИНЦ 7949-7826, ID 574672, Москва, Россия, sa-semed@mail.ru

Semed A. Semedov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department «International Cooperation», Faculty of Marketing and International Cooperation, Institute of Management and Regional Development Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration RANEPА, Spin-code RINZ 7949-7826, Autor ID 574672, Moscow, Russia, sa-semed@mail.ru

Современный мир переживает период трансформации мирового порядка, который затрагивает фактически все сферы международных отношений: политическую, экономическую, культурную, научную, спортивную, образование, информационную сферу. В этой связи важно определить каковы тенденции в каждой сфере и возможно ли выделить эти мегатренды, исходя из реалий сегодняшнего дня. Возможно, в выстраивании прогностических моделей будущего, основываясь на экономическую статистику, результаты политологических и социологических

исследований можно создать какую-то научную объективную модель будущего миропорядка. Однако, основываясь на философском понимании общечеловеческих интересов и пытаясь философски обосновать мегатренды глобального развития, мы решили обозначить лишь общие штрихи к картине складывающегося мира.

Поскольку в анализе международных отношений, процессов и явлений, с нашей точки зрения, опора на одну из парадигм в теории международных отношений будет означать неполный и не совсем всесторонний, то мы решили исходить из принципов историзма, объективности, детерминизма, системности, используя синкретический подход.

Современный мир, который американцы пытаются формировать «за счет России, на обломках России» (по З. Бжезинскому) не совсем укладывается в американский образ будущего. Особенно непокорные участники международных отношений – Россия и КНР при величественном и многозначном нейтралитете Индии не собираются строить свои отношения с миром в «американском мире», а пытаются создать многополярный мир будущего. Россия, Китай и Индия, по меткому выражению Люсьена Пая (он писал о Китае), всегда были «цивилизациями, маскирующимися под нации» (Руа 1990: 58)

Джордж Кеннан когда-то четко подметил: «Неравенство сил между государствами всегда превращает суверенитет в посмешище. И чем больше в мире государств, тем легче империям разделять и властвовать» (Waltz 1979: 73)

«Новый мир – мир великих держав, круг которых уже определен, и среди которых никому больше не найдется места», – так считает известный американский политолог Параг Ханна (Параг 2010: 444). Далее он, полемизируя с С. Хантингтоном и его концепцией «Столкновение цивилизаций», пишет: «Империи, а не цивилизации наполняют географию смыслом...они не признают цивилизационных границ; по мере распространения своих норм и обычаев они могут изменять людей, к какой бы цивилизации те ни относились» (Параг 2010: 9). Возможно, ученый прав в том, что «время военного доминирования над миром уже прошло, и сегодня и впредь основой глобального могущества будет экономическая мощь и идеологическая привлекательность» (Параг 2010: 10-11). Здесь мы можем констатировать, что для ведущих западных политологов идеология не отошла на задний план, а сохраняет свою значимость как важнейший фактор доминирования при определении гегемона в международных отношениях.

Важнейшим маркером современного мира является отношение к силе и, в первую очередь, к военной силе. Г. Киссинджер как-то отметил, что «сила может покорить весь мир, но она не способна придать себе законный статус». Пресловутая и искусственно культивируемая на Западе концепция «гуманитарной интервенции» дискредитировала себя и не отвечает современным реалиям, хотя придумываются все более изощренные форматы использования данного инструмента вмешательства во внутренние дела других государств. Наряду с четырьмя «формулами легитимации» гуманитарной интервенции в последние годы применяются откровенный подлог, создание фейков и новой реальности для решения внешнеполитических задач. США наращивают свое военное присутствие в современном мире: военный бюджет более 755 млрд. долларов на 2022 г. (скорее всего в связи с событиями на Украине и участием

США в прокси-войне, он будет скорректирован в сторону увеличения), количество военных баз за пределами страны – более 760.

Стирание грани между военными и невоенными вызовами глобальной и региональной безопасности. Взаимозависимость военных и невоенных аспектов (в понимании 4-х секторов невоенной безопасности, по Бари Бузану: экология, политика, экономика, общественная безопасность – культура) международной безопасности. С трудом можем допустить, что политическое руководство той или иной страны, принимающее военный бюджет или решение об использовании военной силы за рубежом, не имеет отношения к военной безопасности. Проблемы, связанные с национальными языками, историческими событиями, обычаями, стереотипами имеют непосредственное значение к национальной и коллективной безопасности.

Историческая память как совокупность символов, знаков, героев, стереотипов «должна рассматриваться как культурный конструкт, параметры которого задаются особенностями настоящего и определяются общественной практикой. Здесь огромная роль в формировании образов прошлого принадлежит социальному фактору» (Шнирельман 2018: 14). Формирование современных государств на постсоветском пространстве выявило огромную роль прошлого, причем нередко именно древнего прошлого, в формировании национальной идентичности и новой государственной символики. Актуализация исторических событий, символов и героев необходимо новым государствам для определения своего места в современных международных отношениях. Исторический нарратив и «образы прошлого» маячат за многими современными международными конфликтами (арабо-израильским, Нагорно-Карабахским, грузино-осетинским, грузино-абхазским, за всеми югославскими конфликтами). Особую остроту приобрели элементы исторической памяти в формировании национальной идентичности современной Украины: героизация идеологов фашизма и оголтелая русофобия, наряду с другими факторами, довели отношения между двумя братскими народами до военного конфликта. Естественно, «образ прошлого не ограничивается историческими текстами, а складывается на основе самых разных источников. Под социальной памятью имеется в виду очень широкий круг общественных и культурных явлений, включающих как объективированную память, так и память в действии» (Шнирельман, 2018). Социальная память выполняет множество функций: «она формирует идентичность, создает почву для общественной консолидации или, напротив, для раскола, рисует образ чаемого политического устройства, помогает вспомнить о героизме предков и их моральных устоях, предлагает картину золотого века, подводит основу под политические союзы, конструирует образ врага и предлагает язык для обсуждения общественно значимых проблем» (Шнирельман 2018: 28).

Прокси-войны становятся частью международных отношений. Конечно, они не являются чем-то новым в международных отношениях. Прокси-войны велись еще древними Афинами и Спартой руками своих сателлитов. В состоянии прокси-войн перманентно находились СССР и США, между которыми за период «холодной войны» не было прямого столкновения. Именно об этом и девиз вечно стремящихся к гегемонии государств «divide et impera» («разделяй и властвуй»). Прокси-войны идут по всему миру и самая среди них долгоиграющая – это арабо-израильский

70-летний конфликт-война. «Украина – весьма хрупкое государственное образование, Восточные области тяготеют к России, которая сохраняет там сильнейшее влияние. На западе страны преобладает влияние Польши и Румынии. Украинцы разделены на тех, кто видит свою страну как часть Евросоюза и тех, кто предпочитает ориентироваться на Россию, а также тех, кто стремится к абсолютно независимой Украине. Эти реалии делают российское беспокойство все более и более сильным. Такая разделенность является благодатной почвой для манипуляций со стороны любой заинтересованной внешней силы. Русские лучше других это знают, так как сами долгое время манипулировали и играли на внутри-украинских противоречиях. Поэтому в глазах России какое бы то ни было внешнее вмешательство в украинские дела – это однозначно манипуляции, обязательно направленные на ущемление ее позиций», – так охарактеризовал отношение России к Украине известный аналитик Джордж Фридман (Фридман 2016: 275-276). На западных рубежах «Россия ищет пути обеспечения собственной безопасности, а не экспансия» (Фридман 2016: 281).

Дипломатия силы опять становится важнейшим используемым видом дипломатии. В этой связи характерны заявления западных дипломатов: Жозе Борель неоднократно заявлял за последние 3 месяца в ходе специальной военной операции России на Украине: «Война может быть окончена только военной победой Украины». Глава Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйнен: «Мы будем бороться всеми силами до конца против экспансии России». Оказание беспрецедентной военной помощи Украине со стороны США в размере почти 40 млрд. долларов также не является «миротворческой акцией». Скорее всего, это подливание масла в огонь. Необычным для мировой дипломатии оказалась дипломатическая война против России: в течении 2022 года (за 5 месяцев) почти 700 российских дипломатов объявлены *persona non grata* в более чем 30 государствах. Фактически парализована работа многих посольств и консульств РФ, что затрудняет решение многих двусторонних и многосторонних задач.

Санкции в системе международных отношений приобрели форму масштабных глобальных акций против отдельных государств. Более 10 000 санкций принято против юридических и физических лиц России за последние 3 месяца – это рекорд в международных отношениях. Санкции, как экономический инструмент в международных отношениях стали «вселенским молотом» в руках мирового экономического гиганта – США для решения своих узконациональных задач. Никогда в истории человечества санкции, как экономический инструмент не приобретали фактически глобальный характер. Трансграничный характер санкций вовлекает в орбиту американской политики фактически всех участников как международных экономических, так и политических, культурных, спортивных и иных отношений.

Информационные войны стали неотъемлемой частью международных отношений... Российско-украинский конфликт показал роль и значение информационных факторов в международных отношениях. Важно, не что, а как – это правило из литературы перенесено в политику. Манипулирование общественным сознанием мирового сообщества стало важным элементом международных отношений. Фейк, обман, искаженное представление событий стали частью работы не только пропагандистов и журналистов, но и политиков и дипломатов. Фейк стал частью международной политики.

Россия пытается в сложных условиях вести многостороннюю и многовекторную дипломатию как в рамках форматов ШОС, БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ, так и в рамках ООН и ВТО. ШОС является одним из ключевых факторов мира и безопасности в Евразии. Хочется верить в то, что со временем ШОС превратится в не-западную субрегиональную международную политическую структуру, которая возьмет на себя решение не только евразийских, но и глобальных проблем человечества. Объединяя уже сегодня 8 стран Евразии, ШОС – это и Россия с Китаем, и Индия с Пакистаном, и Казахстан с Ираном. И другие страны Центральной Азии. И длинная очередь на вступление в её ряды.

ШОС – лучший признак того, что эта континентальная организация в будущем может стать платформой для создания системы коллективной безопасности в Азии. Российская специальная военная операция на Украине и январский кризис в Казахстане наряду с обострением западными странами «тайваньской проблемы» могут послужить катализаторами создания подобной системы безопасности. Особенно, в связи с призывами западных лидеров превратить НАТО в «глобального гаранта безопасности».

Новый мировой порядок, по мнению П. Ханна, строят «все и никто» (Параг 2010: 439-440), полагаясь кто на свою привлекательность, кто на страх перед собой. В итоге, «в современном мире нарастает напряженность из-за того, что каждая из сверхдержав стремится извлечь наибольшую выгоду, однако ни одна из них (США, КНР и ЕС) не обладает достаточной мощностью, чтобы поставить под свой контроль всю систему целиком» (Параг 2010: 442). Спецоперация России на Украине и реакция на нее как стран Запада, так и других участников международных отношений наглядно показало взаимозависимость современного мира. Процесс глобализации неуклонно продолжается. «Жить в мире и быть свободным» от него не удастся никому (перефразируя В.И. Ленина). Человечество еще в силах выбрать направление, по которому будет двигаться дальше. Макс Вебер утверждал, что основу цивилизации Запада составляет «рациональная неугомонность», сочетающая разум человека и его неудовлетворенность окружающим миром. Это сочетание порождает желание улучшить мир путем рациональных, посюсторонних действий вместо его безропотного принятия или полного отказа. Сегодня в мировом масштабе «рациональная неугомонность» может послужить емкой характеристикой современной цивилизации.

Формирующийся современный мировой порядок остро нуждается в философско-политологическом обосновании с привязкой ее к рациональности и прагматизму. Мировой порядок без учета социальных, культурных, экономических, информационных отношений невозможен. «Любая форма грядущего мирового порядка будет сочетанием транснациональных и интернациональных сетей взаимодействия» (Манн 2018: 621). Человечество может выйти на более высокий уровень отношений только тогда, когда мы откажемся от политики угроз и ультиматумов, политики шантажа, демонизации других участников международных отношений.

Итак, современная эпоха турбулентности в современных международных отношениях характеризуется следующими особенностями:

1. Мировой порядок меняется. Меняется не только Ялтинско-Потсдамская и постбиполярная система, но и Вестфальская система со своей государственноцентричностью и «диктатом великих держав». Специальная военная операция России на Украине меняет сложившийся после распада СССР порядок по-американски.

2. Стирание грани между военными и невоенными вызовами глобальной и региональной безопасности.

3. Прокси-войны становятся частью международных отношений.

4. Дипломатия силы опять становится важнейшим используемым видом дипломатии. России объявлена по сути «дипломатическая война».

5. Санкции в системе международных отношений приобрели форму масштабных глобальных акций против отдельных государств.

6. Создаются новые военно-политические блоки: AUKUS, QUAD.

7. Двусторонние отношения между Россией и странами санкционного списка обострены. А отношения с остальным миром стабильны. Всего у РФ дипломатические отношения с 188 странами – членами ООН, и с несколькими непризнанными государствами мира.

8. Нынешний год стал испытанием для международных региональных и субрегиональных организаций, куда входит Россия: БРИКС, ЕАЭС

9. Меняются ценностные основы мирового порядка.

10. Пересматривается историческая память, переформатируется нарратив, меняются «краски мира».

Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. 256 с.
2. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т Т.4. Глобализации, 1945-2011 годы. Изд-во «Дело» РАНХиГС, 2018. 672 с.
3. Шнирельман В.А. Социальная память – вопросы теории/ Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.
4. Фридман Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. 400 с.
5. Параг Х. Второй мир / Центр исследований постиндустриального общества. М.: Изд-во «Европа», 2010. 616 с.
6. Pya L. China – New York: Harper Collins, 1990.
7. Waltz K.N. Theory of International Politics – New York, McGraw Hill, 1979.

О новой кластерной политике России

Семенов С.А.

АННОТАЦИЯ

Автор в данном исследовании ставит перед собой цель предложить возможные системные решения по проблеме разрушения основ устойчивости миропорядка в связи с подрывом доверия в международных отношениях. Глобализация, подразумевающая единый центр планирования, строясь в отсутствие доверия, не подходит для ориентира установления нового миропорядка. Ключевой задачей становится найти единую концепцию стратегической устойчивости, к которой сложно прийти ввиду недоверия к универсальным решениям и значительной дифференциации истории и условий развития. Тем не менее, без целевой ориентации усиливается риск возникновения хаоса. В данной ситуации поиск решений фокусируется на стимулировании кристаллизации малых групп стран, основой которой выдвигается кластерная политика.

RESUME

The author in this study aims to propose possible systemic solutions to the problem of destroying the foundations of the stability of the world order in connection with the undermining of trust in international relations. Globalization, implying a single center of planning, being built in the absence of trust, is not suitable for establishing a new world order. The key task is to find a unified concept of strategic sustainability, which is difficult to achieve due to distrust of universal solutions and significant differentiation in the history and conditions of development. However, without goal orientation, the risk of chaos increases. In this situation, the search for solutions focuses on stimulating the crystallization of small groups of countries, which is based on cluster policy.

Ключевые слова: устойчивость миропорядка, глобализация, кластерная политика

Keywords: stability of the world order, globalization, cluster policy

Семенов Сергей Александрович, кандидат экономических наук, доцент, директор Научно-образовательного центра устойчивого развития Института финансов и устойчивого развития РАНХиГС, Москва, Россия, semenov-sa@ranepa.ru

Sergey A. Semenov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Sustainable Development, Institute of Finance and Sustainable Development, RANEPA, Moscow, Russia, semenov-sa@ranepa.ru

Данные тезисы ориентированы не на постановку актуальных вопросов современности, а на предложение потенциально возможных системных решений проблем. Начнем с некоторых утверждений, формирующих граничные условия и целевые ориентиры.

1. Мир прежним уже не будет. Не будет прежнего доверия к США и развитым странам Европы как к лидерам и эталонам цивилизационного развития. Абсолютно надежно лидерами проявлена политика двойных стандартов, отброшен постулат о незыблемости прав собственности, понятие прав человека стало конъюнктурным и политически зависимым. Недоверие к лидерам влечет неизбежное недоверие к созданным ими международным институтам: ООН и др. Наплевательское отношение самих лидеров к ими же созданным институтам демонстрировалось многократно. Таким образом, разрушается одна из опор

в системе устойчивого миропорядка, а значит и социально-экономических отношений.

2. Прежняя логика глобализации и международного разделения труда не годится для ориентира построения новой системы международных отношений. Глобализация подразумевает единый центр планирования, а значит и управления, логики и источников инвестиционной поддержки процессов, доверия к единой валюте, доверия к планам, доказательства реальной пользы глобализации. Доверие к логике и лидерам разрушается катастрофически быстро. Доверие к инвестиционному стимулированию подорвано обесцениванием бесконтрольно эмитируемого доллара. Результаты общего прогресса от глобализации далеко не очевидны в силу нарастающей дифференциации между бедными и богатыми.

3. Либеральная и неолиберальная модели глобальной экономики показали свою несостоятельность. Они работают только в условиях относительной стабильности и под строгим контролем руководящего центра (США), знающего, куда всем следует «либерально» развиваться. Сейчас доверие к руководящему планетой центру подорвано и восстановить его невозможно.

В этой связи будет расти стремление стран к поиску механизмов и концепций стратегической устойчивости в новых условиях. Полагаю, что единая новая концепция не будет найдена в ближайшее время в силу как недоверия к общим и универсальным решениям, так и значительной дифференциации истории и условий развития. Вероятна кристаллизация групп стран по интересам с учетом возможностей взаимодополнения экономик и отсутствия принципиальных противоречий в политике. Без жесткой ориентации целей мирового развития (что уже невозможно), вся система будет стремиться к наращиванию хаоса. Полагаю, что для такой мировой макросистемы справедливы выводы, сформулированные Мансуром Ллойдом Олсоном в его работах по теории общественного выбора и логике коллективных действий (Олсон, 1995). Такие глобальные структуры, как ООН, стали вместо носителей и организаторов глобальных целеориентирующих воздействий генераторами лозунгов. А из «Логики коллективных действий» следует, что: малые группы (стран) эффективнее больших; ... в том числе за счет перераспределения создаваемых благ в свою пользу; ... за счет меньших инфраструктурных и транзакционных издержек; ... за счет большего веса каждого из участников малой группы в принимаемых решениях (нет «эффекта безбилетника»).

В указанных условиях представляется полезным и перспективным поиск решений для поддержки и стимулирования кристаллизации малых групп стран. Представляется, что основой кристаллизации групп стран по интересам может выступать кластерная политика как основа институционального решения по объединению взаимодополняющих возможностей для получения устойчивой системы производства товаров, услуг, исследований и разработок и т.п. Совместное участие в формировании различных межстрановых кластеров не ведет к функциональной специализации стран-участников и не ведет к потере контроля над своими отраслями и видами деятельности. Идея кластеризации – возможность использования своих лучших возможностей в различных кластерах, во взаимоотношениях с различными

странами, что повышает устойчивость и конкурентоспособность каждого из участников. Логика кластеризации межстрановых отношений стимулирует проведение кластерной политики и внутри стран-участников.

За последнюю четверть века в России неоднократно поднимались вопросы планирования комплексного развития территорий и, в частности, проведения кластерной политики (в советской терминологии – территориально-производственных комплексов, ТПК). Существует ряд инициатив по нормативно-правовому и институциональному оформлению кластерной политики. В числе материалов, характеризующих и популяризирующих кластерную политику, а также предлагающих ее правовое оформление и демонстрирующих ряд лучших кейсов, можно отметить следующее:

- Научно-методические материалы «Инновационные кластеры – лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня» (Исланкина, Куценко, Рудник, Шадрин, 2017);
- «Кластерная политика. Концентрация потенциала для достижения глобальной конкурентоспособности» (доклад Минэкономразвития России) (2, 2015);
- Методические материалы по созданию промышленных кластеров (3, 2017);
- Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации: направления реализации программ развития (5, 2015);
- Производственные кластеры и конкурентоспособность региона (6, 2010) и др.

Среди зарубежных источников особого внимания заслуживают: The Cluster Initiative Greenbook (2003); The Cluster Policies Whitebook (2004); The World Bank – Clusters for Competitiveness (2009).

Названные источники и множество других демонстрируют высокую эффективность функционирования кластеров, их устойчивость в условиях динамических изменений, способность адаптироваться к новым вызовам в силу особенностей системы взаимоотношений и интересов всех участников и заинтересованности в достижении общих для кластера целей каждым из участников. Логика создания международных, межрегиональных, межотраслевых кластеров (ТПК) заслуживает серьезного внимания как с точки зрения формирования механизмов стратегического планирования развития территорий, так и с позиций развития международных отношений.

Список литературы

1. Исланкина Е. А., Куценко Е. С., Рудник П. Б., Шадрин А. Е. Инновационные кластеры – лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня: методические материалы // Минэкономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 132 с. (Исланкина, Куценко, Рудник, Шадрин, 2017)
2. Кластерная политика. Концентрация потенциала для достижения глобальной конкурентоспособности: Доклад Минэкономразвития России. СПб.: Изд. дом «Корвус», 2015.
3. Методические материалы по созданию промышленных кластеров / В. Л. Абашкин, С. В. Артемов, Е. А. Исланкина и др.; Минпромторг России, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 80 с.
4. Олсон М. Л. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. Пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.

5. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации: направления реализации программ развития / под ред. Л.М. Гохберга, А.Е. Шадрина // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2015. 92 с.
6. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона: монография / колл. авт. под рук. Т.В. Усковой. Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2010. 246 с.

Проблемы национальной безопасности в условиях глобальной трансформации миропорядка

Сухарев А.И.

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются современные западные концепции глобальной безопасности в условиях трансформации мирового порядка, включая теорию взаимозависимости, кооперативной и инклюзивной безопасности. Отмечается их агрессивная антироссийская направленность на основе провокационных милитаристских методов с целью дестабилизации обстановки на границах России. Дается оценка евроатлантической солидарности, нацеленной на маргинализацию самого понятия безопасности с использованием возрождаемого нацизма и фашизации общественного сознания.

RESUME

This article is devoted to analysis of the Western concepts of global security, including theory of co-dependency, cooperative and inclusive security. Anti-Russian tendencies, based on military provocation and destabilization of situation in the neighboring countries, are under consideration. It's stated that the so-called Transatlantic solidarity is targeting regional security, using neo-Nazism ideology for molding public opinion.

Ключевые слова: Теория взаимозависимости, кооперативной и инклюзивной безопасности, русофобия, конфликт хаоса и стабильности, либеральные и традиционные ценности, милитаризм как один из методов постковидной «перезагрузки»

Key words: Theory of co-dependency, cooperative and inclusive security, Russo-phobia, conflict between chaos and stability, liberal and traditional values, Post-Covid Great Reset

Сухарев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры «Международное сотрудничество» Факультета маркетинга и международного сотрудничества Института управления и регионального развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия, aisoukharev@gmail.com

Alexander I. Sukharev, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department «International Cooperation», Faculty of Marketing and International Cooperation, Institute of Management and Regional Development Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, RANEPA, Moscow, Russia, aisoukharev@gmail.com

Главная проблема теоретического осмысления международной безопасности заключается в том, что, несмотря на целый ряд разработанных и выборочно действующих концептуальных подходов к созданию универсальной, солидарной модели бесконфликтного и не конфронтационного мироустройства, такой системы на глобальном уровне научно-исследовательская мысль так и не выработала.

Безопасность в реалистической трактовке представляет собой не мир без опасностей, а способность коллективных субъектов и государственных акторов международных отношений дать адекватный ответ на существующие и потенциальные вызовы исторического процесса, на непосредственные угрозы

стабильности и устойчивому развитию человеческого сообщества. Анализ и оценка феномена безопасности могут быть осуществлены только через осмысление сущностных характеристик ее антитезы – опасности, которая в мировой политике включает в себе взаимосвязанную триаду вызовов, рисков и угроз.

В условиях анархичности международной среды теоретические концепты в сфере международной безопасности, даже закрепленные в правовом поле, расходятся, как правило, с практикой. Но главное – потерялся смысл системы единой неделимой безопасности. Безопасность приобрела конъюнктурный и фрагментарный характер: западный конгломерат механизма управления глобальным пространством со своим либеральным проектом сформировал свои нормы и критерии безопасности.

В теории международных отношений на этот объективный и изначально унифицированный базовый постулат накладывается многофакторное и, как правило, доминирующее явление групповых (коалиционных) и индивидуальных (государственных) интересов, которые априори ведут к возникновению межсубъектных противоречий, коллизий, столкновений, в том числе на цивилизационном уровне. Не способствует процессу создания единого мирового пространства безопасности и внедренная в политическую теорию и практику международных отношений дискриминационная по своей сути стратификация стран на ведущее ядро во главе с гегемонистским абсолютом США и их односторонней трактовкой международного порядка, а также на государства полупериферии и периферии. К последней категории относится многообразный класс стран «переходного периода», «несостоявшихся» или «ревизионистских» государств, национальные интересы которых не должны приниматься в расчет. Именно поэтому до сих пор актуально образное выражение о том, что безопасный глобальный мир согласия и доверия является временным этапом между последующими конфликтами государств в отстаивании своих интересов.

Ревизия предыдущих парадигм международной безопасности была начата неолибералами еще в 1989 г., когда американские исследователи Дж. Най и Р. Кохэйн выдвинули теорию взаимозависимости (Keohane, Nye 1977: 199-215). За основу в соответствующей интерпретации – «кто не с нами, тот против нас» – был взят главный тезис о том, что угрозу безопасности представляют те участники международных отношений, которые отказываются от сотрудничества, нарушают общепринятые моральные и правовые нормы.

В политический лексикон и в практику современных международных отношений вошли такие устойчивые понятия, как гибридные, опосредованные, криогенные (с низким градусом «холодного мира»), информационные, торгово-экономические войны на основе санкционного принуждения, «гуманитарные интервенции» во имя борьбы со странами ревизионистами, изгоями, конкурентами, посягающими на прогресс в строительстве нового мирового порядка в координатах западноцентричного мира.

Системная модель концепции кооперативной безопасности, разработанная исследователями Бруклинского университета США, основывается на особой роли международных институтов и правовых нормах с целью формирования легитимного механизма сдерживания агрессии путем создания встречных угроз и наказания

агрессора. Исходя из главной задачи по созданию консолидированного мирового сообщества государств по обеспечению глобальной безопасности, это направление вошло в научную терминологию как «партиципативная безопасность».

2020 г. ознаменовал собой новый этап теоретико-методологических дискуссий по поводу мироустройства и системы глобальной безопасности в постковидную эпоху. Концептуальное обоснование «великой перезагрузки» и утверждения глобальной системы «инклюзивного капитализма» нашло свое отражение в программном исследовании Клауса Шваба и Тьерри Малльре «Ковид-19: Великая перезагрузка» (Schwab, Malleret, 2020) Понятие «инклюзивности» (т.е. включенности для всех «своих») авторы позаимствовали у Линн де Ротшильд, которая на конференции высокого уровня в Лондоне еще в мае 2014 г. озвучила глобальную инициативу инклюзивного (всеобъемлющего) капитализма.

За последующие шесть лет данная инициатива получила свое организационное оформление в виде создания целого ряда неформальных объединений крупного бизнеса и транснациональных компаний. В частности, в контексте идеологии строительства новой модели капитализма, начал работать американский Круглый стол бизнеса (Business Roundtable, BRT), представляющий ведущие корпорации США. А в 2018 г. была создана международная некоммерческая организация «Коалиция за инклюзивный капитализм» (Coalition for Inclusive Capitalism, CIC). В декабре 2020 года на встрече в Нью-Йорке Коалиция заключила соглашение о создании Совета по инклюзивному капитализму с Ватиканом (The Council for Inclusive Capitalism with The Vatican, CICV) и получила благословение Папы Римского на усилия по созданию инклюзивного капиталистического процветания с «человеческим лицом».

В руководящий орган Совета по инклюзивному капитализму с Ватиканом входит 27 VIP-персон, которые контролируют финансовые активы на сумму более 12 трлн долларов США и управляют компаниями в 163 странах с персоналом в 200 млн сотрудников.

Идеологемы нелиберального толкования об основополагающей роли и приоритете ценностных ориентиров объединяет широко трактуемый принцип инклюзивности и свободный выбор всех государств присоединяться к мейнстриму движения за безопасный мир, если только внешняя и внутренняя политика этих стран соответствует духу предложенной модели кооперативной безопасности, и они готовы предметно участвовать в установлении и внедрении ее правил. В реальной политике это выглядит, скорее, как эксклюзивная, идеологически обусловленная апологетика, т.к. инклюзивность не распространяется на Россию, Китай, Иран и других ревизионистов по классификации США.

В этой ситуации США, отбросив все принципы международной безопасности, обратился к апробированному сценарию военной «перезагрузки» в Европе вкупе с кумулятивным эффектом последствий пандемийного кризиса. Ведущие страны Евросоюза на данном этапе консолидировались в пользу долгосрочной стратегии Евроатлантизма, что во многом объясняет очевидный алогизм и нерентабельность их политики в фарватере конфликтногенной политики США на европейском континенте.

Социально-политическая почва для этого в виде вновь востребованной нацистской идеологии было уже подготовлена. Еще в период 2004-2007 гг. в ряде западноевропейских стран и в государствах Прибалтики прошла серия семинаров для активистов оппозиционных движений Украины, Беларуси, России, Молдовы. Одна из рекомендаций западных наставников касалась методик «управления агрессивностью», формирования и «разогрева» мотивационной сферы протестности по модели стимулирования «когнитивного диссонанса в триаде «могу – хочу – имею». В технологический цикл разогрева в качестве обязательной составляющей было включено создание сетевых мобильных групп активистов «ударного порядка», т.е. фактически аналога нацистских штурмовых отрядов, которые должны генерировать среду «конфликтности и отчужденности» и пещерной русофобии.

По мнению британского историка Дж. Локланда, русофобия – важнейшая политическая проблема нашей эпохи. Она включает в себя, во-первых, органическую связь между русофобией и европейским единством на протяжении веков.

Во-вторых, это конфликт хаоса и стабильности. США и их европейские союзники проводили политику хаоса на международном уровне, целенаправленно поддерживая цветные революции и военные интервенции. Россия же проявила себя в глобальной политике как противник этой политики хаоса, как государство, воплощающее порядок и приверженность к международным нормам.

И в-третьих, это отказ западных обществ от традиционных ценностей. Россию ненавидят потому, что она воплощает традиционный взгляд на общество, поскольку либерализм на Западе полностью разрушил и продолжает разрушать эти ценности». (Локланд, 2019).

В начале 2014 г. на юбилейном заседании Бильдербергского клуба была определена консолидированная позиция западных элит по следующим векторам политики трансатлантического альянса:

1. Констатируя, что оформление Евразийского экономического союза несет прямую угрозу не только западным интересам, но и всем принципам сложившегося миропорядка, было признано актуальным затормозить процесс евразийской интеграции, создать среду бесперспективности этого союза, используя различные формы давления на его участников.

2. Провести модернизацию блока НАТО, сделав акцент на изменение концепции политики передового базирования и подходов к роли так называемых сил быстрого наземного реагирования (развертывания).

3. Продолжить тактику усиления зоны отчуждения и эскалации кризисного контура на границах России с использованием украинского фактора и правовым закреплением статуса Украины как «регионального союзника».

4. Определить в этом контексте новые военно-политические и пропагандистские задачи для стран «сопровождающего влияния» (Польша как координатор политики в восточноевропейском ареале); государства Балтики; Румыния, Болгария, Грузия – по Черному морю; Азербайджан – с зоной ответственности по каспийскому бассейну).

По сути, это было принципиальное обоснование стратегии западных стран не только по нивелированию геополитических интересов Москвы, но и в целом по исключению России из глобальной системы международной безопасности.

Самым, пожалуй, всеобъемлющим документом антиевразийской (а не только антироссийской) направленности является закон Конгресса США 2277 о противодействии агрессии России в отношении Украины, который концептуально поставил задачу борьбы против россиецентричной «оси зла» и оформил долгосрочную программу сдерживания Евразийского проекта с опорой на регионального союзника в лице Украины.

Вторым по значимости документом, фактически определяющим Россию прямым, а Китай потенциальным конкурентом и противником, стал доклад Директора по национальной разведке США, в котором был дан однозначный прогноз о том, что Российская Федерация, расширяя свою мощь и влияние, «реализует повестку дня, бросающую вызов американским интересам и подрывая позиции США в мире» (1, 2018).

Там же отмечается, что «Мир становится все более размытым. Новые объединения и неформальные сети за пределами традиционных блоков силы и национальных правительств будут все большее влиять на экономические и социально-политические дела в мире». Примечательно, что эта оценка получила свое практическое воплощение в деятельности Иммиграционной службы США (одного из 16 органов американского разведсообщества), которая запустила программу привлечения иммигрантов в частные военные компании (ЧВК) и в качестве добровольцев для участия в «горячих точках», предлагая им взамен вид на жительство в США на льготных условиях (вариант иммиграционной лотереи).

Ключевые смыслы выбранной США политической линии были конкретизированы в новой оперативной стратегии Пентагона под названием «Победа в сложном мире» (5, 2015), которая пришла на смену предыдущей концепции «Воздушно-наземных операций» (Air-Land Battle). Базовый принцип этой стратегии, в которой Россия и Китай определены как «державы-конкуренты», это – «воевать с малоизвестным врагом в незнакомой обстановке против множества непрямых угроз», к которым отнесены экстремистское движение в Ираке, опасная нестабильность в Северной Корее и агрессия России в Восточной Европе. Примечательна выдержка из этого документа: «Россия расширила свою территорию и использовала наземные силы инновационным способом, чтобы аннексировать Крым и дестабилизировать обстановку в Украине, избежав при этом силовой реакции со стороны НАТО. Чтобы вовремя нейтрализовать подобную разновидность агрессии, надо творчески подойти к использованию наземных сил, способных противостоять российской армии и ее нерегулярным агентам. Без новой тактики для наземных сил НАТО такие авантюры будут продолжаться».

Следует отметить, что к вводимому США режиму прогнозирования эскалации региональных и локальных вооруженных конфликтов косвенно присоединились и структуры ООН. Впервые с 2000 г. возобновила свою работу комиссия ООН по миротворческой деятельности, что мотивировалось «меняющимся характером горячих конфликтов, ростом негосударственных субъектов, принимающих участие в боевых действиях» (почти цитата из доклада Директора по национальной разведке).

Таким образом, США концептуально и институционально оформили новую редакцию внешнеполитической доктрины жесткого противостояния, в связи с

чем миротворческой логики от них ждать не приходится. Надо признать, что США получили для этого серьезный и, по всей вероятности, долгосрочный военно-стратегический ресурс в лице пришедшего к власти в Украине праворадикального режима.

В заключение необходимо выделить ряд факторов, имеющих непосредственное отношение к проблемам международной безопасности.

Во-первых, система глобальной безопасности как никогда ослаблена, раздроблена и деформирована, в связи с чем внутренние и внешние угрозы с применением вооруженных сил не снижаются, а возрастают.

Во-вторых, расширение масштабов миграционных процессов, как в регионе нашей ответственности, так и во всем мире объективно сопровождается маргинализацией климата региональной безопасности, что потенциально скажется на росте преступности, в т.ч. и с применением силы.

В-третьих, необходимо новое издание моделей взаимозависимости, форматов многосторонней региональной кооперации в сфере безопасности и совместного управления рисками.

Список литературы

1. Доклад главы Национальной разведки США — по пунктам (15.02.2018). URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/02/15/doklad-glavy-nacionalnoy-razvedki-ssha-po-punktam>.
2. Локланд Д. Выступление на конференции. Лондон. 2019 // Rusaker.ru. 8 декабря 2020 г. URL: <http://rusaker.net/analysis/>.
3. Keohane R. O., Nye J. S. Complex of Interdependence and the Role of Force [1977] // Art R. J., Jervis R. (eds.) International Politics. P.199-215.
4. Schwab K., Malleret T. Covid-19: The Great Reset. July 9, 2020 URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf>.
5. The Army Operating Concept 2020–2040: Winning in a Complex World // Defense report of 2 March 2015. URL: <https://www.ausa.org/sites/default/files/DR-15-1-The-Army-Operating-Concept-2020-2040-Winning-in-a-Complex-World.pdf>.

Роль культуры и науки в гуманитарной дипломатии

Табаринцева-Романова К.М.

АННОТАЦИЯ

Представленные тезисы содержат краткую характеристику роли культуры и науки в гуманитарной дипломатии. В теоретической части дается на основе проработки российских научных исследований обобщенное видение следующих понятий: гуманитарная политика, гуманитарная дипломатия, международное гуманитарное сотрудничество. Далее, на примере деятельности ЮНЕСКО по включению культуры и науки в повестку гуманитарной деятельности делается вывод о том, что на современном этапе эти две сферы человеческой деятельности стали неотъемлемой частью не только гуманитарной дипломатии, но и международных отношений в целом. Общее заключение сводится к следующему: принимая во внимание опыт и наработки профильных международных организаций необходимо выработать унифицированное понятие гуманитарной политики, дипломатии и гуманитарного сотрудничества в российском политологическом дискурсе, а также активно пользоваться культурным и научным инструментарием в реализации внешнеполитической деятельности.

RESUME

The presented theses contain a brief description of the role of culture and science in humanitarian diplomacy. In the theoretical part, based on the development of Russian scientific research, a generalized vision of the following concepts is given: humanitarian policy, humanitarian diplomacy, international humanitarian cooperation. Further, using the example of UNESCO's activities to include culture and science in the agenda of humanitarian activities, it is concluded that at the present stage these two spheres of human activity have become an integral part of not only humanitarian diplomacy, but also international relations in general. The general conclusion is as follows: taking into account the experience and developments of specialized international organizations, it is necessary to develop a unified concept of humanitarian policy, diplomacy and humanitarian cooperation in Russian political science discourse, as well as actively use cultural and scientific tools in the implementation of foreign policy activities.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия, научная дипломатия, ЮНЕСКО, международные отношения, гуманитарная политика, гуманитарное сотрудничество

Key words: humanitarian diplomacy, scientific diplomacy, UNESCO, international relations, humanitarian policy, humanitarian cooperation

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, УрФУ, Екатеринбург, Россия, kmromanova@mail.ru

Ksenia M. Tabarintseva-Romanova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, kmromanova@mail.ru

Современные геополитические реалии меняют и исследовательский политологический дискурс. Мы наблюдаем трансформацию понятий гуманитарная политика, гуманитарная дипломатия, международное гуманитарное сотрудничество. Естественно, такие метаморфозы не происходят в одночасье. Последние годы российские исследователи активно занимаются «ревизией» вышеуказанных понятий. Анализ работ таких авторов как: Зонова Т. В. (Зонова, 2013), Громогласова Е. А. (Громогласова, 2018), Великая А. А. (Великая, 2012), Русакова О. Ф. (Русакова, 2017), Бохан А. С. (Бохан, 2021) позволяет сделать соответствующие выводы: 1) все чаще происходит расширение трактовки «гуманитарный»: от оказания гуманитарной

помощи в условиях конфликта или стихийный бедствий к всему тому, что делает личность главным объектом проводимой политики, т.е. предметное поле такой интерпретации складывается из следующих элементов: права человека, реализация целей устойчивого развития ООН, культура, наука, спорт, работа с молодежью (акцент делается на различные волонтерские программы) и т.п. Как следствие гуманитарная дипломатия становится зонтичным концептом с элементами полимодальности. В представленной работе мы предлагаем использовать следующие определения, свойственные российскому дискурсу (в зарубежных практиках чаще используется определение культурный вместо гуманитарный; а для определения гуманитарной политики чаще используется подход МККК: обеспечение лучшей защиты и помощи людям, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия):

- гуманитарная политика – на настоящий момент, к сожалению и удивлению, нет универсального и консолидированного определения данного понятия; можно опираться на определение Е. Примакова «гуманитарная политика есть инструмент государства в идеологической сфере, смысловом поле, влияния и интересов, одним из средств формирования такого влияния»;
- гуманитарная дипломатия – это комплекс мероприятий, обладающих характеристиками, присущими традиционной дипломатии, используемыми для инициации и реализации программ, проектов, инструментов, необходимых для защиты интересов уязвимых слоев населения, с привлечением широкого круга акторов – государства, межнациональных структур, бизнеса, меценатов, институтов образования, культуры, здравоохранения и иного гуманитарного сотрудничества;
- международное гуманитарное сотрудничество является уже результатом, неким продуктом гуманитарной политики и дипломатии (поэтому напрямую зависит от понимания первых двух), поскольку само определение сотрудничества не предполагает политических распрей и пропаганды/контрпропаганды, хотя, как показывает практика, гуманитарное сотрудничество все больше подвергается политизации и милитаризации.

Рассмотрим кратко отдельно роль культуры и науки (подробнее осветим тему научной дипломатии, т.к. ее изучение является наиболее актуальным на современном этапе) в гуманитарной дипломатии, исходя из выше представленных теоретических ремарок.

Культура становится неотъемлемым элементом внешнеполитической деятельности. За последнее десятилетие она прочно вошла как в политический дискурс, так и в стратегии, доктрины государств и международных организаций (например, ЮНЕСКО, ЕС). Под культурой на универсальном уровне понимается комплекс особых духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных характеристик общества или социальной группы, которые охватывают не только искусство и литературу, но также образ жизни, уклад совместного проживания, системы ценностей, традиции и верования (9, 2009). Культура структурно включает в себя все «мирные» средства реализации внутренней и внешней политики. Культура становится неким гибридным конструктом: одно и то же восприятие и понимание

культуры функционируют внутри национального государства и международной организации (меняется только уровень применения набора базового операционного инструментария использования культуры: локальный – государственный – региональный – глобальный) и практически в таком же виде они эксплицируются вовне на международную арену (создание внешнеполитического образа, реализация культурной дипломатии и др.).

Наука является мощным ресурсом «мягкой силы» государства или международной организации. Напомним, что согласно Рекомендации ЮНЕСКО в отношении научной деятельности и научных работников (исследователей) 2017 г. под «наукой» понимается деятельность, в ходе которой человечество, действуя индивидуально, малыми группами или большими коллективами, пытается в организованном порядке, на основе сотрудничества и конкуренции выявить и осознать цепочки причинно-следственных связей, отношений или взаимодействий на основе объективного изучения наблюдаемых явлений и проверки его результатов путем обмена выводами и данными и их коллегиального анализа, увязывает друг с другом и сводит воедино подсистемы (7, 2017). Научные интересы государства реализуются как в рамках традиционной, так и в публичной и культурной дипломатии. Чаще всего научная дипломатия реализуется «вторым треком», а именно через участие ученых в официальных переговорах и посредничестве. Научная дипломатия и международное научное сотрудничество пересекаются, но необязательно преследуют одни и те же цели. В то время как целью международной науки является производство знаний, приоритетной задачей научной дипломатии становится использование науки для продвижения национальных интересов государства, поскольку дипломатия – это все же процесс продвижения интересов страны на международной арене. Эти национальные интересы (вопросы безопасности, торговли, доступ к новым технологиям и др.) можно продвигать на различных уровнях с помощью науки. Также под пристальное внимание попадают реализация эффективного управления общими ресурсами, например, трансграничными водными вопросами; и решение глобальных проблем: изменение климата или загрязнение океана. Отдельные инициативы призваны стимулировать сотрудничество и диалог между учеными, чьи отдельные страны находятся в конфликте, возможно, принося дипломатические выгоды в дополнение к развитию науки. Напомним, что в структуре МИДа некоторых государств есть отдельная должность научного атташе. Таким образом, как мы видим, культура и наука прочно вошли в дипломатическую деятельность государств и организаций.

Теперь кратко рассмотрим, как реализуются эти две сферы (и соответственно, научная и культурная дипломатии) связанные с расширенным толкованием гуманитарной дипломатии на примере деятельности ЮНЕСКО.

Научную дипломатию ЮНЕСКО можно оценить с точки зрения вертикальных и горизонтальных сетей. Примером успешного «вертикального» взаимодействия является создание Справочника ЮНЕСКО по науке, который соединил между собой высшие уровни ЮНЕСКО и образование в школах. Международные научные программы являются примером «горизонтального» сотрудничества: субнациональные организации, занимающиеся наукой, взаимодействуют друг с

другом. Отметим, что легче сотрудничать в естественных науках, которые можно назвать «нейтральными», в то время как гуманитарные (в частности, политология и современные международные отношения, права человека и биоэтика) исследования могут иметь политизированный и идеологический характер.

В ноябре 2021 г. были опубликованы Рекомендации ЮНЕСКО по открытой науке (6, 2021), которые направлены на обеспечение международной основы для ее реализации; признаются дисциплинарные и региональные различия в перспективах развития открытой науки. Она учитывает академическую свободу, гендерно-преобразующие подходы и конкретные проблемы ученых и других участников открытой науки в разных странах и, в частности, в развивающихся странах, и способствует сокращению разрыва в цифровых технологиях и знаниях, существующего между странами и внутри стран.

Однако в резкой критике научных программ ЮНЕСКО отмечается, что «ЮНЕСКО со временем утратила доверие к своему руководству как к международному представителю науки, и ее программы теперь рассматриваются научным сообществом как фрагментированные, чрезмерно амбициозные, несфокусированные и лишённые четкого видения и научной стратегии» (10, 2009). Кроме того, ЮНЕСКО, как и другие межправительственные организации, отражает политические прерогативы государств-членов.

Говоря о культуре, наиболее актуальным и отличающимся новизной вопросом стал отклик на защиту нематериального наследия. Нематериальное культурное наследие во всем мире больше всего страдает от чрезвычайных ситуаций, включая конфликты и стихийные бедствия. С одной стороны, чрезвычайные ситуации непосредственно угрожают практике и передаче нематериального культурного наследия, которое обеспечивает основу для самобытности и благополучия людей. С другой стороны, «живое» наследие является ценным ресурсом, который сообщества могут использовать для повышения своей устойчивости и способности готовиться к различным типам чрезвычайных ситуаций, реагировать на них и восстанавливаться после них. Так, ЮНЕСКО опубликовала новую брошюру под названием «Живое наследие и чрезвычайные ситуации», в которой рассматривается подход ЮНЕСКО к чрезвычайным ситуациям, основывающийся на оперативных принципах и методах защиты нематериального культурного наследия в чрезвычайных ситуациях. Также представлены несколько форм поддержки, доступных для стран, пострадавших от чрезвычайных ситуаций, таких как механизм международной помощи, Чрезвычайный фонд наследия и программа наращивания культурного потенциала. Например, во время пандемии COVID-19 многие элементы «живого наследия» были адаптированы для поддержки и усиления мер общественного здравоохранения, связанных с COVID-19. Так, художники в Перу использовали традиционный дизайн и методы для создания масок для лица. В Шри-Ланке представления марионеток на веревочках рассказывали истории о заключении и социальном дистанцировании, в то время как в Сенегале Канкуранг, мифическая фигура, почитаемая за обеспечение порядка и справедливости, обычно воплощенная танцором в маске, был замечена шествующей по улицам, соблюдая деревенский комендантский час (11, 2022).

Еще одним примером коллаборации культуры и науки стала Всемирная сеть биосферных заповедников, которая способствует гармоничной интеграции людей и природы в интересах устойчивого развития; обмену знаниями; сокращению масштабов нищеты и улучшению благосостояния людей; уважению культурных ценностей и способности общества справляться с происходящими изменениями. К тому же Всемирная сеть биосферных заповедников способствует сотрудничеству по линии Север-Юг и Юг-Юг и представляет собой уникальный инструмент международного сотрудничества путем обмена знаниями, опытом, наращивания потенциала и продвижения передовых практик.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ЮНЕСКО на универсальном уровне активно пропагандирует неоспоримую роль культуры и науки (предлагает свои дефиниции этих областей), также стремится предоставить максимум защиты культуры и науки во время конфликтов и стихийных бедствий, развить и поддержать эти направления в бедных странах, однако, к сожалению, ЮНЕСКО все-таки является политическим инструментом воздействия на ряд стран.

Общий итог сводится к тому, что, опыт ЮНЕСКО (инструментарий и набор мероприятий) показал, что в международной практике культура и наука становятся неотъемлемой частью гуманитарной дипломатии. Можно предположить, что в дальнейшем такая тенденция отразится и на национальном уровне: государства обновят или создадут новые стратегии/доктрины по собственной гуманитарной политике; в научном поле будут выработаны общие подходы к пониманию гуманитарной политики и дипломатии, основанные на гуманистических традициях в сочетании с правами человека.

Список литературы

1. Бохан А. С. Гуманитарная политика России на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства, 2021. Вып. 8(1). С. 152-162. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-152-162>.
2. Великая А. А. Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов // Право и управление. XXI век. 2012. № 3 (24). С. 63-72.
3. Громогласова Е. С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования.– М., 2018.
4. Гуманитарная миссия России. URL // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/gumanitarnaya-missiya-rossii/> (дата доступа: 02.05.2022).
5. Зонova Т. В. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы» / Российский совет по международным делам. 23 мая 2013 г. URL // : <http://russiancouncil.ru/analyticsandcomments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvorossii-i-evropeyskogosoyuza-ka> (дата доступа: 02.05.2022).
6. Проект рекомендации по открытой науке от 8 сентября 2021г. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378841_rus.
7. Рекомендация в отношении научной деятельности и научных работников (исследователей). URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260889_rus.page=149.
8. Русакова О. Ф., Русаков В. М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 65–66.
9. Система статистики культуры ЮНЕСКО–2009(ССК). URL: [http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/unesco-framework-for-cultural-statistics-2009-ru.pdf#:~:text=Определение%20культуры.%20ЮНЕСКО%20определяет%20культуру,традиции%20и%20верования%20\(ЮНЕСКО%2C%202001\).](http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/unesco-framework-for-cultural-statistics-2009-ru.pdf#:~:text=Определение%20культуры.%20ЮНЕСКО%20определяет%20культуру,традиции%20и%20верования%20(ЮНЕСКО%2C%202001).)
10. What's wrong with UNESCO. URL: <https://www.nature.com/articles/461447a.pdf>.
11. Living heritage and emergencies 10. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/54777-EN.pdf>.

К вопросу об оценке устойчивого развития и ESG-критериях в новых условиях

Филатова О.В.

АННОТАЦИЯ

Обострившиеся в последнее время антироссийские настроения способствовали изменению подходов к оценке устойчивого развития и ESG-критериев в российских организациях. В сложившейся ситуации целесообразно разработать собственные механизмы управления устойчивым развитием. Причина необходимости продолжения разработки кроется в потребности постепенного развития государства посредством гармонизации экономических, социальных и экологических направлений. В данном исследовании автор рассматривает необходимость разработки отечественных критериев устойчивого развития, целесообразность адаптации зарубежных методик и существования национальной унифицированной системы нефинансовой отчетности.

RESUME

The recently aggravated anti-Russian sentiments have contributed to a change in approaches to assessing sustainable development and ESG criteria in Russian organizations. In this situation, it is advisable to develop our own sustainable development management mechanisms. The reason for the need to continue development lies in the need for the gradual development of the state through the harmonization of economic, social and environmental areas. In this study, the author considers the need to develop domestic criteria for sustainable development, the feasibility of adapting foreign methods and the existence of a national unified system of non-financial reporting.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG-критерии, методики оценки

Keywords: sustainable development, ESG criteria, assessment methods

Филатова Ольга Викторовна, кандидат социологических наук, заместитель директора Научно-образовательного центра устойчивого развития РАНХиГС, Москва, Россия, o.filatova87@gmail.com

Olga V. Filatova, Candidate of Sociological Sciences, Deputy Director of the Scientific and Educational Center for Sustainable Development, RANEPA, Moscow, Russia, o.filatova87@gmail.com

Антироссийские настроения, связанные со спецоперацией России на Украине и доминирующие в западной международной повестке, способствовали изменению подходов в оценке тех или иных событий и явлений, и политическим ограничениям, в том числе в таких сферах, как экономика, право, наука, культура, спорт и др. Враждебность в оценках деятельности России переносится на все, что происходит в стране, на все, что создается сейчас и создано ранее в России. Это необходимо учитывать, когда речь идет о внешних оценках устойчивого развития и ESG-критериев в Российских организациях. Новые условия характеризуются не только предвзятостью внешних оценок, но и необходимостью интенсивного социально-экономического развития в условиях беспрецедентного санкционного давления. Такое развитие должно иметь понятную и непротиворечивую концепцию и стратегические ориентиры и иметь социальную поддержку. Представляется,

что идея устойчивого развития как триединства экономического, социального и экологического аспектов жизнедеятельности могла бы стать основой такой концепции. Все это требует дальнейшего осмысления и исследования, в том числе в части разработки механизмов управления устойчивым развитием путем создания методик оценки такого развития применительно к территориям и к организациям и унифицированных национальных стандартов нефинансовой отчетности.

Изменение внешнеполитических условий дает основания для переосмысления механизмов устойчивого развития и применения ESG-критериев и подходов к оценке прогресса в этом направлении. На сегодняшний день применяются международные инструменты оценки устойчивого развития (такие международные рейтинги, как Morgan Stanley Capital International ESG Rating (MSCI) (5, 2022), Sustainalitics'ESG Risk Ratings (6, 2022), SDG Index & Monitoring, Sustainable Development Solutions Network и др.) и международные стандарты отчетности (например, проект раскрытия информации об углеродных выбросах – The Global Sustainability Standards Board (9, 2022), Carbon Disclosure Project (1, 2022), Sustainability accounting Standards Board, SASB (7, 2022), International Sustainability Standards Board и др. (4, 2022)). Каждая методика имеет свою специфику и привязана к субъекту оценки, который, как правило, является американской или европейской организацией. Можно предположить, что в текущей международной обстановке оценки российских компаний будут либо экстремально низкими, либо их не будет вовсе по причине отказа от сотрудничества с Россией.

Вместе с тем существуют и российские методики оценки: индексы в области устойчивого развития Российского союза промышленников и предпринимателей и Мосбиржи (2, 2022), рейтинги Национального кредитного агентства (10, 2021), ESG-рэнкинг RAEX (3, 2022). Что касается российских стандартов нефинансовой отчетности, в июле 2021 г. появились рекомендации Центробанка РФ по раскрытию ПАО нефинансовой информации (11, 2022), которая включает информацию по ESG-критериям. Безусловно, перечисленные методики не дают основания полагать, что на сегодняшний день в России уже сложилась собственные механизмы управления устойчивым развитием. Мы еще только в начале пути. Однако, этот путь представляется целесообразным в сложившейся ситуации необходимости быстрого, форсированного и разноректорного развития.

В актуальной ситуации возникают вопросы о необходимости разработки отечественных критериев устойчивого развития и целесообразности адаптации зарубежных методик, а также о необходимости национальной унифицированной системы нефинансовой отчетности. Представляется, что актуальность устойчивого развития как концепта будет только возрастать. И причина не в необходимости отчетности перед международными организациями, а в потребности обеспечения поступательного развития страны путем гармонизации экономического, социального и экологического векторов.

Крайне востребованным представляется социальное направление, поскольку запрос на социальное развитие в обществе существует, но устойчивое развитие и ESG традиционно ассоциируется в основном с экологической тематикой, поэтому тематика устойчивого развития чаще всего реализуется именно через экологическую

повестку. Социальное направление при этом остается в стороне или не ассоциируется с устойчивым развитием и ESG.

Для того, чтобы устойчивое развитие и ESG не оставались абстрактными благими пожеланиями, нужны механизмы управления на основе концепции устойчивого развития и ESG-критериев, в том числе инструменты оценки «движения» территории или организации в направлении устойчивого развития, а также унифицированные стандарты отчетности для удобства сопоставления данных и идентификации трендов и «узких мест». Такие механизмы могут быть основаны на адаптации существующих в международной практике инструментов оценки устойчивого развития и стандартов отчетности с учетом историко-географической специфики и текущих реалий социально-экономического развития регионов, особенностей их деловой среды и отраслевой специализации. Формирование унифицированной системы нефинансовой отчетности позволит сделать такую отчетность сравнимой, а в случае, если она приобретет обязательный характер, может способствовать расширению практик социально-ответственного поведения отечественных организаций.

Таким образом, новые условия, неблагоприятные с точки зрения международно-политической конъюнктуры, можно считать катализатором для изменения социальной среды и институциональных условий для развития страны. Ориентация на устойчивое развитие и ESG-критерии в деятельности бизнеса может способствовать созданию благоприятной среды для социокультурных изменений и поддержки национальной экономики лишь в том случае, если будет поддержана адекватными механизмами реализации в виде методик оценки и систем отчетности. Для формирования таких механизмов требуются дальнейшие исследования с возможностью практической апробации результатов.

Список литературы

1. Carbon Disclosure Project. URL: <https://www.cdp.net/en>.
2. ESG-индексы и рейтинги РСПП в области устойчивого развития. URL: <https://rspp.ru/activity/social/indexes/>.
3. ESG-рэнкинг RAEX. URL: https://raex-rr.com/esg/ESG_rating.
4. International Sustainability Standards Board. URL: <https://www.ifrs.org/groups/international-sustainability-standards-board/>.
5. Morgan Stanley Capital International ESG Rating (MSCI). URL: <https://www.msci.com/our-solutions/esg-investing/esg-ratings>.
6. Sustainalytics' ESG Risk Ratings. URL: <https://www.sustainalytics.com/esg-ratings>.
7. Sustainability accounting Standards Board. URL: <https://www.sasb.org/>.
8. Sustainable Development Solutions Network, SDG Index & Monitoring. URL: <https://www.unsdnsn.org/sdg-index-and-monitoring>.
9. The Global Sustainability Standards Board. URL: <https://www.globalreporting.org/standards/global-sustainability-standards-board/>.
10. Информационное письмо о рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf.
11. Национальные кредитные рейтинги. URL: <https://ratings.ru/>.

**ПУБЛИКАЦИИ
МОЛОДЫХ
УЧЕНЫХ**

Социальная технология формирования и повышения компетенций глав муниципальных образований в области международного муниципального сотрудничества (ММС)

Абдуллаева А.Р.

АННОТАЦИЯ

Развитие международного направления работы на уровне местного самоуправления является сегодня актуальным и перспективным, так как открывает новые возможности для развития потенциала непосредственно городов, поселков и иных муниципальных образований. Однако на основе изученных материалов в источниках в сети Интернет можно заключить, что сегодня при существующих законодательных и организационных возможностях, муниципалитеты, а непосредственно их главы, не очень активно используют форматы международного муниципального сотрудничества для социально-экономического развития своих территорий. В связи с этим в статье описывается социальная технология, применение которой позволит сформировать и повысить необходимые компетенции глав муниципальных образований в области международного муниципального сотрудничества и способствовать активному использованию ММС на местном уровне. Социальная технология включает четыре ключевых блока: диагностический, проектирующий, преобразующий и корректирующий. Данную социальную технологию предлагается использовать как рабочий инструмент для повышения качества кадров на местах, повышения компетенций руководителей органов местного самоуправления сначала на территории пилотных муниципалитетов, а затем и на всей территории Российской Федерации.

RESUME

The development of the international direction of work at the level of local self-government is relevant and promising today, as it opens up new opportunities for developing the potential of cities, towns and other municipalities directly. However, based on the materials studied in Internet sources, it can be concluded that today, with existing legislative and organizational capabilities, municipalities, and directly their heads, do not actively use the formats of international municipal cooperation for the socio-economic development of their territories. In this regard, the article describes a social technology, the use of which will form and improve the necessary competencies of the heads of municipalities in the field of international municipal cooperation and promote the active use of IMC at the local level. Social technology includes four key blocks: diagnostic, design, transformative and corrective. This social technology is proposed to be used as a working tool for improving the quality of personnel in the field, increasing the competencies of heads of local governments, first on the territory of pilot municipalities, and then throughout the Russian Federation.

Ключевые слова: международное муниципальное сотрудничество, компетенции глав муниципалитетов, социальная технология внедрения ММС

Key words: international municipal cooperation, competences of heads of municipalities, social technology for the implementation of IMC

Абдуллаева Алсу Рамисовна, аспирант ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, SPIN-код: 6001-8702, Москва, Россия, aarstudent@mail.ru

Alsu R. Abdullaeva, postgraduate student of the IGSU RANEPА under the President of the Russian Federation, SPIN-код: 6001-8702, Moscow, Russia, aastudent@mail.ru

Введение

Тема международного сотрудничества на муниципальном уровне в последние годы начала активно обсуждаться на государственном уровне. Специалисты и эксперты отмечают особую значимость международных межмуниципальных контактов, которые только актуализировались на фоне современной геополитической ситуации (Мухаметов 2020: 153-174; Лебедева 2019: 7-16; Заика, 2019). Именно межмуниципальное сотрудничество позволяет сохранять и поддерживать добрососедские взаимовыгодные отношения и продолжать развивать международные связи. Благодаря развитию постоянного международного диалога между представителями местной власти, как лучше всего осведомленной о проблемах, волнующих местные сообщества, возможно осуществление конструктивного и эффективного взаимодействия между государствами в решении самых острых и наиболее важных вопросов. Как следствие, достижение главной цели деятельности органов власти – повышение качества и уровня жизни населения. Более того, международное муниципальное сотрудничество способствует развитию местного самоуправления и экономической деятельности на территориях, формированию благоприятного имиджа Российской Федерации и повышения узнаваемости, привлекательности самих муниципалитетов. Более того, в дальнейшем повсеместное применение международного муниципального сотрудничества будет, безусловно, способствовать сокращению неравенства в развитии между муниципалитетами и регионами путем стимулирования новых центров роста (Беляева 2021: 481-484).

Однако в РФ муниципальные образования, несмотря на существование необходимой и достаточной правовой базы для осуществления международного сотрудничества на муниципальном уровне (Комлева 2022: 11-35; Ахатова, Пильщиков, Андрейченко, 2022, 525-546), не в полной мере используют социально-экономический, культурный потенциал от взаимодействия с зарубежными муниципалитетами. Данное обстоятельство свидетельствует о существовании определенных проблем и нерешенных вопросов в сфере управления международным муниципальным сотрудничеством. Получается, в органах МСУ сохраняется непонимание наиболее эффективных механизмов, инструментов налаживания связей с зарубежными муниципальными образованиями и значимости муниципальной дипломатии как одного из ключевых факторов, способствующих решению локальных проблем и развитию территории. Поэтому внедрение социальной технологии повышения компетенций глав МО в области ММС является необходимым для решения обозначенной проблемы.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Для однозначного понимания ключевых аспектов социальной технологии определим основные понятия.

Итак, под социальной технологией мы понимаем «логически связанную последовательность этапов социального взаимодействия, в ходе которой каждый актер взаимодействия, реализует свою управленческую стратегию по отношению к другим и формирует социальную действительность» (Комлева 2021: 70).

В научной литературе на данный момент не дано четкого определения понятию «международное муниципальное сотрудничество» (ММС). В рамках описания данной социальной технологии понятие «международное муниципальное сотрудничество» будет интерпретироваться как взаимодействие муниципалитетов, органов местного самоуправления с муниципалитетами зарубежных стран, а именно закрепленные законодательно через соглашения сотрудничество между органами власти муниципальных образований.

В качестве компетенции глав муниципальных образований в области международного муниципального сотрудничества (ММС) будут подразумеваться знания, умения и навыки глав, руководителей муниципальных образований в сфере поиска зарубежных партнеров (муниципальных образований), взаимодействия с руководителями зарубежных муниципальных образований и налаживания, поддержания взаимовыгодного сотрудничества с ними.

Объект и субъект технологического взаимодействия

В целях внедрения социальной технологии необходимо определить субъект и объект воздействия. Так как данная социальная технология направлена на формирования и повышения компетенций глав муниципальных образований, то субъектом (непосредственно планирующим и реализующим всех этапы) может выступать какая-то консалтинговая компания, рабочая группа. При этом непосредственным заказчиком внедрения социальной технологии будет высшее должностное лицо субъекта РФ/представительный орган муниципального образования, заинтересованные в развитии территорий своих муниципальных образований. Непосредственным объектом воздействия являются главы муниципальных образований субъектов РФ.

Цель и задачи социальной технологии

Основной целью применения данной социальной технологии является выпуск главы муниципального образования, который обладает компетенциями в области международного муниципального сотрудничества и способен применять данные знания на практике для обеспечения достойного уровня жизни населения на территории МО.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- сформировать у глав муниципальных образований компетенции в области международного муниципального сотрудничества, а именно:
- знание о моделях сотрудничества муниципалитетов на международном уровне; понимание законодательных основ осуществления ММС;
- оценка социально-экономических эффектов от ММС для территории МО;
- навык поиска международных партнеров и налаживания коммуникации с ними;
- навык сохранения и поддержания регулярных международных контактов;

Таблица 1

Диагностический и проектирующий блоки социальной технологии

БЛОКИ	ШАГИ	Объяснение необходимости шага	Методы достижения	Ресурсы**
ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ (1-2 месяца)	Диагностика текущей ситуации	Чтобы понять, на какой стадии осведомлённости о ММС находятся главы различных МО	- «кабинетное» исследование официальных сайтов и новостных порталов МО на предмет наличия информации о заключённых международных соглашениях, культурном взаимодействии с партнёрами и т.д. - онлайн-опрос глав муниципальных образований (по заранее посчитанной выборке)	- Высокоскоростной Интернет, ПК, место для работы (помещение, стол, стул, рабочая сим-карта) - команда 3-5 человек для проведения кабинетного исследования (сотрудники консалтинговой компании, стажёры) - административный ресурс по продвижению онлайн-опроса (например, запрос через влиятельную организацию (ОКМО, Союз городов и т.д.) или ОИВ субъекта РФ)
	Анализ результатов проведенной диагностики и выявление 2-3 ключевых аспектов для преобразования	Чтобы знать, каких конкретных навыков и знаний не хватает главам МО для построения дальнейшего курса обучения	- Анализ результатов кабинетного исследования	- Пк, место для работы (помещение, стол, стул, программное обеспечение для организации совместной работы в онлайн-режиме, например, Google disk), Интернет - 2-3 квалифицированных аналитика
ПРОЕКТИРУЮЩИЙ (1 неделя)	В целях внедрения и реализации социальной технологии необходимо придерживаться следующего организационного плана действий:			
	<p>Разработать подробный план внедрения соц. технологий на практике;</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Описать ключевые методы достижения каждого шага, инструментарий; 2. Продумать необходимые человеческие и материальные ресурсы для реализации каждого шага; 3. Разработать критерии и методы оценки результатов соц. технологии (критерии оценивания глав муниципальных образований на предмет освоения компетенции); 4. Выбрать пилотные регионы для реализации соц. технологии; 5. Реализовать социальную технологию; 6. Проанализировать полученные результаты; 7. Осуществить на практике корректирующий блок; 8. Применить социальную технологию на всей территории РФ; 			

- заложить основы для дальнейшего развития международного муниципального сотрудничества на территории РФ и укрепление ММС в качестве одного из ключевых инструментов повышения конкурентоспособности МО, улучшения качества жизни населения.

Далее переходим к описанию непосредственно этапов социальной технологии.

Описание социальной технологии

Выписывание социальной технологии предполагает последовательное описание четырех ключевых блоков: диагностический, проектирующий, преобразующий и и

Таблица 2

Преобразующий блок социальной технологии

БЛОКИ	ШАГИ	Объяснение необходимости шага	Методы достижения	Ресурсы
ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ (3-4 месяца)	Обучение глав муниципалитетов основам ММС	Это ключевой этап для формирования компетенций у глав муниципальных образований	- онлайн и офлайн форматы обучения; - Кейс-study на основе практических примеров, задач; - проекты работы по командам;	- отобранные эксперты-преподаватели - рабочая программа проведения занятий (лекций; мастер-классов, семинаров) - помещение для проведения офлайн-занятий; - ИТ платформы для онлайн-занятий
	Проведение общих международных конференций, круглых столов	Для знакомства, обмена опытом между российскими и зарубежными главами муниципальных образований	- разработка программы мероприятий, поиск актуальных тем и вопросов для обсуждения; - приглашение зарубежных партнёров и обеспечение их участия в мероприятиях;	- Команда организаторов офлайн мероприятий; - Приглашённые отечественные, зарубежные спикеры (из организаций по международному сотрудничеству) - Помещение для проведения занятий; - ИТ платформы для онлайн-занятий;
	Совместные поездки участников обучающих программ в различные муниципальные образования РФ и зарубежных стран	Для знакомства, обмена опытом между российскими и зарубежными главами муниципальных образований	- Выбор места назначения, изучение реализуемого на территории опыта ММС; - разработка программы поездки; - Практические семинары на месте назначения;	- Команда организаторов - Билеты до мест назначения и обратно, бронь гостиниц; - Разработанная заранее программа экскурсий и мероприятий;

корректирующий. В каждом блоке выделяют шаги, объяснение необходимости того или иного шага, методы достижения и ресурсы, которые понадобятся для достижения результата (человеческие, материальные и временные). Стоит изначально отметить, что финансовые ресурсы на реализацию социальной технологии, скорее всего, будут предоставляться в рамках государственных программ федерального, регионального уровней или выделяться из бюджетов соответствующих уровней.

В целях систематизации и наглядности логики действий все блоки и этапы будут представляться в виде таблицы с кратким описанием блоков.

Итак, первый диагностический блок включает 2 шага: диагностику текущей ситуации в области международного муниципального сотрудничества в муниципальных образованиях (МО) и анализ результатов проведенной диагностики с выявлением 2-3 ключевых аспектов для преобразования. Диагностический этап

нужен для того, чтобы знать, каких конкретных навыков и знаний не хватает главам МО в сфере ММС для построения дальнейшего курса обучения. Основными методами достижения в этом блоке являются «кабинетное» исследование и онлайн-опросы глав муниципальных образований. Ресурсы включают команду для проведения диагностики, оборудованное рабочее место с необходимыми средствами связи и обмена информацией. Временной интервал для проведения диагностики – около 1-2 месяцев (см. таблицу 1).

После проведения первичного исследования и анализа существующего положения дел команда аналитиков приступает ко второму проектирующему блоку, в котором описывается пошаговый организационный план действий. Данный блок необходим для систематизации всех блоков, этапов внедрения социальной технологии и обеспечивает планомерное, четкое, логически связанное их исполнение. Проектирующий блок длится около 1 недели и включает следующие шаги:

1. Разработать подробный план внедрения соц. технологии на практике;
2. Описать ключевые методы достижения каждого шага, инструментарий;
3. Продумать необходимые человеческие и материальные ресурсы для реализации каждого шага;
4. Разработать критерии и методы оценки результатов реализации социальной технологии (критерии оценивания глав муниципальных образований на предмет освоения компетенции);
5. Выбрать пилотные регионы для реализации соц. технологии;
6. Реализовать социальную технологию;
7. Проанализировать полученные результаты;
8. Осуществить на практике корректирующий блок;
9. Применить социальную технологию на всей территории РФ.

Ядром социальной технологии является третий преобразующий блок, который длится около 4 месяцев. За этот период команда организаторов проводит непосредственно практические обучающие мероприятия для глав муниципальных образований, знакомит их с моделями ММС и формирует компетенции в сфере ММС у участников курса. Данный блок включает четыре основных шага (см. таблицы 2 и 3):

- 1) Обучение глав муниципалитетов основам ММС;
- 2) Проведение общих международных конференций, круглых столов для знакомства, обмена опытом между российскими и зарубежными главами МО;
- 3) Совместные поездки участников обучающих программ в различные муниципальные образования РФ и зарубежных стран;
- 4) Оценка сформированной компетенций в области ММС у глав МО для понимания эффективности реализуемой технологии и оценки навыков глав МО, прошедших обучение.

В целях первичной оценки уровня освоения изученного материала участникам необходимо разработать проект ММС для своего муниципального образования. Вторичная оценка освоенных навыков проводится после 1-2 лет реализации социальной технологии (во время реализации корректирующего блока).

Таблица 3

Преобразующий, корректирующий блоки социальной технологии

БЛОКИ	ШАГИ	Объяснение необходимости шага	Методы достижения	Ресурсы
ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ (3-4 месяца)	Оценка сформированной компетенции в области ММС у глав МО	Чтобы понять эффективность реализуемой технологии и оценить навыки глав МО, прошедших обучение	<ul style="list-style-type: none"> • Оценить соответствие знаний, умений и навыков глав МО следующим критериям: <ol style="list-style-type: none"> 1) Узнали о моделях сотрудничества муниципалитетов на международном уровне; 2) Освоили законодательные основы осуществления ММС; 3) Получили навыки оценки социально-экономических эффектов от ММС для территории МО; 4) Освоили навыки поиска международных партнёров и налаживания коммуникации с ними; 5) Получили навык сохранения и поддержания регулярных международных контактов. • Для первичной оценки уровня освоения изученного материала участникам необходимо разработать проект ММС для своего муниципального образования; • Вторичная оценка освоенных навыков проводится после 1-2 лет реализации соц. технологии. 	<ul style="list-style-type: none"> • Экзаменаторы-эксперты в сфере ММС; • Помещение для проведения экзамены; • ИТ платформы для онлайн-экзамена;
КОРРЕКТИРУЮЩИЙ (2 месяца)	Через 1-2 года после реализации соц. технологии в пилотных регионах провести диагностику, чтобы понять удалось ли главам субъектов муниципальных образований и их командам применить полученные компетенции на практике, а именно найти зарубежных партнёров, заключить соглашения, провести мероприятия в рамках соглашений. В случае выявления сбоев, провести корректировку социальной технологии и внести необходимые изменения			

Затем следует четвертый корректирующий блок (длится около 2 месяцев), который проводится после реализации основного преобразующего блока социальной технологии с целью выявления недочетов, ошибок. Примерно через 1-2 года после реализации основной части социальной технологии в пилотных регионах проводится диагностика, чтобы понять удалось ли главам муниципальных образований и их

командам применить полученные компетенции на практике, а именно: найти зарубежных партнеров, заключить соглашения, провести мероприятия в рамках соглашений. В случае выявления сбоев, провести корректировку социальной технологии и внести необходимые изменения.

Заключение и ожидаемые результаты

По итогам реализации данной социальной технологии у глав муниципальных образований будут сформированы вышеперечисленные необходимые компетенции (знания, умения и навыки) в области международного муниципального сотрудничества. Более того на уровне муниципального и регионального управления будут заложены основы для дальнейшего развития международного муниципального сотрудничества (ММС) на территории РФ, а ММС приобретет ещё большую значимость и укрепитя в качестве одного из ключевых инструментов повышения конкурентоспособности муниципалитетов и улучшения качества жизни населения.

Список литературы

1. Ахатова А.Р., Пильщиков А.К., Андрейченко Н.Н. Актуальные формы международного муниципального сотрудничества. «Государственное управление и развитие России: проектирование будущего»: Сборник статей международной конференц-сессии. Том 1. – Москва, 2022. С. 525-546.
2. Беляева О.И. Стратегические приоритеты государственной политики в снижении регионального неравенства. Экономика и предпринимательство. 2021. № 10 (135). С. 481-484.
3. Заика Ю.В. Приграничное сотрудничество как фактор саморазвития регионов Российской Арктики (на примере Мурманской области). Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 4.
4. Комлева В.В. Международное сотрудничество регионов России: институциональные основы и характерные модели. Россия: общество, политика, история. Москва, 2022. № 1(1). С.11-35.
5. Комлева В.В. Социология управления: учебное пособие. Москва, 2021. – 79 с.
6. Лебедева М.М. 2013. Акторы современной мировой политики: тренды развития. Вестник МГИМО-Университета. № 1. С. 38–42.
7. Лебедева М.М. 2019. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике. Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1. С. 7–16.
8. Мухаметов Р.С. Факторы международной активности российских городов // Вестник МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА. 2020. № 13(6). С. 153-174.

Иностранные НКО на территории Армении и Грузии

Анацкая В.Г., Мишина А.Ф.

АННОТАЦИЯ

Мировая политика и международное развитие претерпели радикальные изменения главным образом из-за усиливающейся глобализации. Уникальной характеристикой этой трансформации является увеличение числа и типов заинтересованных сторон, организованных в группы по интересам или некоммерческие организации (НКО). В этой глобальной революции ассоциаций НКО заняли видное место на переговорах, особенно в деятельности по защите прав человека, мира и окружающей среды. Они также сыграли ведущую роль в оказании помощи при стихийных бедствиях, гуманитарной помощи и помощи в целях развития. На сегодняшний день работа НКО активно изучается и также представляет интерес для государственных институтов с точки зрения национальной безопасности и защиты национальных интересов за рубежом. В статье предлагается анализ работы российских и иностранных НКО на территории Грузии и Армении. Данные южно-кавказские республики – это традиционные зоны интересов России, поэтому важно понимать с какими угрозами наша страна сталкивается на территории этих стран, что имеет в своем арсенале и как может ответить.

RESUME

World politics have undergone critical transformations mainly due to the increasing globalization. A unique characteristic of this transformation is the increase in the number and types of stakeholders organized into interest groups or non-profit organizations (NPOs). In this global revolution of associations, NGOs have taken a prominent place in negotiations, especially in such spheres as protection of human rights, peace and the environment. They have also played a leading role in disaster relief, humanitarian and development assistance. Today, the activity of NGOs is being actively explored and is also a matter of interest to state institutions because of national security and protection of national interests abroad issues. The article offers an analysis of Russian and foreign NGOs activity in Georgia and Armenia. These South Caucasian republics are traditional zones of Russia's interests, so it is highly important to understand which threats our country faces there.

Ключевые слова: некоммерческие организации, «третий сектор», правовая среда, иностранное финансирование, работа с соотечественниками, продвижение русского языка, Open Society Foundation, National Endowment for Democracy, Фонд «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова

Keywords: non-profit organizations, Third Sector, legal environment, foreign financing, work with compatriots, promotion of the Russian language, Open Society Foundation, National Endowment for Democracy, Russkiy Mir Foundation, The Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund

Анацкая Виктория Геннадьевна, магистрант ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, vikaanatskaya90@gmail.com

Мишина Алина Феликсовна, магистрант ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, alina.mishina26@mail.ru

Victoria G. Anatskaya, Master's student of IPACS RANEPА, Moscow, Russia, vikaanatskaya90@gmail.com
Alina F. Mishina Master's student of Master's student of IPACS RANEPА, Moscow, Russia, alina.mishina26@mail.ru

В 2003 г. и 2018 г. массовые протесты привели к падению авторитарных режимов в Грузии и Армении соответственно. В обеих странах важную роль в данном процессе сыграли международные некоммерческие организации (далее – НКО) – они финансировали подготовку и организацию протестов.

Обе страны были выбраны неслучайно. Грузия и Армения – страны-соседи, разделяющие единые православные ценности и объединенные долгой историей совместного развития в рамках Советского Союза. После обретения независимости каждая из них прошла свой путь к современному состоянию. Грузия после Революции роз 2003 г. и прихода к власти Михаила Саакашвили постепенно стала отдаляться от России, а после 2008 г. окончательно переориентировалась на сотрудничество со странами Запада. Армения же наоборот, продолжает сохранять дружественные и партнерские отношения с Россией несмотря на произошедшие в 2018 г. события – серию антиправительственных выступлений и смену политической власти.

Свой вклад в изучение и рассмотрение НКО как наращивающих влияние субъектов международных отношений внесли такие российские авторы как Андреева О., Бокерия С.А., Шагабиева Е., Стецко Е.В. В своих статьях эти авторы дают определение НКО, выделяют их специфику организационно-правовой формы НКО, определяют роль данного института в государстве и мире.

Большая часть имеющейся в открытом доступе литературы на русском языке в отношении НКО посвящена использованию сетевых информационных технологий в работе НКО и их роли в так называемых «цветных» и «сетевых революциях» на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке в целях геополитических рокировок. Данной теме посвятили исследование Васильева М. М., Манохин И. В., Фельдман П.Я., Бударина К.А., Костина А.В., Пономарева Е.Г., Шульц, Э. Э. (Васильева, Манохин, 2016; Фельдман, 2016; Бударина, 2014; Костина, 2019; Пономарева, 2012; Шульц, 2014) и другие. Как именно используются информационные технологии в работе некоммерческих организаций пишут П. Бодер, М. Мазовер, Д. Хаклер, Ж. Сакстон (Бодер, 2002; Мазовер, 2012; Хаклер, Сакстон, 2007).

Об общественном секторе в Армении и его роли в Бархатной революции в Армении пишут такие авторы, как Асоян Л.А. и Арзуманян Р.В. (Асоян, 2018; Арзуманян, 2019). Оба исследователя изучают «третий сектор» в Армении, его влияние на происходящие в стране политические изменения, в том числе коренные – революцию 2018 г. и ее последствия.

Тематику гражданского сектора в Грузии отразил такой автор как Чедия Бека (Чедия, 2013). В своей научной статье он рассмотрел исторические предпосылки и тенденции образования гражданского сектора в Грузии и существующие противоречия. Также, в своей работе автор Микheil Мирзиашвили (Мирзиашвили, 2017) уделит внимание таким аспектам, как правовой и политический контекст деятельности организаций гражданского общества.

Целью исследования является определение технологий и направлений работы российских и американских НКО на территории Армении и Грузии.

Правовая среда для иностранных НКО в Армении

Первые международные НКО стали прибывать в Армению с 1988 года – после землетрясения в Спитаке и войны в Нагорном Карабахе 1992–1994 гг. Правительство Армении было не в состоянии самостоятельно преодолеть царящие в стране

бедность, разруху и голод, поэтому активно приветствовало помощь некоммерческих организаций.

Рост числа международных и локальных НКО и потребность в регулировании их деятельности привела к разработке законов «Об общественных организациях» (Закон, 2001) и «О фондах» (Закон, 2002). Данные законы регулируют деятельность общественных организаций и фондов, процесс их учреждения, регистрации, ликвидации, управления, определяют права и обязанности, в т. ч. в части предоставления отчетности и др.

Формирование правовых рамок деятельности общественных организаций и фондов позволили международным НКО расширить спектр своей деятельности в стране: перейти от оказания чисто гуманитарной деятельности к созданию гражданского общества в Армении (11, 2022).

На сегодняшний день Армения считается одной из стран с наиболее либеральным правовым режимом в отношении иностранных НКО. Прежде всего это связано с отсутствием правового запрета на иностранное финансирование.

Армянское законодательство в отношении НКО предлагает весьма несложную процедуру регистрации организации – достаточно подать в Министерство юстиции Республики необходимый перечень документов и оплатить государственную пошлину за госрегистрацию, после чего в течение 21 дня с момента подачи заявление будет принято или отклонено. В случае с учреждением фонда процесс регистрации занимает до 15 дней.

До 2020 г. в законе «Об общественных организациях» даже не было упоминания о раскрытии источников финансирования общественными организациями. В принятых в марте 2020 г. Национальным Собранием Армении поправках к закону «Об общественных организациях» уточняется, что отныне НКО, получающие общественные денежные средства, будут обязаны раскрывать не только программы, в рамках которых организации получают финансирование, но и указывать источники финансирования (1, 2020). Остальные НПО должны предоставить в уполномоченный орган – Комитет по государственным доходам (далее – КГД), отчет о программах, в рамках которых были получены денежные и имущественные средства, но уже без указания их источников финансирования.

Закон Республики Армения «О фондах» предписывает публиковать в конце каждого финансового года в средствах массовой информации, публикующих информацию о государственной регистрации юридических лиц: отчет о его деятельности, годовой финансовый отчет и заключение аудитора о финансовой отчетности фонда, если стоимость активов фонда превышает 10 млн драм (21,5 тыс. долларов на 27.04.2022), что встречается крайне редко.

Оба закона запрещают вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц в деятельность некоммерческих организаций и фондов, что дает возможность иностранным НКО, по сути, реализовывать или спонсировать реализацию любых проектов и программ на территории Республики.

Более того, законодательство Республики Армения не запрещает общественным организациям организовывать и проводить митинги, собрания, шествия и демонстрации.

Таким образом, в Республике Армения созданы весьма благоприятные правовые рамки для деятельности институтов гражданского общества, как их называют в Армении. Легкая процедура регистрации, запрет на вмешательство государства в работу НКО и фондов, отсутствие запрета на иностранное финансирование – позволили международным НКО создать целую сеть партнерских НКО в Армении.

Правовая среда для иностранных НКО в Грузии

Некоммерческие организации занимают весьма значимую роль в грузинской общественно-политической жизни, в этом смысле Грузия значительно опережает почти все постсоветские страны.

Главным аспектом развития гражданского сектора является возможность оказывать влияние на общественную политику. Так, в 1995 г. парламент Грузии позволил представителям НКО принимать участие в работе парламентских комитетов. И начиная с того момента, неформально, НКО становится частью парламентской политической культуры в Грузии.

Изначально, западные фонды способствовали развитию гражданского общества на всем постсоветском пространстве. В Грузии Европейский Союз (ЕС) оказывал значительную поддержку гражданскому обществу, участвовавшему в развитии двусторонних отношений. Подписание в 2014 г. Соглашения об ассоциации между Грузией и ЕС дало новый толчок для участия НКО. Соглашение касается всех сфер общественной и политической жизни страны и является довольно детальным планом её реформирования.

Российские НКО не имеют особых привилегий при регистрации в Грузии, как, например, в некоторых государствах Центральной Азии.

На данный момент все законодательные акты, регулирующие деятельность «третьего сектора» в Грузии, распространяются на все иностранные НКО.

Условно их можно разделить на несколько групп:

а) Основные законы, создающие основы для существования некоммерческих организаций. Таковы Конституция Грузии (Конституция, 1995) и органический закон «О прекращении и запрещении деятельности общественных объединений».

б) Основной закон, определяющий порядок создания и регистрации организаций и основные пределы деятельности – таков Гражданский кодекс Грузии (Гражданский кодекс, 1997).

в) специальные законы, регулирующие отдельные сферы деятельности некоммерческих организаций таковы:

- Закон о грантах (Закон о грантах, 1996), который определяет доноров, грантополучателей, их права, правовые основы предоставления грантов и фактически создает основу для освобождения грантов от налогов;
- Налоговый кодекс (Налоговый кодекс, 2010), определяющий механизмы налогообложения некоммерческих организаций;
- Отдельные законы, регулирующие отдельные аспекты деятельности некоммерческих организаций, такие как:

- Закон о таможенных тарифах и пошлинах (Закон о таможенных тарифах, 1998), который освобождает товары, ввозимые за счет субсидий, от таможенных пошлин.
- Гражданский процессуальный кодекс (Гражданский процессуальный кодекс, 1997), в котором определены некоторые аспекты регистрации организаций.
- Закон об осуществлении нотариальной деятельности (Закон, 2009), устанавливающий размер государственной пошлины за нотариальное удостоверение регистрационных документов организации.

Технологии и направления работы американских НКО в Армении

Джон Фонте – исследователь американского Гудзонского института вывел понятие «сетевое распространение демократии», когда международные организации, правительства, частные фонды ведут совместную работу по продвижению глобалистских идей в мире. По мнению автора, США являются главными последователями и бенефициарами распространения «сетевой демократии» в лице таких организаций, как National Endowment for Democracy (далее – NED) и Freedom House (далее – FH) (Bairamyun, 2021).

Согласно данным отчета американского USAID в 2019 г. Министерством юстиции в Армении было зарегистрировано более 6 тыс. НКО (24, 2020). Наиболее активными в части финансирования деятельности локальных НКО являются NED, Eurasia Foundation (далее – EF), Open Society Foundation (далее – OSF), деятельность которых, в свою очередь, финансируется United States Agency for International Development (Агентство США по международному развитию, далее – USAID) и Государственным департаментом США.

Американские, так же, как и в целом западные НКО, финансируют проекты в таких сферах, как права человека, развитие гражданского общества, поддержка независимых медиа, система правосудия, равноправие и общественная справедливость.

На территории Армении создана целая сеть партнерских организаций, цель существования которой заключается в демократизации и деавторитаризации действующей в стране власти. По факту речь идет о создании основы для переориентации внутри- и внешнеполитического курса страны на Запад, как это произошло в Грузии в 2003 г. В Армении до сих пор этот процесс продолжается, так как страна только в 2018 г. встала на рельсы «вестернизации» и все «русское ей пока еще не чуждо».

Например, Eurasia Partnership Foundation (Фонд «Партнерство Евразия», далее – EPF) является дочерней организацией EF, офисы которой находятся как в Армении, так и в Грузии. Также в Фонд «Евразия» входят The New Eurasia Foundation (Russia), Eurasia Foundation of Central Asia и East Europe Foundation (Ukraine, Belarus, Moldova).

В свою очередь, EPF работает в Армении над созданием локальной сети партнерских организаций через The CSO Development Program (Программа по

развитию институтов гражданского общества). Грантовая программа нацелена на превращение некоммерческих организаций Армении в полноценные институты гражданского общества, способные на продвижение и контроль за проведением реформ, мониторинг эффективного государственного управления.

Программа реализуется совместно с локальными НКО: Consortium with Caucasus Research Resource Center (CRRC), Media Initiatives Center (MIC), Goris Press Club (GPC), Support for Noyemberyan NGO (SN), and Martuni Women Community Council (MWCC) при финансовой поддержке USAID's Development Grants Program (DGP) (19, 2022).

Помимо выдачи грантов Фонд реализует проекты, проводит и распространяет исследования, документальные фильмы, веб-платформы, публикует книги, занимается организацией дебатов, ток-шоу на социально значимые темы, воздействуя таким образом на формирование гражданского сознания армян. С 1993 г. EF вложила более 360 млн долларов в реализацию проектов в Евразии под эгидой EPF (22, 2022). За 2019 г. на деятельность EPF в Армении всего было истрчено 840 тыс. долларов: 24% от суммы пошли на развитие независимых СМИ, 22% были потрачены на усилия по примирению сторон, 16% на развитие НКО, 10 % на вовлечение молодежи в местное самоуправление (22, 2022).

Чаще всего деньги на реализацию проектов и деятельность местных армянских организаций выделяются НКО в виде грантов. Выдача грантов – это не только финансирование, но и мобилизация местных организаций к действию. Так создается сеть организаций, которые действуют скоординировано и в одном направлении.

Самыми крупными грантодателями в Армении являются Open Society Foundation и National Endowment Foundation.

Армянский филиал Open Society Foundation создан в 1997 году. Многочисленные организации (около 60), финансируемые фондом, в 2003 году объединились в инициативу «Партнерство ради открытого общества» – многочисленные организации, которые работают в сфере права, здравоохранения, СМИ, политических исследований и анализа, проблем молодежи, образования и прочее. С момента начала работы Фонда в Армении было выделено более 53 млн долларов на развитие СМИ, гражданских институтов, права человека и систему правосудия и т.д. (21, 2022).

Крупнейшие армянские грантополучатели в 2021: Asparez, Journalists' Club, NGO (\$11 736 407), ALT TV Media, LLC (11,656,500 AMD), Goris Press Club, NGO (11,650,000 AMD), Tsayg TV, LLC (11,656,500 AMD). Очевидно, что больший акцент в прошедшем году был сделан на продвижение работы независимых СМИ (21, 2022).

В 2020 г. NED по официальным данным выдал грантов в Армении на сумму более 3 млн долларов (в Грузию 2.5 млн долларов). Среди грантополучателей: Solidarity Center (SC), Hetq, Boon Scientific-Cultural Foundation, Progress of Gyumri Civil Society Development Center, Helsinki Citizens' Assembly – Vanadzor, Investigative Journalists NGO, Transparency International Anti-Corruption Center NGO, Caucasus Research Resource Center-Armenia. (20, 2022).

Необходимо отметить, что некоторые из перечисленных локальных организаций получают финансирование как от Open Society Foundation, так и от NED, участвуют в программах Eurasia Partnership Foundation. Отсюда можно сделать вывод, что американские НКО в сотрудничестве друг с другом, с правительствами

и федеральными государственными структурами успешно создали в Армении сеть организаций, которые они финансируют, управляют и определяют повестку их деятельности.

Технологии и направления работы российских НКО в Армении

Характер деятельности российских НКО в Армении значительно отличается по направлениям от американских. Чаще всего, во внимание не попадает социальная сфера, что является явным упущением российских НКО. Также надо отметить, что российский «третий сектор» в Армении представлен всего несколькими организациями, среди которых – Фонд «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова (далее – Фонд Горчакова) и многочисленные организации соотечественников. Последним, впрочем, удалось создать сеть партнерских организаций.

Повестка деятельности российских НКО формируется из нескольких направлений. В первую очередь, это поддержка и укрепление позиций русского языка на территории Республики Армения.

Профильной организацией, которая занимается продвижением и сохранением позиций русского языка в мире является Фонд «Русский мир».

«Русский мир» осуществляет свою деятельность через работу центров и кабинетов русского языка. На сегодняшний день Фонд располагает 119 Русскими центрами в 52 странах, в том числе в Ереване и Тбилиси. Русский центр Ереванского государственного университета действует с 2008 г. (12, 2022). Центры и кабинеты русского языка выполняют несколько важных функций: информационно-справочную, образовательную, творческую и коммуникативную.

Помимо работы «на местах», Фонд оказывает грантовую поддержку проектам, направленным на продвижение русского языка и популяризацию вклада России в развитие мировой цивилизации. Например, по программе «Профессор Русского мира» фонд на конкурсной основе предоставляет гранты зарубежным образовательным организациям и российским учебным заведениям, а также (по особому решению) физическим лицам на осуществление российскими специалистами образовательной деятельности для зарубежных слушателей.

Фонд Горчакова осуществляет грантовую поддержку российских и зарубежных НКО, финансирует разработку обучающих программ для начинающих некоммерческих организаций, а также на постоянной основе реализует собственные мероприятия – круглые столы, тематические конференции, научно-образовательные программы, публичные лекции и встречи по внешнеполитической проблематике с привлечением отечественных и зарубежных экспертов в области международных отношений и т.д. Цель – создание пула молодых специалистов, ориентированных на развитие дружеских и партнерских отношений между Россией и Арменией.

Партнерскими организациями Фонда в Армении являются несколько организаций: Российско-Армянское молодежное единство, Всеармянский

молодёжный центр «Серунд», Научно-образовательный фонд «Нораванк» Института Кавказа. При финансовой поддержке Фонда партнерские организации проводят научно-образовательные мероприятия и реализуют проекты. В декабре 2021 г. при поддержке Фонда Горчакова в Цахкадзоре (Армения) прошла международная школа «Евразийская безопасность: Трансформация стратегической среды в 21-ом веке. Идею реализовывали «Российско-Армянское молодежное единство» совместно с кафедрой мировой политики и международных отношений Российско-Армянского (17, 2021).

Фонд также ежегодно проводит научно-образовательный форум «Кавказский диалог», который собирает молодежь Кавказского региона, в том числе из Армении, для обсуждения вопросов экономики и безопасности, проблемы борьбы с терроризмом и экстремизмом, внутренних и внешних факторов, влияющих на ситуацию в Кавказском регионе.

Все выпускники и эксперты, а также партнеры Фонда входят в неформальный Клуб Горчакова, который время от времени проводит встречи выпускников. Такой подход позволяет поддерживать связи с многочисленной аудиторией Фонда и способствовать развитию каналов связи между его участниками.

Еще одним немаловажным направлением работы российских НКО является поддержка связей с соотечественниками. В 1995 г. в Армении был создан Координационный совет общественных организаций российских соотечественников Республики Армения (далее КСООРС) – представительский орган российских общественных организаций на территории Армении. Организация призвана не только координировать деятельность входящих в нее организаций, но и сотрудничать с правительственными структурами и неправительственными организациями России и Армении.

По данным на 2021 г. в КСООРС официально входит 10 общественных организаций соотечественников:

1. ОО «Россия»;
2. ОО «ОДА-ЛУЧ»;
3. ОО «ОДА-Ветеран»;
4. ОО «Российско-Армянское молодежное единство» (РАМЕ);
5. ОО «Россияне»;
6. ОО «Русский Народный Собор»;
7. ОО «Славянский Дом»;
8. ОПО «Русское поле»;
9. МЦРК «Гармония»;
10. Фонд помощи и содействия российским соотечественникам.

Организации соотечественников ведут работу по популяризации русского языка и культуры, занимаются благотворительностью, правовой поддержкой соотечественников, сотрудничают со школами, занимаются патриотическим воспитанием молодежи, укрепляют отношения дружбы и сотрудничества между Россией и Арменией.

Основными донорскими организациями для российских НКО предположительно являются федеральные профильные министерства – Министерство иностранных дел Российской Федерации (далее-МИД РФ), Министерство просвещения РФ, Федеральное

агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (далее-Россотрудничество) и Федеральное агентство по делам молодежи (далее-Росмолодежь), а также крупные государственные компании. Точные объемы финансирования деятельности российских НКО за последние годы неизвестны, так как на официальных веб-сайтах указанных организаций отсутствует любая финансовая отчетность. Согласно данным с сайта новостного агентства «РБК» с 2014 по 2019 г. только Фонд Горчакова получил от 48-55 млн рублей от государственных органов РФ на «поддержку публичной дипломатии, содействие участию российских неправительственных организаций в международном сотрудничестве, активное вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс». (18, 2017).

Технологии и направления работы иностранных НКО в Грузии

По закону, государство не имеет права выдавать гранты, но на самом деле делает это. Грузия предоставляет гранты в различных формах. Кроме того, проводятся разные конкурсы на выполнение государственных заказов, в которых активное участие принимают некоммерческие организации.

С 2005 г. Министерство образования и науки первым начало выдавать гранты, направленные на образовательную и научно-исследовательскую сферы. В 2008 г. были внесены изменения в Закон о грантах, которые позволили другим министерствам также их выдавать. На данный момент, помимо министерств, финансировать могут: Департамент молодежи и спорта, Центр обучения и реформирования избирательных систем и другие центральные институции.

Помимо внутренних источников, НКО получают финансирование от иностранных. Например, NED спонсирует в Грузии независимые СМИ, различные фонды, институты и общественные движения. Общий бюджет финансирования НКО Грузии за 2021 г. составил \$2 534 047. Деньги были выделены более чем 20 организациям. Сам NED финансируется Государственным департаментом США. (20, 2022).

К примеру, интернет-издание Грузии «Open Caucasus Media» (зарегистрировано как НКО) на постоянной основе спонсируется NED. Бюджет расходуется не только на собственную журналистскую деятельность, но и на курсы для молодых журналистов. Тем, кто прошел обучение, оказывается помощь в трудоустройстве как в СМИ-грантополучатели, так и в государственные медиа. Платой за все это является создание информационного контента в интересах спонсоров. (20, 2022).

С недавних пор, грузинские НПО и НКО напрямую подают заявки на получение грантов в посольства таких стран, как Германия, Великобритания, Нидерланды, Литва и предлагают им проспонсировать различные проекты. Ярким примером может служить НПО «Грузинский центр стратегического анализа», который получает €10 000 в квартал от посольства Литвы. Главной задачей является ведение YouTube-

канала, на котором публикуются различного рода видео-интервью политических экспертов, которые сходятся во мнении «Грузия не должна сворачивать с курса евроинтеграции».

К сожалению, в официальных источниках российских НПО, которые активно ведут свою деятельность на территории Грузии, сложно найти документы, связанные с финансированием гражданского сектора. Следовательно, сложно делать выводы какие местные некоммерческие организации больше спонсируются Россией.

Методы работы российских и иностранных НКО на территории Грузии имеют схожий характер. На данный момент существует два способа работы в стране:

- Напрямую (путем открытия филиалов на территории государства);

К данному варианту относится Фонд Горчакова, который осуществляет свою деятельность на территории Грузии при помощи центра имени Е. М. Примакова (был открыт в 2013 г.). (14, 2022). Сегодня общественный центр представляет собой рабочую площадку, которая дает возможность изучать русский язык, участвовать во встречах российских и грузинских экспертов и представителей общественности, участвовать в обсуждении важных проблем, существующих в отношениях между двумя странами и регионами, и получать всю необходимую информацию из первых рук.

Также, примером может служить OSF, который, с 1994 г. имеет филиал в г. Тбилиси и может напрямую осуществлять свою деятельность на территории государства. (26, 2022).

- Через локальные НКО;

Например, Фонд поддержки и защиты прав российских соотечественников, проживающих за рубежом, работает через партнерские организации, которые предоставляют помощь соотечественникам, находящимся или проживающим за рубежом, осуществляя правовую, консультационную, информационную и иную поддержку, необходимую для защиты их прав, свобод и законных интересов в странах проживания. В Грузии находятся два правозащитных центра, через которые работает Фонд. Они располагаются в Тбилиси. Это – Центр правовой помощи «Fides et Spes» и Центр правовой защиты российских соотечественников в Грузии при Общественно организации «Союз русской молодежи Грузии». (13, 2022).

NED, Open Society Foundation и Konrad-Adenauer-Stiftung (16, 2022) являются наиболее значимыми и представительными иностранными НКО на территории Грузии.

Основными направлениями их работы являются:

- Проекты социальной сферы;
- Исследования в области демократии;
- Развитие независимых СМИ;
- Содействие образованию в области прав человека;
- Борьба с коррупцией/

Начиная с 1994 года в Грузии стали появляться иностранные НКО. Одним из первых смог обосноваться Open Society Foundations – в простое время, когда государство все еще переживало экономические и политические потрясения, которые последовали после распада СССР. Изначально фонд оказывал свое влияние на экономические и социальные перемены, путем предоставления оборудования,

технологий и опыта школам, университетам, медицинским учреждениям, СМИ и культурным учреждениям. Впоследствии переключили свое внимание на более широкую поддержку местных независимых групп гражданского общества, которые отвечают их интересам.

Например, программы Open Society Foundation в Грузии (26, 2022):

1. Программа «Здравоохранение» – продвижению интересов уязвимых групп для восстановления их инклюзивности и права на здоровье;

2. Программа «Обеспечение демократии» – поддержку инициативам, которые направлены на признание, реализацию и защиту трудовых и достойных жилищных прав, а также принципов социальной и экологической справедливости;

3. Программа «СМИ» — поддержка СМИ, представляющие общественные интересы и свободные от политического влияния, чтобы сделать качественную журналистику доступной для максимально широкого слоя общества.

Также, Фонд Конрада Аденауэра реализует проект «Инициатива устойчивого развития гражданского общества Грузии», который направлен на улучшение операционной среды гражданского общества. Проект был разработан и реализован консорциумом, во главе которого стоит Фонд в сотрудничестве с четырьмя организациями гражданского общества Грузии: Civil Society Institute (Институт гражданского общества), Center for Strategic Research and Development of Georgia (Центр стратегических исследований и разработок Грузии), Center for Training and Consultancy (Центр образования и консалтинга) и Education Development and Employment Center (Центр развития образования и занятости). Проект финансируется Европейским союзом (вклад ЕС составляет €3,8 миллиона) (16, 2022).

Заключение

В Армении и Грузии присутствует множество сфер влияния, подконтрольные различным странам мира. Основными донорами НКО этих странах являются американские организации – USAID, NED, Open Society Foundation, Eurasia Foundation, а также ЕС и правительства некоторых европейских стран. Некоторые организации осуществляют свою деятельность напрямую, открывая свои филиалы или создавая новые центры, другие же работают через местные НКО, спонсируя их и продвигая свои интересы. В этом прослеживается общая черта между российскими и иностранными НКО.

Но в направлениях работы существуют явные различия. Зарубежные организации акцентируют свое внимание в таких направлениях как продвижение демократии, социально-экономическое развитие, борьба с коррупцией, поддержка независимых СМИ и т. д., то есть работа направлена больше на целевые группы населения в различных сферах. Это делается для того, чтобы охватить как можно больше территории государства. В своей работе американские и европейские НКО используют весь спектр доступных технологий – от грантов на реализацию инициатив местных НКО до самостоятельной проектной и программной деятельности в формате обучения НКО и молодых журналистов, привлечения экспертов к проведению

исследований на интересующие общество вопросы, обеспечение их последующей доступности. Также, иностранные НКО оказывают влияние на изменения в законодательстве (внесение поправок).

Российские НКО в Армении малочисленные. Наиболее активную работу ведут такие организации, как Фонд Горчакова, Фонд «Русский мир», а также различные организации соотечественников. Российские организации уделяют большее внимание сохранению позиций русского языка, установлению дружественных отношений с армянской молодежью, поддержанию связей с соотечественниками.

В целом, следует отметить, что деятельность российских НКО концентрируется всего на нескольких вполне конкретных направлениях, которые, прежде всего, отвечают интересам нашей страны, а не социальной повестке Армении. Тогда как американские институты гражданского общества позволяют местным организациям продвигать свои инициативы и щедро их инвестируют, разрабатывают программы, направленные на решение проблем, волнующих армянское общество.

Армения – одна из немногих стран бывшего СССР, с которой у России сохранились и развиваются дружественные двусторонние связи, осуществляется взаимовыгодное экономическое сотрудничество и интеграция в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Россия также является гарантом безопасности Армении и всего Южного Кавказа – российские миротворцы постоянно находятся на линии соприкосновения в Нагорном Карабахе и вдоль Лачинского коридора с целью не допустить новой эскалации конфликта. В данной ситуации можно использовать российские НКО как инструмент примирения сторон. Безусловно, на это потребуются годы и значительные финансовые вливания, но в случае успеха, Россия сможет сохранить не только дружественные отношения с обеими республиками, но внесет значительный вклад в региональную безопасность на Кавказе и упрочит свои позиции в качестве влиятельного международного игрока.

На сегодняшний день существует ряд проблем во взаимоотношениях России и Грузии. В 2008 г. были разорваны дипломатические отношения после того, как Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Среди политических партий сложно встретить те, которые открыто выступают за нормализацию отношений с нашим государством. Но восстановление дружественных отношений это всего лишь вопрос времени и здесь НКО могут сыграть немаловажную роль в улучшении этого процесса, и вновь укрепить позиции России в данном регионе.

Список литературы

1. В Армении хотят обязать неправительственные организации раскрыть источники финансирования // Агентство международной информации (АМИ), 06.03.2020. URL: <https://newsarmenia.am/news/armenia/v-armenii-khotyat-obyazat-npravitelstvennye-organizatsii-raskryt-istochniki-finansirovaniya/>.
2. Гражданский кодекс Грузии от 26.06.1997. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=117>.
3. Гражданский процессуальный кодекс Грузии от 14.11.1997. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/download/29962/92/en/pdf>.
4. Закон о грантах Грузии от 28.07.1996. URL: <https://www.lexadin.nl/wlg/legis/nofr/oeur/arch/geo/LAWONGRANTS.pdf>.

5. Закон о таможенных тарифах и пошлинах Грузии от 29.04.1998. – URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/geo_e/wtaccgeo4a1_leg_8.pdf.
6. Закон об осуществлении нотариальной деятельности Грузии от 04.12.2009. – URL: https://www.notary.ge/res/docs/sakanonmdeblo/axali_aktebi/eng/NOTARY_LAW_30.06.pdf.
7. Закон Республики Армения «О фондах» от 26.12.2002. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1346&lang=rus&sel=show>.
8. Закон Республики Армения об общественных организациях 04.12.2001. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1295&lang=rus&sel=show>.
9. Конституция Грузии от 24.08.1995. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30346?publication=36>.
10. Налоговый кодекс Грузии от 17.09.2010. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/download/1043717/93/en/pdf>.
11. Общественные организации // Официальный сайт Московского культурно-делового центра в Ереване. URL: <https://dommoskvy.am/russian-representative-offices/community-organizations/>.
12. Официальный сайт Фонда «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/fund/>.
13. Правозащитный центр в Грузии // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. URL: https://pravfond.ru/pravozashchitnye-tsentry/?TAG_COUNTRY=Грузия.
14. Программа «Кавказский диалог» // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. URL: <https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/8a5cbe9f-67f7-44ff-8c85-bbdc0d19cd13>.
15. Программы Open Society Foundation в Грузии // Официальный сайт Open Society Foundation. URL: <https://www.opensocietyfoundations.org/what-we-do/regions/eurasia>.
16. Проект «Инициатива устойчивого развития гражданского общества Грузии» // Фонд Конрада Аденауэра. URL: <https://www.kas.de/de/web/suedkaukasus/georgian-civil-society-sustainability-initiative>.
17. «Российско-армянское молодежное единство» обсудит вопросы глобальной безопасности // Sputnik Армения, 01.12.2021. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211201/rossiysko-armyanskoje-molodezhnoje-edinstvo-obsudit-voprosy-globalnoy-bezopasnosti-35943877.html>.
18. Россия сократит расходы на продвижение внешнеполитической повестки // РБК, 24.07.2017. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/07/2017/59723c879a794741088d42d8>.
19. About CSO DePo. URL : <https://hkdepo.am/en/page/about>.
20. About NED // National Endowment for democracy. URL: <https://www.ned.org/>.
21. About OSF in Armenia // Open Society Foundations – Armenia. URL: <https://www.osf.am/about-company/who-we-are/>.
22. About us // Eurasia Partnership Foundation. URL: <https://epfarmenia.am/about-us>.
23. Bairamian W. The story of foreign money in Armenia // The Armenite, 16.06.2021. URL : <https://thearmenite.com/2021/06/foreign-money-in-armenia-ngo-media-funding/>.
24. Civil Society Sustainability Index. Armenia. July 2020. URL: https://drive.google.com/file/d/1PH-z0IpRuLVhRKdAo_aOimayzedteaL/view.
25. Foreign assistance data // Официальный сайт USAID. URL: <https://www.usaid.gov/armenia/cdcs>.
26. Grants lists // Официальный сайт Open Society Foundation. URL: https://www.osf.am/about-company/grants-lists/?grant_year=2021.

Проблемы и перспективы современной внешней политики: Россия и страны бывшей Югославии

Андрейченко А.А., Артеменко М.А.,
Перетокина А.С.

АННОТАЦИЯ

В статье проводится краткий экскурс в проблему безопасности на Балканах, в котором раскрывается геостратегическое значение Балканского полуострова, описываются факторы нестабильности в данном регионе Юго-Восточной Европы. Исследуется влияние Балканского кризиса на общеевропейскую безопасность, а также место Балкан на современной геополитической карте мира. Анализируются дезинтеграционные процессы на Балканском полуострове, в частности распад Югославии.

RESUME

The article provides a brief digression into the problem of security in the Balkans, which reveals the geostrategic significance of the Balkan Peninsula, describes the factors of instability in this region of South-Eastern Europe. The impact of the Balkan crisis on European security, as well as the place of the Balkans on the modern geopolitical map of the world, is being studied. The disintegration processes in the Balkan Peninsula, in particular the collapse of Yugoslavia, are analyzed.

Ключевые слова: Балканы, Юго-Восточная Европа, военная структура, постсоветское пространство, безопасность, внешняя политика, геополитика, Югославия

Key words: Balkans, Southeast Europe, military structure, post-Soviet space, security, foreign policy, geopolitics, Yugoslavia

Андрейченко Александра Александровна, студент Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия, sasha.andreichenko010101@mail.ru

Перетокина Анна Сергеевна, студент Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия, ann.peretokina@gmail.com

Артеменко Мария Андреевна, студент Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия, mari.artemenko.1ama@mail.ru

Alexandra A. Andreichenko, student of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia, sasha.andreichenko010101@mail.ru

Anna S. Peretokina, student of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia, ann.peretokina@gmail.com

Maria A. Artemenko, student of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia, mari.artemenko.1ama@mail.ru

Введение

О стратегическом значении Балкан как в региональном, так и в глобальном измерении неоднократно писали отечественные и зарубежные исследователи. В пользу неоспоримой важности Балканского полуострова как геополитического участка

говорят его географическое положение и многие другие факторы, которые веками формировались в этом сложном и многогранном регионе Юго-Восточной Европы. Выход к двум морям – Черному и Средиземному – предоставляет большие преимущества для развития как транспортной, так и военной инфраструктуры. Нахождение Балкан в центре условного треугольника Европа – Ближний Восток – Северная Африка делает полуостров своего рода «Хартлендом» Юго-Востока Европы, контроль над которым позволит не только управлять «треугольником», но и «командовать миром» (Пономарева, 2013). По словам югославского исследователя Й. Юста, данные факторы позволяют Балканскому полуострову при необходимости стать плацдармом для ведения возможных боевых операций по всем трем направлениям (Юст, 2009). В силу своей геополитической значимости Балканы долгое время являются линией столкновения интересов и, как следствие, борьбы великих держав, стремящихся укрепить свое влияние в Юго-Восточной Европе и на мировой арене в целом.

Сербия

Ни с одной страной мира у России нет таких внешне замечательных и безоблачных отношений, как с Сербией. Независимо от смены правительств в Белграде между странами уже много лет не было даже намека на конфликт или разногласия.

Для сербских политиков встреча с российскими руководителями, особенно из силового блока и тем более с самим Владимиром Путиным, – это автоматически резкий рост рейтинга. Образцовый пример такой встречи ради встречи – визит сербского тогда еще премьера Вучича в Москву в марте 2017 года для переговоров с президентом Путиным.

Для националистических политиков типа нынешнего президента Вучича или бывшего президента Николича такие встречи важны вдвойне, потому что сотрудничество с Россией — единственная сфера, где они могут хоть как-то проявить свой сербский национализм.

Эти политики многие годы критиковали своих предшественников за излишнюю прозападность и предательство сербских интересов, но, придя к власти, сами столкнулись с тем, что пространство для внешнеполитических маневров у Сербии жестко ограничено. Россия не хочет и не может заменить для Сербии Евросоюз и НАТО, поэтому националисты во власти, по сути, продолжили курс своих прозападных предшественников. Они идут на уступки по Косову, ведут переговоры о вступлении в ЕС, все больше сотрудничают с НАТО. И единственный для них способ как-то ослабить контраст между риторикой и реальными действиями — максимально демонстративная дружба с Россией (Пономарева, 2018).

Во многом отсюда растет военное сотрудничество Белграда с Москвой. Если брать чистую статистику, то Сербия проводит совместные военные учения с США и странами НАТО более чем в 10 раз чаще, чем с Россией. Но по количеству шума, который эти учения вызывают и в сербских, и в мировых СМИ, Россия опережает НАТО с большим преимуществом.

Объясняется это тем, что Североатлантический альянс в Сербии чрезвычайно непопулярен. Согласно опросам, около 80 % сербов выступают против вступления страны в НАТО. Россия, наоборот, пользуется большой любовью: более 70 % сербов одобряют союз с русскими. На сотрудничестве с НАТО голоса можно только потерять, на дружбе с Россией — легко заработать (4, 2022).

Тесное сотрудничество с НАТО важно для Сербии, потому что она по-прежнему сталкивается с реальными угрозами безопасности, и ОДКБ или просто Россия не могут помочь ей в этих вопросах. НАТО, со своей стороны, тоже не может игнорировать Сербию: без нее невозможно окончательно урегулировать многочисленные постюгославские конфликты. Боснийские мусульмане и хорваты из всех сил стремятся в НАТО. Недавно в Альянс вступила Черногория. Но местные сербские меньшинства, которые составляют около трети населения этих стран, выступают резко против. Они по-прежнему воспринимают НАТО как антисербскую организацию (Костяшов, Кузнецов, Сергеев, Чумаков, 1997).

Периодически Москву обвиняют в том, что она планирует превратить этот центр в базу для своих спецслужб на Балканах. Однако эти опасения выглядят преувеличенными: иначе руководство центра не пускало бы к себе на экскурсии западных журналистов и дипломатов, а Белград вряд ли смог бы с такой легкостью уже более пяти лет уклоняться от российских требований предоставить центру привилегированный статус.

На переговорах с российским руководством сербские лидеры прямым текстом заявляют, что интеграция в Евросоюз — главный приоритет внешней политики Сербии, независимо от того, насколько отдаленной остается перспектива вступления. Естественно, сказать то же самое вслух про сотрудничество с НАТО сербы пока не могут. Это означало бы для Сербии слишком резкий разрыв с Россией (Bechev, 2017).

Черногория

Случай Черногории — самый показательный для анализа российской активности на Западных Балканах. Несмотря на тесные исторические и экономические связи с Россией, эта страна первой вступила в НАТО в июне 2017 года после долгого, почти десятилетнего перерыва в расширении Альянса. При этом наиболее активный этап переговоров пришелся на годы после украинского кризиса, породив разнообразные спекуляции относительно шагов, на которые готова Россия, чтобы не допустить вступления Черногории в НАТО.

Называли самые разные возможные варианты российского вмешательства. Например, Москва якобы предлагала Черногории несколько миллиардов долларов инвестиций, если та пустит к себе на побережье российскую военную базу. Или, наоборот, Кремль якобы угрожал черногорцам вторжением сил специальных операций

Наконец, в начале 2017 года власти Черногории официально обвинили Россию в том, что в октябре 2016-го она совместно с сербскими националистами пыталась организовать в Черногории заговор, убить главу правительства, силой сменить

власть. Целью готовившегося переворота было как минимум не допустить вступления Черногории в НАТО, а как максимум — превратить страну в послушный сателлит РФ, орудие дестабилизации всего региона (Езерник, 2017).

Москва обвинения Подгорицы отвергла. Тем не менее фактом является резкое ухудшение в последние годы российско-черногорских отношений. Они испортились настолько, что стали для Запада одним из главных источников беспокойства относительно российских планов во всем регионе. Связано это прежде всего с тем, что после украинского кризиса НАТО стремится продемонстрировать, что вопрос его дальнейшего расширения не закрыт и Альянс готов принимать в свои ряды новые государства, даже если это вызывает недовольство Москвы. Черногория подходила для такой демонстрации лучше других: тут сошлись и небольшие размеры страны, что снижало расходы на интеграцию, и исторические связи с Россией, и готовность местных лидеров рискнуть своими отношениями с Москвой ради вступления в НАТО, которое в регионе считают обязательным этапом на пути в Евросоюз.

На заседании Генассамблеи ООН по вопросу Крыма Черногория, опять же в отличие от соседей, не стала воздерживаться и проголосовала против России. С тех пор Черногория присоединялась ко всем пакетам европейских санкций, регулярно подчеркивая, как дорого ей обходится такая последовательная прозападная позиция. Ведь Россия давит на нее за это со всех сторон: через православную церковь, оппозиционные партии, неправительственные организации.

Практическая реакция России на вступление Черногории в НАТО оказалась куда менее бурной, чем можно было ожидать. Претензии российских санитарных служб к черногорскому вину, официальное обращение МИД 26 к россиянам с рекомендацией не ездить в Черногорию и черный список некоторых черногорских политиков появились только весной 2017 года, когда вопрос о вступлении уже был решен окончательно. А до этого недовольство Москвы проявлялось только в критических высказываниях высоких чиновников и нескольких репортажах в государственных СМИ с негативными отзывами о качестве черногорских курортов 27. Надо иметь в виду, что при желании Россия как ведущий инвестор в черногорскую экономику и крупнейший источник турпотока в эту страну имела все возможности оказать очень серьезное давление на Подгорицу еще в ходе переговоров о вступлении в Альянс (Справочник, 2015).

Учитывая ведущую роль России в черногорской экономике, потенциально Москва могла оказать самое серьезное давление на Подгорицу в вопросе вступления в НАТО. Однако на деле даже самые тяжелые обвинения, выдвинутые против Кремля, сводятся к малобюджетным операциям с ограниченной ресурсной базой и сомнительной эффективностью.

Правительства США и других западных стран рассматривают эти обвинения как доказательство того, что Кремль всерьез пытался дестабилизировать Западные Балканы. Но реальную степень обоснованности некоторых претензий Подгорицы к Москве еще только предстоит выяснить. Конечно, в Кремле должны быть раздражены тем, как резко Джуканович сменил внешнеполитический курс на пронатовский — ведь в свое время его тепло принимали в Москве как важного 28 союзника и экономического партнера не только России в целом, но и отдельных российских

чиновников. Однако и черногорское руководство, испытывающее немалые проблемы с соблюдением демократических стандартов, заинтересовано в том, чтобы смягчить западные требования реформ с помощью разговоров о российской угрозе. Демократическая партия социалистов, правящая Черногорией без малого 30 лет, старается представить любые проявления недовольства как проксивойну российских агентов против прозападного курса страны.

Проблемы Черногории неотделимы от проблем соседних балканских государств, поэтому предложить реалистичные решения для них может только Евросоюз. Это осознают и большинство жителей страны, и все ведущие политики как во власти, так и в оппозиции. Популярность России в Черногории — это не принципиальный выбор внешнеполитического курса и не результат подрывной работы российских агентов и пропаганды. Это одно из проявлений недовольства несменяемой и коррумпированной властью. И если эта несменяемая власть пользуется поддержкой Запада, то нет ничего удивительного, что оппозиция в ответ будет пытаться найти себе каких-то других, хотя бы символических внешних союзников. Россия не станет демонстративно закрывать двери перед такими страждущими (1, 2004).

Босния и Герцеговина

Боснию и Герцеговину, с ее большой, симпатизирующей России сербской общиной, тоже часто относят к странам, где у Москвы есть особые интересы. Тут, правда, речь уже не идет о смене внешнеполитического курса Боснии на промосковский, потому что менять там нечего. Через 20 лет после Дейтонских соглашений боснийская политическая жизнь на общегосударственном уровне по-прежнему остается парализованной: враждующие этнические общины упорно блокируют любые внешнеполитические инициативы друг друга.

Здесь Россию подозревают в намерении превратить автономию боснийских сербов Республику Сербскую в послушный сателлит, способный блокировать окончательное урегулирование югославских конфликтов, или даже поддержать провозглашение боснийскими сербами независимости. В этом случае Республика Сербская стала бы для Москвы чем-то вроде Южной Осетии на Балканах — небольшим и недорогим в содержании вассалом, удобным для строительства военных баз и блокирования расширения НАТО и ЕС в регионе (Балканский полуостров, 2004).

Действительно, отношения России с Республикой Сербской в чем-то напоминают ее связи с Приднестровьем или Южной Осетией. Москва самым активным образом взаимодействует с региональным руководством сербской автономии, но при этом почти полностью игнорирует общенациональные структуры Боснии и Герцеговины.

Пророссийские симпатии Додика не поколебало даже то, что в августе 2016 года Россия, по сути, распространила на Боснию продуктовое эмбарго, хотя Босния из-за вето Республики Сербской не присоединилась к западным санкциям. Несмотря на это, Москва все равно запретила импорт боснийских овощей и фруктов: формально — из-за

претензий к фитосанитарному контролю, а на деле, по-видимому, из опасений, что через Боснию российское эмбарго обходили те европейские страны, которые санкции ввели.

Но Додик этими провалами не возмущается. Для него, как и для политиков в соседней Сербии, сами по себе переговоры о сотрудничестве с Россией имеют не меньшую политическую ценность, чем их реальные результаты. Боснийские сербы испытывают еще большую обиду на Запад, чем сербы сербские. Соответственно, популярность России как силы, противостоящей обидевшему их Западу, у боснийских сербов еще выше. Республика Сербская — небольшая и небогатая автономия, где живет меньше полутора миллионов человек, а подушевой ВВП один из самых низких в Европе. Поэтому то, что Додику удается регулярно бывать в Москве, в Кремле, и даже лично встречаться с самим Владимиром Путиным, поднимает его на недосягаемую высоту для его местных политических конкурентов (Справочник, 2015).

Москва ни разу не позволяла себе какого-то шага, который можно было бы расценить как прямую поддержку сепаратистских устремлений боснийских сербов. Она может поддержать Додика в его претензиях к устройству боснийского госаппарата, но если речь заходит о территориальной целостности Боснии и Герцеговины, то Россия всегда выступает за ее сохранение.

Главная проблема Боснии не в российской поддержке Додика, а в том, что за 20 лет, прошедших после Дейтона, Евросоюз, чьим протекторатом фактически стала эта страна, так и не смог предложить трем враждующим боснийским этносам формат урегулирования, который устроил бы всех.

Пока не похоже, чтобы евроатлантические структуры собирались как-то форсировать интеграцию Сербии. Этому мешает и неготовность самой Сербии, и 36 негативная реакция, которую неизбежно вызвал бы такой шаг у соседей по региону, где по-прежнему хватает претензий к Белграду. Отсюда замкнутый круг взаимной обструкции. И из него не видно выхода независимо от того, какой будет позиция России по боснийскому вопросу.

Македония

Несмотря на то, что большинство населения Македонии составляют православные славяне, эта страна всегда привлекала намного меньше внимания России, чем соседние Сербия или Болгария. Развитию сотрудничества с Македонией мешали враждебная позиция Греции — гораздо более важного для Москвы партнера; неурегулированная проблема македонской части еще советского долга перед Югославией, которую удалось решить только в 2010 году; наконец, просто очень скромные масштабы македонской экономики. Также Россия не принимала активного участия в урегулировании последней, македонской фазы югославских войн — вооруженного конфликта между албанцами и македонцами в 2001 году.

Волна российских инвестиций в Балканы второй половины 2000-х почти не коснулась Македонии. В 2006 году свою первую македонскую автозаправку открыл «Лукойл», с тех пор их число там выросло до 28. Металлургическая группа Solway выходца из СССР Александра Бронштейна приобрела в Македонии два рудника:

свинцово-цинковый «Саса» и медный «Бучим», — крупных македонских экспортеров у России сохраняется некоторый интерес к Македонии как к потенциально важному партнеру в будущем. К тому же затяжной политический кризис, начавшийся в этой стране весной 2015 года, давал дополнительные основания для того, чтобы надолго отложить ее возможное вступление в НАТО. Во время многомесячных протестов в Скопье Россия решительно поддержала правительство Николы Груевского и обвинила Запад во вмешательстве во внутренние дела Македонии. Все это в сочетании с неприсоединением Македонии к санкциям ЕС против России дало повод заподозрить Москву в том, что она пытается воспользоваться тяжелым положением, в котором оказался правящий больше десяти лет Груевский, и навязать македонскому правительству более пророссийский курс во внешней политике (Пономарева, 2018).

Как и в других странах региона, главным партнером для македонских политиков остается Запад, а отношения с Россией для них лишь один из способов усилить свои переговорные позиции с евроатлантическими структурами. Груевский начал налаживать контакты с Москвой только через несколько лет после прихода к власти, когда все его попытки продвинуться в деле интеграции Македонии в НАТО и ЕС ни к чему не привели. И даже на последних выборах в декабре 2016 года, когда многие мировые СМИ изображали его чуть ли не марионеткой Кремля, вступление Македонии в НАТО оставалось одним из главных пунктов его партийной программы.

Новое македонское правительство, по всей видимости, надеется воспользоваться интересом России к их стране противоположным образом, но с теми же целями. Новая министр обороны Македонии Радмила Шекеринска уже заявила, что Москва пытается дестабилизировать ситуацию в стране, а остановить российскую угрозу можно с помощью вступления Македонии в НАТО.

Серьезным препятствием на пути Македонии в евроатлантические структуры остается спор с Грецией вокруг официального названия страны, но после смены правительства в Скопье и здесь наметился прогресс. Стороны опять вернулись к активным переговорам и уже провели на эту тему несколько встреч на уровне министров. А уважаемая греческая газета «Катимерини» со ссылкой на дипломатические источники сообщила, что Германия оказывает на Грецию неформальное давление, призывая Афины смягчить свою позицию в споре вокруг названия. Возможно, бывший главнокомандующий войсками НАТО в Европе Джеймс Ставридис поторопился, когда в июле 2017 года заявил, что Македония станет следующей страной, которая вступит в Альянс 64. Но по сравнению с другими государствами-кандидатами шансы Македонии стать тридцатой страной НАТО действительно выглядят самыми высокими (Entina, Pivovarenko, 2019).

Хорватия

Россия признала независимость Республики Хорватии 17 февраля 1992 года, 25 мая 1992 года были установлены дипломатические отношения. В декабре 1998 года в Москве была подписана двусторонняя Декларация о дружественных отношениях и сотрудничестве.

Важное значение для развития российско-хорватских отношений имеют контакты на высшем уровне. Также осуществляется взаимодействие между внешнеполитическими ведомствами России и Хорватии.

18 февраля 2017 года «на полях» Мюнхенской конференции по вопросам безопасности состоялась беседа министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова с президентом Хорватии Колиндой Грабар-Китарович и министром иностранных и европейских дел Хорватии Давором Штиром.

В ходе встречи обсуждалось двустороннее сотрудничество, состоялся обмен мнениями по актуальным региональным и международным проблемам. Поддерживается межпарламентский диалог. Проходят регулярные встречи на уровне заместителей глав парламентов и руководителей парламентских комитетов (11, 2020).

В июле 2017 года Россию посетила делегация комитета Хорватского сабора (парламента) по внешней политике во главе с его председателем Мирко Ковачем.

Между странами развиваются торгово-экономические отношения. Одним из основных инструментов координации, развития и регулирования их является Межправительственная Российско-Хорватская комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК).

Товарооборот России с Хорватией в 2017 году по сравнению с 2016 годом увеличился на 31,03% и составил 1,059 миллиарда долларов. В структуре экспорта России в Хорватию основная доля поставок приходится на минеральные продукты (92,16% от всего объема экспорта России в Хорватию), также в российском экспорте присутствуют металлы и изделия из них (4,23%) и продукция химической промышленности (2,04%). Российский импорт представлен такими группами товаров как продукция химической промышленности (46,61% от всего объема импорта России из Хорватии); машины, оборудование и транспортные средства (21,10%); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (13,71%); текстиль и обувь (11,05%); металлы и изделия из них (3,11%) (4, 2022).

С 1993 года по ноябрь 2017 года общий объем российских инвестиций в Хорватию превысил отметку в 400 миллионов долларов, а хорватских инвестиций в экономику России — 120 миллионов долларов.

В конце 2015 года ПАО «Силовые машины» совместно с ООО «ИК «Технопромэкспорт» завершило крупнейший в двусторонних отношениях проект — строительство третьего энергоблока ТЭС «Сисак» мощностью 230 мегаватт. Ведущие российские компании заинтересованы в реализации других перспективных начинаний в электроэнергетике, судостроении, робототехнике, банковской сфере.

На хорватском рынке нефтепродуктов работают ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром нефть» и АО «Зарубежнефть», поставляющие в Хорватию топливо и использующие хорватскую трубопроводную систему «Янаф» для прокачки сырой нефти на принадлежащие им нефтеперерабатывающие заводы в Боснии и Герцеговине и Сербии.

В целом Россия поставляет в Хорватию 250-300 тысяч тонн нефтепродуктов, а также на 60% удовлетворяет потребности страны в газе. В начале июля 2018 года «Газпром» сообщил, что поставки в Хорватию за первое полугодие выросли на 48,5% — на 0,5 миллиарда кубометров газа (4, 2022).

Словения

За последние полтора года отношения между Россией и Словенией стали менее теплыми. Предыдущий премьер М. Шарец был настроен к Москве более лояльно, он однозначно выступал против введения санкций, справедливо предвидя тяжелые последствия для словенской экономики.

Изменения характера отношений между нашими странами связаны с приходом к власти Я. Янши. Это довольно сложный политик, который вызывает неоднозначное отношение не только со стороны своих сограждан, но и у международного сообщества. В настоящее время внутривнутриполитическая ситуация в Словении далека от стабильной. По стране прокатилась волна митингов с требованием отправить в отставку премьера и правительство. 24 октября этого года на домашние адреса премьера Я. Янши и министра обороны М. Тонина пришли письма с угрозами расправы с ними и членами их семей. Пока не известно, кто разослал эти письма.

В 2021 г. председателем Совета Евросоюза снова стала Словения. В своей приветственной речи Я. Янша отметил: «Нам необходимо укреплять Европейский союз, в котором защищаются наши ценности и национальная идентичность. Национальные культуры не мешают европейской культуре. По сути, они составляют ее фундамент. Поскольку мы словенцы, мы также являемся и европейцами. В то же время нам необходимо усилить способность Европейского союза стать стратегически автономным, чтобы он мог преследовать европейские интересы на глобальном уровне». Данное заявление напомнило слова американского политика Пола Госара, главы группы за американо-словенскую дружбу в Палате представителей Конгресса США: «Словения на своем посту председателя Совета ЕС должна противостоять российскому и китайскому «влиянию» и повышать политическую устойчивость ЕС» (Справочник, 2015).

Являясь членом Европейского союза с 1 мая 2004 г. и НАТО с 29 марта 2004 г., Словения придерживалась основных принципов этих организаций, но время от времени делала небольшие отступления в своих интересах. Нынешнее же руководство, похоже, намерено идти четко в русле европейской политики. Министр иностранных дел Республики Словения А. Логар на заседании Совета Евросоюза в октябре 2020 г. озвучил отношение Словении к Российской Федерации. Он подчеркнул единство политики Словении и ЕС, присоединился к осуждению нарушения прав человека в РФ (дело Навального), выразив надежду, что Россия как можно быстрее предоставит разъяснения произошедшего.

Вывод

Западные Балканы действительно занимают важное геополитическое положение на пути из Западной Европы к Черному морю и Ближнему Востоку, но в результате долгой гражданской войны 1990-х регион превратился в одну из самых малопривлекательных и бесперспективных частей Европы. После активной

интервенции в 1999 году США и НАТО быстро переключились на другие проблемы и регионы. Евросоюз также не испытывал особого энтузиазма в отношении интеграции Западных Балкан.

У России нет ни желания, ни возможности заниматься решением балканских проблем. Недавний всплеск российской активности в регионе — свидетельство стремления Москвы противостоять доминированию США в Европе, а также реакция на поведение Запада, когда после многолетней паузы в расширении НАТО в Альянс была принята Черногория.

Цели у России на Балканах в основном имиджевые: поддержать свою репутацию мировой державы, имеющей интересы в самых разных частях мира; сохранить популярность среди местного населения; представить себя как силу, альтернативную Западу. Также Москва предпочла бы замедлить или даже вообще остановить приход НАТО в исторически близкие ей республики бывшей Югославии. Однако Западные Балканы по-прежнему не относятся к приоритетам российской внешней политики, поэтому эти цели Москва готова преследовать только до тех пор, пока это не требует серьезных вложений.

Список литературы

1. Балканский полуостров. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/5661870>.
2. Езерник Б. Дикая Европа. Москва, Лингвистика, 2017. 358 с.
3. Костяшов Ю.В., Кузнецов А.А., Сергеев В.В., Чумаков А.Д. Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII–начале XX в.: Учебное пособие. изд. Калининградского ун-та., Калининград, 1997.
4. Официальный сайт Евростата: европейская статистика. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat>.
5. Пономарева Е. Г. Балканы – реперная точка мировой политики. Взгляд из России. URL: <http://www.viaevrasia.com/ru/балканы-реперная-точка-мировой-политики-взгляд-из-россии-текст-лекции-проф-дполит-н-елена-пономарева-6-июня-2013.html>.
6. Пономарева Е. Г. Балканский рубеж России. Время собирать камни. Москва, Книжный мир, 2018. 320 с.
7. Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития: Историко-политологический справочник. Москва, Санкт-Петербург, Нестор-История, 2015. 480 с.
8. Юст Й. Россия и конфликты на территории бывшей Югославии. URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=11241>.
9. Bechev D. Rival Power: Russia in Southeast Europe. Yale, University Press, 2017. 320 p.
10. Entina E., Pivovarenko A. Russia's Foreign Policy Evolution in the New Balkan Landscape. *Političkamisao: časopis za politologiju*, 2019, vol. 56, no. 3–4, P. 179-199.
11. Russia and Putin Receive Low Ratings Globally. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/>.

Актуальные проблемы международного сотрудничества в сфере высшего образования в трансграничном регионе Арктики

Андрейченко Н.Н.

АННОТАЦИЯ

В связи с усилением оппозиционных настроений в Арктическом регионе по отношению к России возросла необходимость выявления проблем, останавливающих благополучное социально-экономическое развитие, непосредственно с дальнейшей формулировкой приоритетов возможного выхода их нынешних затруднений. Основополагающую роль в развитии многокомпонентного региона играет высшее образование, отвечающее за подготовку будущих специалистов, транслируя приоритеты государства. С усилением внешнеполитических противоречий образовательное сотрудничество терпит различные сложности. Автором были использованы логические (сравнение, анализ, синтез, описание, формулировка выводов), социологические (экспертный опрос), статистические (классификация, группировка, ранжирование) методы. В результате проведенного исследования были сформулированы основные проблемы, препятствующие образовательному сотрудничеству в Арктике и предложены возможные приоритеты дальнейшего развития.

RESUME

In connection with the strengthening of oppositional sentiments in the Arctic region in relation to Russia, the need has increased to identify problems that stop the successful socio-economic development, directly with the further formulation of priorities for a possible way out of their current difficulties. A fundamental role in the development of a multicomponent region is played by higher education, which is responsible for the training of future specialists, broadcasting the priorities of the state. With the intensification of foreign policy contradictions, educational cooperation suffers various difficulties. The author used logical (comparison, analysis, synthesis, description, formulation of conclusions), sociological (expert survey), statistical (classification, grouping, ranking) methods. As a result of the study, the main problems hindering educational cooperation in the Arctic were formulated and possible priorities for further development were proposed.

Ключевые слова: трансграничный регион, высшее образование в Арктике, проблемы международного сотрудничества

Key words: cross-border region, higher education in the Arctic, problems of international cooperation

Андрейченко Наталья Николаевна, студентка ИГСУ РАНХиГС, ORCID ID: 0000-0001-8957-9802, Москва, Россия, natali.andreychenko@mail.ru

Natalya N. Andreychenko, student of IPACS RANEPА, ORCID ID: 0000-0001-8957-9802, Moscow, Russia, natali.andreychenko@mail.ru

Введение

В настоящее время, когда глобализация преодолевает различные границы государств, культур, социальных неравенств и расстояния в физическом смысле, а

географический фактор теряет свою значимость в установлении и поддержании межграницных социокультурных политических, экономических отношений, все более становится необходимым отстаивание уникальных черт региона, останавливающих его от подражания другим. Но особая задача стоит перед приграничными территориями, которые вынуждены находиться в постоянном контакте с соседями.

Особое положение занимает Арктический регион, который соединяет различные государства в единую систему диалогов культур. Своей сложностью и многокомпонентностью он воспринимается трансграничным. Трансграничное сотрудничество предполагает открытость обществ посредством устранения возможных барьеров передвижения людей, капитала, технологий и т.д. Ключевую роль в социально-экономическом развитии играет высшее образование, которое готовит будущих профессионалов. Международное сотрудничество в сфере высшего образования расширяет возможности в формировании уникальных компетенций, в особенности в трансграничном регионе, где преобладают сетевые взаимодействия. Так можно выстроить исключительный вектор развития, в зависимости от собственных предпочтений, при этом сократить затраты, так как существует общая ресурсная база и доступ к различным образовательным программам.

Актуальной проблемой в последнее время стало усиление оппозиционных настроений в Арктике по отношению к России. Переход от сотрудничества к конфронтации в трансграничном регионе наиболее болезненный, ведь границы проницаемы. Поскольку высшее образование отвечает запросам социума и транслирует общую государственную программу развития, то в контексте усиления внешнеполитических противоречий образовательное сотрудничество может встретить трудности. Цель исследования – выявить значимые проблемы международного сотрудничества в высшем образовании в Арктике.

Актуальные проблемы международного сотрудничества в сфере высшего образования в Арктике

События, начавшиеся после признания Донецкой и Луганской народных республик Россией, а затем начало военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, стали точкой невозврата в отношениях России с коллективным западом. По словам Дмитрия Тренина, члена Совета по внешней и оборонной политике, «нараставшая конфронтация с Западом приняла форму опосредованной войны России с США и НАТО на территории Украины» (Тренин, 2022). В мировом пространстве происходит сдвиг центра экономической активности «из Евро-Атлантического региона в Индо-Тихоокеанский» (Тренин, 2022). Россия продолжает отстаивать свои национальные интересы, свой суверенитет даже в условиях внешнего давления. Несмотря на многочисленные санкции, она верна международным обязательствам и стремится к гармоничному сосуществованию различных народов и государств. Коллективный запад занял категоричную позицию

Рисунок 1

Форма экспертного опроса

Экспертный опрос

ФИО:

Должность:

Наименование вуза / организации:

В процессе исследования были выделены следующие проблемы. Пожалуйста, расставьте их в порядке значимости от 1 (самая значимая) до 5 (менее значимая) для развития сотрудничества в сфере высшего образования.

Необходимость исполнения политических решений и дублирования их на уровне образовательных учреждений (существенное влияние политических процессов на образование);	
Отсутствие альтернативных источников финансирования;	
Неисполнение договорных обязательств;	
Лишение доступа к совместно созданной ресурсной базе;	
Невозможность реализации индивидуальных траекторий обучения в соответствии с предпочтительными планами.	

Другая проблема (напишите, какая именно)

На ваш взгляд, какие есть перспективы образовательного сотрудничества в Арктике?

От чего будет зависеть их реализация?

Напишите ваши рекомендации исследователю образовательного сотрудничества в Арктике.

нежелания осознавать обстоятельства, в которых Российская Федерация вынуждена действовать, что безусловно, не позволяет проводить переговоры о сотрудничестве на основе взаимопонимания.

Арктика – регион-противоречий. В Арктическом совете состоят страны, которые оппозиционно относятся к России, в особенности, в настоящее время, когда ещё не разрешен конфликт с Украиной. В связи с ведением боевых действий участие России в Арктическом совете приостановлено, следовательно, сотрудничество заморожено. Данное решение было принято 3 марта Арктической семеркой (США, Канада, Норвегия, Финляндия, Швеция, Исландия, Дания). Российская Федерация до разрешения конфликта не будет участвовать в заседаниях Арктического совета. Хотя в 2021 году началось председательство России в Арктическом совете, которое должно продлиться до 2023 года. Замораживание отношений и отсутствие возможности присутствовать на заседаниях, прямо противоречит процессу председательства.

Позиция Университета Арктики отвечает требованиям Арктического совета (в 2001г. университет был удостоен официального звания наблюдателя в Арктическом совете). Членство 55 российских образовательных учреждений приостановлено в связи с осуждением Правления Университета Арктики ведения военных действий на Украине. В официальном оповещении утверждается, что сеть Университета Арктики стремится к укреплению высшего образования на Северных территориях, с особым вниманием относиться к студентам и молодым исследователям и ожидает возможности проведения дальнейшего сотрудничества (Журавель, 2018). Были введены следующие меры:

- «Приостановление работы Конгресса Университета Арктики 2022г. в Москве;
- Поддержка общих ценностей в Арктике со стороны студентов и ученых (проявление уважения ко всем участникам);
- Продолжение сотрудничества между отдельными исследователями в тематических сетях и проведение мероприятий для студентов, где это возможно, учитывая санкции и ограничения национальными институциональными правилами;
- Освобождение от оплаты членских взносов за 2022г. членов Университета Арктики в России» (3, 2022).

Таким образом, в решениях Университета Арктики прослеживается позиция Арктического совета, так политические решения транслируются на уровне образовательных организаций. Также остановка реализации проектов связана с неисполнением договорных обязательств, лишением доступа к совместно созданной ресурсной базе и как следствие может привести к отсутствию альтернативных источников финансирования.

Чтобы подтвердить наличие данных проблем и сформулировать перспективы дальнейшего международного образовательного сотрудничества в Арктике, был выбран метод экспертного опроса, форма которого приведена на рисунке 1.

Рассмотрим результаты проведенного социологического исследования.

Первый вопрос посвящен определению важности каждой из выявленных актуальных проблем международного сотрудничества в сфере высшего образования в Арктическом регионе. Экспертам было предложено расставить баллы в порядке

значимости от 1 (самая значимая) до 5 (менее значимая) к 5 проблемам. В таблице 1 представлена сводка данных по количеству экспертов, отметивших тот или иной балл в шкале оценивания в зависимости от проблемы.

Таблица 1

Количество экспертов по отмеченной шкале оценки проблем международного сотрудничества в сфере высшего образования

Проблемы международного сотрудничества в сфере высшего образования	Шкала оценки (самая значимая – 1; менее значимая – 5)				
	1	2	3	4	5
Необходимость исполнения политических решений и дублирования их на уровне образовательных учреждений.	36,4%	9%	27,3%	18,2%	9%
Отсутствие альтернативных источников финансирования.	9%	63,6%	9%	18,2%	
Неисполнение договорных обязательств.	9%	36,4%	18,2%	36,4%	
Лишение доступа к совместно созданной ресурсной базе.		36,4%	54,5%		9%
Невозможность реализации индивидуальных траекторий обучения в соответствии с предпочтительными планами.	18,2%	18,2%	27,3%		36,4%

По представленной таблице можно сделать вывод, что большинство экспертов склоняется к следующему порядку (от самого значимого к менее значимому):

1. Необходимость исполнения политических решений и дублирования их на уровне образовательных учреждений (существенное влияние политических процессов на образование);
2. Отсутствие альтернативных источников финансирования;
3. Лишение доступа к совместно созданной ресурсной базе;
4. Неисполнение договорных обязательств;
5. Невозможность реализации индивидуальных траекторий обучения в соответствии с предпочтительными планами.

Тем не менее, вопрос остается дискуссионным, потому что в соответствии с коэффициентом конкордации Кэнделла степень согласованности экспертов низкая.

Степень согласованности между экспертами определяется по формуле: $W = B$ в таблице 2 представлены все необходимые исходные данные для расчета.

Таблица 2

Шкала оценки проблем международного сотрудничества в сфере высшего образования по каждому эксперту

Проблемы международного сотрудничества в сфере высшего образования	Условные номера экспертов, m											Сумма шкал	Отклонение суммы шкал	Квадрат отклонения суммы шкал
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11			
	Шкала оценки													
Необходимость исполнения политических решений и дублирования их на уровне образовательных учреждений	1	5	1	3	4	1	2	3	3	4	1	288	-2,2	4,84
Отсутствие альтернативных источников финансирования	2	4	4	1	2	2	2	2	2	3	2	26	-4,2	17,64
Неисполнение договорных обязательств	4	2	2	1	4	4	3	2	3	2	4	31	0,8	0,64
Лишение доступа к совместно созданной ресурсной базе	3	3	3	2	2	5	3	3	2	2	3	31	0,8	0,64
Невозможность реализации индивидуальных траекторий обучения в соответствии с предпочтительными планами	5	1	5	3	2	1	3	5	2	3	5	35	4,8	23,04
Итого:	15	15	15	10	14	13	13	15	12	14	15	151	120,8	46,8

$W = 0,017$. Чем ближе значение коэффициента конкордации Кэнделла к единице, тем теснее согласованность экспертов. Следовательно, в отношении выстраивания приоритета актуальных проблем, которые наиболее сильно повлияют на дальнейших ход событий в международном взаимодействии в Арктике, остается широта выбора.

Сотрудничество подразумевает обмен опытом и перераспределение ресурсов для реализации общих задач. Остановка данных взаимоотношений с партнерами становится шоком, который отражается в ряде проблем. При поиске решения прибегают к предложениям возможных альтернатив. Поэтому перейдем к следующему вопросу, адресованному экспертам.

Рисунок 2

Приоритеты международного сотрудничества в сфере высшего образования

Эксперты в ответ на вопрос о возможных перспективах сотрудничества отмечают, что взаимодействие гипотетически может быть возобновлено в случае, если Запад откажется от санкционной политики. Тем не менее, возможно частичное осуществление проектов в направлениях, представленных на рисунке 2.

Таким образом, выделенные приоритеты относятся к научной, образовательной и культурной сферам в рамках преодоления политических барьеров. Следовательно, образование в соединении с наукой и культурой становится ключевым механизмом ведения диалога для преодоления внешнеполитического бойкота. А сотрудничество на уровне малых групп может стать наиболее перспективным направлением.

Реализация перспектив во многом зависит от наличия разных источников финансирования, с преобладанием средств производственных компаний и

частных инвесторов. Также от усилий и компетенций организаторов координации образовательных и научно-исследовательских организаций с органами власти. Безусловно, стороны сотрудничества должны быть заинтересованы в проведении совместных проектов.

Выводы

Таким образом, главная проблема сотрудничества в сфере высшего образования в Арктике – беспрекословное следование санкционной политике коллективного Запада. В ближайшем будущем Финляндия и Швеция могут войти в состав НАТО, отчего блок антироссийского противостояния еще больше сплотится. Следовательно, Россия в реализации социально-экономического развития Арктической зоны должна искать альтернативные пути межрегионального сотрудничества внутри страны, если временно не удастся установить международные контакты.

При выстраивании приоритетов необходимо учитывать заинтересованность стран Запада в выстраивании диалога с Россией. Тем не менее, когда в приоритете лишь собственные интересы и трактуется ситуация каждым субъектом внешнеполитической деятельности в зависимости от получаемой выгоды, образование может стать ключом к решению политических разногласий. Политические запреты не должны препятствовать межкультурному диалогу, потому что построение барьеров не может привести к решению конфликта.

Список литературы

1. Журавель В. П. Университет Арктики и его роль в развитии международного арктического сотрудничества // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. Вып. 5. С. 173-180.
2. Тренин Д.В. Кто мы, где мы, за что мы – и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 3. С. 32-42.
3. Членство Российской Федерации в Университете Арктики приостановлено / Официальный сайт Университета Арктики. URL: <https://ru.uarctic.org/>.

Роль сетевого формата сотрудничества между вузами в развитии трансграничного региона

Андрейченко Н.Н.

АННОТАЦИЯ

В связи с усложнением и ускорением процессов в современном мире и усилением глобализации, возникает необходимость совершенствования форматов сотрудничества и перехода к многокомпонентности. Многовекторность взаимодействия реализуется в рамках сетевых форматов. В данном исследовании сравнивается трансграничное сотрудничество с сетевыми форматами для выявления их роли в развитии трансграничного региона. Автор рассматривает сотрудничество в сфере высшего образования. Используются следующие методы: описание, анализ, сравнение, обобщение, формулировка выводов, а также классификация. Ввиду отсутствия точных критериев, раскрывающих сущность сетевых форматов, автором предлагаются результаты систематизации. В процессе исследования было доказано значение сетевых форматов сотрудничества в развитии высшего образования в трансграничном регионе.

RESUME

In connection with the complication and acceleration of processes in the modern world and the strengthening of globalization, there is a need to improve the formats of cooperation and the transition to a multicomponent approach. Multi-vector interaction is implemented within network formats. This study compares cross-border cooperation with network formats to identify their role in the development of a cross-border region. The author considers cooperation in the field of higher education. The following methods are used: description, analysis, comparison, generalization, formulation of conclusions, and classification. Due to the lack of precise criteria that reveal the essence of network formats, the author proposes the results of systematization. In the course of the study, the importance of network formats of cooperation in the development of higher education in the cross-border region was proved.

Ключевые слова: трансграничный регион, сетевые форматы, международное сотрудничество в высшем образовании

Key words: cross-border region, network formats, international cooperation in higher education

Андрейченко Наталья Николаевна, студентка ИГСУ РАНХиГС, ORCID ID: 0000-0001-8957-9802, Москва, Россия, natali.andreychenko@mail.ru

Natalya N. Andreychenko, student of IPACS RANEPА, ORCID ID: 0000-0001-8957-9802, Moscow, Russia, natali.andreychenko@mail.ru

Введение

Современный мир характеризуется повышенной динамикой и сложностью процессов. По мере усложнения технологий и ускорения их внедрения все больше возлагается ответственность на образование. От качества полученных знаний зависит эффективность приобретения навыков в профессиональной деятельности. Качественное образование должно обладать культурной приемлемостью и гибкостью (в контексте адаптации к возникающим социально-экономическим изменениям).

Ведущей тенденцией в процессах усовершенствования образовательных систем в условиях глобализации становится интернационализация высшего образования.

Процессы интернационализации подразумевают встраивание национальных вузов в мировое образовательное пространство, что позволяет объединить ресурсы и избежать повторения тем научных исследований. В последнее время волнительной темой является международное признание российских вузов (участие в международных рейтингах, расширение сотрудничества посредством программно-проектной деятельности и др.), отчего упрочились такие показатели как количество международных программ академической мобильности или двух дипломов, наличие иностранных студентов, количество предметов, преподаваемых на иностранных языках и т.д. Сущность интернационализации в сфере высшего образования заключается в трансформации вузов из национальных в международные. Можно заключить, что в данных условиях необходима разработка «поликультурных и многоязычных учебных программ, основанных на множественности взглядов и мнений» (2, 2009), с учетом историко-культурных особенностей в том числе национальных меньшинств. Встраивание России в единое Европейское образовательное пространство произошло с подписанием Болонской декларации 1999г., которая включает следующие основные направления деятельности (Гриценко, 2017):

1. Глобальное измерение Европейского высшего образования;
2. Признание;
3. Мобильность;
4. Обеспечение качества и социальная направленность;
5. Возможность трудоустройства;
6. Образование на протяжении жизни;
7. Трехуровневая система степеней (бакалавриат, магистратура, аспирантура).

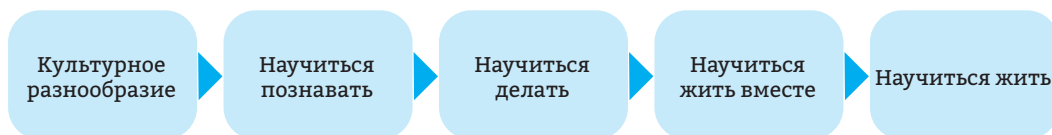
Интернационализация высшего образования обладает двумя векторами: внутренним и внешним. Внутренние формы интернационализации включают набор иностранных студентов, приглашение научных работников, преподавателей из других государств, организацию международных проектов, программ и пр. Внешняя интернационализация выражается в признании зарубежных программ с целью продолжения обучения за рубежом, создании международных образовательных стандартов и др.

Таким образом, интернационализация является ответом на процессы глобализации. При этом по мнению ученых Ф. Альбаха и Дж. Найта «если процессы глобализации невозможно изменить, то процессы интернационализации оставляют возможность для выбора» (Altbach, Knight, 2007).

Тем не менее, интернационализация имеет отрицательные черты, несмотря на возможности, которые она предоставляет. Данная проблема связана с тем, что существует конфликтогенный потенциал между регионами, ведь каждый преследует свои интересы, а точкой бифуркации может стать ущемление потребностей (Комлева, 2017). В условиях глобализации усиливается риск потери идентичности, следовательно, интернационализация создает угрозы национальным образовательным системам. Наличие амбиций у различных государств может

Рисунок 1

Принципы качества образования

привести к конкуренции за лидерство, что не способствует благополучному развитию, а препятствует из-за потенциальных конфликтов. Наиболее болезненны последствия противоречий в приграничных территориях, связанных единой геосистемой, такие как трансграничные регионы. Проницаемость границ с одной стороны способствует постоянному взаимодействию, а с другой может выстроить барьеры на пути к налаживанию конфликта. Высшее образование отличается возможностью вести диалог на социокультурном уровне, что может способствовать решению возникших противоречий, что в особенности актуально в настоящий период санкций по отношению к России. Проведя анализ форм международного образовательного сотрудничества, было решено выделить один из них – сетевой. А целью настоящего исследования стало выявление роли сетевого формата сотрудничества между вузами в развитии трансграничного региона.

Роль сетевого формата сотрудничества между вузами в развитии трансграничного региона

Сетевая форма сотрудничества между образовательными учреждениями отвечает сложности процессов, переплетению информационно-коммуникационных сетей современного мира, оттого данная форма наиболее актуальна.

Переходя к сетевым форматам образовательного сотрудничества, нельзя не упомянуть тенденцию непрерывного самообразования, что напрямую связано с постоянными изменениями. Международная комиссия по образованию в своем докладе выделила 4 принципа качества образования на основе принципа непрерывности процесса образования (7, 1996) (см. рисунок 1).

«Научиться познавать» означает умение сочетать обилие информации с возможностью её углубленного изучения. При условии отсутствия временной планки, можно не ограничивать свои амбиции в познании нового и расширении диапазона своих знаний. Положение «научиться делать» затрагивает практическую сферу профессиональной деятельности (умение работать в различных социальных и производственных условиях). «Научиться жить вместе» должно способствовать воспитанию чувства взаимопонимания, из которого складывается взаимовлияние в плане создания общих проектов и совместного урегулирования возникающих конфликтов. «Научиться жить», принимая на себя ответственность за свое будущее, содействуя реализации личного потенциала и не теряя предоставленных возможностей.

Рисунок 2

Ресурсы, задействованные при создании сетевой системы

Кадровые ресурсы:

- Высококвалифицированные преподаватели;
- Специалисты в области оценки профессиональных квалификаций.

Информационные ресурсы:

- Научно-технологическая база данных;
- Электронные библиотеки.

Материально-технические ресурсы:

- Лаборатории, специализированные помещения;
- Учебно-производственное оборудование.

Учебно-методические ресурсы:

- Основные и дополнительные образовательные программы;
- Профессиональные модули, методические материалы.

Социальные ресурсы:

- Партнёрские связи с предприятиями реального сектора экономики, с профессионально-педагогическим сообществом региона.

Образование подразумевает не только приобретение знаний и перенимание социальных навыков, необходимых в профессиональной деятельности, но и передачу ценностей, отражающих культурную идентичность того или иного этноса. Следовательно, образовательное сотрудничество нацелено на расширение выбора в получении разнообразия профессиональных компетенций посредством разработки и принятия различных методик и технологий, отвечающих индивидуальным духовным и социальным потребностям. В условиях усложнения многокультурных обществ образование помогает в налаживании межкультурного общения. Наиболее подходящей формой сотрудничества в условиях усиления взаимозависимости государств, мобильности человека и ускорения изменений становится сетевое взаимодействие. Оно подразумевает систему горизонтальных и вертикальных связей, которая расширяет доступность получения качественного образования гражданами, предоставляет варианты образовательных программ и позволяет использовать совместные ресурсы (Швецов, Дугаров, 2012). Сетевое сотрудничество может сочетать двусторонние, многосторонние и сетевые проекты, которые в перспективе могут преобразовываться и приобретать междисциплинарный характер и др.

В рамках сетевого взаимодействия возможно перераспределение общих ресурсов в соответствии с потребностями участников, с опорой на их инициативу, но с учетом общности цели. Данные взаимоотношения создаются на добровольной

основе и удерживаются наличием общей проблемы и интересами всех участников сети. Основная цель сетевого взаимодействия учреждений высшего образования – создание работающего механизма внедрения передовых идей в экономику.

Сетевое взаимодействие вузов регулируется ст.15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» №272 от 29 декабря 2012г. (Федеральный закон, 2012) и «Положением об организации сетевых образовательных программ в федеральных университетах», а также уставы образовательных организаций, договоры и соглашения о совместных программах. При создании сетевой системы обращаются к следующим ресурсам (см. рисунок 2).

Стратегическое решение по созданию сетевой организации, применяющей отмеченные ранее ресурсы, нацелено на модернизацию региональных систем высшего образования, что доказывает положительное влияние сетевых форматов на социально-экономическое развитие региона. Почему сетевую форму можно назвать наиболее подходящей в развитии трансграничного сотрудничества в сфере высшего образования?

Уникальность сетевых форматов сотрудничества и дальнейшая применимость их в трансграничном регионе объясняется следующими критериями:

- Наличие общей проблемы, на решение которой направлено образовательное сетевое сотрудничество;
- Совместно созданная ресурсная база, позволяющая компенсировать недостатки и усиливать преимущества участников взаимодействия;
- Прямые контакты участников, непосредственные взаимодействия;
- Вариативность сотрудничества, которая дает возможность выбора наиболее востребованных индивидуальных бенефициаров (в рамках общей проблемы);
- Согласованность нормативно-правовой базы и образовательных программ участников сетевого сотрудничества.

Выводы

Предложенные критерии объясняют необходимость применения сетевых форматов в условиях трансграничного сотрудничества: наличие общей проблемы является стимулом объединения территорий для трансграничного взаимодействия. Совместно созданная ресурсная база предоставляет возможность экономии средств. Прямой контакт участников необходим для поддержания добрососедских отношений. Вариативность сотрудничества выражает свободу в построении индивидуального пути развития. Согласованность нормативно-правовой базы обеспечивает нормативное регулирование взаимодействия участников. Согласованность учебных планов позволяет формировать у выпускников разных образовательных учреждений схожие профессиональные компетенции, развивать схожие подходы к пониманию решений проблем в трансграничном регионе.

Также в полицентрической структуре трансграничного сотрудничества каждый регион является центром сетей роста, что объясняется свойством

полярности. Можно выделить следующие принципы полицентрического развития трансграничного региона: территориальный, экономический, политический, социальный, культурный. Территориальный принцип полицентризма подразумевает наличие многих полюсов развития в качестве центров, обладающих иерархическими структурами. Экономический принцип полицентризма ориентирован на использование преимуществ центрального положения и возможности сокращения издержек за счет сосредоточения экономического и человеческого капитала в конкретных регионах. Реализация принципа полицентризма в политической сфере возможно в условиях развития демократии и частичного делегирования полномочий регионам. Социальный принцип полицентризма подразумевает позиционирование населения, понимание особенностей своего этнического происхождения и взаимодействие на основе взаимопонимания и взаимоуважения к другим. Культурный принцип полицентризма проявляется в поддержке естественных тенденций к децентрализации и в противостоянии поляризации территориальных структур. Полицентрическое развитие в контексте создания регионов трансграничного взаимодействия влияет на изменение в представлениях общества, в его восприятии территориальной и национальной идентичности.

Таким образом, в условиях глобализации и интернационализации образования требуется встраиваться в международное образовательное пространство, не теряя собственную идентичность. Трансграничное сотрудничество, как и сетевые форматы, основано на учете взаимных интересов при решении общей проблемы. При этом образовательная сеть представляет собой среду, в которой вузы могут взаимодействовать с любым из участников сети, выстраивая индивидуальный вектор развития. Поэтому сетевые формы и полицентричное трансграничное сотрудничество схожи и отвечают сложностям управления взаимодействием.

Список литературы

1. Гриценко Е. В. Формы и направления международного сотрудничества в сфере образования по российскому законодательству: проблемы практической реализации // Петербургский юрист. 2017. Вып.3. С. 57-94.
2. Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами / Всемирный доклад ЮНЕСКО // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2009. 38 с.
3. Комлева В. В. Противоречия интернационализации высшего образования // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. №. 6. С. 469-477.
4. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон N 273-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 30 декабря 2021 года : [принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года] // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?
5. Швецов М. Ю., Дугаров А. Л. Сетевое взаимодействие образовательных учреждений профессионального образования в регионе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2012. №. 5. С. 33-38.
6. Altbach P. G., Knight J. The internationalization of higher education: Motivations and realities // Journal of studies in international education. 2007. Т. 11. №. 3-4. С. 290-305.
7. Learning, the treasure within : report to UNESCO of the International Commission on Education for the Twenty-first Century // Paris : Unesco Pub, 1996. 266p.

Цифровая трансформация в региональном управлении (на примере Новосибирской области)

Антонников Н.А.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается процесс цифровой трансформации в региональном управлении Российской Федерации, в качестве примера, рассматривается развитие данного процесса в Новосибирской области. Внедрение инноваций в региональное и государственное управление позволяет значительно ускорить работу аппарата органов власти, сделать предоставляемые государством услуги более доступными для населения. Осознание потенциала цифровой трансформации сделало её мировым трендом в изменении государственного управления. Особый интерес к цифровой трансформации регионального и государственного управления вызывается в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), начавшемся в конце 2019 года, постепенно переросшим в состояние пандемии. Возможность функционирования государственных механизмов на основе цифровых систем, не только позволяет сократить время выполнения основных функций и задач, но и делает формат дистанционного взаимодействия между людьми более пригодным, что является крайне важным в условиях подобных обстоятельств. В ходе анализа различных источников о развитии цифровой трансформации в региональном управлении были выявлены главные проблемы данного процесса – неравномерность его развития в регионах и практически полное отсутствие государственных рейтингов цифровой трансформации регионального управления, полноценно позволяющих оценить степень развития процесса.

В статье рассмотрена законодательная база Российской Федерации, на основе которой формируется процесс цифровой трансформации регионального управления. Можно отметить, что большинство законодательных актов в этой области были разработаны и приняты лишь недавно, поэтому процесс цифровой трансформации регионального управления находится на начальном этапе

В статье выделены особенности развития цифровой трансформации регионального управления, многие из которых выявлены на основе анализа отдельного региона – Новосибирской области.

RESUME

The article discusses the process of digital transformation in the regional administration of the Russian Federation, as an example, the development of this process in the Novosibirsk region is considered. The introduction of innovations in regional and public administration can significantly speed up the work of the government apparatus, make the services provided by the state more accessible to the population. Awareness of the potential of digital transformation has made it a global trend in changing public administration. Particular interest in the digital transformation of regional and public administration is aroused in connection with the spread of coronavirus infection (COVID-19), which began at the end of 2019 and gradually turned into a pandemic. The possibility of functioning of state mechanisms based on digital systems not only reduces the time of performing basic functions and tasks, but also makes the format of remote interaction between people more suitable, which is extremely important in such circumstances. During the analysis of various sources on the development of digital transformation in regional management, the main problems of this process were identified – the unevenness of its development in the regions and the almost complete absence of state ratings of digital transformation of regional management, fully allowing to assess the degree of development of the process.

The article examines the legislative framework of the Russian Federation, on the basis of which the process of digital transformation of regional governance is formed. It can be noted that most of the legislative acts in this area have been developed and adopted only recently, so the process of digital transformation of regional governance is at an initial stage

The article highlights the features of the development of the digital transformation of regional governance, many of which are identified based on the analysis of a separate region – the Novosibirsk region.

Ключевые слова: цифровая трансформация государственного управления; экономические санкции; реализация национальных проектов России; инфраструктурные проекты; региональное управление; тенденции развития регионального управления

Key words: digital transformation of public administration; economic sanctions; implementation of national projects in Russia; infrastructure projects; regional governance; trends in the development of regional governance

Антонников Никита Александрович, студент Института государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия, antonnikovros@mail.ru

Nikita A. Antonnikov, student of IPACS RANEPa, Moscow, Russia, antonnikovros@mail.ru

Введение

На данный момент понятие «цифровая трансформация» не получило однозначного определения. Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН Алфёрова Е.В. предлагает следующее определение: «в широком смысле под цифровой трансформацией понимаются изменения всех аспектов общества, связанные с применением цифровых технологий; ключевой тренд, характерный для различных отраслей и секторов экономики и социальной сферы, позволяющий радикально повысить результативность и расширить объем операций». Также, определение «цифровой трансформации», в более узком смысле, трактует Уральский филиал Финансового университета при Правительстве РФ: «переход от использования цифровых технологий для поддержки процессов в органах власти к использованию цифровых технологий для формирования результатов государственного управления».

Законодательная база в области цифровой трансформации РФ

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Одной из задач программы является «создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе в каждой сфере». Реализации этой задачи посвящен федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», который курирует Министерство экономического развития Российской Федерации.

В настоящее время основные мероприятия по цифровизации государственного управления сформулированы в рамках разработанного федерального проекта «Цифровое государственное управление» (далее — федеральный проект), включенного в состав национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации».

В рамках федерального проекта основное внимание уделяется вопросам цифровой трансформации государственных (муниципальных) услуг и сервисов.

По поручению Президента, данному в январе, до 1 сентября 2021 года регионы РФ должны были разработать и утвердить региональные стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей. В соответствии с поручением, документы должны предусматривать внедрение конкурентоспособного отечественного ПО, программно-аппаратных комплексов и искусственного интеллекта. Показатели цифровизации заложены до 2024 года. В начале 2021 года регионами Российской Федерации были утверждены стратегии в области цифровой трансформации.

Региональные стратегии в среднем включают в себя 10 отраслей, который будут являться основными направлениями развития цифровой трансформации регионов. Был сформирован план-график по разработке данных проектов.

Цифровая трансформации регионов получила законодательный статус лишь с 2021 года. До этого периода, законодательно, она исполнялась лишь в системах государственного управления федерального уровня. Если же данный процесс и проводился в регионах, то он не носил обязательного характера и являлся инициативой региональной власти. Отсутствие законодательного регулирования цифровой трансформации регионов был крайне серьезной преградой для реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», ведь по итогу, данный процесс, до принятия необходимых норм, шёл неравномерно по регионам страны.

Обращение внимания на развитие цифровой трансформации на региональном уровне повлекло за собой необходимость в оценке субъектов в уровне развития цифровой трансформации и успешности реализации стратегии.

Попытки разработать индекс цифрового развития регионов предпринимаются с 2018 года, когда заместитель председателя Совфеда Андрей Турчак давал обещание, что рейтинг цифровизации регионов будет представлен на ПМЭФ-2019. На ПМЭФ-2019, однако, презентация рейтинга не произошла. В октябре 2019 Совфед представил «визуальный концепт рейтинга цифровизации регионов».

Два года спустя, в 2020-м, заместитель председателя правительства Дмитрий Чернышенко представил индекс цифровой зрелости регионов, пообещав рассчитать его значения для каждого региона к апрелю 2021. В августе 2020 Чернышенко заявил, что первым («пилотным») регионом для расчёта рейтинга станет Пермский край. В феврале 2021 с помощью Ростеха в крае оценили цифровую зрелость региональной экономики.

Количество субъектов с высоким уровнем «Цифровой зрелости» является немногочисленным (см. рисунок 1). Причем большинство из них, приходится на Центральную Россию и Сибирь. Но даже эти макрорегионы нельзя назвать однородными в развитии данного показателя. Многие зависит не только в тесноте их взаимодействия в сфере цифровой трансформации, но и от близости их связи по направлениям производства, развития цифровых технологий, экономического сотрудничества и пр. Нереализованный потенциал межрегионального сотрудничества замедляет процесс цифровой трансформации регионов. Существование малопроизводительных и низкотехнологичных производств в структуре экономик многих субъектов РФ является катализатором затруднений в реализации цифровой трансформации регионального управления.

Рисунок 1**Субъекты РФ с высоким уровнем достижения «Цифровой зрелости»**

Мы можем заметить, что немаловажным фактором становится пространственный эффект. Некоторые соседние регионы, в которых развита технологическая составляющая образуют группу, средние показатели которой выше средних общероссийских показателей. Можно выделить регионы Центральной России, Урала, Поволжья и Западной Сибири. Межрегиональное сотрудничество оказывает значительное влияние на процесс цифровой трансформации.

Младший научный сотрудник Центра структурной политики ИЭ УрО РАН Аверина Л.М. анализируя пространственный эффект от инновационной активности промышленно развитых регионов РФ на примере Поволжья, Урала и Западной Сибири приходит к выводу, о том, что рост инновационной активности промышленных предприятий в данных регионах создает агломерационный и локализационный эффекты, способствующие усилению межрегионального взаимодействия.

В июле 2021 года Минцифры попросило региональных руководителей цифровой трансформации предоставить данные об их эффективности.

Промежуточные итоги расчёта рейтинга на 2021 год руководителей цифровой трансформации (РЦТ) регионов являлись следующими – лидировал первый заместитель губернатора Тульской области – председатель правительства Тульской области Валерий Шерин (первое место), заместитель губернатора Курганской области – руководитель аппарата губернатора Курганской области Оксана Куташи (второе место), заместитель губернатора – председателя правительства Севастополя Мария Литовко (третье место).

Нельзя не отметить существенную неравномерность успешности деятельности региональных руководителей цифровой трансформации. Так, максимальными баллами обладают Тульская область (11,3), Курганская область (11), Севастополь (10,4), при этом соседние регионы перечисленных субъектов могут показывать результаты намного ниже – Орловская область (5,4), Республика Крым (6,6) и др.

Подготовка кадров цифровой трансформации регионального управления играет особую роль в данном процессе. Такие субъекты, как Москва и Санкт-Петербург безусловно вырываются вперед по уровню развития цифровых технологий, и как следствие, высокой степени цифровой трансформации регионального управления. Причины этого очевидны: данные субъекты, являясь финансовыми и культурными центрами страны, создают крупные связи экономического и научного взаимодействия не только со всеми регионами России, но и с остальным миром, изучая и принимая его опыт на практике. Но многие регионы Российской Федерации не могут располагать такими возможностями. Данные субъекты должны стать для них «мостом» необходимых средств для цифровой трансформации. Поэтому для региональной власти подготовка компетентных управленцев, участие в различных научных форумах, посвященных цифровой трансформации, взаимодействие с научными центрами в лидирующих в данной отрасли субъектах, должна частью работы по направлению цифровой трансформации управления. Примером такого взаимодействия может стать участие губернатора преуспевающей в сфере цифровой трансформации Новосибирской области Андрея Травникова в работе Международного форума «Технопром-2021».

Глава министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ Максют Шадаев заявлял о делении регионов на три группы по реализации планов цифровой трансформации. Таким образом, к первой группе относят регионы (Большая часть регионов России), берущие федеральные ресурсы (деньги и сервисы); вторая группа (например, Санкт-Петербург, Новосибирская область) – регионы, проявляющие уникальность, тем не менее, в основном использующие федеральные ресурсы. Третья группа (например, Москва, Московская область, Татарстан) – лидирующие в этой области регионы, практически не нуждающиеся в федеральной поддержке.

Тем не менее, регионы первой и второй группы нельзя назвать отстающими. Минимальная программа в них будет реализована, а цели достигнуты. Регионы третьей группы являются прорывными, выполняющими не только установленные планы, но и внедряющими инновационные технологии, создавая базу и пример для других субъектов, собирающихся использовать данные разработки в последующем развитии отрасли цифровой трансформации. Но, к сожалению, регионы третьей группы являются меньшинством, а регионы первой группы – большинство. Регионы, относимые к первой группе, явно обладают проблемами при реализации проекта и простая федеральная поддержка, без изменения самого подхода к достижению поставленных целей не сможет в полной мере решить их.

Таким образом, особой спецификой цифровой трансформации регионального управления является неравномерность развития. Причиной этого является недостаток нормативной базы и её запоздалое введение. Но так или иначе, субъектам необходимо выполнить собственные планы цифровой трансформации, выстроенные на основе составленных стратегий цифровой трансформации ключевых отраслей. Это направление имеет особую роль, ведь чем выше способность региона использовать потенциал собственной цифровой экономики, тем больше интереса он может вызвать со стороны инвесторов. Удобство и быстрота предоставляемых услуг для

инвесторов является одним из важнейших пунктов благоприятной инвестиционной среды. То, как быстро можно зарегистрировать предприятие, получить разрешение на строительство, оформить земельный участок и пр. является элементами цифровой трансформации управления. Поэтому уровень цифровой трансформации может стать в основе конкурирующих областей регионов России. При реализации цифровой трансформации государственного управления придется столкнуться с большим количеством проблем, такими как: потеря актуальности многих нормативных актов или необходимость в создании новых в сфере цифровых технологий, в связи с их крайне динамичным и постоянным развитием; формирование культуры пользования цифровыми технологиями не только во властных структурах, но и среди населения; внешние обстоятельства – санкции, пандемия и прочее, при которых возникают трудности в производстве или доступе ко многим средствам, без которых процесс цифровой трансформации невозможен.

Цифровая трансформация на примере Новосибирской области

Цифровая трансформация Новосибирской области охватила такие отрасли, как государственное управление, здравоохранение, образование, социальная сфера, транспорт, городская среда, сельское хозяйство. Всего запланировано около 50 проектов – как региональных, так и федеральных.

В 2021 году цифровизация Новосибирской области получила новый виток: создан Совет по цифровому развитию, а также утверждена Стратегия в области цифровой трансформации. При разработке Стратегии в основу легли поручения президента по достижению «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления. Документ предусматривает внедрение конкурентоспособного отечественного программного обеспечения и оборудования. По сути, Стратегия стала ключевым документом в работе по цифровой трансформации региона.

Успешность выбранного курса подтверждается статистикой: во Всероссийском рейтинге цифровой трансформации и достижения цифровой зрелости в 2021 году Новосибирская область вошла в число регионов-лидеров.

Разработки, реализуемые в Новосибирской области для решения актуальных социально-экономических проблем, ежегодно становятся победителями Всероссийских ИТ-конкурсов, лучшие региональные практики внедряются на территории других субъектов Российской Федерации.

Вклад в валовой региональный продукт региона сферы информации и связи составляет 4%, что превышает вклады строительства (3,7%) и сельского хозяйства (3,7%). Для сравнения, вклад ИТ-индустрии в ВВП составляет 3%, в ВРП СФО – 1,9%.

По результатам исследования НП «Руссофт» Новосибирская область занимает третье место по уровню развития софтверной индустрии, уступая лишь Москве и Санкт-Петербургу. Состояние ИТ-Отрасли региона находится на высоком уровне (см. рисунок 2).

Рисунок 2

Состояние IT-отрасли Новосибирской области в 2021 году

Особую роль в цифровом развитии региона играет Академгородок. Он расположен на окраине города и является одним из важнейших научных и образовательных центров России. На территории Академгородка расположены десятки научно-исследовательских институтов.

В Академпарке успешно развивается система технологических сервисов, включающая в себя:

1. Центр технологического обеспечения, в структуре которого действует мощный Центр прототипирования со спектром услуг от приборостроения до нанотехнологий;
2. четыре инжиниринговых центра;
3. компьютерный ЦОД;
4. аналитическую лабораторию.

В IV национальном рейтинге технопарков Научно-технологический парк Новосибирского Академгородка «Академпарк» попал в Группу (А+), что соответствует «Наивысшему уровню эффективности функционирования технопарка». В той же категории оказался Нанотехнологический центр «Сигма. Новосибирск».

Иновационный бизнес региона занимает доминирующие позиции в российской экономике: 75% российского производства средств диагностики заболеваний производится в Новосибирске; 60% – медицинских рентгеновских аппаратов; 10% – программного обеспечения, 90% – приборов для жидкостной хроматографии. Новосибирские компании занимают 70% мирового рынка программного обеспечения виртуализации хостинга.

Приведенная статистика внушительна, такая крупная IT-база выводит эффективность развития цифровой трансформации региона на более высокий

уровень, относительно своих соседей.

Основными приоритетами цифровой трансформации государственного управления в регионе являются повышение качества и эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, дальнейшая автоматизация процессов взаимодействия граждан и органов власти, а также повышение эффективности межведомственного взаимодействия. Эффективность работы по цифровой трансформации гос. управления в регионе подтверждается ростом популярности цифровых государственных услуг и сервисов среди жителей Новосибирской области.

Одной из наиболее актуальных и проблемных вопросов развития Новосибирской области является система здравоохранения. Отсутствие и постоянное сокращение кадров этой сферы региональная власть пытается компенсировать цифровой трансформации структуры. Но, как замечено ранее, такое решение не способно в полной мере решить данный вопрос, тем не менее он облегчает ситуацию. Катализатором осложнения ситуации стало начало пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), при которой внедрение инноваций и разработок в сферу здравоохранения значительно осложняется из-за высокой нагрузки на сферу.

Итак, цифровая трансформация государственного управления Новосибирской области проходит эффективно и динамично, изредка и не существенно попадая под проблемы внешних обстоятельств. Цифровую трансформацию в управлении региона можно назвать развивающейся, но еще не развитой. Цифровые технологии стали основой поддержки процессов в органах власти, но этап использования цифровых технологий для формирования результатов государственного управления завершен не до конца. Каждый орган власти постепенно развивается по 6 основным направлениям, для достижения основных принципов цифровой трансформации, но этот процесс характеризуется неравномерностью развития отдельных органов власти. Заметен приоритет развития управления, реализующего социально-экономическую политику региона, в особенности здравоохранительную. Причиной этого является подстраивание под возникающие обстоятельства, такие как коронавирусная инфекция (COVID-19), что является примером гибкости проводимых изменений.

Заключение

Рассмотрев процесс цифровой трансформации государственного управления на примере региона, можно выделить следующую специфику: большую роль играет взаимодействие и конкуренция между регионами. Совершенствуя собственный механизм управления, региональная власть показывает большую производительность, тем самым предоставляя услуги для населения и организаций оперативней и эффективнее. В долгосрочной перспективе к региону, более развитому в сфере цифровой трансформации управления, проявляется значительный интерес как со стороны населения соседних субъектов, так и различных организаций, которые, вероятно, будут стремиться перетекать в данный регион. Тем не менее, взаимодействие в сфере цифровой трансформации между различными регионами

имеет значительную роль. Данное решение позволяет ускорять процесс цифровой трансформации управления.

Так как общая цифровая трансформация государственного управления Российской Федерации оценивается и по степени этого процесса в региональном управлении субъектов, федеральная власть стремится активно поддерживать развитие регионов. Ведь население, проживающие в регионе, пользуется федеральными цифровыми услугами, находясь в самом регионе, поэтому возможность граждан использовать доступные услуги зависит лишь от развитости самого региона.

В 2021 году Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации заявило, что высокого уровня цифровой зрелости достигли 9 регионов: Москва, Санкт-Петербург, Белгородская, Липецкая, Московская, Нижегородская области, Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ. Новосибирская область и другие регионы отнесены к регионам со средними значениями показателей достижения уровня «цифровой зрелости».

Таким образом, этап «электронного правительства» в Новосибирской области можно назвать пройденным или развитым. На данный момент для жителей Новосибирской области в электронном виде доступны все государственные и муниципальные услуги, что немаловажно, население региона широко обеспечено доступом к данным услугам. Тем не менее, в этап становления «цифрового правительства» Новосибирская область только входит, примером этого может быть использование беспилотников для подробного обзора земельных участков, внедрение новых суперсервисов в работу ЗАГС и цифровизация деятельности мировых судей. Этому способствует существование в регионе огромной базы IT-сферы, серьезно увеличивающей потенциал развития цифровой трансформации Новосибирской области по сравнению с соседними регионами.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что цифровая трансформация в рамках регионального управления находится в незрелом состоянии. Все еще нерешенными остаются многие вопросы, такие как: оценка эффективности развития цифровой трансформации управления регионов (практически полное отсутствие государственных рейтингов, полноценно позволяющих оценить степень развития процесса); уязвимость многих регионов от санкций в сфере IT и компьютерной техники, в связи с отсутствием в России широкой базы производства компьютерных технологий и явное отставание Российской IT сферы от иностранной; существование регионов с крайне неразвитой цифровой сферой; высокий уровень неравномерности развития цифровой трансформации управления регионов. Тем не менее, осознавая опасности и перспективы государство проводит мероприятия, направленные на поддержку цифровой трансформации. Примерами этих мероприятий является: расширение грантовой поддержки IT-компаний; уменьшение налога на прибыль для IT-компаний до 0%; отсрочка от армии для IT-специалистов; льготная ипотека для IT-специалистов и другое.

Список литературы

1. Аверина Л.М., Сиротин Д.М. Оценка пространственных эффектов от инновационной активности промышленно развитых регионов РФ // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 1. С. 268-282.
2. Алферова Е.В. Развитие государства в цифровую эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право: Реферативный журнал. 2020. Сер. 4. №3. С. 6-13.
3. Беляева О.И., Абухоф В.В. Стратегический анализ федеральных мер поддержки регионов в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в 2021-2024 годах Финансовый бизнес. 2021. № 12 (222). С. 3-7.
4. Брифинг Министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Максута Шадаева. URL: <http://government.ru/news/45273/#>.
5. В Сочи представили визуальный концепт рейтинга цифровизации регионов. URL: <https://d-russia.ru/v-sochi-predstavili-vizualnyj-kontsept-rejtinga-tsifrovizatsii-regionov-realnyj-rejting-ozhidaetsya-v-fevrale-2020-goda.html>.
6. Высокого уровня цифровой зрелости достигли 9 регионов. URL: <https://d-russia.ru/vysokogo-urovnja-cifrovoj-zrelosti-dostigli-9-regionov-mincifry.html>.
7. Высокого уровня цифровой зрелости достигли 9 регионов. URL: https://iecp.ru/news/item/430450-vysokogo-urovnja-cifrovoj-zrelosti-dostigli-9-regionov-mincifry?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.
8. Нормативное регулирование цифровой среды. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/.
9. Основные события и проекты цифрового развития Новосибирской области в 2021 году. URL: <https://d-russia.ru/osnovnye-sobytiya-i-proekty-cifrovogo-razvitija-novosibirskoj-oblasti-v-2021-godu.html>.
10. Рейтинг регионов: Разработка ПО в России в региональном разрезе. URL: <https://russoft.org/wp-content/uploads/2020/12/2020-Rejting-regionov.pdf>.
11. Рейтинг руководителей цифровой трансформации регионов – промежуточные результаты. URL: <https://d-russia.ru/rejting-rukovoditelej-cifrovoj-transformacii-regionov-promezhutochnye-rezultaty.html>.
12. Цифровая трансформация в государственном и муниципальном управлении. URL: http://www.fa.ru/fil/chelyabinsk/News/banner_dpo_digital_transformation.aspx.
13. Цифровая трансформация науки стала ключевой темой Международного форума «Технопром-2021». URL: https://mrm.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=432214.
14. «Цифровая экономика РФ». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>.

Миграционный отток молодежи как фактор социально-экономического развития региона (на примере Тверской области)

Белякова А.А.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается взаимовлияние межрегиональной миграции молодежи и социально-экономического развития региона. В ходе анализа основных источников были выявлены основные факторы миграции. Так, наибольшую корреляционную связь с потоками миграции населения имеют среднемесячная заработная плата и уровень зарегистрированной безработицы, поэтому автором было принято решение разрабатывать меры по сокращению оттока молодежи не в сфере миграционной политики, а в сфере трудоустройства. В дополнении к экономическим причинам анализ уровня образования показал, что его низкое качество также является толчком к оттоку, что требует разработки рекомендаций и в сфере образования. И третья основная причина, выявленная автором, это проблема профориентации, которая рождает несоответствия между системой подготовки кадров (то есть программ, по которым обучаются студенты) и потребностями рынка труда. Поэтому, в соответствии с факторами, а также со спецификой социально-экономического положения Тверской области, был предложен ряд механизмов по решению проблемы, среди которых авторская рекомендация – организация обще-регионального центра профориентации на базе Министерства образования Тверской области. Обоснование этой меры идет «красной нитью» через всю статью. Кроме того, автором отмечена низко эффективная работа федеральных и региональных властей по следующим направлениям молодежной политики РФ: организация подготовки специалистов по работе с молодежью и развитие института наставничества, которые и лежат в основе профориентационной деятельности. В связи с этим был рассмотрен зарубежный опыт ведения профориентации, основной отличительной чертой которого является сопровождение индивида на его карьерном пути в течение всей жизни.

RESUME

The article considers the mutual influence of migration outflow of the young generation from the region and its socio-economic development. The analysis of the main sources identified the main factors of migration. For example, the highest correlation with migration flows has the average monthly wage and the level of registered unemployment. Therefore, the author decided to develop actions to reduce the outflow of young people not in the field of migration policy, but in the field of employment. An analysis of the level of education revealed that the poor quality of education is also a trigger for outflows, which requires the development of recommendations in the field of education. And the third main reason identified by the author is the problem of vocational guidance, which gives rise to inconsistencies between the staff training system and the needs of the regional labor market. Therefore, in accordance with factors, as well as with the specific socio-economic situation of the Tverskoy region, a number of mechanisms to solve the problem were proposed. Among them is the author's recommendation – organization of the whole Regional vocational guidance center based on the Ministry of Education of the Tverskoy region. In addition, the author noted the low effectiveness of the federal and regional authorities in the following areas of youth policy: training of youth workers and development of mentoring, which are the basis for career guidance. In this regard, the foreign experience was considered, which is characterized by accompanying the individual on his career goes throughout his life.

Ключевые слова: региональная политика, молодежная политика, молодежь, миграционная политика, миграционный отток, внутренние миграции, факторы миграции, социально-экономическое положение Тверской области, диверсификация экономики региона, реформа системы образования, профориентация

Keywords: regional policy, youth policy, young people, migration policy, migration outflows, internal migration, reason for migration, socio-economic situation of the Tverskoy region, economic diversification of the region, educational reform, vocational guidance

Белякова Анастасия Александровна, студентка Института государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия, Nastya-01.belyakova@yandex.ru

Anastasiya A. Belyakova, student of IPACS RANEPa, Moscow, Russia, Nastya-01.belyakova@yandex.ru

Введение

На данный момент в России существуют пространственные перекосы в потоках внутренней трудовой миграции: «чрезмерная концентрация «отходников» в четырёх субъектах РФ – Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Тюменской области, на которые приходится 79% всего потока» (Топилин, 2019). Это означает «утечку мозгов» из других субъектов РФ, в том числе Тверской области, которая находится между двумя крупными агломерациями. Следовательно, проблема мощного миграционного оттока молодого населения особенно актуальна для Тверской области, которая не обладает достаточным количеством востребованных природных ресурсов: главным фактором её развития выступает человеческий ресурс. Так, за 2017–2019 гг. Тверская область «в миграционном обмене с Москвой и Московской областью потеряла более 11 тыс. чел, а с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью – 4.5 тыс. чел» (Смирнов, Виноградов, Алексеев, 2019), что делает исследуемый регион с низким социально-экономическим развитием донором населения.

Степень изученности проблемы достаточно высока. Большинство исследований в данной сфере посвящены выявлению факторов миграции населения. Так, Н. В. Мамон в своей работе «Анализ основных причин оттока молодых кадров в регионах Центрального федерального округа» исследовала основные причины оттока молодежи из проблемных регионов ЦФО, сделав вывод о том, что «главной проблемой является несоответствие ожиданий и представлений молодых специалистов о будущей работе и характеристик существующих вакансий на региональных рынках труда» (Мамон, 2020). К подобному же выводу пришла В. В. Комлева в исследовании «Жизненные стратегии молодежи в малых городах России (на примере города Бежецка Тверской области)». Основными факторами миграции молодого поколения, согласно данной работе, являются: «несоответствие рынка труда профессиональным стремлениям молодежи, нехватка условий для получения качественного образования, неразвитость инфраструктуры общественных пространств и мест для проведения досуга и занятий спортом» (Комлева, Ахатова, 2020) и др.

Помимо выявления причин миграций населения, многие авторы обращались и к тому, как миграционные процессы влияют на развитие региона. В частности, Л.П. Богданова и А. С. Щукина в работе «Миграционные процессы в Тверской области: динамика и роль в формировании качественных характеристик населения», отмечают, что «отток собственного молодого населения приводит к снижению качественных характеристик всего населения области» (Богданова, Щукина, 2018), которое на протяжении долгих лет находится в постоянной убыли. Главной причиной

явления авторы также считают отсутствие квалифицированных рабочих мест и недостаточные темпы социально-экономического развития.

Имея цель выявить зависимость между миграционным настроением молодежи и уровнем социально-экономического развития региона, в работе поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать основные теории миграции населения.
2. Определить роль государственной политики в управлении межрегиональными миграциями в РФ.
3. Проанализировать направления молодежной политики Российской Федерации на предмет их влияния на миграционное настроение молодежи.
4. Описать зарубежный опыт снижения оттока молодежи посредством организации профориентационной деятельности.
5. Провести анализ социально-экономических проблем Тверской области в контексте миграционного оттока молодежи из неё.
6. Выявить причины миграционного оттока молодого поколения из исследуемого региона.
7. Предложить меры региональной политики по сокращению миграционного оттока молодежи из Тверской области.

В работе использовались такие методы, как классификация и систематизация данных, описательный метод, метод корреляционного анализа.

Проблемы и факторы внутренних миграций населения

Анализируя основные теории миграции населения (теория социальных сетей, институциональная теория, теория куммулятивных причин, эконометрическая модель Э. Ли, теория сегментированного рынка труда М. Пиора, поколенческая теория ассимиляции Х.Г. Дункана, теория фаз процесса миграции Н. Айзенштадта, исследования Ф. Р. Оливера, Майкла Дж. Гринвуда, Б. Д. Бреева, М. В. Курмана), автор пришел к выводу, что исследователи внутренних миграций выделяют множество факторов, многие из них пересекаются между собой, а иногда совпадают, поэтому мы объединили их в группы и подгруппы, представленные в таблице 1 (Вакуленко, 2013).

Основные же факторы миграции чаще всего вызваны экономическими причинами, таких как безработица, среднедушевые доходы, показатели рынка жилья, структура экономики территории в целом и др. Кроме того, показано и большое значение демографических показателей, прежде всего качественных характеристик населения (уровня образования и т. д.), доли молодежи в структуре населения. Добиться снижения отток населения можно не только проведением социальной политики в регионе, но и изменением структуры экономики, её диверсификацией. Эту же идею подтверждает и то, что большинство исследователей сходятся на одной мысли: важнее всего развитие притягивающих факторов миграции населения. Таким образом, корнем неблагоприятных для региона миграций является уровень его социально-экономического развития, особенно в сравнении с соседними регионами,

которые могут оказаться более привлекательными для жизни. В связи с этим большую роль в управлении миграциями играет государственная и региональная политика государства.

Таблица 1

Факторы внутренней миграции населения согласно основным теориям миграции

Наименование группы факторов миграции	Критерий подгруппы	Факторы миграции
Социально-экономическая	Доход и трудоустройство населения	Низкий уровень дохода, низкая заработная плата, низкая покупательная способность заработной платы, высокие налоги, низкий размер валового регионального продукта на душу населения, разница в уровнях безработицы, географические различия в спросе и в предложении на труд.
	Место проживания населения	Жилищная обеспеченность, разница в ценах на жилье, плотность населения.
	«Качество» населения	Низкая доля молодого населения; человеческий капитал мигрантов, измеряемый, как количество лет обучения; бедность; структура занятости города; невозможность трансформировать социальный статус.
Неэкономическая	Характеристика среды проживания населения	Неблагоприятные условия окружающей среды (природные и климатические), уровень преступности, дискриминация, ограничения на свободу совести и вероисповедания, войны.

Роль государственной миграционной и молодежной политики в управлении миграционными процессами в регионах России

Анализируя основные нормативные правовые акты (Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», Стратегию пространственного развития 2019 года, Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025), был сделан вывод о том, что вопросы внутристрановой пространственной мобильности лежат не в сфере миграционной политики как таковой, но в сфере региональной политики, а её реализация зависит от инвестиций в создание рабочих мест и от развития жилищной и транспортной инфраструктуры. Если в России не будут созданы реальные полюса экономического роста за пределами двух крупнейших агломераций, то развернуть миграционные потоки не удастся никакими административными методами. Стоит отметить, что наибольшую связь с миграционными потоками имеют демографические процессы, рынки труда, макроэкономическая динамика страны и образовательная сфера, поэтому именно эти сферы и становятся объектом регулирования государством при

проведение миграционной политики, при формировании инструментов влияния на миграционные процессы.

От миграционной политики регионов можно ожидать положительных результатов только тогда, когда на местах будут созданы лучшие условия для труда и жизни по сравнению с соседними регионами. Поэтому им стоит разрабатывать специальные программы по привлечению последних либо по удержанию собственных ресурсов. Для последнего важно формировать позитивный имидж территории, создать комфортные условия жизни и труда собственного населения. При этом стоит уделять внимание на такую социальную группу как молодежь, которая в свою очередь является потенциальной рабочей силой и будущим двигателем социально-экономического развития региона, поэтому в контексте решения проблемы оттока молодого поколения необходимо рассматривать и аспекты молодежной политики. Автор проанализировал направления молодежной политики РФ и сгруппировал их по основным факторам миграции, характерных для российской молодежи, представленных в таблице 2.

Таблица 2

Современная молодежная политика России как механизм снижения миграционного оттока из регионов

Фактор миграции молодежи из региона	Направления молодежной политики РФ
Несоответствие структуры рынка труда профессиональным стремлениям молодежи	Обеспечение возможности выбора образовательной траектории из множества образовательных траекторий и гибкой ее смены; организация подготовки специалистов по работе с молодежью; выявление, сопровождение и поддержка молодежи, проявившей одаренность; развитие института наставничества.
Безработица	Обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи; организация занятости учащейся молодежи 17–25 лет; обеспечение гибкой смены трудовых траекторий; развитие трудовой, проектной и предпринимательской активности молодежи путем совмещения учебной и трудовой деятельности при помощи практик дуального образования и труда и др.
Ограничение возможностей для самореализации	Поддержка талантливой молодежи, молодежных стартапов и инициатив; предоставление возможности молодежи выстраивать свои карьерные траектории, не меняя место своего постоянного проживания, то есть оставаясь в родном регионе и др.
Отсутствие условий для получения качественного образования	Создание условий широкого вовлечения молодежи 14–30 лет в неформальное и внеформальное образование, а также стимулирование молодежи к получению неформального образования.

Одни из основополагающих направлений молодежной политики, способные повлиять на миграционное настроение региональной молодежи, так или иначе связаны с образованием. Наиболее значимую роль играет организация профессиональной ориентации молодежи 14–16 (17) лет и помощь в построении образовательной траектории, так как эта деятельность позволит обеспечить более эффективный выбор молодежью будущей специальности в соответствии с потребностями регионального рынка труда.

Зарубежные профориентационные практики как механизм снижения оттока молодежи из регионов

Проблема оттока молодежи из регионов требует разработки комплексного решения, которое включало бы в себя не только экономические меры воздействия, такие как социальные льготы, льготные кредиты на приобретение жилья, льготы в налогообложении, в том числе малого бизнеса и др. Важно создать полноценную комфортную среду проживания, которая включала бы в себя и инфраструктуру, и образование, и досуговую сферу, и современный рынок труда.

Однако, на наш взгляд, основной мерой воздействия должна стать постоянно действующая профориентация молодежи, как инструмент сопровождения и направления их на карьерном и профессиональном пути. Не случайно наиболее частой причиной оттока молодежи является низкая заработная плата в сочетании с отсутствием информированности о востребованных профессиях в регионе. Учитывая, что вопрос трудоустройства является приоритетным для молодежи, прежде всего нужно сформировать в сознании молодого поколения уверенность в том, что оно востребовано на региональном рынке труда, что оно может реализовать свой потенциал, не покидая родного города, при этом получая достойную заработную плату.

Известно, что «в России нет четко выстроенной цепочки карьерного сопровождения школьников: «школа – вуз (суз) – рынок труда» (Толстогузов, 2015). Несмотря на то, что в нашей стране опыт профориентационной деятельности велик, отмечается, что «сложностей в ее реализации на сегодняшний день не меньше, чем успехов или системных достижений» (Толстогузов, 2015). Это частично обусловлено отсутствием в сфере профориентации единой унифицированной системы, которая работала бы в едином стандарте на всей территории. Так, в России выстраивают профессиональную траекторию школьникам сразу несколько не связанных между собой субъектов: Центры профориентации, школа, учреждения профессионального образования, органы труда и занятости населения и органы управления образованием, а также непосредственно сами работодатели.

Стоит отметить, что концепция, предусматривающая реформу системы образования до 2010 г., предусматривала такую задачу как обеспечение школ профориентационной деятельностью. Однако на практике реализована была только организация обучения школьников по выборным профилям в старших классах (до сих пор не все учреждения ввели такую программу). Остальные меры, направленные на организацию профориентации, носят рекомендательный характер и фактически не реализуют себя в полной мере. Поэтому мы считаем необходимым определить роль государственной политики в области профориентации молодежи в зарубежных странах.

Понятие «профориентация» впервые появилось в США, где на данный момент в школах работает консультативная психолого-педагогическая служба «Гайденс». Её задачей является подбор учебной программы в соответствии с личностными качествами, навыками и желаниями старшеклассника. Несмотря на то, что профориентационная

система в США децентрализована, в данной стране разработан специальный закон от 1981 г., по которому профконсультирование учащихся идет на протяжении всего времени обучения, а на каждого ученика консультантом заводится досье, которое, по окончании школы, передается в службу занятости.

Помимо того, что школьники теоретически могут определить сферы деятельности, которые им импонируют, у них есть возможность стать уверенными на 100% в своем выборе с помощью практики. В Канаде этот вопрос решается следующим способом: создано более 400 Центров содействия найму (ЦСН) по всей стране, где школьники в период каникул могут попробовать себя в той или иной специальности.

Стоит сказать, что самая продвинутая и централизованная система профориентации существует во Франции: данная система помощи в профессиональном самоопределении молодежи создана на государственном уровне и контролируется сразу тремя министерствами – образования, труда и здравоохранения. В частности, в стране создано структурное подразделение Министерства образования, Национальное бюро информации по образованию и профессии, которое предоставляет информацию о карьерных возможностях всем подросткам Франции.

Однако если, например, в Великобритании в школах введены специальные уроки по выбору профессии, то в Германии ни школы, ни частные агентства не имеют права заниматься профориентацией учеников, так как эта функция законодательно закреплена за Федеральным институтом занятости Германии. Соответственно на территории страны функции профориентации и трудоустройства – объединены.

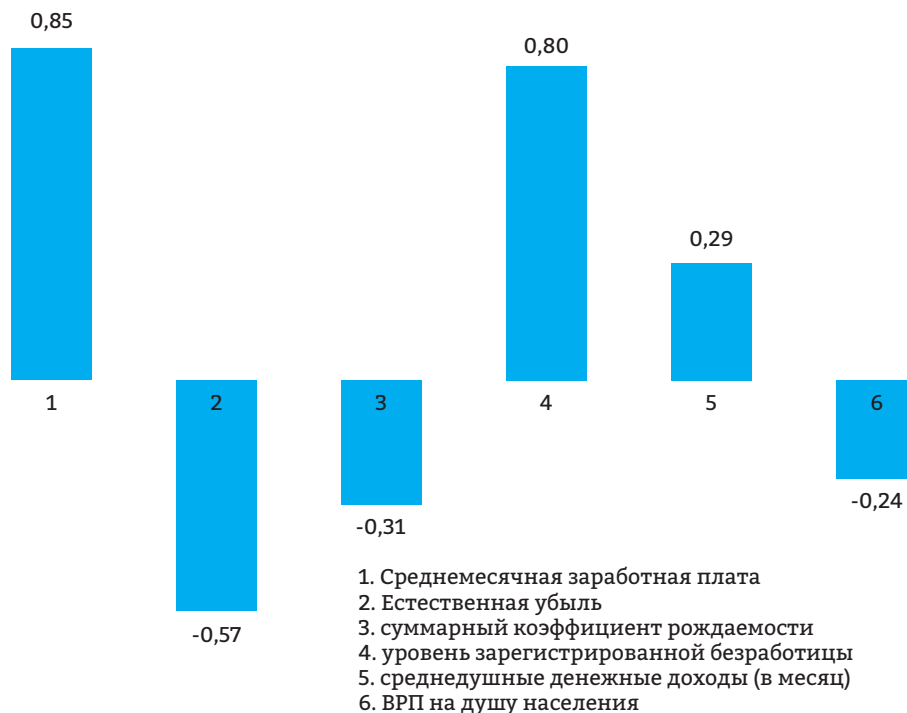
Анализируя опыт нескольких государств, можно отметить следующую закономерность: «чем выше в государстве уровень дохода на душу населения, тем большее влияние оно оказывает на профориентационную политику» (Толстогузов, 2015). Это объясняется прежде всего затратами на организацию профориентационной деятельности (оплата кадров и т. д.), а так как инициаторами данной деятельности являются государственные структуры, то и средства могут выделяться только из бюджета. Соответственно в регионах активно внедрять практику профориентации предоставляется возможным только после решения базовых проблем социально-экономического развития.

Миграционный отток молодёжи из Тверской области в контексте социально-экономических проблем региона

Для оценки взаимовлияния межрегиональной миграции молодежи и социально-экономического развития региона, автором был проведен анализ социально-экономического положения Тверской области. Социально-экономическое развитие исследуемого региона характеризуется стабильной убылью населения, в том числе снижением численности молодежи, особенно в возрасте 20-24 чел; отрицательным сальдо миграции и большими потоками «маятниковой» миграции, учет которой не ведется госорганами; отсутствием «локомотива» экономики и

Рисунок 1

Корреляционный анализ показателей социально-экономического развития и сальдо миграции Тверской области

ростом безработицы среди населения в возрасте 25–34 лет; а также нехваткой квалифицированных кадров, так как большинство эмигрирующего населения имеют высшее образование, а иммигрирующего – среднее общее. Более того, отток молодежи является «тормозом» реализации Стратегии социально-экономического развития Тверской области, в которой сделан упор на развитие производственно-образовательных кластеров. Предположение о том, что низкий уровень жизни населения исследуемого региона является толчком к миграции молодого поколения, потребовало от автора проведения корреляционного анализа (см. рисунок 1).

Таким образом, основные выводы исследования причин миграционного оттока молодежи Тверской области действительно заключаются в уровне социально-экономического развития региона. В связи с тем, что наибольшую корреляционную зависимость от потоков миграции населения имеют среднемесячная заработная плата и уровень зарегистрированной безработицы, автором было принято решение разрабатывать меры по сокращению оттока молодежи не в сфере миграционной политики, а в сфере трудоустройства. В дополнении к экономическим причинам анализ уровня образования показал, что его низкое качество также является толчком к оттоку, что требует разработки рекомендаций и в сфере образования. И третья основная причина, выявленная автором, это проблема профориентации, которая

рождает несоответствия между системой подготовки кадров (то есть программ, по которым обучаются студенты) и потребностями рынка труда.

Заключение

Таким образом, в Тверской области наблюдается низкий уровень заработных плат, низкое качество образования, проблема профориентации и несоответствия рынка труда профессиональным стремлениям молодежи. Стоит отметить, что Правительством региона поступательно предпринимаются меры для решения этих проблем (например, создание производственно-образовательных кластеров, создание платформы с услугами сферы занятости «Работа России»). Однако эти механизмы никак не связаны между собой, то есть они находятся в «разрозненном» виде, и поэтому требуют доработки.

Основные рекомендации автора заключаются в следующем: необходимо проводить регулярный анализ регионального рынка труда на вопрос прогноза потребности в тех или иных специальностях; создание структурного подразделения Министерства образования Тверской области, которое было бы ответственно за ведение профориентационной деятельности и за разработку обязательного школьного курса; содействие развитию малого и среднего бизнеса посредством создания школы молодежных стартапов (в том числе содействие развитию негосударственных культурных центров); разработка финансово-экономических стимулов для удержания перспективной молодежи (в зависимости от «возможностей» регионального бюджета).

Подробнее о некоторых рекомендациях. На наш взгляд, в исследуемом регионе необходимо создать структурное подразделение Министерства образования Тверской области, которое было бы ответственно за ведение профориентационной деятельности. Данное предложение обусловлено также и следующей причиной: среди школьников распространена тенденция поступать туда, «куда баллов ЕГЭ хватило», а не на ту специальность, которая имеет спрос на рынке труда и которая импонирует собственно абитуриенту. Более того, школьников никак не информируют о существующих университетах и программах, о том, как и когда необходимо подавать документы и т. д. Так, предложение губернатора Тверской области сделать на базе центров занятости своеобразные центры профессиональной ориентации действительно актуально, однако этого не будет достаточно. Зарубежный опыт показывает, что практика введения в школах обязательного курса профориентации имеет хороший эффект.

Следовательно, вторая рекомендация – это разработка и внедрение курса по профессиональной ориентации, который включал бы как теорию, так и практику. Теоретическая часть предполагает, что на основе анализа регионального рынка труда будут отбираться актуальные профессии и специальности, далее о требованиях и преимуществах каждой из них будет рассказано школьникам (возможно, с приглашением специалистов, представителей вузов, выпускников). Практика же предполагает, что школьники будут иметь возможность попробовать себя в роли

того или иного специалиста, что в свою очередь поможет решить по нраву ему эта деятельность или нет. Стоит отметить, что в практике будут принимать участие те организации, которые входят в программу производственно-образовательных кластеров, сформированных на территории Тверской области распоряжением губернатора от 2019 года.

Кроме того, уже отмечалось, что не все предприятия области привлекательны для трудоустройства молодежи. Например, основными крупными предприятиями – потенциальными работодателями для молодежи на территории Бежецка являются организации, занятые в агропромышленной сфере. Однако, согласно опросу, молодые люди с пренебрежением относятся к уровню развития сельского хозяйства в малом городе и тем более не видят перспектив для дальнейшего трудоустройства в агропромышленном секторе Бежецка. Поэтому, нужно добиться диверсификации экономики исследуемого региона, развивая новые точки роста. Здесь актуально следующее предложение: привлекать к разработке новых направлений молодежь, давая им возможность проявить свои инновационность и творчество (в рамках направления «поддержка инициативной и обладающей лидерскими качествами молодежи» государственной программы «Молодежь Верхневолжья»).

Следующая рекомендация, также в рамках направления вышеупомянутой программы – содействие развитию малого и среднего бизнеса (в т. ч. в сферах, которые интересны молодежи) посредством создания школы молодежных стартапов, например. Вопрос достаточно актуальный для исследуемого региона, так как МСП – не самая активно развивающаяся отрасль региона, а вовлечение в неё молодежи может изменить ситуацию, тем самым спустя время поднять уровень социально-экономического развития Тверской области.

Мы считаем необходимым уделять внимание не только рекомендациям образовательного, но «развлекательного» характера, то есть досугу молодежи. Помимо уже существующих бюджетных учреждений культуры, в Тверской области следует способствовать организации и негосударственных культурных центров, а также современных образовательных площадок, таких как «Рельсы», например. Деятельность этих центров может реализовываться в форме различных языковых разговорных, литературных и иных клубов по интересам. Организация подобной коммерческой деятельности творческой молодежью может входить в программу школы молодежных стартапов. Необходимо также содействовать и созданию различных мастерских. Подобная деятельность исключит из сознания молодежи укоренившегося утверждения, что в исследуемом регионе «нечем заняться».

Так как на формирование положительного имиджа требуется большое количество времени, то удерживать перспективную молодежь первое время следует различными социально-экономическими стимулами. Опираясь на основные причины оттока: «невысокие зарплаты (66,7%), недостаток возможностей для самореализации (55,2%), неразвитость инфраструктуры (52,4%), мало рабочих мест (49,5%), ветхость жилья (46,7%), нет условий для получения качественного образования (40%)» (Комлева, Ахатова, 2020), можно сформировать наиболее эффективные меры поддержки молодежи в исследуемом регионе. Как уже отмечалось выше, первые две проблемы предполагается решить профориентационными практиками и

дальнейшим инновационным развитием области, согласно концепции. А такое направление как инфраструктура, прежде всего социальная (жилищная и т. д.) – действительно требует дальнейшей модернизации.

В зависимости от того, способен ли региональный бюджет выделить средства на те или иные молодежные выплаты, мы предлагаем рассмотреть следующие варианты удержания перспективного молодого поколения в регионе: единоразовые выплаты абитуриентам, выбравшим в качестве высшего учебного заведения – образовательное учреждение Тверской области в том случае, если по результатам экзаменов было получено от 275 (375) баллов; предоставление льгот на приобретение жилья работающим по специальности студентам старших курсов, одновременно проявивших себя в учебе; предоставлять скидку на обучение студентам, которые совмещают учебу и с работой по специальности и др. Финансовые стимулы могут быть скорректированы и дополнены в зависимости от бюджетного плана региона на тот или иной год и в зависимости от образовательной программы, в рамках которой они будут действовать (возможно, что программы, участвующие в выплатах, будут меняться от года к году: в зависимости от того, какие специальности требуют активного развития на территории Тверской области).

Список литературы

1. Богданова Л. П., Шукина А. С., Миграционные процессы в Тверской области: динамика и роль в формировании качественных характеристик населения // Вестник ТвГУ. Тверь, 2018. №4. С. 100-108.
2. Вакуленко Е. С. Моделирование миграционных потоков на уровне регионов, городов и муниципальных образований: специальность 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»: диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2013. URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/83144390>.
3. Комлева В. В., Ахатова А. Р. Жизненные стратегии молодежи в малых городах России (на примере города Бежецка Тверской области) // Этносоциум и межнациональная культура. М., 2020. №8. С. 9-25.
4. Мамон Н. В. Анализ основных причин оттока молодых кадров в регионах ЦФО // Экономическая безопасность и маркетинговое управление социально-экономическими системами: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 2020. С. 72-81.
5. Смирнов И. П., Виноградов Д. М., Алексеев А. И. К Москве или к Санкт-Петербургу? Тяготение населения Тверской области по данным сети «ВКонтакте» // Известия Русского Географического общества. М., 2019. Т. 151. Вып. 6. С. 69-80.
6. Толстогузов С. Н. Опыт профориентационной работы за рубежом // Образование и наука. Тюмень, 2015. №1. С. 151-165.
7. Топилин А. В. Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования // Вестник Российской Академии наук. М., 2019. Т. 89. №7. С. 736-744.

Роль и участие Российской Федерации в регионах коллективной безопасности

Березина Д.С.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается уровень интеграции Российской Федерации в регионы коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) по трем направлениям: Восточно-Европейское, Кавказское и Центрально-Азиатское. Для Российской Федерации ОДКБ выступает в качестве одного из основных элементов внешней политики, при помощи которого выстраиваются военно-политические отношения с бывшими республиками Советского Союза. В рамках ОДКБ формируются региональные системы противовоздушной обороны, которые являются одним из ключевых защитных механизмов для России, а также проводятся многочисленные военные, антинаркотические, антитеррористические учения. Роль Российской Федерации в регионах коллективной безопасности достаточно весомая, на территориях государств-членов договора расположены российские военные базы и важные стратегические объекты в Республике Таджикистан, Республике Армения и Республике Кыргызстан. В статье указаны основные соглашения по военному сотрудничеству между Российской Федерацией и странами-участниками ОДКБ. Также кратко описана деятельность Российской Федерации в каждой из стран-участниц Организации Договора о коллективной безопасности и обозначена роль России в урегулировании конфликтов: в январе 2022 года на территории Республики Казахстан в рамках ОДКБ и между Республикой Армения и Азербайджанской Республикой по поводу территориальных разногласий в Нагорном Карабахе в 2020 году.

RESUME

The article examines the level of integration of the Russian Federation in the regions of collective security within the Collective Security Treaty Organization (hereinafter – CSTO) in three directions: East European, Caucasus and Central Asia. For the Russian Federation, the CSTO serves as one of the main elements of foreign policy, through which military and political relations with the former republics of the Soviet Union are built. Within the CSTO, regional air defense systems are being formed, which are one of the key defense mechanisms for Russia, and numerous military, anti-drug, and anti-terrorist exercises are being conducted. The role of the Russian Federation in regions of collective security is quite significant, with Russian military bases and important strategic facilities in the Republic of Tajikistan, the Republic of Armenia, and the Republic of Kyrgyzstan located on the territories of the treaty member states. The article points out the main agreements on military cooperation between the Russian Federation and the CSTO member states. The article also briefly describes the activities of the Russian Federation in each of the member states of the Collective Security Treaty Organization and outlines Russia's role in the settlement of conflicts: in January 2022 on the territory of Kazakhstan within the CSTO and between the Republic of Armenia and the Republic of Azerbaijan over the territorial disputes in Nagorno-Karabakh in 2020.

Ключевые слова: ОДКБ, регион коллективной безопасности, КСОР, КСБР ЦАР, система противовоздушной обороны

Keywords: CSTO, Collective Security Region, Collective Operational Reaction Force, Central Asian Collective Security Region Collective Rapid Reaction Force, air defense system

Березина Дарья Сергеевна, студентка Института государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия, dsberezaa@yandex.ru

Daria S. Berezina, student of IPACS RANEPА, Moscow, Russia, dsberezaa@yandex.ru

Введение

Целью данной работы является обозначить роль Российской Федерации в регионах коллективной безопасности. Информационную базу составили военные соглашения, подписанные между Россией и странами-участниками ОДКБ, указы Президента Российской Федерации, официальные сводки новостей по кризисным ситуациям на территориях стран-участников организации и информация, представленная по КСБР ЦАР, КСОР и военным, антитеррористическим, антинаркотическим учениям в рамках организации на официальном сайте ОДКБ.

Организация Договора о коллективной безопасности – международная организация по вопросам безопасности, участниками которой в настоящее время являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан.

В концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом России 30 ноября 2016 года, в главе «Региональные приоритеты внешней политики Российской Федерации» сказано, что «в качестве одного из важнейших элементов современной системы обеспечения безопасности на постсоветском пространстве Россия рассматривает Организацию Договора о коллективной безопасности. Россия выступает за качественное развитие ОДКБ, превращение ее в авторитетную многофункциональную международную организацию, способную противостоять современным вызовам и угрозам в условиях усиливающегося воздействия разноплановых глобальных и региональных факторов в зоне ответственности ОДКБ и прилегающих к ней районах» (Указ, 2016).

В сфере реагирования на вызовы и угрозы безопасности коллективные усилия государств-членов ОДКБ сосредоточены на противодействии незаконному обороту наркотиков, международному терроризму и экстремизму, нелегальной миграции и торговли людьми, криминальной деятельности

в информационных сетях и др. Ведущую роль в ОДКБ играет Российская Федерация, как наиболее мощное в военно-политическом и военно-экономическом отношении государство. Большая часть финансовых затрат в организации приходится на Россию. Она же является основным поставщиком кадров, вооружения и военной техники. Согласно региональному принципу формирования системы коллективной безопасности и для планирования применения коалиций Совет коллективной безопасности ОДКБ определил три региона: Восточно-Европейский, Кавказский и Центрально-Азиатский.

Восточно-Европейский регион

В настоящее время Республика Беларусь является единственным союзником Российской Федерации в Восточно-Европейском регионе. Беларусь выступает для России и ОДКБ в качестве форпоста на западном направлении. К тому же с точки зрения геополитического расположения Беларусь предоставляет благоприятные возможности в экономическом (транзит, коммуникации) и военно-политическом смысле.

Для обеспечения обороноспособности Беларуси достаточно двусторонних соглашений в военной сфере с Россией, в том числе функционирования региональной группировки войск. (6, 2017). Однако для самой России военно-политическое сотрудничество с Беларусью и ОДКБ является стратегически приоритетным и оказывает стабилизирующее влияние на обстановку в пограничных регионах, которые находятся в зоне риска из-за наращивания силового потенциала НАТО.

Республика Беларусь периодически участвует в учениях ОДКБ. В пример можно привести специальное учение «Поиск-2019», которое проводилось с целью отработки вопросов ведения разведки в интересах локализации приграничного вооруженного конфликта в Восточно-Европейском регионе. В ходе учения были отработаны блокирование незаконных вооруженных формирований, организация засад и разноплановые задачи, в которых были задействованы почти все виды разведки. Также проведены командно-штабное учение «Нерушимое братство – 2020» и специальное учение с силами и средствами материально-технического обеспечения КСОР ОДКБ «Эшелон-2020» (3, 2022). Указанные учения позволяют Вооруженным Силам Российской Федерации отработать оборонительную тактику на западных рубежах. Россия постоянно демонстрирует свое присутствие в Восточно-Европейском регионе, что является необходимым в условиях проведения европейскими государствами антироссийской политики.

Кавказский регион

В настоящее время в формате ОДКБ Республика Армения является единственным стратегическим партнером Российской Федерации на кавказском направлении. Армения имеет особое геополитическое значение для России и является форпостом на южных границах региона. А наличие российской военной базы на границе с Турцией и Ираном символизирует присутствие «Москвы» в регионе Ближнего Востока.

Успешные военно-политические отношения России и Армении сложились еще после распада Советского Союза, так как Республика Армения была одной из немногих стран постсоветского пространства, которая не потребовала вывода российских войск, но и посчитала сохранение российского военного присутствия необходимым на своей территории. Такая политика в скором времени привела к подписанию соответствующих российско-армянских соглашений и появлению 102-й российской военной базы в Гюмри, 3624-й российской авиабазы в Эребуни (Договор, 1997) российских пограничников на армяно-турецкой и армяно-иранской границе. Российские пограничники находятся на этих границах еще с первой половины 90-х годов и имеют свой контрольно-пропускной пункт в аэропорту Звартноц в Ереване.

Также на основе двусторонних договоренностей в Кавказском регионе созданы объединенная группировка войск и объединенная региональная система противовоздушной обороны (Соглашение, 2016).

Сохраняются существенные угрозы военной безопасности в Кавказском регионе. Периодической эскалацией напряженности характеризуется обстановка в Нагорном Карабахе. В рамках ОДКБ оказать военную помощь Республике Армения не представляется возможным, так как согласно Уставу организации, для оказания

помощи военные действия должны проводиться непосредственно на территории страны-участника. (Устав, 2002). Но Российская Федерация не могла проигнорировать обострившийся конфликт на территории Нагорного Карабаха в 2020 году, так как Армения является ее важным стратегическим партнером.

В этой связи Российская Федерация выступила в роли единоличного посредника в урегулировании конфликта, что ускорило процесс подписания мирного договора между Азербайджаном и Арменией. Вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе и вдоль Лачинского коридора развернулся, параллельно с выводом армянских вооруженных сил, миротворческий контингент Российской Федерации. Он сохранится там в течение пяти лет, если одна из сторон не заявит о намерении прекратить данное положение (Указ, 2020).

Центрально-Азиатский регион

В Центрально-Азиатском регионе, в рамках ОДКБ, формируется единое оборонное пространство. Стоит учесть, что с военно-стратегической точки зрения он расположен на стыке двух театров военных действий – Ближневосточном и Дальневосточном.

В Центрально-Азиатском регионе расположен ряд важных российских военных объектов: космодром Байконур и ряд испытательных полигонов.

В ноябре 2003 года в Кыргызской Республике на аэродроме «Кант» открыта 999-я российская авиационная база. Это событие стало одним из важных составляющих политики Российской Федерации по обеспечению военной безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Таким образом рядом со столицей Кыргызстана, в районе Бишкека, создана постоянно действующая российская военно-воздушная база, которая в последующем стала авиационной составляющей коллективных сил быстрого реагирования ОДКБ.

На аэродроме «Кант» размещены российские самолеты и вертолеты, а удобное территориальное расположение аэродрома позволяет оказать поддержку войскам государств-членов ОДКБ и в том числе 201-й военной базе в Республике Таджикистан в случае военной угрозы, по большей части со стороны Афганистана, где политическая обстановка до сих пор нестабильна.

Еще одним подтверждением усиления роли России в ОДКБ стало подписание в октябре 2004 г. между Таджикистаном и Россией договора об аренде Россией территории для содержания военной базы (201-я российская военная база). (Договор, 1997). Данная база является крупнейшим военным формированием за пределами Российской Федерации, она располагается сразу в двух городах – Душанбе и Бохтаре. Таким образом, ОДКБ была укреплена полноценной российской военной базой в Таджикистане.

Кроме того, в 2021 году между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан подписано Соглашение о создании Объединенной региональной системы противовоздушной обороны, практическая реализация которого происходит в настоящее время. Противовоздушная оборона Таджикистана объединяется с российской, расположенной на территории республики. В 2019 году Таджикистаном была получена зенитная ракетная система С-300. В задачи системы входит прикрытие от атак с воздуха

российской военной базы и главных государственных объектов Таджикистана. Кроме этого, противовоздушная оборона Таджикистана выполняет свои задачи и в интересах всего Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности.

Ежегодно в регионе в формате ОДКБ проводятся военные учения «Взаимодействие» и «Нерушимое братство». Они представляют собой последовательно проводимый в военно-политической и стратегической обстановке комплекс командно-штабных учений (5, 2022).

К примеру, можно привести учение с Коллективными силами быстрого развёртывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности «Рубеж-2021» в Кыргызской Республике. В ходе этих учений отрабатывались навыки уничтожения незаконных военных формирований, вторгнувшихся на территорию государства-члена ОДКБ. Основными целями учения «Рубеж-2021» стало совершенствование практических навыков должностных лиц органов управления коллективных сил ОДКБ в организации проведения боевых действий, а также повышение слаженности подразделений КСБР ЦАР. Стоит отметить, что группировка КСБР ЦАР в зависимости от поставленных задач может менять свою структуру. Деятельность группировки направлена на обеспечение безопасности и отражение внешних военных угроз, проведение контртеррористических операций в Центрально-Азиатском регионе.

Что касается наглядной практической реализации деятельности ОДКБ в случае реальной угрозы одному из государств-членов ОДКБ, то в январе 2022 Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев обратился в организацию с просьбой оказания военной помощи в связи с угрозой национальной безопасности и суверенитета Республики Казахстан. Так как угроза была вызвана в том числе вмешательством извне, то Совет коллективной безопасности ОДКБ принял решение направить миротворческие силы ОДКБ в Республику Казахстан, что соответствовало статье 4 Договора о коллективной безопасности (Договор, 1993).

Это было сделано с целью стабилизации и нормализации обстановки в Республике Казахстан. Миротворческой операцией руководил командующий Воздушно-десантными войсками Российской Федерации генерал-полковник Андрей Сердюков. Основу контингента в ходе операции составили элитные подразделения российских вооруженных сил, в частности 45-я отдельная бригада специального назначения Воздушно-десантных войск, 98-я воздушно-десантная дивизия и 31-я отдельная бригада ВДВ. Российские миротворцы оперативно осуществили развертывание войск. Это по большей части связано с тем, что Вооруженные Силы Российской Федерации имеют огромный опыт в проведении миротворческих операций на Балканах, в Африке и на постсоветском пространстве, как под эгидой ООН и СНГ, так и в индивидуальном формате.

В миротворческой операции также участвовали военные подразделения Республики Армения, Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан.

В ходе операции удалось взять под контроль важные стратегические объекты, такие как правительственные здания, аэродромы и другие объекты инфраструктуры. Это позволило правоохранительным органам Республики Казахстан действовать более оперативно в ходе подавления сопротивления экстремистов. По итогу операция была успешна завершена и удалось подавить сопротивление. (4, 2022).

Заключение

В ходе исследования было обозначена практическая деятельность Российской Федерации в регионах коллективной безопасности в формате Организации Договора о коллективной безопасности, а также обозначены важные военные стратегические объекты Российской Федерации на территориях иностранных государств, которые представляют особое значение в сфере обороны.

Организация Договора о коллективной безопасности является одной из объединительных структур, которая дает основание полагать, что на части постсоветского пространства уровень интеграции Российской Федерации постоянно возрастает. В условиях, когда санкционное и политическое давление на Россию достигло беспрецедентного размаха, сотрудничество с бывшими советскими республиками приобретает для неё особое значение. Российская Федерация играет особую роль в регионах коллективной безопасности, а интенсификация сотрудничества между государствами-членами и повышение эффективности деятельности Организации сегодня является одним из важных внешнеполитических приоритетов для России.

Список литературы

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения (с изменениями на 20 августа 2010 года) / Ратифицирован Федеральным законом РФ от 26 мая 1997 года N 85-ФЗ). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901933348>.
2. Договор о коллективной безопасности (с изменениями на 8 ноября 2018 года) Ратифицирован постановлением Верховного Совета от 31 июля 1993 года N 5595-1. URL: <https://base.garant.ru/1118890/>.
3. Коллективные силы быстрого развёртывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности. URL: <https://www.jscsto.org/security/crdf-car/>.
4. Контингенты коллективных миротворческих сил ОДКБ направлены в Республику Казахстан. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/kontingenty-kollektivnykh-mirotvorcheskikh-sil-odkb-napravleny-v-respubliku-kazakhstan/#loaded.
5. Силы и средства системы коллективной безопасности ОДКБ. URL: <https://www.jscsto.org/security/forces-and-means/>.
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о совместном техническом обеспечении региональной группировки войск (сил) Российской Федерации и Республики Беларусь // Ратифицировано Федеральным законом от 30.10.2017 N 297-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456039041>.
7. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения о создании Объединенной региональной системы противовоздушной обороны в Кавказском регионе коллективной безопасности. Ратифицировано Федеральным законом от 28.12.2016 N 477-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420388541>.
8. Соглашение о порядке оперативного развертывания, применения и всестороннего обеспечения Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности (г. Минск, 23 июня 2006 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902187679>.
9. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>.
10. Указ Президента РФ от 10 ноября 2020 г. №695 «О мерах по поддержанию мира в Нагорном Карабахе». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46042>.
11. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3506>.

Влияние российско-иранских отношений на безопасность в регионе

Брем М.Е.

АННОТАЦИЯ

После окончания холодной войны уже на протяжении 30 лет Иран и Россия наращивают двустороннее сотрудничество по энергетическим, политическим и военным вопросам. Россия не была первым выбором иранских политиков в качестве партнера в 1990-е годы. Но столкнувшись с экономическими последствиями политики сдерживания Запада, Иран отложил в сторону свое историческое соперничество с Россией и включил ее в свою политику «Взгляда на Восток». Включение России в свое «восточное видение» было политическим выбором иранских исламистов в целом (и Верховного лидера аятоллы Али Хаменеи в частности) с целью бросить вызов Западу. Несмотря на ограничения двустороннего партнерства, исламистский режим Ирана относительно успешно превратил Россию из врага в партнера – задача, которую партия «Туде», иранское коммунистическое движение, не смогла выполнить со времен Второй мировой войны. Учитывая асимметрию в ирано-российских отношениях, двусторонние отношения никогда не переросли в союз или даже стратегическое партнерство, как часто заявляют иранские политики, скорее их можно назвать тактическим партнерством, основанным на общих экономических и геополитических интересах. Двустороннее партнерство в целом обусловлено соперничеством между Соединенными Штатами Америки (далее – США) и Россией, а также напряженностью между Ираном и США. Эта напряженность усиливается, когда президентом США является республиканец, такой как Дональд Трамп или Джордж Буш-младший. Действительно, во время визита президента России Владимира Путина в Тегеран в ноябре 2017 года Верховный лидер аятоллы Али Хаменеи заявил, что двустороннее сотрудничество между Ираном и Россией может «изолировать Америку». Хотя это и преувеличение, действительно, антииранская политика США подтолкнула Иран ближе к России и Китаю. Данная статья проливает свет на динамику двустороннего партнерства между Россией и Ираном в области безопасности. В частности, анализируется российско-иранский нарратив относительно сирийской гражданской войны, результатом активной политики в Афганистане, каспийском регионе.

RESUME

Since the end of the cold war, Iran and Russia have been increasing bilateral cooperation on energy, political and military issues for 30 years. Russia was not the first choice of Iranian politicians as a partner in the 1990s. But faced with the economic consequences of the policy of containment of the West, Iran put aside its historical rivalry with Russia and included it in its policy of «Looking to the East». The inclusion of Russia in its «Eastern vision» was a political choice of Iranian Islamists in general (and Supreme Leader Ayatollah Ali Khamenei in particular) to challenge the West. Despite the limitations of the bilateral partnership, Iran's Islamist regime has relatively successfully turned Russia from an enemy into a partner – a task that the Tudeh party, the Iranian Communist movement, has not been able to accomplish since World War II. Given the asymmetry in Iranian-Russian relations, bilateral relations have never developed into an alliance or even a strategic partnership, as Iranian politicians often declare, rather they can be called a tactical partnership based on common economic and geopolitical interests. The bilateral partnership is due to the rivalry between the United States of America (USA) and Russia, as well as tensions between Iran and the United States. This tension is heightened when the USA president is a Republican, such as Donald Trump or George W. Bush. Indeed, during the visit of Russian President Vladimir Putin to Tehran in November 2017, Supreme Leader Ayatollah Ali Khamenei said that bilateral cooperation between Iran and Russia could «isolate America». Although this is an exaggeration, indeed, the anti-Iranian policy of the United States has pushed Iran closer to Russia and China. This article sheds light on the dynamics of the bilateral security partnership between Russia and Iran. In particular, the Russian-Iranian narrative regarding the Syrian civil war, the result of an active policy in Afghanistan, the Caspian region, is analyzed.

Ключевые слова: Иран, Российская Федерация, Ближний Восток, Каспий, Афганистан, постсоветское пространство, Сирия, региональная безопасность, военно-политическое сотрудничество

Keywords: Iran, Russian Federation, Middle East, Caspian Sea, Afghanistan, post-Soviet space, Syria, regional security, military-political cooperation

Брем Мария Евгеньевна, магистрант РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, bremushca@mail.ru

Mariia E. Brem, Master's student of IPACS RANEPА, Moscow, Russia, bremushca@mail.ru

Введение

Целью статьи является анализ политики безопасности Ирана и России и установление их соответствующих мотивов сотрудничества. В данной статье предпринята попытка ответить на ключевой вопрос о том, что является наиболее важным фактором поощрения ирано-российского сотрудничества в новейшей истории. Хотя международные факторы играют роль в сотрудничестве двух стран, наиболее важным уровнем анализа является региональный уровень. Иран и Россия не терпят действий США в Азии и обеспокоены присутствием и деятельностью США в регионе, поскольку Иран и Россия видят расширение зонтика безопасности США в Азии после 9/11 под предлогом борьбы с терроризмом в ущерб своим интересам.

Используя неореалистическую перспективу, эта статья показывает, что параллельно с растущим американским желанием быть активным на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве после 11 сентября, наряду с такими факторами, как операции против распространения терроризма, наркотрафика, организованной преступности, мотивы Ирана и России противостоять влиянию США были шагом вперед. В данной статье использован описательно-аналитический метод сбора данных из библиотечных и документальных источников.

Постсоветское пространство

Ключевым направлением сотрудничества России и Ирана в Центральной Азии является вопрос безопасности. Любая напряженность и угроза в регионе для России и Ирана чрезвычайно чувствительна. Гражданская война в Таджикистане в 1992 году заставила начать широкое сотрудничество Москвы и Тегерана для посредничества в этой войне и организовать несколько раундов переговоров между враждебными таджикскими группировками. 17 Сентябрь 1994 года было объявлено о прекращении огня и «Тегеранском соглашении». Это был важный шаг в продвижении мирных переговоров и началом конца междоусобной вражды между таджиками (Koolae, 2011).

Кроме того, в кавказском кейсе Иран и Россия были активны в ликвидации региональных кризисов, включая нагорно-карабахский конфликт. Кавказ в силу геополитического, культурного и экономического значения имеет стратегическое значение для обеих стран.

В то же время, власть, осуществляемая талибами в Афганистане, а также производство наркотиков в этой стране и транзит через Среднюю Азию на запад остаются угрозой национальной безопасности всего региона. Российские

официальные лица считают, что некоторые экстремистские группировки в Центральной Азии и салафитские и ваххабитские группировки на Северном Кавказе, особенно в Чечне, поддерживаются талибами, а Иран рассматривал экстремистскую идеологию талибов как угрозу своей национальной безопасности. Таким образом, наличие такой угрозы в регионе стало эффективным фактором укрепления сотрудничества в области обороны и безопасности между Ираном и Россией.

Ближний Восток

Военная кампания по сохранению режима Асада в Сирии вынудила Россию и Иран адаптироваться к вызовам совместного военного сотрудничества на поле боя. Опыт тесной координации действий в Сирии и улучшение российско-иранских отношений за последнее десятилетие говорят о том, что Москва и Тегеран будут лучше подготовлены к решению возникающих проблем, стоящих перед будущим Сирии.

У Ирана, как и у России есть причины оказывать финансовую и военную помощь сирийскому правительству в борьбе с «вооруженными оппозиционными движениями», поддерживаемыми монархиями Персидского залива и западными державами. Обеспечение выживания режима Башара Асада спустя десять лет после начала кризиса само по себе является дипломатическим успехом Тегерана и Москвы. И все же за это приходится платить.

Поддержка Сирии ухудшила отношения между Ираном и странами Персидского залива, которые поддерживают многие основные сирийские оппозиционные группировки. Однако стоит подчеркнуть, что с тех пор, как в октябре 2015 года началась российская антитеррористическая операция в Сирии, Саудовская Аравия все чаще проявляет желание сократить свои потери и помириться с Россией. Примером этого стал исторический визит короля Салмана в Россию в октябре 2017 года, первый подобный визит саудовского монарха, в ходе которого король и российский Президент обсудили саудовские инвестиции в российский энергетический сектор (Kozhanov, 2018).

В то время как экономические стимулы являются важным фактором политики, идентичность России как православной нации с большим мусульманским населением означает, что Кремль должен тщательно выстраивать отношения со странами региона. Мусульманское население России (в основном суннитское) составляет примерно 21-28 миллионов человек, что составляет более 10-15% населения.

Осознавая потенциально разрушительную динамику транснациональной мусульманской солидарности, Кремль в течение многих лет стремился навести мосты с мусульманским миром. Запятнанная наследием войн с мусульманами и мусульманскими государствами, кульминацией которых стали кровопролитные чеченские войны, Россия сделала первый шаг в восстановлении своего имиджа в исламском мире, став в 2005 году государством-наблюдателем при Организации Исламская конференция.

Сближение взглядов Ирана и России на Ближний Восток следует понимать в контексте борьбы между западными программами в области прав человека

и демократии и цивилизационной презентацией России как консервативной державы. Например, Русская Православная церковь, идеологическая опора националистического возрождения страны, развила диалог с шиитским духовенством Ирана. Это было сделано в рамках более широкого диалога между православными и исламскими лидерами, начавшегося в 1997 году. С тех пор священнослужители из двух стран встречаются раз в два года, чередуясь между Москвой и Тегераном.

Российская операция в Сирии бросила вызов традиционному подходу Ирана к тому, что в противном случае было бы идеальной региональной средой безопасности для Исламской Республики. Действительно, иранская военная стратегия подчеркивает необходимость того, чтобы Ближний Восток был свободен от любого военного вмешательства со стороны внешней международной державы.

Иранские дипломаты обычно подчеркивают разницу между независимыми государствами, такими как Иран, Россия и Китай, и вассалами США, такими как монархии Персидского залива. Российская операция в Сирии бросает вызов иранской. Еще большую тревогу за судьбу совместных ирано-российских военных действий в Сирии вызывает отсутствие реакции иранского режима на внутреннюю критику относительно стоимости действий в Сирии. Во время осады Алеппо в сентябре 2016 года, в которой иранские и поддерживаемые Ираном силы сыграли большую роль, даже государственные газеты в Иране начали изображать крупнейший город Сирии как адскую трясиину.

Попытка Исламской Республики использовать Исламское Государство (далее – ИГ) для оправдания как своих действий в регионе, так и построения союза с Россией не убеждает значительную часть иранского населения. Более того, некоторые в Иране разделяют озабоченность Запада по поводу того, что представляется «новым российским милитаризмом», который действительно проявляется в «первой крупной военной операцией Москвы за пределами бывшего советского региона после Афганистана» в 1980-х годах.

После российской операции в Сирии Иран в течение года держал в секрете присутствие российских войск военных самолетов на авиабазе Новже близ Хамадана. Когда эта информация была обнародована российскими СМИ, министр обороны Ирана Хосейн Дехган назвал русских «самонадеянными и невежественными» (*khowdnama'iva bi-ma'refati*), очернив их как хвастунов и пытающихся казаться международной сверхдержавой. Действительно, это разоблачение не только расстроило иранских политиков, но и создало напряженность в двусторонних отношениях (BBC Persian).

Наметившаяся конкурентная динамика, обусловлена расходящимися и конкурирующими механизмами влияния России и Ирана в Сирии. В то время как Россия стремится восстановить государство и его основные структуры и централизовать государственную власть над всеми ветвями власти, Иран стремится проникнуть и внедриться в государство, одновременно создавая глубоко укоренившиеся параллельные ветви власти под своим прямым контролем. Эти два разрозненных подхода существовали в относительно комфортном состоянии в разгар вооруженного конфликта, но по мере того, как боевые действия сходят на нет, они вступают в противоречие.

Хотя разногласия России и Ирана по Сирии вряд ли поставят под угрозу их более широкое партнерство, они предполагают, что региональные кризисы могут усилить противоречия между двумя странами. В Йемене наметилась аналогичная тенденция военного российско-иранского сотрудничества и разногласий по вопросам окончательного статуса. С марта 2015 года Россия и Иран открыто критикуют друг друга. Обе страны отвергают резолюцию 2216 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о введении санкций в отношении хуситов. Однако Россия признает президента Абдраббу Мансура Хади единственной законной властью Йемена.

Каспий

На ранних этапах российской военной интервенции осенью 2015 года вооруженные силы РФ выпустили 26 ракет из Каспийского моря по целям в Сирии (13, 2015).

Это был первый случай, когда Каспий был использован для военных целей в ближневосточной стране. Эта связь в области безопасности отражает одну из главных движущих сил ирано-российского партнерства после окончания холодной войны – региональное сотрудничество. В 1990-х годах обе страны договорились, что Иран внесет свой вклад в стабилизацию Кавказа, Центральной Азии и Афганистана, а после арабской весны 2010/11 года и всего Ближнего Востока в обмен на сотрудничество России в чувствительных стратегических секторах, таких как гражданское ядерное, военное и космическое сотрудничество. Это соглашение оставалось в силе и после заключения ядерной сделки в июле 2015 года.

На саммите прикаспийских государств в августе 2018 года в Актау правительства решили вопросы демаркации, но не управления подводными ресурсами. В Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (Конвенция, 2018), правительства пяти стран обошли вопрос о том, следует ли юридически определять Каспий как «озеро» или «море», обозначив Каспий как имеющий «особый правовой статус».

Тегеран и Москва давно стремятся исключить любое не прибрежное военное присутствие со стороны стран Организации Североатлантического договора (далее – НАТО) (15, 2018). Положения Актауского соглашения, как и более ранние соглашения по Каспийскому морю, запрещают размещение военно-морских сил и военных баз прикаспийских государств в Каспийском регионе. Хотя соглашение также предусматривает меры укрепления доверия между пятью каспийскими военно-морскими силами, Актауское соглашение не ограничивает размер их флотов.

Российская Каспийская флотилия остается доминирующей военно-морской силой в регионе с советских времен. После распада объединенных советских Вооруженных сил в 1991 году Россия унаследовала наибольшую долю бывших советских военных активов, в том числе в Каспийском море (14, 2021).

Иран имеет второй по мощи флот на Каспии, возглавляемый отремонтированным эсминцем «Дамаванд» и поддерживаемый несколькими корветами и тральщиками (jamestown.org). Ответственность за Каспийский регион несет Северный флот Военно-морских сил Исламской республики Иран (далее – IRIN). В то время как модернизация IRIN

сосредоточена в основном на водах, которые Тегеран считает стратегическими, а именно в Ормузском проливе, каспийский флот Ирана также частично был модернизирован.

Россия и Иран испытывают множество дипломатических, экономических и военных противоречий на Каспии, что свидетельствует о сложности региональных интересов и напряженности между двумя странами. Каспийское море никогда не было приоритетом во внешней политике Ирана и России. Тем не менее, в последние годы, особенно после реакции иранской общественности на демаркацию Каспия по Актаускому соглашению 2018 года, Иран уделяет больше внимания политике в отношении прикаспийских стран.

Афганистан

Крах афганского правительства – это удар по США и их союзникам по НАТО, а также трагедия для афганского народа. Но это также будет проблемой для России и Ирана, господство талибов теперь становится для них экзистенциальной проблемой.

Россия и особенно Иран рассматривали присутствие иностранных войск в Афганистане как потенциальную угрозу безопасности и поэтому проводили свою политику, основанную на сдерживании США. По словам российских официальных лиц, целью операций США и НАТО в Афганистане являлось не противодействие терроризму, а поощрение радикальных элементов для их политической и военной эксплуатации. Таким образом, США стремятся контролировать соседей Афганистана, включая Китай, Иран, Центральную Азию и Россию.

И Российская Федерация, и Исламская Республика Иран помогли талибам вернуть контроль над центральными органами власти Афганистана в 2021 году. Для достижения договоренностей между талибами и Ираном, а также клиентами и союзниками России последним было обещано войти в состав будущего коалиционного правительства. В то время и иранцы, и русские думали, что коалиционное правительство будет сформировано до падения Кабула, как полагали и США (5, 2021). Однако, Талибан проигнорировал пожелания обеих государств и исключил всякую возможность на инклюзивное правительство в Кабуле.

Поскольку Талибану еще предстоит убедить Тегеран и Москву в том, что он является надежным союзником, такие группы, как Национальный фронт сопротивления, остаются политически актуальными для Ирана. Афганский кризис, как самый продолжительный кризис в международных отношениях имеет не только региональное, но и глобальное измерение. Вторжение США привело к тому, что Россия и Иран столкнутся с геостратегическими опасностями и НАТО у своих границ.

Ядерная программа Ирана

Россия не воспользовалась своим правом вето в СБ ООН и в июле 2006 года одобрила резолюцию №1696 в соответствии с главой VII (статья 40), которая сделала приостановку обогащения урана обязательной. Затем Россия также проголосовала за

резолюцию №1737 СБ ООН в декабре 2006 года, впервые утвердив введение санкций главы VII в отношении Ирана. Режим санкций был усилен (резолюция 1747 СБ ООН) в марте 2007 года, за которой последовали резолюция 1803 в марте 2008 года и резолюция 1835 в сентябре того же года.

В то время как Россия стремилась предотвратить или, по крайней мере, замедлить международное давление на Иран, она стремилась одновременно использовать проект Бушер в качестве рычага давления в иранском ядерном конфликте. Об этом свидетельствовало постоянное отодвигание даты завершения строительства Бушерской электростанции, которое объяснялось «техническими» проблемами (Katz, 2012).

В Тегеране создавалось впечатление, что иранская ядерная программа представляет собой «разменную монету» для Москвы и что «Россия намеренно тянет время в отношениях с Ираном, чтобы добиться уступок от Соединенных Штатов» (Mousavian, 2012).

Однако роль России в ядерных переговорах колебалась между сотрудничеством с Западом и точкой зрения, симпатизирующей некоторым иранским аргументам. Опыт России на иранском рынке ядерной энергии в 1990-е годы также дал ей больше понимания иранских ядерных расчетов, чем любому из ее партнеров по 6+1 (Aras, 2006).

На сотрудничество России с Западом по Ирану не повлияло даже ухудшение западно-российских отношений после украинского кризиса 2014 года, что свидетельствовало о том высоком значении, которое Москва придавала политическому урегулированию тлеющего иранского ядерного конфликта (Meier, 2015).

2 апреля 2015 года в Лозанне «шестерка» международных посредников (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай и Германия) и Иран достигли предварительной рамочной договоренности по «ядерному досье». Согласно данному документу, до 30 июня 2015 года стороны обязуются заключить всеобъемлющее соглашение, предполагающее полную отмену наложенного на Исламскую Республику Иран международного эмбарго. Однако подписано оно будет только при условии выполнения Ираном целого ряда важных обязательств.

14 июля 2015 года Иран и его партнеры по переговорам из шестерки международных посредников согласовали «Совместный всеобъемлющий план действий», который должен был положить конец озабоченности западных стран в отношении целей иранской ядерной программы. Подписание документа предполагало окончание 36-летнего периода западных санкций против Ирана. После утверждения плана действий всеми членами Совета Безопасности ООН большинство действующих санкций против Ирана должны были быть сняты (З, 2015).

Политика преемника Обамы привела к выходу США из договора. Главное обвинение администрации Трампа было в том, что Тегеран дестабилизирует регион, которое просто не соответствовало действительности. Иран поддерживал те же правительства в Ираке и Афганистане, что и Соединенные Штаты. Между тем Кабул и Багдад обвиняли Пакистан и Саудовскую Аравию в поддержке терроризма в регионе. Тогдашний вице-президент США Джо Байден признал роль американских союзников

в разжигании нестабильности в Сирии, заявив в 2014 году, что они направили сотни миллионов долларов и десятки тысяч тонн оружия в Сирийской Арабской Республики для тех, кто сражался против президента Сирии Башара аль-Асада (11, 2014).

Кроме того, военные расходы Ирана меньше, чем у Саудовской Аравии, Израиля и других арабских стран Персидского залива, хотя его население больше, чем у всех этих стран вместе взятых.

Поэтому утверждать, что Иран преследует милитаристские или гегемонистские цели в регионе нелогично, необоснованно и сильно мотивировано политической пропагандой. Более того, историческая ядерная сделка в июле 2015 года закрыла для Ирана все пути к ядерному оружию, в то время как Израиль остается единственным препятствием для создания зоны, свободной от ядерного оружия на Ближнем Востоке.

Независимо от этих коммерческих и политических соображений, Россия неизменно демонстрирует приверженность поддержанию доверия к глобальному режиму ядерного нераспространения. Именно последнее находится под угрозой после выхода США из хорошо функционирующего многостороннего соглашения.

Заключение

После распада Советского Союза уменьшившаяся способность Москвы проецировать свою власть на Ближний Восток породила потребность в экономной и эффективной политике в регионе. Экономический оппортунизм стал доминировать в повестке дня. С тех пор Россия стремилась строить коммерческие отношения как с бывшими друзьями, так и с врагами. Руководствуясь прагматизмом, российские компании ведут дела не только со своими старыми арабскими союзниками, но и с Турцией, Ираном, странами Персидского залива, Израилем. Однако экономические возможности не безграничны и могут быть подорваны политическими разногласиями между ближневосточными субъектами.

Несмотря на новую ирано-российскую Антанту на Ближнем Востоке, Иран по-прежнему зависит от поддержки безопасности со стороны России против угрозы смены режима, исходящей со стороны Соединенных Штатов. Что касается ядерного развития и наращивания военной мощи, то отношения между двумя странами имеют решающее значение для будущего Ближнего Востока. Несмотря на некоторую идеологическую близость, это скорее контекстуальная Антанта, чем партнерство в направлении общего политического проекта или общей стратегической повестки дня.

Эти отношения больше зависят от актуальных угроз в области безопасности, чем от их видения альтернативного западному универсального политического проекта. Оба государства отвергают западную политику смены режимов и использования вопросов прав человека для достижения геополитических целей. Эта конвергенция особенно хорошо применима к сирийскому случаю, когда обе страны отвергают перспективу появления нового режима, который, как опасаются русские, будет прозападным, а иранцы – про-саудовским. Обе страны позиционируют себя как сторонники статус-кво и заявляют, что их противники заинтересованы в дестабилизации Сирии.

На данном этапе имеют место расхождения в отношении к Израилю – Иран видит в Израиле главного соперника в регионе, в то время как Россия активные дипломатические отношения с еврейским государством.

Распад Советского Союза вызвал географическое отдаление Ирана и России и стал фундаментом для формирования новых геополитических регионов (Центральная Азия и Кавказ). Это стало началом нового этапа в отношениях между двумя странами. Действительно, влияние Америки на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, на Кавказе, расширение НАТО на Восток, кризис в получившем независимость Таджикистане, Нагорном Карабахе, кризис в Афганистане, Ираке, Сирии и Йемене, борьба с терроризмом и экстремизмом — это факторы, которые Иран и Россия из-за общих интересов сближает все больше и больше.

Список литературы

1. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря // Кремлин.ру. 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328>.
2. Aras B., Ozbay F. Dances with Wolves: Russia, Iran and the Nuclear Issue // Middle East Policy, 2006. №13(4). P. 132–147.
3. Iran nuclear deal // Documentcloud. 2015. URL: Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки..
4. Iran expanding its naval presence in the Caspian // Jamestown Foundation. 2018. URL: <https://jamestown.org/program/iran-expanding-its-naval-presence-in-the-caspian/>.
5. Ghani's escape derailed last-ditch deal with Taliban, US envoy says // FT. 2021. URL: <https://www.ft.com/content/ee113fde-bfc5-417d-b123-2abcf639f95e>.
6. Katz M. Russia and Iran // Middle East Policy, 2012. №19(3). P. 54–64.
7. Koolae E., Moradi A. H. Russian Energy Policy in Central Asia // Journal of Rahbord, 2011. №61. P. 50–54.
8. Meier O., Pieper M. Russland und der Atomkonflikt mit Iran. Kontinuitäten und Brüche bei den russischen Interessen im Zeichen der Ukraine-Krise, 2015. № 38. P. 1–4.
9. Mousavian S. H. The Iranian Nuclear Crisis. A Memoir, Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2012. 597 p.
10. Kozhanov N. Was King Salman's Visit to Moscow a Turning Point in Russian-Saudi Relations? // Jamestown Foundation. 2018. URL: <https://jamestown.org/program/king-salmans-visit-moscow-turning-point-russian-saudi-relations/>.
11. Only Honest Man in Washington // Foreign Policy. 2014. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/10/07/joe-biden-is-the-only-honest-man-in-washington/>.
12. Parsi T., Cullis T. The Myth of the Iranian Military Giant // Foreign Policy. 2015. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/07/10/the-myth-of-the-iranian-military-giant/>.
13. Russian Missiles 'Hit IS in Syria from Caspian Sea // BBC. 2015. URL: <https://bbc.in/2CVtj1H>.
14. The militarisation of the Caspian Sea // Emerging Europe. 2021. URL: <https://emerging-europe.com/news/the-militarisation-of-the-caspian-sea>.
15. What the new Caspian Sea deal means for military balance in the region // The World Economic Forum. 2018. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/09/what-a-new-caspian-sea-deal-means-for-military-balance-in-the-region/>.
16. «دردن» Iran's defense minister: The Russians are being 'self-important and dishonest' in publishing news of using the Nowzheh base // BBC Persian. 2020. URL: <https://bbc.in/2OvVAhE>.

Роль инновационно-образовательного кластера в создании цифрового двойника региона (на примере Томской области)

Бунеев Т.П.

АННОТАЦИЯ

В статье автором рассматриваются перспективы внедрения цифровой системы «цифровой двойник» в регионе, как вспомогательного инструмента регионального управления. В качестве примера региона где такая система может успешно действовать и показывать эффективный результат в инновационной и научной отраслях, автор приводит Томскую область, обладающую большим потенциалом в сфере науки, образования и инновационного развития. Автор проводит анализ эффективности проектно-инновационной и научно-образовательной деятельности, осуществляемой на базе инновационно-образовательного кластера Томской области «ИНОТомск», сопоставляя текущие статистические показатели с стратегией инновационного развития региона. На основании статистики определен стагнационный период в научно-инновационном развитии региона. Для выявления основных проблем, автор применяет метод социологического экспертного опроса, по результатам которого обозначены проблемные области, а также сделан вывод, что они являются следствием нехватки комплексных мониторинговых систем, дополнительной работы по сбору и анализу статистической информации, недостаточного взаимодействия между резидентами кластера «ИНОТомск» в рамках общей системы или выстроенного алгоритма действий. Для решения этих проблем и дальнейшего развития инновационной экономики региона, автором предложен алгоритм и схема действия цифрового двойника, на базе кластера «ИНОТомск».

RESUME

In the article, the author considers the prospects for the introduction of the digital system «digital twin» in the region, as an auxiliary tool for regional management. As an example of a region where such a system can successfully operate and show an effective result in the innovation and scientific sectors, the author cites the Tomsk region, which has great potential in the field of science, education and innovative development. The author analyzes the effectiveness of design and innovation, scientific and educational activities carried out on the basis of the innovative and educational cluster of the Tomsk region «INOTomsk», comparing the current statistical indicators with the strategy of innovative development of the region. On the basis of statistics, a stagnation period in the scientific and innovative development of the region was determined. To identify the main problems, the author uses the method of a sociological expert survey, according to the results of which problem areas are identified, and it is also concluded that they are the result of a lack of integrated monitoring systems, additional work on the collection and analysis of statistical information, and insufficient interaction between residents of the INOTomsk cluster within the framework of a common system or a built algorithm of actions. To solve these problems and further develop the innovative economy of the region, the author proposes an algorithm and a scheme for the operation of a digital twin based on the INOTomsk cluster.

Ключевые слова: цифровой двойник, инновационно-образовательный кластер, региональное развитие, умный регион

Keywords: digital twin, innovation and education cluster, regional development, smart region

Бунеев Тимофей Павлович, студент ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия, timofei.buneev@yandex.ru

Timofey P. Buneev, student of the IPACS RANEPА, Moscow, Russia, timofei.buneev@yandex.ru

На сегодняшний день Российская Федерация оказывается в сложных экономических условиях, обусловленных санкционным давлением и последствиям пандемии COVID-19. В такой ситуации вопросы пропорционального регионального развития, за счет ориентации на собственное производство, оптимизации существующих ресурсов и развития собственных инновационных технологий приобретают все большую актуальность. Успешное развитие инновационной национальной экономики сопряжено с тем, насколько каждый отдельный регион страны адаптируется к новым глобальным вызовам, используя свой потенциал, а также применяет актуальные цифровые технологии. В этой связи особое внимание должно быть уделено таким сферам как наука и образование, которые выступают драйвером инновационных разработок, организации проектной деятельности, подготовки специализированных кадров, способных как разрабатывать, так и обслуживать, внедряемые технологии. Совокупное использование цифровых инструментов позволит осуществить переход экономики региона на инновационный этап развития и построить «умный регион». Одним из наиболее актуальных и современных цифровых инструментов регионального социально-экономического развития являются цифровые двойники. Поэтому в представленной работе исследуются перспективы внедрения «цифрового двойника» как инструмента регионального управления и развития на базе кластерной инфраструктуры, что позволит улучшить процессы производства, оптимизировать деятельность инновационных предприятий, научно-образовательной сферы, производить качественный мониторинг инфраструктуры региона и своевременно реагировать на возникающие угрозы.

Концепция цифрового двойника соответствует приоритетам цифрового и регионального развития России, что отражено в проекте «Умный город», реализующимся в национальных программах «Цифровая экономика» и «Жилье и городская среда». Наличие системы цифрового двойника является определяющей составляющей «IQ городов» (7, 2022). Также это отвечает целям, поставленным Президентом Российской Федерации в Указе Президента Российской Федерации 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (19, 2020).

Данная проблема поднимается в исследованиях многих зарубежных ученых и экспертов, начиная от М. Портера – идеолога понятия кластер, до разработчика системы цифрового двойника – Майкла Гривса. В России тема внедрения цифровых двойников стала актуальной относительно недавно: её рассматривали такие авторы, как Д.Е. Намиот, который описал процесс работы цифрового двойника и его отличие от аналогичных систем дискретно-событийного моделирования. С.А. Иванов, К.Ю. Никольская, Г.И. Радченко, Л.Б. Соколинский, М.Л. Цымблер (Иванов, Никольская, Радченко, Соколинский, Цымблер, 2020) – описали концепцию построения цифрового двойника региона.

В процессе исследования были проанализированы различные подходы к понятию цифровой двойник, который в сущности подразумевает моделирование физического объекта или системы в реальном времени, создание его цифровой копии, которая так же может быть представлена: компанией, регионом, кластером и т.д. Передача информации между цифровым двойником и соответствующей

физической средой на постоянной основе, делает такую систему уникальной для применения управленческих решений, так как она позволяет осуществлять моделирование (в том числе и 3D) в реальном времени, а также аккумулирует большой массив данных. Цифровой двойник способен влиять на реальный объект, прогнозировать его будущее поведение, дает возможности экспериментировать над объектом в виртуальной среде, проектируя новые возможности для него и значительно снижая риски при нововведениях или принятии иных решений (Намиот, Покусаев, Куприяновский, Жабицкий, 2021).

Цифровые двойники уже активно применяются промышленными компаниями, в градостроительстве и при управлении регионом разными странами. Так наиболее популярными примерами являются цифровые двойники французского города Ренн, Сингапура и Стокгольма. Их объединяет широкое применение BIM и 3D моделирования, мониторинга и визуализации данных о строительстве и по состоянию загрязнения окружающей среды, городской инфраструктуры. Цифровой двойник используется для прогнозирования рисков при возведении новых построек. Стоит отметить, что у каждого города – свои отечественные сервисы-планировщики, обеспечивающиеся национальными институтами.

Также с 2019 года в рамках проекта «Умный город» в России формируются собственные кейсы по использованию цифровых двойников. Одними из первых это сделали в Москве, Санкт-Петербурге, Мурманской области и Казани.

Санкт-Петербургский и Казанский проекты цифровых двойников объединяет активное использование BIM, создание интерактивной 3D-модели города с отображением зданий и инфраструктуры города (коммунальные и инженерные системы). Создание, оснащение и управление цифровым двойником в этих регионах осуществляют департаменты строительства или городского благоустройства. Московский проект цифрового двойника предполагает создание интерактивной 3D-модели города с отображением зданий и инфраструктуры города (коммунальные и инженерные системы), что позволяет оценивать эффективность тех или иных решений, планировать комплексное развитие города и проводить диагностику состояния города в целом. В основе этого 3D моделирования лежит загруженная база панорам столичных улиц и фотограмметрическая модель Москвы. С помощью BIM-технологий (информационного моделирования) визуальная картина дополняется подробными характеристиками зданий. Проект уже в 2020 году получает премию Международного сообщества городских и региональных планировщиков (ISOCARP), становясь лауреатом премии в сфере информационных технологий TAdviser IT Prize в номинации «Цифровой двойник года» (12, 2022).

Мурманская область пошла немного по иному пути, внедрив дополнительные технологии в систему ЦУР, что позволило создать похожую модель цифрового двойника, за счет дополнительного введения видеонаблюдения и видеоаналитики, применение системы фото и видеофиксации нарушений ПДД, интеллектуальной транспортной системы, с помощью которой можно отслеживать трафик общественного транспорта и принимать быстрые и адекватные решения, в соответствии с возникающими ситуациями. Также планируется применять эти технологии для проектирования в строительстве (6, 2021).

Проведя сравнительный анализ российского и зарубежного опыта создания цифровых двойников (см. таблицу 1), автором установлено, что в России недостаточно взаимодействие с научно-исследовательскими и образовательными организациями, а также при первичном создании цифровых двойников регионов использовалось иностранное ПО, что в современных санкционных условиях вызывает к необходимости разработки отечественных аналогов.

Таблица 1

Сравнительный анализ российского и зарубежных опытов создания цифрового двойника

Города	Участники создания цифрового двойника		
	НИИ	Госорганы	Отечественное ПО
Москва	+/- (взаимодействие не системно)	+	-
Мурманск	-	+	-
Казань	-	+	-
Санкт-Петербург	-	+	-
Ренн	+	+	+
Стокгольм	+	+	+
Сингапур	+	+	+

Новизна исследования заключается в том, что исследуются перспективы внедрения «цифрового двойника» как инструмента регионального управления и развития, базирующегося на инновационно-образовательном и научном кластере. Использование на базе кластерной инфраструктуры «цифрового двойника», позволит вдвойне повысить эффективность. Проанализировав зарубежный опыт, можно сделать вывод, что для наиболее успешного функционирования такой системы, ее обслуживание и развитие должно осуществляться при помощи национальных вузов, с внедрением дополнительных разработок и компетентных консультаций.

В данном исследовании модель построения цифрового двойника представляется на примере Томской области, с помощью инструментов инновационно-образовательного кластера региона. Выбор пал на Томскую область, поскольку этот регион обладает большим инновационным, образовательным и научным потенциалами, за счет наличия отлаженного механизма взаимодействия стейкхолдеров регионе в рамках инновационно-образовательного кластера, а также имеет необходимые ресурсы для создания цифрового двойника региона. Томская область – ежегодно входит в топ-5 региональных лидеров по инновационному развитию. Для области наука, образование и передовые инновации являются «визитной карточкой», на этих сферах стараются делать акцент, осуществлять маркетинг области и строить имидж. В регионе хорошо развита научно-образовательная инфраструктура, что обусловлено стремлением руководства

региона создавать кластеры в наиболее значимых сферах деятельности. Так здесь создан и функционирует уникальный инновационно-образовательный и научный кластер «ИНОТомск», чей особый статус как в Томской области, так и на федеральном уровне закреплен распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.01.2015 № 22-р «О создании Центра образования, исследований и разработок «ИНОТомск» (Распоряжение, 2015).

Область занимает лидирующие позиции по научно-образовательным и инновационным показателям, удерживая лидирующие позиции в группе сильных инноваторов, занимая четвертую позицию (2015 год – 7 место) после Санкт-Петербурга, Татарстана и Москвы, а также 4 место в рейтинге по значению российского регионального инновационного индекса национальных чемпионов среди регионов РФ. Данный индекс рассчитан по десяти индикаторам, сгруппированным в три тематические рубрики: финансирование научных исследований и разработок; кадры науки; результативность научных исследований и разработок. По данному рейтингу Томская область занимает первое место среди всех регионов. Максимальная совокупная оценка научно-технического потенциала получена здесь благодаря высоким показателям кадровой обеспеченности науки и результативности исследований и разработок, в особенности – публикационной и патентной активности (17, 2019). По мимо этого, отдельные вузы региона занимают позиции в авторитетных международных рейтингах. Так Томский государственный университет занял 250 место в новом рейтинге лучших университетов мира QS World University Rankings 2021. Рейтинг агентства Quacquarelli Symonds – один из самых авторитетных в академическом сообществе. Второй томский вуз в этом рейтинге – ТПУ – занял 401 место (387 в прошлом году). Оба вуза показывают положительную динамику в рейтинге.

Такие высокие позиции регион занимает благодаря активной научно-исследовательской и проектно-инновационной деятельности кластера ИНОТомск. Он востребован среди крупнейших российских промышленных компаний, которые также являются резидентами этого кластера и ведут совместную деятельность с его научно-образовательными учреждениями. Рассмотрим несколько совместных инновационных проектов кластера ИНОТомск: «Палеозой» («Разработка технологии поиска потенциально перспективных объектов в отложениях доюрского комплекса Томской области»), энергетический проект «БРЕСТ-300» и крупный научно-образовательный инфраструктурный проект «Большой университет».

В проекте «Палеозой», задействованы следующие представители кластера ИНОТомск: ПАО «Газпромнефть-Восток», Администрация Томской области, Томский политехнический университет, Научно-Технический Центр «Газпром нефти», проектный офис «Бажен», «ТомскНИПИнефти». Он направлен на разработку технологии поиска потенциально-перспективных объектов в отложениях доюрского комплекса на территории Томской области и реализацию стратегии развития ресурсной базы «Газпром нефти» в отношении нетрадиционных запасов и обеспечение их рентабельного промышленного освоения. Проводится большая научно-исследовательская работа, внедрены уникальные технологические инновации, разработанные благодаря специалистам НИ ТПУ – планируется

применение альтернативных методов геофизики — магнитных, гравиметрических и электрометрических съемок. Данный проект должен подарить второе дыхание нефтегазовой отрасли региона в перспективе выводя добычу нефти на стабильный показатель в 10 млн тонн в год (3, 2022; 4, 2019).

Энергетический проект «БРЕСТ-300» на базе кластера ИНОТомск проводится совместно с компанией «Росатом» и относится к группе инновационных проектов по изучению и внедрению новых ядерных технологий. Это один из новейших прорывных проектов не только в рамках нашей страны, но и в принципе в мире. «Прорыв» нацелен на достижение нового качества ядерной энергетики, разработку, создание и промышленную реализацию замкнутого ядерного топливного цикла (ЗЯТЦ) на базе реакторов на быстрых нейтронах, развивающих крупномасштабную ядерную энергетику. Не случайно столицей атомной энергетики будущего, столицей проекта «Прорыв» выбрана Томская область. Здесь успешно работает одно из флагманских предприятий ядерно-энергетической отрасли – Сибирский химический комбинат, работу которого поддерживают резиденты кластера ИНОТомск (13, 2020).

Масштабным и амбициозным проектом является «Большой университет», который направлен на создание единой учебно-научной инфраструктуры ведущих вузов, что, в сущности, стирает рамки и границы вузов, позволяя полноценно обмениваться знаниями, опытом и вести совместные работы в смежных областях, находя точки соприкосновения в дисциплинах. Уже 2016 года ТПУ, ТГУ и СибГМУ реализуют проект обоюдного свободного доступа к библиотекам своих студентов и сотрудников. В рамках проекта Большого Томского университета и национального проекта «Образования» уже идет строительство межвузовского студенческого кампуса на 10 тыс. мест, включая спортивные объекты и общественные пространства, созданы новые совместные образовательные программы. Инициаторы проекта отмечают, что интеграция базовых процессов вузов необходима для снижения их финансовых издержек, масштабирования образовательных процессов и создания новых образовательных программ, а также цифровизация образования и кооперация вузов с целью выработки инноваций (10, 2019).

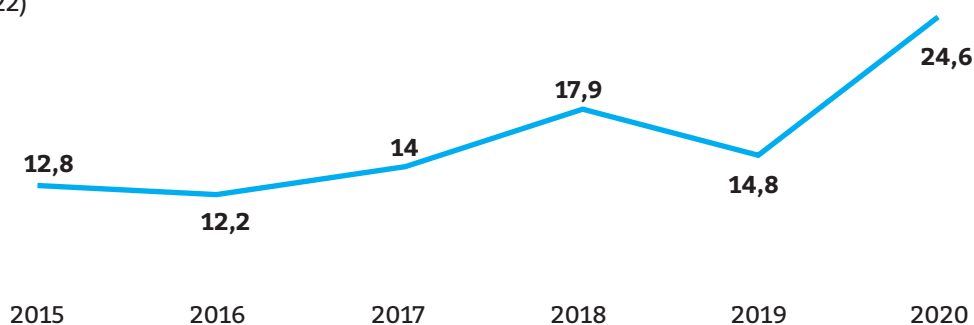
У Томского инновационно-образовательного кластера имеется вся необходимая техническая инновационная инфраструктура:

- ОЭЗ технико-внедренческого типа «Томск»;
- Инжиниринговые центры;
- ЦУР Томск;
- 4 венчурных фонда;
- Центр кластерного развития;
- 7 бизнес-инкубаторов;
- Суперкомпьютерный центр ТГУ (входит в топ-15 в СНГ);
- Поддержка и проектная деятельность в регионе со стороны крупнейших промышленных компаний страны (Газпром, Росатом, Норникель, Россети, Роскосмос) (1, 2022).

Чтобы дать оценку эффективности регионального кластера ИНОТомск, обратимся к программе региона: «Развитие инновационной деятельности и науки

Рисунок 1

Динамика инновационной активности предприятий в Томской области (20, 2022)

в Томской области». В рамках этой программы выдвинуты целевые показатели, которые должны быть достигнуты регионом к каждому конкретному году (см. таблицу 2).

Таблица 2

План достижения целевых показателей инновационно-научной деятельности в Томской области (14, 2019)

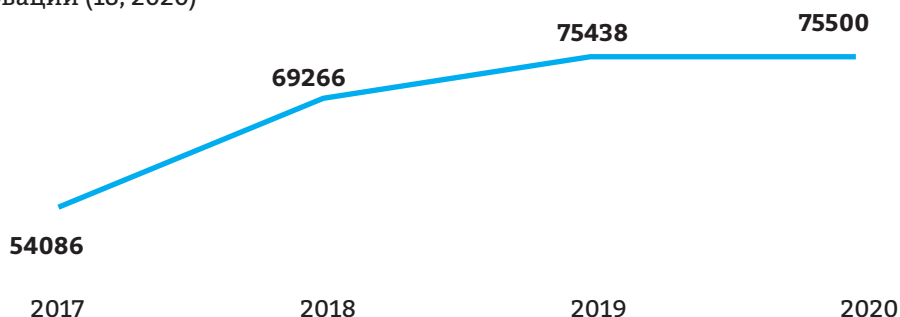
Показатели цели	2017 год	2018 год	2021 год прогноз	2021 год
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом региональном продукте Томской области, %	25,2	25,8	27,3	20,7(-24%)
Число созданных и модернизированных высокопроизводительных рабочих мест по видам экономической деятельности «Деятельность профессиональная, научная и техническая» и «Образование», тыс. единиц	26,0	26,2	26,8	27,3(+1,8%)
Уровень инновационной активности организаций, %	13,9	14,1	14,5	24,6(+69,6%)
Затраты на инновации, млрд руб.	15,7	15,9	16,8	13,6(-19%)
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.	14,5	20,0	23,6	18,1(-23,3%)

Согласно Томскстата всего была разработана и выпущена 41 инновационно-производственная технология. Инновационная активность предприятий к 2020 году составила 24,6% (20, 2022), за 5 лет этот показатель увеличился в 2 раза (см. рисунок 1), даже обогнав намеченную цель региональной стратегии инновационного развития в 14,5% инновационной активности к 2021 году.

Объем затрат на инновации организаций и их внедрение равняется 13623 млн рублей, в том числе инвестиции на научные разработки и образование – 4335,8 млн рублей. Из них привлечено грантовых средств на сумму 2477,7 млн рублей. Отметим,

Рисунок 2

Динамика среднемесячной заработной платы работников в сфере науки и инноваций (18, 2020)

что объем инвестиций в научные разработки по сравнению с предыдущим годом упал на 30% (8986.7 млн рублей – в предыдущем году), а инвестиции в образовании показывают незначительный прирост в районе 1,3%. Что же касается затрат на инновационную деятельность организаций, то прирост средств за 5 лет составляет 17%, однако по сравнению с предыдущим 2019 годом этот показатель уменьшился на 21% (18, 2020), так как в предыдущий год затраты на инновации были гораздо выше – 17339.3 млн рублей. По данному показателю, хотя и показав определенный прирост в динамике за 5 лет, область не смогла достигнуть желаемых результатов к 2021 году, так как планируемый объем затрат должен был составлять 16,8 млрд рублей.

По доле внутренних затрат на исследования и разработки (НИОКР) в ВРП, область занимает 1-е место в Сибирском федеральном округе – 2,75%, что опережает общероссийское значение (1,11%) более чем в 2 раза, а среднее по Сибирскому Федеральному округу – в 3,2 раза. В результате доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВРП Томской области находится на уровне 20-21%, что выше среднего значения по стране (20,7%) и по Сибирскому Федеральному округу (17,9%), однако не удовлетворяет цели стратегии инновационного развития в 27,3% к 2021 году (1, 2022; 18, 2020). Показатели по объему инновационных товаров, работ и услуг превысили 18 млрд рублей, показав рост за 7 лет в 70%. Но вновь наблюдается та же тенденция, что и с ранее описанными показателями, так как по сравнению с предыдущим годом этот показатель упал на 5%.

Положительная тенденция наблюдается в выполнении задачи по поддержке и увеличению доли научных публикаций томских ученых на международном уровне, так как удалось повысить количество публикаций томских вузов на 100 исследователей в мировых журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» с 21 в 2014 году до 24 в 2020 году, а также долю внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте с 2,3% в 2014 году до 2,4% в 2020 году (9, 2021).

Доля высокопроизводительных рабочих мест в сфере образования и профессиональной, научной и технической деятельности увеличилась с 26 тысяч в 2017 году до 27,2 тысяч в 2020 году, перевыполнив цель стратегии по увеличению

рабочих мест данных сфер. По данным hh Индекса (HeadHunter) на 2021-2022 гг. наука и образование входит в топ 10 сфер с наиболее высоким спросом и на специалистов и заработной платой в Томской области (21, 2022). Так, заработная плата работников, занимающихся научными исследованиями и разработками с 2017 года увеличилась на 40% (см. рисунок 2).

Результаты анализа и сопоставление статистических показателей дает противоречивые результаты. Как мы видим, регион, при помощи действия его кластерных инструментов, в лице ИНОТомск действительно достигает эффективных результатов в большой динамике: повышается доля НИОКР в ВРП региона, перспективных внедренческих инновационных разработок, научно-образовательных услуг в структуре экономики региона, заработная плата работников сферы науки и образования, активность и доля инновационно-образовательных предприятий так же увеличивается. Томская область является регионом-лидером в Сибирском макрорегионе и даже на общефедеральном уровне, что говорит о реальной эффективности работы и реализации проектной деятельности кластера. Но, с другой стороны, мы наблюдаем и регрессию в малой динамике в 1-2 года и стагнацию по некоторым перечисленным нами показателям. Особо кризисными является период с 2017 по 2019 годы, так как наблюдается особо резкое падение по ряду показателей, в результате чего, область не смогла в полном объеме достичь намеченных целей стратегии инновационного развития региона к 2021 году.

Для того, чтобы определить основные проблемные области, мешающие полноценному инновационному развитию региона, нами был составлен и проведен экспертный опрос, в котором приняло участие 15 специалистов из сфер науки и образования Томской и Московской областей (преимущественно из НИИ ТГУ и РАНХиГС), Министерства Цифрового развития связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Ассоциации кластерного развития и другие специалисты из смежной сферы деятельности. В опросе было выделено 11 вопросов на тему проблем взаимодействия участников регионального кластера ИНОТомск, актуализации направлений обучения специалистов, оценки эффективности мониторинговых систем и наличия общих статистических данных или индикаторов, а также перспектив внедрения цифрового двойника. Все участники опроса отметили наличие проблемы выстраивания взаимодействия между участниками инновационно-образовательного кластера и эффективного взаимодополняемого партнерства, а также проблему актуализации направлений обучения специалистов. Разные мнения были отмечены касательно оценки эффективности работы кластера и его взаимодействия с партнерами, и специалисты из НИИ ТГУ отметили отсутствие единой статистической базы и работы с показателями у кластера ИНОТомск.

Проанализировав все ответы, можно выделить следующие основные проблемы:

- нехватка прикладных исследований по новым темам, из-за невозможности быстро перестроиться;
- недостаточная актуализация направлений подготовки специалистов в вузах Томской области;

- существует проблема кооперации между участниками инновационно-образовательного кластера и преимущественно с промышленными предприятиями;
- в рамках кластера наблюдается диспропорция и нарушение в научных связях НИИ с университетами;
- недостаточный мониторинг выполнения текущих проектов;
- необходим анализ и оптимизация распределения бюджетных финансовых средств;
- отсутствие базы общих статистических данных и разработанных оценочных индексов у кластера ИНОТомск.

Также 70% опрошиваемых специалистов высказались за то, что цифровой двойник действительно способен улучшить деятельность инновационно-образовательного кластера, оптимизировать расходование ресурсов и улучшить мониторинг процессов.

Перечисленные проблемные области, в результате анализа ответов, являются следствием нехватки комплексных мониторинговых систем, дополнительной работы по сбору и анализу статистической информации, а также недостаточного взаимодействия между резидентами кластера ИНОТомск в рамках общей системы или выстроенного алгоритма действий. Наличие такой системы, как цифровой двойник (ЦД), по нашему мнению, позволит решить большинство из указанных проблем.

Учитывая наличие необходимой инфраструктуры и описанный нами проектный опыт кластера ИНОТомск, наиболее целесообразно запустить цифровой двойник именно на его базе с включением следующих технологий (Аксенов, Гончарова, 2019; Намиот, Покусаев, Куприяновский, Жабицкий, 2021; 16, 2021):

- Технология BIM (Building Informational Modeling) – информационная модель зданий и инфраструктуры региона (Рахматуллина, 2017);
- Экспертную систему, включающую в себя базу данных и базу знаний;
- FEA — (Finite Element Analysis) – позволяет рассчитать эксплуатационную нагрузку;
- FMEA-модель (Failure Mode and Effects Analysis) – необходимо для анализа надежности систем и выявления наиболее критических шагов производственных процессов.
- CAD-модель (computer-aided design/drafting) – средство автоматизированного проектирования используется, чтобы рассчитать внешние характеристики и структуру объектов, материалов и процессов;
- VR- и AR-технологии;
- CAE-системы (Computer-aided engineering) – решения для инженерного анализа и расчетов, а также симуляций;
- Создать нормативно-правовую базу для деятельности цифрового двойника.

Схематично это должно представлять из себя следующий алгоритм взаимодействия (см. рисунок 3), где цифровой двойник выполняет следующую цепочку действий: сбор, анализ и мониторинг поступающей информации от компетентных статистических служб инновационно-образовательного кластера, в

Рисунок 3
Схема ЦД региона

Рисунок 4
Матрица влияния и интереса стейкхолдеров в цифровом двойнике региона

лице: статистических отделов вузов и НИИ, Росстата по Томской области, отдельных стейкхолдеров-партнеров кластера, а также мониторинг состояния городской инфраструктуры. Далее на основе собранной информации система осуществляет дискретно-событийное моделирование того, что будет в текущей ситуации, если не принять те или иные меры. Также это сопровождается и необходимым 3D-моделированием важнейших областей инфраструктуры.

Так же, опираясь на результаты экспертного опроса, изучения проектной деятельности кластера региона и анализа инвесторов, мы построили следующую матрицу заинтересованности и влияния стейкхолдеров кластера в создании

цифрового двойника, с целью определения основных целевых групп пользования такой системой (см. рисунок 4).

Мы видим, что интерес к цифровому двойнику проявляют три основные группы стейкхолдеров кластера: учреждения науки и образования, государственные органы власти и промышленные компании. Наиболее активные субъекты проектно-инновационной деятельности, оказывающие важное влияние как с точки зрения научных исследований и разработок, так и финансирования: НИИ ТГУ, ТУСУР, ТПУ, ПАО Газпромнефть, Госкорпорация Росатом, ПАО Россети-Ленэнерго и Администрация Томской области. Несмотря на их активное участие в экономике региона и частое взаимодействие друг с другом, у них так же присутствует проблема с кооперацией и обменом актуальной информацией, что и подтверждено результатами экспертного опроса. Соответственно, цифровой двойник будет им полезен.

Создание цифрового двойника Томской области позволит сократить операционные, инвестиционные и маркетинговые риски. Поможет оптимизировать бюджет региона. Применяя точечные меры будут нивелированы проблемы нерационального реформирования научно-образовательной сферы, а научные исследования будут направлены в четко определенные проблемные области, которые интересуют и промышленных партнеров, что создаст еще более благоприятные условия в их взаимовыгодном партнерстве и решит задачу недостаточной кооперации между наукой и производственными организациями. Эффективность внедрения ЦД на базе кластера ИНОТомск обуславливает высококвалифицированную поддержку такой системы и полного дополнения существующей кластерной модели экономики региона. В том числе, это сподвигнет специалистов инновационного-образовательного кластера к разработке отечественного цифрового ПО и собственных стандартов в оценке эффективности инновационной политики. Ориентация на современные технологии в управлении также создаст благоприятную инвестиционную среду. При всем этом, необходимо озаботиться вопросами нормирования этой системы, чтобы она была гуманной и отражала необходимые потребности региона и граждан.

Список литературы

1. Администрация Томской области. URL: <https://www.tomsk.gov.ru/Innovatsionnaya-deyatelnosty>.
2. Аксенов К.А., Гончарова Н.В. Гибридное моделирование мультиагентных процессов преобразования ресурсов: монография. М.: Издательский дом Академии естествознания, 2019. 222 с.
3. Газпромнефть-Восток. URL: <https://vostok.gazprom-neft.ru/press-center/special-projects/paleozooy/>.
4. Департамент по недропользованию и развитию нефтегазодобывающего комплекса Администрации Томской области: официальный сайт. URL: <https://depnedra.tomsk.gov.ru/uploads/ckfinder/277/userfiles/files/1645.pdf>.
5. Иванов С.А., Никольская К.Ю., Радченко Г.И., Соколинский Л.Б., Цымблер М.Л. Концепция построения цифрового двойника города // Вестник ЮУрГУ. Серия: Вычислительная математика и информатика. 2020. Т. 9, № 4. С. 5–23.
6. Индустрия безопасности. URL: https://www.securitymedia.ru/news_one_12958.html.

7. Минстрой России. Индекс IQ городов по итогам 2018 года. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/57570/>.
8. Намиот Д.Е. Покусаев О.Н., Куприяновский В.П., Жабицкий М.Г. Цифровые двойники и системы дискретнособытийного моделирования // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Т. 9. № 2. С. 70-75.
9. Наука и образование // ИНО Томск. URL: <https://ino-tomsk.ru/ru/nauka-i-obrazovanie>.
10. НИ ТГУ. URL: https://www.tsu.ru/university/rector_page/neritoricheskiy-vopros-dlya-chegonam-nuzhen-bolshoy-universitet-/.
11. О создании Центра образования, исследований и разработок «ИНОТомск»: распоряжение Правительства РФ № 22-р [утверждено Правительством РФ 14.01.2015]. URL: https://duma.tomsk.ru/upload/site/2017/02/10/589d788ecb6375_Распоряжение_Правительства_РФ_от_14.01.2015_N_22-р_О_концепции_создания_в_Томской_области_инновац-го_территор-го_центра_ИНО_Томск.pdf.
12. Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/96288073/>.
13. Проект Прорыв. URL: <https://proryv2020.ru/o-proekte/>.
14. Развитие инновационной деятельности и науки в Томской области: постановление Администрации Томской области [принят постановлением Администрации Томской области от 27.09.2019 № 359а]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/467956301>.
15. Рахматулина Е. С. BIM-моделирование как элемент современного строительства // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 19. С. 2849-2866.
16. РБК / Тренды / Индустрия 4.0. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6107e5339a79478125166eeb>.
17. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. URL: <https://issek.hse.ru/rirr2019>.
18. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области: официальный сайт. URL: <https://tmsk.gks.ru/storage/mediabank/8wQU6XeA/Инвестиции%20в%20основной%20капитал%20по%20видам%20экономической%20деятельности.pdf>.
19. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>.
20. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849>.
21. hh.индекс / Статистика рынка труда по Томской области. URL: https://stats.hh.ru/tomsk_oblast#structureVacancies%5Bactive%5D=true.

Деятельность международных компаний по борьбе с бедностью в глобальном масштабе

Бутвило А.С., Бученкова Т.А.

АННОТАЦИЯ

В данном исследовании рассматривается деятельность в области борьбы с бедностью трех крупных международных компаний со штаб-квартирами в России, Великобритании и Германии: Сбербанк, Hays и Jungheinrich соответственно. Компании входят в число лидеров в сфере своей деятельности и обладают значительными ресурсами и капиталом. Актуальность исследования обусловлена тем, что глобальные проблемы современности затрагивают всё человечество и касаются всех сфер деятельности. По этой причине решение таких проблем требует всеобщего сотрудничества и задействования всех возможных ресурсов, в том числе потенциала международной бизнес-среды. Целью исследования является выявление направлений деятельности международных компаний в решении проблемы бедности в глобальном масштабе. Авторы утверждают, что международные компании вносят вклад в борьбу с бедностью в глобальном масштабе, исходя из ориентации на концепцию корпоративной социальной ответственности и необходимости принимать меры в области достижения целей устойчивого развития, ESG. При этом компании основываются не только на гуманистических, но и на прагматичных мотивах, стремлении повысить свою репутацию и обеспечить рост прибыли в долгосрочной перспективе. Авторами были использованы методы кейс-стади, структурно-функционального, статистического, компаративного анализа. Были проанализированы подходы к определению концепции корпоративной социальной ответственности и выявлена ее роль в активизации социальной политики, определены особенности государственно-частного партнерства в сфере социальной политики, проанализированы политики рассматриваемых компаний по реализации целей устойчивого развития ООН в области борьбы с бедностью, выявлены направления деятельности рассматриваемых компаний в области борьбы с бедностью, разработаны рекомендации для международных компаний.

RESUME

The following study is focused on the activities in tackling the global problem of poverty of three large, leading international companies headquartered in Russia, in the UK and in Germany: Sberbank, Hays and Jungheinrich respectively. It is assumed that international companies (the leaders in their field of activity) contribute to the fight against poverty on a global scale based on the concept of corporate social responsibility and the need to act in the field of achieving sustainable development goals. Their actions are based not only on humanistic, but also on practical motives that lead to reputation and profit growth in the long term. The relevance of the study lies in the fact that in the modern world, many spheres of life are becoming globalized, including problems. The global problems need to be solved by cooperative efforts: the further existence of mankind depends on the solution of these problems. The purpose of the study is to identify areas of activity of international companies in solving the problem of poverty on a global scale. The authors argue that international companies contribute to the fight against poverty on a global scale, based on the focus on the concept of corporate social responsibility and the need to take action in the field of achieving sustainable development goals, ESG. The authors used the methods of case study, structural-functional, statistical, comparative analysis. Approaches to the definition of the concept of corporate social responsibility were analyzed and its role in activating social policy was identified, the features of public-private partnership in the field of social policy were identified, the policies of the companies in question to implement the UN sustainable development goals in the field of combating poverty were analyzed, and the areas of activity of the companies in question were identified in the field of poverty alleviation, recommendations for international companies have been developed.

Ключевые слова: международные компании, глобальные проблемы, бедность, цели устойчивого развития, корпоративная социальная ответственность, ESG

Keywords: international companies, global problem of poverty, sustainable development goals, corporate responsibility, ESG

Бутвило Анна Сергеевна, магистрант Института государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Российская Федерация, alyona.butwilo@yandex.ru

Бученкова Татьяна Александровна, магистрант Института государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Российская Федерация, tabu1998@mail.ru

Alena S. Butvilo, master student of the IPACS RANEPА, Moscow, Russia, alyona.butwilo@yandex.ru

Tatyana A. Buchenkova, master student of the IPACS RANEPА, Moscow, Russia, tabu1998@mail.ru

Введение

В Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года, где обозначено 17 целей устойчивого развития, борьба с бедностью является первой целью. Ликвидация нищеты, согласно статистическим данным, наиболее взаимосвязана с другими целями. В Повестке подчеркивается огромная значимость сотрудничества для достижения целей устойчивого развития: не только международного сотрудничества между государствами, но и взаимодействия государств, гражданского общества, частного сектора, международных институтов и благотворительных организаций. Поскольку крупные международные компании обладают значительными возможностями, ресурсами и капиталом, а также могут осуществлять свою деятельность в большинстве регионов мира, они способны оказать существенный вклад в решение глобальной проблемы бедности.

Теоретическая часть

Основываясь на изучении классификаций глобальных проблем И. Т. Фролова и В. В. Загладина, Д.М. Гвишиани, а также на Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года ООН, можно выделить следующие глобальные проблемы: проблема бедности; проблема войны и мира; проблема «Север-Юг»; экологическая проблема; продовольственная проблема; демографическая проблема (Гвишиани, 2015; Загладин, Фролов, 2016). Бедность занимает первое место в списке. Также борьба с нищетой является самой первой целью устойчивого развития ООН. Для решения проблемы крайне важно понимать причины её возникновения. Согласно О. А. Ульриху, среди причин бедности можно выделить следующие: дискриминация и неравенство, конфликты, голод, изменение климата, отсутствие образования, плохая инфраструктура, недостаточность или отсутствие государственной поддержки, отсутствие рабочих мест (Ульрих, 2001).

Отличительная особенность глобальных проблем – необходимость приложения совместных усилий государств для их решения, в том числе с помощью государственно-частного партнерства, сотрудничества представителей частного сектора между собой, участия гражданского общества и др. Подтверждается данное положение утверждением из Повестки ООН о необходимости всеобщего сотрудничества, мобилизации всех доступных ресурсов и финансовых средств (Resolution adopted by the General Assembly, 2015). В документе признаётся важность

вклада всех участников частного сектора – в том числе международных компаний. При этом ответственность за социальное и экономическое развитие общества, за достижение целей устойчивого развития возлагается на государство. Однако частные компании, в особенности крупные международные компании, обладают значительными возможностями, ресурсами и капиталом, осуществляют свою деятельность в разных регионах мира и могут оказать существенный вклад в решение глобальной проблемы бедности. Вклад в социальное и экономическое благосостояние общества компания может внести, придерживаясь стандартов ответственного ведения бизнеса.

В научной литературе с 1960-х годов ведется полемика о том, стоит ли закреплять социально ответственное поведение бизнеса с помощью международного права. В. Фридман предполагал, что частные компании будут являться участниками международного права, А. Кассезе утверждал, что частные компании не могут обладать международными правами и, соответственно, нести международные обязательства, поскольку предоставление компаниям такого правового статуса противоречит интересам государства (Kamminga, 2014). На данный момент стандарты ответственного ведения бизнеса, разработанные такими международными организациями, как ООН («Глобальный Договор ООН», «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека»), МОТ («Трехсторонняя декларация принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики»), ОЭСР («Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий») и т.д., и подразумевающие ответственное поведение компаний главным образом в социальной и экологической сферах, носят рекомендательный характер. Принципы, перечисленные в международных документах, формируют социальные ожидания, но не носят юридически обязательного характера. Приоритетным является национальное право государства. Не все государства законодательно закрепляют необходимость ответственного ведения бизнеса, и единой и обязательной для исполнения международной нормы на данный момент не существует.

Г. Рюль отмечает, что введение юридически обязательных принципов ведения бизнеса должно обязательно происходить именно на международном уровне, поскольку для соблюдения честной конкуренции одни и те же правила должны применяться ко всем компаниям, действующим на одном рынке (Rühl, 2020). А. Синявский, исследуя деятельность транснациональных корпораций, указывает на то, что отсутствуют международно-правовые нормы, которые могли бы закрепить универсальную корпоративную ответственность в области соблюдения прав человека. Существуют лишь добровольные международные стандарты, которые недостаточно эффективны из-за своего рекомендательного характера (Синявский, 2020). К. Буман полагает, что корпоративная социальная ответственность – это на данный момент неформальный закон, но в основе корпоративной социальной ответственности лежат важнейшие принципы международного права, по этой причине корпоративная социальная ответственность с точки зрения требования к многонациональным компаниям может стать основой для формального закона (Buhmann, 2016).

Основоположником теории о корпоративной социальной ответственности является Говард Боуэн (Завьялова, 2018). Можно выделить три теории концепции корпоративной социальной ответственности.

- **Фундаментализм.** Согласно этой теории, единственная социальная ответственность бизнеса – это увеличение прибыли в соответствии с законодательством. Приверженец теории – Милтон Фридман.
- **Теория заинтересованных сторон:** принимает во внимание моральный аспект деятельности корпорации, когда корпорации несут обязательства не только перед акционерами, но и перед всеми составляющими общество группами, которые затрагивает их деятельность помимо акционеров. При этом обязательства превышают те, что предписаны законом и контрактами с профсоюзами.
- **Теории корпоративного государства.** При данном подходе также первостепенен моральный аспект деятельности компании и её социальная роль. Данной теории придерживались Генри Эйлбирт и Роберт Паркет, Джоан Логсдон и Донна Вуд. В рамках данной теории простое соблюдение закона не считается проявлением социальной ответственности: социальная ответственность заключается в добровольных обязательствах на благо общества сверх закона (Eilbert, Parket, 2018; Logsdon, Wood, 2016).

Мы полагаем, что моральный аспект не исключает увеличение прибыли: напротив, эти аспекты могут быть гармонично взаимосвязаны. Концепция Environmental, Social, and Corporate Governance, ESG (экология, социальная политика и корпоративное управление), сочетающая в себе экологический, социальный и управленческий аспект, является этической парадигмой предпринимательства, которая учитывает как прибыль, так и воздействие на общество и окружающую среду. Данную концепцию можно назвать синтезом концепции корпоративной социальной ответственности и концепции устойчивого развития. Следование целям устойчивого развития положительно сказывается на привлечении и удержании клиентов: в современной экономической реальности репутация играет не менее важную роль, чем рост финансовых показателей.

Исследование IBM 2020 года выявило, что 71% респондентов согласны больше платить за бренды, которые следуют концепции ESG. Соблюдение стандартов позволяет снижать репутационные риски, повышать квалификацию сотрудников, благодаря этому повышать качество продукции или услуг и таким образом способствовать улучшению социального и экономического благополучия в стране. Компании, которые не придерживаются стандартов ответственного ведения бизнеса, могут столкнуться с трудностями при выходе на международные рынки: это может грозить ограничением доступа к государственным закупкам и мерам поддержки экспорта, особенно в тех странах, где требование к компаниям соответствовать стандартам ответственного ведения бизнеса законодательно закреплено. Следуя ESG-подходу, компания повышает свою репутацию в бизнес-кругах и среди заинтересованных сторон, а положительная деловая репутация способствует устойчивости дохода.

К ключевым социальным факторам концепции ESG для компании обычно относят достойное отношение к сотрудникам, достойный уровень оплаты

труда, безопасные условия труда, инклюзивность и гендерное равенство, вклад в благополучие и развитие сотрудников, наличие у компании цели и миссии (Ерохина, Хакимова, 2021). Вклад в благополучие и развитие, безопасность, достойное отношение, гендерное равенство и инклюзивность и др. могут относиться не только к сотрудникам компании, но и к обществу, в котором компания ведет свою деятельность. В таком случае ESG-подход может оказать благотворное влияние не только на саму компанию, но и поспособствовать социально-экономическому развитию региона, где компания осуществляет свою деятельность, и повысить качество жизни населения (Макаров, Назаренко, 2021).

Государство в первую очередь ответственно за социальное и экономическое благополучие граждан, при этом имеющихся ресурсов зачастую не хватает для удовлетворения социальных потребностей населения. В таком случае социальная ответственность проявляется в сфере ответственности частных компаний, хотя они не несут юридических обязательств в области социально-экономического благополучия общества. Дж. Делмон, исследуя механизмы государственно-частного партнерства, выделил ряд факторов, побуждающих государство обращаться за помощью к частным партнерам. К социальной сфере можно отнести следующие факторы: низкая эффективность деятельности предприятий государственного сектора, дефицит квалифицированных кадров и необходимость инвестиций, превышающая объем имеющихся у государства ресурсов (Delmon, 2017). При наличии подобных факторов ГЧП может являться эффективным механизмом для реализации проектов в социальной сфере. Важно отметить, что ГЧП является выгодным симбиозом для государства и для бизнеса: партнерство с государством дает бизнесу гарантии от государства и снимает часть рисков, положительно сказывается на имидже компании, приносит прибыль, при этом государство снимает с себя часть инвестиционных и социальных обязательств (Торопушина, Башмакова, 2020).

Государство может привлечь частные компании к сотрудничеству в проектах, направленных на достижение целей устойчивого развития, и компании могут взять на себя часть обязательств в этой сфере, что может помочь государству сократить бюджетные расходы, в том числе и на социальную сферу. При этом в выигрыше остаются как оба партнера, так и общество: государство выполняет свои социальные обязательства, компания оказывает положительное социальное воздействие, повышает свою репутацию и получает прибыль, а население получает необходимые услуги, улучшающие качество жизни. ГЧП в социальной сфере отвечает обозначенной в Повестке ООН необходимости всеобщего сотрудничества, отвечает интересам государств, которые могут задействовать ресурсы частных компаний, и соответствует концепции ESG.

Практическая часть

В данной статье мы рассматриваем деятельность в области борьбы с бедностью следующих международных компаний: Jungheinrich (концерн с головным офисом в Германии, один из крупнейших мировых производителей электрической складской

техники), Naus (международная рекрутинговая компания со штаб-квартирой в Лондоне), и ОАО «Сбербанк России» (крупнейший банк в России и один из ведущих глобальных финансовых институтов). Данные компании являются одними из лидирующих в своей отрасли (исследование проводилось в период с сентября 2020 года по январь 2021 года, и оценка предприятий дана, исходя из ситуации по состоянию на 1 февраля 2022 года). Их деятельность охватывает несколько регионов, компании обладают значительным потенциалом для того, чтобы иметь возможность внести вклад в борьбу с бедностью.

Если говорить о взаимодействии с государством, то государственно-частные партнерства, осуществляемые Jungheinrich в России – это в основном краткосрочные проекты по аренде или продаже техники для общеобразовательных учреждений и медицинских центров. Компания Naus внимательно следит за соблюдением законодательства стран, где осуществляет свой бизнес, и за уплатой налогов, и ожидает того же от своих партнеров и поставщиков, однако информация об участии в ГЧП отсутствует. С января 2014 года Сбербанк России и Министерство регионального развития Российской Федерации заключили Соглашение о стратегическом сотрудничестве. В 2018 году Сбербанк и Правительство Московской области договорились о сотрудничестве и определили направления взаимодействия банка и региональных властей. В 2019 году Сбербанк был отмечен как организация с наибольшим объемом долгового финансирования в проекты государственно-частного партнерства. Таким образом, Сбербанк наиболее активно задействован в механизмах ГЧП.

На официальных сайтах всех рассматриваемых компаний присутствует раздел «Sustainability / Устойчивость». В этом разделе указано, что компании являются коммерческими организациями и стремятся к наибольшей экономической выгоде для акционеров, но при принятии решений учитывают влияние этих решений на общество и окружающую среду, что соответствует принципам ESG. Приверженность ESG, корпоративной ответственности и достижению целей устойчивого развития зафиксирована в политиках и документах всех рассматриваемых компаний. К 2020 – 2021 году в политиках компаний стали появляться более конкретные формулировки, в которых употреблялись не общие слова, а такие термины, как ESG, устойчивое развитие, также конкретизированные названия целей устойчивого развития и указание конкретных мер, принимаемых и запланированных компаниями. Согласно Ежегодному отчету компании за 2021 год, в первую очередь Naus фокусируется на трех целях устойчивого развития: пятой цели (гендерное равенство), восьмой цели (достойная работа и экономический рост) и тринадцатой цели (борьба с изменением климата). Хотя среди перечисленной цели нет первой (ликвидация нищеты), гендерное неравенство, отсутствие достойной работы и экономического роста и изменение климата могут стать причинами бедности, по этой причине сфокусированность на этих трех целях важна для преодоления бедности в глобальном масштабе.

Компания Jungheinrich выполняет требования национальных и международных директив, выступает за соблюдение прав человека по всему миру и поддерживает «Общую декларацию прав человека Организации Объединенный

Наций», учитывает «Руководящие принципы ОЭСР для мультинациональных предприятий», основные стандарты Международной организации труда (МОТ), а также, на уровне ФРГ, Национальный план действий в области экономики и прав человека (NAP). В Стратегии 2025+ компании Jungheinrich выражена приверженность целостному подходу к стабильности компании в экономическом, экологическом и социальном отношении, в большей мере компания ориентируется на цели устойчивого развития в области экологии (тринадцатая цель), а также на борьбу с бедностью и безработицей (первая и восьмая цели).

Стратегия 2023 Сбербанка в области ESG подразумевает бизнес-ориентированный высокий уровень в области ESG-трансформации бизнеса, поддержки трансформации клиентов и совершенствования отраслевых и международных стандартов по вопросам ESG и устойчивого развития. Приверженности каким-либо конкретным целям не сформулировано.

Важно отметить, что в документах и политиках всех рассматриваемых компаний зафиксированы ожидания от клиентов, партнеров и поставщиков по корпоративной социальной ответственности и устойчивому развитию.

Большинство инициатив рассматриваемых компаний направлено скорее на предотвращение бедности, чем на борьбу с существующей бедностью. В частности, инициативы компаний направлены на устранение следующих причин бедности: отсутствие образования, дискриминация и неравенство, также изменение климата, голод, отсутствие рабочих мест.

В 2020 году в деятельности компании Naus особенно явно прослеживался вектор помощи в первую очередь уязвимым группам населения, в частности детям и подросткам. Например, Naus UK собрал 70 000 фунтов стерлингов для центра занятости End Youth Homelessness («покончить с бездомностью среди молодежи»). Также в качестве примера инициативы, направленной на борьбу с бедностью, можно привести сбор Naus France талонов на питание для Ассоциации «Les Restos du Cœur» на сумму 3750 евро. Также в 2020 году компания запустила проект Naus Thrive: это бесплатная образовательная и well-being платформа, изначальная идея создания которой была направлена на повышение доступности образования в период пандемии. В 2020 году на ней зарегистрировалось около 51 000 человек. В 2021 году была запущена программа Naus Helps, созданная под эгидой цели компании: «приносить пользу обществу, помогая людям добиться успеха и позволяя организациям процветать, создавая возможности и улучшая жизнь». Программа создана для проведения согласованной и централизованной глобальной волонтерской деятельности и сбора средств. В проект вовлечено примерно 90% всех сотрудников компании.

Российское подразделение компании Naus принимает участие в ряде социальных проектах. Рассмотрим их.

1. Сотрудничество с проектом Baba-Deda, направленным на помощь в социализации людей после выхода на пенсию. Данный проект направлен на помощь людям предпенсионного и пенсионного возраста в трудоустройстве. Сотрудничество Naus Russia с данным проектом относится к глобальной инициативе Naus Helps. Naus в мире в первую очередь направляет свои ресурсы на помощь детям и подросткам. В России компания решила сфокусироваться на представителях

возрастной группы 50+. Согласно исследованию портала hh.ru, проведенному в 2020 году, 87% людей предпенсионного и 80% людей пенсионного возраста сообщают о сложностях при поиске работы. Роль компании Hays Russia в данном проекте состоит в предоставлении бесплатных карьерных советов людям в возрасте 50+, желающим продолжить профессиональную деятельность, а также в привлечении внимания СМИ и работодателей к теме трудоустройства людей данной возрастной группы.

Компания Hays Russia имеет хорошую репутацию на рынке: согласно внутренним исследованиям, в 2021 году индекс удовлетворенности клиентов компании составлял 8,7, индекс удовлетворенности кандидатов (соискателей работы, трудоустраиваемых к клиентам) – 9,3, общий индекс удовлетворенности составлял 9,2. Это означает, что 9 из 10 кандидатов и клиентов рекомендуют компанию для сотрудничества. Клиентами компании Hays являются более 1000 компаний, компания взаимодействовала примерно с 200 000 кандидатами в 2021 году. Также компания часто упоминается в СМИ: в 2020 году было около 2000 упоминаний. За счет этих факторов компания может оказать влияние на СМИ и на работодателей, чтобы привлечь интерес к теме трудоустройства людей в возрасте 50+.

2. Hays Russia сотрудничает с фондом «Арифметика добра», который помогает детям-сиротам адаптироваться к самостоятельной жизни и найти приемные семьи.

3. В офисах Hays Russia (в Москве и Санкт-Петербурге) ведется сбор пластиковых крышек, которые отправляются на переработку. Завод по переработке взвешивает собранное сырье и отправляет денежные средства за собранные крышки в фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам».

4. В офисах установлена урна по сбору денег на лечение и реабилитацию детей с онкологическими и гематологическими заболеваниями.

5. С 2015 года Hays Russia отчисляет 50 рублей в благотворительный фонд «Старость в Радость» за каждый заполненный опросник Hays Promoter Index (опрос по оценке удовлетворенности клиентов и кандидатов). Таким образом, сумма зависит от количества участников опроса.

Сотрудники Hays Russia постоянно занимаются разработкой мер по повышению уровня заполняемости опросника. С 2015 года по февраль 2022 года включительно на опросник ответило 29 850 респондентов. Это означает, что за 7 лет было собрано 1 492 500 рублей: практически полтора миллиона. Помощь в данном случае снова оказывается уязвимой группе населения: людям пенсионного возраста. Данная инициатива является примером, когда этические и эгоистические мотивы участия бизнеса в решении социально значимых проблем существуют одновременно и дополняют друг друга: повышение уровня заполняемости опросника важно как для репутации компании, так и для благотворительных целей.

Сбербанк сотрудничает с более чем 170 благотворительными фондами, а также развивает собственные инициативы, которые направлены на решение проблем социально-экономического неравенства. Примерами подобных инициатив являются Благотворительный фонд «Вклад в будущее» и его программы для развития образовательной и инклюзивной сфер в России, Благотворительная платформа «СберВместе» для сбора пожертвований фондами и т.д. «Вклад в будущее» предпринимает инициативы по помощи детям с опытом сиротства

и детям с особенностями развития обрести навыки, которые необходимы для достойной самостоятельной жизни. Среди прочих инициатив фондом был запущен проект «Учитель для России», направленный на обеспечение равных возможностей образования для детей из регионов. Проект стартовал в 2015 году. В 2015 году в проекте участвовало 34 учителя, в 2021–270 учителей, в 2015 году более 5 000 учеников получили новые образовательные перспективы, в 2021 году таких учеников было более 30 000. Благодаря платформе «СберВместе» собрали более 430 млн рублей, пользователи совершили 275 000 пожертвований. На платформе на данный момент представлены 218 фондов. Также СберБанк организовал бесплатную школу программирования, чтобы повысить доступ к образованию и возможности развиваться в сфере IT. Еще один проект, направленный на борьбу с бедностью, но не связанный с образованием – сотрудничество с благотворительным фондом «Добродомик», который занимается помощью пожилым людям. В 2020 году при поддержке СберБанка было предоставлено 87 311 бесплатных обедов для пожилых людей, которые также относятся к уязвимым социальным группам населения.

Как и в Naus, в Сбере имеется сообщество корпоративных волонтеров. По сравнению с 2017 годом количество корпоративных волонтеров выросло в 2,5 раза и на 2021 год составляло 15 000 человек. Как и Naus, Сбер обращает внимание на то, какой политики придерживаются клиенты: в 2022 году планируется сформировать ESG-рейтинг корпоративных клиентов и оценивать их по уровню зрелости ESG-повестки. Компаниям с высоким рейтингом будут снижать ставки. Сбер, сотрудничая с рядом других компаний, участвует в создании Национального ESG-альянса, нужного для координирования усилий компаний-лидеров в области ESG-перехода. В конце 2021 года состоялась первая конференция, посвященная созданию альянса.

Компания Jungheinrich вошла в «Топ 1%» самых устойчивых компаний в мире. Группа получила высокую оценку в категориях «Защита окружающей среды», «Права человека» и «Устойчивые закупки». Награду вручают компаниям за конкретные действия по реализации принципов устойчивого развития. Штаб-квартира Jungheinrich в Гамбурге координирует международные социальные обязательства. Например, компания поддерживает долгосрочное партнерство с Немецкой организацией медицинской помощи Action Medeor. С 2012 года Jungheinrich поддерживает данную организацию медицинской помощи, предоставляя пожертвования и экспертные знания в области интралогистики для устойчивого улучшения здравоохранения в беднейших регионах мира. С тех пор более 10000 медицинских центров в 140 странах были обеспечены медикаментами.

В 2020 году сотрудники Jungheinrich пожертвовали 31 100 евро из своей заработной платы немецкой организации медицинской помощи Action Medeor e.V. в рамках кампании Jungheinrich «Пожертвуй свои пенни». Эти деньги пойдут на поддержку мер экстренной помощи в связи с коронавирусом в Танзании и обучение медицинских работников в Демократической Республике Конго. С момента создания программы «Пожертвуй свои пенни» в 2012 году было пожертвовано более 230 000 евро.

Заключение

Таким образом, меры, применяемые рассматриваемыми компаниями, главным образом направлены на предотвращение причин, приводящих к бедности. Компании широко используют метод пожертвований в различные фонды и благотворительные организации, а также волонтерство, реализацию проектов по предоставлению доступа к образованию и повышению возможности выхода на рынок труда, продвижение принципов ESG среди клиентов, партнеров и поставщиков. Стоит отметить, что в первую очередь меры направлены на уязвимые социальные группы: детей и подростков, особенно с опытом сиротства и с ограниченными возможностями здоровья (Haус, Сбер), пожилых людей (Haус Russia, Сбер), людей в менее обеспеченных странах и с ограниченным доступом к качественной медицине, матерей с детьми (Jungheinrich). Haус, а также Сбер, в силу специфики деятельности компаний, участвуют в ряде инициатив, направленных на предоставление доступа к образованию и повышение возможности выхода на рынок труда, повышение возможности достижения экономической и социальной самостоятельности, что крайне важно для недопущения бедности. В Haус и Сбере развито волонтерство, с 2020–2021 года можно отметить тенденцию к более централизованным и урегулированным волонтерским инициативам. Haус Russia повышает информированность своих клиентов о благотворительных инициативах и принципах ESG. Также все рассматриваемые компании серьезно относятся к стандартам управления и к внутреннему климату: к благополучию и безопасности своих сотрудников.

Меры, принимаемые компаниями, вносят вклад в стабильность окружающей социальной среды и благополучие населения, при этом принося пользу самим компаниям путем повышения репутации, привлечения клиентов и партнеров и понижения рисков для ведения деятельности как с точки зрения законодательства, так и с точки зрения устойчивости внутри компании и благополучия регионов, в которых компании ведут свою деятельность.

Рекомендации и предложения

В качестве рекомендаций для международных компаний можно обозначить:

- дальнейшее развитие механизмов ГЧП для более эффективной реализации проектов в социальной сфере;
- конкретизированные и прозрачные формулировки в политиках компаний, структурированность направлений деятельности по целям устойчивого развития;
- повышение информированности партнеров и клиентов о деятельности компании в области ESG;
- централизация и консолидация инициатив по аналогии с волонтерскими программами Haус и Сбербанка во избежание неопределённости и дублирования функций разных программ;

- формирование ESG-рейтинга корпоративных клиентов по аналогии с инициативой Сбербанка для популяризации ESG-принципов, льготы для клиентов, занимающих высокие строки рейтинга;
- создание ESG-альянса для координирования усилий компаний в области ESG, платформы для диалога, обмена лучшими практиками.

Список литературы

1. Гвишиани Д. М. Наука и глобальные проблемы современности // Вестник, 2015. Вып. 3. С. 97-99.
2. Ерохина Т. Е., Хакимова М. Д. Концепция устойчивого роста (ESG) как инструмент для привлечения инвесторов // Экосистемный подход в логистике: ретроспектива, состояние, ожидания: мат-лы Международной науч.-практ. конф. XVII Южно-Российский логистический форум. (Ростов-на-Дону, 2021 г.), Ростов, 2021.
3. Завьялова Е. Б. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей // Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. М., 2018. С. 4.
4. Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. (4-е изд.). М., 2016. 240с.
5. Макаров И. Н., Назаренко В. С. ESG повестка как фактор конкурентоспособности бизнеса и регионов в контексте устойчивого развития // Ученые записки тамбовского отделения РОСМУ. Тамбов, 2021. Вып. 24. С. 31.
6. Синявский А. А. Международная защита прав человека и деятельность транснациональных корпораций // Московский журнал международного права. М., 2020. Вып. 1. С. 54-65.
7. Торопушина, Е. Е., Башмакова, Е. П. Государственно-частное партнерство в социальной сфере арктических стран Европы // Вопросы государственного и муниципального управления. М., 2020.
8. Ульрих О. А. Преодоление отсталости развивающихся стран – глобальная проблема современности. М., 2001.
9. Buhmann, K. Corporate social responsibility: what role for law? Some aspects of law and CSR // Corporate Governance. 2016. Vol. 6 No. 2. P. 189.
10. Delmon, D. Public-Private Partnership Projects in Infrastructure: An Essential Guide for Policy Makers // Cambridge University Press. Cambridge, 2017. 2 ed. P. 8.
11. Eilbert H., Parket I. R. The Current Status of Corporate Social Responsibility. Business Horizons. 2018. No. 16(4). P. 8-11.
12. Kamminga M. Corporate Obligations under International Law / 71st Conference of the International Law Association, plenary session on Corporate Social Responsibility and International Law. Berlin, 2004.
13. Logsdon J. M., Wood D. J. Global Corporate Citizenship: From Domestic to Global Level of Analysis. Business Ethics Quarterly. 2016. No. 12(2). P. 165-173.
14. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. Seventieth session Agenda items 15 and 116. Distr. (21 October 2015). General Assembly United Nations, 2015.
15. Rühl G. Unternehmensverantwortung und (Internationales) Privatrecht // August Reinisch, Stephan Hobe, Eva-Maria Kieninger & Anne Peters (eds), Unternehmensverantwortung und Internationales Recht, C.F. Müller, 2020 – S. 89.

Территориальный спор в районе Ферганской долины как угроза безопасности в Среднеазиатском регионе

Громов А.С.

АННОТАЦИЯ

Распад Советского Союза повлек за собой множество конфликтов различного характера на его бывшей территории. Эти процессы не обошли стороной и Центральную Азию, где в следствии несовершенности территориального размежевания, широкой мультиэтничности и мультикультурности, раздробленной региональной политико-экономической системы начали возникать территориальные конфликты за право владеть землёй и энергетическими ресурсами, что является крайне важными факторами в тех природных и географических условиях, в которых находится данный регион. Наличие засушливого климата, малое количество участков с плодородной почвой, ограниченные водные ресурсы — всё это, в совокупности, создаёт достаточно специфические условия для государственного строительства и политико-экономического развития. Особенно напряжённая обстановка сложилась в районе Ферганской долины – региональной житницы, на территории которой располагаются плодородные почвы, минеральные ресурсы, обширные пастбища и, что особенно важно для засушливых регионов водные ресурсы от основных рек региона. Ситуация осложняется тем, что все эти необходимые для обеспечения существования развитого государства ресурсы поделены между тремя странами, имеющими серьёзные территориальные претензии друг к другу, с большим количеством ирредентов и анклавов в приграничных зонах, многие из которых не имеют определённого правового статуса, а их границы не утверждены на государственном уровне никакими положениями о делимитации или демаркации, в следствии чего сопредельные страны могут претендовать на одинаковые участки земли, что приводит к дезинтеграции региона и угрожает ему военным или гуманитарным кризисом.

RESUME

The collapse of the Soviet Union led to a multitude of conflicts of various kinds on its former territory. Central Asia was not spared from these processes, where, due to imperfect territorial demarcation, wide multi-ethnicity and multiculturalism, and a fragmented regional political-economic system, territorial conflicts over land and energy resources have emerged, which are extremely important factors in the natural and geographical conditions in which the region is situated. The presence of an arid climate, a small number of plots with fertile soil, limited water resources – all this, together, creates quite specific conditions for state-building and political-economic development. The situation is particularly tense in the Fergana Valley, the regional breadbasket, which has fertile soil, mineral resources, vast pastures and, especially important for arid regions, water resources from the region's main rivers. The situation is complicated by the fact that all these resources necessary for the existence of a developed state are divided among three countries that have serious territorial claims to each other, with a large number of irredentas and enclaves in the border zones, many of which have no defined legal status, and their borders are not approved at the state level by any delimitation or demarcation provisions, which means that neighboring countries can claim the same pieces of land, which leads to disintegration of the region and threatens it with a military or humanitarian crisis.

Ключевые слова: постсоветское пространство, центральная Азия, территориальный конфликт, региональная безопасность, ферганская долина, дезинтеграция, этнический конфликт, энергетические ресурсы

Keywords: Post-Soviet Space, Central Asia, Territorial Conflict, Regional Security, Fergana Valley, Disintegration, Ethnic Conflict, Energy Resources

Громов Александр Сергеевич, студент Института государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия, aleks.gromov.02@gmail.com

Alexandr S. Gromov, student of the IPACS RANEPa, Moscow, Russia, aleks.gromov.02@gmail.com

Введение

Ферганская долина представляет собой равнину замкнутую, горными хребтами площадью около 22-х тыс. кв. км. Исторически долина была региональной житницей, в виду благоприятных природных условий здесь активно занимаются сельским хозяйством. Особое значение Ферганской долины в региональной политике определяется природными, географическими, этнокультурными и геополитическими факторами. Плоские равнины юго-востока Центральной Азии, составляющие менее пяти процентов площади Центральной Азии, характеризуются наличием высокоплодородных и продуктивных почв. Уникальное, естественное природно-географическое положение региона сделало долинные земли одним из основных источников производства продовольствия в Центральной Азии.

В долине проживает около 14-ти миллионов человек, то есть четверть населения всей Средней Азии, плотность населения здесь в 40 раз выше среднего значения по региону. Этнический состав населения неоднородный, в долине проживают, как и представители сопредельных народов, так и большое количество русскоязычных, оставшихся на в регионе со времён существования СССР. Основная цель работы заключается в попытке провести анализ современной политической обстановки в регионе для более полного понимания состояния и уровня международных отношений в одном из самых значимых для Российской Федерации регионов.

Историческая справка

Изначально большинство конфликтов в этом регионе строятся на особенностях территориального размежевания между государствами в Средней Азии. Проведение границ в регионе, исторически населенном кочевыми племенами, всегда было проблематичным. В XIX веке, по мере активной экспансии Российской империи в Центральную Азию, административно-территориальные границы в регионе неоднократно менялись, как и способы формирования губерний. Российская империя активно расширялась в Центральной Азии, присоединяя к себе различные ханства. Таким образом административно-территориальные границы региона менялись несколько раз.

Один из наиболее масштабных процессов распределения земель был инициирован советской властью в 1924 году и частично осуществлялся в 1930-х и 1950-х гг. XX века. Из многочисленных племен Центральной Азии советские власти выделили пять основных народов: казахов, киргизов, узбеков, туркмен и таджиков. Границы Туркестанского края, включавшего пять областей с территориями Хивинского ханства и Бухарского эмирата, были разделены между вновь созданными республиками в 1920-х годах.

Однако национальный принцип не играл ключевой роли при разграничении территории. Советские власти проводили границы из соображений экономической целесообразности. Административное деление осложнялось кочевым образом

жизни местных племен: если в одно время года в населенном пункте преобладали таджики, то в другое время там могли преобладать узбеки. Во многом именно поэтому большевики сосредоточились на расселении оседлых народов, что впоследствии оказалось ошибкой. Традиционное геополитическое пространство в СССР было разделено на национальные республики по границам проживания тех или иных этносов и более полагалось на экономические факторы нежели национальные.

Во времена Российской империи эта межгорная впадина, которая была лучше других местностей приспособлена для земледелия, была выделена в отдельную провинцию. До этого она была центром Кокандского ханства. Большевики решили разделить эти богатые земли сразу между тремя республиками – Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном.

В результате вся долина была усеяна многочисленными анклавами, из которых только восемь являются крупными. Три из них принадлежат Таджикистану, четыре – Узбекистану и один – Кыргызстану.

Все это было несущественно в рамках одной страны. Однако, когда Ферганская долина оказалась с тремя независимыми суверенными государствами бок о бок, а границы между ними стали периодически закрываться, местное население ощутило трудности с поставками воды и гуманитарной помощи, транспортной изоляцией от пастбищ, медицинских услуг и своих семей. И Фергана – не единственный регион Центральной Азии, где существует проблема делимитации. К моменту распада СССР ни одна из семи пограничных линий в регионе не была полностью согласована. В каждом районе оставались спорные вопросы, которые не удавалось решить в течение десятилетий.

Однако, полностью руководствоваться этим принципом в мультиэтническом и мультикультурном пространстве Средней Азии было невозможно в виду наличия большого количества проживающих народностей, в том числе и кочевых. Поэтому, практически в каждой республике остались анклавы и ирреденты. Ранее эти конфликты не были выражены так остро, так как в советское время одной из основных идей стал интернационализм и советский народ провозглашался наднациональной общностью, то есть границы республик имели скорее условное значение (Олимов, Олимова, 2017).

К вопросам территории относят и вопрос пастбищ, которые в исторической ретроспективе находились в совместном использовании и не имели конкретной правовой привязки. В первые годы после распада Советского Союза местные власти обеих стран заключали соглашения об использовании пастбищ. В большинстве случаев местные жители, основываясь на традициях, находили компромисс и делили пастбища, так или иначе такой статус сохранялся до 2014 года. Впоследствии проблема некоторым образом обострилась в виду принятия различных законодательных актов, ограничивающих пользование землёй для выпаса скота, например, законодательный акт Киргизской Республики от 2015 года, о запрете использования и аренды пастбищ иностранцами, что лишило возможности выпасать скот и лишило рабочих мест жителей Республики Таджикистан.

Существует еще одна из многочисленных исторических проблем региона: доступ к воде. Созданная когда-то в СССР единая система гидропользования ныне

разделена на национально-государственные секторы, функционирование которых затрудняется межгосударственными отношениями. (Абдыкалыкова, Бакиров, 2018)

Крупнейшие реки Центральной Азии, Сырдарья и Амударья, стекают с гор Тянь-Шаня и Памира. Сырдарья — вторая по объему воды артерия региона с площадью бассейна 219 тысяч квадратных километров. Основная часть ее стока (75,2 %) формируется на территории Кыргызстана. И она же как раз является главным источником водоснабжения Узбекистана, обеспечивающим население питьевой водой, работу систем гидроэнергетики.

В целом, «водные» конфликты тесно связаны с территориальными конфликтами. Растущее таджикское население пытается расширить площадь садов и пахотных земель за счет ирригационных проектов. Киргизское население, с другой стороны, опасаясь, что таджики получают ирригационную воду и распашут спорные территории, не соглашается на это. Таким образом, любое техническое решение проблемы водоснабжения сталкивается с территориальными противоречиями и сложившейся в регионе практикой использования доступа к воде в качестве рычага в спорах (Олимов, Олимова, 2017).

Киргизско-узбекские отношения

Общая граница Кыргызстана и Узбекистана составляет 1375 километров. Проблема делимитации на этом участке состоит в том, что здесь находятся три узбекских и семь кыргызских анклавов, находящихся внутри соседних республик. Численность узбекского населения на юге Кыргызстана составляет около 500 тысяч человек, что не просто затрудняло определение границ, но и создавало угрозу потери этой территории в случае конфликта с Узбекистаном, как ранее считали в Бишкеке. (Абдыкалыкова, Бакиров, 2018).

Начиная с 2002-го года между странами длился переговорный процесс по обмену и передаче спорных участков. Процесс длился почти тридцать лет и значительные изменения произошли только весной 2021 года. Таким образом, в марте 2021 года власти Кыргызстана и Узбекистана попытались решить вопросы демаркации и делимитации границы. Сначала президенты двух стран, Садыр Жапаров и Шавкат Мирзиёев, провели переговоры в Ташкенте. Затем на встрече правительственных делегаций стороны подписали протокол, проясняющий спорные моменты.

В частности, страны договорились, что плотина Кемпирабадского водохранилища будет являться узбекской территорией. При этом Ташкент обязался не устанавливать заборы вокруг водохранилища, чтобы жители Кыргызстана могли иметь доступ к воде, ловить рыбу, водить скот на водопой и орошать посевы. Кроме того, Узбекистан согласился поддерживать глубину водохранилища на уровне 900 метров, чтобы предотвратить затопление домов на киргизской стороне (5, 2020).

В качестве компенсации Узбекистан согласился передать Кыргызстану 1 000 га в других районах. Стороны также договорились о совместном использовании Касансайского водохранилища и решили открыть дополнительные контрольно-пропускные пункты на въезде в узбекский анклав Сох.

После переговоров глава делегации Кыргызстана Камычыбек Ташиев, председатель Государственного комитета национальной безопасности (ГКНБ) Кыргызстана, заявил, что у двух стран нет спорных вопросов. «Здесь нет победителей и проигравших. Были сложные моменты, но в итоге мы с узбекскими коллегами пришли к обоюдному согласию. Вопрос о границах с Узбекистаном решен на 100%» (5, 2020).

31 марта 2021 года киргизская сторона рапортовала об успехе на переговорах с Узбекистаном. Согласно договоренности, Киргизия предоставляет Узбекистану доступ к воде, а взамен получает некоторые земли. Также, стороны договорились об упрощении пропускного режима на границе с 1-го апреля 2021 года. Таким образом, сегодня вопрос о территориальных спорах между Киргизией и Узбекистаном по большей части решён.

Таджикско-киргизские отношения

Кыргызстан и Таджикистан разделяет 971 километр пограничной территории, из которых около 471 км остаются спорными.

На протяжении более 20 лет вопрос демаркации и делимитации кыргыско-таджикских приграничных территорий не прекращается. Было проведено множество официальных двусторонних встреч, а в 2000 году началась активная работа Киргизской государственной комиссии по пограничным вопросам и Таджикской государственной комиссии по демаркации и делимитации государственных границ. Однако с первых дней сотрудничества члены комиссии не смогли договориться о нормативно-правовых аспектах вопроса. Основная проблема заключается в том, что две республики используют две разные геополитические карты: Таджикистан оперирует картами начала 40-ых годов, а Киргизская Республика – картой конца 50-ых годов.

С 1990-х годов, после распада Союза, на территории Кыргызстана осталось около 143 000 га таджикских земель, из которых 2 600 га киргизских земель соответственно остались на территории Таджикистана. Аналогичная ситуация наблюдается на кыргыско-узбекской границе.

Получившие независимость республики, практически сразу начали переход к рыночной экономике, в следствии чего колхозы и совхозы на их территории были распущены, в Кыргызстане и Таджикистане было создано множество мелких крестьянских хозяйств. Среди фермеров увеличилось использование водных ресурсов. Однако фермеры в приграничных регионах страдают от нехватки воды в периоды орошения, что приводит к постоянным конфликтам между приграничными общинами. Кыргызстан и Таджикистан имеют около 40 общих каналов. Некоторые из этих каналов берут начало в Кыргызстане и текут в Таджикистан и наоборот. Многие киргизские фермеры жалуются, что таджики, живущие выше по течению реки, используют слишком много воды, и меньше остается для киргизских фермеров, живущих ниже по течению. В свою очередь, таджикские общины, расположенные ниже по течению реки, жалуются на то, что на их территорию поступает слишком

мало воды. Этот конфликт возникает каждый год в период орошения с апреля по июнь.

Кроме того, водные ресурсы часто служат инструментом давления друг на друга между таджикскими и киргизскими общинами. При возникновении других конфликтов на приграничных территориях, общины перекрывают друг другу водные каналы, что вызывает новую напряженность и обостряет ситуацию. Одной из причин конфликтов вокруг природных ресурсов на приграничной территории является рост населения.

Другая причина – плохая инфраструктура. Существующая водная инфраструктура на кыргызско-таджикской границе пришла в упадок. Это связано с тем, что некоторые гидротехнические сооружения находятся в трансграничной зоне, которой не хватает внимания как таджикского, так и киргизского государства. Ни одна из этих стран не хочет вкладывать средства в возмещение ущерба, так как нет ни специальной организации, ни соглашения, ни закона по этому вопросу. В результате большое количество воды недоступно для сельскохозяйственного использования. Управление водными ресурсами в приграничных регионах Кыргызстана и Таджикистана осуществляется на государственном, областном и районном уровнях. Однако, несмотря на существующие институты, многие водные конфликты остаются из-за отсутствия четких механизмов управления трансграничными водами.

Существует мнение, что наибольшая степень межэтнической напряженности между Кыргызской Республикой и Республикой Таджикистан наблюдается в южной части Исфаринского района Согдийской области (джамааты Чорку, Сурх, Ворух и Шураб) и в западной части Баткенской области (муниципалитеты Ак-Сай, Самаркандек и Ак-Татыр). В период серьезной эскалации с 2000 по 2014 год мирные жители часто использовали камни и садовый инвентарь, совершали поджоги. Политологи называют эти конфликты «кетменскими войнами». Так же, нельзя не отметить, что, пользуясь сложной социально-экономической обстановкой в регион проникают различные радикальные фундаменталистские религиозные группировки, которые обостряют социальные процессы, возвращают радикальный национализм и вовлекают представителей молодого поколения в противоправную деятельность. (Ларионов, 2020)

Особенно остро стоит вопрос с таджикским анклавом Ворух, в котором ситуация уже долгое время напряжена и время от времени происходят вооружённые столкновения, так, например, в 2019 году произошло очередное вооружённое столкновение, в ходе которого применялась тяжёлая техника и было задействовано большое количество войск, ставшее одним из самых масштабных. В январе 2022 года стычки повторились. Основная причина конфликтов – блокировка дороги в анклав, часть которой проходит по территории Киргизии, при этом данный отрезок представляет из себя часть горной дороги длиной меньше километра и преодолевается на автомобиле примерно за 20-30 минут.

Однако, несмотря на обострения, на дипломатическом поле намечаются некоторые движения в сторону урегулирования конфликта, в частности, Киргизия предложила два варианта решения проблемы со своей стороны: Первое – измерение и фиксация границ анклава на законном основании, и предоставление дороги для

свободного доступа к Воруху или по второму варианту – власти Киргизии готовы эквивалентно обменять анклав Ворух. Однако, несмотря на напряжённость, на момент внесения этого предложения Республика Таджикистан не приняла какого-то определённого решения.

Заключение

В целом, говоря о ситуации в регионе, мы можем утверждать, что в последние годы активнее происходят процессы мирного урегулирования между сопредельными государствами, которые предпочитают продолжать взаимовыгодную региональную интеграцию, как на локальном уровне, так и на уровне международных организаций. Однако, стоит отметить, что всё же на сегодняшний момент, сохраняется некоторая напряжённость, всё ещё способная перерасти в серьёзное военное столкновение. Этот факт подрывает военно-политическую безопасность в среднеазиатском регионе, ставя под угрозу интеграционную деятельность различных региональных организаций, как например СНГ или ШОС, что особенно опасно в период резко обострившегося противостояния на международной арене.

Завершение делимитации и демаркации государственных границ не снимет весь конфликтный потенциал. Безусловно, необходим долгосрочный комплексный подход с выработкой адекватной и эффективной модели трансграничного сотрудничества. Проблема должна решаться в первую очередь в социально-экономическом, а не в политическом измерении. Общие экономические зоны, открытые границы или создание иной наднациональной идентичности в сочетании с осторожным и сбалансированным управлением анклавов могут привести государства Центральной Азии к ситуации, когда вопрос анклавов и создаваемых ими проблем станет менее серьёзным. Данный подход поможет положить конец существующим региональным конфликтам и предотвратить новые, в чём конечно же заинтересованы все сопредельные государства, в том числе и Россия, которая, являясь членом СНГ, так же, как и Киргизия, Таджикистан и Узбекистан нуждается в едином, благоприятном для всех стран-участников социально-экономическом пространстве, способствующем дальнейшему укреплению межгосударственных связей для дальнейшего развития.

Список литературы

1. Абдыкалыкова Т., Бакиров Э. Кыргызско-узбекские противоречия как фактор политического развития Кыргызстана. Свободная мысль. 2018. № 2 (1668). С. 121-132.
2. Известия «Выигравших и проигравших нет». URL: <https://iz.ru/1157665/igor-karmazin/iurty-protesta-pochemu-kirgiziia-i-uzbekistan-nikak-ne-soglasuiut-granitcu>.
3. Ларионов К. Почему затягивающийся приграничный спор с Таджикистаном и Узбекистаном не выгоден кыргызской стороне? URL: <https://cabar.asia/ru/pochemu-zatyagivayushhijsya-prigranichnyj-spor-s-tadzhikistanom-i-uzbekistanom-ne-vygoden-kyrgyzskoj-storone>.
4. Олимова С. К. Олимов М. А. Конфликты на границах в Ферганской долине: новые причины, новые участники // Журнал «Россия и новые государства Евразии», 2017. Вып.1. С. 21-40.

Негативные последствия для государств-реципиентов, сопутствующие нелегальной китайской миграции

Домовова Ю.А.

АННОТАЦИЯ

Китайская Народная Республика является государством с одним из достаточно высоких показателей нелегально эмигрирующего населения (согласно данным консульского отдела МИД КНР, в 2005 году в мире насчитывалось несколько сот тысяч нелегальных китайских иммигрантов). В связи с политической ситуацией в мире и все возрастающим влиянием процессов глобализации, на сегодняшний день интерес к процессам нелегальной миграции вновь обретет свою актуальность. Нелегальная миграция уже стала устойчивым и масштабным явлением. Согласно социологическим опросам, нелегальная иммиграция – одна из наиболее острых проблем, волнующих население большинства развитых стран, которые являются реципиентами мигрантов. Волнует нелегальная иммиграция и правительства стран-реципиентов, а также стран-доноров. Нелегальная миграция часто рассматривается в контексте национальной безопасности и стабильности, она несет за собой целый комплекс угроз и вызовов. Для оценки общего эффекта нелегальной миграции необходимо учитывать многообразные последствия, которые они за собой влекут для страны выезда, самого мигранта и, конечно, страны въезда. Нелегальная миграция препятствует следованию запланированному проекту развития государства-реципиента. При этом она затрагивает почти все сферы жизни государства: социальную, экономическую, политическую и правовую.

RESUME

The People's Republic of China is a state with one of the rather high rates of illegally emigrating population (according to the consular department of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, in 2005 there were several hundred thousand illegal Chinese immigrants in the world). Due to the political situation in the world and the increasing influence of globalization processes, today interest in the processes of illegal migration will regain its relevance. Illegal Chinese migration has already become a stable and large-scale phenomenon. According to opinion polls, illegal immigration is one of the most acute problems of concern to the population of most developed countries that are recipients of migrants. The Governments of recipient countries and donor countries are also concerned about illegal immigration. Illegal migration is often viewed in the context of national security and stability, it carries with it a whole range of threats and challenges. To assess the overall effect of illegal migration, it is necessary to take into account the diverse consequences that they entail for the country of departure, the migrant himself and, of course, the country of entry. Illegal migration hinders the implementation of the planned development project of the recipient State. At the same time, it affects almost all spheres of state life: social, economic, political and legal.

Ключевые слова: нелегальная миграция, последствия нелегальной миграции, миграционные процессы, глобализация, мигранты, незаконная миграция, теневая экономика, национальная безопасность

Keywords: illegal migration, shadow economy, consequences of illegal migration, globalization, migrants, national security, social safety

Домовова Юлия Александровна, магистрант ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия, Udomovova@mail.ru

Yulia A. Domovova, Master's student of the IPACS RANEPА, Moscow, Russia, Udomovova@mail.ru

В условиях активизации процессов глобализации (по мнению исследователей, их возобновление начинается с конца Второй мировой войны) миграционные

процессы стали свидетельством укрепившихся социальных, демографических, экономических и политических международных связей. В процессе своего развития на любом историческом этапе государство сталкивается с вопросами эмиграции и иммиграции населения, и оно нуждается во всеобъемлющем и тщательном составлении своего социально-экономического развития с учетом этих процессов.

Миграционные процессы могут дестабилизировать экономику, социально-политическую сферу и развитие государств, особенно в тех случаях, когда эти процессы не могут быть регулированы и отслежены государствами для дальнейшей разработки программы развития, особенно в экономической сфере. В условиях стремительно растущих масштабов международных перемещений населения все более значимое место занимает нелегальная эмиграция, которую уже следует рассматривать как отдельное и самостоятельное социально-политическое явление.

Согласно авторскому определению, нелегальная миграция — это территориальные перемещения людей через государственные и внутренние границы, которые сопровождаются нарушениями правил выезда из страны выбытия, правил въезда, регистрации и/или пребывания в стране прибытия, правил транзита через третью страну или осуществления трудовой/учебной деятельности в пункте/стране прибытия.

Согласно данным Международной организации труда в 2006 году, количество нелегальных мигрантов составляет около 10-15% от общего числа мигрантов. Основными причинами нелегальной эмиграции являются «негативные» социально-экономические факторы страны выезда (безработица, бедность и т.д.) по сравнению с «положительными» факторами страны въезда (возможность трудоустройства, более высокая заработная плата и уровень жизни и т.д.).

Нелегальная миграция сильно препятствует следованию запланированного проекта развития государства. При этом нелегальная миграция затрагивает почти все сферы жизни государства: социальную, экономическую, политическую и правовую.

В политической сфере влияние оказывается на отношения между государствами-донорами и государствами-реципиентами мигрантов, на имидж стран выбытия нелегалов, а также возникновение межэтнических конфликтов и нетерпимости. Так как Китайская Народная Республика является государством с одним из достаточно высоких показателей эмигрирующего населения, которое впоследствии становится нелегальным в стране прибытия (согласно данным консульского отдела МИД КНР, в 2005 году в мире насчитывалось несколько сот тысяч нелегальных китайских иммигрантов (Анохина, 2012), она сталкивается с похожими вышеуказанными проблемами.

Нелегальная миграция часто рассматривается в контексте национальной безопасности и стабильности, существует мнение, что она несет за собой целый комплекс угроз и вызовов. При этом, данный вопрос можно рассматривать с двух сторон: во-первых, непосредственно со стороны государства, через безопасность общества и социальных групп, а во-вторых, с точки зрения безопасности самого мигранта, его способностью ассимилироваться в обществе и т.д. (Балашова, 2008).

Исследователи выделяют два типа угроз стране въезда от нелегальной миграции:

Во-первых, реалистическая угроза – угроза физическому или материальному здоровью общин, обществ и социальных групп, риск которой повышается с увеличением потоков нелегальных миграционных процессов.

Часто уровень квалификации нелегальных мигрантов не позволяет решить проблемы дефицита высококвалифицированных трудовых ресурсов в странах с развитой и растущей экономикой. В связи с тем, что мигрантам все равно необходимо трудоустройство для обеспечения своей жизни, с ростом числа нелегальных мигрантов в странах-реципиентах возрастает нелегальное трудоустройство, а также рост «теневой экономики» и расширение нелегального рынка труда, повышается уровень криминализации общества вследствие наличия среди незаконных мигрантов преступников и террористов, а также уровень «сопутствующих» преступлений: торговля оружием, людьми, наркотиками, рэкет (вымогательство чужих доходов), нелегальное предпринимательство и др. (Григорьев, 2009).

Например, согласно исследованиям, большая часть китайского населения в чайнатаунах активно вовлечена в криминальную деятельность, в частности, деятельность китайских триад.

В США существует более 11 известных исследователям криминальных группировок, членство в которых имеют китайцы (12, 2014). Американские исследователи особенно выделяют иммигрантов, прибывших из Гонконга, организуемых преступные шайки, членство в которых популярно у китайских подростков. Например, в Нью-Йорке в середине 1960-х существовала сеть банд с экзотическими названиями «Беженцы из Гонконга», «Белый Орел», «Сестры Востока» и др. На западном побережье США, в частности, в Сан-Франциско, в последнее время резко возросло число таких шаек (Гафаров, 2006). Другим примером может послужить ситуация из украинского города Ужгород, в котором двое китайских мигрантов устроили поджог в хостеле после того, как у них запросили документы о законности их пребывания в стране (7, 2021).

В теневом бизнесе, к которому могут быть причастны китайские эмигранты, распространено также и сексуальное рабство. К примеру, в 2019 году в городе Сиэтл было освобождено 26 китайцев возрастом от 20 до 60 лет, которые были обманом завлечены в Америку для работы массажистками, однако в действительности они были вовлечены в работу в сфере проституции (6, 2019).

Похожая ситуация наблюдается и в России, где китайские группировки «Триад» оказывают огромное влияние на преступную деятельность и теневую сферу экономики, особенно на границах с самим Китаем, основными «Триадами», действующими в России, являются пекинская, шанхайская и харбинская.

На рост преступности в стране пребывания мигрантов оказывают влияние следующие обстоятельства:

1. Уголовная ответственность, возлагаемая за совершения какого-либо преступления. Например, в Китае введен мораторий на вырубку своих лесов, а за убийство амурского тигра предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет (Уголовный Кодекс, 1997). В то время как в России совершения аналогичного действия повлечет за собой лишь штраф (Уголовный Кодекс, 1996). Подобное относится и к обороту наркотических средств с целью получения прибыли (в КНР

за это предусмотрены наказания лишением свободы на срок 15 лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью (Уголовный Кодекс, 1997), в то время как в России – наказание в виде лишения свободы (Уголовный Кодекс, 1996).

2. Недостаточность регламентации ответственности (например, в России) за нелегальную иммиграцию: рамки между административной ответственностью и уголовным преступлением в данной сфере довольно размыты, что приводит к тому, что большинство нелегальных мигрантов несут именно административную ответственность в виде штрафа (Шкилев, 2006), в то время, как согласно российско-китайскому Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года подразумевается депортация нелегальных мигрантов, а также выявление и устранение обстоятельств этого преступления.

3. Уровень коррупции и недостаточность мощности правоохранительных органов по борьбе с нелегальной миграцией, так как посредники нелегальных перевозок также получают прибыль с этой деятельности (например, за перевозку мигрантов из Афганистана, Вьетнама, Индии и других стран Азии в страны Европы посредники получают около 4-5 тыс. долл. США (Федорако, 2009). Под посредниками понимаются различные частные фирмы, которые занимаются как консультационными услугами нелегальных мигрантов, так и помощью в получении определенных документов (фальшивых или настоящих для законного получения визы на местах пребывания мигрантов (Егорова, 2005), а также лица из транспортных компаний, гостиничного бизнеса и др., обеспечивающие собственно перевозку и проживание нелегальных эмигрантов в трансферных пунктах.

4. Высокая организованность миграционной преступности. Одним из видов деятельности с высоким доходом и малым риском является незаконный ввоз мигрантов.

Незаконный ввоз мигрантов — это организация перемещения людей или содействие их перемещению через границы государств в нарушение установленного законодательством порядка с целью получения финансовой или иной выгоды лицами и структурами, занимающимися незаконным ввозом мигрантов. (Федорако, 2009).

Незаконный ввоз мигрантов осуществляется в различных масштабах: как крупными организациями, так и мелкими структурами. Они имеют связи во многих странах и осуществляют перевозку, используя различные виды транспорта, через разные страны, с помощью поддельных документов (паспортов, виз, разрешений на въезд). Эти структуры также осуществляют обучение и тщательную подготовку клиентов: учат их, как следует правильно одеваться, как нужно отвечать на вопросы должностных лиц пограничных и/или миграционных служб.

Несмотря на то, что мигранты сами выходят на связь с подобного рода структурами, платят крупные суммы за перевозку (например, переправка из КНР в США стоит 25-30 тыс. долл. США (Ивахнюк, 2005), зачастую они подвергаются опасности и жестокому обращению со стороны структур, не выполняющих в полной мере свои «обязательства». Например, известен случай обнаружения трупов 58 китайских мигрантов, погибших от асфиксии при перевозке в кузове грузовика, в Дувре в 2000 году. (Доклад Директора-исполнителя Центра по международному предупреждению преступности ООН 2001: 4)

Помимо различных фирм и преступных организаций, занимающихся нелегальной перевозкой мигрантов, заметна также и роль землячеств и диаспор. Например, в России довольно развита система китайских землячеств, которые, уже прожив в стране и выявив все недостатки правовой и иных систем и располагая достаточными финансовыми средствами, обеспечивают необходимые условия для принятия большого количества нелегальных мигрантов и их трудовой занятости.

При этом важно отметить, что к увеличению числу преступлений может привести не только деятельность самих мигрантов, но также и преступления на расовой или религиозной почве, в том случае, если возникает конфликт между приезжими и местным населением (Юдина, 2019). Ярким примером может послужить резкий всплеск синофобии (нетерпимость к китайцам, Китаю и всему китайскому (Епишкин, 2010) в 2020 году после обнаружения вируса COVID-19, который, как выяснилось, появился в китайском городе Ухань, провинция Хубэй (10, 2020). Другим примером могут быть акции протеста по земельному вопросу в Казахстане в 2016 году, когда местное население протестовало против продажи земельных участков китайцам. (4, 2016)

В то же время, в отношении высокого уровня криминогенности нелегальных мигрантов в странах въезда существует и противоположное мнение. Оно заключается в том, что жизнь нелегального мигранта – само по себе серьезное преступление, и важной задачей приезжих является опасение быть пойманным, привлеченным к уголовной ответственности и быть депортированным на родину. В связи с чем предположения о взаимосвязи нелегальной миграцией и преступности не представляется верным. Подобного мнения придерживаются, например, заслуженные юристы России И.С. Власов и Н.А. Голованова в своей монографии (Власов, Голованова, 2012).

Одним из важнейших экономических последствий от нелегальной миграции является вероятность роста безработицы в стране. Нелегальные китайские мигранты готовы работать за более низкую заработную плату и на более плохих условиях, чем местное население, в результате чего можно сделать вывод, что они составляют конкуренцию для местного населения в трудоустройстве, а также к понижению уровня средней оплаты труда и условиям труда в некоторых отраслях и регионах (Витковская, 2009). Начало пандемии коронавируса в 2020 году, в результате которого началась массовая эмиграция приезжих обратно на Родину, привело к тому, что появилось много свободных вакансий на рынке труда и, соответственно, к повышению заработной платы в данной сфере в условиях дефицита кадров (13, 2021).

Однако в последнее время данная взаимосвязь становится менее очевидной, что подтверждается исследованиями ООН, о которых упомянуто в докладе о развитии человека “Последствия для мест происхождения и мест назначения” 2009 года. В докладе говорится, что частично это объясняется сегментацией рынка труда: мигранты берутся за ту работу, которая наименее интересна местному населению, тем самым позволяя жителям переходить в другие сектора экономики. Например, массивный приток рабочей силы, связанный с вступлением в Европейский союз, не привел к вытеснению местных работников и росту безработицы в Ирландии и Великобритании (Доклад, 2009).

В условиях расширения масштабов нелегальной миграции повышаются также риски санитарного нарушения безопасности для местного населения вследствие незаконного проникновения в страну лиц-носителей различных инфекций и вирусов. Например, в 1990-х годах были зафиксированы около 1800 случаев завоза холеры в города Дальнего Востока мигрантами из Китая (Мичников, 2013)

В результате неофициального трудоустройства незаконных мигрантов и их деятельности в сфере незаконного оборота оружия, наркотиков и других преступлений, происходит нерегулируемый и неконтролируемый поток товаров и услуг, увеличивая масштабность теневой экономики, рост теневого оборота денежных средств в стране и мире. Эти средства, в обход государственного контроля и учета, направляются, в том числе, на финансирование серой экономики, контрабанду, оружие, наркотики. Чаще всего, средства вывозятся из страны в виде наличных, однако в последнее время стал популярным способ перевозки денежных средств через представителей диаспоры: родственников, курьеров, водителей общественного транспорта и т.д. По примерным оценкам в 2011 году, объем вывоза денежных средств из России в обход системы госконтроля ежегодно составляет почти 260 млрд. рублей (Акопян, 2011), а экономика страны в 2006 году недополучила 8 млрд. дол. США налоговых отчислений (24, 2006).

Среди негативных последствий нелегальной иммиграции также можно выделить повышение нагрузки на системы социального обеспечения. Согласно исследованию, проводимым кандидатом социологических наук Прохой Владимиром Анатольевичем, средним баллом восприятия жителей Европейских стран нелегальных мигрантов как представителей дополнительной нагрузки на институты социального обеспечения составляет 5,5 баллов (где 1 балл – “мигранты являются бременем для национальной системы социального обеспечения”, а 10 баллов – “мигранты НЕ являются бременем для национальной системы социального обеспечения”), что свидетельствует о том, что в странах Европы существуют опасения о злоупотреблении мигрантами социальными услугами (здравоохранением, образованием, социальными пособиями) (Прохода, 2020)

Во-вторых, символическая угроза – конфликтотенные различия между группами мигрантов и принимающим обществом в понимании социальных норм, ценностей, стандартов, установках и верованиях. В данном случае подразумевается опасность, которой подвергаются т.н. “символы социального окружения” (по К. Обергу), включающие в себя вербальные и невербальные символы (жесты, мимика и другие привычные для общества способы общения, социальные порядки и нормы коммуникации). Когда в условиях смешения разных культур данные символы становятся нестабильными, человек испытывает глубокое нервное потрясение.

Здесь становится важным упомянуть о возникающей в принимающих странах ксенофобии, причиной которой часто становится вовлеченность многих иммигрантов в преступность и теневую экономику. По мнению В. В. Лунеева, мигранты совершают преступления в отношении российских граждан в 3,6 раза чаще, чем российские граждане против них (Лунеев, 2009). Это логичная реакция общества на ведение незаконной деятельности на территории чужой страны, однако нетерпимость распространяется не только по отношению к нелегальным мигрантам-

преступникам, но и к легально находящимся в стране мигрантам, не представляющих опасности для общества. Более того, в государствах-реципиентах возникают группы сопротивления, как правило, ультранационалистической идеологии, например, запрещенное с 2011 года объединение Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), которое было обвинено судом в экстремизме и разжигании ненависти и вражды. Все это приводит к эскалации межнационального конфликта.

К обострению межнациональных конфликтов приводит и обособленность китайской общины из-за традиционной национальной сплоченности, что приводит к осложнению их ассимиляции в обществе и повышению уровня толерантности местного населения. Например, из-за тотального неприятия американским населением, китайские иммигранты не имели возможности относительно быстро ассимилироваться в американском обществе и укрепиться в экономике, и все, что они могли – сосредоточиться на жизни в китайском квартале и зависеть от его внутренней экономики. Изолированность приводит к появлению еще больших различий между диаспорой и местным населением, соответственно, к большей конфликтности ситуации в подобных обстоятельствах (Чжоу, Линь, 2003).

В качестве примера можно также выделить тот факт, что незаконно въезжающие в страну пребывания китайцы вызывают страх местного населения «китайской угрозы» («желтой опасности») – захвата территорий, потенциальной агрессии со стороны азиатских народностей. Особенно остро, например, в России, данные опасения стали появляться на рубеже 1980-1990-х годов, когда после нормализации отношений между КНР и России после нескольких десятков лет недоверия и вражды, оба государства договорились о безвизовом режиме пересечения общей границы, после чего в Россию мощной волной хлынули китайские туристы и мигранты (Ларин, 2009). В последнее время, благодаря утверждениям представителей научного сообщества о невысокой вероятности китайской угрозы для России, быстрой ассимиляции приезжих китайцев в стране и снижения потока китайских мигрантов в стране из-за роста зарплат, повышения уровня жизни в Китае, общественность о китайской угрозе говорит все меньше. Но, например, в Казахстане, мнения о захвате страны китайцами все еще активно поднимается на уровне СМИ и газет (19, 2021).

Важно также упомянуть, что большая часть населения Китая и, соответственно, китайских мигрантов не исповедует воинствующих и конфликтных религий (в России, например, наибольшее опасение вызывают мусульмане вследствие огромного количества мигрантов из регионов Кавказа и Средней Азии, у которых наиболее ярко выражены культурные традиции и образ жизни, а также национальный характер приезжих), что приводит к минимальному количеству религиозных конфликтов между местным населением и китайцами.

Однако, в то же время, уйгурское население Китая, которое из-за преследования по религиозному признаку у себя на родине в Синьцзян-уйгурской провинции, вынуждены эмигрировать (как легально, получая статус беженца, так и нелегально) заметно чаще представителей этнической группы хань – китайцев. Власти КНР неоднократно утверждали, что уйгуры склонны к совершению террористических актов и экстремизму, что может ввести в заблуждение население принимающих уйгурских мигрантов стран, вдобавок к стремлению самой народности максимально

обеспечить их безопасность и соблюдение прав человека. Например, в 2016 году в Киргизии уйгурский террорист-смертник въехал на автомобиле в двери главного входа посольства КНР в Бишкеке, а в момент столкновения активировал пакет взрывчатки, в результате чего пострадали три кыргызстанца – сотрудников посольства (5, 2016). Другим примером может послужить ситуация в Турции, где произошли масштабные акции протеста уйгурского населения страны после визита министра иностранных дел Китая Ван И в Анкару в апреле 2021 года. Протестующие требовали прекращения нарушения прав человека и злоупотреблениях по отношению к уйгурам в стране. Все это, очевидно, влияет на восприятие местного населения данного народа в негативную сторону, что может привести к этническим и религиозным конфликтам в будущем.

Таким образом, можно сделать вывод о несомненном влиянии миграционных потоков на многие сферы жизни государства-реципиента международных, в частности, китайских, иммигрантов. Наибольший вред государству приносит именно нелегальная миграция, т.к. она не контролируется и не регулируется властями, также часто уровень квалификации нелегальных эмигрантов не позволяет решить проблему с дефицитом трудовых ресурсов в государстве-реципиенте, в стране возрастает “теневая экономика” и нелегальный рынок труда с сопутствующими преступлениями: торговля оружием, наркотиками, людьми, терроризм и другие виды нелегального бизнеса.

Миграционные потоки (особенно потоки нерегулируемой миграции) необходимо пресекать. По утверждению конфликтологов, международная миграция представляет собой угрозу принимающей стороне в виде экспансии определенных территорий государства, обострения демографической ситуации, криминогенной, социальной и экономической обстановки, национальных противоречий, ослаблением культурных устоев коренных жителей за счет привнесения мигрантами иной культуры и др.

Выводы

1. Нелегальная миграция — это территориальные перемещения людей через государственные и внутренние границы, которые сопровождаются нарушениями правил выезда из страны выбытия, правил въезда, регистрации и/или пребывания в стране прибытия, правил транзита через третью страну или осуществления трудовой/учебной деятельности в пункте/стране прибытия, которые влияют на социально-экономическое и политическое развитие как стран-доноров, так и стран-реципиентов нелегальных мигрантов.

2. Исследователи выделяют два типа угроз стране въезда от нелегальной миграции: реалистическую угрозу – угрозу физическому или материальному здоровью общин, обществ и социальных групп, риск которой повышается с увеличением потоков нелегальных миграционных процессов, а также символическую угрозу – конфликтогенные различия между группами мигрантов и принимающим обществом в понимании социальных норм, ценностей, стандартов, установках и

верованиях. В данном случае подразумевается опасность, которой подвергаются т.н. “символы социального окружения” (по К. Обергу), включающие в себя вербальные и невербальные символы (жесты, мимика и другие привычные для общества способы общения, социальные порядки и нормы коммуникации). Когда в условиях смешения разных культур данные символы становятся нестабильными, человек испытывает глубокое нервное потрясение.

3. На рост преступности в стране пребывания мигрантов оказывают влияние следующие обстоятельства: Уголовная ответственность, возлагаемая за совершения какого-либо преступления; недостаточность регламентации ответственности (например, в России) за нелегальную иммиграцию; уровень коррупции и недостаточность мощности правоохранительных органов по борьбе с нелегальной миграцией, так как посредники нелегальных перевозок также получают прибыль с этой деятельности; высокая организованность миграционной преступности.

4. Среди негативных последствий нелегальной иммиграции также можно выделить повышение нагрузки на системы социального обеспечения.

5. В политической сфере влияние оказывается на отношения между государствами-донорами и государствами-реципиентами мигрантов, на имидж стран выбытия нелегалов, а также возникновение межэтнических конфликтов и нетерпимости.

Список литературы

1. Акопян О.А. Особенности миграционной политики Российской Федерации. М., 2011.
2. Анохина Е.С. Нелегальная китайская миграция в современном мире // Вестник Томского Государственного университета. Серия: ИСТОРИЯ. 2012. №359.
3. Балашова Т.Н. Национальный интерес и национальная безопасность в контексте миграции населения: взаимосвязь и взаимодействие // Общество и право. 2008. № 1 (19).
4. В Казахстане продолжают акции протеста по земельному вопросу // ИА Regnum URL: <https://regnum.ru/news/polit/2127105.html>.
5. В Киргизии назвали виновника теракта у посольства КНР в Бишкеке // Interfax.ru. URL: <https://www.interfax.ru/world/526964>.
6. В Сизтле спасли из сексуального рабства 26 китайок. 2019 г. // Вести.ру. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3124504>.
7. В Ужгороде китайские мигранты устроили дебош в хостеле // Корреспондент.нет URL: <https://korrespondent.net/ukraine/4410052-v-uzhhorode-kytayskye-myhranty-ustroyly-debosh-v-khostele>.
8. Витковская Г.С. Незаконная миграция в России: ситуация и политика противодействия // Нелегальная иммиграция. Научная серия: международная миграция населения: Россия и современный мир. М.: МАКС-Пресс, 2009.
9. Гафаров З. Преступления международного характера в глобализирующемся мире. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.
10. Год синофобии в век Китая: как пандемия повлияла на отношение к КНР // Известия URL: <https://iz.ru/1100553/nataliia-portiakova/god-sinofobii-v-vek-kitaia-kak-pandemii-povliiala-na-otnoshenie-k-knr>.
11. Григорьев М., Осинников А. Нелегальные мигранты в Москве. М., «Европа», 2009.
12. Данные сайта Федерального Бюро Расследований в США. 2014 г. URL: <https://www.fbi.gov/investigate/violent-crime/gangs> (дата обращения: 20.02.20)
13. Дефицит мигрантов повысил зарплаты в России // Вести24 URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2604065>.
14. Доклад Директора-исполнителя. Работа Центра по международному предупреждению преступности ООН. ООН, 2001.
15. Доклад ООН о развитии человека. Последствия для мест происхождения и мест назначения // Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. 2009.

16. Егорова Е.Ю. Обзор по рынку посреднических услуг в сфере миграции в Москве. 2005. С. 1. URL: <http://www.indem.ru/Proj/Makart/posredniki.pdf>.
17. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010.
18. Ивахнюк И.В. Международная трудовая миграция: учебное пособие. М.: Экон. фак. МГУ; ТЕИС, 2005.
19. Китай: слишком большой, чтобы его не опасаться. Часть 2 // Интернет-газета ZONA URL: https://zonakz.net/2021/04/08/kitaj-slishkom-bolshoj-chtoby-ego-ne-opasatsya-chast-2/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D.
20. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. – М.: Восточная книга, 2009.
21. Лунеев В. В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Гос-во и право. 2009. № 9.
22. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография / [И.С. Власов, Н.А. Голованова, В.Ю. Артемов и др.; отв. ред. И.С. Власов, Н.А. Голованова]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юридическая фирма «Контракт», 2012. С. 13.
23. Мичников А.А. Нелегальная иммиграция в Россию: каналы, масштабы и последствия // Труды Академии управления МВД России. 2013. №3.
24. Нелегальные иммигранты причинили России ущерб в \$8 млрд // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/09/2006/5703c6159a7947dde8e0e12f>.
25. Прохода В.А. Миграция как угроза безопасности принимающего сообщества: особенности восприятия коренным населением // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 2.
26. Ст. 260. Незаконная рубка лесных насаждений // Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. с изм. и допол. в ред. от 01.12.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9555/page/3>.
27. Статья 20. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16.06.2001 // Служба Администрации Президента России. URL:<http://www.kremlin.ru/supplement/3418>.
28. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997. Всекитайское собрание народных представителей шестого созыва КНР. Ст. Глава 2. Статья 114. с изм. и допол. в ред. от 11.01.2016. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus//rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>.
29. Федорако А.И. Причины и тенденции незаконной миграции. Противодействие незаконной миграции // Журнал международных отношений. №4. 2009. С. 43. URL: <http://evolutio.info/content/view/1621/232/>.
30. Шкилев А.Н. Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Нижний Новгород, 2006.
31. Юдина Т.Н., Бормотова Т.М. Миграционная преступность в современном мегаполисе: управление рисками // Управление. 2019. Т. 7. № 4.
32. 周敏, 林闽钢. 从新移民和新华人移民聚居区看美国华人移民社区的变迁. (Zhou Min, Lin Minghang. Cong xin yimin he xin huaren yimin juju qukan Meiguo huaren yimin shequ de bianren. Чжоу Минь, Линь Минган. Изменения в сообществах китайских иммигрантов в США с точки зрения новых иммигрантов и их поселений) // Журнал «华夏人文地理». 17: 115-120. 2003.

Перспективы развития сельскохозяйственного сотрудничества между Россией и Германией в период кризисных явлений начала 2022 года

Задорожный А.Д.

АННОТАЦИЯ

В указанной работе автором будут рассмотрены перспективы развития сельскохозяйственного сотрудничества между Россией и Германией в период кризисных явлений начала 2022 года, а также дана оценка нынешнего состояния данного сектора для Германии и предложены возможные действия по налаживанию сотрудничества или его прекращению в указанной сфере взаимодействия между обеими странами.

Выделение будущих перспектив развития сотрудничества почти во всех сферах взаимодействия России не только с Германией, но и другими европейскими партнерами является актуальной темой для анализа уже на протяжении восьми лет после присоединения Крымского полуострова к Российской Федерации и начала политики санкционного давления со стороны западноевропейских стран, отмечающих угрозу своей безопасности, как в оборонительном, так и экономическом плане со стороны РФ. Обе стороны на протяжении данного периода выражали сомнения в отношении того, что рассчитывать на прочные, долгосрочные и доверительные отношения в перспективе не является возможным, однако начало специальной военной операции на Украине продемонстрировало негативные последствия для обеих стран.

После столь резкого перехода к политике жёсткой конфронтации под ударом оказались крайне важные сферы сотрудничества с Россией, которые сложно поддаются поискам какой-либо достойной альтернативы и требуют полного анализа в первую очередь для европейских партнёров, с учетом влияния актуальных факторов и решений нынешнего периода международных отношений.

RESUME

In this article, the author will consider and put forward prospects for the development of agricultural cooperation between Russia and Germany during the crisis phenomena of early 2022, as well as assess the current state of this sector for Germany and put forward possible actions to establish or withdraw from cooperation in this area of interaction between both countries.

Highlighting the future prospects for the development of cooperation in almost all areas of Russia's interaction, not only with Germany, but also with other European partners, has been an urgent topic for analysis for eight years now. After the annexation of the Crimean Peninsula to the Russian Federation and the beginning of the policy of sanctions pressure from Western European countries, who saw Russia as a threat to their security as a defensive, so is the economic plan. Both sides understood perfectly well during this period that it was not possible to count on strong, long-term and trusting relations in the future, however, the factor of the beginning of a special military operation in Ukraine. That showed the complete restriction of Russia's interactions with both Germany and other European partners had an impact on all countries largely.

After such a sharp transition to a policy of tough confrontation, extremely important areas of cooperation with Russia have been under attack, which are extremely difficult to find any worthy alternative and require a full analysis primarily for European partners, taking into account the influence of current factors and decisions of the current period of international relations

Ключевые слова: Российско-германские отношения, сельскохозяйственный сектор, сырье, удобрения, товары народного потребления, энергетические ресурсы, санкции, перспективы взаимодействия

Key words: Russian-German relations, agricultural sector, raw materials, fertilizers, consumer goods, energy resources, sanctions, prospects for cooperation

Задорожный Александр Дмитриевич, студент ИГСУ РАНХиГС, alex8dz-st@yandex.ru

Alexander D. Zadorozhny, student of the IPACS RANEPА, alex8dz-st@yandex.ru

Введение

Последние события на геополитической арене, прежде всего, украинский кризис, привели к стремительному развалу партнерских отношений России и Германии, которые выстраивались долгие годы на основе доверия, обоюдного сотрудничества и выгод для каждой из сторон. Однако сегодняшний день диктует нам новые правила: «санкционные цепи», в которых оказалась Россия, в значительной мере уже сейчас влияют на межъевропейские взаимодействия во всех сферах.

Крайне остро это стало ощущаться в рамках сельскохозяйственного сотрудничества между Россией и Германией, где уже на протяжении месяца полки магазинов и универмагов ощущают острый дефицит товаров сельскохозяйственной продукции и народного потребления. Германии, как и всей Европе?, эксперты предрекают голод в ближайшие несколько месяцев из-за невозможности грамотно и целесообразно оценить важность указанного сотрудничества с Россией.

При наиболее полном анализе данной проблемы следует выделить объект исследования – российско-германское сельскохозяйственное сотрудничество, и предмет – специфика сырьевых и энергетических отношений между Россией и Германией. Цель исследования: определение перспектив развития сельскохозяйственного сотрудничества между Россией и Германией в период кризисных явлений начала 2022 года.

Задачи исследования:

1. Выявить актуальное состояние в сфере сотрудничества в сельскохозяйственном секторе для России и Германии;
2. Проанализировать влияние сельскохозяйственного сектора России и Германии в рамках указанного сотрудничества;
3. Конкретизировать степень зависимости ФРГ от российской энергетической промышленности и импорта;
4. Обозначить наиболее актуальные перспективы дальнейшего сотрудничества в сельскохозяйственном секторе.

Вектор сотрудничества – сельское хозяйство

РФ и ФРГ являются главными производителями сельскохозяйственных продуктов и продовольствия, а также машин и оборудования для пищевой

промышленности. Исторически структура аграрного производства обеих стран различается.

Более двух третей продукции германского сельского хозяйства составляет животноводство: молочно-мясное скотоводство и свиноводство, потребности которого обеспечивает растениеводство, что ставит немецкое сельскохозяйственное производство в прямую зависимость от сельскохозяйственного сектора России, где главными аграрными отраслями являются растениеводство, вследствие расположения на нашей территории более половины чернозёмных почв, пятой части запасов пресной воды и одной десятой пашен в мире (Белов, 2021).

Как и ФРГ, РФ – крупный экспортёр сельхозпродукции, занимает по ряду товаров ведущие позиции на мировых рынках. При этом Россия значительно уступает Германии в производительности труда, объёмах и качестве производимой продукции как сырья, так и готовых товаров. Это отражается в структуре взаимных внешнеторговых поставок (Балашев, Животникова, 2021).

Согласно отечественной статистике, к основным экспортным статьям России на сегодняшний день для ФРГ относятся рыба и ракообразные, моллюски; семена и плоды – зерно; лекарственные растения и растения для технических целей – солома (Горшкова, 2021).

Основу аграрного импорта из Германии в РФ составляют разные пищевые продукты такие как: какао, уксус, табак, злаки, крахмал и молоко, а также уникальные лекарственные растения.

Главным проектом взаимодействия и решения вопросов в сельскохозяйственной деятельности до недавнего времени оставался АПД – (Германо-Российский аграрно-политический диалог), учреждённый в 1994 году и являющийся основой институционального аграрного сотрудничества между РФ, со стороны которой указанную программу реализует Комитет Государственной Думы по аграрным вопросам, и ФРГ, в свою очередь задействованной в данном диалоге через BMLE.

Однако данный орган взаимодействия на сегодняшний день находится в замороженном состоянии, мероприятия по согласованию долгоиграющих проектов в рамках “Российско-Германского взаимного года экономики и устойчивого развития”, проходящего в 2021–2022 гг. остановлены в реализации из-за заявлений германской стороны в искусственном завышении текущих цен на сельскохозяйственное сырьё и товарные группы общественного потребления, что по их мнению является целенаправленной провокацией со стороны Москвы, для создания дальнейших условия прекращения поддержки Украины немецким правительством через недовольство общественных масс, крайне сейчас уже недовольных сложившейся ситуацией.

В ответ на недовольство бывшего партнера в лице BMLE посол России в Германии от лица Комитета Государственной Думы по аграрным вопросам ясно дал понять, что Россия остается ответственным игроком на международном продовольственном рынке и соблюдает все заключенные договоренности, несмотря на множасьщиеся внешние вызовы. По его словам, Германия стала неосознанным заложником общеевропейской санкционной политики, в которой она и сама принимает активное участие, направленной против одного из основных сельскохозяйственных партнеров (Нечаева, 2022).

Указанное заявление является вполне обоснованным, ведь активная тенденция разрыва всевозможных производственно-логистических цепочек (закрытие воздушного пространства странами ЕС, в том числе и Германией, отказ в облуживании российских судов в ключевых европейских портах, всевозможные грузотранспортные ограничения со стороны стран Прибалтики и Польши) негативно скажется на ценообразовании не только сельскохозяйственной продукции, но и во всех сферах товарно-экономического взаимодействия.

Недовольство немецких потребителей очевидно, однако многие из них ошибочно полагают, что дефицит коснется в первую очередь зерна, главного мерила сельскохозяйственного сектора, но это не так. Россия действительно считается одним из важнейших экспортеров зерна для Европейского союза (февраль 2022 года – 2 232 000 импортируемого российского зерна) (Демчук, 2019).

Германия сегодня вполне способна обеспечить себя данным видом сырья самостоятельно, поскольку является вторым по величине производителем зерна в Европейском Союзе после Франции. По данным Федерального агентства по сельскому хозяйству (BMLE), в течении сезона 2020-2021 страна обеспечивала себя зерном на 101% (6, 2022).

Всего за сезон 2020-2021 немецкие аграрии собрали около 43,3 млн. тонн зерна. Для питания человека необходимо «всего» 8,6 млн. тонн, или 20% от этого количества. Однако данный вид сырья в основном используется немцами на нужды животных, в качестве корма, где его требуется 25 млн. тонн или 58%. Еще 3,8 млн. тонн или почти 9% используются для производства энергии. Промышленность использует около 8% урожая, включая пивоваренный ячмень и крахмал.

В первую очередь обычный немецкий потребитель, как ни странно, заметит дефицит рыбной продукции, ведь Россия является ведущим импортером рыбного филе, поставки которого выросли почти в 2 раза – до 19 тыс. тонн стоимостью 70 млн. долл. В результате, в текущем году Германия входит в топ-3 покупателей данного продукта из России, учитывая сильную экономику европейской страны, платежеспособное население, а также традицию потребления рыбы, в том числе и трески (Горшкова, 2021).

Также в дефицитный список товаров в результате конфронтационной политики по отношению к товаро – хозяйственным взаимодействиям с Россией может оказаться спирт, продажи которого увеличились на 28% до 15 тыс. тонн стоимостью 24 млн. (+22%), кондитерские изделия, мучные изделия и сахар. Но и в этих областях товарного взаимодействия Германия в последние годы начала отдаляться от российского экспорта указанной продукции. Экспорт рыбы в Германию за последние 11 месяцев снизился на 4,7%, кондитерских изделий на -3,5% на сумму 22 млн., сахара на 17%. Даже в случае полного прекращения поставок указанных групп товаров немецкие предприниматели вполне способны в ближайшее время найти достойные альтернативы.

Россия также крайне активно в последние годы отстраняется от вектора сотрудничества в сфере сельскохозяйственного сотрудничества с Германией. Дмитрий Медведев, являющийся на данный момент заместителем секретаря Совета Безопасности, заявил, что, учитывая введенные против Москвы западные

санкции, Россия начинает ограничивать поставки сельскохозяйственной продукции странам Евросоюза. Медведев отметил: „Мы будем поставлять продовольствие и сельскохозяйственную продукцию только нашим друзьям“ (Zinke, 2022).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что сельскохозяйственный сектор ФРГ в ближайшей перспективе пострадает от прекращения сотрудничества с аналогичным сектором РФ не сильно, и нынешнее положение Германии в сфере международного хозяйства позволит ей найти некоторые альтернативы российской сельскохозяйственной продукции, которые до недавнего момента и так подвергались вытеснению с немецкого рынка. Прекращение сотрудничества между главными инструментами сельхозвзаимодействия способно крайне негативно отразиться лишь на предпринимателях, однако вызвать какие-либо негативные последствия на сельскохозяйственный сектор обеих стран, а, тем более, на голод в Германии, указанная ранее конфронтация никак не способна.

Вектор сотрудничества «сельское хозяйство – энергетическая промышленность»

Германия и Россия имеют многолетний и плодотворный опыт сотрудничества в энергетической сфере. Их союз в данном направлении оказывал значимый эффект как на европейскую экономику, так и на мировую.

Россия, как известно, является кладезем природных ресурсов и удерживает лидирующие позиции в мировом производстве энергоресурсов – на её долю приходится 16,2% общемирового производства газа и около 12% нефти (Белов, 2021).

Германия – промышленный гигант, занимающий лидирующие позиции на мировой арене во многих сферах высокотехнологического и промышленного производства. Её по праву можно считать ядром Европейского союза в настоящее время.

Для России данная линия сотрудничества имеет важную роль не только в отношении Германии, но в отношении всех стран-партнёров в данной сфере. Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) играет ключевую роль в экономике РФ. Он формирует около 22,6% валового внутреннего продукта (ВВП) и составляет 56,9% экспорта. В частности, основными импортёрами российского газа являются страны Европы, в том числе Германия, которая потребляет около четверти экспортируемого Россией газа (5, 2020).

Стоит отметить, что зависимость Европы от поставок российского газа является очевидным фактом. Россия является основным экспортёром природного газа в Европу, его доля в 2020 г. составила 36% в газовом потреблении Евросоюза. Зависимость Германии от поставок российского газа колеблется в пределах 40–60% (5, 2020), что делает ФРГ крайне уязвимой во многих сферах промышленности, в том числе и сельскохозяйственной, но современные реалии таковы, что нельзя рассматривать любое из нынешних государств Европейского союза как отдельного и индивидуального партнёра со своими собственными интересами и стремлениями.

В течение длительного периода времени как в Германии, так и в ЕС наблюдалась тенденция к вытеснению России с газового рынка Европы, что способно привести лишь к вынужденному наращиванию импорта сжиженного природного газа (СПГ), крайне достойной альтернативе российскому газу, по мнению западноевропейских и американских предпринимателей. Это не только нерентабельно, но ещё и ставит под угрозу энергетическую безопасность Германии и Европейского союза. Ведущие отечественные и зарубежные аналитические агентства приходят к выводу, что полноценное обеспечение Европы природным газом странами-конкурентами России невозможно ввиду небольших мощностей добычи и нестабильной политической ситуации в регионах месторождений природного газа (Белов, 2021).

Вернемся к линии сотрудничества сельскохозяйственного сектора ФРГ и энергетической промышленности РФ. Сельское хозяйство Германии также в значительной мере зависит от российского природного газа. Цена на минеральные удобрения выросла за последние месяцы, и, для того, чтобы ФРГ в полной мере могла обеспечить себя сельскохозяйственной продукцией и удобрениями, требуется увеличение урожайности и большое количество пахотных земель (Hofmann, Mader, Rosch, 2022).

В первую очередь от частичного эмбарго российского газа и нефти страдают немецкие фермеры, главные производители продукции в данной сфере. Они обеспокоены высокими ценами на энергоносители и растущими затратами на топливо. Наглядно это прослеживается в ценниках на азотные удобрения «кальмаровый кальпетер» (KAS), в производстве которого используется российский газ. Оно подорожало с 364 до 963 евро за тонну (цена указана на 22 марта 2022 года). При таких суммах фермерам придется отказаться от использования данного вида удобрений, которое крайне сложно подвергается какой-либо замене, как минимум в течение года. Немецкие аналитические центры и представители власти утверждают, что удобрений может не хватить уже в нынешнем 2022 году, а меньший их объём приведёт к меньшей урожайности.

По мере уменьшения количества собираемого зерна, цены начинают расти. В то же время энергия становится дороже. Наряду с этим растут затраты на производство. В течение нескольких месяцев цены на четыре распространённых сорта удобрений взлетели вверх – с начала весны 2022 года.

Если из-за нехватки газа производство удобрений в Германии остановится, сельское хозяйство столкнется с большими трудностями: урожай ФРГ в этом году находится под угрозой. Если в будущем средства защиты растений и производства удобрений будут ограничены, это приведет к массовому снижению урожая. В среднесрочной перспективе цены на продукты питания также, вероятно, вырастут.

Сокращение поставок природного газа хотя бы до половины сегодняшних потребностей приведет к частичному прекращению деятельности и в легкой промышленности. Значительное ограничение или прекращение производства может оказать значительное влияние на население Германии. Природный газ также используется в качестве сырья для производства ацетилена. Он является исходным материалом для пластмасс, лекарств, растворителей, электрохимикатов.

Подводя итог, можно говорить о том, что в сложившейся непростой международной обстановке не ограничения самих контактов сельскохозяйственных секторов обеих стран будут иметь разрушительный характер, в основном для ФРГ, а кризис взаимодействия по линии сотрудничества сельское хозяйство (ФРГ) – энергетическая промышленность (РФ) окажет достаточно ощутимый негативный эффект не только на сельскохозяйственную промышленность Германии, но и на всю её промышленность в целом. Если уже в ближайшее время произойдет отказ от российского газа, это обойдется ФРГ примерно в 180 миллиардов евро, около 2% сокращенного ВВП в текущем году. Также ускорится до 8,8 процентов инфляция, которая уже находится на максимальном, за последние 40 лет, уровне – 7,3 процента. Экономика Германии может оказаться в одной из самой масштабных за последние несколько десятилетий рецессии и кризисе.

Перспективы развития сельскохозяйственного сотрудничества между РФ и ФРГ

Сегодня перспективы развития российско-германских отношений в сфере сельскохозяйственного сотрудничества выглядят туманными в силу неопределенности политики дальнейшего решения энергетической проблемы для Германии. В своей основе они зависят от итогов разрешения украинского кризиса и последствий экономических санкций. Уже сейчас можно выделить факторы, которые будут оказывать влияние на диалог Москвы и Берлина в ближайшее время.

В первую очередь, взаимодействия на высшем международно-политическом уровне будут в значительной степени сокращены и сохраняют в лучшем случае вынужденный характер. Активная критика России со стороны главных политических сил Германии не даёт канцлеру ФРГ Олафу Шольцу необходимого на данном этапе пространства в диалоге с Россией и постановке вопроса о возможных будущих взаимодействиях в энергетических и вытекающих из них сельскохозяйственных отношениях (Викторов, 2022), что могло бы способствовать дальнейшему перезапуску российско-германских отношений в целом.

Также заморозка связующего проекта между двумя странами – «Северный поток – 2» и активное желание Германии отказаться от российских энергоносителей оказывают негативное давление на главную константу российско-германских отношений на сегодняшний день. Если ФРГ не сможет полностью отказаться от использования российских нефти и газа в ближайшее время и будет вынуждена вести диалог из-за сложности найти достойные альтернативы в ближайшее время, то уже сейчас сложно говорить о какой-либо привлекательности в экономическом сотрудничестве Германии с Россией, в том числе и сельскохозяйственной.

Форматы российско-германского взаимодействия, всевозможные форумы и встречи предпринимателей, в том числе АПД – (Германо-Российский аграрно-политический диалог) прекратят или уже прекратили своё существование, либо перезапустят работу на новых принципах.

Однако, невзирая на явную тенденцию к деградации, непростая динамика российско-германских отношений всё же способна сохранить некоторые возможности для положительных и конструктивных перемен, но их успех будет определяться позициями и взглядами российского и немецкого руководства.

Российское руководство по поддержке малого и среднего бизнеса в долгосрочной перспективе могут создать основу и базу для обновления российско-германских торговых, экономических, сельскохозяйственных отношений выходя за рамки энергетического взаимодействия (Соколов, 2022), основанного лишь на интересах крупных игроков и правительств двух стран. К сожалению, санкции тормозят развитие сотрудничества в отношениях между ФРГ и РФ, но построение будущей системы экономического, в том числе и сельскохозяйственного взаимодействия с новыми участниками и с их новыми интересами позволит выйти за рамки санкционных ограничений и перестроить фундамент российско-германских отношений.

Заключение

В данной работе были рассмотрены возможные перспективы развития сельскохозяйственного сотрудничества между Россией и Германией в период кризисных явлений начала 2022 года, проанализирован ряд актуальных для освещения данной темы задач для достижения цели исследования.

Выявив актуальное состояние вопросов сотрудничества в сельскохозяйственном секторе для России и Германии, мы можем прийти к выводу, что РФ и ФРГ являются основными производителями сельскохозяйственных продуктов и продовольствия в Европе, однако важным здесь является то, что немецкое сельскохозяйственное производство находится в прямой зависимости от сельскохозяйственного сектора России из-за высокой доли экспорта сырья и удобрений на европейский рынок.

Проанализировав влияние сельскохозяйственного сектора России и Германии в рамках указанного сотрудничества, можно констатировать, что сельскохозяйственный сектор ФРГ в ближайшей перспективе от прекращения сотрудничества с аналогичным сектором РФ не значительно пострадает и нынешнее положение Германии в сфере международного хозяйства позволит ей найти некоторые альтернативы российской сельскохозяйственной продукции, которые до недавнего момента и так подвергались вытеснению с немецкого рынка.

Конкретизируя степень зависимости ФРГ от российской энергетической промышленности и импорта можно говорить о том, что кризис взаимодействия по линии сотрудничества сельское хозяйство (ФРГ) – энергетическая промышленность (РФ) окажет достаточно ощутимый негативный эффект не только на сельскохозяйственную промышленность Германии, но и на всю её промышленность в целом, из-за значительной степени зависимости от энергетических и топливных ресурсов, которые крайне сложно поддаются поиску достойных альтернатив.

Обозначив наиболее актуальные перспективы дальнейшего сотрудничества в сельскохозяйственном секторе между Россией и ФРГ, автору удалось прийти к выводу о том, что они зависят от итогов разрешения украинского кризиса и последствий

экономических санкций. Взаимодействия на высшем международно-политическом уровне будут в значительной степени влиять на расширение возможных перспектив. Если ФРГ не сможет полностью отказаться от использования российской нефти и газа в ближайшее время, её руководство будет вынуждено вести диалог лишь из-за сложностей в поиске достойных альтернатив. Однако не смотря на тенденцию к деградации данного взаимодействия, российско-германские отношения всё-таки способны сохранить некоторые возможности для положительных и конструктивных перемен, но их успех будет определяться позициями и взглядами российского и германского руководства.

Главной же и наиболее возможной перспективой, как было выявлено, может стать создание новой базы российско-германских торговых, экономических, сельскохозяйственных отношений, выходящих за рамки энергетического взаимодействия, посредством увеличения российским руководством степени поддержки малого и среднего бизнеса в долгосрочной перспективе; как было указано, санкции способны затормозить и данный процесс.

Российско-германские отношения сегодня переживают тяжелые и кризисные времена. В этом отношении важная роль дальнейшего развития этих отношений ложится на плечи Германии и её руководства, для которых необходимо расставить приоритеты в дальнейшем сотрудничестве.

Германия играет значительную роль в политике Европейского союза, в её силах направлять дальнейший вектор европейской политики в отношении построения дискуссии с Россией, что является стратегически важным для всей Европы.

Список литературы

1. Балашев Н. Б., Животникова Ю. А. Сравнительная характеристика бюджетных систем России и Германии // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Тульский филиал). 2021. С. 87-90.
2. Белов В. Б. Институциональные механизмы сотрудничества России и Германии в сфере сельского хозяйства // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №5. С. 38-48.
3. Викторов В. Олафу Шольцу подали сигнал // Коммерсантъ. 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5326230>.
4. Горшкова Елена “На 22% вырос российский агроэкспорт в Германию в 2021” // Агропромышленный портал. URL: <https://www.agroxxi.ru/rossiiskie-agronovosti/na-22-vyros-rossiiskii-agroyeksport-v-germaniyu-v-2021-godu.html>.
5. Динамика реализации газа в Европу в 2020 г. ООО «Газпром экспорт» // ГАЗПРОМ экспорт. URL: <https://gazpromexport.ru/statistics/>.
6. Обеспечит ли Германия себя зерном в новом сезоне? // ИА Красная Весна. 2022. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/ec62f06b>.
7. Соколов А. Ценности или иллюзии: будущее российско-германских отношений // Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России. 2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czennosti-ili-illyuzii/>.
8. Hofmann, Mader, Rosch Kein Brot ohne russisches Gas? // Das Erste. 2022. URL: <https://www.br.de/fernsehen/das-erste/sendungen/report-muenchen/videos-und-manuskripte/preiskrieg-erdgas-nahrungsmittel100.html>.

Албанский вопрос в Северной Македонии: эволюция и перспективы развития

Зарубин И.А.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история становления «албанского вопроса» в Северной Македонии от происхождения албанского населения на территории, сквозь различные этапы формирования албанской и македонской государственности и до окончания событий Конфликта 2001 года и Охридского рамочного соглашения. Анализируется эволюция статуса албанского населения на территории и его взаимоотношений со славянским населением в условиях различных территориальных и этнических конфигураций. Дается характеристика тенденциям развития внутригосударственных межэтнических отношений в Северной Македонии, эволюции «албанского вопроса» как внутри- и внешнеполитического фактора для Республики. Через призму истории и наблюдения современного этапа развития политического представительства албанцев на государственном и местном уровнях рассматриваются основные взгляды, проблемы, задачи и цели албанского меньшинства в Северной Македонии через мнения албанских политических элит страны, исследователей-этнологов и политологов. В контексте противостояния славяно-македонских и албанских политических сил страны, а также разобщенности албанских политических партий внутри Республики, анализируются перспективы дальнейшего развития взаимоотношений между албанцами и македонцами в Северной Македонии, и отношений между Северной Македонией и Республикой Албания. В свете насыщенной истории конфликта и принимаемых им новых оборотов в лице усиления террористической опасности и дестабилизации региона, перед действующими лицами «вопроса» ставится выбор дальнейшей парадигмы взаимодействия: более радикальной концепции противостояния албанского национализма и северомакедонской государственности, или же общих планов по строительству стабильного и процветающего биэтнического государства, основанного на принципах равенства и взаимоуважения, что позволило бы Республике достичь определённого прогресса в интеграции в евроатлантические структуры. Научная новизна статьи заключается в рассмотрении албанской точки зрения на вопросы взаимоотношений албанского паннационализма и македонской государственности, в отличие от принятой в российской историографии славянской парадигмы рассмотрения политических и этнических процессов на Балканском полуострове.

RESUME

This article examines the history of the evolution of the «Albanian question» in North Macedonia through its timeline beginning with the origin of the Albanian population in the territory, through the various stages of the formation of the Albanian and Macedonian statehood and until the end of the events of the 2001 Conflict and the Ohrid Framework Agreement. The evolution of the status of the Albanian population on the territory and its relationship with the Slavic population within the framework of various territorial and ethnic configurations is analyzed. A characteristic is given to the trends in the development of interstate interethnic relations in North Macedonia, the evolution of the «Albanian question» as an internal and external political factor for the Republic. Through the prism of history and observation of the current stage of development of the political representation of Albanians at the state and local levels, the main perspectives, issues, objectives, and aims of the Albanian minority in North Macedonia are considered through studying the opinions of the country's Albanian political elites, ethnologists, and political scientists. In the context of the confrontation between the Slavic-Macedonian and Albanian political forces of the country, as well as the disunity of the Albanian political parties within the Republic, the prospects for further development of relations between Albanians and Macedonians in North Macedonia, as well as relations between North Macedonia and the Republic of Albania are analyzed. In the light of the rich history of the conflict and the new turns it is taking in the form of an increased terrorist threat and destabilization of the region, the actors of the «question» are faced with the choice of a further paradigm of interaction: a more radical concept of confrontation between Albanian nationalism and North Macedonian statehood, or the common plans to build a stable and prosperous bi-ethnic state based on the principle of equality and mutual respect, which would allow the Republic of North Macedonia to achieve considerable progress in integrating into Euro-Atlantic structures.

Ключевые слова: албанцы, паналбанизм, паннационализм, Великая Албания, Этническая Албания, Северная Македония, Балканы, Охридское рамочное соглашение, Демократический союз за интеграцию, Али Ахмети, ТалатДжафери, Косово, Албания

Key words: Albanians, panalbanism, pannationalism, GreaterAlbania, EthnicAlbania, NorthMacedonia, Balkans, Ohrid Framework Agreement, Democratic Union for Integration, Ali Ahmeti, Talat Xhaferi, Kosovo, Albania

Зарубин Иван Александрович, студент ИГСУ РАНХиГС, zariva129@mail.ru

Ivan A. Zarubin, student of the IPACS RANEPА, zariva129@mail.ru

Паннационализм процветал на территории Западных Балкан со времён национальных освободительных движений XIX века. Наряду с панэллинизмом (не затрагивавшим обширных территорий на север от актуальных границ Греции) и различными формами панславизма, паналбанизм как национальная идея одного из крупнейших народов региона стал одной из ярчайших идеологий, исторически привнесших на территорию политические и социокультурные изменения. Албанская национальная идея, заключающаяся в объединении территорий, преимущественно заселённых этническими албанцами, культурной взаимоассимиляции различных албанских этнических групп и стремлению к их политическому единству, безусловно, проявила себя в разной степени на всех территориях региона со значительным албанским населением. Эта идеология затрагивает различные слои населения как на различных территориях полуострова (Косово, западная Северная Македония, южная Сербия, южная Черногория, северо-западная Греция), так и за его пределами (общины арбершей в Италии и многочисленные албанские диаспоры в других странах Европы и США). Среди признанных государств выделяется Северная Македония, в которой албанцы составляют 25,17% населения страны (по переписи 2002 года). Результатом значительного этнического присутствия в соединении с историческими претензиями албанского народа на часть территории, ныне входящей в состав Северной Македонии, является активизация деятельности албанских националистических ячеек и общее стремление албанской части населения страны к расширению своих политических и социальных прав и свобод.

История албанского вопроса в Северной Македонии

По оценкам албанских и зарубежных этнологов и историков, прямыми предками нынешних албанцев на западе Балканского полуострова являются иллирийские племена: албаны, дарданы. Скопье, иллирийское название которого (Scupi) идентично современному албанскому (Shkupi), основанное дарданами в IV веке н.э., являлось одним из важнейших политических и исторических центров Дардании. По оценке лингвиста Петара Скока, многие названия в регионе бывшего расселения иллирийцев, а именно македонские Скопье (Шкупи) и Охрид, сербский Ниш (Наиссус) – произошли из неславянского иллирийского языка, родственного современному албанскому (Skok 1978: 82).

Документы с упоминанием албанцев как этноса на территории нынешней Северной Македонии датируются к XIII веку. Карло Тальявини отмечал, что в

бесспорных исторических документах албанцы упоминаются как служители базара монастыря Святого Георгия близ Скопье. Македонский историк Александр Стояновский также признает существование албанского населения в Западной Македонии до турецкого вторжения, что для нахии Кичево подтверждается турецким реестром XV века. Согласно этому реестру, одна из трех мечетей Кичево называлась Арнаутско (арнауты – турецкое название албанцев, этот же этноним носят этнические албанцы центра Греции), где были зарегистрированы такие албанские имена, как Гьон, Мартин, Прогон, Гьергдж, Гьин, Арнаут.

Также Карло Тальявини настаивал на присутствии албанцев как непрерывном продолжении раннего илирийско-албанского населения в Македонии в XIV веке, добавив, что во время турецкого правления Македония по-турецки называлась Арнаутлук, а ее жители – Арнаутлар (Tagliavini 1942: 14). Ныне же название Арнаутлук в турецком языке носит Албания. Эти точки зрения также находят поддержку в лингвистических данных албанской исторической диалектологии. Во-первых, на территории, где проживают албанцы Македонии, проходит граница, разделяющая два диалекта албанского языка как естественное и прямое продолжение границы двух диалектов албанского языка на территории Республики Албания. На юге от реки Струга проходит граница, которая отделяет говорящих на гегских диалектах современной Западной Македонии от говорящих на тоскских диалектах, что показывает, что албаноязычное население современной западной Македонии непосредственно естественно. Это показывает, что население территорий нынешней Северной Македонии, говорящее на албанском языке, принимало непосредственное и естественное участие в историческом развитии диалектной структуры албанского языка в целом и гегских диалектов в частности, как их неотъемлемой части (Murati 2011: 104).

Албанский лингвист Бахри Бечи рассматривает существующие взгляды на распространение албанского языка на территории как результат экспансии или новых колонизаций как необоснованные, а утверждения о том, что албанцы сегодняшней Македонии не являются первыми поселенцами как «неубедительные, даже тенденциозные» (Besi 2007: 8–9).

Некоторые славянские исследователи утверждают, что расширению территории, занимаемой албаноязычным населением, способствовала активная политика исламизации Западных Балкан, проводимая Портой в XV–XVII веках. Из четырёх «албанских» вилайетов Османской Империи, два, а именно Косово и Манастир, занимали значительную часть нынешней территории Северной Македонии. Скопье (алб. Shkup, осм. Usküb) являлось столицей Косовского вилайета, рассматривающегося частью албанских историков как прообраз албанского национального государства. Представители из Кичево (алб. Kirçova), Тетово (алб. Kalkandelen), Скопье, Манастира (алб. Bitola) и Гостивара (алб. Gostivar) участвовали в работе призренского подразделения Призренской лиги в 1878–1881 годах. В 1908 году в Манастире состоялся Манастирский конгресс, стандартизовавший албанский алфавит и ставший важным этапом Албанского национального возрождения. Таким образом, на протяжении нескольких веков османской власти, территория северо-западной Македонии являлась одним из центров политических и культурных

событий, связанных с жизнью албанского народа. Именно в Скопье в 1912 году Хасан Приштина подписал мир с турками с албанской стороны. Он же первым озвучил идею создания биэтнического албано-болгарского государства на территории нынешней Северной Македонии (Prishtina 1921: 18).

Границы, сложившиеся в результате Балканских войн и распада Османской империи, рассматриваются албанцами как глубоко несправедливые, искажённые стремлением соседей Албании захватить исконно албанские территории: перед началом Первой Балканской войны Сербия и Греция планировали полностью разделить между собой территорию Албании (Рябинин 2003: 127). По оценкам албанских этнологов и историков, в результате сложившегося разделения, 55% этнических албанцев оказались за пределами своей родины. По словам Экрема Чабея, область расселения албанцев в сочетании с нынешними границами можно называть не областью распространения, а областью ограничения, вследствие чего он так описывал нынешнее территориальное соотношение: «Албания – единственное государство в мире, которое граничит только со своим народом» (Çabej 2008: 224).

Продолжением турецкой и славянской антиалбанской политики стал подписанный в 1938 году сербами и турками договор о насильственном переселении албанцев из Вардарской Бановины – с территории нынешней Северной Македонии. Македонские славяне же не представляли этнической проблемы для сторон, так как рассматривались как южный сербский этнос, неотделимый от сербского народа.

Во время Второй Мировой войны, а именно Балканской кампании стран Оси, повлекшей за собой оккупацию территории Западных Балкан итальянскими, и, позднее, немецкими войсками, территории нынешней Албании и часть территории Югославии (а именно южная Черногория, почти вся территория современного Косова, некоторые земли на юге Сербии и западная часть современной Северной Македонии) находились под управлением Албанского Королевства, образованного под итальянским протекторатом.

Албанское Королевство объединило в себе значительную часть албанских земель по сравнению с Королевством Албания (1928–1939), однако не включило в себя такие крупные города с заметным албанским присутствием, как Скопье и Битола, а также албанскую часть греческого Эпира (Pearson 2006: 167). Несмотря на лишь частичный охват албанских земель и фактическую зависимость от Италии, Албанское Королевство стало самой близкой к концепции паналбанского государства единой политией на территории Западных Балкан за всю историю эволюции вопроса. Несмотря на то, что македонских учебниках истории данный период рассматривается как албанская оккупация «македонских территорий», на всех переданных Албанскому Королевству территориях албанцы являлись единоличным большинством, и именно в этот период этнос, отделённый от ядра своей нации, впервые смог обучаться на албанском языке, узнать историю своего народа и использовать Знамя Скандербега (Xhemalli, 2010). Таким образом, в албанской историографии данный этап рассматривается как ключевой в формировании этнического самосознания албанцев за пределами нынешних границ Албании.

К середине XX века албанцы составляли от 17% до 19% населения Народной Республики Македония. В 1968 году проходящие в соседнем Косово албанские

волнения перекинулись на албаноязычные районы Социалистической Республики Македония. Центром волнений в Республике стало Тетово, в котором албанское население составляло более половины. Этнические албанцы разбили несколько витрин и вывесили албанский флаг на здании общинного комитета Союза коммунистов Македонии, за чем последовали масштабные государственные репрессии в отношении к албанскому населению (Никифоров, Филимонова, Шемякин 2011: 718). 1980-е годы в югославской политике в принципе отметились массовым притеснением албаноязычного населения на территории Косова и северо-западной Македонии, что позже стало одним из факторов снижения стабильности в переходной Бывшей Югославской Республике Македония. Албанским ученикам и профессорам запрещалось использовать албанский язык в обучении, а македонские органы ЗАГС не регистрировали детей с албанскими именами. Начало 1990-х обозначилось албанскими демонстрациями в Тетово с требованием отделения Социалистической Республики Македония от Югославии и присоединения её к Албании. Албаноязычным населением был бойкотирован референдум о независимости 1991 года, в котором БЮР Македония называлась национальным государством славяно-македонцев. Вместо этого был проведён самовольный референдум в январе 1992 года об автономности районов страны, преимущественно населённых этническими албанцами. На массовой демонстрации 31 марта 1992 года 40000 этнических албанцев потребовали автономии для албанских районов нового государства. В этом же году лидером Партии за демократическое процветание Невзатом Халили был предложен концепт Республики Илирида (от названий двух исторических областей, населённых албанцами: Иллирии и Дардании), которая объединила бы в себе все албаноговорящие территории БЮР Македония (Bugajski 1995: 116). Скопье могло бы стать ещё одним разделённым городом, каким ныне является Косовска-Митровица на границе территорий, контролируемых Республикой Косово и Сербией.

До введения политических реформы 1996 года албанцы были практически исключены из политической жизни страны. Македонцы-славяне считали себя единственными преемниками СР Македония и единственными полноправными носителями македонского гражданства, что в совокупности с албанским бойкотом референдума о независимости позволяло им фактически игнорировать албанское население государства. По мнению профессора Джелала Зейнели, без исторического соглашения с албанцами, македонскому государству должен был быть закрыт путь как в евроатлантические структуры, так и к стабильности и процветанию (Zejneli 2021: 4).

В отсутствии демократических институтов, через которые этнические меньшинства могли бы добиться реализации своих прав и свобод, албанцы начали прибегать к протестам и бунтам. Начавшись в 1992 году с беспорядков на скопском Бит Пазаре, вызвавших жестокую реакцию со стороны македонской полиции, албанские мятежи и волнения спорадически охватывали северо-запад Македонии. Снятие албанских флагов со зданий администрации в Гостиваре и Тетово в 1997 году повлекло за собой один из самых ярких случаев полицейского беспредела против албанских протестующих, в совокупности с арестом ключевых албанских политических деятелей региона, таких как Руфи Османи, Рефика Даутина, Алайдина Демири, Веби Беджети.

Ситуация обострилась в 1998 году, с началом боевых действий в соседнем Косове. За этот год на территории страны было совершено 1884 террористических акта, что повлекло за собой увеличение присутствия миротворческого контингента ООН. HumanRightsWatch отмечало учащение случаев злоупотребления силой македонскими органами правопорядка в отношении албанских демонстраций и частных случаев дискриминации.

Параллельно с активной деятельностью в Армии Освобождения Косова (алб. Ushtria Çlirimtaree Kosovës), в 1999 году македонский албанец Али Ахмети основал и возглавил македонское ответвление УÇК (алб. Ushtria Çlirimtare Kombëtare) – Армии национального освобождения (АНО). Объявленной целью АНО было равенство прав албанского меньшинства с македонским большинством (Ostreni, 2014), однако македонское правительство рассматривало организацию как террористическую и ирредентистскую, что привело к дальнейшему росту напряжения между албанскими структурами и официальными властями БЮРМ. Помимо данных двух образований, заявили о себе Армия Освобождения Прешева, Медведжи и Буяноваца (АОМПБ) и Корпус защиты Косова (КЗК). Все организации были связаны между собой и оказывали друг другу поддержку в деятельности ячеек. АНО и АОМПБ при поддержке КЗК и в союзе с созданной Албанской национальной армией (АНА) и их лидеры Али Ахмети, Фазли Велиу и Хазби Лика стали главными акторами с албанской стороны в военном конфликте в Республике Македония, проходившем с января по ноябрь 2001 года, фигурировавшем в албанской историографии как Война 2001 года. К марту 2001 года линия фронта находилась в 20 км от Скопье, а крупнейшим сражением конфликта стала битва за Тетово – главный центр этнических албанцев Македонии, принявший более ста тысяч беженцев Косовской войны. Албанцы имели временный успех, так как, в отличие от македонской армии, пользовались тактиками партизанской войны, но крупных успехов достичь не удалось (Цветановска, 2012).

Формально конфликт был завершён 13 августа 2001 года подписанием Охридского Рамочного соглашения. В переговорах принимали участие представители партий Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство и Социал-демократический союз Македонии с македонской стороны, и Демократическая партия албанцев и Партия демократического процветания с албанской стороны. АНО, как и другие албанские националистические ячейки, принимавшие участие в конфликте, к переговорам привлечены не были. От Европейского Союза на переговорах присутствовал Франсуа Леотар. Соглашение повлекло за собой разоружение албанских повстанцев, с целью чего контингентом НАТО была организована операция «Богатый урожай», за которой, с целью обеспечения порядка по запросу македонского правительства последовала операция «Янтарная лиса». АНО была расформирована, часть её состава вошла в отряды Албанской национальной армии, другая часть продолжила точечную партизанскую борьбу на македонской территории.

Среди принципов политических реформ, закреплённых Соглашением, утверждались недопустимость использования насилия для достижения политических целей и демократический курс государства, но ключевым аспектом стали решения так называемого «албанского вопроса» – главной причины

политической нестабильности страны на рубеже третьего тысячелетия. Документ утверждал сохранение суверенитета и невозможность территориального решения этнических противоречий, однако, признавая полиэтничность Республики, включил в себя поправки, направленные на удовлетворение интересов албанского меньшинства страны: дал стимул к развитию местного самоуправления и утвердил процедуру признания языка меньшинства официальным на региональном и государственном уровне. Несмотря на это соглашение, статус официального на государственном уровне албанский язык получил лишь в январе 2019 года.

Профессором Веби Джемайли поднимается острый вопрос «фальсификации албанской истории» в македонских школьных пособиях, по которым учатся в том числе албаноговорящие дети Северной Македонии. Так, в македонском учебнике истории авторы специфически преподносят жизнь и восстание албанского национального героя Скандербег: делается большой акцент на славянской доле в происхождении Георга Кастриоти, и, в отличие от албанской историографии, где Скандербег преподносится как Правитель Албании, учебники, одобренные Министерством образования Северной Македонии называют его «правителем Княжества Кастриоти», игнорируя деятельность Лежской лиги и роль князя в собирании албанских земель. Более того, описывая события XV века, авторы заявляют, что «восстание Скандербега охватило также приграничные македонские территории», а итальянская оккупация описывается как «захват «западномакедонских» городов: Тетово, Гостивара, Дибры» (которые до образования Югославии входили в албанские вилайеты Османской Империи и являлись этнически албанскими городами), хотя Македония впервые состоялась как государство лишь после распада СФРЮ, и македонская нация сформировалась лишь в XX веке. Игнорируются факты сербского угнетения этнических албанцев на территории Южной Сербии, чем являлась нынешняя Македония в парадигме сербской историографии. «Катастрофой для этнического самосознания» является то, что каждый год 30000 албанских детей Северной Македонии изучают искажённую и сфальсифицированную историю своего народа, в которой албанцы в терминах стремления к «Великой Албании» предстают захватчиками[1]– уверен Джемайли. Албанская молодежь останется без перспектив, без пути к национальному объединению, прежде чем эта албанская молодежь создаст настоящий хаос, поскольку ей не будет предоставлена возможность объективно узнать о вкладе албанских патриотов, которые возглавляли албанское национальное движение со времен Османской Империи до сегодняшнего дня (Xhemaili, 2010).

Противостояние албанского национализма и северомакедонской государственности

Албанский вопрос не сходит с внутривнутриполитической повестки Республики по сей день. В культурном отношении албанцы в Республике Северная Македония тесно связаны с албанцами Косово и Албании. Они разделяют общий флаг, национальный гимн, история, популярные песни, язык и т.д. В Северной Македонии

разрешено обучение на албанском языке на всех уровнях. Ислам является наиболее распространенной религией среди албанцев в Северной Македонии, где его доля составляет около 99%. Македонская перепись населения 2021 года показала незначительное падение доли албанцев в населении страны с 25,2% в 2002 году до 24,3% в актуальной переписи, что может быть связано с частичным бойкотом переписи в албанских районах страны, снижению рождаемости в албанских семьях или эмиграции македонских албанцев в Албанию и страны Западной Европы (Marusic 2022: 1-2).

Албанское меньшинство представлено на политической арене страны пятью партиями: Демократический союз за интеграцию (алб. *Bashkimi Demokratik për Integrim*), лидер Али Ахмети; Альтернатива (Африм Гаши), Демократическая партия для албанцев (Мендух Тачи), Альянс для албанцев (Зиадин Села) и *Lëvizja Besa* (Билал Касами). Для понимания места албанских партий в нынешнем раскладе политических сил Северной Македонии, представляется необходимым проанализировать их взаимоотношения с двумя крупнейшими славяно-македонскими политическими силами страны: Социал-демократическим Союзом Македонии (СДСМ) и Внутренней македонской революционной организацией — Демократической партией за македонское национальное единство (ВМРО-ДПМНЕ).

У СДСМ и ВМРО-ДПМНЕ различаются взгляды на албанский вопрос в Республике. В конце февраля 2017 года лидер СДСМ Зоран Заев передал президенту Иванову больше половины (67 из 120) подписей депутатов парламента и запросил мандат на формирование нового кабинета министров, в правящую коалицию парламента при этом входят представители СДСМ и четырёх албанских партий, в том числе ДСИ – Заев неоднократно заявлял о необходимости сотрудничества между славяно-македонцами и албанцами на политической арене страны. Президент отказался предоставить им право формировать правительство, заявив, что программная платформа оппозиции подготовлена в соседней Албании.

В данном контексте в политической философии СДСМ зреют некоторые изменения. Партия планирует продвигать концепцию гражданского государства. Однако, по мнению Джелала Зейнели, данная концепция не пойдёт на пользу взаимоотношениям между двумя этносами в стране. Вместо этого, албанцами предлагается концепция биэтнического государства. При этом албанцы стремятся не к территориальному разделению, а к полному равенству между этносами, в чём и заключается основа равноправных межэтнических отношений. Безусловно, социал-демократы во главе с Заевым совершили большой шаг, приведя страну к Преспанскому соглашению, благодаря которому страна смогла вступить в НАТО, что на протяжении многих лет рассматривалось албанскими политологами как стратегически важный интерес. Это также усилило региональные позиции США, которые рассматриваются в Албании как одни из ключевых партнёров по урегулированию ситуации в регионе (Zejneli 2021: 10).

ВМРО-ДПМНЕ в глазах албанского меньшинства является националистической и анти-албанской, ретроградной и анахроничной партией. В целях избегания конфликта между партиями, политическими силами страны и этносами и народами на территории Западных Балкан, ВМРО необходимо признать, что Македония без

албанцев ведёт к стране с параллельной системой, что противоречит всеобщему стремлению к стабильности и равенству.

27 апреля 2017 депутаты Собрания Македонии большинством в 62 голоса из 120 избрали спикером парламента этнического албанца Талата Джафери, который представляет крупнейшую партию албанского нацменьшинства – Демократический союз за интеграцию (ДСИ), – бывшего министра обороны, во время войны сразу дезертировавшего с поста командира македонской армии в состав АНО, и попавшего под амнистию в соответствии с Охридским соглашением (Dimovski, 2013). ВМРО-ДПМНЕ охарактеризовала происходящие события как «переворот». Впоследствии демонстранты ворвались в здание парламента, избив журналистов и депутатов парламента, ситуацию удалось разрешить силами полиции.

Государственное насилие в отношении албанцев осуществлялось в то время, когда у власти находились албанские политические партии. Оно продолжается даже после вхождения ДСИ в правящую коалицию. На сегодняшний день, почти все албанские партии стремятся к большему представлению в институтах системы, в законодательных и исполнительных органах. Албанские политические партии правили совместно как с СДСМ, так и с ВМРО. Во время государственного насилия против албанцев на протяжении всего периода плюрализма ни одна албанская партия не покинула ни Ассамблею, ни Правительство, и не было политического кризиса. В течение вышеупомянутого периода в качестве морального акта ни один албанский депутат или министр не подал в отставку. По словам Джелала Зейнели, это свидетельствует о верховенстве слепого карьеризма в албанском политическом мире в Северной Македонии, что препятствует прямому и эффективному обеспечению прав албанцев в стране (Zejneli 2021: 12). Африм Красничи разделяет точку зрения, что именно разобщённость политических сил албанцев мешает плодотворной работе на благо албанского населения Северной Македонии. Фрагментация идёт на пользу главной славяно-македонской оппозиционной партии ВМРО-ДПМНЕ, проводящей политику моноэтнического гражданского общества (Krasniqi, 2016).

Досрочные выборы 15 июля 2020 года в Северной Македонии в условиях пандемии COVID-19 стали новым этапом в развитии албанского представительства на политическом ландшафте страны. Албанские партии получили рекордные 33 места в Собрании, 15 из которых занял Демократический союз за интеграцию. Албанское влияние в новом 120-местном парламенте возросло. В албанском политическом спектре произошли два новшества: движение «Беса» вступило в предвыборную коалицию с ВМРО, а ДСИ выступил с первым албанским кандидатом на пост премьер-министра.

Имя, предложенное для осуществления албанской мечты, – Насер Зибири. 61-летний юрист, родившийся в Скопье, является одной из ключевых албанских политических фигур в стране. С 1990 по 2002 год Зибири 3 срока подряд избирался депутатом парламента Македонии под эмблемой Партии за демократическое процветание. Он также занимал пост министра труда и социальной политики, заместителя премьер-министра Северной Македонии и является одним из авторов Охридского соглашения. К этому вкладу он стремится добавить ещё один – продвижение прав албанцев, а также ускорение пути страны к членству в Европейском союзе, а также экономический рост (Qardaku, 2020).

Учитывая решение ДСИ, короткая и ограниченная избирательная кампания в Северной Македонии будет сосредоточена в основном на этнических проблемах. Вице-президент партии Изет Меджити заявлял о необходимости подтвердить серьезное стремление албанцев к первенству в обеспечении своих прав и свобод. Первым шагом к этому стало избрание Талата Джафери, вторым шагом должен стать албанский премьер-министр.

Движение BESA, Альянс за албанцев и Альтернатива, хоть и выражают желание, чтобы албанцы в Северной Македонии получили больше прав, и чтобы их голос был сильнее, довольно скептически относятся к инициативе ДСИ. По их мнению, кандидат на пост премьер-министра был лишь средством ДСИ получить как можно больше голосов.

Албанские партии в общей сложности занимают четверть мест в Собрании, но эти мандаты распределены между 4 отдельными политическими группами. Меджити уверен, что «единственная албанская политическая партия вредна. Албанцам в Македонии нужна партия в правительстве и партия в оппозиции». В то время как Элмедин Мемичи из движения BESA подчеркивает: «Во время конституционных изменений мы призывали к объединению всех албанских партий, но, к сожалению, они не сочли разумным сесть и поговорить об интересах албанцев».

Сразу после выборов Демократический союз за интеграцию протянул руку сотрудничества другим албанским партиям, чтобы осуществить мечту всего сообщества. Социал-демократическая лига Зорана Заева, хотя и входит в предвыборную коалицию с албанской партией, не выразила широкую поддержку кандидатуре Зибири.

Происходящие на македонской политической арене события дают понимание того, что албанцы не должны ждать, пока македонская сторона решит будущее их страны, албанцы должны повлиять на решение проблем. Они не могут решить, какая македонская партия получит большинство, но они могут обусловить политическое сотрудничество необходимостью четко прозападной македонской повестки дня. Не имеет значения, кто будет их главным партнером в правительстве, важно, чтобы их этническое вето использовалось для гораздо более важных вещей, чем местная клиентелистская практика или протоколы совместного управления. Но для того, чтобы добиться эффективности, албанцы должны в первую очередь договориться друг с другом – они должны учиться на ошибках прошлого и передовой практике – отказаться от отношения друг к другу как к противникам, вести диалог, наводить мосты взаимодействия и разрабатывать долгосрочную политическую платформу, в рамках которой каждая албанская партия должна действовать в настоящем и будущем, независимо от того, какая из них будет большинством, а какая – оппозицией. Таким образом, среди проблематичных тенденций современного албанского политического представительства наблюдается слишком много партий, мало политических лидеров и снижение реального качества представительства. Фрагментация наносит вред, позволяет македонской стороне выбирать партнеров для правительства, но также заставляет основные албанские партии, такие как ДСИ и ДПА, меняться, реформироваться, становиться более привлекательными и представительными. Беспокойство по поводу партий, имеющих экстремистское

религиозное происхождение, является серьезным, и если такие личности действительно будут созданы и преуспеют в представлении части албанцев, тогда мы будем иметь дело с долгосрочными негативными последствиями для албанцев региона. Самая прозападная нация в регионе ни по какой причине не может стать рассадником экстремистов, выступающих против западных ценностей и принципов демократии, государства и общества. По этой причине, в краткосрочной перспективе албанское посольство в Северной Македонии должно быть более активным, албанские партии в Тетово должны чаще участвовать во взаимных консультациях с Албанией, в то время как средства массовой информации, гражданское общество и религиозные общины должны иметь гораздо больший объём взаимодействия, однако этот баланс между двумя странами до сих пор отсутствует (Krasniqi, 2016).

Заключение

Албанцы в Северной Македонии признают, что за годы реформ был достигнут большой прогресс и обретены исторические права, такие как двуязычие, но перспективы расширения албанского представительства на примере албанского премьер-министра всё ещё вызывают опасения межэтнической розни и случаев угнетения и насилия против албанских сил Македонии. История оправдывает этот страх на примере избрания Талата Джафери, когда насилие и ненависть к албанцам едва не привели к гражданской войне.

Амбиции велики, цена за их реализацию была высока, но албанская община в Северной Македонии всегда испытывала трудности и не сдастся до тех пор, пока не осуществится мечта. Ключевыми требованиями албанского населения остаётся соблюдение прав, равенство и выполнение условий Охридского соглашения. Северная Македония является государством – участником Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Совета Европы, которая предусматривает в своей первой статье, что «защита национальных меньшинств и прав и свобод лиц, принадлежащих к этим меньшинствам, представляют собой компонент международной защиты прав человека, и как таковой, включены в рамки международного сотрудничества». В Македонии албанцы должны рассматриваться не как меньшинство, а как государствообразующий фактор и одна из двух идентичностей государства. У них должно быть гораздо больше прав, пространства, представительства и голоса в построении общего будущего.

Список литературы

1. Рябинин А. Малые войны первой половины XX века. Балканы. М., 2003. С. 122–130.
2. Цветановска М. Македонский кризис 2001 года. // Военно-исторический журнал. М., 2012. № 2. С. 11-18.
3. Югославия в XX веке: очерки политической истории / К. В. Никифоров (отв. ред.), А. И. Филимонова, А. Л. Шемякин и др. М., 2011. 888 с.
4. Veci B. Të folmetqendroretë shqipessë veriut. Gegërishtjaqendroredhegrupimiitë folmevetë saj. Tiranë, 2007. 415 с.

5. Bugajski J. *Ethnic Politics in Eastern Europe: A Guide to Nationality Policies, Organizations, and Parties*. N.Y., 1995. 493 p.
6. Çabej E. *Hyrjenëhistorinë e gjuhësshqipe*. Tetovë, 2008.
7. Dimovski S. *Talat Xhaferi: Macedonia's Controversial Defence Chief*// BIRN.Skopje, 2013.
8. Krasniqi A. *Shqiptaret ne Maqedoni, sfidat reale dhe perfaqesimi i munguar*. Tiranë, 2016.
9. Marusic S. J. *North Macedonia Census Reveals Big Drop in Population* // BIRN. Skopje, 2022.
10. Murati Q. *STUDIME albanologjike / InstitutiiTrashëgimisëShpirtërore e KulturorëtëShqiptarëve ; [kryeredaktor Ramiz Abdyli]*. – 3 (2011). Shkup, 2011. P. 87–133.
11. Ostreni G. *UshtriaÇlirimtareKombëtare: shkaqet, luftadhepaqjanëMaqedoninëvitin 2001*. Dibër, 2014.
12. Pearson O. *Albania in the Twentieth Century, A History / Volume II: Albania in Occupation and War, 1939-45*. London, 2006.
13. Prishtina H. *Njishkurtimkujtimeshmbikryengritjenshqiptaretëvjetit 1912*. Shkodër, 1921. P. 5-29.
14. Qardaku Xh. *Ëndrra shqiptare në Maqedoninë e Veriut*. Tiranë, 2020.
15. Skok P. *Hulumtime gjuhësore te popullsitë joslave të Luginësë Shkupit / Studime gjuhësore I (Dialektologji)*.Prishtinë, 1978.
16. Tagliavini C. *Le parlate albanesi di tipo Ghego orientale (Dardania e Macedonia nord-occidentale) / Le terre albanesi redente I: Cossovo*. Roma, 1942. P. 1-82.
17. Xhemaili V. *Historianët shqiptarë në Maqedoni e tradhtuan çështjen kombëtare*. Tetovë, 2010.
18. Zejneli Xh. *Shqiptarët dhe pavarësia e maqedonisë*.Tetovë, 2021.

[1]Сам термин «Великая Албания» (алб. *Shqipëria e Madhe*) рассматривается албанскими историками как антинациональный, так как считается изобретённым славяно-коммунистической политикой с целью обвинить албанский народ в стремлении к гегемонии и насильническому захвату. Вместо этого в албанской историографии используется термин «Этническая Албания» (алб. *Shqipëri Etnike*), и албанское национальное движение ставит перед собой цели достижения этнических границ Албании, которых она была лишена в результате гегемонистских устремлений соседей, и совместного проживания албанского народа, фактически являющегося разделённым, а не цели захвата территорий других этносов посредством насилия.

Влияние экономических санкций на цифровизацию в регионах России

Золотов Е.М.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние экономических санкций, введенные иностранными государствами, на цифровизацию в регионах России. Цифровая трансформация, являющаяся основным трендом модернизации региональных экономик, проникает во многие общественные сферы жизни. Автором был определен круг экономических ограничений, которые напрямую или косвенно влияют на технологическую основу цифровизации. Новая экономическая реальность обостряет уже существующие проблемы в региональных процессах цифровизации, которая бросает вызов экономике стран в целом. Кроме того, в статье были определены основные региональные программы и проекты, на которые отразятся экономические ограничения. Также автором выявлены основные тенденции влияния санкций на вектор цифровой модернизации общественных сфер субъектов Российской Федерации.

RESUME

The article examines the impact of economic sanctions imposed by foreign states on digitalization in the regions of Russia. Digital transformation, which is the main trend of modernization of regional economies, penetrates into many public spheres of life. The author has identified a range of economic constraints that directly or indirectly affect the technological basis of digitalization. The new economic reality exacerbates the existing problems in the regional processes of digitalization, which challenges the economies of countries as a whole. In addition, the article identified the main regional programs and projects that will be affected by economic restrictions. The author also identified the main trends of the impact of sanctions on the vector of digital modernization of public spheres of the subjects of the Russian Federation.

Ключевые слова: региональная политика, цифровизация, экономические санкции, регионы России, цифровая трансформация

Key words: regional policy, digitalization, economic sanctions, Russian regions, digital transformation

Золотов Егор Михайлович, студент РАНХиГС, Москва, Россия, xd0llar@yandex.ru

Egor M. Zolotov, student of RANEPА, Moscow, Russia, xd0llar@yandex.ru

Экономические санкции являются одними из самых используемых инструментов страны для продвижения своей политики. В основном их использует государства с развитой диверсифицированной экономикой, чья доля в региональном/мировом разрезе достаточно велика, чтобы добиться от других стран следования собственного курса. Российская экономика находится под влиянием экономических санкций с 2014 года, которые были введены странами Европейского Союза (ЕС), США и рядом других стран на присоединение Крыма к России. Хоть эти пакеты санкций и затрагивали только топливо-энергетический, финансовый и оборонный отрасли российской экономики, они все же косвенно отразились на ИКТ-отрасль в стране. В частности, С. Белозеров и О. Соколовская отмечают, что санкции негативно отразились в сокращении иностранных инвестиций в отечественные ИТ-проекты

и увеличивающемуся числу миграции ИТ-специалистов из России. (Белозеров, Соколовская, 2020). Это не помешало развитию процесса цифровой трансформации, хоть и нанесло ощутимый урон. В 2022 году были введены расширенные пакеты экономических санкций ЕС, Соединенными штатами и их союзниками в ответ на специальную военную операцию вооруженных сил РФ на территории Украины. Оказав прямое и косвенное влияние, санкции поставили под вопрос дальнейшую цифровизацию в тех рамках, в которых она началась на первых этапах. Только спустя какое-то время мы сможем в полной мере оценить то влияние, что оказали на Россию ряд запретов со стороны иностранных государств. Целью работы является продемонстрировать и дать авторский взгляд на дальнейшее развитие цифровизации в регионах Российской Федерации в условиях новой экономической реальности.

Цифровизация – одна из самых актуальных тем последних лет, и все чаще ее связывают с успешностью и развитостью страны. Если говорить обобщено, то это процесс внедрения и дальнейшего использования современных инновационных информационно-коммуникационных технологий в работе организации. Использование новых цифровых технологий приводит к созданию новых способов организации, новых товаров и услуг. Многие называют данный процесс Четвертой промышленной революцией, как например, немецкий экономист К. Шваб, который пишет, что цифровизация лишь компонент той революции, что ожидает человеке; что постепенное внедрение современных технологий в жизнь человека приведет к качественно новому прорыву человечества (Шваб, 2016). Цифровизация оказывает положительное влияние. Хоть он и используется преимущественно в бизнес-контексте, некоторые исследователи считают, что она также влияет и на другие учреждения и организации. Так Дж. Халтивангер и Р. Ярмин предполагают, что цифровизация может оказывать влияние, и на государственные учреждения, и некоммерческие организации, которые могут решать внутриорганизационные проблемы с использованием технологий (Haltiwanger, Jarmin, 2000). По мнению американского аналитика Б. Моултона, цифровизация напрямую связана с экономическим ростом, создавая новые фирмы и даже целые отрасли (Moulton, 2000). Именно это и стимулирует многие страны и компании в развитие цифровых технологий, которые на сегодняшний момент дают наибольшую добавочную стоимость к произведенному.

Цифровизация как динамически развивающийся процесс имеет собственные стадии формирования:

1. Создание инфраструктуры доступа к цифровым технологиям;
2. Использование цифровых технологий в повседневной жизни;
3. Эффекты от цифровизации и формирования цифровой экономики.

Уровни цифровизации:

1. Первичный – наличие, качество и доступность инфраструктуры.
2. Вторичный – интенсивность и навыки использования существующей инфраструктуры, характер используемых сервисов – наличие «цифровых компетенций» (З, 2018).

Официальный курс на развитие цифровизации в стране был дан в 2018 году после указов президентов о национальных целях и стратегических задач развития

России до 2024 года. Тогда появилась общефедеральная программа «Цифровая экономика», включающая в себя 7 проектов, нацеленных на 7 сфер развития цифровизации в российском обществе. В 2021 году был утвержден проект «Цифровой регион», который позволил регионам индивидуально выстроить свои программы в данной области. Но безусловно сама цифровизация в регионах началась гораздо раньше. Первыми такими решениями были предприняты в начале 2010-х гг., когда Правительство РФ анонсировало политику по созданию точек технологического роста в регионах страны, где должны были развиваться и производиться отечественные высокие технологии для цифровой трансформации. Привлекая отечественные и зарубежные ИКТ-компании на свои территории, они тем самым постепенно давали региональным управленческим структурам внедрять цифровые технологии для собственной оптимизации, а население постепенно начало использовать цифровые новшества в повседневной жизни. Первыми проектами можно назвать Сколково (Москва) и Иннополис (Татарстан). Сейчас же в стране действует свыше 50 информационно-коммуникативных технопарков и 20 кластеров, которые стали важными региональными точками развития цифровизации, но не являются единственными проектами в данной области. За последние 10 лет в процессе отечественной цифровой модернизации возник ряд проблем, которые могут усугубиться из-за экономических санкций:

- 1) Неравномерность распределения цифровых мощностей;
- 2) Разрыв в цифровых возможностях между регионами внутри страны;
- 3) Технологическая зависимость от импортного аппаратного и программного обеспечения;
- 4) Отстающее развитие нормативно-правовой базы в сфере цифровых технологий.

Непростая ситуация, которая сложилась на рынке ИТ-технологий, в еще большей степени объединила бизнес и государство. Ведь именно выработка общих взглядов на решение общих проблем и должна вывести ситуацию из кризисного положения. Далее поговорим о конкретных санкциях и об их влиянии на цифровизацию в регионах России.

Санкции, введенные в феврале-апреле 2022 года против России, носят многосторонний характер: они затронули ряд российских компаний, которые занимались разработками отечественных высокотехнологичных устройств, накладывался ограничения со стороны ЕС и США на экспорт высокотехнологичных товаров и технологий их производства в РФ; вводился запрет на экспорт из России квантовых компьютеров, высокотехнологическую электронику и программное обеспечение (ПО) (2, 2022). Косвенными последствиями экономических санкций стали уход ряда крупных корпораций с российского, приостановка производств и продаж товаров зарубежных производителей. В этой связи складывается непростая ситуация на рынке ИТ-технологий, в области цифровизации регионов, что в еще большей степени объединила ИТ-бизнес и государство. Ведь именно выработка общих взглядов на решение общих проблем и должна вывести ситуацию из кризисного положения.

В этой связи хотелось бы рассмотреть некоторые сферы региональной жизни в сфере цифровизации, на которые могут оказать существенное влияние

новые экономические санкции. Это прежде всего региональный ИКТ-бизнес, инфраструктурные проекты, государственное управление и некоторые инновационные проекты. Самые существенное влияние оказали экономические ограничения на импорт технологий в Россию. Основными товарами в области ИКТ – полупроводники, тестовое оборудование для микроэлектроники, масс-спектрометры, оборудование для производства микросхем, определенные сенсоры и лазеры. Компоненты являются основополагающими в производстве, отечественных аналогов высоких технологий зарубежного уровня пока в стране не имеется. Ограничения на импортные компоненты острее всего скажутся на производственной сфере и в тех регионах, где отрасль высокотехнологического производства достаточно развита. Это Москва – 35 тыс. предприятий, Санкт-Петербург – 9 тыс. предприятий, Московская область – 5 тыс. предприятий (на которые приходится почти 90% всех импортируемых в страну компьютерных и цифровых технологий), а также Татарстан – 3 тыс., Свердловская область – 3 тыс. и Новосибирская область – 2.5 тыс., которые имеют успешно функционирующую региональную ИКТ-отрасль. В этой связи стоит предположить временный спад отрасли. Государство в экстренном порядке спасая отрасль ввела экономические послабления, снизив для таких организаций налог на прибыль до 0%, страховые взносы до 7.6%, объявив мораторий на проверки на 2 года. Такие экстренные меры должны снизить убытки компаний, но упадок производства все равно произойдет. С учетом того, что свыше 90% организаций в данной области являются микропредприятиями, которые в большей степени подвержены к колебанию рынка, вероятность негативных тенденций на данном рынке увеличивается. Переориентация импорта произойдет на азиатско-тихоокеанский цифровой рынок. Сам по себе процесс импортозамещения будет носить долгий характер, поиск новых логистических путей и конечных потребителей будет даже при форсированных методах занимать несколько месяцев, что негативно отразится деятельности компаний. К этому стоит добавить недостаточные размеры российских ИТ-компаний, которые пока не смогут полностью охватить регионы. Одним из косвенных последствий экономических санкций стал уход или «приостановка деятельности» ряда крупных ИТ-корпораций на российском рынке: Microsoft, Oracle, IBM, SAP, – предоставлявшие широкий спектр услуг для бизнеса, государственных учреждений и рядовых граждан. Российские региональные компании в этой связи могут форсировано занять те сферы, где доминирующее положение занимали иностранные фирмы, тем самым позитивно сыграть на общефедеральной повестке цифровизации, обеспечив регионы отечественными программами, сделав их «независимыми».

Запрет на импортные технологии коснется цифровой инфраструктуры регионов, в частности проведения широкополосного интернета на территорию и его дальнейшего функционирования. Это те регионов, где широкополосным интернетом пользуются меньше 60% домохозяйств – Курганская область, Республика Хакасия, Рязанская область и Чукотка. Уже в конце марта 2022 года в ходе заседания комиссии по радиочастотам Минцифры приняла решение, позволяющее оператором не расширять систему интернет- и мобильных сетей. Да и дальнейшее развитие сетей интернета, в частности 5G, может быть отложено в рамках

национального проекта «Информационная инфраструктура». Пока российские телекоммуникационные операторы не обладают отечественными аналогами. Отдельное внимание заслуживает арктическая зона России, которая занимает 1/5 территории страны. Растянность территории делает невозможным протягивание телекоммуникационных сетей. Решением проблемы является спутниковый интернет, но дорогое подключение и обслуживание затягивает процесс модернизации телекоммуникационной инфраструктуры, фактически изолируя местное население от передовых технологических решений. Дефицит оборудования и сложности при дальнейшей эксплуатации уже установленного может привести к конечным сбоям в работе как сети интернет, так мобильных и радиочастотных сетей. Это остро может отразиться на регионах с высокой доступностью и массовым использованием информационно-коммуникативных сетей среди населения и бизнеса. Это Ямало-Ненецкий Автономный Округ, Москва, Тульская область. Сбои интернета могут по итогу отразиться на скорости передачи данных, что повлечет за собой замедление взаимодействия между цифровыми устройствами и технологиями.

Особенно стоит отметить важность этой проблемы для городов, реализующих инновационные проекты в рамках «Умного города». Так, в 2018 году в рамках национального проекта «Цифровая экономика» было утверждена концепция «50 умных городов России». Умный город — это «городская территория, которая стала более результативной /или более экологически чистой и/или более социально вовлечённой с помощью использования цифровых технологий» (7, 2016). Минстрой совместно с МГУ ведет учет свыше 200 умных городов, каждый год выстраивая новые рейтинги по эффективному внедрению цифровых решений в городское устройство. К «умному городу» относятся такие технологии – цифровое ЖКХ (счетчики автоматического учета воды, света и т.д.), умный городской транспорт, который предполагает беспилотный автотранспорт, или сервисы каршеринга, городская безопасность (умные камеры видеонаблюдения и т.д.) туризм и другое. Все концепция полностью строится на информационно-коммуникативных технологиях, программных решениях и хранилищах, где данная информация будет храниться и обрабатываться. Основная технология в данной концепции – «Интернет вещей», являющаяся по сути базовой в построении всего. Преобладание на российском рынке иностранных компаний, которые предоставляли основу для городской инфраструктуру, по итогу вылилось в невозможность отказа городских властей от многих импортных компонентов. В ситуации, когда сама по себе концепция пока не нашла должного развития в регионах – исключение составляет Москва, но она в рамках масштаба сможет далее продолжить свое развитие в рамках «Умного города». Другие же города, особенно малые города, которые не смогут в новых экономических реальностях тратиться больше на цифровизацию при наличие другие городских проблем, могут уйти в более архаичные формы городской модернизации, заморозить проекты, внедрять их в меньших темпах.

Как сообщает РАЭК – Российская ассоциация электронных коммуникаций, к концу апреля 2022 года страну могут покинуть до 70 тыс. ИТ-специалистов. Объективно оценить субъективное высказывание такой крупной компании достаточно сложно, потому что неизвестны сами критерии отбора такой информации, таможенные

службы не собирают информацию о работе покидающих Россию граждан. Но можно точно сказать, что процесс миграции ИТ-специалистов в связи с ситуацией внутри страны неизбежен. И это процесс будет направлен из неразвитых в цифровом плане регионах в более крупные и богатые города страны, что может усугубить кадровый «голод» части регионов.

Государственный сектор. Определенное влияние экономические санкции окажут на процесс цифровой трансформации в государственном секторе. Как говорилось ранее, российская цифровизация находится в трудной ситуации, в частности, технологическая и техническая часть понесет серьезные убытки на первых этапах от нехватки импортных технологий и программного обеспечения. Применение цифровых разработок – следующий шаг в развитии цифровизации. И здесь стоит говорить о государственных региональных программах, в которые будут внесены серьезные изменения. И здесь с серьезными проблемами столкнутся регионы с отстающими темпами развития цифровизации государственного сектора. Такими регионами являются Еврейская Автономная Область, Республика Алтай, Дагестан, Адыгея, Ингушетия и другие. Регионы сталкиваются с проблемами прежде всего в предоставлении государственных и муниципальных услуг населению – общефедеральная повестка к 2024 году — это перевод до 95% госуслуг в электронную форму, в регионах же в рамках «Цифровой регион» и индивидуальных стратегиях развития цифровизации этот показатель достигает до 40%. Лидирующие регионы – Москва, Казань и Санкт-Петербург, – не ощутят экономических санкций, ведь данные показатели выполнены уже на 2 года раньше. Аутсайдеры могут столкнуться с проблемой невозможности выполнить собственные показатели, не говоря уже про общефедеральную повестку. Усиление в разрыве цифровых компетенций между регионами может быть ощутима уже через год после введения экономических санкций. Хотя региональные правительства пока и не отказывались от своих проектов по цифровой трансформации регионов, они могут начать это делать уже летом 2022 года.

В итоге, можно сказать, что ситуация для регионов складывается противоречивая. Однозначно стоит ожидать замедление темпов развития региональной цифровизации, которая во многом опирается на западные технологические решения. И без технологической основы невозможно дальнейшее развитие данной сферы. Но ситуация не является настолько критично, что введет отрасль в рецессию. Многие технологические аспекты Россия и российская ИКТ-промышленность сможет заменить на отечественные аналоги. Все-таки российский производитель включен в общемировую торговлю, поставляя многие продукты, без которых невозможно производить многие технологии. Безусловно, региональная цифровизация невозможна без отечественной независимой отрасли цифровых технологий. Долгое время в стране не вкладывали в свое производство, отстали серьезно. Крайне тяжело форсированными темпами заменить многие технологии западных корпораций, от которых зависит многое в наших регионах. Чтобы сама идея цифровизации и дальше развивалась успешно в регионах, нужна системная работа государства. Важно, чтобы ИТ-сфере, от которой сейчас зависит очень многое, гарантировали удобные и безопасные механизмы господомощи – без бюрократии и правовых ловушек.

Сейчас для России открывается даже не окно, а большие ворота возможностей. Опираясь на собственные технологические возможности, проводить в стране независимую цифровую политику. Безусловно, проблемы, существующие в отрасли, могут обостриться и привести к еще большей региональной дифференциации, но, с другой стороны, успешность проведения цифровой трансформации поможет региональным экономикам выйти на определенно новый социально-экономический уровень с вытекающими последствиями для всех жителей этих регионов.

Список литературы

1. Белозеров С. А., Соколовская Е. Экономические санкции против России и оценка политики по преодолению их воздействия // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 4. С. 1115-1131.
2. Евросоюз в ночь на субботу опубликовал новый санкционный пакет против России // Интернет-издание «The Bell». 26.02.2022. URL: <https://thebell.io/evrosoyuz-v-noch-na-subbotu-opublikoval-novyy-sanktsionnyy-paket-protiv-rossii>.
3. Цифровизация в малых и средних городах России // Высшая школа урбанистики. URL: <https://files.data-economy.ru/cipr/YtaxiHSE.pdf>.
4. Шваб К., Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2018. 285 с.
5. Haltiwanger J., Jarmin R. S. Measuring the Digital Economy. Understanding the Digital Economy. Cambridge: MIT Press, 2000. P. 13-33.
6. Moulton B. R. GDP and the Digital Economy, in Understanding the Digital Economy. Cambridge: MIT Press, 2000. P. 34-48.
7. Smart City: Essentials for City Leaders. (2016) // IMD International Institute for Management Development and Swisscom AG 05.07.2017 URL: imd.org/globalassets/dbt/docs/smart-city-en.

Правовое положение соотечественников в странах ближнего зарубежья

Князева С.Д.

АННОТАЦИЯ

В данной статье раскрываются особенного правового положения соотечественников в странах ближнего зарубежья.

RESUME

This article reveals the special legal status of compatriots in neighboring countries.

Ключевые слова: соотечественники, правовое положение, ближнее зарубежье

Keywords: compatriots, legal status, near abroad

Князева Софья Денисовна, МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, младший сержант полиции, Москва, Россия, KnyazevaS.D@yandex.ru

Sofya D. Knyazeva, cadet of the Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, junior police sergeant, Moscow, Russia, KnyazevaS.D@yandex.ru

Рассматривая исторический аспект геополитического положения Союза Советских Социалистических Республик (далее СССР), можно заметить, что «русские» являлись государствообразующим и доминирующим этносом, поскольку несмотря на разнообразие входящих ранее в СССР республик, количество русского населения превалировало над общим этносом различных народов. В советское время активно прослеживалась внутренняя миграция населения из одной республики в другую, в рамках территориального пространства одного союза. В связи с этим многие люди столкнулись с особенностями различия культуры, быта, языка и образа жизни в целом. Из-за прослеживающийся дискриминации, ущемления особенностей русской нации, попытки уничтожить исторические корни лиц, ранее проживавших на территориях с большим количеством русского (славянского) населения, все больше граждан Стран независимых государств (далее СНГ) планирует иммигрировать обратно на территорию Российской Федерации с целью постоянного жительства и дальнейшего получения гражданства.

В настоящее время, переселение соотечественников, проживающих за рубежом, является основополагающим направлением совершенствования не только миграционной, но и социальной политики в Российской Федерации. Основной целью, разработанной Президентом Российской Федерации, программы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 г. № 637 (Указ, 2006) (далее – Указ), является помощь и грамотная организация процесса с переселения наименьшими затратами физического, психологического и временного

ресурсов, также содействие социально-политическому развитию регионов и решением демографических проблем.

Указ Президента содержит перечень регионов, готовых принять «соотечественников». К сожалению, список ограничен, поскольку некоторые регионы, из-за плотности коренного и приезжего из других регионов населения и ограниченности рабочих мест, не в состоянии принять новых жителей. С другой стороны, более рациональным является переселение населения в те регионы, где прослеживается нехватка рабочей силы, интеллектуальных ресурсов и прослеживается низкий уровень рождаемости.

Каждому переселенцу полагается полный социальный пакет поддержки, сюда входит:

1. компенсация расходов на уплату госпошлины за оформление документов;
2. компенсация таможенных платежей;
3. ежемесячное пособие по безработице;
4. и т.д.

После добровольного и обдуманного выбора региона и сбора необходимых документов, соотечественник сразу же приобретает статус участника государственной программы, что закрепляет его права и обязанности принимающего субъекта Российской Федерации.

В связи со сложной политической ситуацией в мире, стоит острая необходимость в помощи по переселению беженцев из Донецкой и Луганской Народных Республик, как на временной, так и на постоянной основе, помогая обрести вторую родину. Это делается в первую очередь с целью сохранения собственной жизни, а также жизни своих детей, для которых необходимо обеспечить благоприятные условия для развития и образования. В настоящее время действует множество вариантов поддержки переселенцев. Мы не можем оставаться равнодушными к людям, которые столкнулись с трудностями и тяготами последних событий, развернувшихся на мировой арене. В целях реализации помощи бывшим соотечественникам, Президентом Российской Федерации издан Указ от 05.03.2022 № 94 «О въезде в Российскую Федерацию, пребывании в Российской Федерации и выезде из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства с территорий Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики и Украины» (Указ, 2022). Это, в первую очередь, позволит ускорить и упростить процесс переселения. Активно создаются благоприятные условия для беженцев. Например, переселившиеся граждане смогут устраиваться на работу без получения трудового патента, а их документы, в том числе и водительские удостоверения и свидетельства о регистрации транспортных средств, документы об образовании, будут признаны на всех территории России.

Из этого следует, что в период последнего десятилетия, активно проводится политика по защите и помощи бывшим соотечественникам за рубежом, путем реализации экономической, политической и социальной помощи. Также стоит обратить пристальное внимание на благоприятную и быструю адаптацию переселившегося населения со стороны коренного населения.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 94 «О въезде в Российскую Федерацию, пребывании в Российской Федерации и выезде из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства с территорий Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики и Украины». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47636>.

Сетевые аспекты формирования международного сотрудничества «умных городов»

Крохина Д.А.

АННОТАЦИЯ

Сейчас население продолжает концентрироваться в крупнейших мегаполисах мира и уровень урбанизации с годами только растет. При этом до сих пор ни в теории, ни на практике нет единого осмысления общих теоретических основ «умных городов». Каждый созданный кейс имеет свои особенности и может считаться уникальным. Для понимания сущности коммуникаций «умных городов» приведены основы исследований Воскресенского А.Д. и Жорджа П. Ключевым вызовом является создание универсальной теории «умных городов», целью данного исследования выступает выведение общих сетевых характеристик международного сотрудничества «умных городов». В ходе исследования выявлены следующие характеристики: 1) города выступают как части неких глобальных сетей, каждая из которых имеет свое собственное поведение 2) сетям умных городов присущи характеристики концепции каркасов городов и концепции экономических цепей, согласно которым крупные города взаимосвязаны между собой и оказывают друг на друга влияние 3) транснациональный характер сотрудничества внутри одной сети умных городов 4) спектр сфер, внутри которых может появиться сотрудничество между «умными городами», включает в себя как минимум все элементы Концепции «умный город».

RESUME

World's population continues to concentrate in the megacities. The level of urbanization has been growing over the years. But neither in theory nor in practice is there a single understanding of the general theoretical foundations of «smart cities». Each case is unique and has its own characteristics. Research of A.D. Voskresensky and George P. help to understand the essence of communications of «smart cities». The key challenge is to create a universal theory of «smart cities», the purpose of this study is to derive common network characteristics of international cooperation of «smart cities». The research revealed the following characteristics: 1) «smart cities» are parts of certain global networks, but each «smart cities» has its own behavior 2) as in the concept of «frameworks» by P. George and «economic chains» concept, large cities are interconnected and influence each other in the same network of «smart cities» 3) transnational nature of cooperation within the «smart cities» network 4) the areas of «smart cities» cooperate include at least all elements of the «smart city» concept.

Ключевые слова: «умный город», концепция «умный город», международные коммуникации, сотрудничество «умных городов», сети «умных городов», международное сотрудничество городов, структура «умного города»

Keywords: «smart city», the concept of «smart city», international communications, cooperation of «smart cities», networks of «smart cities», international cooperation of cities, «smart city» framework

Крохина Дарья Алексеевна, магистрант ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия, Dasha_k7@me.com

Darya A. Krokhina, Master's student IPACS RANEPА, Moscow, Russia, Dasha_k7@me.com

Из прогнозов ООН следует, что к 2050 г. доля городского населения составит уже 66% (6, 2018). В ходе исследования были определены основополагающие теоретики, труды которых посвящены сотрудничеству городов. К ним относятся: положения теории систем Акофф Р., работы С. Сассен, посвященные изучению крупных городов как звеньев глобальной экономической сети, концепцию региональных трансформаций в современных международных отношениях Воскресенского А.Д., теорию «плоского

мира», а также концепцию каркаса городов, согласно которой города не являются экономически изолированными агентствами, а находятся во взаимосвязи друг с другом. Однако, современные исследователи до сих пор предпринимают лишь попытки дать трактовку понятия «теория умных городов». Взаимодействие и обмен информацией, на наш взгляд, может происходить и между обычными городами, например, в экономической сфере могут заключаться соглашения, но многим «умным городам» присущи не только обыденные для любого города характеристики, но и необходимость придерживаться международных стандартов по внедрению «умных» технологий, что может свидетельствовать не только о связях экономического характера, но и о других, например, об обмене данными и внедрении лучших мировых технологических практик. Поэтому необходимо коммуникации «умных городов» рассматривать в качестве сетей, где города – звенья, а взаимодействия и сотрудничество по разным направлениям – это соединительные элементы. Подходы разных исследователей к пониманию сотрудничества между городами представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные подходы к пониманию городов с точки зрения сотрудничества

Автор	Подход	Комментарий
Камолов С.Г.	Двуединую сущность методологии создания данных, адекватно характеризующих городскую среду и основанной на их обработке управленческой системе применения получаемой информации в целях улучшения качества жизни горожан (Камолов 2020: 182).	Трактовка рассматривает каждый «умный город» как самостоятельную и независимую систему, однако в таком случае не находится решения ключевого вызова
Акофф Р.	Взаимодействие городов как систем состоит из частей, каждая из которых обнаруживает собственное поведение. Оно складывается из множества взаимозависимых действий, необходимых для достижения некоторого желаемого результата	Не только «умные», но и простые города могут образовывать системы
Маркусе П.	Усиление локальных феноменов и городов под воздействием процессов глобализации (Marcuse, 2002)	Глобальные реалии влияют на жизнь городов
Сассен С.	Под глобальным городом понимается звено торгово-финансовых цепочек, а современная мировая экономика представляется как сеть, состоящая из множества таких цепей (С. Сассен 2015)	Акцент сделан экономике, отводится второстепенная роль самому городу
Жоржж П., Тюнен, В. Кристаллер, А. Лёш, А. Дрейфус,	Концепция каркасов городов. Город может участвовать в нескольких экономических цепочках, региональных или международных, либо специализироваться на одной.	города не являются экономически изолированными, а находятся во взаимосвязи друг с другом

В теориях акценты делаются на экономических взаимосвязях, при этом авторы отмечают влияние глобализационных процессов на деятельность городов

В ключе взаимодействия «умных городов» необходимо обратиться к концепции Р. Акоффа, который в одной из своих работ, существенной чертой

системы называет то, что она состоит из частей, каждая из которых обнаруживает собственное поведение. Само поведение складывается из множества взаимозависимых действий, необходимых для достижения некоторого желаемого результата (Russell, Ackoff, Fred, Emery, 1972). В таком ключе, на наш взгляд, «умные города» скорее выступают как части одной глобальной сети, каждая из которых имеет свое собственное поведение. На практике это выражается в принятии конкретным «умным городом» какого-либо международного стандарта, то есть в рамках одного стандарта «умные города» являются отдельными элементами с собственным поведением, но взаимодействующие между собой внутри стандарта. «Умные города», официально не принявшие какой-либо международный стандарт, не должны являться частью одной из таких систем, однако на практике чаще всего создаваемые отдельные умные технологии уже будут соответствовать одному или нескольким международным стандартам. Создание слишком специализированных технологий приведет к их нерентабельности и высокой сложности во внедрении в других городах. Таким образом, тщательный анализ используемых «умных технологий» в конкретном «умном городе» позволит понять к какой из сетей он относится или будет относиться, если технологии лишь начинают внедряться.

Особый акцент необходимо сделать на работах А.Д. Воскресенского. Он отмечал, что в определении понятия «пространство» существует две точки зрения: «плоская» и «сферическая» части мира. По мнению Воскресенского, глобализация постепенно «уплощает» сферическую часть. Согласно сторонникам теории «плоского мира» дифференциация пространства, включающая в себя такие категории, как «географическое положение», «географическая близость/удаленность», утрачивает свое значение по мере усиления процесса глобализации (Воскресенский, 2012). Согласно Воскресенскому, если анализировать связь новых соотношений с традиционными географическими и политико-географическими регионами, то необходимо отметить увеличивающуюся географическую размытость последних. Понятие физических и политических границ в таких условиях приобретает оттенок относительности. Такая точка зрения имеет место, если подразумевать под «пространством» все еще достаточно ограниченную урбанизированную часть современного мира, называемую постиндустриальной, или развитой, или же рассматривать эту часть и урбанизированные точки неурбанизированного пространства и ограничивать исследования для построения теорий и концепций, только этой частью мира, считая, что она является основной, а «периферия» либо всегда останется периферией в силу централизованного характера мировой системы, либо будет постепенно преобразована и войдет составной частью в состав урбанизированного центра. При этом из концепции Воскресенского остается не совсем ясным, что относится к урбанизированным территориям, а что нет.

Далее нами была проанализирована концепция «умных городов» с точки зрения сторонников теории «плоского мира», в таком ключе были определены следующие аспекты теории «умных городов»:

1) «географическая близость/удаленность» городов не играет особого значения в вопросах сотрудничества «умных городов», так как по мере усиления процесса

глобализации и появления всё новых способов обмена информации, проблема её передачи уходит на второй план;

2) «умные города» — это достаточно развитые урбанизированные территории, выступающие основой системы;

3) «умные города» окружены неурбанизированной «периферией»;

4) периферия носит временный статус, и не останется таковой навсегда, а со временем войдет в урбанизированную территорию, что подтверждают данные ООН о становлении к 2100 году всего населения земли городским;

5) роль политических и физических границ в отношениях между «умными городами» может снижаться по мере увеличения и уплотнения различных связей последних. В то же время не стоит отрицать того факта, что в случае необходимости государство, как более главенствующий субъект управления, может если не разорвать, то осложнить сотрудничество между городами, входящими в его территорию, и городами, расположенными на территории других государств.

Кроме теории «плоского мира», для понимания сущности «умных городов», необходимо иметь представление о концепции каркаса городов П. Жорджа, согласно которой города не являются экономический изолированными, а находятся во взаимосвязи друг с другом (Азизов, 2015). Эти связи могут быть иерархического, взаимодополняющего или конкурентного типа. Многими из сторонников концепции – Тюнен, В. Кристаллер, А. Лёш, А. Дрейфус, Дерик – были построены собственные модели каркасов городов. Однако характерной чертой для каждой из них выступает то, что в совокупности города и их взаимосвязи определяют характер экономического пространства страны (ее региона и т.п.). Таким образом, понятие каркаса, акцентирует внимание на городах как на полюсах экономической активности, что опять же соответствует традициям немецкой школы, позволяет рассмотреть экономическое пространство как структурно организованное, явно учесть его неоднородность и тем самым перейти от геометрического описания к экономическому. Сейчас конструкция сети звезд рассматривается как наиболее перспективная пространственная форма каркасов городов. В основе этой конструкции узлы (фокусы активности) лучи, соответствующие потокам товаров, людей и информации. Лучи, выходящие из одного центра, выявляют его зону влияния высокого уровня. В рамках одной сети существует несколько иерархий, вершины которых лежат в разных местах, нередко каждая из этих иерархий сформирована в рамках отдельного функционального подкаркаса.

Так, накладывая концепцию «умного города» на модель каркасов городов, мы выявили, что «умные города» также обладают чертами каркасных. Однако, если в развитии каркасов важную роль играет небольшая удаленность (около 50–100 км), то для «умных городов» этот фактор влияния снижается.

На наш взгляд, специфическим отличием каркасов «умных городов» выступит то, что сотрудничество между «умными городами» может носить не только внутригосударственный, но и международный характер, а именно проходить в форме транснационального сотрудничества «умных городов». Другой отличительной чертой каркасов «умных городов» может являться то, что они используют не только потоки товаров, людей и информации для обмена, но и, например, обмена опытом,

лучшими управленческими и технологическими практиками, что значительно расширят спектр сфер для возможного сотрудничества.

Основываясь на вышеописанных теориях и концепциях, а также суммируя данные об особенностях умных городов, мы выявили следующие характеристики сетевых аспектов теории «умных городов»:

1) города выступают как части неких глобальных сетей, каждая из которых имеет свое собственное поведение. На практике это выражается в следовании «умным городом» какому-либо международному стандарту или превалирование предпочтительного набора инструментов для сотрудничества. В рамках одного стандарта умные города являются отдельными элементами с собственным поведением, но взаимодействующие между собой внутри международной организации региона или одного стандарта, так как являются частью одной сети. Следовательно, таких сетей может существовать несколько и разных масштабов; важно заметить, что не все города, следующие конкретным стандартам, осознают свою принадлежность к той или иной сети, идентифицируя себя как полностью самостоятельно развивающиеся города.

2) сетям умных городов присущи характеристики концепции каркасов городов и концепции экономических цепей, согласно которым крупные города взаимосвязаны между собой и оказывают друг на друга влияние. В частности, с «умными городами» такая взаимосвязь может прослеживаться не только на уровне экономического сотрудничества, но и в других сферах. Например, в случае успешного внедрения конкретной технологической, управленческой или другого кейса в одном городе, этим опытом может воспользоваться руководство другого. Наименьшие затраты понесут именно те города, которые следуют одинаковым стандартам, находятся в общей сети, обмениваются данными и имеют некоторые схожие черты, что позволит им снижать издержки при внедрении;

3) транснациональный характер сотрудничества внутри одной сети умных городов. Благодаря современным технологиям, открытой информации и обмену данными, снижается необходимость географической близости городов, тем самым могут образовываться транснациональные сети умных городов;

4) спектр сфер, внутри которых может появиться сотрудничество между «умными городами», не ограничивается сферой экономики, а включает в себя как минимум все элементы Концепции «умный город»: управление и организацию, разработку и имплементацию конкретных ИК-технологий, окружающую среду, людей и общины и построение инфраструктур.

Таким образом, выявленные характеристики могут служить в дальнейшем для анализа возможных форм и инструментов сотрудничества «умных городов», а также выявлению существующих международных сетей «умных городов», анализу форм и инструментов международных коммуникаций среди «умных городов» внутри международных сетей.

Список литературы

1. Азизов А. Концепция каркаса в градостроительстве // Архитектурные концепции формирования, реконструкции и ревитализации гражданских и промышленных объектов. Челябинск, 2015. Вып. 5. С. 19-23.
2. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. Москва, 2012. Вып 3. С. 30–58.
3. Камолов С.Г. Высокотехнологичная парадигма государственного управления на региональном уровне : Специальность 08.00.05 диссертация на соискание ученой степени доктора наук // Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2020. 405 с.
4. Marcuse P. The Partitioning of Cities // Die Wirklichkeit der Stadte. Baden-Baden, 2002. S. 257-276.
5. Russell L. Ackoff, Fred E. Emery. On Purposeful Systems. — Aldine-Atherton, 1972. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/7083>.
6. 68% of the world population projected to live in urban areas by 2050. URL : <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html>.

Государственный нейтралитет как перформатив в политико-географическом измерении

Кудяшев Е.Д., Любимова А.Д., Стаканов И.С.

АННОТАЦИЯ

В перспективе изучения нейтралитета исключительно как статуса, исследователь склонен к риску оставить без рассмотрения как пространственный фактор, довлеющий над принятым решением, так и отдельные аспекты дискурса, сопутствующего принятию решения, (истории) его оглашения и содержательного посыла его (нейтралитета) объявления. В данной работе фокус сосредоточен на специфике констатации «нейтралитета» как статуса и одновременного политического заявления. В частности, будет рассмотрен ряд перформативных актов, инициирующих статус «нейтралитет» и сопутствующих ему, кейс постоянного нейтралитета Королевства Камбоджа, в котором этот статус закреплён в Конституции государства. В заключении будет произведён анализ выявленных различий в функционировании нейтралитета и функциональности перформативных актов в рамках подходов социального конструктивизма.

RESUME

From the perspective of studying neutrality exclusively as a status, a researcher is inclined to risk not taking into consideration both the spatial factor that dominates the decision and the individual aspects of the discourse accompanying the decision, (the history of) its announcement and the substantive message of its (neutrality) announcement. This paper focuses on the specificity of the declaration of «neutrality» as a status and a political statement. In particular, it will examine a number of performative acts initiating the status of «neutrality» and its concomitants, the case of permanent neutrality of the Kingdom of Cambodia, in which this status is enshrined in the Constitution of the state. It will conclude with an analysis of the identified differences in the functioning of neutrality and the functionality of performative acts within the framework of social constructivism approaches.

Ключевые слова: Камбоджа, нейтралитет, постоянный нейтралитет, перформатив, социальный конструктивизм, теория речевых актов, нейтральность, неприсоединение

Key words: Cambodia, neutrality, permanent neutrality, performative act, social constructivism, speech acts theory, non-alignment

Кудяшев Евгений Денисович, студент МГИМО, Москва, Россия, evgenkud5@gmail.com
Любимова Анастасия Дмитриевна, студентка МГИМО, Москва, Россия, fmorj.mln@gmail.com
Стаканов Иван Сергеевич, студент МГИМО, Москва, Россия, work.stakanov@gmail.com

Evgenii D. Kudiashev, student of MGIMO, Moscow, Russia, evgenkud5@gmail.com
Anastasia D. Lyubimova, student of MGIMO, Moscow, Russia, fmorj.mln@gmail.com
Ivan S. Stakanov, student of MGIMO, Moscow, Russia, work.stakanov@gmail.com

Отсутствие на современном этапе четкого и общепринятого определения «нейтралитета» объясняется высокой степенью субъективности в его исследовании и применении на практике: данный феномен может быть рассмотрен с опорой на разные исходные данные и посредством различных парадигм, выбор которых зачастую зависит от авторского восприятия понятия. Среди проявлений такого субъективизма в политическом и научном дискурсах можно выделить существование пространственных мифов, призванных объяснить логику политики нейтралитета отдельных государств; например, нейтралитет свойственен «малым» государствам;

нейтралитет — это вынужденная мера в условиях наличия агрессивных соседей; нейтралитет выгоден в условиях изоляции государства по географическим или историческим причинам и т.п. В практической плоскости нейтральный статус Ирландии, Австрии, Японии, Камбоджи и любой другой страны существенно отличается как по причинам своего возникновения, так и по своей сущности, что напрямую отображается не только в положениях соответствующих документов, но и на поведении стран на мировой арене и политической риторике. Можно сделать предварительный вывод о том, что все попытки систематизации и универсализации феномена нейтралитета являются нерелевантными и контрпродуктивными. Систематизация и универсализация понятия нейтралитета излишне редуцируют его содержание

Более того, следует видеть разницу между нейтралитетом и неприсоединением, где последнее, являясь юридически закрепленным и обязательным для исполнения вектором развития, остается за рамками нашего исследования. Так же, например, существенно отличается природа вынужденного и выбранного нейтралитета.

Нанашвзгляд, наиболее продвинулась в этом изучении представленного вопроса Кристин Агиус. В предложенном ей определении понятия «нейтралитета» приведен наиболее исчерпывающий перечень его неотъемлемых признаков, дополненный в соответствии с современными реалиями. Изначально определение было дано Россом и в переводе звучит следующим образом: «... [нейтралитет] подразумевает такую позицию в конфликте, что ее нельзя соотнести ни с одним из антагонистов» (Agius, 2002). При этом Росс добавлял: «Само существование «нейтрального» возможно за счет наличия самого конфликта, поскольку оно определяется путем качественного сравнения с позицией сторон конфликта». Следует подчеркнуть, что под конфликтом традиционно понимаются военные действия, но мы, вслед за Агиус, предлагаем понимать любое противостояние под этим термином: экономическое, культурное и т.д. Долгое время нейтралитет воспринимался как основанный на религиозных или же формальных (юридических) принципах, что не является релевантным для этой работы. Также иное восприятие его сущности в ранних работах, не совпадающее с видением авторов, не позволяет использовать соответствующие методы. Специфика феномена нейтралитета в современности, вкупе с избранной нами линзой его восприятия, таким образом существенно сужают круг подходящих методов и инструментов анализа, тем самым обуславливая выбор методологии. Единицами анализа послужат заявления о нейтралитете и отсылки к нему.

В условиях отсутствия общепринятого определения наиболее разумным представляется исследовать его при помощи перформативного и дискурс-анализа в парадигме социального конструктивизма. Это позволит выявить и проанализировать концепты, составляющие понятие нейтралитета; важным достоинством конструктивистской теории, применимо к данной работе, является отсутствие необходимости устанавливать четкие и единые критерии анализа, что делает целесообразным работу с дефиницией, не обладающей указанными характеристиками.

Социальный конструктивизм рассматривает концепты как информацию, носимую субъектами, и (вслед за Н. Танненвалд) делит ее на четыре категории:

разделяемые определенной группой суждения (идеология, потребности и стремления); нормативные суждения (дилемма «добра и зла»); суждения о причинности (предрассудки о причинно-следственных связях); политические предписания (процедурный фактор поведения субъектов) (Jackson, Sorensen 2013: 214).

Наличие в теории социального конструктивизма такого типа суждений, как политические предписания, подразумевает использование нормативно-правовых источников, выражающих волю законодателей, что в данной работе будет выражаться в использовании НПА как источника юридически закрепленного нейтрального статуса. Также авторы будут опираться на теорию речевых актов с целью оценить функциональный / дисфункциональный характер перформативов, выявленных в процессе анализа источников.

Политический дискурс будет исследован с помощью качественных методов через призму трех первых типов суждений – это позволит охватить в работе наиболее насыщенную концептами сферу употребления исследуемого понятия.

Таким образом, выбрав социальный конструктивизм как парадигму и приведенные выше уровни анализа как призму восприятия и рассмотрения вопроса, авторы исследования надеются изучить феномен нейтралитета, раскрывающийся в полной мере с двух сторон, процедурной и структурной.

Перформативы, перформативные акты, перформативные события

Применение в данном дизайне исследования аспектов теории речевых актов, в частности перформативов, обусловлено спецификой констатации «нейтралитета» как статуса и одновременного политического заявления.

Перформатив – это изначально устное высказывание, в момент произнесения которого выполняется собственно озвучиваемое действие. Теория речевых актов, в основе которой лежит термин «перформатив», сыграла существенную роль в развитии подходов (направлений) в рамках конструктивистской парадигмы теории международных отношений. Работы Н. Онуфа и Ф. Кратохвила отсылают непосредственно к научному наследию Дж.Л. Остина (Азизов, 2015) – автора концепции перформативных высказываний (Austin, 1962). Новацией Остина, помимо выделения такой группы высказываний, было формирование небольшого свода правил, на основании которого можно было определить факт успешности (happy) перформатива, что подразумевает действительное и соответствующее ситуации образование новых смыслов (семиозис).

Дальнейшее философское развитие теории речевых актов было осуществлено силами Ж. Деррида. Его обращение к феномену авторства написанного текста и частному его проявлению – подписи (Derrida 1988: 23) – значительно расширило спектр применения концепции перформативных высказываний. Особенно ярко эффект перформативности проявляется в таких типах актов как (подписание) декларации о независимости (Derrida 1986: 15). Высказывающиеся о перформативе,

например, политики, по факту своего авторства и в рамках своего авторитета делают перформативы анализируемыми с точки зрения политических действий.

Терминология функциональности и дисфункциональности перформатива была предложена М.В. Ильиным в ходе развития идеи «воронки причинности»: накопление перформативных высказываний и актов создаёт «вложенный перформатив» (Ильин, 2016). В данном подходе ключевым компонентом является уже «воронка перформативности», где поэтапное агрегирование перформативных высказываний, включая самые мелкие (малозначимые для конечного результата), приводит к образованию влиятельного перформативного события (горлышка воронки перформативности), который качественно меняет положение дел в рассматриваемой системе и ведёт к разворачиванию новой цепочки перформативных действий.

Рассматривая нейтралитет только как статус, исследователь склонен к риску редуцирования как пространственного фактора, так и аспектов дискурса, сопутствующего принятию решения, истории его оглашения и содержательного посыла его (нейтралитета) объявления.

С этого ракурса исследование посредством метода перформативного анализа в большей степени предрасположено к фиксации пространственных ориентаций становящейся или уже нейтральной политики, которые содержатся в имплицитном виде в рамках юридических норм и официальных заявлений.

Поэтому в рамках данной работы авторы стремятся показать, как функциональность перформативного употребления в виде юридической нормы о нейтралитете (закон, статья или положение конституции) вкупе с рядом внешних и внутренних факторов (вложенных перформативов) характеризует перформативное событие установления государством политики нейтралитета как статуса.

Выбор кейсов

Кейс постоянного нейтралитета Камбоджи, закреплённый в Конституции Королевства, — это наиболее типичное проявление нейтралитета, потому что мы рассматриваем его как формальный статус, в этом дизайне мы можем рассмотреть периоды, когда в Камбодже официально провозглашался нейтралитет.

Историю нейтралитета в Камбодже можно разделить на два периода. Первым является период с 1955 до 1966, когда Народом Сианук заявлял о нейтральности Камбоджи в Холодной войне и региональных конфликтах. Вторым периодом стоит считать время с 1993 года до наших дней, так как в 1993 году была подписана новая Конституция, в которой был провозглашен принцип постоянного нейтралитета.

1955-1970. Народом Сианук

В 1953 году Народом Сианук провозгласил независимость государства. Официально положение о нейтралитете Камбоджи в Холодной войне было изложено в результате Бандунгской конференции. Во внешней политике того времени

Камбоджа заявляла о принципах мирного сосуществования с различными странами, в том числе с Индией в совместном индийско-камбоджийском коммюнике 1955 года (Бектимирова, 2015) после встречи Нородома Сианука с Джавахарлалом Неру. Согласно Дж.Корфилду и Л.Саммерсу, новостные агентства 1950-60-х годов положительно отзывались о государственном нейтралитете Камбоджи, окончательно закрепленном законодательно в 1957 году в Акте о нейтралитете, и позже заявляли, что такой статус поможет Камбодже не вступать в борьбу во Вьетнамской войне (Corfield, Summers, 2003).

Однако общеизвестно, что Камбоджа, несмотря на заявляемую политику нейтралитета, стала участником военных действий, так как по её территории были проложены некоторые из путей т.н. “Тропы Хо Ши Мина”, и с её территории наносились удары по Южному Вьетнаму. Кроме того, правительство, возглавляемое Сиануком, провело переговоры и подписало договор с КНР о размещении северовьетнамских войск на территории страны в 1966 году, что прекратило политику нейтралитета, о котором заявляла власть.

Данный период нейтралитета важен для современной Камбоджи, так как современные лидеры, в частности, премьер-министр Хун Сен, заявляют, что основой современной внешней политики Камбоджи являются идеи, заложенные Нородоном Сиануком. Кроме того, он участвовал в консультациях по организации Временного органа ООН в Камбодже (далее-ЮНТАК) (Соглашения, 1991).

Современный период (1993-наст.вр.)

Нейтралитет в его современном варианте появился в Камбодже с введением новой Конституции, которая была принята после выборов под контролем ЮНТАК вследствие Парижских соглашений 1991 года (ещё в них написано о том, что в стране должна быть введена новая Конституция, заявляющая о нейтралитете) (Соглашения, 1991). Примечательно, что в парламентских выборах победу одержала партия “Национальный объединённый фронт за независимую, нейтральную, мирную Камбоджу” (далее- ФУНСИНПЕК), в названии которой фигурирует слово “нейтралитет”. ФУНСИНПЕК вместе с Народной Партией Камбоджи (далее-НПК) сформировали большинство в правительстве, и образовалась система двух премьер-министров, в которой принц Нородом Ранарит, сын Нородома Сианука и председатель ФУНСИНПЕК, стал первым Первым премьер-министром, а Хун Сен, председатель НПК, стал первым Вторым премьер-министром Королевства.

Одним из важнейших моментов истории современной Камбоджи был военный переворот в Пномпене, организованный в июле 1997 г. руководством НПК со стремлением отодвинуть ФУНСИНПЕК с ключевых властных позиций, в частности, Нородома Ранарита с позиции Первого премьер-министра, что и произошло, когда принц покинул страну (Tully 2005: 225). Данный инцидент стал причиной отказа АСЕАН принимать Королевство в качестве полноценного члена. В частности, основанием для этого послужила Декларация о зоне мира, свободы и нейтралитета, подписанная некоторыми странами Юго-Восточной Азии в 1971 году, где государства

заявляют, что нейтральность региона- “желаемая цель” (Declaration, 1971). Однако в 1998 году были проведены независимые выборы под контролем международных организаций, которые показали легитимность правления Хун Сена после победы НПК, и в 1999 году Камбоджа вступила в АСЕАН.

Говоря о современности, мы имеем возможность рассмотреть дискурс и высказывания его носителя о нейтралитете. 31 мая 2017 года в своей речи в Центре японско-камбоджийского сотрудничества Министр иностранных дел Королевства Прак Сокхонн подтверждал приверженность страны к нейтралитету, говоря, что нейтралитет не наносит стране никакого вреда, у Камбоджи “хорошие” отношения и с Китаем, и с США, тем не менее Камбоджа не намерена становиться союзником ни одного из вышеперечисленных государств (13, 2017). Также перформатив нейтралитета можно увидеть в его же заявлении 25 июня 2020 года на заседании координационного совета АСЕАН, где Прак Сокхонн выразил приверженность Камбоджи нейтральности в вопросе территориальных конфликтов в Южно-Китайском море между КНР и странами АСЕАН (7, 2020). В июле 2021 года Прак Сокхонн вновь подтвердил приверженность Королевства нейтралитету на онлайн-конференции министров иностранных дел Движения Неприсоединения (12, 2021).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что перформатив нейтралитета в Камбодже отчасти имеет смысл считать вынужденным, так как конституция создавалась по проекту, изложенному в Парижских соглашениях. Тем не менее не стоит говорить о т.н. нейтрализации государства, так как в согласовании самих Парижских соглашений принимали участие представители камбоджийской политической элиты, в частности, Народом Сианук с монархическими силами, Партия Демократической Кампучии, а также и власти Государства Камбоджа. Перформатив нейтралитета можно назвать полномочным, так как высказывания в его поддержку звучат из уст действующих политиков во власти

Вышеизложенные пункты обладают некоторыми важными для перформативного анализа свойствами. Вероятно, двум периодам присущи отдельные перформативы нейтралитета, хотя отчасти оба они связаны внешнеполитическими идеями Сианука. Прежде всего, перформатив нейтралитета времён нахождения Сианука у власти соответствует признаку полномочного и процедурного основания перформатива, так как он был конституирован законами и некоторое время активно реализовывался правительством страны. В случае с правомочностью, Народом Сианук был представителем династии Народом, что в той или иной степени давало ему определённую легитимность, однако крайне примечательно, что сам Сианук впоследствии отказался от поста монарха страны и занял должность премьер-министра. Перформатив нейтралитета современной Камбоджи можно назвать полномочным. Самим камбоджийским властям, по сути, дано больше полномочий для осуществления политики нейтралитета, так как страна является полномочным членом АСЕАН, одной из целей которой является поддержание мира и стремление к нейтралитету в ЮВА, во времена нейтралитета Сианука регион был одним из т.н. “полей сражений” Холодной войны, в регионе находились, с, одной стороны, проамериканские силы в виде стран СЕАТО, с другой стороны, социалистические страны, ориентировавшиеся на СССР и КНР во внешней политике. Также перформатив

можно назвать процедурным, так как он закреплён в Конституции и других документах и соблюдается современными политиками. Также перформатив можно назвать правомочным, так как политический режим во главе с НПК, осуществляющий политику нейтралитета, пришел к власти законным путём и, несмотря на переворот 1997 года, продолжает удерживать лидирующие позиции в камбоджийском обществе.

Заключение

Функционирование нейтралитета в Камбодже сквозь призму перформативно-дискурсного анализа показало несколько сценариев развития нейтралитета как статуса. Несмотря на необходимый в перспективе статус нейтралитета он был де-факто “отменен”, что характеризует этот перформатив как не до конца функциональный и зависимый от режима. Перформатив нейтралитета современности имеет другой характер. Заявление министра иностранных дел и политиков о нейтралитете является поддерживающим для перформатива, так как постоянно повторяется, и тем самым строит тенденцию к удержанию этого статуса. В современной политической системе Камбоджи есть необходимая для поддержания этого статуса дискурсивная основа.

Список литературы

1. Азизов У.Б. Конструктивизм в международных отношениях: интерпретация Николаса Онуфа, Фридриха Крадохвила и Александра Вендта. СПб, 2015. 160 с.
2. Бектимирова Н. Н. Традиционные факторы во внешней политике Камбоджи на современном этапе // ЮВА: актуальные проблемы развития. Москва, 2015. Вып. 26. С. 114-137.
3. Ильин М.В. Что может дать анализ перформативов? // Политическая наука. Москва, 2016. Вып. 4. С. 262-270.
4. Парижские мирные соглашения 1991 года. Париж, 23 октября 1991 года. URL: <https://web.archive.org/web/20140923163627/http://www.cambodia.org/facts/?page=1991+Paris+Peace+Agreements>.
5. Agius C. Neutrality and Identity: the Social Origins of Swedish Neutrality. Manchester, 2002. P. 24-31.
6. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford, 1962.
7. Cambodia to remain neutral on ASEAN-China territorial dispute // Phnom Penh Post, 25 June 2020. URL: <https://www.phnompenhpost.com/national-politics/cambodia-remain-neutral-asean-china-territorial-dispute>.
8. Corfield J., Summers L. Historical Dictionary of Cambodia. Lanham, 2003. 511 p.
9. Derrida J. Declarations of Independence // New Political Science. 1986. No. 1 (7). P. 7-15.
10. Derrida J. Limited Inc. Evanston, 1988. 160 p.
11. Jackson R., Sorensen G. Social Constructivism. Introduction to International Relations: Theories and Approaches. Oxford, 2013. 342 p.
12. Kingdom reaffirms neutrality // Phnom Penh Post, 13 July 2021. URL: <https://www.phnompenhpost.com/national-politics/kingdom-reaffirms-neutrality>.
13. Non-aligned? Cambodia is neutral: Sokhonn // Phnom Penh Post, 31 May 2017. URL: <https://www.phnompenhpost.com/national/non-aligned-cambodia-neutral-sokhonn>.
14. Tully J. A Short History of Cambodia. From Empire to Survival. Crows Nest, 2005. 268 p.
15. Zone of peace, freedom and neutrality. Declaration Adopted by the Foreign Ministers at the Special ASEAN Foreign Ministers Meeting in Kuala Lumpur, Malaysia on 27 November 1971. URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_zone.pdf/.

Гуманитарная политика Турции в условиях трансформации международной системы

Кулиева Н.С.

АННОТАЦИЯ

Международная система сегодня переживает качественные изменения в контексте закрепления новой многополярности с доминирующей ролью незападных центров силы, к числу которых относится и Турция. При этом в рамках формирующегося нового мирового порядка особую значимость приобретает гуманитарный аспект ввиду усложнения природы взаимодействия акторов на международной арене, а также сохранения актуальности социально-экономических вызовов на глобальном уровне. В данных условиях, с приходом к власти в Турции, в начале 2000-х гг. Партии справедливости и развития (ПСР) начался процесс активного внедрения нетрадиционного внешнеполитического инструментария с акцентом на гуманитарной политике. В рамках турецкого подхода, отличающегося от российской трактовки гуманитарной составляющей внешней политики, делается упор на закрепление модели гуманитарной внешней политики, в широком понимании трактуемой в качестве политики, ориентированной на человека и содействие улучшению условий его жизни прежде всего с точки зрения безопасности. В этом контексте гуманитарная дипломатия наряду с такими элементами как культурная и публичная дипломатия составляет основу инструментария «мягкой силы» Турции и имеет два основных направления: гуманитарную помощь, предназначенной для быстрого реагирования в период острой необходимости, и помощь развитию, которая носит постоянный и структурный характер. В статье в исторической ретроспективе рассматривается процесс трансформации статуса Турции от реципиента гуманитарной помощи к «новому» (emerging) донору, анализируется институциональная основа турецкой «модели» гуманитарной политики, а также выделяются ее характерные черты на современном этапе.

RESUME

The international system today is undergoing significant changes in the context of the new multipolarity with the dominant role of non-Western centers of power, including Turkey. Within the framework of the emerging new world order, the humanitarian aspect is of particular importance due to the complication of the nature of the interaction of actors on the international arena, as well as the continued relevance of socio-economic challenges at the global level. Under these conditions, with the Justice and Development Party (AKP) coming to power in Turkey in the early 2000s, the process of actively introducing non-traditional foreign policy tools with an emphasis on humanitarian policy began in Turkish foreign policy. As part of the Turkish approach, which differs from the Russian interpretation of the humanitarian component of foreign policy, the emphasis here is on pursuing a humanitarian foreign policy, broadly interpreted as a policy focused on people and promoting development in countries where their lives and dignity are under risk. In this context, humanitarian diplomacy, along with such elements as cultural and public diplomacy, forms the basis of Turkey's «soft power» tools and has two main areas: humanitarian assistance, designed to respond quickly in times of urgent need, and development assistance, which is of permanent and structural character. In the article the transformation of the Turkish status from a recipient of humanitarian aid to an “emerging” donor is considered in a historical retrospective, the institutional basis of the Turkish “model” of humanitarian policy is analyzed, and its characteristic features at the present stage are highlighted.

Ключевые слова: Турция, гуманитарная политика, внешняя политика Турции, трансформация международной системы, многополярный мир

Keywords: Turkey, humanitarian policy, Turkish foreign policy, transformation of the international system, multipolar world

Кулиева Нубара Салман кызы, стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), обучающаяся магистратуры НИУ ВШЭ, Москва, Россия, nsgulieva@edu.hse.ru

Nubara S. Kuliyeva, Research Assistant at the Center for Comprehensive European and International Studies (CCEIS) of the National Research University Higher School of Economics (HSE), master's student of HSE, Moscow, Russia, nsguliyeva@edu.hse.ru

Введение

Активизация деятельности и укрепление позиций новых центров силы в условиях трансформации международного порядка и утверждения многополярной системы международных отношений в XXI веке ставит перед государствами, претендующими на лидерство, новые вызовы и возможности. Диверсификация внешнеполитического инструментария, вызванная необходимостью адаптации к новым реалиям международной системы, актуализирует использование нетрадиционного внешнеполитического инструментария, в том числе использование растущего потенциала социально-гуманитарного пространства внешней политики. Указанные процессы протекают на общем фоне повышенной значимости гуманитарной сферы ввиду сохраняющихся и усиливающихся социально-экономических вызовов на глобальном уровне (нищета, социальное неравенство, не инклюзивный экономический рост и т. д.), а также растущих информационно-технологических возможностей, способных многократно увеличить эффект от участия или игнорирования социально-гуманитарных аспектов внешней политики. В данных условиях критически важным представляется осмысление существующего международного опыта использования эффективных концепций, механизмов и инструментов по данному аспекту внешней политики. Особо в данном контексте выделяется кейс Турции, сумевшей за последние два десятилетия войти в число лидеров не только по вопросу реализации гуманитарной политики, но и закрепить за собой статус надрегионального лидера с амбициями на международном уровне. В свою очередь Турция, как страна, испытывавшая в данный период значительные гуманитарные потрясения, но при этом относительно стабилизовавшая темпы своего экономического роста и международного влияния активно использует сегодня гуманитарную политику как неотъемлемую часть своего внешнеполитического курса, а также инструмента консолидации турецкого общества (Donelli 2017: 64).

Понятие “гуманитарной политики” в контексте турецкой внешней политики

Для того, чтобы определить специфику «турецкой модели» гуманитарной политики важно обозначить, каким образом Турция интерпретирует это понятие, учитывая, что сегодня на международном уровне не существует единого подхода по данному вопросу и зачастую трактовки сильно разнятся друг от друга, создавая проблемы в их понимании и анализе.

В рамках турецкого подхода, отличающегося от российской трактовки гуманитарной составляющей внешней политики, делается упор на проведение и закрепление модели гуманитарной внешней политики, в широком понимании

трактуемой в качестве политики, ориентированной на человека и содействие улучшению условий его жизни прежде всего с точки зрения безопасности (12, 2022). В этом контексте гуманитарная дипломатия наряду с такими элементами как культурная и публичная дипломатия составляет основу инструментария «мягкой силы» Турции. В узком понимании данное понятие представляется состоящим из нескольких этапов (11, 2021). Во-первых, из гуманитарной помощи, предназначенной для быстрого реагирования в период необходимости и, во-вторых, из помощи развитию, которая носит постоянный и структурный характер.

То есть фактически внедряется новая модель дипломатии, применяемая Турцией и имеющая три основных этапа реализации (Kanat, Duran 2020: 246):

1. На первом этапе государство оказывает дипломатическое сопровождение в виде визовой помощи. Это необходимо для того, чтобы облегчить жизнь жителям различных регионов в перемещении во время кризисных ситуаций.

2. На втором этапе оказывается гуманитарная помощь регионам, где по объективным причинам имеет место гуманитарный кризис.

3. На последнем этапе государство принимает на себя ответственность за жителей кризисных регионов и начинает лоббировать и защищать их интересы на международной арене, например, в рамках ООН.

В этом контексте гуманитарная дипломатия также помогает стране завоевать престиж на международной арене. Более того, сегодня в контексте осуществления гуманитарной политики Турция занимает лидирующие позиции на международной арене, имея статус «нового донора» и широкую географию проецирования своего гуманитарного влияния и присутствия, включающую такие регионы, как Ближний Восток и Северная Африка, Центральная Азия, Балканы и Южный Кавказ. Использование данного факта как внешнеполитического инструмента ярко проявилось в период распространения пандемии Covid-19. В условиях растущей тенденции на усиление роли национальных государств, когда подавляющее большинство стран замкнулись на себе для решения проблем прежде всего в рамках своих национальных границ. Турция не снизила уровне проактивности своей внешней политики, делая упор на своей готовности разделить «бремя» сложившейся ситуации со странами на международной арене, став третье в мире страной по доставке медицинского помощи, оборудования и лекарств (Aksoy 2020: 241).

Таким образом, «гуманитарная дипломатия» Турции позиционируется как политика, реализуемая не столько в интересах отдельно взятых государств, сколько людей вне зависимости от политических выгод и предпосылок (Kanat, Duran 2020: 334).

История вопроса: от реципиента к донору

После окончания Второй мировой войны Турция фактически стала реципиентом гуманитарной помощи в рамках реализации Плана Маршала и Доктрины Трумэна. Лишь в 1985г. началась реализация первой официальной программы международной помощи в странах Африки к югу от Сахары, что стало отправной точкой на пути обретения страной статуса донора гуманитарной помощи. В 2013 г. Турция получила официальный статус

«нового» (emerging) донора в рамках классификации ОЭСР. После распада Советского Союза, ставшего причиной образования вакуума власти и влияния в новообразованных республиках Центральной Азии, данный регион стал рассматриваться Турцией в качестве перспективного направления расширения внешнеполитического курса, переживавшего значительные изменения. Социально-гуманитарный аспект внешней политики стал основой деятельности Турции на данном направлении, что подтвердило создание ТКА, заложившего начало институционализации турецкой гуманитарной политики. Что касается наиболее интересного для нас периода развития гуманитарной политики Турции на современном этапе, совпавшем со временем нахождения у власти в стране Партии справедливости и развития (ПСР) Р. Эрдогана, то в данный период гуманитарная политика стала позиционироваться в качестве одного из основных элементов внешнеполитической модели, сначала в рамках «мягкой силы», а затем в контексте «умной силы». При этом, данная концепция полностью вписывалась в контекст имплементации внешнеполитической доктрины «Стратегической глубины», предполагавшей опору на нетрадиционный внешнеполитический инструментарий, а также формирования проактивной многовекторной внешней политики (Davutoğlu 2001: 128). Более того, активная гуманитарная политика стала основой турецкого подхода к трансформации международной системы в целях установления нового, более справедливого международного порядка, предполагающая формирования более инклюзивной международной модели развития, в рамках которой Турция стремится занять нишу представителя «мусульманского мира». В целом можно говорить о том, что, если изначально основу турецкой гуманитарной политики составляли преимущественно страны Центральной Азии и Азербайджана, в отношении которых она использовала фактор культурно-исторической и этноконфессиональной близости. То сегодня Турция разворачивает свою гуманитарную политику уже на куда более широком геополитическом пространстве, включающем в себя страны Ближнего Востока и Северной Африки, Балкан и Южного Кавказа (Шлыков 2019: 42). В целом все это является логическим продолжением политики Турции по закреплению за собой статуса надрегиональной державы, влияние которой проецируется на трех основных пространства, в том числе тюркском (Центральная Азия и Азербайджан), мусульманском (Ближний Восток) и пост-османском (Балканы).

Институциональная основа турецкой гуманитарной политики

Говоря о гуманитарной политике Турции, стоит также отметить ее институциональную составляющую, а именно сформировавшуюся за последние два десятилетия разветвленную сеть институтов, интенсивно используемую турецкой стороной в рамках гуманитарной политики, однако имеющую достаточно противоречивую сущность ввиду отсутствия систематизации, приводящей к дублированию функций, замедлению процессов исполнения и снижению эффективности в целом (Лукиянов, Кулиева, Миронов, 2022). В свою очередь институты можно делить на государственные и частные.

К ключевым элементам данной системы можно причислить такие государственные и частные институты, как ТИКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации), Türk Kızılay – (Красный Полумесяц), İHH (Фонд гуманитарной помощи Турции), AFAD (Управление по чрезвычайным ситуациям и стихийным бедствиям), DİB (Управление по делам религий) и т. д. Наиболее значимым здесь представляется ТИКА, с создания которого в 1992 г. началась институционализация политики Турции на гуманитарном направлении. Изначально данная организация была нацелена на взаимодействие с новообразованными государствами Средней Азии, однако сегодня офисы ТИКА существуют в 59 странах мира, в число которых входит немало ближневосточных (Алжир, Египет, Ирак, Иордания и т. д.), а его проекты осуществляются на территории 150 государств (6, 2019). В сотрудничестве с ТИКА, а также независимо от него в качестве одного из основных частных механизмов, функционирует турецкий Красный Полумесяц (Kızılay) – крупнейшая организация медицинской помощи, входящую в международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, существующее еще со времен Османской империи.

Турецкая «модель» гуманитарной политики

Можно выделить несколько ключевых характеристик турецкой гуманитарной политики на современном этапе, характеризующих ее специфику, а именно (Benli Altunışık 2019: 5):

- преимущественно двусторонняя основа сотрудничества в контексте проведения гуманитарной политики;
- доминирование государственной составляющей в реализации гуманитарной политики;
- использование гуманитарной политики как подхода, а не просто инструмента внешней политики.

Турецкая гуманитарная политика выстраивается на основе преимущественно двусторонних контактов что, однако не исключает участие страны в проектах и площадках многостороннего характера, а также активного сотрудничества Турции с целым рядом стран, прежде всего в стран-участниц ОЭСР по данному направлению. Гуманитарное направление турецкой внешней политики осуществляется при доминирующей роли государственных институтов, составляющих основу ее институциональной системы (Haşimi 2014: 131). Однако, эта деятельность происходит в тесном сотрудничестве с частными институтами, прежде всего институтами гражданского общества, в том числе организациями, осуществляющими религиозную, образовательную и культурно-просветительскую деятельность. При этом, как сегодня турецкая гуманитарная политика позиционируется не просто как инструмент внешней политики, а как комплексный подход, формирующий основу внешнеполитической деятельности и определяющий ее основные ориентиры.

Заключение

На современном этапе развития в рамках реализации концепции «умной силы» во внешней политике Турция, сохраняя статус гуманитарной политики как составной части современной турецкой внешней политики, не отказывается от использования традиционного внешнеполитического инструментария, а наоборот усиливает практику использования «жесткой силы», обосновывая это возможностью совмещения принципов гуманизма и милитаризма в рамках концепции «морального реализма» (Keyman 2017: 56). При этом данный подход обосновывается прежде всего стремлением Турции обосновать свою внешнеполитическую активность на международной арене, а также закрепить статус надрегиональной державы, влияние которой представляется критически важным сразу в нескольких частях мира, в том числе зонах особой гуманитарной активности, таких как, например, Ближний Восток и Северная Африка. Турция является сегодня одним из лидеров среди стран мира по показателям оказания гуманитарной помощи в процентах от валового национального дохода. Она активно осуществляет деятельность в гуманитарной сфере по всему миру, в том числе в Сомали и Сирии, Пакистане и Мьянме, и многих других странах. Турция сегодня принимает у себя самое большое в мире число беженцев: около 4 млн сирийцев проживают в лагерях и городах Турции. Однако, говоря о перспективах сохранения Турцией прежнего уровня активности в гуманитарной сфере, нужно принимать во внимание несколько ключевых моментов, а именно: затяжной финансово-экономический кризис, в котором находится Турция сегодня, сохраняющийся негативный внешнеполитический фон деятельности, запутанность и противоречивость институциональной системы гуманитарной политики, противоречивые результаты миграционной политики.

Список литературы

1. Лукьянов Г., Кулиева Н., Миронов А. Политика Турции в ЦА: обоснованы ли амбиции? // Российский совет по международным делам. 4.02.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-turtsii-v-tsa-obosnovany-li-ambitsii/>.
2. Шлыков П. В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции: сравнительный анализ концепций и попыток их реализации в 2000-е годы // Сравнительная политика. 2019. № 10 (4), P. 34-51.
3. Aksoy H. A. Turkey and the Corona Crisis: The Instrumentalization of the Pandemic for Domestic and Foreign Policy. // Geographical Overview. MPC's. Middle East and Turkey. 2020. P. 240-244.
4. Benli Altunışık M. Turkey's Humanitarian Diplomacy: The AKP Model. // CMI BRIEF. 2019. № 8. P. 5.
5. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları. 2001. 597 p.
6. Development Assistance Report. // TİKA 2019. URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/sayfa/publication/2019/TurkiyeKalkinma2019WebENG.pdf>.
7. Donelli F. Features, Aims and Limits of Turkey's Humanitarian Diplomacy. // Central European Journal of International and Security Studies. 2017. №11 (3). P. 59-83.
8. Haşimi C. Turkey's Humanitarian Diplomacy and Development Cooperation. // Insight Turkey. 2014. № 16(1). P. 127-145.
9. Kanat K.B., Duran B. AK Party Years in Turkey Domestic and Foreign Policy. // SETA Publications, Ankara. 2020. P. 402.
10. Keyman E. F. A New Turkish Foreign Policy: Towards Proactive «Moral Realism». // Insight Turkey. 2017. № 19(1). P. 55-70.
11. Making sense of Turkey's humanitarian diplomacy in the context of emerging poly-centric world order. // Expert seminar. CCEIS. 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://cceis.hse.ru/news/461858454.html>.
12. Türkiye'nin girişimci ve insani dış politika. URL: <https://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa>.

Маркетинг территорий Дальневосточного федерального округа

Кучина Е.Н.

АННОТАЦИЯ

В данной статье предпринят анализ текущего положения Дальневосточного федерального округа, его позиционирования в стране и в мире. Были отмечены ключевые проблемы, тормозящие развитие данного региона России: в том числе географо-климатические условия территорий, социально-экономическое состояние Дальнего Востока, а также выделены ключевые инфраструктурные проблемы. Было также проведено сравнение показателей внешнеторгового оборота данного федерального округа в 2011 и 2021 годах, которая не выявила особых изменений в объёмах экспорта и импорта за 10 лет. Была отслежена динамика численность населения Дальнего Востока: продолжающийся с 1990-х отток жителей из данных регионов. Причиной переезда не в последнюю очередь становится суровый климат местности, однако социально-экономические проблемы играют значительную роль в данном решении. Дальневосточный федеральный округ является вторым регионом по объёму дотаций на выравнивание регионального бюджета, что свидетельствует о сильной зависимости субъектов от «центра». Основной проблемой развития региона является слабая инфраструктура Дальнего Востока, которая не способствует экономическому росту входящих субъектов. Прежде, чем перейти к маркетингу территорий ДФО, первоначально необходимо развития критической инфраструктуры региона, базы дальнейшего экономического и социального развития.

RESUME

This article analyses the current situation of the Far East Federal District, its positioning in the country and in the world. The key problems hindering the development of this region of Russia were noted, including the geographical and climatic conditions of the territories, the socio-economic status of the Far East, as well as the key infrastructure problems. A comparison was also made of the foreign trade turnover of the federal district in 2011 and 2021, which showed no significant changes in the volume of exports and imports over 10 years. The dynamics of the population of the Far East was traced: the continuous outflow of inhabitants from these regions since the 1990s. The reason for the move is not least the harsh climate of the area, but socio-economic problems play a significant role in this decision. The Far Eastern Federal District is the second region in terms of subsidies for the alignment of the regional budget, which indicates a strong dependence of subjects on the «center». The main problem of the development of the region is the weak infrastructure of the Far East, which does not contribute to the economic growth of the constituent entities. Before moving to the marketing of the territory of the DFD, it is first necessary to develop a critical infrastructure of the region, the basis for further economic and social development.

Ключевые слова: развитие Дальнего Востока, территориальный маркетинг, региональное развитие, мягкая сила, человеческий капитал, критическая инфраструктура

Keywords: Development of the Russian Far East, territorial marketing, regional development, soft power, human capital, critical infrastructure

Кучина Елизавета Николаевна, магистрант Института государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия, info4enk@gmail.com

Elizaveta N. Kuchina, master's student of the IPACS RANEPa, Moscow, Russia, info4enk@gmail.com

Введение

Дальний Восток всегда ассоциировался со словами «даль», «далеко». Ещё с времён покорения Сибири (присоединения земель Сибири и Дальнего Востока) эти далёкие, неизведанные территории пугали, ссылка в Сибирь или на Дальний Восток представляла собой один из видов уголовного наказания. Представления о Дальнем Востоке и Сибири как о «каторге», месте ссылки политических заключённых глубоко засело в сознании не только граждан России, но и у иностранцев, что находит своё отражение и в популярной культуре, и в научных работах иностранных учёных (Ананьев, 2019).

Действительно, самые дальние территории России (относительно столицы – Москвы) – это как раз Дальневосточный федеральный округ. Разница во времени с Москвой, здесь от +5 часов до +9 часов, что делает данные регионы ещё более отдалёнными в информационном плане от центра страны. Ведь кроме того, что добраться до данного федерального округа из федерального центра – Москвы – это как минимум 7 часов лёта на самолёте или около 7 дней на поезде, так ещё существует разрыв в работе государственных структур. В силу сосредоточения основных государственных органов федерального уровня в Москве (ЦФО), появляется разрыв в периоде работы двух федеральных округов. Необходимо делать поправки на часовые пояса. Ведь, когда на Дальнем Востоке уже активно кипит рабочий день, в Москве ещё даже не начинали работу. Всё это, конечно негативно сказывается на развитии региона.

Исторически некая оторванность от «основной» центральной России, сформировала представление о Дальнем Востоке как о «брошенном» крае, территории которой легче выстраивать экономические связи с ближайшими государствами-соседами, чем с далекими регионами центральной России.

Особенности региона

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) России является самым большим по площади федеральным округом России, занимая 40% всей территории страны. Однако, большая часть территорий относится к районам Крайнего Севера: все области: Республики Саха (Якутия), Камчатского края, Магаданской области, Чукотского автономного округа и части – Хабаровского края, Сахалинской области. К местностям, приравненным к районам Крайнего севера, относят муниципальные районы Забайкальского, Приморского, Хабаровского краёв и Сахалинской и Амурской областей (Постановление, 2021). Таким образом, получаем, что территорий ДФО, не подпадающих под критерий местностей Крайнего Севера, не так уж и много, по площади они занимают значительно малый процент от размеров федерального округа в целом. Регионы с более благоприятным климатом располагаются по южной границе России – это южные части Забайкальского и Хабаровского края, Амурской области, вся Еврейская автономная область и юго-западные части Приморского края.

Стоит отметить, что как раз по местностям, не отнесённых в список территорий Крайнего Севера, проходят важные магистральные пути – Транссибирская магистраль и федеральная автомобильная дорога (маршрут АН6 – международная азиатская сеть: от Европы до Южной Кореи), связывающие ДФО и остальные территории России. Также, данные пути являются важными инфраструктурными объектами в торговле с Китаем и странами Юго-Восточной Азии: транзит товаров из Азии в Европу и обратно, а также передвижение собственных грузов Восток – Запад.

Географо-климатические особенности дальневосточного региона: холодные, суровые зимы не только на территориях Крайнего Севера, но и в южных местностях, резкий контраст климата в разных частях региона, зоны вечной мерзлоты и многое другое сильно влияет на жителей Дальнего Востока, не последнюю роль играют и на миграцию населения в более теплые и предсказуемые места России, а также в более экономически развитые регионы. Численность населения ДФО самая низкая по федеральным округам, плотность населения чуть больше 1 человека на квадратный километр (около 5% всего населения России). Кроме того, за последние 30 лет, наметился отрицательный тренд прироста населения (см. таблицу 1), что связано не только с естественной убылью населения, но и с переездом жителей в другие регионы.

Таблица 1

Общий прирост постоянного населения (5, 2020)

все население	Общий прирост постоянного населения			
	1991 г.	2001 г.	2011 г.	2020 г.
Российская Федерация	240946	-654277	190950	-577575
Дальневосточный федеральный округ (до включения Забайкальского края, до 2018 года)	-51851	-89028	-19099	
Дальневосточный федеральный округ (после включения Забайкальского края, после 2018 года)				-45150
Республика Бурятия	-8	-9623	-147	-506
Забайкальский край	-10138	-13389	-6759	-6215
Республика Саха (Якутия)	-18641	-6000	-2399	9975
Камчатский край	-2554	-4754	-1503	-1349
Корякский округ, входящий в состав Камчатского края	-343	-146		
Приморский край	4830	-34724	-3062	-18024
Хабаровский край	-288	-13731	-412	-14516
Амурская область	-5618	-11674	-7087	-8198
Магаданская область	-19214	-6727	-2049	-1115
Сахалинская область	-1013	-7894	-1337	-2636
Еврейская автономная область	773	-1299	-1892	-1805
Чукотский автономный округ	-10126	-2225	642	-761

Рисунок 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по субъектам Российской Федерации за 2020 год (6, 2020)

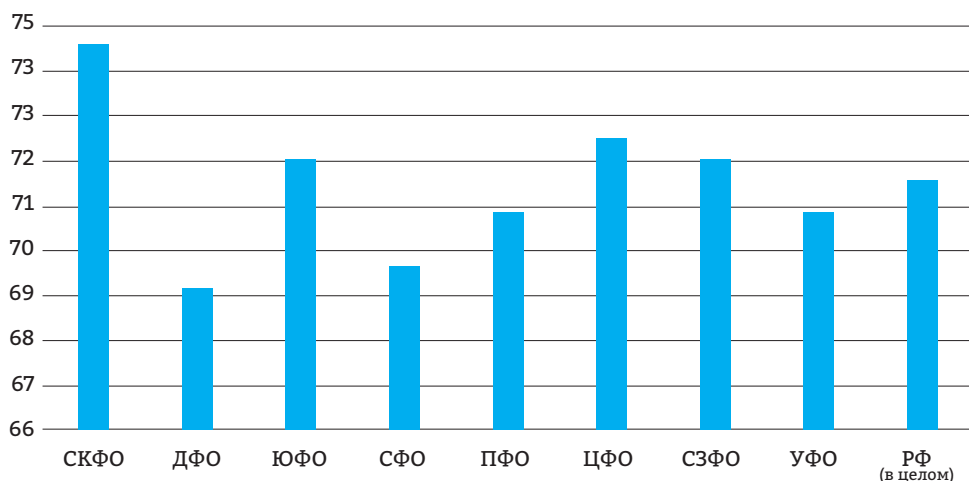
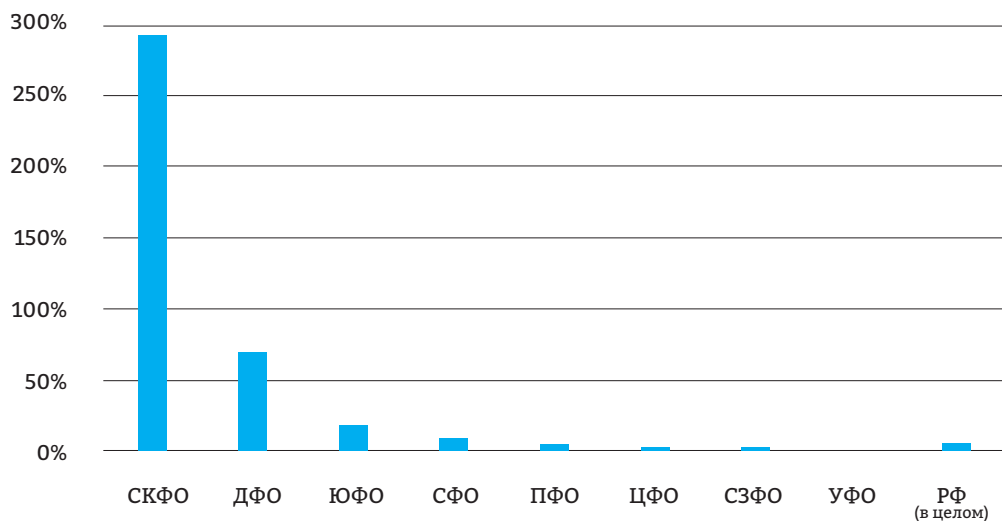

Рисунок 2

Отношение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъекта к поступлениям в федеральный бюджет РФ (%) (Отчет, 2021; 8, 2020)

Также, стоит отметить самый низкий в России показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении за 2020 год. По всему ДФО – 69,15 лет, в Чукотском автономном округе данное значение ещё ниже – 65,82. При том, что в среднем по стране – 71,54 года, в ряде регионов показатели ещё выше (Республика Ингушетия – 81,48) (Рисунок 1). Низкие демографические показатели

Дальневосточного федерального округа оказывают серьёзное влияние на развитие региона. Стоит отметить, что несмотря на продолжающуюся социальную государственную поддержку на Дальнем Востоке: выплаты специальных северных надбавок, использование районных коэффициентов, программ «Дальневосточный гектар», региональных выплат материнского капитала и т. д, всё это на данный момент не стимулирует граждан переезжать в ДФО или наоборот оставаться в крае. Это означает, что предлагаемые условия, программы развития не перекрывают тех «издержек», проблем с которыми сталкиваются жители (и потенциальное население) Дальнего Востока.

Рассмотрим теперь, экономическую сторону развития региона. Субъектам Дальневосточного федерального округа в 2021 году были выделены дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов в размере 166 341 020 000 рублей, что составляет 23% общей суммы на все территории РФ. Таким, образом ДФО занимает второе место после Северо-Кавказского федерального округа по объёму выделяемых дотаций (Рисунок 2). Данный регион можно назвать дотационным, отношение поступивших дотаций в ДФО к отчислениям в федеральный бюджет регионами составляет 68,41% – регион больше тратит, чем вносит в федеральный бюджет. Такая ситуация может свидетельствовать о зависимости развития региона от решения властей центра, а также об отсутствии достаточных средств на самостоятельное решения внутренних вопросов.

Значительных изменений во внешней торговле регионов Дальневосточного федерального округа, согласно данным Федеральной таможенной службы, за последние 10 лет (в сравнении показателей 2011 и 2021 годов – Таблицы 2 и 3) не произошло. Ведущим регионом осталась Сахалинская область, лидер по экспорту в страны дальнего зарубежья, что позволяет данному субъекту вносить большой вклад в конечное положительно сальдо внешнеторгового баланса ДФО. Лидером по импорту и в 2011, и в 2021 остается Приморский край. Основным контрагентом выступают страны дальнего зарубежья (куда обычно входят соседи ДФО – Китай, Японии, страны АТР, США). Во внешнеторговом балансе Дальневосточного федерального округа ключевыми регионами стабильно остаются Сахалинская область, Республика Саха (Якутия) как экспортёры товаров и Приморский край как импортёр.

Таблица 2

Итоги внешней торговли субъектов Российской Федерации в 2011 году (млн. долл. США) (2, 2017)

Федеральные округа и субъекты РФ	ЭКСПОРТ				ИМПОРТ				САЛЬДО
	Дальнее зарубежье	Страны СНГ	ВСЕГО	В % к итогу	Дальнее зарубежье	Страны СНГ	ВСЕГО	В % к итогу	
ИТОГО:	437 778,2	40 415,2	478 193,3	100,0	261 012,9	23 755,8	284 768,7	100,0	193 424,6
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	24 849,3	373,9	25 223,2	5,3	9 166,8	16,7	9 183,6	3,2	16 039,6
АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	228,5	0,5	228,6	0,0	526,5	0,8	527,3	0,3	-298,7

ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМ- НАЯ ОБЛАСТЬ	11,3	0,0	11,3	0,0	59,9	0,6	60,5	0,0	-49,2
КАМЧАТСКИЙ КРАЙ	607,2	2,5	609,7	0,1	107,0	0,1	107,1	0,0	502,6
МАГАДАН- СКАЯ ОБ- ЛАСТЬ	196,2	0,8	197,1	0,0	142,9	0,3	143,2	0,1	53,9
ПРИМОР- СКИЙ КРАЙ	1 871,3	6,1	1 877,4	0,4	5 777,6	8,3	5 786,0	2,0	-3 908,6
РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУ- ТИЯ)	4 244,4	336,3	4 580,8	1,0	186,3	2,0	188,3	0,1	4 392,5
САХАЛИН- СКАЯ ОБ- ЛАСТЬ	16 017,6	0,4	16 018,0	3,3	1 131,1	3,0	1 134,2	0,4	14 883,8
ХАБАРОВ- СКИЙ КРАЙ	1627,3	27,6	1654,9	0,3	1095,0	1,5	1096,5	0,4	558,4
ЧУКОТСКИЙ АВТОНОМ- НЫЙ ОКРУГ	45,5	-	45,5	0,0	140,6	-	140,6	0,0	-95,1

Таблица 3

Итоги внешней торговли субъектов Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года (млн. долл. США) (2, 2017)

Федеральные округа и субъекты РФ	ЭКСПОРТ				ИМПОРТ				САЛЬДО
	Дальнее зарубе- жье	Стра- ны СНГ	ВСЕГО	В % к ито- гу	Дальнее зарубе- жье	Стра- ны СНГ	ВСЕГО	В % к ито- гу	
Всего	427 001,7	64 578,7	491 580,3	100,0	262 076,7	31343,4	293 420,1	100,0	198,160,3
ДАЛЬНЕВОСТОЧ- НЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	27 846,4	772,6	28 619,1	5,8	10 125,3	455,3	10 580,7	3,6	18 038,4
ПРИМОРСКИЙ КРАЙ	3 403,1	32,6	3 435,7	0,7	7 152,2	63,9	7 216,1	2,5	-3 780,4
ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ	2 155,1	383,9	2 539,0	0,5	755,4	354,1	1 109,6	0,4	1 429,4
АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	621,7	5,4	627,0	0,1	509,6	22,1	531,6	0,2	95,4
КАМЧАТСКИЙ КРАЙ	976,0	0,9	976,9	0,2	211,0	2,5	213,4	0,1	763,5
МАГАДАНСКАЯ ОБ- ЛАСТЬ	281,0	270,8	551,8	0,1	94,7	0,1	94,8	0,0	457,0
САХАЛИНСКАЯ ОБ- ЛАСТЬ	11 469,1	0,4	11 469,5	2,3	424,6	0,6	425,1	0,1	11 044,4
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ	1 403,9	54,3	1 458,1	0,3	631,6	1,7	633,3	0,2	824,8
ЧУКОТСКИЙ АВТО- НОМНЫЙ ОКРУГ	275,4	6,2	281,7	0,1	77,8	0,0	77,8	0,0	203,9
РЕСПУБЛИКА БУРЯ- ТИЯ	1 325,2	8,5	1 333,7	0,3	79,4	8,7	88,1	0,0	1 245,6
РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)	5 541,7	8,8	5 550,4	1,1	178,4	1,6	179,9	0,1	5 370,5
ЕВРЕЙСКАЯ АВТО- НОМНАЯ ОБЛАСТЬ	394,4	0,8	395,2	0,1	10,8	0,1	10,9	0,0	384,4

Инфраструктурные проблемы региона

Основополагающей проблемой развития региона является слабая развитость критической инфраструктуры территорий Дальнего Востока. Слабо развитые сети автомобильных и железных дорог, сильная зависимость от погодных условий, «разрывает» региональные связи и замедляет сообщение с остальной Россией.

Дальневосточный регион – это регион морей: семь из одиннадцати субъектов имеют выход к морю и имеют на своей территории как минимум один порт. Данные порты входят в систему Северного морского пути и должны быть готовы ко всё нарастающим объёмам мировых морских перевозок через север. Однако, недавние события показали, что на данный момент порты не справляются с высокой загруженностью (9, 2021). Спрос на перевозки через Северный морской путь всё повышается. Путь из АТР в Европу через СМП почти в 2 короче, чем через Суэцкий канал (10, 2022). Однако, для того чтобы загрузки российских морских портов были сравнимы с соседними портами стран Азиатского-Тихоокеанского региона, необходима модернизация инфраструктуры, в некоторых местах и создание новой.

Также, магистральные сети, должны дополнять друг друга, стратегически выстраивать логистическую инфраструктуру страны. Развитие сети железных, автомобильных дорог, модернизация вокзалов, портов, аэропортов и сортировочных станций способствуют экономическому развитию Дальневосточного региона за счёт транзита, снижения издержек на перевозки товаров на экспорт или импорт, а также послужит основой для развития туристических маршрутов в России.

Заключение

Развитие Дальнего Востока действительно должно стать, как говорил Президент РФ Владимир Путин ещё в 2015 году, «Национальным приоритетом на весь XXI век» (Восточный экономический форум / Новости / Владимир Путин: подъём Дальнего Востока – наш национальный приоритет на весь XXI век). Дальневосточный Федеральный округ не может быть просто сырьевым «придатком» центральной России. В рамках федеративного государства развитие регионов должно происходить на равных, но с учётом особенностей того или иного региона. Так, и сам дальневосточный регион нуждается в проведении единой региональной политики, но при внимании к проблемным местам и возможным точкам роста территорий.

Позиционирование Дальнего Востока на международной арене как конкурентоспособного игрока возможно в первую очередь с решения проблем внутреннего позиционирования региона. А для этого необходимо: первое, развитие критической инфраструктуры, второе, наращивание своих производственных мощностей, третье, развитие человеческого капитала и последующее использование в качестве мягкой силы продвижения ДФО уже на мировом уровне (туризм, обмен опытом и т. д).

Список литературы

1. Ананьев Д. А. Ссылка и каторга в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX вв.) в освещении англо- и немецкоязычных исследователей // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2019. №62. С. 145-156.
2. Внешняя торговля субъектов Российской Федерации // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/folder/527>.
3. Восточный экономический форум / Владимир Путин: подъём Дальнего Востока – наш национальный приоритет на весь XXI век. URL: <https://forumvostok.ru/news/vladimir-putin-the-rise-of-the-far-east-our-national-priority-for-the-entire-xxi-century/>.
4. Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР // Постановление Правительства Российской Федерации №1946 от 16 ноября 2021 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/iZ4S29b1c3HF8pPlvF1A5DEti3IiCSay.pdf>.
5. Общий прирост постоянного населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://showdata.gks.ru/report/278934/?filter_1_0=2011-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2019-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2020-01-01+00%3A00%3A00%7C-52&filter_2_0=127937&filter_3_0=13035%2C13447%2C320381%2C13368%2C13348%2C13432%2C13153%2C109140%2C13056%2C13069%2C13073%2C13196%2C13292%2C13439%2C13353&rp_submit=t.
6. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по субъектам Российской Федерации за 2020 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
7. Отчет по форме № 1-НМ по состоянию на 01.01.2021, в разрезе субъектов Российской Федерации URL: https://www.nalog.ru/rn48/related_activities/statistics_and_analytics/forms/9777509/.
8. Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2021 год и плановый период 2022 и 2023 годов. Дата публикации: 15.12.2020. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=132167-raspredelenie_dotatsii_na_vyravnivanie_byudzhetnoi_obespechennosti_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_2021_god_i_planovyi_period_2022_i_2023_godov.
9. Российская газета // Почему дальневосточные порты оказались в коллапсе от 06.11.2021. URL: <https://rg.ru/2021/11/06/reg-dfo/pochemu-dalnevostochnye-porty-okazalis-v-kollapse.html>.
10. Российский совет по международным делам // Ридер РСМД. Северный морской путь. URL: <https://russiancouncil.ru/sevmorput>.

Реализация проектного подхода ГК «Росатом» как инструмент развития территорий (на примере Свердловской области)

Литовских К.Е.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются понятия «проект» и «проектный подход». Также рассматриваются особенности применения проектного подхода ГК «Росатом» как инструмента развития территорий в городах Свердловской области (ЗАТО г. Новоуральск, ЗАТО г. Лесной, г. Заречный). Автором рассмотрены примеры реализации в городах следующих проектов ГК «Росатом»: «Школа Росатома», «Лучшие муниципальные практики», «Умный город», «Атомный воркаут», «Бережливая поликлиника» и др. Все эти проекты направлены на социально-экономическое развитие городов присутствия. Также был рассмотрен опыт создания территорий опережающего социально-экономического развития, находящихся под управлением компании «Атом-ТОР». Автором было проведено сопоставление реализуемых в регионе проектов с направлениями «Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2030 годы». В результате были отмечены направления, по которым корпорация не так активно реализует свои проекты. Данные направления были выделены как перспективные для проектной деятельности корпорации. В результате было определено, что проектный подход ГК «Росатом» в перспективе может быть реализован в туристической, транспортной, агропромышленной сферах. Также корпорации стоит уделить внимание развитию инновационного и кадрового потенциала Свердловской области. Разработка проектов в этой сфере будет способствовать более комплексному развитию территории субъекта. Также автор пришел к выводу о необходимости расширения территории реализации проектов ГК «Росатом», т.е. включить в список участников не только города присутствия. Это поможет укрепить связи между муниципальными образованиями внутри субъекта и обеспечить применение инновационных методов развития на большей территории.

RESUME

The article discusses the concepts of «project» and «project approach». The features of the application of the project approach of Rosatom State Corporation as a tool for the development of territories in the cities of the Sverdlovsk region (BUT Novouralsk, BUT Lesnoy, Zarechny) are also considered. The author considers examples of the implementation of the following Rosatom Group projects in cities: «Rosatom School», «Best Municipal Practices», «Smart City», «Atomic Workshop», «Lean Polyclinic», etc. All these projects are aimed at the socio-economic development of the cities of presence. The experience of creating territories of advanced socio-economic development under the management of the Atom-TOR company was also considered. The author compared the projects implemented in the region with the directions of the «Strategy of socio-economic development of the Sverdlovsk region for 2016-2030». As a result, the directions in which the corporation is not so actively implementing its projects were noted. These areas were identified as promising for the corporation's project activities. As a result, it was determined that the project approach of Rosatom State Corporation in the future can be implemented in the tourism, transport, and agro-industrial spheres. The corporation should also pay attention to the development of innovative and human resources potential of the Sverdlovsk region. The development of projects in this area will contribute to a more comprehensive development of the territory of the subject. The author also came to the conclusion that it is necessary to expand the territory of the implementation of Rosatom Group projects, i.e., to include not only the cities of presence in the list of participants. This will help strengthen ties between municipalities within the subject and ensure the use of innovative development methods in a larger area.

Ключевые слова: проект, проектный подход, ГК «Росатом»

Key words: project, project campaign, Rosatom Group

Литовских К.Е., студентка ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия, karinalit8@gmail.com

Litovskikh K. E., student of the IPACS RANEPa, Moscow, Russia, karinalit8@gmail.com

Введение

Региональное развитие Российской Федерации в современных условиях сталкивается с новыми вызовами. Именно поэтому становится актуальным использование новых, может быть, даже нестандартных методов и инструментов региональной политики, которые будут способны решать проблемы более эффективно. На данный момент разработано большое количество методов, которые применяются властями различного уровня для развития субъектов. К их числу можно отнести стратегическое планирование, реализация проектных подходов и др.

Однако в нашей стране существуют города и муниципальные образования, развитие которых происходит не только посредством программ, реализуемых органами государственной власти, но и при помощи проектов, которые реализуются государственными корпорациями. Одна из таких компаний – Госкорпорация «Росатом». Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» является российским государственным холдингом, объединяющим около 400 предприятий атомной отрасли. Компания реализует свою деятельность как на территории Российской Федерации, так и за рубежом.

Помимо деятельности в сфере атомной энергетики Госкорпорация реализует ряд проектов, которые направлены на социально-экономическое развитие как определенных городов нашей страны, так и субъектов. Подобные проекты направлены на улучшение социального климата, развитие человеческого потенциала, повышение инновационного и инвестиционного климата территорий.

Тесное сотрудничество корпорации ведется с регионами присутствия атомно-энергетических объектов. «Атомные города» — это города присутствия атомно-энергетических объектов Госкорпорации «Росатом». В Российской Федерации насчитывается около 20 подобных городов. Они расположены в разных субъектах страны.

Свердловская область – один из субъектов, с городами которого ГК «Росатом» ведет тесное сотрудничество. На ее территории расположено 3 города присутствия предприятий корпорации (ЗАТО г. Новоуральск, ЗАТО г. Лесной, г. Заречный). Свердловская область – динамично развивающаяся территория, обладающая ресурсами для реализации на ее территории различных проектов и программ, способных оказать положительное влияние на ее социально-экономическое развитие.

Именно поэтому становится актуальным рассмотрение проектного подхода, реализуемого ГК «Росатом», как одного из современных инструментов развития территорий Российской Федерации, и определение возможных перспектив сотрудничества компании со Свердловской областью в условиях современных социально-экономических вызовов.

Целью данного исследования является выявление преимуществ проектного подхода ГК «Росатом» как инструмента развития территорий для определения возможных перспектив развития реализации проектов корпорации в Свердловской области. Объект исследования – это проектный подход как инструмент развития территорий, а предмет – особенности реализации проектного подхода ГК «Росатом» как инструмента развития территории Свердловской области.

Функции и использование проектного подхода в управлении рассматривали разные специалисты. Понятие и принципы проектного подхода в управлении рассматривает в своей работе Компанейцева Г. А. Проектное управление в развитии межрегиональных инициатив рассматривает в своей работе Котов А.В. Управление проектами в государственном секторе изучала Сафонова Н. Р. Зарубежный опыт проектного управления в государственном секторе рассматривали в своей работе Мирошниченко И. В. и Шпиро Л. А. Зарубежные авторы также рассматривают в своих работах тему проектного управления. Флайвберг Б. рассматривал особенности и специфику реализации мегапроектов. Брунет М. рассматривал особенности реализации инфраструктурных государственных проектов. Однако проектные подходы государственных корпораций, реализация которых способствует развитию региональных территорий, практически не были рассмотрены.

Сущность понятий «проект» и «проектный подход»

В Постановлении Правительства РФ от 31.10.2018 N 1288 (ред. от 24.06.2021) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» представлено следующее определение: «проект – комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений» (Постановление, 2018). В Российской Федерации реализуются проекты разного уровня: национальные, федеральные, региональные и др. Авторы «выделяют в структуре проекта субъект и объект проектирования, его цель, технология (как совокупность операций), средства, методы и условия проектирования» (Макарычева, 2016). Каждый проект обладает такими характерными чертами как ограниченность ресурсов, уникальность, ограниченность во времени. Проект – ключевой инструмент проектного подхода.

В настоящее время проектный подход – современный и эффективный метод управления, который применяется не только в частном, но и в государственном секторе. Для наиболее успешной реализации проектного подхода должны быть применены методы проектного управления. Преимущества реализации проектного подхода в государственном управлении рассматривает в своем научном докладе Н.П. Советова. Сточки зрения государственного управления «проектный подход может применяться как при осуществлении отдельных проектов различной направленности и сложности, так и для выполнения государственных программ в отдельных отраслях и сферах деятельности» (Советова, 2019). В этом случае «проектное управление выступает инструментом решения социально-экономических задач посредством создания и осуществления комплекса мер, ориентированных на достижение целей, установленных в соответствующих государственных программах, достижения их в кратчайшие сроки с учетом минимизации затрат и использования иных имеющихся в распоряжении исполнителей ресурсов» (Советова, 2019).

Реализация проектного подхода в Российской Федерации регулируется различными стандартами и другими нормативно-правовыми актами, которые уточняют основные понятия и определения, используемые в проектном управлении.

Региональные проекты Госкорпорации «Росатом», реализуемые на территории Свердловской области

Предприятия атомной отрасли оказывают непосредственное влияние на социально-экономическое развитие территории, на которой они расположены. Ведь изменяется статус территории, модель экономического управления, цели и задачи стратегического планирования. Подобные «изменения влекут за собой множество эффектов, отражающих социально-экономическое состояние муниципалитетов: доходность бюджета, занятость населения, квалификационная структура кадров, демографические особенности, миграционные потоки, человеческий потенциал территории, инвестиционный потенциал, экономическое благосостояние местного сообщества, социально-политическая ситуация и многое другое» (Сергеева, 2018). На развитие подобных территорий направлены проекты ГК «Росатом».

Свердловская область сегодня — это «крупная экономически развитая территория России с высоким уровнем деловой, культурной и общественной активности, один из наиболее перспективных субъектов Российской Федерации» (4, 2022). По большинству основных социально-экономических показателей развития субъект входит в первую десятку регионов Российской Федерации. В состав Свердловской области входят 3 города присутствия атомных объектов, с которыми сотрудничает Госкорпорация «Росатом»: ЗАТО г. Лесной, ЗАТО г. Новоуральск, г. Заречный (см. таблицу 1). Таблица была составлена автором.

Таблица 1

Города присутствия ГК «Росатом», расположенные на территории Свердловской области

Город	Описание
ЗАТО г. Новоуральск	Один из первых центров атомной промышленности на Среднем Урале. Он находится в 80 километрах от областной столицы – Екатеринбурга. На территории расположено самое крупное в мире предприятие по обогащению урана для ядерного топлива, используемого на АЭС – Уральский электрохимический комбинат (УЭХК).
ЗАТО г. Лесной	Закрытое административно-территориальное образование в Свердловской области, основан в 1947 году. Градообразующее предприятие города – предприятие Электрохимприбор. Основная деятельность завода – производство ядерных боеприпасов.
г. Заречный	Один из самых молодых городов Свердловской области, который появился благодаря развитию атомной энергетики. Вблизи Заречного расположена Белоярская АЭС, на которой эксплуатируются единственные в России и крупнейшие в мире энергоблоки с реакторами на быстрых нейтронах.

Рассмотрим подробнее взаимодействие Госкорпорации «Росатом» с городами Свердловской области.

Под руководством компании «Атом-ТОР» на территории ЗАТО г. Новоуральск и ЗАТО г. Лесной были созданы территории опережающего социально-экономического развития. Постановлением Правительства от 12.02.2019 № 130 в соответствии с частью 1 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» была образована территория опережающего социально-экономического развития «Новоуральск». Постановлением Правительства от 12.02.2019 № 131 в соответствии с частью 1 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» была образована территория опережающего социально-экономического развития «Лесной».

Одной из целей создания ТОСЭР в ЗАТО является формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций и обеспечение ускоренного социально-экономического развития территории. Законодательством Российской Федерации о ТОСЭР предусмотрен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности на территории ТОСЭР.

Одним из главных проектов корпорации по развитию городской среды является проект «Умный город». Существуют платформы «Умный Новоуральск», «Умный Лесной», «Умный Заречный». При помощи этой платформы жители могут указывать на карте города места, в которых есть определенные проблемы, требующие решения и реакции со стороны городских служб. При помощи этого сервиса также можно получить информацию о городских учреждениях и найти контакты участковых по тому или иному району.

ГК «Росатом» активно финансирует реализацию внутригородских проектов. Так, например, в 2019 году в результате соглашений между ГК «Росатом» и Правительством Свердловской области на развитие социально значимых Новоуральску было выделено 300 млн рублей. Деньги были потрачены на реализацию Национальных проектов «Демография» и «Образование» на территории города. В 2021 году корпорация выделила около 230 млн рублей на развитие территории Лесного. Средства были выделены в рамках Соглашения о сотрудничестве между ГК «Росатом» и Правительством Свердловской области. Местные власти использовали их для реконструкции дорог и зданий.

«Школа Росатома» – один из масштабных проектов ГК «Росатом», реализуемых на территориях присутствия. В рамках проекта «Школа Росатома» школьники, работники образовательных учреждений и образовательные учреждения городов присутствия в Свердловской области участвуют в различных образовательных конкурсах и мероприятиях. Например, Метапредметная олимпиада, конкурсы и стажировки для педагогов и т. д. Также корпорация финансирует образовательные учреждения в целях оснащения классов, кабинетов и учебных помещений техникой и оборудованием для обучения. Так, например, в МАОУ «Гимназии» г. Новоуральска было создано два кабинета в формате open space, оснащенные современными ноутбуками, проекторами и экранами.

Все школы и детские сады города могут принимать участие в мероприятиях проекта, но существуют образовательные учреждения, которые входят в

инновационную сеть образовательных учреждений «Школы Росатома». На территории Новоуральска расположено 3 подобных учреждения. С ними корпорация взаимодействует наиболее активно и поддерживает реализацию на базе данных учреждений высокотехнологичных образовательных площадок. В состав инновационной сети входят две школы и один детский сад: Детский сад №22 «Надежда», структурное подразделение МАДОУ «Детский сад «Гармония», MAOY «Гимназия», MAOY «Лицей №56». На территории Лесного расположено 2 учреждения, входящих в инновационную сеть образовательных учреждений «Школы Росатома». С ними корпорация взаимодействует наиболее активно и поддерживает реализацию на базе данных учреждений высокотехнологичных образовательных площадок. В состав инновационной сети входят одна школа и один детский сад: MAOY «Лицей» и МБДОУ «Детский сад №6 «Золотой петушок». В Заречном находится образовательное учреждение MAOY ГО Заречный «СОШ №1» – школа участница сети атомклассов и школьных технопарков, созданных, создаваемых и функционирующих в рамках проекта «Школа Росатома».

Благодаря проекту «Атомный воркаут», целью которого является популяризация спорта и здорового образа жизни, в городах присутствия было построено большое количество специальных спортивных площадок, на которых могут заниматься все жители города. Также в рамках проекта на них проводятся соревнования, в которых могут принять участие все желающие. Неоднократно спортсмены городов присутствия принимали участие в «Атомиаде» – соревнование, которое способствует сплочению профессиональных коллективов и приобщению сотрудников отрасли к здоровому образу жизни.

Также города присутствия активно принимают участие в проекте-конкурсе «Лучшие муниципальные практики». Проект заключается в привлечении городов присутствия к разработке проектов и инициатив по различным социально и экономически значимым направлениям для поддержания более комфортного социального климата территорий. Так, например, в 2020 году на территории Новоуральска был реализован форум-выставка «Франчайзинг. Регионы. Новоуральск. Франчайзинг как драйвер развития потребительского рынка и предпринимательства современного муниципалитета и ЗАТО». Цель практики – «распространение новых знаний и технологий в области франчайзинга, вовлечение в предпринимательство, повышение уровня качества оказания услуг в небольших городах области» (1, 2021). Для предпринимателей – открыть бизнес в короткие сроки и минимизировать риски. В 2021 году практика «Социально-психологический проект «Перезагрузка» стал победителем конкурса. Цель практики – создание благоприятных условий личностного развития и дальнейшей успешной социализации девочек и девушек 14 – 20 лет, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В 2020 году практика «Волонтерская профориентационная стажировка для подростков «Мой выбор», организованная в Лесном стала одной из лучших по итогам конкурса. Цель практики – «создание условий для профессиональных проб старшеклассников по овладению начальными педагогическими навыками работы с детьми на базе МБУ «Детский оздоровительно-образовательный центр «Солнышко» в период весенних/осенних каникул в рамках реализации образовательных событий

программы оздоровительного лагеря, способствующих формированию осознанного выбора педагогической профессии в дальнейшем» (1, 2021).

С 2015 года на территории Заречного реализуется практика «Создание на территории городского округа Заречный условий для осуществления деятельности общественных объединений, участвующих в охране общественного порядка». Цель практики – создание и обеспечение условий для работы добровольных народных дружин как инструмента повышения правовой культуры граждан, воспитания дисциплины и создания системы полезной занятости населения, а также помощи полиции и органам власти в поддержании общественного порядка.

Медицинские учреждения городов присутствия входят в проект «Бережливая поликлиника». Так ФГБУЗ ЦМСЧ № 31 ФМБА России, расположенное в Новоуральске, присоединилось к проекту в 2017 году. В 2018 году к проекту присоединились ФГБУЗ ЦМСЧ № 91 ФМБА России города Лесной и ФБУЗ МСЧ № 32 ФМБА России города Заречный. В начале реализации проекта благодаря отзывам посетителей были определены проблемы, которые существуют в медицинских учреждениях города, например, большие очереди в регистратуре, трудности с записью на прием к врачу, отсутствие навигации в поликлинике, отсутствие определенного оборудования, нерациональное расположение кабинетов и т. д. В результате был проведен ремонт в регистратуре поликлиник, закуплено оборудование и автоматизирован процесс записи на прием. В результате реализации уменьшились очереди в поликлиниках, был систематизирован процесс забора крови у пациентов, были приобретены профессиональные компьютеры, с помощью которых учреждениям стало удобно хранить информацию разного рода.

С 2021 года Свердловская область вошла в «Отраслевой акселератор Госкорпорации «Росатом», в рамках которого было начато создание корпоративной технологической экосистемы, запустив проект «TechChallenge». Стартаперы – участники программы акселератора Росатома на Урале начали разрабатывать проекты для промышленных предприятий ЗАТО Новоуральск в Свердловской области. Это способствует научному и инновационному развитию города и области.

Перспективы проектного подхода Госкорпорации «Росатом» как инструмент развития территории Свердловской области

Несмотря на большое количество проектов, которые корпорация реализует в целях развития территорий присутствия, есть сферы, в которых корпорация реализует недостаточное количество инициатив. Они были выявлены на основе сопоставления приоритетов и направлений «Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2030 годы» и проектов, реализуемых в субъекте ГК «Росатом». Ведь «Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2030 годы» – документ, отражающий наиболее важные направления для комплексного и сбалансированного развития территории Свердловской области.

Результаты сопоставления отражены в таблице 2. В ней представлены направления стратегии и проекты ГК «Росатом», которые способствуют их реализации. Таблица была составлена автором с использованием «Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2030 годы» (Закон, 2018).

Таким образом, по направлениям «Развитие жилищной и жилищно-коммунальной сфер», «Развитие инновационной деятельности в Свердловской области», «Развитие рынка труда», «Сбалансированное развитие территорий муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области», «Развитие агропромышленного комплекса Свердловской области», «Развитие туристского потенциала», «Развитие транспортно-логистического потенциала Свердловской области» ГК «Росатом» либо не так активно реализует проекты, либо не реализует вообще. Однако эти сферы безусловно играют важную роль в комплексном развитии территории. Исходя из определенных перспективных направлений является целесообразным разработать предложения для дальнейшей реализации проектного подхода ГК «Росатом» в городах Свердловской области.

Таблица 2

Соответствие проектов ГК «Росатом» направлениям «Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2030 годы»

Приоритет социально-экономической политики Свердловской области	Направления реализации приоритета социально-экономической политики Свердловской области	Проекты ГК «Росатома», которые способствуют реализации приоритета социально-экономической политики
Создание конкурентных условий для накопления и сохранения человеческого потенциала	<ol style="list-style-type: none"> 1) «Создание конкурентоспособного образования»; 2) «Охрана здоровья населения»; 3) «Развитие жилищной и жилищно-коммунальной сфер»; 4) «Создание комфортной среды для жизни жителей Свердловской области» 	«Школа Росатома», «Атомиада», «Бережливая поликлиника», «Атомный воркаут», «Лучшие муниципальные практики», проекты по модернизации коммунальных систем
Создание условий для повышения конкурентоспособности промышленного, инновационного и предпринимательского потенциала экономики Свердловской области	<ol style="list-style-type: none"> 1) «Повышение конкурентоспособности промышленного комплекса Свердловской области»; 2) «Развитие инновационной деятельности в Свердловской области»; 3) «Развитие рынка труда»; 4) «Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области»; 5) «Развитие малого и среднего предпринимательства в Свердловской области» 	«Отраслевой акселератор ГК «Росатом», «Умный город», «Лучшие муниципальные практики», «Эффективный регион», проекты по развитию атомной промышленности, деятельность по созданию ТОСЭР

Обеспечение сбалансированного развития территории Свердловской области

- 1) «Развитие территорий опережающего экономического роста»;
- 2) «Сбалансированное развитие территорий муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области»;
- 3) «Развитие агропромышленного комплекса Свердловской области»;
- 4) «Развитие туристского потенциала»;
- 5) «Развитие транспортно-логистического потенциала Свердловской области»;
- 6) «Устойчивое экологическое развитие территории Свердловской области»

«Умный город», проекты по туризму совместно с Федеральным агентством по туризму, деятельность по созданию ТОСЭР, деятельность в рамках Национального проекта «Экология»

Изучив проекты госкорпорации и их реализацию в целом, можно отметить, что большинство из них реализуются именно в городах присутствия. Однако есть ряд проектов, которые направлены на развитие целых субъектов, не включающих атомные города. Именно поэтому ГК «Росатом» стоит либо расширить целевую аудиторию уже реализуемых проектов, либо сделать перспективой разработку большего количества проектов, охватывающих не только города присутствия корпорации. Это поможет обеспечить сбалансированное развитие территории Свердловской области и усилить как связи между муниципальными образованиями внутри субъекта, так и межрегиональные связи.

По направлению стратегии «Развитие жилищной и жилищно-коммунальной сфер» ГК «Росатом» не так активно реализует свои проекты. Для более эффективной реализации данного направления стоит развивать возможные проекты по строительству жилых комплексов или финансированию внедрения инновационных технологий строительства жилых домов. Корпорация может разработать проекты по содействию в поиске жилья для незащищенных категорий населения. Данные аспекты важны для развития территории Свердловской области.

«Развитие инновационной деятельности в Свердловской области» проектный подход ГК «Росатом» может обеспечить за счет подготовки перспективных научных и инженерных кадров для промышленных предприятий Свердловской области, сделав акцент таким образом на образовательных проектах. Корпорация может разработать проекты по созданию инновационных кластеров на территории Свердловской области. При этом уклон может быть сделан не только на атомные технологии. Корпорация имеет большое количество разносторонних проектов в сфере развития малого и среднего бизнеса, научных и образовательных проектов, что может стать основой для формирования инновационного и научного кластеров в Свердловской области.

Направление развития «Развитие рынка труда» может реализовываться за счет проектного подхода ГК «Росатом». В перспективе корпорация может реализовывать проекты, увеличивающие количество организаций по содействию занятости в Свердловской области. Также могут быть разработаны технологии развития предоставления данных услуг. По примеру проекта «Бережливая поликлиника» в центрах занятости муниципальных образований могут быть выявлены проблемы, на устранение которых и будут направлены проекты корпорации.

Реализации направления «Сбалансированное развитие территорий муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской

области» могут способствовать проекты ГК «Росатом», которые будут направлены на развитие межрегиональных связей и связей внутри региона. Безусловно, уже существующие проекты позволяют муниципальным образованиям и городам присутствия из разных субъектов обмениваться опытом. Однако могут быть развиты проекты по укреплению связей внутри самой Свердловской области.

«Развитие агропромышленного комплекса Свердловской области» достаточно перспективное направление для реализации проектного подхода ГК «Росатом». Могут быть рассмотрены варианты реализации проектов, поддерживающих и развивающих сельские территории Свердловской области. По аналогии с уже существующим проектом корпорации «Бережливый город» может быть запущен проект «Бережливое село», целью которого станет повышение эффективности функционирования агропромышленного комплекса Свердловской области.

«Развитие туристского потенциала» – достаточно перспективное направление для проектов ГК «Росатом», так как Свердловская область является регионом с развитой промышленностью. В рамках уже существующего соглашения корпорации с Федеральным агентством по туризму открывается большое количество возможностей для развития туристской инфраструктуры Свердловской области, а также для развития промышленного туризма, связанного с атомной энергетикой, который может стать яркой отличительной особенностью региона. В рамках промышленного туризма, связанного с атомной энергетикой, можно развивать проекты по созданию индустриальных музеев и других площадок, которые будут привлекать туристов из других регионов.

Перспективой для проектного подхода ГК «Росатом» может стать увеличение количества проектов, делающих и другие виды транспорта более доступными для населения Свердловской области, которые будут способствовать достижению задач направления «Развитие транспортно-логистического потенциала Свердловской области». Это могут быть воздушный, железнодорожный и другие виды. Так будет реализовано более комплексное развитие транспортной инфраструктуры субъекта. Также в соответствии со стратегией развития области корпорация может запланировать реализацию проектов по снижению влияния транспорта на загрязнение окружающей среды.

Заключение

Таким образом, проектный подход – это современный метод, который способен эффективно решать управленческие задачи как на федеральном, так и на региональном уровне. Успешно данный метод применяется некоторыми государственными корпорациями, одна из таких ГК «Росатом». Проекты корпорации оказывают положительное влияние на социально-экономический климат территорий присутствия. Одним из субъектов, с которым активно взаимодействует корпорация, является Свердловская область. Однако некоторые направления «Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2022» можно определить как перспективные для проектного подхода ГК «Росатом».

Корпорация реализует по этим направлениям недостаточно проектов, отвечающих задачам стратегии развития субъекта. Корпорации стоит реализовывать больше проектов в жилищной и жилищно-коммунальной сферах, это могут быть проекты по строительству жилищных комплексов и обеспечению жильем незащищенных слоев населения Свердловской области. Также в субъекте могут быть реализованы проекты по содействию занятости и повышению эффективности функционирования агропромышленного комплекса Свердловской области. Проектный подход может быть применен к транспортной системе Свердловской области с целью создания условий для более комфортного использования разных видов транспорта. Перспективным направлением развития также станет туристическая отрасль Свердловской области, в которой можно реализовать проекты по развитию промышленного туризма, учитывающего специфику ГК «Росатом». Перспективными также будут проекты по развитию научных и инновационных кластеров на территории Свердловской области. И в целом, стоит отметить, что корпорация может увеличить количество проектов, реализуемых не только в атомных городах, но и во всей Свердловской области. Так будет развиваться система связей между городами и муниципальными образованиями внутри субъекта, что также является одной из задач «Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2022».

Список литературы

1. Лучшие муниципальные практики и инициативы социально-экономического развития в муниципальных образованиях на территориях присутствия Госкорпорации «Росатом». URL: https://лучшие-практики.рф/uploads/2021/2020_1.pdf.
2. Макарычева А. С. Теоретические основы проектного менеджмента // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. №. 4 (17). С. 72-78.
3. Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации : Постановление Правительства от 31.10. 2018 № 1288 : текст с изменениями и дополнениями на 24 июня 2021 года // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/23d0a5d07c2f011e1c4201dbdc719c38a50249ef/.
4. О Свердловской области // Официальный сайт Правительства Свердловской области: сайт. URL: <http://midural.ru/100034/>.
5. О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2030 годы : Закон Свердловской области № 151-ОЗ : текст с изменениями на 22 марта 2018 года : [принят Законодательным собранием Свердловской области 15 декабря 2015 года : одобрен Правительством Свердловской области 21 декабря 2015 года]. // Законодательное собрание Свердловской области: официальный сайт. URL: http://zssso.ru/upload/site1/document_file/POluqtTKRT.pdf.
6. Сергеева Н. В. Проблемы и перспективы социально-экономического развития городов присутствия и ЗАТО корпорации «Росатом» // Тенденции и перспективы государственного управления социально-экономическим развитием регионов и территорий. 2018. С. 141-150.
7. Советова Н. П. Проектный подход в развитии сельских территорий // Сборник «Роль аграрной науки в развитии лесного и сельского хозяйства Дальнего востока. 2019. С. 219-222.

Влияние феминистической повестки на маркетинговые успехи компаний: сравнение России и Германии

Минкова С.С.

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена влиянию феминизма на маркетинговые и коммуникационные стратегии компаний России и Германии. В статье оценивается влияние феминистической повестки на успех кампаний, проводимых среди российского и немецкого населения, а также сравниваются частота и масштаб использования фемвертайзинга (рекламы с использованием феминистической повестки) среди российских и немецких брендов. Цель статьи — сделать вывод о том, следует ли российским компаниям включать большее количество феминистских приемов в свои рекламные кампании. Чтобы ответить на этот вопрос, в статье используется анализ статистики, изучается теория PR-стратегии и рассматриваются многочисленные примеры. Вышеупомянутое исследование доказывает, что, хотя Россия в XX веке была более про-феминистской, чем Германия, и поэтому, предположительно, в настоящее время должна была быть более восприимчивой к феминистской повестке дня, в XXI веке Германия более склонна к феминистскому мышлению, чем Россия. Таким образом, в данной статье делается практический вывод о том, что российским брендам еще предстоит совершенствовать свою феминистскую повестку. Тем не менее, Германия тоже не является лидером движения и в определенной степени немецкие производители также вовлечены в сексистскую рекламу. Таким образом, статья заключает, что как российские, так и немецкие компании выиграют от наращивания масштаба использования феминистской повестки в своих маркетинговых и коммуникационных стратегиях.

RESUME

The article provides an insight into the influence of feminism on marketing and communication strategies of companies in Russia and Germany. The article assesses the impact of feminist agenda on the success of marketing campaigns of Russian and German businesses, as well as compares the frequency and scope of usage of femvertising (advertising which uses feminist agenda) amongst Russian and German brands. The goal of the article is to conclude whether the Russian companies should include more feminist methods in their advertising campaigns. In order to tackle the question, the article uses the analysis of statistics, looks into PR strategy theory and considers ample empirical evidence. The aforementioned study proves that although Russia was more pro-feminist in the XX century than Germany and because of that currently should have been more accepting towards the feminist agenda, Germany at the time is more prone to feminist mindset than Russia. Therefore, this article provides a practical conclusion that Russian brands have yet room for improvement of their feminist agenda. Nevertheless, Germany is also not the leader of the movement and to some extent engages in sexist advertisement, too. Thus, the article concludes that both Russian and German companies would benefit from using more feminist agenda in their marketing and communication strategies.

Ключевые слова: феминизм, фемвертайзинг, Россия, Германия, реклама, гендер, гендерное неравенство, маркетинг

Key words: feminism, femvertising, Russia, Germany, advertising, gender, gender inequality, marketing

Минкова София Сергеевна, студентка Национального Исследовательского Университета Высшей Школы Экономики (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, ssminkova@gmail.com

Sophia S. Minkova, 3rd year student of Higher School of Economic (HSE), Moscow, Russia, ssminkova@gmail.com

Введение

Феминизм – социальное и социально-политическое течение, основной целью которого является развенчание гендерных стереотипов и борьба с социальной несправедливостью, основанной на убеждениях о неравенстве женского и мужского полов (Poiger, 2017). Сторонники теории феминизма утверждают, что гендерные роли не основаны на реальных биологических данных, генетически заложенных в людях мужского и женского полов, а являются социальным конструктом, зачастую используемом для угнетения женщин (само название «слабый пол» в русском языке в значительной степени характеризует общественное отношение к женщинам).

В последнее время все чаще феминизм упоминается не только как социальное явление, но и находит отражение в маркетинге и рекламе как возможность отразить определенную боль или проблему общества, при помощи чего реклама или маркетинговая кампания становится более злободневной и актуальной, вследствие чего получает больше распространения и ведет к коммерческому успеху компаний.

В вопросе о феминистической повестке в маркетинговом информационном поле России и Германии наблюдается определенный разрыв в отношении общества как к феминизму в целом, так и к маркетинговым кампаниям, использующим феминистический дискурс. Основная цель данной статьи – исследовать и сравнить влияние феминистической повестки в рекламных кампаниях на маркетинговый успех компаний России и Германии и сделать вывод о приемлемости и обоснованности популяризации феминистических приемов в российских маркетинговых кампаниях в сравнении с немецкими. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: а) описывается терминология феминизма и гендерных исследований; б) анализируется использование традиционных гендерных ролей в рекламе; в) рассматривается феномен фемвертайзинга и варианты его использования в маркетинге; г) сравнивается эффективность традиционных маркетинговых кампаний и фемвертайзинга. Для этого используются теоретические материалы о рекламных стратегиях, такие как работы И.В. Грошева о гендерных образах в рекламе, «Основы рекламы» (Антипов, 2020). В дополнение анализируются примеры реальных рекламных кампаний в России и Германии, их восприятие обществом, а также приводятся исследования о феминизме в рекламе и влиянии его на маркетинговые успехи компаний.

Гендерные роли в маркетинговых кампаниях

В рекламе и маркетинговых кампаниях в целом апелляция к гендерным ролям является одним из классических приемов. Для того, чтобы в полной мере проанализировать этот аспект рекламы, обратимся к самому понятию «гендер» и «гендерная роль».

Гендер – это набор социальных характеристик, которые соотносятся с конкретным биологическим полом, который, в свою очередь, определяется набором

биологических признаков при рождении. Наиболее традиционным является разделение людей на два гендера, по соответствию с полом: мужской и женский. Таким образом, гендерная роль – это предписанные человеку действия и образ жизни, основанные на совокупности социальных норм и образов, базирующихся на разделении людей на мужчин и женщин. Устоявшимся считается восприятие женщин как мягких, слабых и добрых хранительниц домашнего очага, «украшений общества», а мужчин – как сильных, проактивных «добытчиков» (Рябова, 2001).

Теперь, когда термин «гендерная роль» стал более понятным, рассмотрим их более конкретные отображения в маркетинге.

Когда мы говорим о женщине – «хранительнице домашнего очага», примером могут служить ролики, показывающий гетеросексуальные семьи с детьми, где образ мамы часто можно характеризовать как классический образ домохозяйки, в чьи обязанности входит уборка, воспитание детей, готовка и остальные виды деятельности, направленные на поддержание порядка в доме. Образ мужчины, в свою очередь – это образ добытчика, редко вовлеченного в домашние дела, которого ждут с работы и обслуживают женские персонажи. Такую картину часто можно наблюдать в рекламе детского питания и смесей для кормления, «семейных» марок еды – например, сок «Добрый» в 2018 году рекламировал свой товар с посланием «помогает маме заботиться о тех, кто ей близок» (6, 2022). Если обратить внимание на статистику в рекламе немецкоговорящего пространства, то по сравнению с 1996 годом, когда 55% женщин в рекламных роликах изображались в роли домохозяек, жен и матерей, в 2016 году этот процент составил 56 пунктов (Nier, 2017). Парадоксально, что при растущем интересе общества к феминизму, традиционная роль женщины как хранительницы домашнего очага стала лишь более популярным маркетинговым персонажем.

Интересно, что бренды-конкуренты часто используют противоположную стратегию, все еще относящуюся к разряду сексистских. Это реклама, направленная на мужчин и женщин индивидуально. В таких случаях часто с целью привлечения мужской целевой аудитории используется образ мужчины как очень брутального, сильного и стремящегося к успеху человека. Чтобы достичь максимально контрастного по отношению к слабости и феминности образа, используются женские образы, часто объективизированные, показывающие женщин как объект завоевания по принципу чем больше женщин – тем брутальнее образ мужчины. Такая реклама была, к примеру, частью маркетинговой кампании шампуней Ахе как в России, так и в Германии, где мужчина, использовав шампунь, вызывает большой интерес у группы сексуализированных и объективизированных женщин (8, 2022). К 2016 году, однако, доля женских персонажей в немецкой рекламе, используемых в роли объекта для завоевания, сократилась до 1% (Nier, 2017). В России такой статистики не ведется, однако об объективизации женщин в рекламных целях можно судить по рекламе крупнейших российских компаний – например, один из крупнейших банков в стране, Альфа-Банк, в 2021 году запустил маркетинговую кампанию в поддержку своего проекта по страхованию, в которой были использованы не только расистские, но и сексистские методы привлечения внимания покупателя. Одним из примеров является постер «Купил «немку»? Застрахуй её быстро и без прелюдий». Игра слов,

формирующая пошлый подтекст, нацеленный на привлечение мужского внимания путем объективизации женщин, от одного из крупнейших финансовых игроков на российском рынке является сигналом о том, что женский образ как объекта для завоевания все еще остается возможной рекламной стратегией. Реклама для женщин, в свою очередь, подчеркивает их феминность, говоря о таких качествах, как заботливость, мягкость, доброта – и, напротив, способность интриговать мужчин, быть львицей и обольстительницей. К примеру, в локальной рекламе бренда Samay в России, гель для душа «Магическое заклинание» предлагает женщинам «раскрыть свою дерзкую и пленительную грани» (З, 2022). Обращаясь к статистике, в 2016 году 16% женщин в немецкоязычной рекламе выступали в роли соблазнительницы (Nier, 2017). Это подразумевает, что одним из стремлений женщин в жизни является проявление дерзости, соблазнение и пленение окружающих, – в частности, как можно предположить, противоположного пола.

Таким образом, в рекламе все еще часто встречаются сексистские приемы и обороты речи, которые являются одним из эффективных способов повышения продаж. Подчеркивая мужественность мужчин путем объективизации женщин и использования их гиперсексуализированного образа, а также укрепляя стереотипную феминность как ценность в мировоззрении женщин и мужчин, потребляющих рекламу и являющихся аудиторией маркетинговых кампаний.

Фемвертайзинг

Несмотря на то, что гендерные стереотипы до сих пор остаются важной составляющей маркетинга, с 2010-х все более популярным становится обратная тенденция – демонстрация женской силы, независимости, лидерских качеств. Все реже женщины объективируются. Одной из причин появления этой тенденции является распространение феминизма в социуме, усиление влияние этого течения на сознание и культурный бэкграунд покупателей. Компании, которые осуществляют политику социальной ответственности и компании, направленные на молодое и прогрессивное, часто западное общество, все чаще прибегают к такому маркетинговому приему, как фемвертайзинг. Этот термин образован совмещением двух слов – «феминизм» и «адвертайзинг», в переводе с английского – реклама.

Обращаясь к истории, важно отметить, что в XX веке СССР был одной из самых прогрессивных с точки зрения равноправия полов стран. Это находило отражение и в рекламе – в особенности, в социальной рекламе того времени. Слоганы «Труженица востока, раскрепощай себя – иди в производство, вступай в колхоз, становись в ряды строителей социализма!» и «Долой гнет и обывательщину домашнего быта!» были популярными и использовались самим государством (Бобровская, 2020). Тогда как в ГДР, по очевидным геополитическим причинам, повестка была такой же, в ФРГ уже тогда наступил период разделения труда – мужчина работал, женщина занималась домашним хозяйством (Петренко, Морин, 2006). Так, можно сделать вывод, что еще в XX веке СССР обгонял Германию с точки зрения прогрессивности в равноправии полов.

Фемвертайзинг сейчас зачастую отражает такие проблемы, как зависимость женщин от общепринятых стандартов женской красоты (определенных черт лица, форм тела и гладкости кожи), неравенство полов с точки зрения карьеры – например, уделяется внимание тому факту, что женщины не только работают наравне с мужчинами (часто получая меньшую зарплату и имея меньше карьерных перспектив), но и занимаются домашними делами после работы. Также, в фемвертайзинге часто отражаются стигматизированные и табуированные в обществе аспекты жизни женщин – критические дни, сложности, связанные с беременностью и родами, и другое.

Рассмотрим конкретные примеры кампаний, посвященных вышеупомянутым аспектам.

Примером кампании, посвященной женской красоте, можно считать повестку бренда Dove, который говорит о разнообразии женской красоты не только в России и Германии, но и в других странах мира. Одной из недавних кампаний стало движение #ЗаКрасотуБезФильтров (в адаптации для немецкоговорящих стран – “Sei ohne Filters selbstbewusst” (9, 2022), в котором демонстрируется негативное влияние и стереотипизация внешнего вида девушек и женщин. Dove заявляет о стремлении бороться с большим количеством фильтров и изменений, которые девушки добавляют к своим фотографиям, чтобы соответствовать общепризнанным стандартам красоты и таким образом способствовать развитию в сознании женщин независимости от общественного мнения. Независимости и силе женщин также был посвящен рекламный ролик бренда Nike 2017 года, в котором известная песня «Из чего же?» повествует не только о шоколадках и мармеладках, из которых сделаны девочки, но и об отваге, свершениях, упорстве и стремлении (11, 2022). Ролик показывал Олимпийских чемпионку и известных российских женщин и был очень положительно воспринят обществом, а в 2022 году песня из ролика стала популярной в TikTok.

Также важными акторами в рекламном поле, посвященном фемвертайзингу, являются бренды, связанные со стигматизированными аспектами жизни женщин – такие, как производители средств женской гигиены. Они уделяют внимание тому аспекту жизни женщин, с которым напрямую связаны, говоря о том, что в современном мире принадлежность к женскому полу не делает людей слабее и не является недостатком, даже в определенные дни месяца. Воздействуя на целевую аудиторию через болевую точку «выпадения из жизни», бренды призывают покупательниц поменять свое отношение к дням менструации, которые могут ничем не отличаться от других дней. Большинство недавних рекламных роликов бренда «Always» в России и Германии посвящены свободе и отсутствию ограничений и показывают девушек, ведущих активный образ жизни – например, в 2021 в рекламном ролике бренда тренер по фигурному катанию рассказывает и показывает уверенность и защиту, которые позволяют ей работать во все дни месяца (7, 2022). В дополнение к этому, бренды женской гигиены являются рыночными флагманами в просвещении общества в вопросах женской биологии, и уделяют внимание развенчанию табуирования тем, связанных с женскими особенностями строения. К примеру, бренд «Libresse» с 2021 года стал использовать в рекламных

роликах красную жидкость вместо традиционной голубой, привнося в сознание не только женского, но и мужского населения более реалистичную картину о жизни женщин, делая её менее табуированной и покрытой тайной, доступной только женщинам.

Также популярными становятся кампании, которые сконцентрированы не только на женщинах и их достоинствах, но и на неравенстве полов. Например, российская рекламная кампания бренда «Zewa» #ХорошоТамГдеЗаботятсяВместе посвящена не только популяризации бренда и его продукции, но и акцентирует свое внимание на том, что роли в семьях часто распределены неравноправно – в семьях часто работают и мужчины, и женщины, однако ответственность за работу по дому лежит только на женщинах – матерях, дочерях, сестрах, бабушках. Рекламный ролик кампании был посвящен эксперименту, где дети проходили полосу препятствий – на обычных заданиях мальчики финишировали, а девочки приступали ко второму этапу, где должны были убираться, и лишь после этого прибегали на финиш (13, 2022). Благодаря наглядности эксперимента дети делали вывод о несправедливом распределении труда в семье, и у них появлялось желание что-то изменить. Такая повестка наиболее часто встречается в рекламных кампаниях, посвященных неравенству полов. Тем не менее, есть и другие сценарии – к примеру, реклама, посвященная неравенству зарплат и «стеклянному потолку».

Для оценки влияния феминистической повестки на маркетинговые показатели компаний, обратимся к статистике.

Виктория Дрейк из университета Нью-Йорка в 2017 году провела опрос среди 181 женщины от 18 до 34 лет. В ходе опроса были сформированы референтные группы, половине из которых показывались рекламные ролики с феминистским наклоном, а другой половине – ролики с более традиционным и типичным сценарием.

По пятибалльной шкале оценивались следующие параметры:

1. Мнение о рекламе;
2. Мнение о бренде;
3. Влияние на мнение о бренде;
4. Намерение совершить покупку;
5. Соответствие имиджа бренда самоощущению;
6. Ощущение дружелюбности с брендом.

В сравнении между рекламой, включающей в себя феминизм и рекламой, не включающей в себя фемвертайзинг, первая показала намного более высокие результаты. К примеру, соответствие бренда самоощущению различается больше, чем на один пункт – в фемвертайзинге этот показатель составил 4.63, тогда как традиционные рекламные ролики набрали в среднем лишь 3.60. Наименьшую разницу можно наблюдать по показателям ощущение дружелюбности с брендом – 2.92 и 3.34, и мнение о бренде – 3.62 и 4.04 в традиционных и феминистических роликах соответственно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для молодых женщин репрезентация женщины в феминистском ключе является одним из ключевых факторов, влияющих на отношение к бренду и на продающую способность рекламного ролика.

К такому же выводу пришли учёные Лундского университета, сравнившие феминистические рекламные ролики и традиционные по следующим параметрам:

7. Отношение к рекламному ролику;
8. Восприятие гендера брендом;
9. Намерение совершить покупку.

Сравнение осуществлялось на основе опроса, проведенного среди вслепую отобранных групп мужчин и женщин разных возрастов. Им предлагалось оценить ролик по первым двум параметрам по шкале от 1 до 80, а по последнему – по шкале от 1 до 10. По результатам этого опроса разница в отношении к рекламному ролику составила 16.58 пункта в пользу фемвертайзинга; восприятие гендера брендом в феминистических роликах было оценено в 47.46 пункта, а в традиционных – в 35.76, а намерение совершить покупку составило 7.36 пункта в фемвертайзинге и 6.24 в традиционном рекламном ролике.

Ученые, проводившие опрос, сделали вывод о том, что эффективность воздействия рекламы на потребителя напрямую зависит от одобрения имиджа гендера в ролике и отношения к рекламному ролику. Эти параметры, в свою очередь, наиболее высоко оцениваются именно в фемвертайзинге. Таким образом, можно сделать вывод, что феминистическая повестка в современном мире приводит к повышению эффективности и вовлечённости аудитории в рекламу и таким образом способствует повышению продаж компании, что и является основной целью любой рекламной кампании.

Несмотря на это, феминистская повестка в рекламных кампаниях не всегда уместна в определенных локациях или может быть чрезмерно радикальной. Например, говоря о фемвертайзинге со стороны бренда Reebok, можно вспомнить широкий общественный резонанс, вызванный кампанией 2021 года #нивкакиерамки, локального ответвления глобальной кампании #betogetherhuman. Глобальная кампания ставила своей целью борьбу с мифами о гендерных стереотипах. В ходе локальной кампании были использованы многочисленные слоганы – «Никогда не извиняйся за то, что ты сильная», «Не привилегии решают, кто может быть сильным» и, в том числе, «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо». Из-за довольно прямолинейного тезиса компания была осуждена за вульгарность. Несмотря на то, что сам слоган стал популярным и «вирусным» и обсуждался дольше и более бурно, чем, предположительно, если бы был из разряда классических «Ты – сильная!», сам лозунг очевидно не подошел для менталитета россиян на 2021 год.

Заключение

Принимая во внимание вышеописанные рекламные кампании и приведенную статистику, можно сделать вывод о том, что и в России, и в Германии фемвертайзинг является большой частью маркетингового информационного поля. Тем не менее, присутствуют и традиционные маркетинговые ходы, где образ женщины подкреплен гендерными стереотипами и демонстрирует женщин как хранительниц домашнего очага, соблазнительниц и объектов для завоевания. Тем не менее,

тенденция к более современному взгляду на роль женщины в обществе определенно наблюдается, преимущественно в крупных брендах, которые являются важными и в мировой экономике. Локальные бренды являются более традиционными и реже проявляют себя как фем-активисты. Тем не менее, локальные команды глобальных брендов, принимающие участие в процессе принятия решений, зачастую отдают предпочтение фемвертайзингу. Такой вывод был сделан после осуществления следующих задач:

а) была изучена терминология феминизма и гендерных исследований, позволившая расширить дискурс и привлечь во внимание социальные факторы, имеющие важность для изучаемых социальных явлений;

б) было проанализировано использование традиционных гендерных ролей в рекламе, из чего был сделан вывод о том, что несмотря на то, что такая репрезентация в целом устарела, она все еще используется в маркетинговых кампаниях;

в) был рассмотрен феномен фемвертайзинга – рекламы, использующей феминистскую повестку, – и варианты его использования в маркетинге, которые разнятся от радикально феминистских до умеренно-нейтральных;

г) было проведено сравнение эффективности традиционных маркетинговых кампаний и фемвертайзинга, в результате чего было заключено, что реклама, включающая в себя феминистскую репрезентацию женщин и общества в целом, более явно положительно влияет на покупателя.

Несмотря на то, что российский покупатель может посчитать некоторые феминистические рекламные кампании чересчур вульгарными (как в случае с Reebok), количество фемвертайзинга в российском информационном пространстве увеличивается. В связи с тем, что для России фемвертайзинг является более новым течением, чем для Германии, развитие маркетинговых кампаний в этом направлении кажется одной из стратегий, которые могут очень положительно повлиять на успехи российских компаний.

Список литературы:

1. Антипов К. В. Основы рекламы. М.: Дашков и К°, 2012. 325 с.
2. Бобровская Е.В. «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в советской России // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. №4. С. 133-140.
3. Гель для душа Samay. Magical Spell. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZNz9aB7HUIk>.
4. Петренко А. Д., Морин М. В. Феминизм и опыт гендерных исследований в Германии. 2006.
5. Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. №3-4. С. 3-12.
6. Сок Добрый. Вкус и польза каждый день. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9If9lZMviBU>.
7. Always Damenbildern. Jetzt mit 3x Schutz! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lWf-6WcPQ0s>.
8. Axe Hair. Shampoo&Styling. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s93NRxoQGLg>.
9. Dove. Sei ohne Filters selbstbewusst Kampagne. URL: <http://www.unilever-friends.de/aktionen/sei-ohne-filter-selbstbewusst/>.
10. Nier H. Nicht mehr ganz so sexualisiert, trotzdem stereotyp. URL: <https://de.statista.com/infografik/11990/frauenbild-in-der-werbung/>.
11. Nike Women. What are girls made of? URL: https://www.youtube.com/watch?v=Y_iCIISngdI.
12. Poiger Uta G. «Auf der Suche nach dem wahren Selbst. Feminismus, Schönheit und Kosmetikindustrie in der Bundesrepublik seit den 1970er-Jahren.» Zeithistorische Forschungen, 2017.
13. Zewa Russia. #ХорошоТамГдеЗаботятсяВместе. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mrjLSV46jmo>.

Правовые механизмы международного гуманитарного сотрудничества в субъектах Российской Федерации (на примере Астраханской области)

Молодцова Ю.Н.

АННОТАЦИЯ

В мире, полном вызовов и конфликтов, международное гуманитарное сотрудничество (МГС), будучи инструментом «мягкой силы» характеризуется огромным потенциалом в преодолении разногласий и смягчении геополитических столкновений. Отчасти, именно недостаточно проработанная и неэффективная политика в области МГС может повлечь за собой те самые неблагоприятные последствия, которые наблюдаются в контексте украинского сценария. Общеизвестно, что в основе любого сотрудничества лежит нормативно-правовое регулирование. В рамках трансграничного сотрудничества, безусловно, важную роль на международной арене играют российские регионы, поэтому автором отмечается необходимость всестороннего анализа правовых механизмов МГС в субъектах Российской Федерации. В статье рассмотрены концептуальные основы к определению сущности международного гуманитарного сотрудничества с позиции отечественных и зарубежных авторов, проанализированы международные правовые документы и законодательные акты Российской Федерации. Ввиду федеративного устройства российского государства институциональные возможности субъектов РФ в МГС довольно ограничены, однако в пределах своих полномочий регионы обладают возможностью заключать соглашения о сотрудничестве с иностранными государствами или их административно-территориальными подразделениями в гуманитарной, социально-культурной и научно-технологической сферах. Взаимодействию регионов с иностранными государствами активно способствует заключение соглашений с Россотрудничеством, в рамках которых субъектам оказывается поддержка по продвижению и проведению гуманитарных проектов за рубежом. Отдельным важным механизмом развития международного сотрудничества субъектов РФ является приграничное сотрудничество. Значительную роль в инфраструктуре международного гуманитарного сотрудничества субъектов РФ играют и религиозные объединения. Позитивный пример в данном контексте демонстрируют республики, которые, продвигая свои национальные традиции и культуру, способствуют укреплению положительного имиджа России в целом. Конкретная реализация механизмов МГС рассмотрена на примере Астраханской области как стратегически важного приграничного субъекта РФ.

RESUME

In the world full of challenges and conflicts, international humanitarian cooperation, being an instrument of «soft power», is characterized by a huge potential in overcoming disagreements and mitigating geopolitical clashes. In part, it is precisely an ineffective policy in the field of humanitarian cooperation that can entail the verity of adverse consequences that are observed in the context of the Ukrainian scenario. It is well known that any cooperation is based on legal regulation. Within the framework of cross-border cooperation, Russian regions play an important role in the international arena, therefore, the author notes the need for a comprehensive analysis of the legal mechanisms of the international humanitarian cooperation in the subjects of the Russian Federation. The article examines the conceptual foundations for determining the essence of international humanitarian cooperation from the perspective of Russian and foreign authors, analyzes international legal documents and legislative acts of the Russian Federation. Due to the federal structure of the Russian state, the institutional capabilities of the subjects of the Russian Federation in international cooperation are quite limited, however, within their powers, the regions have the opportunity to conclude cooperation agreements with foreign states or their administrative and territorial divisions in the

humanitarian, socio-cultural, scientific and technological areas. The interaction of regions with foreign states is intensively promoted by the conclusion of agreements with Rossotrudnichestvo, by which the subjects are supported in the promotion and implementation of humanitarian projects abroad. A separate important mechanism for the development of international cooperation of the subjects of the Russian Federation is the cross-border cooperation. Religious associations also play a significant role in the infrastructure of international humanitarian cooperation of the regions of the Russian Federation. A positive example in this context is demonstrated by the republics, which, by promoting their national traditions and culture, contribute to strengthening the positive image of the whole country. Particular implementation of the international humanitarian cooperation mechanisms is considered on the example of the Astrakhan region as a strategically important border subject of Russia.

Ключевые слова: международное гуманитарное сотрудничество, субъекты Российской Федерации, правовые механизмы, соглашения о сотрудничестве, приграничный регион, Астраханская область

Keywords: international humanitarian cooperation, subjects of the Russian Federation, legal mechanisms, cooperation agreements, border region, Astrakhan region

Молодцова Юлия Николаевна, студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, juliyamolodtsova@gmail.com

Yulia N. Molodtsova, student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, juliyamolodtsova@gmail.com

Введение

Современные условия диктуют новые направления внешней политики, в частности, одним из них является формирование позитивного образа о государстве за рубежом. Это является возможным посредством следующих инструментов воздействия: культурных мероприятий, образовательных программ обмена, международных научно-практических конференций, спортивных соревнований, форумов и коммуникационных площадок и др. Перечисленное выступает «мягкосиловым» подходом, который имманентно подразумевает глубинную связь международного сотрудничества с международной конкуренцией.

Термин «мягкая сила», придуманный Джозефом Найем в конце 1980-ых годов, означает способность привлекать, убеждать, достигать внешнеполитических целей вне финансового или военного принуждения. Чем больше духовные ценности, культура, язык, научные достижения и иные институты определенного государства вызывают уважение и восхищение в других частях мира, тем шире формируется ряд последователей, и, следовательно, тем большей силой и влиянием обладает страна (Нье, 2004). В условиях информатизации сила базируется на деятельности средств массовой информации, к результатам которой большинство людей мира имеют доступ.

Таким образом, очевиден факт того, что глубокий потенциал мягкой силы наиболее ярко проявляется именно в гуманитарной области внешнеполитического взаимодействия. Данного рода связь обуславливается идеей верховенства прав и свобод человека, их неприкосновенности и защиты.

Подходы к пониманию сущности международного гуманитарного сотрудничества

Значение гуманитарного сотрудничества изначально трактовалось с позиции международного гуманитарного права, регулирующего миротворческие вопросы, защиту гражданского населения и гуманитарную помощь отдельным гражданам во время военно-политических конфликтов или природных катаклизмах. Данной позиции придерживается большинство исследователей западного (зарубежного) подхода, рассматривая гуманитарное сотрудничество в спектре посткризисного урегулирования и защиты прав человека. Акцентируя на международном взаимодействии в рамках постбиполярного периода, достаточно часто фигурирует концепция не только в формах мирной деятельности, но и во внешнем силовом вмешательстве – гуманитарной интервенции (Williams, 2004). Однако, силовой односторонний подход, в котором гуманитарная миссия становится частью военной и передает функции неправительственных организаций вооруженным силам, под прикрытием гуманитарных целей вносит долю хаоса и увеличивает неопределенность мирового порядка, поэтому важен фактор полного исключения жесткой силы из международного гуманитарного сотрудничества.

Российская наука, в свою очередь, рассматривает гуманитарное сотрудничество с точки зрения межкультурного диалога, укрепления культурных связей, поддержки деятельности гражданских обществ для достижения социального эффекта. Гуманитарное измерение включает в себя образовательные коммуникации, взаимодействие в сфере культуры и спорта, языковые сопряжения, научные достижения, экологию, здравоохранение, работу с молодежью, туризм, отношения с проживающими за рубежом соотечественниками и многое другое, способное служить как отдельным странам, так и интересам всего человечества (Комлева, 2020). основополагающий аспект – согласование ценностей и приоритетов в межнациональных коммуникациях, является базисом укрепления дружбы народов и наций, который способен вытеснить негативное восприятие о стране и выработать единую цивилизационную идентичность.

Нормативное закрепление данного подхода к определению МГС лежит в п. 45 Концепции внешней политики РФ (Указ, 2016), в которой обозначены следующие задачи в области гуманитарного сотрудничества: уважение прав человека во всем мире путем международного диалога с учетом специфики каждого государства с привлечением институтов гражданского общества (неправительственные организации и Общественная палата РФ); предотвращение гуманитарной интервенции с целью дестабилизации; гарантия прав и интересов граждан РФ за рубежом; защита законных интересов соотечественников, проживающих за рубежом, с целью сохранения российской диаспоры и содействия добровольному переселению на территорию России; распространение русского языка как неотъемлемой части мировой культуры, развитие российских образовательных учреждений за рубежом; противодействие экстремизму, расовой дискриминации, ксенофобии и антисемитизму, попыткам исторической фальсификации с целью

пропаганды международной конфронтации; развитие межрелигиозного диалога с использованием общественной дипломатии для достижения взаимопонимания между народами и нациями; усиление защиты законных прав и интересов российских детей на территории иностранных государств и др. Аналогичный подход к определению сущности МГС закрепляется и в региональных соглашениях, декларациях стран СНГ, ШОС, БРИКС.

Отдельным пунктом выделяется религиозное сотрудничество. Религиозные институты, будучи социальными, упорядочивают деятельность и жизнь людей, организуют связи и отношения между верующими и неверующими по всему миру. Обращаясь к «Основам социальной концепции Русской Православной Церкви», следует отметить, что РПЦ стремится исполнять миротворческое служение на международном уровне, чтобы привести к согласию правительства, народы и нации, а также политические силы. С этой целью Церковь организует переговоры и коммуникации для враждующих сторон, оказывает помощь нуждающимся и акцентирует на необходимости международного сотрудничества в научной, культурной, информационной и просветительской областях при условии на основе взаимоуважения и равноправия вовлеченных народов.

Правовые механизмы МГС в субъектах РФ

Основной закон РФ в ст. 71 и 72 вводит разграничение в международной деятельности федеральных органов власти и органов власти субъектов следующим образом: международные отношения, внешняя политика, международные договоры, а также вопросы войны и мира подлежат исключительному ведению РФ; в совместном ведении находится лишь координация международных связей субъектов РФ и исполнение международных договоров. Таким образом, субъекты РФ являются самостоятельными участниками международных отношений, но ввиду федеративного государственного устройства их компетенции в области международного сотрудничества ограничены.

Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» предоставляет право регионам реализовывать связи с зарубежными государствами стандартно с одобрением Правительства Российской Федерации (Федеральный закон, 1999). Согласно Концепции внешней политики, необходимую экспертно-консультативную и правовую помощь в совершенствовании международных связей, в ведении и организации переговоров, создании проектов соглашений субъектов РФ с иностранными государствами оказывает Министерство иностранных дел РФ совместно с иными федеральными органами власти (в частности, с Министерством юстиции РФ). В защите законных интересов и прав субъектов РФ за рубежом активно участвует Совет глав субъектов при МИД РФ.

Основной правовой механизм – заключение соглашений о сотрудничестве с иностранными государствами или их административно-территориальными подразделениями в гуманитарной, социально-культурной и научно-технологической сферах, не противоречащих федеральному законодательству, общепризнанным

нормам и принципам международного права, международным договорам России, а также договорам о разграничении полномочий и предметов ведения между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти субъектов РФ. Процедура регламентирована следующим образом:

1. органы государственной власти субъекта РФ (Правительство или Администрация субъекта) заранее уведомляют федеральные органы исполнительной власти (МИД РФ) о желании вступить в переговоры с целью заключить соглашение, определив процедуру и стадии согласования;

2. проект соглашения направляется в федеральный исполнительный орган, уполномоченный Президентом РФ, для согласования совместно с иными заинтересованными федеральными органами;

3. вышеуказанный орган обязан не позднее сорока пяти дней с момента поступления проекта соглашения предоставить результаты рассмотрения;

4. при возникновении разногласий проводятся согласительные процедуры федеральных органов власти и органов власти субъекта РФ;

5. при положительном результате Правительство РФ издает распоряжение о согласии с предложением субъекта заключить соглашение с иностранным государством;

6. обязательная государственная регистрация соглашения (согласно положению, установленному Минюстом России);

7. опубликование текста соглашения, порядок которого закреплен нормативно-правовыми актами субъекта РФ индивидуально.

Важно констатировать, что статус соглашений о взаимодействии субъекта РФ с иностранными государствами не равен статусу международных договоров. Из этого следует расширение ответственности непосредственно региональных органов власти за действия в рамках соглашений о гуманитарном сотрудничестве. Субъекты РФ с целью наиболее эффективной реализации вышеупомянутых соглашений уполномочены открывать собственные представительства в иностранных государствах. Аналогично, на территории субъекта с его разрешения могут открывать свои представительства субъекты федеративных иностранных государств. Данные подразделения не могут обладать статусом дипломатических представительств, соответственно, они не имеют возможности осуществлять дипломатические или консульские функции. При всем обширном спектре возможностей лишь небольшое количество российских регионов имеют собственные представительства за рубежом. Активно данной привилегией пользуются республики. К примеру, Республика Татарстан имеет тринадцать представительств за рубежом, среди которых семь торгово-экономических представительств (Китай, Германия, Куба, Финляндия, Швейцария, ОАЭ, Чехия), четыре полномочных представительства (Казахстан, Турция, Туркменистан, Франция) и два постоянных представительства (Азербайджан и Узбекистан). Их деятельность влияет на формирование в глазах иностранной общественности позитивного имиджа как самой республики, так и России в целом.

Следующим правовым инструментом взаимодействия субъектов РФ с иностранными государствами являются соглашения о сотрудничестве регионов с Федеральным агентством по делам Содружества Независимых

Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничеством). Согласно Положению о Россотрудничестве, данный федеральный орган власти призван способствовать развитию и поддержанию международных контактов субъектов РФ в культурной, научно-технической, образовательной и экономической сферах. Этой привилегией на данный момент воспользовалось сорок четыре российских региона. Документ закрепляет взаимовыгодные условия для обеих сторон. Все проекты соглашений составляются по универсальной структуре и содержат в себе предмет (международное гуманитарное сотрудничество и его формы), основные направления и порядок реализации, заключительные положения. Ежегодно на базе данного соглашения субъект РФ формирует планы мероприятий социально-гуманитарного характера на территории иностранных государств при взаимодействии с представительствами Федерального агентства за рубежом. На практике представительства Россотрудничества на территории иностранных государств оказывают регионам следующую поддержку: информируют о различного рода мероприятиях (публикуют информацию на официальном сайте и аккаунтах представительств в социальных сетях); предоставляют помещения и оборудование; подбирают лингвистическое сопровождение (синхронный и последовательный перевод); привлекают местные органы власти, прессу, спикеров, научные круги и бизнес-сообщества, участников из числа соотечественников за рубежом и др.

Далее, руководствуясь Стратегией государственной национальной политики РФ до 2025 г., субъекты РФ в праве принимать региональные государственные программы и концепции по развитию внешних связей в рамках которых осуществляются комплексные проекты по поддержке национальных языков и культур (Госпрограмма «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Татарстан соотечественников, проживающих за рубежом»; Концепция развития внешнеэкономической деятельности Республики Башкортостан и др.). В данных документах фиксируются отчеты и анализ текущего состояния МГС, приводятся предложения по активизации в последующие года.

Наконец, общая религия субъекта и иностранного государства – залог наиболее тесного взаимодействия, поэтому особое место в инфраструктуре МГС занимают религиозные объединения и национальные общины. Регионы России, находящиеся вдали от государственной границы и не имеющие какие-либо сопредельные связи, могут успешно продвигать гуманитарное сотрудничество именно посредством общих этноконфессиональных ценностей. В частности, Республика Татарстан, не являясь приграничным регионом, но имея этнокультурные духовные связи тюркских народов, довольно легко выстраивает сотрудничество со странами Центральной Азии, исповедующими ислам. После присоединения России в роли наблюдателя к Организации исламского сотрудничества (ОИС) в 2005 году была создана Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир». В рамках Группы реализуется множество проектов в гуманитарной сфере: «Айтматовские чтения» для стран СНГ, KazanSummit для стран ОИС и др. К этно-религиозной деятельности Республики Татарстан также можно отнести агрегацию татарских общин организацией регулярного «Всемирного конгресса татар».

Инфраструктура МГС Астраханской области

Астраханская область располагается на юге России. Главной особенностью её экономико-географического положения является выход в Каспийское море и местонахождение на территории пересечения двух транспортных евроазиатских маршрутов – коридоров «Запад-Восток» (связь с Китаем и странами Средней Азии) и «Север-Юг» (соединительное звено с Индией и странами Персидского залива). Астраханская область является стратегически важным приграничным регионом, так как имеет сухопутную границу с Республикой Казахстан и морскую границу с Туркменистаном, Азербайджаном и Исламской Республикой Иран. На территории Астраханской области располагаются консульские учреждения Ирана, Туркменистана, Казахстана, Индии и Словацкой Республики. Они являются неотъемлемым звеном поддержки и координации международных гуманитарных проектов.

Регион достаточно богат разнообразием народностей и наций – русские, татары, армяне, казахи, туркмены, узбеки, азербайджанцы и др. В области активно осуществляют свою деятельность национальные общины и диаспоры: «Казахи Астраханской области», «Союз армян России», туркменская диаспора и т.д. Ввиду исторического контекста и наличия у Астраханской области сопредельных связей со странами, в большинстве своем исповедующими ислам, в регионе довольно активно ведет свою деятельность астраханская мусульманская община в рамках Регионального духовного управления мусульман Астраханской области. Данная организация образована для распространения и совместного исповедания ислама, повышения духовного потенциала всех народов и наций, приверженных мусульманской религии.

Деятельность региона в сфере международного гуманитарного сотрудничества не ограничивается Каспийским регионом, она довольно обширна и имеет несколько направлений: страны постсоветского пространства, страны Европы и страны Азии. Стандартным правовым механизмом, регулирующим МГС в регионе, является заключение соглашений о сотрудничестве с органами государственной власти зарубежных стран и муниципалитетами. Проекты соглашений разрабатываются Правительством Астраханской области, в частности Министерством внешних связей АО. В случае, если соглашение заключается непосредственно с государственными органами власти иностранных государств, то проект обязательно проходит согласование в Министерстве иностранных дел России. Осуществлением реализации соглашений и программ занимаются установленные министерства, агентства, ведомства и иные учреждения.

В рамках заключенного с Правительством Азербайджанской Республики соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве подписана программа мероприятий по развитию на 2022 год. В данном документе мероприятия классифицированы по категориям и с указанием ответственных исполнителей:

- Культура и туризм (Министерство культуры и туризма АО и Астраханский государственный театр Оперы и Балета);

- Образование, молодёжная политика и спорт (Министерство физической культуры и спорта АО, Агентство по делам молодёжи АО, Дирекция молодежных программ и проектов АО и консорциум университетов АО).

Важно отметить, что между государственными образовательными организациями высшего образования Астраханской области и странами-партнерами действует множество самостоятельных соглашений, договоров и меморандумов, в рамках которых осуществляется совместная научная деятельность и организация академической мобильности студентов. Взаимодействие между вузами происходит и в рамках Ассоциации университетов и научно-исследовательских центров прикаспийских стран, а также на базе Центра образования, науки и технологий Астраханского государственного университета, открытого в Баку в 2021 году.

Особое место в сотрудничестве региона занимают отношения с Казахстаном ввиду наличия общей сухопутной границы. Между Астраханской областью и сопредельными с ней областями Республики Казахстан заключены соглашения о приграничном сотрудничестве в торгово-экономической, культурной и научно-технической сферах. Подписаны соглашения на региональных уровнях Правительством АО и акиматами (администрациями) Атырауской, Мангистауской и Западно-Казахстанской областей Казахстана. Астраханскими вузами на базе межвузовских соглашений реализуются программы казахского языка, что создает более благоприятный климат для обучения тысяч казахских студентов ежегодно. На совместные средства сопредельных регионов на территории Астраханской области построен Региональный культурный центр имени Курмангазы. Ежегодно для данного учреждения Министерство культуры и туризма АО издает распоряжение об утверждении государственного задания и средств для его финансирования. Стандартно, задание включает в себя деятельность в области изобразительных искусств по организации творческих концертных программ и иных культурно-массовых мероприятий, таким образом совершенствуются условия комплексного туристического обслуживания региона.

Однако, не смотря на широкий спектр институциональных возможностей региона, весь потенциал МГС довольно сложно воплотить из-за ряда неточностей: вопросы финансирования, отсутствие ясности в разделении компетенций и функций во взаимодействии, неэффективная работа с диаспорами и этно-религиозными институтами, слабое вовлечение в МГС бизнес-структур как дополнительной «мягкой силы» и источника материальных средств. Во всех проектах соглашений указаны обобщенные формулировки – нет категорий мероприятий, форматов взаимодействия, ответственных органов власти региона. Планы мероприятий в рамках соглашений с более детализированной информацией заключаются далеко не со всеми странами, поэтому результаты сотрудничества варьируются в зависимости от наличия широкой правовой базы МГС с государством. В основном МГС Астраханской области реализуется в двухстороннем порядке. Однако, ввиду расположения на территории региона особой экономической зоны «Лотос» и портовой зоны (Каспийский кластер) область особо привлекательна для иностранных инвестиций. Следовательно, целесообразно привлечение на взаимовыгодных условиях крупного коммерческого сектора для осуществления социально-гуманитарных миссий.

Заключение

Международное гуманитарное сотрудничество путем признания и уважения достижений разных народов и наций способствует построению многополярного мира и является важнейшим инструментом по преодолению дефицита международного доверия. Так как гуманитарная область затрагивает сферы интересов практически каждого человека вне зависимости от возраста, пола или сферы занятости, способствует искоренению ксенофобии путем ознакомления с языками, ценностями и традициями народов мира, дальнейшее развитие МГС на территории субъектов РФ является перспективным направлением внешней политики России.

Список литературы

1. Комлева В.В. Международное гуманитарное сотрудничество: к вопросу о понимании сущности и определении понятия // Россия и мир: диалоги. 2020. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2020. – С. 56-67.
2. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента от 30.11.2016 №640 // СЗ РФ. 05.12.2016. №49. ст. 6886.
3. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 04.01.1999 № 4-ФЗ (ред. от 13.08.2015) // СЗ РФ. 11.01.1999. №2, ст. 231.
4. Табаринцева-Романова К.М. Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации // Сравнительная политика. – Екатеринбург, 2021. Вып. 12 (4). С. 31-46.
5. Williams R. Humanitarian Response Review // An independent report commissioned by the United Nations Emergency Relief Coordinator and Under-Secretary-General for Humanitarian Affairs, Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA). New York, Geneva, 2005.
6. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Sandwich, 2004.

Экономические показатели укрепления интеграционных связей в формате ЕАЭС

Мороз Е.Н.

АННОТАЦИЯ

Образуя сильные экономические блоки, региональные интеграционные объединения играют все большую роль в мировой экономике. Учитывая, что на фоне хорошо изученной глобализации проходят процессы региональной интеграции, которые на первый взгляд противоречат ей, представляется интересным и необходимым исследовать данные процессы в мире и определить их эффективность для развития экономик государств-участников. Для анализа был выбран Евразийский экономический союз как молодое, но достаточно перспективное объединение с участием России и других бывших республик СССР. В результате проведенного анализа эффективности развития интеграционных связей в рамках ЕАЭС было выявлено, что несмотря на то, что структурно ЕАЭС полностью сформирован, на данный момент ему не удалось добиться значительных экономических успехов.

RESUME

Forming strong economic blocs, regional integration associations are playing an increasingly important role in the global economy. Considering that regional integration processes are taking place against the background of well-studied globalization, which at first glance contradict it, it seems interesting and necessary to investigate these processes in the world and determine their effectiveness for the development of the economies of the participating States. The Eurasian Economic Union was chosen for the analysis as a young, but rather promising association with the participation of Russia and other former republics of the USSR. As a result of the analysis of the effectiveness of the development of integration ties within the EAEU, it was revealed that despite the fact that the EAEU is structurally fully formed, at the moment it has not managed to achieve significant economic success.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, эффективность интеграции, региональная интеграция, интеграционные объединения

Keywords: Eurasian integration, Eurasian Economic Union, EAEU, integration efficiency, regional integration, integration groupings

Мороз Елена Николаевна, студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, SPIN-код: 6728-4792, Москва, Россия, helen_moroz9@mail.ru

Elena N. Moroz, student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, SPIN code: 6728-4792, Moscow, Russia, helen_moroz9@mail.ru

Введение

Интеграция (от лат. «integer» — «целый» либо «integratio» — восстановление, восполнение целого) предполагает создание нового самостоятельного целого, образованного из совокупности отдельных частей.

Региональная интеграция представляет собой долгосрочное добровольное сотрудничество двух или более субъектов (государств или государственных субъектов соответственно, особенно правительств) в ограниченном географическом

пространстве с целью постоянного институционализированного слияния и совместного урегулирования в одной или нескольких областях политики.

Правовой основой региональной интеграции, как правило, является договорное соглашение, в соответствии с которым принимаются материальные правила и/или создаются институты, которые, при необходимости, могут быть приняты.

Региональная интеграция – это процесс мирного преодоления политических, материальных, экономических и социальных барьеров, отделяющих страны от их соседей, а также совместной работы для управления общими ресурсами и работы с региональным достоянием.

Интеграционные процессы преследуют три основные цели:

- политическая стабильность: предпосылка экономического развития;
- экономическое развитие: свободное перемещение товаров, услуг, капитала и людей ведет к экономии за счет масштаба на крупных гармонизированных рынках и способствует инвестиционной активности;
- региональные общественные блага: трансграничные проблемы в таких областях, как продовольственная безопасность, сохранение биоразнообразия или борьба с изменением климата, могут быть решены только путем сотрудничества между соседними странами.

Несмотря на давнюю традицию группового диалога, регионализм является сравнительно молодым явлением, часто рассматриваемым в контексте глобализации и интернационализации.

Выделяют два уровня интеграционных процессов. Первый уровень – это процессы глобализации, охватывающие весь мир, объединяющие политику и экономику, сближающие правовые системы государств и системы ценностей. Следующий уровень – региональные интеграционные процессы. Они отличаются от простой глобализации тем, что глубже вплетаются в изначально суверенные права государства и в то же время создают ограждающие внешние рамки региона (Буторина, 2005).

Региональная интеграция помогает странам преодолевать разногласия, препятствующие потоку товаров, услуг, капитала, людей и идей. Эти разногласия сдерживают экономический рост, особенно в развивающихся странах.

Разделение между странами, вызванное географическим положением, плохой инфраструктурой и неэффективной политикой, является препятствием для экономического роста. Региональная интеграция позволяет странам преодолевать эти дорогостоящие разделения, интегрируя рынки товаров, услуг и факторов производства, тем самым облегчая потоки торговли, капитала, энергии, людей и идей. Региональной интеграции может способствовать общая физическая и институциональная инфраструктура.

Региональная интеграция может привести к значительным экономическим выгодам, к которым приводит дискриминация нерезидентов по сравнению с резидентами интеграционного объединения, снижение тарифных барьеров, устранение других препятствий на пути свободной конкуренции товаропроизводителей, инвесторов капитала и иных субъектов хозяйственной жизни.

Особенности современных интеграционных процессов в Евразии

В процессе формирования экономического пространства ЕАЭС есть важная особенность. Если в других интеграционных объединениях (например, в ЕС) мы наблюдаем экономическое и политическое объединение, сложение сил различных государств и различных экономик в одно целое, то на постсоветском пространстве произошло разложение единого целого, именовавшегося «народно-хозяйственный комплекс Союза ССР», на разные составляющие, одной из которых является ЕАЭС.

С развала СССР произошел разрыв единого экономического пространства. Уже в конце 80-х произошло разрушение связей в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Стала очевидна необходимость взаимодействия Российской Федерации с новыми независимыми государствами, образовавшимися после разрушения Союза ССР, в различных сферах деятельности.

Подобное взаимодействие может быть эффективным только при сопряжении их правовых систем, причем первостепенное внимание должно уделяться конституционному, гражданскому, таможенному, финансовому, трудовому, инвестиционному законодательству. Практической реализацией данной необходимости стало создание Евразийского экономического союза, в состав которого помимо Российской Федерации вошли Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Кыргызская Республика. Таким образом, данное интеграционное объединение, лишённое участия Украины, является более «азиатским» («евразийским»). Не зря ЕАЭС позиционирует себя как ядро континентальной интеграции.

Россия является центром евразийской интеграции потому, что обладает рычагами позитивного влияния на страны бывшего СССР: сырьевой зависимостью новых независимых государств от России, экономическими связями, осознанием общности военно-стратегических интересов и неизбежности формирования единого оборонного пространства и, что, возможно, наиболее важно, русским языком и русской культурой как инструментами вовлечения государств в общемировой культурный процесс (Осадчая, 2019).

И.Н. Барциц утверждает, что Россия в краткосрочной перспективе менее других прежних союзных республик заинтересована в безусловной полномасштабной интеграции. Однако, основываясь на своих долгосрочных интересах, Россия не может не играть объединяющей роли на постсоветском пространстве. «Реинтеграция необходима России, при этом основное бремя по ее осуществлению ложится на саму Россию», подчеркивает И.Н. Барциц (Барциц, 2000).

При этом приоритетом интеграционных процессов на территории бывшего СССР является включение бывших стран-членов в сферу российских интересов и российского влияния в той степени, при которой подобное включение приобретает необратимый характер. При отсутствии подобной системы разрушение связей на постсоветском пространстве будет неминуемым.

Евразийская интеграция имеет большую историю и как следствие имела множество различных форм: от скифских племен и Монгольской империи до Российской империи, СССР, а теперь в усеченном виде СНГ и ЕАЭС. Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. были заложены основы современного интеграционного строительства. Ему предшествовало предложение создания в 1994 г. (на тот момент президентом Казахстана) Нурсултаном Назарбаевым Евразийского союза государств.

На протяжении следующих 25 лет вплоть до подписания Договора о ЕАЭС 29 мая 2014 г. были пройдены этапы зоны свободной торговли, Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках пятерки государств. Однако на тот момент, несмотря на большое количество договоренностей, не удалось создать ни таможенного союза, ни единого экономического пространства. Независимые государства были не готовы делегировать часть своих экономических полномочий, а, как известно, без создания наднациональных структур невозможно создание интеграционного объединения.

В экономическом кризисе 2008 г. евразийские государства увидели возможность изменить мировую архитектуру. Именно с 2008 г. началась предметная работа по созданию Единого экономического пространства, в 2010 г. стартовал Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана. С 2012 г. создается Единое экономическое пространство и начинает функционировать Евразийская экономическая комиссия как наднациональный орган. 29 мая 2014 г. был подписан договор о создании ЕАЭС, а с 1 января 2015 г. Союз начал функционировать и был расширен Киргизской Республикой и Республикой Арменией.

В качестве интеграционной модели ЕАЭС была выбрана институциональная модель, которая предусматривает проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики в соответствии с Договором 2014 года, международными соглашениями, основными принципами и целями Союза (Сологуб, 2019). Высшим институтом наднациональной системы управления ЕАЭС является Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС). Вспомогательными органами служат Совет глав государств (выполняет роль высшего политического органа), Совет глав правительств (дублирует первый), рабочие группы, специальные комиссии, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), Суд Евразийского экономического союза, Евразийский банк развития (ЕАБР) и Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР).

Глубина интеграции. Согласно «классической» схеме этапов интеграции Б. Балассы ЕАЭС находится на четвертой стадии – стадии экономического союза, но не в зрелой своей форме – одновременно экономического и валютного союза.

Количество вовлечённых участников – 5 (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия). Согласно данным Всемирного банка, население стран ЕАЭС составляет: Армения – 2,96 млн, Беларусь – 9,4 млн, Казахстан – 18,75 млн, Кыргызстан – 6,6 млн, Россия – 147,5 млн.

Результаты эффективности интеграционного сотрудничества

Поскольку результаты экономической интеграции требуют измерения, существуют критерии оценки экономической эффективности интеграционных объединений. Нами были выбраны 8 показателей эффективности интеграции: динамика ВВП, рост внутреннего товарооборота, рост экспорта товара в третьи страны, рост уровня занятости населения, снижение уровня безработицы, тенденция роста благосостояния населения, приток инвестиций и темпы восстановления экономики после пандемии.

На конец 2015 г., спустя год после создания Евразийского экономического союза, ВВП объединения составил 1587,1 млрд долл. США, объем внешней торговли с третьими странами – 579,4 млрд долл. США, объем взаимной торговли государств ЕАЭС – 45,7 млрд долл. США. К 2020 г. показатели значительно выросли.

По данным Всемирного банка, страны-члены ЕАЭС показывали периодически то хороший рост ВВП, то значительное падение, а именно в 2015 году после санкций в отношении России и в 2020 году от коронакризиса. (См. Таблица 1) (11, 2022).

Таблица 1

Динамика ВВП государств-членов ЕАЭС

Государство	Показатель	2010	2015	2017	2020
Армения	ВВП (в текущем US\$)	9,26E+09	1,06E+10	1,15E+10	1,26E+10
Армения	Рост ВВП (ежегодный %)	2,2	3,2	7,5	-7,6
Армения	ВВП на душу населения (в текущем US\$)	3218,378	3607,289	3914,528	4267,452
Армения	Рост ВВП на душу населения (годовой %)	2,582897	2,735918	7,184522	-7,77169
Белоруссия	ВВП (в текущем US\$)	5,72E+10	5,65E+10	5,47E+10	6,03E+10
Белоруссия	Рост ВВП (ежегодный %)	7,798267	-3,82957	2,532184	-0,9
Белоруссия	ВВП на душу населения (в текущем US\$)	6029,397	5949,106	5761,747	6411,228
Белоруссия	Рост ВВП на душу населения (годовой %)	7,982069	-3,98265	2,567483	-0,69979
Киргизия	ВВП (в текущем US\$)	4,79E+09	6,68E+09	7,7E+09	7,74E+09
Киргизия	Рост ВВП (ежегодный %)	-0,47157	3,875825	4,739937	-8,61655
Киргизия	ВВП на душу населения (в текущем US\$)	880,0378	1121,083	1242,77	1173,611

Киргизия	Рост ВВП на душу населения (годовой %)	-1,65175	1,758864	2,734092	-10,4937
Казахстан	ВВП (в текущем US\$)	1,48E+11	1,84E+11	1,67E+11	1,7E+11
Казахстан	Рост ВВП (ежегодный %)	7,3	1,2	4,1	-2,6
Казахстан	GDP per capita (current US\$)	9070,488	10510,77	9247,581	9055,745
Казахстан	Рост ВВП на душу населения (годовой %)	5,794225	-0,26827	2,693432	-3,85041
Россия	ВВП (в текущем US\$)	1,52E+12	1,36E+12	1,57E+12	1,48E+12
Россия	Рост ВВП (ежегодный %)	4,5	-1,97272	1,82579	-2,95127
Россия	ВВП на душу населения (в текущем US\$)	10675	9313,014	10720,33	10126,72
Россия	Рост ВВП на душу населения (годовой %)	4,453094	-2,18389	1,70939	-2,77157

Товарооборот внутреннего и внешнего рынка стран участников интеграции – см. таблицы 2 и 3.

Таблица 2

Взаимная торговля товарами

(в процентах к предыдущему году из расчета в текущих ценах)

	2015	2016	2017	2018	2019
Армения	79,1	153,7	145	120,6	110,5
Беларусь	68	103,4	119,9	102,1	104,4
Казахстан	71,6	76,8	133,9	114,9	104,5
Кыргызстан	64,3	109	121,1	118,3	96,9
Россия	78,1	93	129,4	112,3	99,6
ЕАЭС	74,6	94,2	127,4	110,1	101,3

Таким образом, можем наблюдать постепенный рост взаимной торговли между странами ЕАЭС, что является показателем эффективности интеграции. Тем не менее, в 2019 году темпы роста взаимной торговли снизились и остались на уровне 2018 года.

По сравнению с показателями экспорта товаров к прошлому году на конец 2015 года экспорт стран ЕАЭС снижался и составлял около 67% к 2014 году. Однако далее заметен рост к 2019 году и падение в 2019 году. Больше всего экспорт наращивают Киргизия и Армения. (См. Таблица 3) (5, 2020).

Таблица 3

Экспорт товаров во внешней торговле с третьими странами
(в процентах к предыдущему году из расчета в текущих ценах)

	2015	2016	2017	2018	2019
Армения	100,7	113,9	119,2	103,4	109
Беларусь	78,7	77,6	128,1	128,1	92,1
Казахстан	56,5	80,3	127,3	127,3	93,4
Кыргызстан	86,1	105	97,8	97,8	112,4
Россия	68,3	82,8	126,9	126,9	93,6
ЕАЭС	67,3	82,5	126,8	126,8	93,6

Рост экспортных доходов – см. таблица 4.

Таблица 4

Экспорт в страны вне Союза (внешняя торговля) (млн долл. США)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Армения	1 227	1 397	1 666	1 724	1 879	1 827
Беларусь	15 653	12 154	15 592	19 979	18 391	15 175
Казахстан	40 835	32 806	43 240	55 064	51 659	41 868
Кыргызстан	1 072	1 126	1 222	1 196	1 344	1 418
Россия	315 055	260 779	325 199	412 758	387 474	304 519
ЕАЭС	373 845	308 264	386 922	490 749	460 749	364 810

По данным ЕЭК экспорт стран ЕАЭС на следующий год после создания Союза показал значительное падение, далее с 2016 по 2018 годы значительно вырос, и снова начал падать вплоть до 2021 года. Таким образом, на конец 2020 года экспорт членов ЕАЭС в третьи страны оказался даже меньше, чем в 2015 году. Падение внешней торговли в первую очередь отразилось на объемах экспорта России и Беларуси. Для других участников интеграции данные показатели выросли: на 30-40% для Армении и Киргизии, и незначительно для Казахстана (4, 2022).

Исходя из данных ЕЭК об уровне занятости населения с 2010 по 2019 годы (10, 2022) видно, что с момента создания ЕАЭС уровень занятости населения незначительно вырос – на 1%, что соответствует росту до начала интеграционного процесса. Средний уровень занятости по странам ЕАЭС в 2019 году остался на прежнем уровне по сравнению с 2010 годом, снизившись в Казахстане почти на 1%, в Киргизии на 4% и Армении более чем на 2,5%, в то время как занятость в России выросла на 1%, в Белоруссии на 2% (8, 2022).

Анализируя данные ЕЭК по уровню безработицы в странах ЕАЭС с 2005 по 2019 годы, приходим к следующим выводам: уровень безработицы в целом по ЕАЭС снижается на 0,2% ежегодно, что является хорошим показателем. Тем не менее, ситуация с безработицей в Армении остается на высоком уровне – более 18% –

и к 2019 году находится почти на таком же уровне, что и к моменту вхождения в интеграционную группировку. По другим четырём странам-членам ЕАЭС наблюдается стабильное снижение уровня безработицы (10, 2022).

В Армению с 2015 года по 2020 потоки прямых инвестиций сократились втрое, в Беларусь – сократились, при этом, в основном за счет сокращения инвестиций ЕАЭС, в Казахстан, наоборот, выросли на 0,5 млн долл. США. Прямые инвестиции в Киргизию в 2020 году впервые оказались отрицательными: значит, произошел отток инвестиций из-за того, что инвесторы стали избавляться от киргизского имущества, в том числе и страны ЕАЭС. В Россию потоки прямых инвестиций выросли с 2015 года к 2020 году на треть, при этом, наоборот инвестиционные потоки стран ЕАЭС сократились (см. Таблица 5) (7, 2022).

Таблица 5

Потоки и запасы прямых инвестиций (млн долл. США)

(потоки – за год; запасы – на конец года)

	2015				2019				2020			
	ЗАПАСЫ		ПОТОКИ		ЗАПАСЫ		ПОТОКИ		ЗАПАСЫ		ПОТОКИ	
	в страну	из страны	в страну	из страны	в страну	из страны	в страну	из страны	в страну	из страны	в страну	из страны
Армения												
Всего	4338,1	537,8	184,1	28,8	5 520,9	536,5	100,9	-133,0	5 217,7	492,3	47,2	-27,7
В т.ч. ЕАЭС	1924,4	-	130,4	-	2 328,3	-	16,7	-	1 686,7	-	-92,3	-
Беларусь												
Всего	17 988,2	719,1	1 652,3	106,7	14 449,6	1 472,9	1273,3	-3,8	14 543,8	1 517,9	1 391,6	77,0
В т.ч. ЕАЭС	10294,9	508,6	736,8	30,8	4599,8	1174,3	459,1	-58,5	4543,8	1160,3	474,1	14,2
Казахстан												
Всего	139 242,5	32660,0	6577,8	3316,4	163539,4	27477,0	3319,9	-2177,5	166406,6	29162,9	7264,6	1359,3
В т.ч. ЕАЭС	3304,7	1106,8	197,3	255,6	5488,3	2316,4	472,5	278,6	5341,8	2293,0	261,6	98,0
Кыргызстан												
Всего	4637,7	618,6	1141,6	132,6	5754,5	911,5	341,3	4,5	5 177,3	1 181,3	-501,6	2,04
В т.ч. ЕАЭС			512,6	0			0,3	-2,7			-59,4	0,1
Россия												
Всего	347689,8	375034,3	6853,5	22085,1	586994,5	550115,8	31974,7	21923,1	539743,4	4471836,9	9245,0	5721,9
В т.ч. ЕАЭС	1756,3	7864,7	513,1	1694,3	5573,5	9583,2	179,5	850,7	4797,2	8673,9	94,8	542,0

Таким образом, по притоку инвестиций интеграционная группировка ЕАЭС очень неэффективна. Резиденты стран-членов ЕАЭС не вкладывают капитал в страны объединения и сейчас показатели взаимных инвестиционных потоков даже ниже, чем до создания экономического союза.

Текущая макроэкономическая ситуация в государствах-членах ЕАЭС (Аналитический доклад, 2019).

После завершения фазы активного подъема экономический рост в государствах – членах ЕАЭС демонстрирует признаки замедления. Драйвером роста большинства экономик в 2019 году остается внутренний спрос, при этом темпы увеличения потребительской активности, как и инвестиционного спроса снижаются. На состоянии экономической активности и взаимной торговли в странах ЕАЭС сказывается замедление мировой экономики и торговли в условиях растущей неопределенности экономической политики и эскалации торговых споров. Риски роста остаются умеренными и в основном связаны с ситуацией во внешнем секторе. Согласно прогнозам, темпы экономического роста в ЕАЭС составят 1,5% по итогам года, в среднесрочном периоде увеличатся до 1,9 – 2,1%, что по-прежнему ниже среднемировых темпов роста.

Основные тенденции в экономиках. Экономики государств – членов ЕАЭС в 2019 году продолжают демонстрировать умеренный рост, однако с начала года наблюдается тенденция к снижению его темпов, и различия в темпах роста между государствами – членами ЕАЭС остаются высокими. За январь-июнь 2019 года по сравнению с аналогичным периодом 2018 года реальный ВВП увеличился на 1,0% (на 2,2% годом ранее).

Снижение темпов роста экономики обусловлено замедлением в большинстве государств-членов роста инвестиций в основной капитал, объемов промышленного производства, строительства и розничной торговли. Таким образом, оперативные данные свидетельствуют о возможном замедлении в экономиках стран Союза в краткосрочном периоде.

К группе быстро растущих экономик относятся Армения, Казахстан и Кыргызстан: темпы прироста их ВВП составили 6,8%, 4,1% и 6,4% соответственно. Вместе с тем темпы прироста ВВП Беларуси и России относительно других государств – членов ЕАЭС остаются невысокими: 0,9% и 0,7% соответственно.

В 2019 году экономический рост в государствах-членах преимущественно обусловлен ростом сектора промышленного производства и сферы услуг. В январе-августе 2019 года во всех государствах наблюдалась положительная динамика промышленного производства, пассажирооборота и оборота розничной торговли.

Рост инвестиционного спроса остается неустойчивым. Несмотря на сокращение валового накопления в государствах-членах, накопление основного капитала остается положительным, хотя и замедляется. Потребительская активность сохраняется на высоком уровне, но темпы ее роста постепенно снижаются. По итогам января-августа 2019 года динамика номинальной и реальной заработной платы во всех странах Союза продолжила замедляться, что привело к замедлению потребительской активности и, соответственно, снижению темпов роста оборота розничной торговли.

Конвергенция доходов в ЕАЭС. В государствах – членах ЕАЭС наблюдается разнонаправленный характер конвергенции: устойчивая конвергенция уровня цен, в то время как сближение уровня доходов и заработных плат населения в последние годы существенно замедлилось. Вопрос конвергенции особенно важен для Армении и Кыргызстана, так как уровень зарплат и доходов в этих странах существенно ниже среднего по ЕАЭС.

При этом взаимная торговля потенциально может способствовать процессу конвергенции между государствами – членами ЕАЭС при условии переориентации производства в сторону продукции с высокой добавленной стоимостью, однако для достижения устойчивой конвергенции требуются структурные реформы и формирование институциональных финансовых механизмов, направленных на сокращение неравенства между странами.

Внешние условия. Мировая экономика продолжает замедляться на фоне усиливающейся неопределенности экономической политики, снижения темпов роста торговли и промышленного производства. В связи с этим органы денежно-кредитного регулирования развитых и развивающихся стран принимают меры по смягчению денежно-кредитных условий в целях поддержания экономической активности. Одной из основных характерных особенностей новой фазы экономического цикла являются торгово-экономические противоречия, которые непосредственно влияют на объемы товарооборота, инвестиционную и потребительскую активность, приводя к замедлению темпов роста экономики. Новые этапы торговой напряженности, более резкое замедление экономики в Китае и длительный низкий рост в Европе, а также дальнейшее усиление неопределенности создают основные риски ослабления мировой экономической активности и нахождения фактических показателей роста ниже прогнозируемых.

Внешняя позиция. Замедление мировой экономики и торговли в условиях растущей неопределенности экономической политики отражается на состоянии экономической активности в государствах – членах ЕАЭС. Замедление темпов экономического роста в большинстве государств-членов в 2019 году происходит на фоне снижения объемов внешней и взаимной торговли Союза. В целях повышения устойчивости экономик к внешним рискам национальные (центральные) банки государств-членов осуществляли наращивание международных резервов, в том числе в золоте.

На фоне ослабления внешнего спроса со стороны основных торговых партнеров и падения цен на топливно-энергетические товары наблюдается сокращение взаимных экспортных поставок. Взаимная торговля ЕАЭС в январе-июле 2019 года по сравнению с аналогичным периодом 2018 года демонстрировала отрицательную динамику, сокращаясь быстрее внешней торговли. Вместе с тем это отражает не переориентацию на внешние по отношению к ЕАЭС рынки, а обусловлено единовременными факторами и страновыми особенностями.

Перспективы роста, вызовы и риски. Риски экономического роста остаются умеренными, хотя и смещены в сторону понижения, что, в частности, обусловлено ухудшением внешних условий. Кроме того, остается широкий спектр вопросов внутренней политики, требующих внимания со стороны национальных органов; сохраняется возможность дальнейшего повышения согласованности денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики. Таким образом, в 2019 году в государствах – членах ЕАЭС ожидается сохранение неравномерной динамики экономической активности, а темпы прироста суммарного ВВП ЕАЭС будут близки к 1,5%, и вблизи 2% в последующие годы.

Совместные меры политики должны быть ориентированы на преодоление ключевых рисков для экономик государств – членов ЕАЭС и включают:

- повышение долгосрочных темпов экономического роста посредством поддержки потребительского и инвестиционного спроса при помощи мер стимулирующей денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики;
- восстановление инвестиционной активности в регионе, в том числе посредством более широкого вовлечения региональных институтов развития для реализации совместных инвестиционных проектов;
- снижение барьеров во взаимной торговле, реализацию более активной торговой политики для расширения доступа на внешние рынки в условиях усиления протекционизма, замедления мировой экономики и снижения темпов роста взаимной торговли;
- снижение уровня долларизации экономик, в частности формирование региональных механизмов страхования/разделения рисков за счет создания условий для размещения ценных бумаг (государственных и корпоративных) в национальных валютах государств – членов ЕАЭС на финансовых рынках государств – членов ЕАЭС.

Уровень благосостояния жителей стран интеграции.

С 2010 года по 2014 годы чистый национальный доход и чистый национальный доход на душу населения стран ЕАЭС повышались до резкого падения в 2014 году, после чего продолжили рост до 2018 года, снова упав в 2019 году.

Годовой прирост национальных доходов на душу населения в России в 2019 году составил 0,7%, что на 5,7% ниже, чем в 2018 году. А в Казахстане годовой прирост национальных доходов на душу населения в 2019 году, наоборот, составил около 8,5% по сравнению с 2018 годом. В Белоруссии – третьей экономике ЕАЭС – прирост составил в 2019 году был меньше показателя 2018 года на 5,6%.

Чистый национальный доход на душу населения в 2019 году для России составил 8,940 в текущих долларах США, 6716 долл. США в Казахстане, 5283 долл. США в Белоруссии, 4021 долл. США в Армении и 1052 долл. США в Киргизии.

Выводы

На просторах ЕАЭС интеграция началась как осознание целесообразности сохранения тесных экономических связей и создание экономического союза после распада единой экономической системы – СССР, а также для комплексной модернизации, повышения конкурентоспособности и сотрудничества между национальными экономиками, содействия стабильному развитию в целях повышения уровня жизни населения.

По результатам проведенного анализа экономических показателей ЕАЭС можно считать, что интеграционные процессы в ЕАЭС недостаточно эффективны: не наблюдается рост уровня занятости населения, уровень благосостояния остается низким, хотя есть небольшой рост, приток инвестиций отрицательный. Тем не менее, есть хороший рост взаимной торговли в рамках Союза, снижается уровень безработицы, до 2019 года наблюдался рост экспортных доходов до падения в 2020 году из-за ограничений по перемещению товаров через границы, а также восстановление экономики после пандемии происходит медленно.

Стоит отметить высокую скорость евразийского интеграционного строительства, которое значительно превышает аналогичные процессы в других регионах. Хотя несмотря на то, что на сегодняшний день создание правовой архитектуры ЕАЭС почти завершено, значительных экономических успехов объединение еще не принесло. Поэтому и желающих вступить в ЕАЭС на данный момент нет.

Таким образом, из 8 показателей эффективности интеграции 3 экономических процесса (рост взаимной торговли, снижение уровня безработицы, тенденция роста благосостояния населения) протекают на высоком уровне, 2 – рост экспортных доходов и темпы восстановления экономики после пандемии – протекают на достаточном уровне, а 3 – рост ВВП, рост уровня занятости населения и приток инвестиций – на низком уровне.

Помимо этого, в ЕАЭС наблюдается сильный дисбаланс экономик. В ЕАЭС доминирует Россия – на нее приходится около 60% всего товарооборота, который состоит в основном из сырой нефти и природного газа, товаров, которые можно продавать в любом месте (при наличии необходимой инфраструктуры) и которые не требуют сложных торговых переговоров, характерных для промышленных товаров.

Более того, учитывая возраст Евразийского экономического союза, объединению еще предстоит пройти множество этапов развития и только спустя 10-20 лет можно будет говорить о его достижениях. Тем не менее, в ЕАЭС исправно работают учредительные договоры и институты, функционирует общий рынок труда, наблюдаются тенденции роста экономики, повышения уровня жизни и занятости населения. А другие интеграционные эффекты будут расти за счет реализации существующих планов в сферах инфраструктуры, промышленной политики, агропромышленного комплекса, рынка труда, единого пенсионного пространства, сотрудничества в области исследований и образования.

Список литературы

1. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах-членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития». 2019. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Макродоклад+ЕЭК+2018.pdf.
2. Барциц И. Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. М.: Изд-во Московского университета, 2000. С. 255.
3. Буторина О. В. Понятие региональной интеграции: новые подходы. Космополис, 2005 осень. № 3 (13). С. 136-145.
4. Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx.
5. Евразийский экономический союз в цифрах 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2020.pdf.
6. Осадчая Г. И. Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. 2019. Москва. 227 с.
7. Потоки и запасы прямых инвестиций по странам мира. IV квартал 2020 года. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/stat_tables/Pages/default.aspx.
8. Соотношение занятости к численности населения, 15+, всего (%) (смоделированная оценка МОТ). URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#>.
9. Сологуб В. И. Современные интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе. 2019. 182 с.
- Труд и заработная плата. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/labor_market.aspx

Москва как центр концентрации прямых иностранных инвестиций

Наумов В.В.

АННОТАЦИЯ

В работе исследуется вопрос концентрации прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Москве. Рассматривается объем вложенных ПИИ в столицу, структура инвестиций по секторам экономики. Анализируется структура вложений из различных стран инвесторов, а также потенциальная замена их активов в условиях санкций. Основной целью работы является изучение причин доминирования Москвы в потоке ПИИ в Россию.

Исследуется связь прямых иностранных инвестиций с внешнеэкономической деятельностью столицы. Вместе с этим изучается вопрос о концентрации в Москве потока прямых иностранных инвестиций в РФ. Рассматривается связь международных экономических отношений столицы, её потребительского рынка и иностранных инвестиций. Делается промежуточный вывод о связи концентрации потоков прямых иностранных инвестиций в Москве со статусом города как “глобальных ворот” в Россию.

Делается основной вывод о необходимости усиления государственного вмешательства в экономику, в первую очередь связанного со значительным увеличением бюджетных расходов, созданием рабочих мест, строительством инфраструктуры. Целью является “замена” иностранных инвестиций, позволяющая компенсировать отток иностранных инвестиций снижением издержек на капитал.

RESUME

The paper examines the issue of concentration of foreign direct investment (FDI) in Moscow. The volume of FDI invested in the capital, the structure of investments by economic sectors is considered. The structure of investments from various countries of investors is analyzed, as well as the potential replacement of their assets under sanctions. The main purpose of the work is to study the reasons for Moscow’s dominance in the flow of FDI to Russia.

The connection of foreign direct investment with the foreign economic activity of the capital is investigated. At the same time, the issue of concentration of the flow of foreign direct investment in the Russian Federation in Moscow is being studied. The connection of the international economic relations of the capital, its consumer market and foreign investments is considered. An intermediate conclusion is made about the connection between the concentration of foreign direct investment flows in Moscow and the status of the city as a “global gateway” to Russia.

The main conclusion is made about the need to strengthen state intervention in the economy, primarily associated with a significant increase in budget expenditures, job creation, and infrastructure construction. The goal is to “replace” foreign investments, allowing to compensate for the outflow of foreign investments by reducing capital costs.

Ключевые слова: Прямые Иностранные Инвестиции, Москва, внешнеэкономические операции, глобальный город, экономическая концентрация, санкции

Keywords: Foreign direct investment, Moscow, foreign economic operations, global city, economic concentration, sanctions

Наумов Валерий Васильевич, студент Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, Россия. naumovscience@gmail.com

Valery V. Naumov, student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russia, naumovscience@gmail.com

Москва – столица, «глобальный мегаполис», крупный экспортер и импортер (2, 2019), тем самым, экономически значимый город России (4, 2021; 11, 2021). Здесь

размещены представительства иностранных корпораций и российские компании-экспортеры зачастую имеют штаб-квартиру в Москве. Московский транспортный узел отвечает за большую часть международных перелётов России (8, 2022; 9, 2020). Московская агломерация является «глобальными воротами» в Россию, другими словами, связующим звеном между мировой экономикой и Россией (Андерссон, Андерссон, 2001). Фактор, подтверждающий статус «глобальных ворот», – концентрация в пределах столицы значительной доли потока прямых иностранных инвестиций в Россию.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) – это вложения, при которых инвестор получает долгосрочный хозяйственный контроль над полученными активами. Они являются доминирующими в общих иностранных инвестициях, и оказывают наибольшее влияние на экономику. ПИИ делятся на поступившие (потокные) – инвестиции, вложенные в экономику за рассматриваемый период, и накопленные – активы иностранных инвесторов, накопленные в экономике на определённый момент.

На Московскую агломерацию приходилось около 57,1% и 64,8% от поступивших в РФ прямых иностранных инвестиций в 2019 и 2020 году соответственно (4, 2021). Фактически, для иностранных инвесторов столичная агломерация является наиболее привлекательной (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Доля региона в притоке ПИИ в Россию за 2019-2020гг.

Регион	Доля региона в притоке ПИИ в Россию за 2019-2020 гг.
г. Москва	55,99%
Тюменская область без ХМАО и ЯНАО	7,90%
Московская область	5,17%
Красноярский край	4,63%
Ямало-Ненецкий автономный округ	4,37%
Г. Санкт-Петербург	3,66%
Свердловская область	2,74%
Вологодская область	1,92%
Ленинградская область	1,91%
Сахалинская область	1,78%

По поступившим прямым иностранным инвестициям на душу населения Москва также входит в число лидеров, уступая только нефтегазовым регионам.

Таблица 2

ПИИ на душу населения (средний за 2019-2020гг.)

Регион	ПИИ на душу населения (средний за 2019-2020), в тыс. долларов
Ямало-Ненецкий автономный округ	15,51
Тюменская область без ХМАО и ЯНАО	9,93
Ненецкий автономный округ	9,42
Г. Москва	8,70
Сахалинская область	7,10
Красноярский край	3,23
Вологодская область	3,17
Ленинградская область	1,94
Липецкая область	1,83
Г. Санкт-Петербург	1,32

Будучи важнейшим экспортёром, столица создаёт “площадку” для поставщиков, покупателей и посредников с целью выхода на международный рынок. Экспортоориентированные компании предпочитают располагать штаб-квартиру в пределах столицы (10, 2021; 12, 2021). Создаётся пространство, в котором экспортёры могут воспользоваться преимуществами в виде снижения транзакционных издержек корпораций (Норт, 1997).

Нахождение центральных офисов крупных экспортоориентированных компаний в столице – симбиотическая ситуация для корпораций и города. Экспортёры получают возможность выхода на международный рынок и снижения издержек, город – часть добавленной стоимости от внешнеэкономической деятельности компаний. Это, в купе с агломерационным эффектом, создаёт в городе масштабную потребительскую экономику. Потребительские расходы столицы в 2021 году составили 180,3 миллиарда долларов, что ставит её на третье место среди городов Европы по данному показателю, и на первое в Восточной Европе (13, 2021). Именно статус центра международной торговли России, в купе с появившейся благодаря этому статусу потребительской экономике столицы, становится магнитом для прямых иностранных инвестиций. Это выражается в структуре накопленных ПИИ в Москве (см. рисунок 1).

Структура инвестиций показывает в первую очередь интересы иностранных инвесторов. Прямые иностранные инвестиции в Москву идут во многом в сектора, связанные с внешнеэкономической деятельностью и потребительской экономикой. Сектора с наибольшими преимуществами – финансы, научно-техническая

Рисунок 1

Доля видов экономической деятельности в структуре накопленных ПИИ в Москву на 01.10.2021

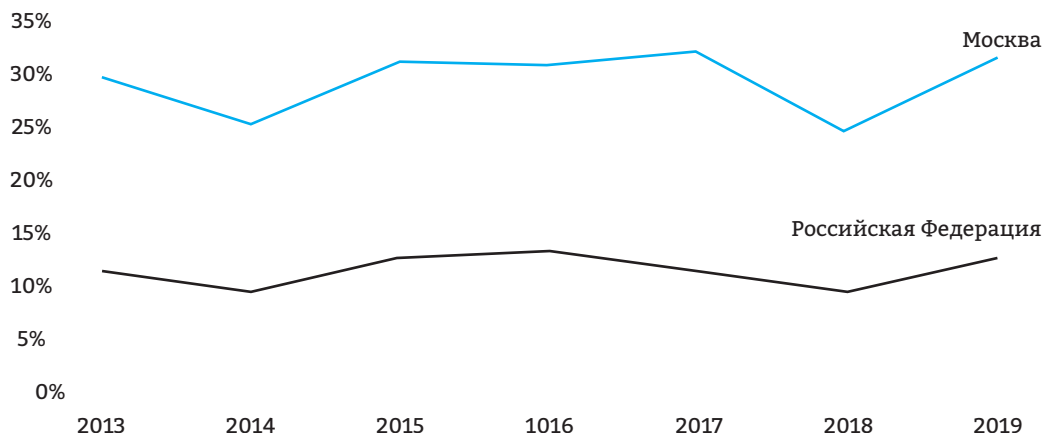

деятельность и торговля. Данные сектора являются притягательными в большинстве своём благодаря статусу “глобального города” для столицы. Финансовый сектор является глубоко интегрированным с экспортными компаниями; сектор торговли – это потребительская экономика, получаемая от агломерационного эффекта и рентной добавленной стоимости от международной торговли города; научно-техническая деятельность – это деятельность основных офисов, правовая и бухгалтерская работа; при учёте нахождения центральных офисов многих отечественных и иностранных компаний в Москве, этот пункт можно отнести к связанным с внешнеэкономической деятельностью (15, 2021).

Одним из центральных интересов российских предпринимателей является желание усиления государственного вмешательства в экономику (Кувалин, Зинченко, Лавриненко, 2021). Около половине всех предпринимателей была бы выгодна активизация активности в экономической политике государства, в первую очередь косвенной (к примеру, в строительстве инфраструктуры). В этом отношении Москва имеет значительные конкурентные преимущества среди российских регионов. Как и многие интегрированные в мировую экономику и международную торговлю города, Москва активно инвестирует в свою экономику бюджетные средства. Около трети от поступающих в город инвестиций идут от столичных властей (5, 2021). Это вложения в инфраструктуру, строительство и помощь местным компаниям. Региональные вложения создают благоприятную основу для частных отечественных и иностранных инвестиций в мегаполис.

Рисунок 2

Доля поступивших ПИИ в ВРП

Санкции создают неблагоприятную обстановку для иностранных инвестиций в столицу. Так, значительная часть ПИИ приходится на страны, которые ввели санкции или планируют это сделать.

Таблица 3

Доля государств-инвесторов в накопленных ПИИ в Москве на 01.10.2021

Страна	Доля государств-инвесторов в накопленных ПИИ в Москве на 01.10.2021
Кипр	32,4%
Нидерланды	12,2%
Ирландия	6,6%
Швейцария	4,8%
Германия	3,6%
Франция	2,0%
Финляндия	1,9%
США	1,5%
Италия	1,5%
Австрия	1,4%
Британские Виргинские острова	1,2%
Не распределено	21,8%
Остальные государства	9,0%

В условиях, когда приток иностранных инвестиций составляет около трети валового продукта столицы, выход инвесторов с рынка или снижение их экономической активности гарантированно создаст негативный эффект для столичной экономики. Притом для столицы этот эффект будет более значим, чем в среднем для России.

Прямые иностранные инвестиции играют значительную роль в экономике столицы. Инвесторы предпочитают вкладываться в сектора, связанные с внешнеторговыми операциями: интегрированные в международную экономику компании более прибыльные, и более стабильно растущее, чем ориентированные на внутренний рынок (Голикова, Гончар, Кузнецов, 2011). Концентрация потоков ПИИ в столице связана с преимуществами для крупных экспортоориентированных компаний от нахождения в Москве их штаб-квартир, а также политикой столичного правительства по бюджетному стимулированию экономики.

В условиях санкций государству будет необходимо заменить иностранные инвестиции, и в настоящее время это возможно исключительно путём вмешательства государства в экономику, в первую очередь, в виде государственных инвестиций. При увеличении общих издержек, связанных с сокращением иностранных инвестиций, государственные вложения помогут предпринимателям снизить издержки на капитал. В иной ситуации для осуществления дальнейшей работы предприятию придется снижать расходы на труд; это нанесёт значительный прямой и косвенный ущерб потребительской экономике, а также приведёт к падению уровня жизни населения.

Список литературы

1. Андерссон А., Андерссон Д. Ворота в глобальную экономику. М.: ФАЗИС, 2001. 464 с.
2. Внешняя торговля субъектов Российской Федерации Январь-декабрь 2019 // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/folder/527>.
3. Голикова В. В., Гончар К. Р., Кузнецов Б. В. Эмпирические доказательства обучающих эффектов экспорта. WP1/2011/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 52 с.
4. Доля валового регионального продукта субъекта РФ в валовом региональном продукте Российской Федерации как суммы валовых продуктов субъектов РФ 2021 // Единая межведомственная информационно-статистическая система URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/45342>.
5. Доля инвестиций в бюджете Москвы выросла за 10 лет почти до 40% в 2021 // Mos.ru: Официальный сайт Мэра Москвы URL: <https://www.mos.ru/news/item/91833073/>.
6. Кувалин Д. Б., Зинченко Ю. В., Лавриенко П. А. Российские предприятия весной 2020 года: реакция на пандемию COVID-19 и мнения о роли государства в экономике // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1(184). С. 164-176.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – Москва: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 46с.
8. Обслуживание пассажиров и грузовой клиентуры в аэропортах МАУ в январе-декабре 2019-2020 г.г. // Росавиация URL: <https://favt.gov.ru/dejatelnost-ajeroporty-i-ajerodromy-osnovnie-proizvodstvennie-pokazateli-aeroportov-obyomu-mau/>.
9. Объемы перевозок через аэропорты России за январь-декабрь 2019 года (регулярные и нерегулярные перевозки) на 31.01.2020 // Росавиация URL: <https://favt.gov.ru/novosti-novosti/?id=6081>.
10. Остатки по инструментам и видам экономической деятельности в разрезе субъектов Российской Федерации // Банк России URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели 2021 // Росстат URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
12. Статистика внешнего сектора: Остатки по субъектам Российской Федерации в разрезе инструментов и видов экономической деятельности 2021 // Банк России URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.
13. Top Consumer Cities 2021: Where to Look for Opportunities? // Euromonitor International URL: <https://www.euromonitor.com/top-consumer-cities-2021-where-to-look-for-opportunities/report>.

Деятельность международных НПО в регионах России

Никифорова Е.В.

АННОТАЦИЯ

История МНПО показывает, насколько их структура, роль, и размер изменились и расширились за последние 100 лет. Во время этого периода МНПО не развивались равномерно, это привело к разнообразию форм и методов достижения поставленных целей. Измерение эффективности работы МНПО один из самых актуальных вопросов сегодняшнего дня, связан с другими моментами, например, с тем, как улучшить коллаборацию и локализацию. Неровное развитие в настоящее время является значительной преградой на пути сотрудничества МНПО. Чтобы более детально рассмотреть наиболее распространенные деятельность международных неправительственных организаций на территории Регионов России исследование было разделено на несколько сфер, в каждой из которой был проведен анализ. В последние десятилетия количество МНПО в России значительно выросло. Многие организации уже инвестировали и продолжают вкладывать значительные усилия и ресурсы в развитие своей деятельности на территории регионов РФ. В посланиях Федеральному собранию Российской Федерации президент России заявлял, что политические процессы невозможно представить без участия неправительственных объединений, а именно без учета их мнений и позиций. В частности, отмечается рост числа общественных организаций, возрастающая численность их членов-добровольцев, а также усиление государственной поддержки социально важных для государства проектов анализ. В деятельности международных правозащитных организаций является влияние на политику государства и лояльность общества в своей сфере. С этой целью они проводят просветительскую деятельность, привлекают внимание общественности к проблеме и предлагают пути решения. Система правовой помощи в нашей стране начинается от приема обращений и консультаций граждан, до информационной поддержки и представления их интересов в судах.

RESUME

The history of INGOs shows how much their structure, role, and size have changed and expanded over the past 100 years. During this period, INGOs have not developed evenly; this has led to a variety of forms and methods of achieving their goals. Measuring the effectiveness of INGOs is one of the most pressing issues today, linked to other points, such as how to improve collaboration and localization. Uneven development is currently a significant barrier to INGO collaboration. To look in more detail at the most common activities of international NGOs in the Russian Regions, the study was divided into several areas, each of which was analyzed. The number of INGOs in Russia has grown significantly in recent decades. Many organizations have invested and continue to invest significant efforts and resources in the development of their activities on the territory of the Russian regions. In his addresses to the Federal Assembly of the Russian Federation, the President of Russia stated that political processes cannot be imagined without the participation of non-governmental associations, namely without taking into account their opinions and positions. In particular, there is an increase in the number of non-governmental organizations, the growing number of their volunteer members, as well as increased state support for socially important for the state projects of INGOs. The subject of activity of international human rights organizations is to influence state policy and public loyalty in their sphere. For this purpose, they carry out educational activities, draw public attention to the problem and propose solutions. The system of legal assistance in our country starts from receiving citizens' appeals and consultations to informational support and representing their interests in courts.

Ключевые слова: международные неправительственные организации (МНПО); неправительственные организации (НПО); роль МНПО; регионы; Россия; деятельность

Keywords: international nongovernmental organizations (INGOs); nongovernmental organizations (NGOs); role of INGOs; regions; Russia; activities

Никифорова Екатерина Валерьевна, студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, nikiforenki.katia@yandex.ru

Ekaterina V. Nikiforenko, Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, nikiforenki.katia@yandex.ru

Введение

Международные неправительственные организации – это объединения общественных национальных организаций, групп, союзов, отдельных граждан разных государств, созданные для содействия международному сотрудничеству в экономической, политической, научно-технической, культурной и правозащитной сферах деятельности человека.

Несмотря на то, что термин «НПО» широко используется в литературе, существует также много других пересекающихся терминов, таких как «некоммерческие», «добровольные» и «организации гражданского общества». Во многих случаях использование различных терминов не считается ошибкой.

В связи с этим актуализируется проблема значимости и роли неправительственных объединений как в обществе, так и в политическом процессе. На сегодняшний день, исходя из либеральной традиции, в которой гражданское общество выступает как «контролер» государства, МНПО являются институтами, связывающими частную и государственную сферы. Но далеко не во всех регионах России возможно существование такой нормативной модели гражданского участия. Это свидетельствует о том, что внешним стратегическим фактором, влияющим на деятельность организаций, в первую очередь является состояние законодательной базы, включая региональные законодательные акты в отношении общественного участия граждан (Вагапова, 2020).

Но есть и другие модели, которые предполагают иную роль организаций, а именно как института, придающего легитимность действиям органов государственной власти. То есть, МНПО имеют возможность оказывать влияние на принятие решения в социально-политических сферах, но на совещательной основе. В данном случае внимание сконцентрировано на таких факторах, как сложившаяся политическая культура, общественные ожидания и ожидания органов власти по отношению к МНПО.

При данных обстоятельствах, возможен следующий сценарий развития событий. МНПО станет «мостиком», соединяющим и транслирующим интересы и потребности общества, бизнеса и государства, ведь МНПО служат выражению интересов и идей не только граждан, но и бизнес-структур, научных объединений, разрабатывающих и продвигающих инновационный продукт, а также общественных сил со сформулированными политическими идеями.

Предметом деятельности международных правозащитных организаций является влияние на политику государства и лояльность общества в своей сфере. С этой целью они проводят просветительскую деятельность, привлекают внимание общественности к проблеме и предлагают пути решения. Также, стоит отметить, что есть определенный набор факторов, которые влияют на деятельность международных неправительственных организаций, и чаще всего они определяются реальной ситуацией в стране, регионе, городе и политической традицией.

МНПО стремятся проводить мониторинг ситуации на местах, а также осуществлять экспертизу принимаемых властями решений. Через анализ

эффективности решения общественных проблем реализуется идея гражданского контроля, т.е. использования инструментальной модели, подразумевающей активное участие МНПО.

Значимая роль неправительственных организаций в социально-политической сфере состоит в их уникальном знании практических особенностей и специфики населения и условий проживания граждан. То есть, именно неправительственные некоммерческие организации могут провести анализ реальной ситуации и оценить уровень прогресса. Конечно, говоря о международных неправительственных организациях, нельзя с точностью утверждать, что они имеют в своем распоряжении ту же информацию, что и местные, не большие организации, которые могут точно дать характеристику специфики того или иного региона России. Именно поэтому в настоящее время нужно делать упор на взаимодействие международных и региональных организаций, их сотрудничество и совместный рост.

Проблема взаимодействия международных неправительственных организаций

В настоящее время, ученые, рассматривающие данную проблему взаимодействия международных и региональных организаций, называют ее проблемой Севера и Юга. Прежде всего, стоит уточнить, что подобное деление более не является географическим, хотя ранее все именно так и было. Северными НПО можно назвать многочисленные организации с широким спектром деятельности. В свою очередь Южные НПО – это, в основном, недавно созданные организации, которые действуют на региональном и местном уровнях.

Совместная работа Северных и Южных НПО не всегда может оказаться удачной для выполнения миссий организаций. Так, например, миссия НПО в может быть испорчена внешним влиянием и вливанием капитала северных НПО и иностранных доноров. Основной проблемой такого тандема ученые выделяют полное непонимание Северными НПО исторического контекста или культурного контекста. В таком случае исследователи советуют обращаться к помощи специалистов и более тесному сотрудничеству с Южными НПО.

Тем не менее, не всегда опыт взаимодействия организаций является негативным, стоит обратить внимание и на успешные примеры коллаборации или результативную работу филиалов МНПО та территории регионов России.

Деятельность международных неправительственных организаций в разных сферах

В то время как сейчас большинство исследователей пишет о проблемах и затруднительной деятельности правозащитных международных организаций (об этом будет сказано позднее) не стоит забывать и о других сферах, где взаимодействие между регионами и МНПО только растет. Так, в последние несколько лет в регионах

России наблюдается рост экологической сознательности, как по данным опросов, так и по количеству наблюдаемых протестных движений и кампаний. Эти кампании направлены на решение региональных и местных проблем: предприятия, загрязняющие окружающую среду, новые и потенциально опасные заводы и отходы.

Действительно, согласно опросу, проведенному рядом социологических центров осенью 2020 года, 35% россиян готовы принять участие в экологических акциях протеста против загрязнения городских вод. Другое исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опубликованное в августе 2020 года, показало, что каждый четвертый россиянин стал больше задумываться об экологических проблемах во время пандемии из-за общего повышенного внимания к здоровью. Независимый опрос Левада-центра показал, что экологические проблемы беспокоят 84% россиян; из них 25 процентов выразили наибольшую озабоченность по поводу загрязнения воздуха, 15 процентов – загрязнения воды и 11 процентов – обращения с отходами.

Ландшафт экологической активности в России более подвижен и децентрализован, чем на Западе, но он вырос. Новые экологические группы в России носят неформальный характер и часто не регистрируются в качестве неправительственных организаций. Скорее, они возникают вокруг конкретной проблемы и часто исчезают после ее решения, лишь изредка превращаясь в более крупную и постоянную ассоциацию.

Несмотря на свои неформальные структуры, многим из этих новых групп гражданского общества удалось привлечь значительное внимание и поддержку общественности, умело используя как традиционные методы, так и новые средства массовой информации для наращивания потенциала и структуры вовлечения с помощью онлайн-инструментов. Одним из примеров является успешная кампания вокруг поселка Шиес в Архангельской области на севере России, где в течение нескольких месяцев местные активисты поддерживали лагерь против строительства полигона бытовых отходов. Эта кампания привлекла внимание многих МНПО, которые старались поддержать активистов. Так, российское отделение Greenpeace активно агитировала сбор подписей под петицией. Более того, на своем сайте организация обратила свое внимание, что, только решив вопрос на системном уровне, получится защитить жителей Архангельской области и многих других регионов от таких опасных проектов, как полигон у станции Шиес.

Еще одним примером активной работы МНПО в регионах является WWF России. Организация осуществляет деятельность в пяти экорегионах, в основном, работа направлена на сохранение редких видов, смягчение негативных последствий изменения климата и адаптацию к ним. Стоит отметить работу МНПО с властями, а также их содействие в изменении законодательства.

Глава комитета Госдумы по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды Дмитрий Кобылкин в интервью «РГ» отметил, что комитет готовит поправки в Водный кодекс. В частности, хотят прописать перечень мероприятий по предотвращению негативного воздействия вод, в том числе возложить полномочия по установлению границ зон затопления на органы исполнительной власти субъектов. И запретить строить дома в местах, где нет защиты от наводнений и подтоплений.

Именно на определение зон затопления – направлен новый проект WWF России «Адаптация к изменениям климата на основе экосистем на Дальнем Востоке», который стартует в этом году в рамках российско-германской государственной Международной климатической инициативы (IKI).

Также положительный опыт взаимодействия международных неправительственных организаций и их региональных отделений можно заметить в гуманитарной сфере. Российский Красный Крест является участником Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца и осуществляет свою деятельность на территории восьмидесяти четырех регионов. Есть определенные проекты, которые добились существенного успеха, например, Служба Милосердия Российского Красного Креста. Это базовый элемент специальной программы социальной помощи, действующей в регионах РФ для оказания помощи нуждающимся гражданам.

В 1960 году была создана Служба Милосердия Российского Красного Креста, состоящая только из 10 медицинских сестер. В настоящее время в Службе Милосердия региональных отделений насчитывается сотни сиделок, социальных работников, младших медицинских сестер. В 4 субъектах Российской Федерации открыты Дома Милосердия, в 9 регионах действуют Центры здоровья и долголетия, а в 30 оказываются социальные услуги на дому – так помощь получают более 3,5 тыс. человек ежегодно. В большинстве субъектов РФ работает служба оказания срочной социальной помощи.

Проведенное исследование показывает, что в части стимулирования и поддержания заботы в сообществе НКО выступают инициаторами и непосредственными организаторами идеологий и практик общественной заботы (Григорьева, Парфенова, 2021). Волонтеры могут быть из разных возрастных групп. Например, студенты или представители определенных профессий (фотографы, парикмахеры, дизайнеры) (Ермолаева, Гречаная, Башева, 2021). Волонтерский проект «Старость в радость», начинавшейся с привлечения молодежи для переписки с пожилыми людьми из домов престарелых, вырос в благотворительный фонд, который расширил свою географию и спектр помощи. Фонд также стал идеологом внедрения системы долговременного ухода.

После положительных примеров и тенденции продуктивной работы международных неправительственных организаций стоит также отметить, что есть сферы, в которых есть сложности взаимодействия. Стоит обратить внимание на отношения МНПО и государства в правозащитном секторе, как стороны видят друг друга и каковы проблемы взаимодействия. Можно сказать, что всегда существует некий страх организаций перед государством, этот страх усугубляется тем, что МНПО вынуждены ходить по тонкой грани – между правозащитой и политикой. Организации работают в интересах своих бенефициаров и не могут не стремиться менять законодательство или выступать во всеуслышание, защищая их права. Но из-за нечеткого определения «политической деятельности», организации рискуют попасть под «каток борьбы» с иностранным вмешательством в политическую деятельность страны или же других жестких мер, направленных против вмешательства во внутренние дела.

Рассмотрение деятельности и влияния правозащитных НПО на территории России является такой же сложной задачей, как и поиск информации эффективности Южных НПО. Прежде всего, нужно отметить, что подавляющее большинство специалистов пишет о негативном влиянии государства на рост активности организаций и его враждебный настрой. Это подтверждается введением в федеральный закон №7 понятия «иностранный агент».

Не стоит думать, что только в России организации сталкиваются со сложностями в виде присвоения звания «иноагента». Подобные законы или ограничения к организациям, получающим иностранное финансирование, можно встретить в разных странах. Так 29 сентября 2020 года индийское отделение Amnesty International опубликовало заявление о приостановке своей деятельности в стране после того, как Управление правоприменения, расследующее финансовые преступления и нарушения в Индии, приказало заморозить его банковские счета. В заявлении Министерства внутренних дел Индии говорится, что Amnesty International нарушила законы Индии, получив средства из-за границы. Amnesty, в свою очередь заявила, что подвергалась преследованиям со стороны индийского правительства за свои действия в области прав человека.

Несмотря на то, что практики подобных законов есть и в других странах в последнее время в России количество правозащитных организаций и филиалов МНПО резко упало. По данным Министерства юстиции Российской Федерации 8 апреля 2022 г. из реестра филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций исключены 15 МНПО. Ранее, 28 февраля 2022 года, Верховный Суд утвердил решение о ликвидации Международного Мемориала.

Необходимо также отметить, что существуют организации, так, например, Московская Хельсинская Группа (МХГ), которые полностью приспособились к меняющемуся законодательству страны. В 2015 году основой финансирования МХГ были гранты из средств федерального бюджета Российской Федерации. В 2017 году Л. М. Алексеева заявила, что руководимая ею организация не может работать в статусе иностранного агента в России и потому решено полностью отказаться от какого-либо иностранного финансирования. Конечно, компания много потеряла из-за отказа от иностранного инвестирования и большое количество программ уменьшили количество своей деятельности на время пока руководство не привлечет новые инвестиции в соответствии с концепцией альтернативной концепции.

Заключение

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что правозащитным МНПО очень сложно начать свою работу даже в столице, конечно многие организации пытались выйти за рамки Москвы и создавать филиалы в других регионах, но подобные проекты остаются незавершенными. Human Rights Watch занималась в России целым рядом проблем на протяжении более чем тридцатилетней работы, это и домашнее насилие, право людей с инвалидностью на равное отношение и

безбарьерную инклюзивную среду и т. д. Исполнительный директор HRW Кеннет Рот заявил, что организация продолжит свою работу над проектами в России, но подобное очень тяжело представить.

В частности, правительства должны одинаково относиться к МНПО, независимо от источников их финансирования, и всегда исходить из презумпции законности деятельности МНПО, в соответствии с международными обязательствами государства по созданию благоприятных условий для работы правозащитников, что способствует увеличению эффективности их работы.

Как бы эффективно ни работали международные неправительственные организации, их собственных усилий недостаточно, чтобы улучшить ситуацию в стране, это возможно только при активном участии населения. К тому же зачастую многие проблемы в области правозащиты данные организации не в состоянии решить самостоятельно из-за нехватки ресурсов или полномочий. Поэтому многие общественные организации вступают в диалог с различными политическими институтами современного российского общества – государственными органами власти, институтом Уполномоченного по правам человека как пример, органами внутренних дел и т. д. В этой связи для выстраивания эффективной модели взаимодействия правозащитных организаций и политических институтов необходим постоянный характер сотрудничества (подкрепленный, в том числе, на законодательном уровне), а также взаимный интерес. До тех пор, пока этого не будет, МНПО остаются не в состоянии в полной мере эффективно осуществлять свою деятельность на всей территории современной России.

Стоит также отметить, что большинство вышеназванных МНПО подвергались критике в коррупции или предвзятости своих суждений. Несмотря на то, что сотрудничество регионов и международных организаций может оказаться весьма эффективным, стоит обратить больше внимания на региональные организации их поддержание и финансирование.

Список литературы

1. Вагапова Ф. Г., Вагапов Р. Н., Устинкин С. В. Некоммерческая организация (НКО) в социально-политических процессах современной России: теоретический аспект // *Власть*. 2020. №1. С. 170-177.
2. Григорьева И. А., Парфенова О. А. Роль НКО в развитии community care (общественной заботы) в России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021. Vol. 24. № 1. Р. 79-104.
3. Ермолаева Ю.В., Гречаная А.А., Башева О.А. Волонтерские практики в мире и в России в первую волну Covid-2019 // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2021. №4. С. 127-144.

Ограниченный суверенитет государств XXI века как историческая закономерность

Островский С.С.

АННОТАЦИЯ

Основной целью доклада является анализ эволюции трактовки термина «суверенитет» и проблемы его интерпретации в современном мире с учётом практической реализации действующих норм международного права. Начиная с момента разработки в XVI веке французским учёным Жаном Боденом концепции «суверенитета», каждая смена системы международных отношений (Вестфальская в 1648-м году, Венская в 1815-м году, Версальско-Вашингтонская в 1920-е годы и Ялтинско-Потсдамская в 1945 году) практически кардинально меняла понятие суверенитета. Предполагалось, что структуры Организации Объединённых Наций, заложенные после Второй мировой войны, смогут гарантировать каждому государству мира, вне зависимости от его размера и экономической мощи, суверенитет и независимость, однако приведённые в статье примеры говорят об обратном – как во второй половине XX века, так и сегодня мы могли и всё ещё можем наблюдать примеры «ограниченного суверенитета» в разных регионах планеты. В связи с этим представляется интересным актуализация понятия «ограниченный суверенитет» в контексте меняющейся геополитической обстановки (статья рассматривает зависимость Великобритании, государств Европейского Союза и субрегиона «Прибалтика» постсоветского пространства от Соединённых Штатов Америки, а также восточноевропейских государств «народной демократии» и Финляндии от Советского Союза и Российской Федерации).

RESUME

The main purpose of the report is to analyze the evolution of the interpretation of the term «sovereignty» and the problems of its interpretation in the modern world, taking into account the practical implementation of the existing norms of international law. Since the development of the concept of «sovereignty» by the French scientist Jean Bodin in the 16th century, each change in the system of international relations (Westphalian in 1648, Vienna in 1815, Versailles-Washington in the 1920s and Yalta-Potsdam in 1945) almost radically changed the concept of sovereignty. It was assumed that the structures of the United Nations, laid down after the Second World War, would be able to guarantee sovereignty and independence to every state in the world, regardless of its size and economic power, but the examples given in the article indicate the opposite – both in the second half of the 20th century and today we could and still can observe examples of «limited sovereignty» in different regions of the planet. In this regard, it seems interesting to update the concept of «limited sovereignty» in the context of a changing geopolitical situation (the article considers the dependence of the United Kingdom, the states of the European Union and the sub-region «Baltic» of the post-Soviet space on the United States of America, as well as the Eastern European states of «people's democracy» and Finland on the Soviet Union and the Russian Federation).

Ключевые слова: Суверенитет, международное право, ООН, международные отношения, постсоветское пространство

Key words: Sovereignty, international law, UN, international relations, post-Soviet space

Островский Станислав Сергеевич, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, CitizenRus16@yandex.ru

Stanislav S. Ostrovsky, student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, CitizenRus16@yandex.ru

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, комментируя выступление в Организации Объединённых Наций шведской экоактивистки Греты Тунберг, справедливо заметил, что «современный мир сложен и многообразен». И действительно, это так. Некоторым управленцам современности мир представляется «картой с границами, зонами влияния, объектами и целями, когда около названия каждой страны на этой воображаемой карте выставлен индекс ее «суверенности» – есть мощные и самостоятельные державы с приставкой «сверх-», есть просто великие державы, есть региональные – и, конечно, «просто обычные» страны; в мире, увиденном таким образом, действует только право сильного, а слабых бьют; страны группируются, вступают в союзы, ссорятся и мирятся между собой; слабым нужно бояться сильных, слабым положено лишь немного суверенитета; государства побольше и посильнее могут позволить себе больше суверенитета (Бень, 2015). Самые большие – весь суверенитет, какой только можно; те, у кого много суверенитета, ведут «большую игру», разыгрывают партии на «великой шахматной доске», у них есть «большие стратегии» и «геостратегические цели», они определяют «миропорядок».

Это – так называемые «геополитический» взгляд, о котором писал обозреватель газет «Ведомости» и «International New York Times» Максим Трудолюбов. И действительно, в последнее время различные источники указывают на то, что те или иные государственные структуры или государства в целом не обладают полноценным суверенитетом и находятся под влиянием других государств. Например, пресс-секретарь Президента Российской Федерации, комментируя действия Вооружённых сил Украины, сказал, что те действуют «по подсказке и методике своих заокеанских хозяев». А научный сотрудник Гамбургского университета Биджан Тавассоли в интервью агентству «Russia Today» заявил, что Европейский Союз вводит экономические санкции против России «по указке США» (3, 2022).

Таким образом, мы можем увидеть, что существуют многочисленные мнения с разных сторон, согласно которым современный мир характеризуется наличием политических и экономических организаций, государств и целых объединений государств, которые якобы находятся в зависимости от какого-то иного центра принятия решений, что навязывает им свою волю – которая зачастую может противоречить воле данных субъектов. Иными словами, речь идёт о нарушении суверенного права государств и организаций на проведение самостоятельной, независимой деятельности.

Чтобы понять, что происходит с термином «суверенитет» на текущий момент, следует обратиться к истории его становления и эволюции.

Само понятие «суверенитет» впервые было сформулировано в XVI веке французским учёным Жаном Боденом, который определял его как «неограниченную и бессрочную верховную власть монарха в государстве, принадлежащую ему в силу его естественного права» (Баязитова, Митюрёва, 2012). Как видно из данного определения, оно вовсе не характеризует наличие у государства независимой воли на совершение тех или иных действий.

Помимо этого, важно подчеркнуть, что данное определение было выведено в условиях полного политического доминирования Римско-католической церкви,

которая играла решающую роль во многих внутривнутриполитических вопросах европейских государств, не говоря уже об их внешней политике.

Постепенный переход к современной картине мироустройства начался с действием Вестфальской системы международных отношений, которая закрепила приоритет светских национальных интересов государств, равенства их прав и, что самое главное, – государственного суверенитета. Вместе с тем, его понятие было всё ещё далеко от сегодняшней трактовки – ввиду существования Священной Римской империи и зависимости всех европейских правителей от её императора их суверенитет ограничивался волей монарха – в частности, государства не могли заключать союзы, направленные против империи, а также были обязаны делать отчисления в пользу содержания имперской армии.

Следующим этапом является Венская система международных отношений, которая стала доминирующей в Европе после наполеоновских войн. Её основными пунктами стало образование т.н. «концерта» крупных европейских государств (среди них была и Россия), на которых отныне лежала ответственность за мир и безопасность в Европе. Обеспечивая их и одновременно – собственные национальные интересы, акторы «концерта» имели право менять архитектуру геополитических союзов. Подобная система обеспечила мир в Европе на долгое время без существования постоянных наднациональных международных организаций.

Всё изменилось после Первой мировой войны, когда была создана Лига Наций. На неё возлагались ожидания по обеспечению международного порядка и стабильности. Однако практика сильно отличалась от теории. В течение следующих двадцати лет был нарушен суверенитет целого ряда новообразованных малых государств Европы – Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии. Некоторые из них вообще прекратили своё существование как независимые государства, став либо частью более крупных соседей, либо разделившись на части, как это стало с нацистским Протекторатом Чехии и Моравии и Первой Словацкой республикой, а также Вишистской Францией.

Поворотным моментом стала Вторая мировая война и создание относительно действенной, текущей на данный момент Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, которая впервые в истории создала чёткие юридические гарантии независимости и значимости каждого государства планеты и обеспечила самое широкое представительство всех стран в структурах ООН. Военный передел мира, как это было в период существования Версальско-Вашингтонской системы, стал невозможен ввиду наличия у ведущих государств мира ядерного оружия, применение которого отныне неминуемо означало бы гибель цивилизации.

Вместе с тем, фактически данная система международных отношений вовсе не гарантировала наступление «всеобщего суверенитета» государств. Так, огромное количество восточноевропейских стран «народной демократии» на протяжении половины столетия оставались «клиентскими государствами» Советского Союза, образуя вместе с ним т.н. «Восточный блок», не обладающий реальной внешнеполитической и внешнеэкономической независимостью.

Можно также привести в пример большое количество «клиентских государств» западного сообщества – авторитарные режимы Южного Вьетнама и Южной Кореи, докастровская Куба и пиночетовская Чили.

Конец XX века ознаменовался переходом человечества в новый мир, связанный узами глобализации и тесной экономической интеграцией. В условиях отсутствия идеологического противостояния различных частей планеты должна была исчезнуть и «вынужденная необходимость» полюсов силы выстраивать вокруг себя «линии обороны» в виде зависимых от них государств. Однако и по сей день мы можем наблюдать множество примеров существования «клиентских государств» с неполноценным суверенитетом – которые, однако же, в теории соответствуют всем характеристикам государств.

В качестве примера можно привести балтийский регион постсоветского пространства. Мало кто сомневается в том, что современные Литовская, Латвийская и Эстонская Республики – это территории со всеми формальными атрибутами государств вроде общепризнанных границ, наличия политической системы и политического режима, экономическими структурами и индивидуальными общественными отношениями внутри этих стран. Тем не менее, Литва, Латвия и Эстония сегодня – это члены таких международных организаций как Европейский Союз и Североатлантический альянс (НАТО), одной из особенностей которых является коллективный характер принятия решений, а также существование наднациональных структур, которые перенимают некоторые внутригосударственные полномочия в сферах экономики, внутренней политики, обороны и т.п. Также можно утверждать о прямой зависимости внешнеполитической деятельности данных государств от курса этих международных организаций – при этом далеко не всегда выбранный курс будет отвечать внутренним интересам участвующих в нём государств. Так, в статье «Балтийская экономическая модель: некоторые результаты преобразований 1990-2015 гг.» Николай Межевич отмечает, что после восстановления независимости балтийские республики взяли курс на «полную вестернизацию» политики и экономики, «отрицая национальный исторический и экономический опыт», а также тот факт, что «проекты модернизации могут повлечь за собой деградацию традиционных институтов и традиционных национальных ценностей». Широко известна история с закрытием Игналинской АЭС, благодаря которой Литва во время нахождения в составе СССР, а также после выхода оттуда была крупнейшим в регионе экспортёром электроэнергии, а цены на электричество в стране были едва ли не самыми низкими в мире. Однако членство в Европейском Союзе было невозможно без закрытия атомной станции, несмотря на проводимые после Чернобыльской аварии реформы технологической безопасности, после которых АЭС стала считаться самой безопасной не планете – в связи с закрытием Игналинской станции Литва из донора электроэнергии стала её реципиентом, что в дальнейшем породит дискуссии о «преступной» зависимости от российского энергетического рынка. Тем не менее, вплоть до 2015 года любые формы евроскептицизма воспринимались политическими элитами крайне негативно, и лишь миграционный кризис после наплыва беженцев из африканских и ближневосточных стран с последующим распределением Брюсселем миграционных квот послужил поводом для недовольства государствами-членами ЕС проводимой им политикой.

Это был пример ограничения суверенной самостоятельности государств международными организациями. Однако существуют также примеры, когда

суверенитет ограничивается политической волей других государств. Начиная с конца Второй мировой войны, Соединённые Штаты Америки последовательно закрепляли за собой статус лидера так называемого «свободного мира», который не только якобы «вносит существенный вклад в противостояние тоталитарным диктатурам Востока», но и подчиняет своей воле внешнюю политику зависимых от них государств. Достаточно упомянуть геополитический крах Британии после Суэцкого кризиса 1956 года, после которого Лондон, как считают многие эксперты, окончательно утратил роль самостоятельной «великой державы» и стал следовать внешнеполитическому курсу Вашингтона. По мнению ряда высших британских чиновников, в частности, бывшего главы Объединённого разведывательного комитета Родрика Брейтвейта и бывшего министра иностранных дел Робина Кука, Британия де-факто лишилась своего суверенитета и находится в полностью подчинённой и зависимой от США роли во многих областях. Этим объясняется нежелание Америки поддерживать так называемый Brexit – выход Великобритании из Евросоюза, ведь Лондон долгие годы был рычагом влияния Вашингтона на принимаемые в Брюсселе решения, в том числе связанные с антироссийскими санкциями.

Также можно привести в качестве примера военно-политический союз США и Японии, действующий с 1951 года и серьёзно ограничивающий Токио в проведении независимой внешней политики ввиду наличия на территории данного государства американских военных баз.

Существуют и другие примеры, связанные с влиянием государств незападного мира. Ведущий исследователь Европейского центра по противодействию гибридным угрозам, созданного в Хельсинки в 2017 году, Ханна Смит утверждает, что, начиная с советско-финской войны 1940 года и вплоть до февраля 2022 года политические элиты Финляндии всегда опирались на мнение Советского Союза, а затем и Москвы при формировании своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. В 1947 году после давления со стороны СССР Финляндия отказалась от участия в плане США по восстановлению послевоенной экономики Европы (вышеупомянутый «план Маршалла»), поскольку политические условия получения помощи подразумевали антикоммунистическую внутривнутриполитическую деятельность, а Советский Союз не мог допустить существование на своих границах такого государства. Отчасти это компенсировалось тем, что, начиная с 1956 года и вплоть до начала 90-х годов существовал доступ на огромный советский рынок, который приносил немало выгод Финскому государству.

Отдельного рассмотрения заслуживает внешняя политика некоторых государств-членов Евразийского экономического союза и степень влияния на неё Российской Федерации.

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что обратной стороной Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, которая провозглашает суверенное равенство всех государств планеты, является качественное преобразование мира на рубеже столетий. Глобализация и усиление взаимозависимости стран делает практически невозможным появление самодостаточных государств, как это было в имперские времена Вестфальской и Венской систем, при которых деятельность государств на международной арене

ограничивалась лишь вопросами военного баланса и трезвым (иногда – не очень) анализом собственных возможностей. Появление по-настоящему глобальных международных и региональных организаций по типу ООН, ЕС, НАТО и других неминуемо означает делегирование государствами части своего суверенитета и отказ от полностью самостоятельного принятия решений в каких-либо сферах. Таким образом, мы можем увидеть, что, вне зависимости от того, какая существует система международных отношений, всегда будут существовать факторы, ограничивающие суверенитет тех или иных государств – будь они со стороны других, более сильных, государств или же международных организаций.

Список литературы

1. Баязитова Г.И., Митюрёва Д.С. В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена // Тюмень: Издательство Тюменского госуниверситета, 2012, 240 с.
2. Бень И. В. Суверенитет современного государства: проблемы интерпретации и реализации // Молодой ученый, 2015, С. 896-897.
3. Научный сотрудник Гамбургского университета: Европа ввела антироссийские санкции по указке США // Russia Today. URL: <https://russian.rt.com/world/news/983339-evropa-sankcii-ukazka-ssha>.

Regulierung der gesellschaftliche Verantwortung von Unternehmen (Corporate Social Responsibility, CSR) in Deutschland und Russland

Петрова Е.Н.

АННОТАЦИЯ

Корпоративная социальная ответственность (Corporate Social Responsibility), как концепция, зародилась в середине прошлого века. Впервые термин «социальная ответственность бизнесмена» (social responsibility of a businessman) был введен Говардом Р. Боуэном (Howard R. Bowen) в его одноименной книге, опубликованной в 1953 г. С течением времени теория, конечно же, видоизменялась и находила свое практическое применение в разных сферах бизнеса и на данном этапе набирает все большую популярность благодаря росту влияния транснациональных компаний, расширению влияния неправительственных организаций и развитию информационных сетей. Общество стало все больше задумываться о том, какое воздействие оказывает бизнес на экологию, экономику и на само общество в целом. Вместе с тем вопросы регулирования бизнеса в этой сфере стали еще острее: какую роль государство должно выполнять относительно корпоративной ответственности, необходимо ли обязывать компании нести социальную ответственность на законодательном уровне? На этот вопрос каждое национальное правительство находит свой собственный ответ. В этом смысле опыт Германии и России представляет особый интерес, поскольку они по-разному подходят к решению проблемы и применяют разнородные практики, освещение которых является целью данной работы.

RESUME

Corporate Social Responsibility as a concept originated in the middle of the last century. The term «social responsibility of a businessman» was first coined by Howard R. Bowen in his book published in 1953. In the course of time the theory has of course been changing and finding its practical application in different spheres of business and at this stage it is becoming more and more popular due to the growing influence of multinational companies, the impact of nongovernmental organizations and development of information networks. Society has become increasingly aware of the impact of business on the environment, the economy and society as a whole. At the same time, the questions of business regulation in this area have become even more acute: what role should the state play in relation to corporate responsibility, should companies be obliged to be socially responsible at the legislative level? Every national government finds its own answer to this question. In this sense, the experience of Germany and Russia is of particular interest because they approach the problem differently and apply heterogeneous practices, which is the purpose of this paper.

ANMERKUNG

Corporate Social Responsibility (Corporate Social Responsibility) als Konzept entstand Mitte des letzten Jahrhunderts. Erstmals wurde der Begriff „soziale Verantwortung eines Unternehmers“ von Howard R. Bowen in seinem gleichnamigen Buch, erschienen 1953, eingeführt. Im Laufe der Zeit änderte sich die Theorie natürlich und fand ihre praktische Anwendung in verschiedenen Bereichen Geschäftsfelder und gewinnt derzeit durch den wachsenden Einfluss transnationaler Unternehmen, die Ausweitung des Einflusses von Nichtregierungsorganisationen und die Entwicklung von Informationsnetzwerken immer mehr an Popularität. Die Gesellschaft hat begonnen, immer mehr über die Auswirkungen nachzudenken, die Unternehmen auf die Umwelt, die Wirtschaft und die Gesellschaft insgesamt haben. Gleichzeitig haben sich die Fragen der Unternehmensregulierung in diesem Bereich noch verschärft: Welche Rolle soll der Staat in Bezug auf die unternehmerische Verantwortung spielen, ist es notwendig, Unternehmen auf gesetzlicher Ebene zu gesellschaftlicher Verantwortung zu verpflichten? Jede nationale Regierung findet auf diese Frage ihre eigene Antwort. In diesem Sinne sind die Erfahrungen Deutschlands und Russlands von

besonderem Interesse, da sie unterschiedliche Lösungsansätze haben und heterogene Praktiken anwenden, deren Erfassung Gegenstand dieser Arbeit ist.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, государственное управление, этика бизнеса

Keywords: corporate social responsibility, public administration, business ethics

Schlüsselwörter: Corporate Social Responsibility, Öffentliche Verwaltung, Wirtschaftsethik

Петрова Евгения Никифоровна, студентка ИГСУ РАНХиГС, evgenya228177@mail.ru

Evgenia N. Petrova, student of the IPACS RANEPA, Moscow, Russia, evgenya228177@mail.ru

Evgenia N. Petrova, Studentin der IPACS RANEPA, Moskau, Russland, evgenya228177@mail.ru

Einleitung

Unter „Corporate Social Responsibility“ oder kurz CSR normalerweise ist die gesellschaftliche Verantwortung von Unternehmen im Sinne eines nachhaltigen Wirtschaftens zu verstehen. Aber die Literatur über CSR ist heterogen und hat noch keine allgemein anerkannte Definition von CSR hervorgebracht. Es gibt nicht nur eine große Bandbreite an CSR-Verständnissen im akademischen Diskurs, sondern auch große Unterschiede in der Praxis von CSR. Während sich einige Unternehmen, insbesondere solche mit US-Hintergrund, auf philanthropische Gesten konzentrieren, engagieren sich andere in Bereichen wie Umwelt, Arbeitsbedingungen und Menschenrechte (Bauer, 2018).

Trotz der unterschiedlichen Auffassungen und Ansätze von CSR sind viele Wissenschaftler der Ansicht, dass das Hauptmerkmal der sozialen Verantwortung von Unternehmen die Freiwilligkeit ist. Kritiker der CSR sehen jedoch in der Freiwilligkeit eine der größten Schwächen des Konzepts, da sie vermuten, dass die Unternehmen Programme zur sozialen Verantwortung vor allem deshalb auflegen, um Sanktionen der Regierungen zu vermeiden (Dewatripont, Jewitt, Tirole, 1999). Zur Untermauerung dieser Behauptung ist festzustellen, dass in den letzten Jahren ein Trend zur Durchsetzung des CSR-Gedankens durch legislative und administrative Maßnahmen zu beobachten ist. So definierte die Europäische Kommission im Jahr 2002 die soziale Verantwortung von Unternehmen als ein Konzept, nach dem Unternehmen auf freiwilliger Basis verschiedene soziale und ökologische Themen auf die Tagesordnung setzen. Aber in ihrer Mitteilung von 2011. verweist die Europäische Kommission nicht mehr auf die freiwillige Einführung von CSR-Grundsätzen, sondern betont stattdessen die Bedeutung der Rolle der Behörden bei der Umsetzung und der Ermutigung der Unternehmen, soziale Verantwortung zu übernehmen. Im Dezember 2014 trat jedoch eine Richtlinie in Kraft, die Unternehmen in der gesamten Europäischen Union dazu verpflichtet, nichtfinanzielle Informationen über ihre sozialen und ökologischen Auswirkungen bereitzustellen.

Dies wirft die Frage auf: Ist ein staatliches Eingreifen in die soziale Verantwortung der Unternehmen notwendig? Wenn ja, inwieweit sollte der Staat diesen Bereich regulieren, um der Wirtschaft nicht zu schaden? Gibt es Praktiken für eine wirksame staatliche Regulierung der CSR? Wie sieht die Praxis der staatlichen Regulierung in Deutschland und Russland aus? Dies sind die Hauptfragen, um die sich der Artikel gliedern wird und auf die wir versuchen werden, eine Antwort zu finden.

Modell Deutschland

Wenn wir über Deutschland sprechen, einleitend muss man sagen, dass die gesellschaftliche Verantwortung von Unternehmen kein neues Phänomen ist. Außerdem wurden die Praktiken dieser frühen Verantwortungsübernahme im Laufe der Zeit institutionalisiert und, besonders nach dem Zweiten Weltkrieg, in formellen Gesetzen und informellen Praktiken manifestiert (Rommerskirchen, 2018). Gesellschaftliche Verantwortung von Unternehmen gehörte damit zum festen Bestandteil des Modells Deutschland (Hiß, 2009).

Der deutsche Staat historisch gesehen trug die soziale Verantwortung, was jedoch nicht bedeutet, dass er nicht auch andere soziale Akteure wie Unternehmen in die Pflicht nahm. Darüber hinaus ist die deutsche Regierung im Gegensatz zu anderen Systemen eng in die sozialen und wirtschaftlichen Angelegenheiten des Staates eingebunden. In Deutschland gibt es strenge gesetzliche Vorschriften zu CSR-relevanten Themen, z. B. soziale Sicherheit, Arbeitnehmerrechte und Umweltschutz. Da die Regierung die Unternehmen verpflichtet, durch spezifische Bestimmungen für Arbeitnehmer, aber auch durch Besteuerung und Umverteilung zu sozialen Leistungen beizutragen, kann das System als „staatlich erzwungene soziale Verantwortung der Unternehmen“ bezeichnet werden. Deutschland hat eine Tradition der umweltpolitischen Innovation; unter anderem wurden verschiedene Hebel der Klimaschutzpolitik eingesetzt, darunter die Kontrolle (und Besteuerung) von Emissionen, die Verbesserung der Energieeffizienz und die Umstellung auf erneuerbare Energien (Bauer 2018: 105).

Die wichtigsten Instrumente, die die deutsche Regierung einsetzt, sind Informations- oder Unterstützungsinstrumente wie Websites, Konferenzen, Trainings usw. Darüber hinaus engagiert sich die Regierung in öffentlich-privaten Partnerschaften (ÖPP) und freiwilligen Vereinbarungen. Es gibt auch hybride CSR-Initiativen, z.B. CSR-Plattformen, -Zentren und -Strategien. Die wichtigsten Initiativen der deutschen Regierung fallen in diese Kategorie: Die Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie, das Deutsche CSR-Forum, der Nationaler Aktionsplan Wirtschaft und Menschenrechte (NAP) und der Aktionsplan CSR.

Im Jahr 2015 haben die Vereinten Nationen die Agenda 2030 für nachhaltige Entwicklung verabschiedet, damit wurden die neue Ziele festgelegt: bis 2030 sollen Armut und Hunger überall überwunden, Ungleichheiten innerhalb und zwischen Ländern bekämpft, friedliche, gerechte und integrative Gesellschaften aufgebaut, die Menschenrechte geschützt, die Gleichstellung der Geschlechter und die Stärkung der Rolle von Frauen und Mädchen gefördert und der dauerhafte Schutz des Planeten und seiner natürlichen Ressourcen sichergestellt werden. Die UN-Nachhaltigkeitsziele oder Sustainable Development Goals (SDGs) umfassen alle drei Dimensionen von Nachhaltigkeit: Soziales, Wirtschaft und Umwelt. Die deutsche Regierung schätzte die Agenda sehr und beteiligte sich eifrig an den Verhandlungen. „Die Weltgemeinschaft hat sich mit der 2030-Agenda für die kommenden 15 Jahre viel vorgenommen“, sagte Bundeskanzlerin Angela Merkel in einer Regierungserklärung im September 2015, als die Agenda von den Vereinten Nationen beschlossen wurde. Die Bundesregierung verpflichtete sich zu einer ehrgeizigen Umsetzung dieser Agenda. „Auch in Deutschland sind wir an einigen Stellen noch zu weit von einem

Bild 1

Agenda 2030 – Entwicklungsziele

nachhaltigen Leben, Wirtschaften und Umgang mit unseren natürlichen Ressourcen entfemt“.

Finanzielle oder wirtschaftliche Instrumente, z. B. Steuern, Steuererleichterungen, Subventionen und Prämien, zielen darauf ab, das Verhalten durch finanzielle Anreize und Marktkräfte zu beeinflussen. Ein Bereich der CSR, der durch Finanzinstrumente beeinflusst wird, ist die Philanthropie. Der deutsche Staat hat die Rolle der privaten Philanthropie in Werken, die dem öffentlichen Interesse dienen, anerkannt und wie viele andere europäische Länder steuerliche Anreizmechanismen eingeführt. Im Rahmen des Nationalen CSR-Plans hat die Bundesregierung einen CSR-Preis initiiert. Mit dem CSR-Preis sollen innovative Unternehmen, die sich um die soziale, ökologische und ökonomische Verträglichkeit ihres gesamten Geschäftsmodells bemühen, gestärkt, gefördert und ausgezeichnet werden. Mit dem Preis sollen mehr Unternehmen zur Nachahmung dieser CSR-Initiativen motiviert und ein breiter Diskurs über die Wirkung von Unternehmensverantwortung angestoßen werden (Bauer, 2018).

Ein weiteres Instrument, um Unternehmen finanzielle Anreize für ihr CSR-Engagement zu geben, ist die öffentliche Beschaffung. Mit einem Auftragsvolumen, das 15% des deutschen BIP in 2016 ausmacht, nutzen nationale, regionale und lokale Behörden zunehmend ihre Marktposition, um CSR und Nachhaltigkeit zu unterstützen. In der „Allianz für nachhaltige Beschaffung“ arbeiten Bund, Länder und Kommunen seit 2010 mit dem Ziel zusammen, den Anteil nachhaltiger Produkte und Dienstleistungen im öffentlichen Einkauf zu erhöhen (1, 2017). Das Bündnis dient dem Erfahrungsaustausch zwischen den wichtigsten öffentlichen Beschaffern und soll zur verstärkten Anwendung von Nachhaltigkeitsstandards beitragen.

Bei den Rechtsvorschriften handelt es sich zumeist um weiche und nicht um verbindliche Instrumente. Es gibt jedoch zahlreiche Gesetze, die den Rahmen

für verantwortungsbewusstes unternehmerisches Verhalten bilden, z. B. das Arbeitszeitgesetz, das Gesetz über Sicherheit und Gesundheitsschutz am Arbeitsplatz, das Antidiskriminierungsgesetz, das Umweltgesetz usw. Die Europäische Kommission hat übrigens 2014 die Richtlinie über die Offenlegung von nichtfinanziellen und die Diversität betreffender Informationen umgesetzt, wodurch Berichte über die soziale und ökologische Leistung obligatorisch wurden. Die Richtlinie verpflichtet große Unternehmen von öffentlichem Interesse, d.h. börsennotierte Unternehmen, Banken und Versicherungsunternehmen, mit mehr als 500 Beschäftigten zur Offenlegung relevanter ökologischer und sozialer Informationen in ihrem Lagebericht. Die Richtlinie wurde in Deutschland öffentlich kritisiert, wurde aber schließlich mit einigen Zugeständnissen in das deutsche Rechtssystem aufgenommen.

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass der deutsche CSR-Ansatz eher auf Freiwilligkeit beruht (Hiß, 2009). Allerdings kann man auch sagen, dass einige Initiativen der deutschen Regierung im Vergleich zu einigen anderen europäischen Ländern obligatorisch sind. Die Haltung der Regierung gegenüber der Richtlinie über die Offenlegung von Finanzinformationen zeigt jedoch, dass die Regierung bereit ist, bestimmte Fragen dem Ermessen der Privatwirtschaft zu überlassen (Bauer, 2018).

Modell Russland

Wenn wir uns den russischen Erfahrungen mit CSR zuwenden, ist es auch sinnvoll, die historische Entwicklung zurückzuverfolgen. In Russland war es immer üblich, dass sich Geschäftsleute sozial engagierten. Im 19. Jahrhundert beispielsweise unterstützten Vertreter des Großkapitals Künstler und Musiker oder gründeten Krankenhäuser und Waisenhäuser. Sie waren als «Mäzenen» bekannt, und die russische Gesellschaft erfreut sich noch immer an einigen ihrer Taten. Die berühmtesten sind die von den Morozovs gebauten russischen Eisenbahnen und die Tretjakov-Kunstgalerie (Zavyalova, Ostrovskaya 2020: 2).

In der Sowjetunion war die soziale Verantwortung der Unternehmen nicht länger ein freiwilliger Ansatz. Die UdSSR bot ihren Bürgern tatsächlich soziale Garantien, und in vielen Fällen hing das Wohlergehen der Menschen weitgehend von dem Unternehmen ab, in dem sie arbeiteten. Die Unternehmen waren für die Unterbringung, Verpflegung, Gesundheitsfürsorge, Freizeitgestaltung und Erholung ihrer Arbeitnehmer verantwortlich. Die Unternehmen besaßen Häuser, in denen ihre Arbeiter wohnten, Krankenhäuser, Sommerlager für Kinder, Erholungsheime, Kulturzentren usw. Diese „Leistungen“ standen sowohl den Beschäftigten des Unternehmens als auch den Stadtbewohnern der umliegenden Gebiete zur Verfügung (Zavyalova, Ostrovskaya 2020: 2).

Im modernen Russland unterscheidet sich die Herangehensweise an CSR grundlegend von der in Deutschland, und die Aktivitäten der Regierung haben eher den Charakter eines Ultimatums (Zavyalova, Ostrovskaya 2020: 3). Sie zwingt die Unternehmen, sozial orientierte Programme aufzulegen. In einigen Fällen können wir sogar den Begriff „Druck“ verwenden, der von den Behörden auf die Unternehmen ausgeübt wird. Infolgedessen wird CSR nicht als freiwillig angesehen, sondern in gewisser Weise als obligatorische Bedingung für die Tätigkeit auf bestimmten Märkten und in bestimmten Regionen.

Ein weiteres Merkmal des russischen CSR-Ansatzes ist, dass es in Russland keine eindeutigen Ziele und kein System gibt, und außerdem gibt es noch keinen rechtlichen Rahmen. Deshalb entwickeln sich die Beziehungen zwischen Staat und Unternehmen hauptsächlich nach informellen Regeln und Vorschriften. Dennoch lassen sich im Wesentlichen vier Formen der institutionellen Zusammenarbeit unterscheiden:

1) sozialwirtschaftliche Entwicklungsabkommen zwischen Unternehmen und regionalen bzw. kommunalen Administrationen (SEDAs);

2) gemeinsame Projekte, zumeist basierend auf einer öffentlich-privaten Partnerschaft (ÖPP);

3) Arbeitsgruppen, Ausschüsse und andere Gremien mit Beteiligung von Unternehmensvertretern und staatlichen Akteuren;

4) regelmäßige informelle Zusammenarbeit, einschließlich persönlicher Absprachen zur Regelung von Streitfragen und Wohltätigkeitsaktivitäten regionaler Unternehmen (Pape, Klimovich 2019: 3).

Beiden SEDAs handelt es sich um eines von vier eher institutionalisierten Instrumenten. SEDAs sind verbindliche Abkommen zwischen Unternehmen und Administrationen. Diese Abkommen werden zumeist für einen Zeitraum von drei bis fünf Jahren abgeschlossen und von jährlichen Zusatzverträgen begleitet, die eine Auflistung von konkreten Projekten und festgelegten Ausgaben der Unternehmen für Straßen- und Brückenbau, Ausbau und Instandhalten der sozialen Infrastruktur, langfristiges Sponsoring von Sport, Kultur, Bildung und Forschung in der Region beinhalten. In den Abkommen verpflichten sich beide Seiten zur gegenseitigen Unterstützung. Den Unternehmen wird der Abbau von administrativen Barrieren und eine staatliche Förderung von Investitionsprojekten, einschließlich von Steuervergünstigungen und Bürokratierleichterungen zugesichert. Im Gegenzug erhalten die regionalen und kommunalen Administrationen von den Unternehmen finanzielle Zuschüsse in Höhe von hunderten Millionen Rubel zur Erfüllung sozialpolitischer Aufgaben (Pape, Klimovich 2019: 3).

Die gemeinsamen Projekte im sozialen und ökologischen Bereich finden auch im Rahmen von Vertragsbasis statt. Diese Projekte betreffen in der Regel Unternehmen, die keine langfristigen sozialwirtschaftlichen Entwicklungsabkommen mit den Behörden abgeschlossen haben. Der Unterschied zwischen SEDAs und ÖPP liegt darin, dass die staatliche Unterstützung im Rahmen von ÖPP auf die konkrete Zielsetzung eines einzelnen Projektes begrenzt ist und die Unterstützung des Staates für die allgemeine wirtschaftliche Tätigkeit des Unternehmens in der Region ausschließlich auf informeller Basis erfolgt.

Arbeitsgruppen, Ausschüsse und andere Gremien mit Beteiligung von Unternehmensvertretern und staatlichen Akteuren sind ein weiteres Instrument der Zusammenarbeit, das nicht obligatorisch ist und dazu dient, die Meinungen von Unternehmen und Behörden auszutauschen. Dabei nehmen Unternehmensvertreter an den Gesellschaftsräten der regionalen Ministerien oder der Gesellschaftskammern teil und bringen ihre Vorschläge für staatliche Ausgaben in den jeweiligen Themengebieten ein.

Die letzte Form der Zusammenarbeit schließlich sind Anfragen von regionalen und kommunalen Administrationen an Unternehmen, sich direkt an Reparatur- und Bauarbeiten in sozialen Einrichtungen des Staates zu beteiligen, öffentliche Großveranstaltungen zu finanzieren und bedürftige Organisationen und Einzelpersonen nach Absprache mit den

Behörden zu unterstützen, z.B. bei medizinischen Notfällen. Durch dieses Engagement können sich die Unternehmen enge informelle Beziehungen zu den Behörden sichern, die ihre Loyalität unter Beweis stellen. Allerdings erhöht sich dadurch auch das Risiko überzogener Anforderungen seitens des Staates und es entstehen zusätzliche Kosten für die Unternehmen, die bei der langfristigen Planung der CSR-Aktivitäten nicht berücksichtigt werden (Pape, Klimovich 2019: 3).

Das wichtigste Problem in den Beziehungen zwischen Staat und Unternehmen ist wahrscheinlich die mangelnde Unterstützung durch die Behörden. Man könnte sogar sagen, dass der Staat mehr nimmt, als er gibt, und dass die Unternehmen die staatlichen Vorschriften nur einhalten müssen, um ihr Geschäft zu erhalten. So gibt es beispielsweise Steuerbefreiungen nur für Unternehmen, die Wohltätigkeitsarbeit nur als Teil einer bestimmten Tätigkeit leisten. Außerdem dürfen Unternehmen nur mit ihrem Reingewinn einen Teil ihrer Wohltätigkeitsarbeit leisten. Heute besteht für sie die Möglichkeit, die Körperschaftsteuer auf regionaler Ebene von 18 % auf 13,5 % zu senken und einige Mehrwertsteueranreize zu erhalten. Aus diesem Grund hat die Wohltätigkeit einen kleinen Vorteil gegenüber den traditionellen CSR-Programmen (Zavyalova, Ostrovskaya 2020: 6).

Schlussfolgerungen

Wenn wir die Ansätze Deutschlands und Russlands in Bezug auf CSR vergleichen, stellen wir fest, dass sich beide Staaten aktiv in diesem Bereich engagieren. Deutschland bleibt jedoch eher auf der freiwilligen Seite und zwingt die Unternehmen nicht dazu, soziale Verantwortung zu übernehmen. In diesem Sinne neigt Russland dazu, CSR als Mittel zu nutzen, um seine wahren Motive zu verschleiern, nämlich die Unternehmen für seine eigenen Zwecke zu nutzen. Auch der Unterschied im rechtlichen Rahmen ist sehr deutlich: Deutschland hat spezielle Rechtsakte geschaffen, um Nachhaltigkeit mit Hilfe der Unternehmen zu verfolgen, während Russland auf informelle Mittel zurückgreift, um Unternehmen zu sozialem Wachstum zu bewegen. Darüber hinaus unterstützt Deutschland Unternehmen aller Art bei ihren sozial verantwortlichen Aktivitäten mit Steuererleichterungen, Subventionen und Belohnungen. In Russland ist der finanzielle Nutzen für Unternehmen eher gering.

Sicherlich hat Deutschland seine eigenen Strömungen. Einige Wissenschaftler sind der Meinung, dass die von der Regierung eingesetzten Instrumente zu weich und nicht weitreichend sind. Manche sagen sogar, dass es in Deutschland entgegen der allgemeinen Meinung in anderen europäischen Ländern keine generelle Abneigung gegen das Konzept der CSR gibt. Auch Deutschland zwingt große Unternehmen zur Erstellung von Nachhaltigkeitsberichten, deren Wirksamkeit empirisch nicht erwiesen ist. Einige Unternehmen stellen in ihren Berichten keine konsistenten Informationen zur Verfügung, sie enthalten häufig Diagramme und Graphiken ohne tatsächliche absolute oder relative Zahlen. Aus diesem Grund ist diese ganze Berichtspflicht sehr umstritten und wird sogar als pseudotransparent angesehen (Hiß, 2009).

Als Fazit kann man sagen, dass beide Länder auf dem Weg sind, ihr eigenes CSR-System zu schaffen und dabei unterschiedliche Ansätze verfolgen. Wenn wir darüber

sprechen, was Deutschland und Russland voneinander lernen können, dann ist es für Deutschland die Einführung von mehr verbindlichen Instrumenten, da Freiwilligkeit von vielen Wissenschaftlern und sogar der Europäischen Kommission nicht mehr als Hauptmerkmal von CSR angesehen wird. Für Russland ist es in dieser Phase sehr wichtig, einen rechtlichen Rahmen für CSR zu schaffen, um Korruption und andere informelle Formen der Zusammenarbeit, die für den Staat und die Unternehmen schädlich sind, zu reduzieren.

In Anbetracht der Tatsache, dass beide Länder erst vor relativ kurzer Zeit mit ihrer CSR-Politik begonnen haben, scheinen die Perspektiven vielversprechend zu sein.

Literaturverzeichnis

1. Allianz für eine nachhaltige Beschaffung // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Wirtschaft/allianz-fuer-eine-nachhaltige-beschaffung-2013.html#:~:text=Unter%20dem%20Vorsitz%20der%20Bundesregierung,%C3%B6ffentlichen%20Hand%20deutlich%20zu%20erh%C3%B6hen>.
2. Bauer T. CSR in Germany: The Role of Public Policy. // Emerald Insight. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/S2043-905920180000012005/full/html>.
3. Dewatripont, M., Jewitt, I., & Tirole, J. The Economics of Career Concerns, Part II: Application to Missions and Accountability of Government Agencies. // Jstor. URL: <https://www.jstor.org/stable/2566956?seq=1>.
4. Hiß S. Corporate Social Responsibility – Innovation oder Tradition? // Nomos Elibrary. URL: <https://www.nomos-elibrary.de/10.5771/1439-880X-2009-3-287/corporate-social-responsibility-innovation-oder-tradition-zum-wandel-der-gesellschaftlichen-verantwortung-von-unternehmen-in-deutschland-volume-10-2009-issue-3>.
5. Pape U., Klimovich S. Gesellschaftliche Unternehmensverantwortung abseits der gewohnten Pfade: Wie Staat und Wirtschaft in Russland zusammenarbeiten. // Länderanalysen. URL: <https://www.laender-analysen.de/russland-analysen/376/gesellschaftliche-unternehmensverantwortung-abseits-der-gewohnten-pfade-wie-staat-und-wirtschaft-in-russland-zusammenarbeiten/>.
6. Rommerskirchen J. Die soziale Rolle von Unternehmen. // SSOAR. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/60282/ssoar-jkorpkomm-2018-1-rommerskirchen-Die_soziale_Rolle_von_Unternehmen.pdf?sequence=3&isAllowed=y&lnkname=ssoar-jkorpkomm-2018-1-rommerskirchen-Die_soziale_Rolle_von_Unternehmen.pdf.
7. Über uns. // Deutsches CSR-Forum. URL: <https://www.csrforum.eu/ueber-uns/> Zavyalova E., Ostrovskaya E. Corporate social responsibility in Russia. // SHS Web of Conferences. URL: <https://www.shs-conferences.org/10.1051/shsconf/20208906008>.

Зарубежный опыт организации вовлечения гражданского общества в процесс управления городом: перспективы внедрения

Пильщиков А.К.

АННОТАЦИЯ

В статье автором на основе представленного подхода к классификации механизмов осуществления вовлечения граждан в процесс управления городом, в том числе в сфере стратегического планирования, рассмотрены примеры практики организации гражданского участия на основе опыта ряда испанских и китайских городов. В качестве основы классификации использовано деление форм организации гражданского участия на три вида по признаку доминирующего механизма взаимодействия, подразумевающего следующие механизмы: информационный, консультационный и механизм совместной разработки и реализации. В статье представлены материалы аналитической обработки данных официальных электронных ресурсов и документов, а также материалов других исследований, которые в совокупности являются источниками информации о рассмотренном опыте зарубежных городов: Севильи, Валенсии, Ла-Коруньи, Сянган (Гонконга), Харбина, Вэньлина, Уси, Чэнду, Мэйлана и Яньцзиня. Авторское предположение заключалось в том, что применяемые в указанных странах методы и инструменты вовлечения граждан имеют значимые отличия, на основе сопоставления которых можно предположить, насколько допустимо осуществлять их внедрение в отечественную практику местного самоуправления. По итогам анализа указанное предположение подтвердилось. Также автором были сформулированы принципы выстраивания системы вовлечения местного сообщества в решение вопросов местного значения, а также предложения по основным характеристикам данной системы. Ее проектирование проведено с учетом некоторых особенностей российского общества, включая тенденции к распространению активистской культуры. Представленная в работе модель может быть применена в работе органов местного самоуправления с целью проведения апробации и осуществления при необходимости дальнейшей корректировки.

RESUME

In this article author examines local community involvement based on the experience of a number of Spanish and Chinese cities, based on the classification of local community involvement implementation mechanisms. The article also deals with city management and strategic planning processes. The classification is based on the types of civil participation forms, based on the dominant mechanism of interaction. These mentioned mechanisms are: informational, consulting and a mechanism for joint development and implementation. The article presents the materials of analytical data processing of official electronic resources and documents, as well as materials of other studies. There has been assessed various examples: Seville, Valencia, La Coruna, Hong Kong, Harbin, Wenling, Wuxi, Chengdu, Meilan and Yanjing. The author's assumption was that the methods and tools of citizen involvement used in these countries have significant differences, so that based on a comparison, it has been assumed, how permissible it is to implement them in the domestic practice of local self-government. According to the results of the analysis, this assumption was confirmed. The author also formed the principles of building a system of involving the local community in solving issues of local importance, as well as proposals on the main characteristics of this system. Its design was carried out taking into account some features of Russian society, including trends towards the spread of activist culture. The model presented in the paper can be applied in the work of local self-government bodies in order to carry out testing and, if necessary, further adjustments.

Ключевые слова: местное самоуправление, местное сообщество, гражданское общество, кооперация, эффективность деятельности органов местного самоуправления, зарубежный опыт

Key words: local government, local community, civil society, cooperation, efficiency of municipal authorities' policymaking, foreign experience

Пильщиков Антон Константинович, магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, SPIN-код: 9238-1050, Москва, Россия, pilsikovanton98@gmail.com

Anton K. Pilshchikov, master's degree student of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, SPIN-code: 9238-1050, Moscow, Russia, pilsikovanton98@gmail.com

Введение

В настоящее время трудно представить себе процесс осуществления местного самоуправления на территории без участия представителей гражданского общества. Активное вовлечение местного сообщества в решение вопросов местного значения представляет собой сложный процесс, связанный с сонастройкой системы учета разнонаправленных интересов, порой противоположных, на уровне муниципального образования. Если рассматривать города как единицы особого рода, то в них при рассмотрении процессов обеспечения вовлеченности гражданского общества необходимо учитывать особую значимость одной из характеристик – высокую плотность населения – и одновременно такой социологический аспект как высокую степень атомизации населения. Сегодня, когда дальнейшее развитие регионов и отдельных населенных пунктов, в том числе городов, требует от лиц, принимающих решения, высокого профессионализма в связи с усложнившимися внешнеполитическими и экономическими условиями, ставшими результатом введения против России санкций со стороны недружественных государств из-за проведения Специальной военной операции на территории Украины, осуществление управления и стратегического планирования посредством обращения к местному сообществу представляется одним из наиболее действенных способов поиска и выявления наиболее значимых проблем, требующих немедленного решения в целях поддержания достигнутого уровня благосостояния населения и полноценного социально-экономического развития в целом.

В рамках настоящей статьи, целью которой является формирование на основе проанализированных примеров авторских предложений по организации системы вовлечения представителей местного сообщества в решение вопросов местного значения, в том числе в рамках стратегического планирования, предлагается использовать приведенную ниже классификацию механизмов общественного участия.

Информационный механизм участия: представители органов власти выполняют исключительно информационную функцию, предоставляя сведения о проекте документа, о самой инициативе, о ходе её реализации. Непосредственное вовлечение в этом случае отсутствует. Более того, подобный подход близок к имитации участия. Отмечается, что в таких моделях граждане являются лишь объектом управления. Консультационный механизм характеризуется постоянной необходимостью использовать обратную связь, чтобы иметь возможность обладать наиболее полными сведениями о потребностях представителей местного сообщества. Другим распространённым методом является проведение экспертных

опросов с включением ключевых заинтересованных сторон. Критическая позиция в отношении подобного рода форм участия проявляется в описании консультационного механизма как символического участия граждан. Механизм совместной разработки и реализации помимо методов, присущих двум другим механизмам, подразумевает обязательное вовлечение гражданского общества непосредственно в процесс разработки решений и их принятия через развитие формализованных институтов общественного участия (Ладыгин, 2012).

Зарубежный опыт

Целью проведения анализа конкретных методов и инструментов, применяемых в практике вовлечения представителей гражданского общества в управленческий процесс, были выбраны иностранные государства, которые значительно отличаются друг от друга с точки зрения культурных особенностей: Испания и Китай. Отметим, что использование опыта других государств по-прежнему остается эффективным инструментом сопоставления практик и поиска актуальных решений.

Авторское предположение заключалось в том, что применяемые в указанных странах методы и инструменты вовлечения граждан имеют значимые отличия, на основе сопоставления которых можно предположить, насколько допустимо осуществлять их внедрение в отечественную практику местного самоуправления (далее – МСУ).

В рамках рассмотрения испанского опыта были проанализированы примеры трёх городов: Севильи, Валенсии и Ла-Коруньи. Опыт Китая рассмотрен на примерах Сянгана (Гонконга), Харбина, Вэньлина, Уси, Чэнду, Мэйлана и Яньцзиня.

В рамках настоящей статьи мы будем приводить информацию о рассмотренных зарубежных практиках с добавлением комментариев относительно допустимости применения в России проанализированного опыта.

Опыт Севильи, характеризующийся активным проведением анкетирования по вопросам формирования городской политики, примечателен с точки зрения использования метода сбора и анализа данных при разработке документов стратегического планирования, которые одновременно с учётом позиции местного сообщества подразумевают опору на официальные национальные и международные акты в сфере стратегирования (7, 2019). Факт наличия и функционирования общественных советов (5, 2019) представляет значительно меньший интерес, так как подобная практика применяется в Российской Федерации уже достаточно длительное время. Более того, для адекватного функционирования таких консультативных механизмов необходимо значительно большее, чем есть на данный момент, развитие активистской культуры граждан России. Вместе с тем полагаем, что эта сфера общественно-политических отношений представляет собой интерес как отдельная тема дополнительных научных и практических изысканий. Механизм – консультационный.

Опыт Валенсии является, по нашему мнению, примером наиболее систематизированного подхода к организации вовлечения гражданского общества. Функционирующая там система консультационных и распорядительных органов как на уровне районов, так и на уровне города (6, 2017) позволяет централизованно

осуществлять агрегацию, систематизацию, отбор предложений и анализ поступающих данных в оперативном порядке, а также разрабатывать детализированные предложения по вопросам городской жизни. Примечательно то, что в Валенсии при формировании общественных советов учитываются не только интересы, связанные с родом занятий, территориальной близостью мест проживания (соседством), увлечениями, но и возрастные характеристики граждан: работа совета детей и подростков, созданного для учёта позиций несовершеннолетних при осуществлении городского планирования, – явное подтверждение данного факта. При этом остается неясным вопрос о качестве представляемых членами этого совета предложений и выдвигаемых ими требований – открытые источники, по нашим наблюдениям, не содержат такой информации. Отдельного внимания заслуживает одно из многочисленных направлений деятельности по обеспечению вовлечения местного сообщества – развитие культуры участия (6, 2017), которое проявляется в форме содействия гражданскому обществу с применением мер стимулирования в виде выделения субсидий, организации специализированных гражданских центров, проведении информационно-ознакомительной и разъяснительной работы с населением. Механизм – совместная разработка и реализация.

Материалы, размещённые на официальных электронных ресурсах городского совета Ла-Коруньи, содержат только сведения, относящиеся к 2016-2019 гг., что не позволяет в полной мере проиллюстрировать опыт города в сфере вовлечения местного сообщества в процесс управления на актуальных примерах (8, 2022). Тем не менее опыт Ла-Коруньи мы считаем ценным с позиции того, что в этом городе наибольшее развитие получили проекты партисипаторного бюджетирования и соучаствующего проектирования городских пространств. Механизм – консультационный с элементами включенности.

В Сянгане (Гонконге) на регулярной основе проводятся мероприятия по выявлению мнения гражданского общества при осуществлении развития отдельных территорий мегаполиса (9, 2022). При рассмотрении опыта этого города не было выделено каких-либо специфических черт, которые бы могли стать основой для проведения модернизации отечественной практики. Механизм – консультационный с элементами включенности.

Пример Харбина (механизм – консультационный), по нашему мнению, является наименее привлекательным, потому что организуемые муниципальным народным правительством города электронные обсуждения проектов стратегических и иных документов не подкрепляются активной политикой по информационному сопровождению и продвижению идей активистской культуры (4, 2022). Уровень гражданской активности, как показывает пример Харбина, в Китае не везде находится на достаточно высоком уровне, способном обеспечивать подлинное представительство различных заинтересованных сторон. В конечном итоге, определение данной модели как консультативной условно и основывается исключительно на регулярном объявлении запросов отзывов и предложений муниципальным народным правительством Харбина при отсутствии реального участия граждан в силу их незаинтересованности в подобных процессах.

Модели, выделенные Галынисом К.И. и Мияо Х. и представленные ниже в настоящей статье, являются явными примерами того, как в рамках одной формы

вовлечения – партисипаторного бюджетирования – возможно применять различные по своей природе и отличающиеся по форме подходы. Полагаем, что из всего спектра элементов, входящих в состав пяти описанных моделей, требуется выделить основные, сущностно характеризующие каждый отдельно взятый подход.

Так, модель Вэньлина примечательна с позиции формирования всех или части групп участников обсуждения на основе случайной выборки (Галынис, Мияо, 2020), модель Уси отличается привлечением соседских комитетов для формирования состава общественных представителей, опыт города Чэнду примечателен непосредственным включением в работу над проектами местных советов и собраний граждан, модель Мэйлана иллюстрирует возможность привлечения граждан к разработке критериев оценки, а модель Яньцзиня представляет собой пример кооперации между гражданским обществом и органами местной власти в плане разделения ответственности и направления проектов на утверждение местным собранием народных представителей (народные советники, избираемые гражданами или местными собраниями, производят отбор проектов и голосуют за направление их на утверждение в местное собрание после проведения экспертизы органами исполнительной власти) (Галынис, Мияо, 2020).

Дополнительно представим авторскую классификацию указанных выше китайских моделей: модели Вэньлина, Мэйлана и Яньцзиня – совместная разработка и реализация, модели Уси и Чэнду – консультационный механизм с элементами включённости.

Таким образом, в настоящее время существуют разнообразные формы обеспечения участия гражданского общества в управлении городом, которые основываются не только на нормативных положениях, но и логически следуют из традиционных для конкретного региона или города способов решения проблем и принятия решений. В целях наглядности представим описанные выше модели в табличной форме:

Таблица 1

Сводные данные по проанализированным практикам вовлечения гражданского общества

№ п/п	Практика	Механизм участия	Значимые характеристики
1.	Опыт Севильи	Консультационный механизм с элементами включённости	<ul style="list-style-type: none"> · Участие граждан в определении основных приоритетов и направлений деятельности, в том числе при разработке документов стратегического планирования, посредством анкетирования и проведения иных социологических исследований. Высокая доля учитываемых предложений граждан. · Функционирование общественных советов при органах власти города
2.	Опыт Валенсии	Совместная разработка и реализация	<ul style="list-style-type: none"> · Функционирование комплексной системы консультационных и распорядительных органов, осуществляющих непрерывное взаимодействие с городскими властями и находящимися с ними в связке. · Наличие широкого перечня форм организации вовлечения граждан (и практическая реализация этих форм).

3.	Опыт Ла-Коруньи	Консультационный механизм с элементами включённости	Приоритет в проведении мероприятий в области партисипаторного бюджетирования (реже – соучаствующего проектирования городских пространств)
4.	Опыт Сянган (Гонконга)	Консультационный механизм с элементами включённости	Проведение регулярных опросов общественного мнения по тематике благоустройства отдельных территорий города, организация публичных слушаний (демонстраций планов и проектов)
5.	Опыт Харбина	Консультационный механизм	Регулярный запрос мнений и отзывов по вопросам состава и содержания стратегических и плановых документов на уровне города. Уровень общественного участия низок.
6.	Модель Вэньлина	Совместная разработка и реализация	<ul style="list-style-type: none"> · Формирование групп участников обсуждения случайным образом при учёте необходимости обеспечения представительства различных групп интересов, проведение дискуссии по вопросам расходования городского бюджета с участием модераторов. · Неучастие представителей органов исполнительной власти в обсуждении и формировании предложений в рамках партисипаторного бюджетирования во избежание отставания ими собственного референтного мнения
7.	Модель Уси	Консультационный механизм с элементами включённости	<ul style="list-style-type: none"> · Отбор представителей общественности на основе рекомендаций соседских комитетов и самопрезентации. · Участие отдельных граждан в процедурах контроля и надзора
8.	Модель Чэнду	Консультационный механизм с элементами включённости	<ul style="list-style-type: none"> · Включение в работу по сбору и отбору проектов местных советов и собраний граждан
9.	Модель Мэйлана	Совместная разработка и реализация	<ul style="list-style-type: none"> · Сбор предложений общинными соседскими комитетами. · Участие граждан в формировании критериев отбора проектов, проведение голосования по вопросу одобрения собранных проектов и направления их для технической и правовой экспертизы в органы исполнительной власти. · Проведение голосования по двум спискам: один представляется органами власти субрайонного уровня, другой – общиной
10.	Модель Яньцзиня	Совместная разработка и реализация	<ul style="list-style-type: none"> · Избрание сельскими комитетами или жителями самостоятельно народных советников из своего состава, которые вправе выдвигать проекты наравне с органами исполнительной власти. · Проведение голосования собранием народных советников по проектам, одобренным на уездном уровне органами исполнительной власти

Предложения по внедрению зарубежного опыта

Перед формированием комплекса предложений считаем важным обозначить выделенные принципы, на основе которых планируется выстраивание систем вовлечения гражданского в процессы управления и стратегического планирования в городах. Мы предлагаем придерживаться следующих 7 принципов:

- 1) централизация и институализация сбора, обработки и анализа предложений;
- 2) привлечение объединений граждан, в том числе соседских, к разработке предложений;
- 3) разделение ответственности между гражданским обществом и органами МСУ
- 4) формирование рабочих групп на основе случайной выборки или в инициативном порядке;
- 5) непрерывный мониторинг потребностей местного сообщества;
- 6) содействие продвижению идей активистской культуры;
- 7) внедрение механизмов партисипаторного бюджетирования как эффективного инструмента формирования, поддержания и укрепления гражданской активности.

По нашему мнению, внедрение зарубежного опыта целесообразно осуществлять с учётом всего комплекса рассмотренных практик. В этой связи будут учитываться те параметры, которые видятся наиболее перспективными.

Предпримем попытку описать перспективную систему вовлечения представителей местного сообщества в процессы управления и, в том числе, стратегического планирования в городах в России.

Основу системы вовлечения предполагается сформировать на базе районов или микрорайонов городов (в зависимости от численности населения). С целью содействия участию граждан в мероприятиях по вовлечению необходимо предоставить им возможность официально проводить собрания и встречи по вопросам разработки предложений в области стратегического и бюджетного планирования в части основных принципов, целей, задач и направлений деятельности в рамках практической реализации муниципальных стратегий и программ. Ядром активистского сообщества района или микрорайонов наиболее целесообразно сделать членов руководящих органов ТОС, ТСЖ и (или) других организаций или их участников, не входящих в такие органы. Также объединения граждан в форме ТОС могут совместно с органами МСУ участвовать в агитации за участие на добровольной основе в процессах вовлечения. Одновременное проведение информационной кампании обязательно.

Сбор предложений, их обработку и анализ, по нашему мнению, необходимо осуществлять силами органов МСУ, в частности, силами местной администрации как исполнительно-распорядительного органа. Состав предложений должен обязательно включать в себя цели, задачи, мероприятия и план их выполнения с указанием контрольных точек, а также перечень показателей достижения приведённых элементов планирования, то есть цели, задачи, мероприятия, изложенные в предложениях гражданского общества, должны отвечать

критериям конкретности, достижимости, счётности и целесообразности. Содействие представителям местного сообщества необходимо выстроить с привлечением депутатского корпуса муниципального образования для обеспечения наиболее чёткого отражения интересов гражданского общества в соответствии с требованиями, предъявляемыми к документам стратегического и бюджетного планирования. Приоритетное положение той или иной группы граждан, в том числе самим членам депутатского корпуса, в плане возможности отстаивания собственных интересов недопустимо. Таким образом, потенциальная ответственность за принятые решения по реализации предложений граждан будет одновременно лежать как на органах МСУ, так и на представителях местного сообщества, что, по нашему мнению, должно повысить качество формируемых предложений.

В целях разделения ответственности, необходимо предусмотреть институт первичного отбора общественной комиссией поступивших в местную администрацию предложений граждан и их объединений участниками рабочих групп, созданных в районах или микрорайонах городов. Состав общественной комиссии представляется целесообразным сформировать из числа делегатов от рабочих групп в количестве не менее одного человека от каждой рабочей группы с соблюдением равенства числа представителей. После проведения первичного отбора прошедшие данный этап предложения должны направляться в местную администрацию для проведения оценки на предмет технического соответствия требованиям нормативных и методических документов и проведения доработки в случае необходимости. Заключительным этапом является одобрение проектов документов общественной комиссией. Одобрённые предложения гражданского общества затем необходимо передать в совет депутатов для окончательного утверждения и запуска процесса внесения изменений и (или) формирования документов стратегического и бюджетного планирования.

Работа общественной комиссии и рабочих групп должна продолжаться в процессе реализации утверждённых предложений в части участия в осуществлении мониторинга и контроля. Непрерывный мониторинг потребностей местного сообщества органами МСУ требуется осуществлять исходя из важности того, насколько быстро на местном уровне смогут быть приняты необходимые решения. Для осуществления сбора информации о предпочтениях граждан и их объединений целесообразно применять метод регулярного анкетирования (например, ежеквартального).

Информационная кампания по распространению сведений о проведении мероприятий в сфере вовлечения гражданского общества может вестись органами МСУ совместно с объединениями граждан. Распространяемые сообщения должны содержать информацию о тематике, месте проведения мероприятий по вовлечению, ходе их проведения, сроках приёма предложений, ответственных за содействие формированию материалов депутатах в соответствии с избирательными округами муниципального образования, деятельности общественников и т.д. Необходимо особо отметить, что информационная кампания должна акцентировать внимание получателей информации не только на ключевых положениях предлагаемых изменений и (или) нововведений, но и на идейной составляющей, сути продвижения

которой заключается в необходимости преодоления господства подданнической общественной культуры, являющейся одной из характерных особенностей российского общества.

Спроектированная модель взаимодействия, по нашему мнению, при должном уровне внедрения способна обеспечить качественное, независимое и объективное представительство граждан и их объединений в процессах управления и осуществления стратегического планирования на уровне города, включить местное сообщество в систему принятия решений и создать условия для работы общественных консультационно-распорядительных институтов.

Применение разработанной модели нацелено на выстраивание системы вовлечения, ориентированной на совместную разработку и участие. При этом в случае отсутствия реальной возможности создать и настроить работу институтов общественного участия на таком уровне возможно исключение или сокращение объёмов отдельных элементов предлагаемой системы

Выводы

В настоящее время с учетом развития общественных отношений и постепенного укрепления активистской культуры в российском обществе даже в условиях санкционного давления целесообразно оценивать и по возможности внедрять успешный зарубежный опыт организации вовлечения граждан в процесс управления городом, в том числе в рамках стратегического планирования.

На основе собранных данных об иностранной практике выделены основные принципы организации системы вовлечения, а также сформированы авторские предложения по организации процесса вовлечения граждан в решение вопросов местного значения на уровне города. Представленная в статье модель может быть применена в работе органов МСУ с целью проведения апробации и осуществления при необходимости дальнейшей корректировки.

Список литературы

1. Галынис К.И., Мияо Х. Опыт партисипаторного бюджетирования Китайской Народной Республики // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. С. 112-135.
2. Ладыгин В.В. Механизмы общественного участия в процессе стратегического планирования // Городской альманах. 2012. №5. С. 95-107.
3. GovHK: official website. URL: <https://www.gov.hk/en>.
4. Harbin Municipal People's Government: official website. URL: <http://www.harbin.gov.cn/>.
5. Innovación socioeconómica en la Zona Norte de Sevilla. Estrategia DUSI Norte de Sevilla / Plan Estratégico 2030 // Ayuntamiento de Sevilla : sitio oficial. 2019.
URL: <https://www.sevilla.org/planestrategico2030/documentos/sevilla-2030/plan-estrategico-sevilla-2030/objetivos-y-estrategias-sevilla2030.pdf>.
6. Modelo de Participación Ciudadana // Ajuntament de València: sitio oficial. 2017. URL: <https://www.valencia.es/documentos/20142/38081/Modelo%2520Participaci%25C3%25B3n%2520Ciudadana.pdf/567c48d9-40c6-e20d-7b43-ef29983334d8>.
7. Objetivos y Estrategias / Plan Estratégico 2030 // Ayuntamiento de Sevilla: sitio oficial. 2019.
URL: <https://www.sevilla.org/planestrategico2030/documentos/sevilla-2030/plan-estrategico-sevilla-2030/objetivos-y-estrategias-sevilla2030.pdf>.

8. Participación Ciudadana / Concejalía de Igualdad, Bienestar Social y Participación Ciudadana // Ayuntamiento de A Coruña. Concello da Coruña: sitio oficial. URL: <https://www.coruna.gal/participacion/es?argIdioma=es>.
9. Urban Renewal Authority of Hong Kong: official website. URL: <https://www.ura.org.hk/en>.

Вызовы информационной безопасности России в контексте конфликта на Украине

Пискунов Д.А.

АННОТАЦИЯ

Информационно-коммуникационные технологии стали влиять на национальную безопасность государств и превратились в инструмент социального управления. М. Кастельс, основатель теории «Власть в сетевом обществе», рассматривая феномен коммуникации и выстраивания властных отношений, отметил, что ключевым механизмом управления общества становится контроль над восприятием общества и ценностями, формируемыми посредством деятельности СМИ и технологических компаний. Развитие сети Интернет и технологических компаний привело к появлению глобальных сетей, в том числе социальных сетей и приложений, которые стали регулятором общественного мнения и настроения. Это стало оказывать влияние на информационную безопасность государств. В связи с проведением СВО России на Украине США и страны Европейского союза начали информационную войну с использованием средств массовой информации и IT компаний. Такая политика Запада стала вызовом подходам России в сфере международной информационной безопасности. В результате работы автор анализирует механизмы и средства, предпринятые для обеспечения суверенитета в информационном пространстве и использования права на управление внутренним сегментом сети Интернет. В заключении работы автор подчеркивает мысль, что Россия и Запад находятся на пути к структурному разъединению или decoupling, что приведет к разрыву связей между двумя акторами.

RESUME

Information and communication technologies have started to exercise influence on the national security and have become a tool of social management. M. Castells, founder of the theory «Communication Power», considers the phenomenon of power relations in network society and notes that the key mechanism of social management is a control over frames and values formed by social media and technology companies. The development of the Internet has led to the emergence of global networks which is based on social networks, services, and applications. Those network applications have become the regulator of public opinion. Consequently, it started to have an impact on the information security of states. Against the background of Russian military operation in Ukraine US and EU states launch information war using media outlets and technological companies. It is the West's policy that challenges Russia's approach to the issues of security in cyber domain. As a result, the author analyses mechanisms and measures which has been taken to ensure sovereignty in cyber space and use the right to govern inner domain of the Internet. In conclusion, the author points out that Russia and the West are on the way to structural decoupling, and, as a consequence, it will lead to severance of ties between two actors.

Ключевые слова: международная информационная безопасность, сетевое общество, вызовы, Россия, Украина

Keywords: international information security, network society, challenges, Russia, Ukraine

Пискунов Данил Андреевич, студент Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия, piskunov_da@mail.ru

Danil A. Piskunov, student of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia, piskunov_da@mail.ru

Международная информационная безопасность стала критическим элементом стратегической стабильности (Крутских, Бирюков, 2017). Информационные технологии эволюционировали от простой передачи данных и информации до инструмента влияния. Ввиду того что ключевым источником информации становится

сеть Интернет и социальные приложения, в том числе Facebook, Instagram, Telegram, медиакорпорации и глобальные технологические компании получают преимущество в регулировании потока информации и дискурса (Зиновьева, 2021). Ряд авторов отмечают значительные успехи России по разработке правил ответственного поведения государств в киберпространстве (Демидов, 2013; Сидорова, 2020; Пискунов, 2021). В связи с проведением Специальной военной операции (далее – СВО) России на Украине страны Европейского Союза и США, используя технологические компании, СМИ и другие инструменты в сфере ИКТ, оказали информационное давление на Россию и нарушили ряд принципов информационной безопасности России. Действия компаний и СМИ стран Запада вылились в информационную войну, что стало прецедентом к применению ограничительных мер для обеспечения информационной безопасности. В этом контексте автор ставит цель – изучить комплекс мер, предпринятых для обеспечения информационного суверенитета в контексте конфликта на Украине. В качестве теоретической основы автор ссылается на работы М. Кастельса «Власть коммуникации», в которых испанский социолог охарактеризовал место и роль ИКТ в конструировании власти в сетевом обществе.

М. Кастельс охарактеризовал этот феномен как «власть коммуникации», в рамках которой выигрывает тот актер, который контролирует каналы коммуникации и передачи информации. Испанский социолог проанализировал процессы цифровизации общества и экономики и пришел к выводу, что нынешнее общество представляет собой систему узлов, связанных коммуникацией или каналами передачи информации (Castells, 2013). Такое «сетевое общество» формируется параллельно процессу распространения и проникновения технологий. Коммуникация в «сетевом обществе», в свою очередь, строится на мультимедийных сетях, которые содержат стандарты или протоколы (Дегтерев, Рамич, Пискунов, 2021).

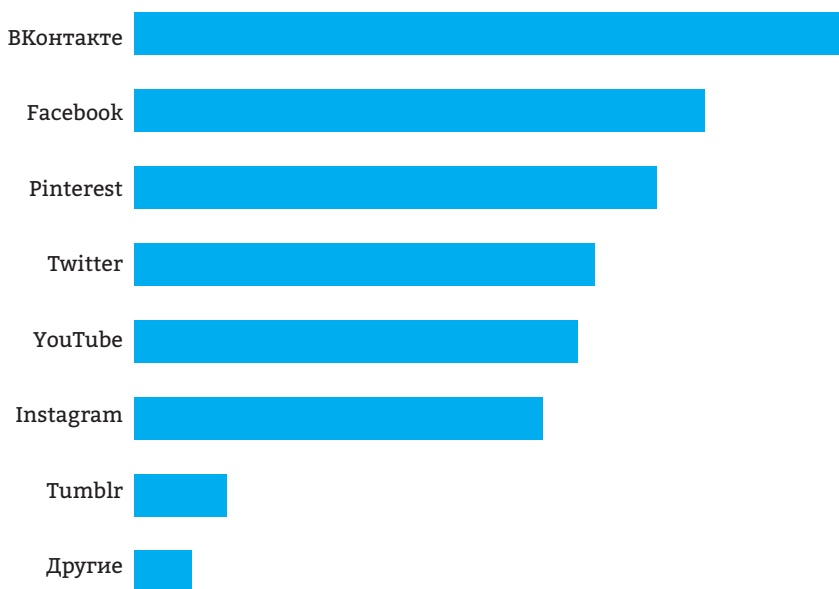
Главной характеристикой « сетевого общества » является контроль над коммуникацией (Castells, 2013). Это позволяет формировать идеи, ценности и фреймы в восприятии общества. Т.е. механизмом управления в «сетевом обществе» становится контроль медиакорпораций над ценностями и идеями, транслируемыми с помощью мультимедийных сетей.

Россия выступает в качестве инициатора рассмотрения проблемы информационной безопасности в рамках Генеральной Ассамблеи. В 1998 г. Российская Федерация предложила на рассмотрение ГА ООН резолюцию «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». В 2014 г. Россия предложила

В концепции «Международной информационной безопасности» Российской Федерации, представленной на рассмотрение ГА ООН и подписанной государствами-членами ШОС, в качестве основных угроз и факторов, влияющих на международную информационную безопасность, считается использование ИКТ для нарушения общественного порядка, межнациональной, межрасовой борьбы, а также представляющее угрозу для стратегической стабильности и суверенитета в информационном пространстве. В контексте кризиса, разразившегося на Украине, особенно актуальными стали вопросы регулирования информационного пространства, ограничения влияния иностранных СМИ, ведение информационной

Рисунок 1

Использование социальных сетей в РФ в период 01.01.2020-01.01.2022 войны (Концепция, 2011).

После Украинского кризиса и присоединения Крыма к России в 2014 г., согласно данным системы «Россия в мире», в СМИ стран Западной Европы, в том числе Германии, Великобритании, Франции, имидж России подвергся резкой критике (Николайчук, 2015). Индекс агрессивности СМИ в указанных странах превысил пороговое значение «Информационной войны» и оставался критическим до конца 2016 г. Это означает, что в зарубежных изданиях СМИ публиковалось в разы больше статей с негативным контекстом в отношении России, чем позитивных или нейтрально-позитивных.

В контексте конфликта между Россией и Украиной, начавшегося в феврале 2022 г., информационные технологии и медиа корпорации стали играть большую роль по сравнению с предыдущим периодом. Стоит отметить, что основными площадками распространения информации стали социальные сети – сетевые приложения технологических корпораций США. Исходя из рис. 1, видно, что иностранные социальные сети в январе 2022 г. занимали ключевые позиции среди российских пользователей, в том числе Facebook, Instagram, Twitter, YouTube, Tumblr (16, 2022). Согласно данным Media Score, в январе 2022 г. общий месячный охват Instagram составил 67 млн человек в России, в то время как охват YouTube – 89,5 млн человек (17, 2022).

Данные социальные сервисы принадлежат технологическим корпорациям США, в том числе Meta[1] и Google. Компании GAFAM (Google, Facebook[2], Amazon, Apple, Microsoft) ранее принимали участие в программе разведки США PRISM, в рамках которой был обеспечен доступ для правительственных структур США к конфиденциальным данным пользователей. В условиях конфликта между Россией и Украиной ведущие технологические компании США еще раз продемонстрировали политическую лояльность правительственным элитам США.

В условиях информационной войны с Россией медиа корпорации приостанавливают деятельность СМИ на своих платформах. Российские новостные агентства RT и Sputnik были заблокированы в Facebook и Instagram. Компания Meta отказалась снимать ограничения с аккаунтов телеканала «Звезда», агентства «РИА Новости», а также интернет-изданий Лента.ru и Газета.ru (18, 2022).

YouTube в качестве санкций ограничил монетизацию каналов пользователей из России и заблокировал каналы российских СМИ на платформе, в том числе Первый канал, Пятый канал, НТВ, ТНТ, RT, Россия 1, Россия 24, Москва 24, РБК, Спас (19, 2022). Meta Platforms ввиду специальной военной операции России на Украине сделала возможным пользователям Facebook и Instagram призывать к насилию против россиян и российских военных (9, 2022). В дополнение к этому, на системы и сайты российских новостных агентств были совершены кибератаки, в результате которых СМИ пришлось приостановить свою деятельность. Такая политика направлена на исключение российских СМИ в первую очередь из глобальных социальных сетей, таких как Facebook, Instagram, Twitter, и информационного пространства стран Европы и США.

Ввиду складывающейся обстановки Россия применила ряд механизмов для борьбы с пропагандой и иностранным влиянием. Во-первых, в самом начале специальной военной операции на Украине Роскомнадзор потребовал от СМИ удалить недостоверную информацию. Компания Яндекс начала предупреждать пользователей о возможных фейках при запросах, связанных с Украиной (13, 2022). Во-вторых, ввиду распространения недостоверной информации была введена уголовная и административная ответственность «за распространение заведомо ложной информации». Это ограничило деятельность информационных агентств и изданий, распространяющих «фейки», а также сказалось на работе социальных приложений. В результате принятия закона компания ByteDance ограничила функции Tik-Tok на территории России с целью обеспечить безопасность пользователей. В-третьих, в качестве отдельного механизма была выбрана блокировка СМИ, деятельность которых влияла на внутреннюю безопасность. В этой связи Роскомнадзор ограничил доступ к сайтам изданий «Медуза» (Латвия), «Радио Свобода» (США), «Би-би-си» (Великобритания) и Deutsche Welle (Германия). Под блокировку попали радиостанция «Эко Москвы» (Латвия) и телеканал «Дождь» (Россия) (11, 2022). В-четвертых, в качестве ответных мер на деятельность технологических платформ в контексте кризиса была выбрана блокировка социальных сетей, таких как Facebook, Twitter и Instagram (10, 2022). Данные площадки продвигали антироссийскую повестку в информационном пространстве. Так, в Twitter'е набрали популярность такие хештеги, как #Istandwithukraine, #BoycottRussia, #FreeUkraine. Хештег #Istandwithukraine, согласно аналитической системе Brand 24, с 24 февраля собрал более 1100 упоминаний, среди которых 800 упоминаний приходится на соцсети. Общее количество человек, которые встречали материалы, распространяемые с данным хештегом, более 5,9 млн человек (14, 2022).

Таким образом, данный конфликт стал серьезным вызовом для информационной безопасности России и примером для стран, поддерживающих концепцию международной информационной безопасности РФ. С точки зрения

теории К. Кастельса «власть коммуникации», информационное влияние воздействует на национальную безопасность и суверенитет государства. Государство с целью обеспечения внутренней стабильности вынуждено ограничивать функционирование медиаплатформ и регулировать потоки распространения информации.

Информационная безопасность стала критическим элементом стратегической стабильности. Исходя из вышеприведенного анализа, автор может сделать вывод, что социальные сети и СМИ стали одним из инструментов в ходе конфликтов. С целью обеспечения информационного суверенитета Россия предприняла ряд мер, в том числе блокировку ряда изданий и приложений, удаление и фильтрацию контента, введение уголовной ответственности за распространение недостоверной информации. Меры, направленные против России в связи с проведением СВО на Украине, стали прецедентом с точки зрения ведения информационных войн между государствами и основой для более тщательного управления внутренним сегментом сети Интернет и проработки принципов и норм международной информационной безопасности на глобальном уровне.

В результате торговой войны между США и КНР исследователи и политики начали отмечать тенденцию к структурному разрыву связей между двумя экономиками. Такая тенденция получила название «декаплинг» (decoupling), который влечет кардинальные изменения в существующем миропорядке (Карнеев, Пятачкова, 2020). В этом контексте можно рассматривать структурные изменения в отношениях между Россией и странами Коллективного Запада. Обоюдные санкционные ограничения в сфере финансов, технологий, экономики и т.д. определили разрыв связей между двумя акторами. Декаплинг между Россией и странами Коллективного Запада фактически подтолкнет первую к налаживанию взаимодействия в стратегических сферах главным образом со странами Азии, а также Африки и Латинской Америки.

Список литературы

1. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // Вестник международных организаций, 2021. 16(3). С. 7-33.
2. Демидов О. В. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. №. 1. С. 129-168.
3. Зиновьева Е.С. Международная информационная безопасность. М.: МГИМО, 2021. 500 с.
4. Карнеев А. Н., Пятачкова А. С. Анализ дискуссий внутри китайского общества о положении Китая в мире на фоне обострения отношений с США в период пандемии // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. №. 4. С. 135-147.
5. Концепция Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности // СБ РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document112/>.
6. Крутских А., Бирюков А. Новая геополитика международных научно-технологических отношений // Международные процессы. 2017. № 2. С. 6-26.
7. Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России. М.: РИСИ, 2015. 230 с.
8. Пискунов Д.А. Регулирование отношений между государствами в киберпространстве / под ред. Дегтерева Д.А., Никулина М.А., Рамича М.С. // Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. 2021. С. 284-313.
9. Пользователям Facebook разрешили призывать к насилию против россиян // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220311/nasilie-1777578640.html>.
10. Роскомнадзор заблокировал Facebook // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13969773>.

11. Сайты «Голоса Америки», BBC, DW, Meduza и «Радио Свободы» заблокировали // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220304/blokirovka-1776476388.html>.
12. Сидорова Т. Ю. Международная информационная безопасность: правовые аспекты и деятельность ООН // Сибирский юридический вестник. 2020. №. 3 (90). С. 103-108.
13. «Яндекс» начал уведомлять о возможных фейках при запросах, связанных с Украиной // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13854209>.
14. Brand 24. URL: <https://brand24.com/>.
15. Castells M. Communication power. Oxford University Press, 2013. 551 p.
16. Global Stats Counter. URL: <https://gs.statcounter.com/>.
17. Media Scope. URL: <https://mediascope.net/data/>.
18. Meta отказалась выполнять требование российских властей // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220225/meta-1775175635.html>.
19. YouTube заблокировал РБК, ТАСС, каналы МИА «Россия сегодня» и ВГТРК // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5252122>.

[1] Признана в России экстремистской организацией и запрещена

[2] Признана в России экстремистской организацией и запрещена

Реализация инноваций в социальной сфере городов (на примере здравоохранения Москвы)

Пономарева Д.С.

АННОТАЦИЯ

В данной статье автором рассматривается актуальный вопрос трансформации социальной сферы городов, в частности, здравоохранения Москвы, которое на фоне пандемии COVID-19 претерпело серьезные изменения. Однако в научной литературе не обнаружено исследований, дающих комплексный анализ и оценку влияния пандемии, модернизации управленческих решений и конъюнктуры российского рынка венчурных инвестиций на реализацию медицинских инноваций в столице. В данной ситуации для дальнейшей эффективной трансформации системы здравоохранения Москвы представляется необходимым выявить позитивные и негативные последствия произошедших изменений и сформировать прогноз развития медицинских инноваций в столичном регионе. Во-первых, был проведен глубокий анализ нормативно-правовой базы реализации социальных инноваций для обозначения целей стратегического развития города. Во-вторых, определено влияние на применение искусственного интеллекта цифровизации и инвестиций как средств реализации инноваций в здравоохранении Москвы периода пандемии, выявлены успешные и неуспешные кейсы. В-третьих, дана оценка результатов реализации медицинских инноваций Москвы на основе PEST, SWOT и сравнительного анализа здравоохранения столицы. В-четвёртых, составлены рекомендации по решению проблем реализации социальных инноваций в здравоохранении Москвы с перечнем необходимых стадий, возможных точек роста, на основании которых сформирован прогноз перспективных направлений реализации ИИ в Москве на последующие 5 и более лет. Выявлено, что основной потенциал цифровой трансформации здравоохранения Москвы заключается в создании цифровых клинических сервисов, развитие которых должно осуществляться не только на базе бюджетных средств, но и за счет привлечения инвестиций. Прогноз реализации медицинских инноваций в столице показывает, что перспективными направлениями развития здравоохранения будут являться: персонификация, геймификация, системы прогнозирования эпидемий и т.д.

RESUME

In this article, the author examines the topical issue of the transformation of the social sphere of cities, in particular, the healthcare of Moscow, which has undergone serious changes against the background of the COVID-19 pandemic. However, there are no studies in the scientific literature that provide a comprehensive analysis and assessment of the impact of the pandemic, the modernization of management decisions and the conjuncture of the Russian venture capital investment market on the implementation of medical innovations in the capital. In this situation, for the further effective transformation of the Moscow healthcare system, it seems necessary to identify the positive and negative consequences of the changes that have occurred and to form a forecast for the development of medical innovations in the metropolitan region. Firstly, an in-depth analysis of the regulatory framework for the implementation of social innovations was carried out to identify the goals of the strategic development of the city. Secondly, the impact of digitalization and investment on the use of artificial intelligence as a means of implementing innovations in Moscow's healthcare during the pandemic period has been determined, successful and unsuccessful cases have been identified. Thirdly, an assessment of the results of the implementation of medical innovations in Moscow based on PEST, SWOT and comparative analysis of the capital's healthcare is given. Fourth, recommendations have been drawn up to solve the problems of implementing social innovations in Moscow's healthcare with a list of necessary stages, possible growth points, on the basis of which a forecast of promising directions for the implementation of AI in Moscow for the next 5 or more years has been formed. It is revealed that the main potential of the digital transformation of healthcare in Moscow is to create digital clinical services, the development of which should be carried out not only on the basis of budgetary funds, but also by attracting investments. The forecast of the implementation of medical innovations in the capital shows that promising areas of health development will be: personification, gamification, epidemic forecasting systems, etc.

Ключевые слова: региональная политика, социальная политика, здравоохранение, медицина, социальные инновации, инновации в здравоохранении, Столичное здравоохранение, инновации в Москве, инвестиции, цифровизация, венчурные инвестиции в медицине, искусственный интеллект

Key words: regional policy, social policy, healthcare, medicine, social innovations, innovations in healthcare, metropolitan healthcare, innovations in Moscow, investments, digitalization, venture investments in medicine, artificial intelligence

Пономарева Даяна Саидовна, студентка Института государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия, daiana.ponomareva2003@gmail.com

Daiana S. Ponomareva, student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, daiana.ponomareva2003@gmail.com

Введение

Актуальность и востребованность изучения обозначенной темы подтверждается технологической трансформацией социальной сферы – это мировая тенденция. Ученые и разработчики создают новые решения для повышения доступности, комфортности и результативности государственных социальных, в том числе, медицинских, услуг, а правительства реализуют программы по модернизации здравоохранения, образования и иных аспектов социальной сферы.

С начала 2000-х годов в политической международной повестке термин «социальные инновации» стал активно использоваться в социальном контексте в качестве описания новых практик межсекторного взаимодействия для лучшего решения социальных проблем и удовлетворения социальных потребностей населения. На сегодняшний день в мировом профессиональном сообществе идет активное накопление идей и результатов экспериментов, поиск наиболее эффективных подходов, связанных с использованием инноваций в медицине. Интерес компаний реального сектора экономики к данному направлению связан с огромным потенциалом рынка. «По прогнозу экспертов аналитической компании CB Insights, в 2021 г., например, объем рынка медицинских технологий искусственного интеллекта (ИИ) может достичь 6,6 млрд долл. при ежегодном росте в 40%».

«Кроме того, проводится значительное количество форумов, конференций, посвященных проблемам социальных инноваций: конференция «Social Innovation Residency» в Канаде, «Social Innovation Summit» в Сан-Франциско, форум социальных инноваций в Турции; регулярные тематические встречи TACSI в Австралии, «Young Foundation» в Лондоне; офис социальных инноваций и гражданского участия в Белом доме в Вашингтоне; Министерство социального развития и социальных инноваций в Британской Колумбии и т.д.»

Анализ имеющихся практик реализации социальных инноваций в здравоохранении Москвы

Инновации социальной направленности представляют собой нововведения, новые решения (продукты, услуги, модели или процессы) в социальной сфере, отвечающие социальным потребностям лучше, чем существующие варианты,

способствующие социальной модернизации и подразумевающие увеличение возможностей, улучшение взаимодействия, уровня охвата благополучателей социальных услуг, а также получению большего позитивного эффекта от принимаемых мер регионального/государственного регулирования. При этом инновации в социальной сфере могут быть реализованы в разных видах и являть собой: новый метод регионального или государственного управления; новые научные технологии, внедренные в социальную сферу и т.д.

Уровень развития и инновационности одного из основных элементов социальной сферы – системы здравоохранения в стране, а также в отдельно взятом городе может служить индикатором направленности социально-экономических изменений, поскольку здравоохранение является одним из важнейших составляющих качества жизни людей, создает стартовые условия для формирования и развития человеческого капитала. Меры и планы по развитию, модернизации данной сферы прописаны в ряде нормативно-правовых актах. Так, в Постановлении Правительства Москвы от 04.10.2011 г. № 461-ПП (ред. от 30.03.2021) «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Развитие здравоохранения города Москвы (Столичное здравоохранение)» перечислены основные задачи города Москвы в области охраны здоровья граждан (улучшение качества медицинской помощи, повышение ее доступности и т.д.). Отдельно стоит выделить одну из важнейших задач эффективной системы здравоохранения и одно из условий ее модернизации – реализацию инноваций в сфере здравоохранения.

Государственная программа «Развитие здравоохранения города Москвы (столичное здравоохранение)» является одним из ключевых документов социальной сферы анализируемого региона. Ее целью является «улучшение здоровья населения города Москвы на основе повышения качества и улучшения доступности медицинской помощи...» (Постановление, 2011). Для достижения данной цели в программе поставлено 15 задач, в том числе: «создание условий долгосрочного развития государственной системы здравоохранения города Москвы, включая информатизацию отрасли и развитие государственно-частного партнерства в сфере охраны здоровья граждан» (Постановление, 2011) и т.д.

На исполнение государственной программы «Столичное здравоохранение» в 2021 году из бюджета Москвы направлено 590,9 млрд рублей. С учетом средств территориального фонда обязательного медицинского страхования – 898,3 млрд рублей. «По сравнению с 2020 годом бюджетное финансирование программы увеличилось на 20,6 млрд рублей или 3,6 процента. К уровню 2019 года рост составил 270,2 млрд рублей или в 1,8 раза» (2, 2021).

В 2022 году и на плановый период 2023-2024 годов планируется повышение расходов бюджета на Государственную программу «Столичное здравоохранение», большая часть из которых будет направлена на оказание медицинских услуг по ОМС, в том числе, высокотехнологичной медицинской помощи.

Работа по реализации инноваций в сфере здравоохранения Москвы проводится также в рамках реализации ЦУР №3 «Хорошее здоровье и благополучие». Для реализации ЦУР №3 в Москве было подготовлено и на данный момент реализуется 9 программ («Московское долголетие», «Московский врач», «Программа ЕМИАС»,

«Диспансеризация» и т.д.), посредством которых в городе успешно реализуют различные управленческие и технологические инновации (экзоскелеты, роботизированные комплексы, онлайн сервисы и т.д.) в здравоохранении.

Цифровизация и инвестиции как средства реализации инноваций в здравоохранении Москвы периода пандемии

Толчком к развитию здравоохранения во всех российских регионах также послужил «черный лебедь» в виде пандемии COVID-19. Так, в период пандемии в Москве стали активно развивать, созданный несколько лет назад, единый радиологический информационный сервис Единой медицинской информационно-аналитической системы (ЕРИС ЕМИАС) — облачное хранилище медицинских изображений, сделанных в городских больницах и поликлиниках. В совокупности к данной системе было подключено 1300 цифровых аппаратов лучевой диагностики городских учреждений здравоохранения, то есть более 80% диагностического оборудования, имеющегося в городе. Однако самое главное, что в течение последних лет на основе анализа медицинских изображений, хранящихся в ЕРИС ЕМИАС, были разработаны алгоритмы компьютерного зрения и искусственного интеллекта, которые с высокой надежностью определяют наличие патологии во внутренних органах человека.

«Как показала практика 2020 года, применение новой технологии значительно ускоряет постановку диагноза (до 15 минут с момента проведения исследования). Также это повышает точность и своевременность постановки диагноза, в том числе за счет выявления заболеваний на максимально ранней стадии. Кроме того, снижается количество врачебных ошибок» (3, 2021).

Таблица 1

Московские кейсы реализации ИИ в здравоохранении (6, 2022)

Успешные кейсы		
Рентгенологический скрининг органов грудной клетки	Распознавание рака молочной железы	Выявление ранней стадии болезни Альцгеймера
<p>Care Mentor AI – разработчик сервисов компьютерного зрения для анализа и интерпретации результатов лучевых методов исследования (рентген, КТ, МРТ). Решение используется в Едином радиологическом информационном сервисе (ЕРИС), к которому подключено диагностическое оборудование 17 медицинских организаций Москвы.</p>	<p>Применение ИИ для диагностики риска развития рака молочной железы у женщин в ФМБЦ им. Бурназяна ФМБА России.</p>	<p>Центр информационных технологий в проектировании (ЦИТП) РАН совместно с Первым МГМУ им. И.М. Сеченова создали программное обеспечение, выявляющее признаки ранней стадии болезни Альцгеймера.</p> <p>Тестирование программного комплекса на базе Первого МГМУ им. И.М. Сеченова показало, что нейросеть способна выявить атрофию гиппокампа у пациентов с альцгеймеровской деменцией в более 90% случаев.</p>

Неуспешные кейсы		
CoBrain-Аналитика	Киберис	VertebroNavigator
<p>Проект, инициированный Сколтехом, предусматривает создание платформы для сбора, хранения, обработки и анализа биомедицинских данных различных типов и форматов, а также разработки и использования приложений поддержки принятия врачебных решений с использованием моделей и алгоритмов ИИ. Однако проект так и не заработал как агрегатор данных и алгоритмов.</p> <p>Компании и клиники предпочитают строить свою инфраструктуру хранения данных и их обработки.</p>	<p>Экспертная система на основе ИИ для диагностики и персонализированной терапии, подбора аналогов лекарств, проверки безопасности назначений и автозаполнения медкарты. Многие специалисты настороженно относятся к данному проекту. Назначение рекомендаций без подтверждения врача само по себе является опасным.</p>	<p>Интеллектуальная система для автоматической диагностики заболеваний позвоночника на основе компьютерного зрения. Компания привлекла 30 млн. рублей в 2017 году. В 2019 году лишена статуса резидента Сколково.</p>

Анализируя кейсы применения ИИ в Москве, можно выявить как удачные, так и неудачные практики реализации подобных технологий в здравоохранении. Общие проблемы и основные барьеры состоят в необходимости четко построенного клинического исследования, хорошего датасета. Отдельно стоит выделить получение обратной связи от врачей: новые технологии следует обсуждать с врачебным сообществом, а также давать им дополнительную мотивацию к использованию инновационных технологий.

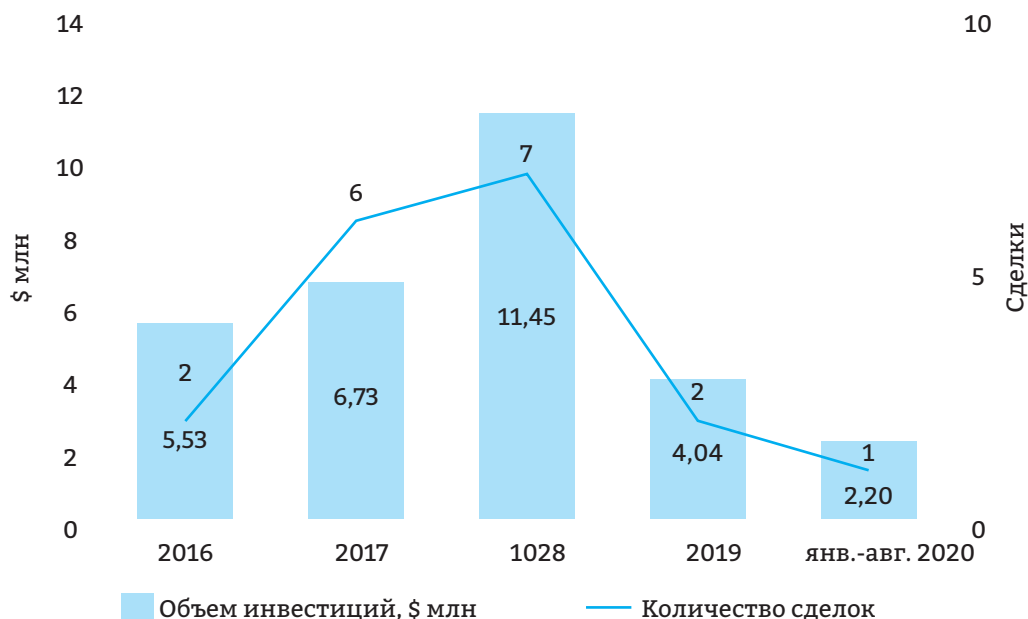
Специальная информационная платформа HUB дала возможность врачам из любых регионов воспользоваться технологиями ИИ. Они могут также получать комментарии московских экспертов по результатам исследований. «Значительным оказался спрос на сервис КТ-калькулятора – нейронной сети для оценки степени поражения легких по данным анализа крови. Им пользуются врачи и специалисты из 70 регионов. После регистрации на платформе врач любой специализации может загрузить обезличенное рентгенологическое исследование для обработки их с помощью ИИ. Эта технология позволяет выявлять болезнь на максимально ранней стадии и снизить количество врачебных ошибок» (4, 2019).

Вместе с тем, основной потенциал цифровой трансформации в создании цифровых клинических сервисов, развитие которых осуществляется не только на базе бюджетных средств, но и за счет привлечения инвестиций. Так, среди крупнейших московских сделок в сфере медицинских инноваций наиболее успешными являются:

1. DOC+ – телемедицинский сервис с виртуальным ассистентом, на который в 2018 году было затрачено 9 млн \$, а сумма всех привлеченных инвестиций составила 19,5 млн \$;
2. Assisted Surgical Technologies – компания, специализирующаяся на создании хирургических роботов, привлекла в 2019 году инвестиции на сумму 2,5 млн \$;
3. Gero – организация, занимающаяся разработкой терапий в области старения и сложных болезней привлекла в 2020 году 2,2 млн \$ инвестиций;

Рисунок 1

Венчурный рынок ИИ в медицине в Москве

4. Викиум – компания, разрабатывающая тренажеры для мозга и специализирующаяся на ментальном здоровье, привлекла в 2017 году 2 млн \$ инвестиций;

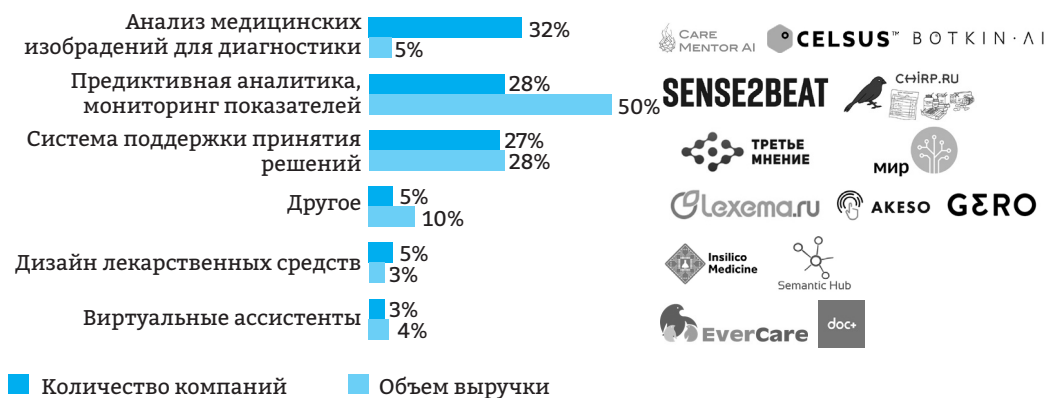
5. Botkin.ai – организация, деятельность которой основана на анализе медицинских изображений и диагностике привлекла 1,5 млн \$ инвестиций в 2019 году, а в целом – 1,7 млн \$. (10, 2020).

Анализируя рынок инвестиций в инновационное развитие, в частности, реализации ИИ в медицине и здравоохранении в Москве, следует отметить, что это достаточно молодое, «разведывательное» и пока недооцененное инвесторами направление. Так, доля Москвы на мировом рынке венчурных инвестиций в ИИ в медицине составляет 0,3% и 56% от общего объема инвестиций приходится на стадии pre-seed и seed. Кроме того, количество сделок и объем инвестиций резко сократился в 2019 году и продолжил свое падение в 2020 году.

Основная часть инвестиций в сфере медицины Москвы поступает в направлении создания, разработок виртуальных ассистентов (77,8% за период 2016-2020 годов), что несколько отличается от мировых трендов, где больший массив инвестиций сосредоточен в сфере системы поддержки принятия врачебных решений и предиктивной медицины. Кроме того, было выявлено, что существует более 40 ИИ-компаний в медицине и их совокупная выручка составила более 1,7 млрд рублей. В Москве по количеству компаний лидирующую позицию занимает сектор анализа медицинских изображений для диагностики, однако их объем выручки достаточно низок и составляет 5% от всего совокупного объема доходов компаний. Наибольшую выручку получают компании, занимающиеся предиктивной аналитикой и

Рисунок 2

Структура ИИ-рынка в медицине в Москве, % от общего количества компаний и совокупной выручки (1, 2022)

мониторингом медицинских показателей. Следует пояснить, что компании, работающие на медицинском рынке, были отнесены к выбранным сегментам в зависимости от продуктов, которые они предлагают. Размер сегмента равен сумме компаний или выручки этих компаний за 2019 г. Также важно отметить, специализированные компании с решениями для кибербезопасности в медицине, в Москве отсутствуют. Однако есть крупные компании (например, Kaspersky), которые разрабатывают системы информационной безопасности, в т.ч. кастомизированные для медицинских учреждений.

Оценка результатов реализации инноваций в сфере здравоохранения Москвы

Несмотря на то, что пандемия стала серьезной нагрузкой на здравоохранение, на помощь медикам пришли новые технологии: искусственный интеллект для точной диагностики или телемедицина для общения с пациентами — лишь некоторые примеры. И вот оценка того, чего удалось добиться в Москве: в рейтинге агентства StartupBlink «среди мировых мегаполисов столица заняла 3 место — после Сан-Франциско и Нью-Йорка» (7, 2021).

Рейтинг составлялся на базе глобальной карты инновационных решений по борьбе с коронавирусом и оценивал около 100 ведущих городов и 40 стран мира. Помимо этого, Москва заняла 1 место среди европейских городов в рейтинге инноваций, помогающих в борьбе с COVID-19, опередив Лондон и Барселону. При составлении рейтинга в расчет брали количество и тип инноваций, которые помогали городам мира бороться с инфекцией, адаптироваться к пандемическим вызовам, поддерживать экологические и социальные принципы (12, 2021).

Следует отметить, что Москва также заняла первое место в категории «Госуправление» европейского рейтинга «Города будущего: индекс ESG-инноваций».

Кроме того, столица заняла вторые места в категориях «Социальный капитал в сфере ESG» и «Сообщество ESG-предпринимателей». Рейтинг учитывает вовлечение в решение проблем экологии, социальной сферы и управления.

Выйти в лидеры Москве помогли 159 инновационных продуктов, сервисов и передовых решений, среди которых числятся:

1. решения для анализа и обработки медицинских изображений, помогающие рентгенологам проанализировать более 3 млн исследований;
2. механизмы компьютерного зрения на основе искусственного интеллекта (ИИ) (сейчас методика помогла рентгенологам проанализировать более 3 миллионов исследований) и т.д.

Также ИИ анализирует жалобы пациента, результаты исследований и анализов, а затем предлагает врачу несколько предварительных вариантов диагноза.

Данная технология помогает врачам максимально быстро поставить правильный диагноз, выявляя патологии и отмечая их на снимке. «До прошлого года в рамках работы обычных поликлиник время описания исследования могло достигать нескольких суток, сейчас время описания не должно превышать 24 часов в экстренных случаях, в случае неотложной консультации время описания может сократиться до пяти минут». Кроме того, существует так называемый КТ -калькулятор – это подобие онлайн-анкеты, которую нужно заполнить, отсылая в цифровом виде результаты анализов, КТ и других исследований. Причем эти данные в систему может вести и сам больной из дома.

Таблица 2

Pest-анализ здравоохранения Москвы

Политические факторы

1. Законы, регулирующие оказание медицинских услуг, и контроль их исполнения.
2. Регулирование сферы обращения изделий медицинского назначения, медицинских препаратов и оборудования.
3. Трудовое законодательство (включая размер и условия оплаты труда медицинских работников).
4. Законодательство, регламентирующее применение цифровых технологий в медицине.
5. Защита персональных данных пациента.
6. Стандарты оказания медицинской помощи.
7. Подготовка кадров: разные уровни образования; систематическое повышение квалификации и система аттестации медицинских работников.
8. Нормативно-правовое регулирование профилактики (национальный календарь прививок, требования диспансеризации, профилактических осмотров и пр.)

Экономические факторы

1. Налоговая политика в сфере здравоохранения (тарифы и льготы).
2. Государственное финансирование здравоохранения:
– закупка оборудования, медикаментов, расходных материалов;
– развитие инфраструктуры оказания медицинских услуг.
3. Система государственного и добровольного медицинского страхования.
4. Уровень доходов населения.
5. Уровень доступности медицинских услуг.
6. Государственно-частное партнерство (в том числе создание медицинских кластеров и иных структур)

Социокультурные факторы

1. Культура профилактики и здорового образа жизни у населения.
2. Уровень образованности населения в сфере заботы о своем здоровье и готовность платить за медицинские услуги.
3. Уровень доверия к медицине и «народным» методам лечения.
4. Демографическая структура населения:
 - половозрастная структура населения и продолжительность жизни;
 - соотношение уровня рождаемости/смертности.

Технологические факторы

1. Развитие Интернета и ИТ в сфере здравоохранения.
2. Телемедицина.
3. Новые методы и технологии диагностики и лечения.
4. Разработка и внедрение новых медицинских препаратов и изделий медицинского назначения (керамический сустав, определенные виды стентов, экзоскелет и т. д.)

Помимо пандемии на разработку и реализацию инноваций в здравоохранении Москвы влияние оказали и иные факторы, указанные при проведении PEST-анализа. Так, нормативно-правовое регулирование является базисом для построения инновационной системы здравоохранения Москвы, поскольку определяет цели, задачи и планы развития данной сферы с учетом особенностей города. Далее, экономические факторы, в частности, государственное финансирование и ГЧП позволяют сделать поставленные цели реализуемыми и доступными для населения. Технологические факторы – ключевые в инновационной деятельности Москвы, они обеспечивают высокий уровень технической оснащенности (оборудование, технологии диагностики, ИТ и т.д.). Социокультурные факторы в столице в основном оказывают благотворное влияние, однако половозрастная структура населения показывает, что Москва является стареющим городом и необходимо проводить меры, направленные на повышение рождаемости.

Оценку реализации инноваций в здравоохранении Москвы следует проводить и на основании степени достижения ЦУР №3 «Хорошее здоровье и благополучие», программы которой составляют базу для внедрения отдельных технологий, а также совокупной модернизации социальной сферы. Степень реализации данной ЦУР оценивают по следующим 7 показателям, большая часть из которых уже достигнута, а оставшиеся достигнуты более чем на 90%. Данная ЦУР в Москве включает в себя 7 показателей эффективности.

Таблица 3

Показатели эффективности реализации ЦУР «Здоровье и благополучие» в Москве (5, 2022)

Показатель	Завершенность	Целевое значение	Фактическое значение	Среднее по ОЭСР
Уровень младенческой смертности	>100%	2,8	3,5	5,6
Удовлетворенность жизнью в целом	91%	6,9	6,0	6,6

Ожидаемая продолжительность жизни	97%	81,5	77,8	80,1
Уровень смертности в связи с дорожно-транспортными происшествиями	>100%	4,7	2,9	8,7
Уровень врачебной активности	>100%	4,8	5,8	2,7
Время прибытия скорой помощи	>100%	12,3	9,7	-
Смертность населения в трудоспособном возрасте	97%	304	313	-

Исходя из анализа основных показателей эффективности данной ЦУР следует, что большая часть из них уже достигнута и, следовательно, в данном регионе нет значительных проблем в здравоохранении в части высокой смертности, удовлетворенностью жизнью или уровня врачебной активности. Эффект программ, которые разработаны в Москве по этому направлению, был явно замечен в 2020 году, когда на фоне пандемии было особенно важно поддерживать здоровье граждан, своевременно выявлять любые патологии и обеспечивать непрерывное лечение пациентов. Большое значение для благополучия горожан имеет состояние здравоохранения. В этой сфере Москва опережает другие мегаполисы мира. Например, «по количеству врачей на 1000 человек (5,8 при среднем по ОЭСР значении 2,7) — это отражение усилий, которые прилагает город для обеспечения населения качественными медицинскими услугами.

Важным направлением повышения эффективности медицинских услуг также является использование телемедицинских технологий, которые обеспечивают доступность медицинской помощи для пациентов, находящихся в труднодоступных местах. Телемедицина позволяет медицинским учреждениям снизить затраты и существенно увеличить охват пациентов. В России услуги телемедицины включены в некоторые региональные территориальные программы обязательного медицинского страхования (ОМС). За время пандемии онлайн-платформа «Доктор рядом» привлекла около 200 тыс. пациентов. Для получения услуги через этот портал достаточно зарегистрироваться на портале Госуслуги и сайте «Доктор рядом» без дополнительных очных посещений» (5, 2022).

По результатам исследования мировых трендов в здравоохранении, проведенного одной из крупнейших международных консалтинговых компаний The Boston Consulting Group (BCG), Москва активно внедряет лучшие практики в сфере здравоохранения, адаптируясь к возникновению новых технологий и инноваций.

При этом наибольший уровень технологической зрелости существующих решений представлен в сегменте Систем информационной безопасности для защиты и обезличивания медицинских данных, а также Систем управления медицинскими организациями, что соответствует мировым трендам. Однако наблюдается значительный технологический провал в сегменте Виртуальных ассистентов: московские показатели отстают от мировых в этой сфере более, чем в

Рисунок 3

Сегментирование рынка и уровень зрелости ИИ-решений

2 раза. Слаборазвитой отраслью являются также Системы предсказания эпидемий, уровня заболеваемости, смертности и рождаемости, что, как показала пандемия, является необходимым условием стабильного развития сферы здравоохранения и подготовки ее к возможным «черным лебедям».

В Москве уровень внедрения ИИ-решений в целом не высок, хотя и дифференцирован по отдельным сегментам. Запрос на технологии ИИ от медицинских учреждений города Москвы, согласно проведенным экспертным интервью, оценивается как высокий по большей части отраслей, однако их внедрение и реализация сдерживается отсутствием в бюджетах клиник статей на расходы, связанные с ИИ.

Рекомендации по решению проблем реализации социальных инноваций в здравоохранении Москвы

Применение цифровых технологий в здравоохранении Москвы началось сравнительно недавно, что объясняется опасениями, связанными с проблемами безопасности и конфиденциальности информации о пациентах. Кроме того, технологические достижения встречают недоверие со стороны представителей некоторых подразделений здравоохранения, ведь растущее число автоматизированных рабочих мест, облегчающих выполнение служебных обязанностей медицинского персонала, вызывает определенное сопротивление со стороны медсестер и врачей-хирургов.

В хирургии инновационные процедуры, такие как минимально инвазивные операции, сокращают определенные функции хирургов и могут выполняться другими

специалистами, обладающими знаниями и практикой применения инновационных технологий.

В настоящее время такие цифровые технологии, как big data, ИИ, телемедицина и др., обещающие новые методы профилактики, диагностики и лечения заболеваний, не только стимулируют инновации непосредственно в медицине, но и влекут за собой сдвиги в системах здравоохранения, показавших в условиях пандемии свою неэффективность.

Таблица 4

SWOT-анализ текущего состояния здравоохранения Москвы

<p>Сильные стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Обширная и постоянно совершенствующая законодательная база; 2. Наличие современного медицинского оборудования в рамках реорганизации и улучшения материально-технической базы медицинских учреждений; 3. Москва в числе мировых лидеров по реализации инноваций в борьбе с пандемией; 4. Наличие высококвалифицированного медицинского персонала за счет высоких зарплат; 5. Предложение самых популярных медицинских услуг; 6. Высокое качество медицинских услуг; 7. Рост числа «бережливых поликлиник»; 8. Использование ИИ при анализе медицинских изображений и данных; 9. Массовые профилактические скрининги здоровья; 10. Увеличение средней продолжительности жизни. 	<p>Возможности:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение доли государственных расходов на здравоохранение в общей сумме расходов; 2. Привлечение большего количества частных инвестиций в развитие инноваций здравоохранения; 3. Рост числа «бережливых поликлиник»; 4. Повышение заработной платы медицинских работников; 5. Повышение квалификации медицинских работников и качества оказываемых медицинских услуг; 6. Развитие первичной помощи; 7. Реализация предиктивной аналитики в медицине; 8. Повышение интереса представителей бизнеса и государственной власти субъектов РФ к развитию медицинской инфраструктуры в рамках создания ГЧП.
<p>Слабые стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Старение населения; 2. Неэффективная оптимизация: в первую очередь сокращают количество работников первичного звена, а также количество больниц, поликлиник и диспансеров; 3. Дефицит квалификаций врачей и медицинского персонала для использования ИИ и других инноваций; 4. Значительные затраты на закупку современного медицинского оборудования; 5. Сокращение спектра оказываемых услуг в большей части поликлиник в рамках программы оптимизации; 6. Значительные затраты на удержание высококвалифицированных специалистов; 7. Значительные усилия и затраты на поддержание высокого уровня оказания услуг. 	<p>Угрозы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Не до конца стабилизированная эпидемиологическая ситуация; 2. Отставание от мировых темпов реализации ИИ в рабочей среде врачей; 3. Зависимость от иностранных производителей лекарственных средств; 4. Утечка «мозгов»; 5. Сырьевая зависимость от зарубежных поставщиков; 6. Недостаточное финансирование системы высокотехнологичной медицинской помощи.

Поскольку важнейшей целью внедрения инноваций в системе здравоохранения является повышение ее эффективности, неизбежно встает вопрос об измерении влияния инноваций на качество медицинской помощи и выявлении возможных

недостатков системы. Базовые проблемы можно выявить, проведя SWOT-анализ здравоохранения города.

На основе результатов SWOT-анализа выявлены основные сильные (законодательная база, высокое качество медицинских услуг и т.д.) и слабые (неэффективная оптимизация, дефицит квалификаций в работе с ИИ и т.д.) стороны, сформулированы основные вызовы (основные из них – привлечение инвестиций, увеличение расходов бюджета на здравоохранение, повышение квалификации медицинских работников), а также угрозы, с которыми сталкивается и еще может столкнуться система здравоохранения Москвы (отставание от мировых темпов реализации ИИ, утечка «мозгов», эпидемиологическая ситуация и т.д.).

Однако для составления более полной и глубокой картины состояния инновационного компонента здравоохранения Москвы необходимо опираться на точечные оценки. Так, оценивая эффективность реализации инноваций, в частности, ИИ в здравоохранении Москвы, необходимо рассмотреть основные количественные и качественные показатели (количество врачей, медсестер, необходимых аппаратов КТ и МРТ, а также текущий уровень развития и реализации инноваций) и сравнить ее с мировыми городами-лидерами. В основу сравнения легли две группы параметров:

- 1) показатели потенциала (отражают потребность и готовность к принятию/внедрению ИИ, масштабы возможного рынка);
- 2) показатели, характеризующие текущий уровень и скорость реализации ИИ.

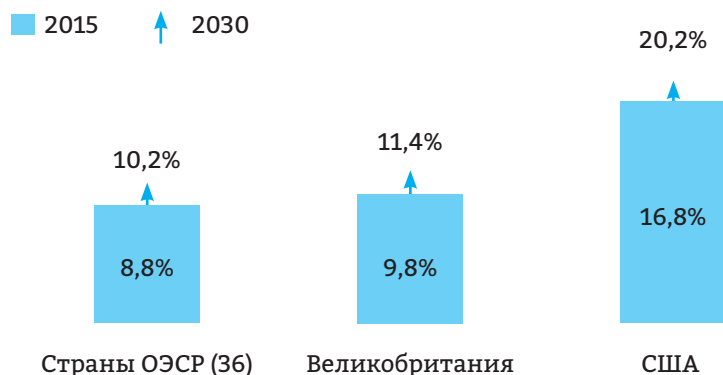
Таблица 5

Сравнительный анализ здравоохранения и инноваций в медицине Москвы с мировыми городами-лидерами

Группы	Параметры	Москва	Лондон	Нью-Йорк	Пекин	Сингапур	Сан-Франциско	Сеул
Потенциал	Врачей на 10 000 человек	41	35	48	43	28	16	31
	Медсестер на врача	1,6	2,1	3,2	1,06	2,6	1,9	2,3
	Количество аппаратов КТ на 1 млн человек	21,9	4,2	28	9,4	19,4	28	40,6
	Количество аппаратов МРТ на 1 млн человек	13,5	6	40	6,2	14,3	40	37,1
Текущий уровень развития/реализации	Количество публикаций в рецензируемых журналах по теме применения ИИ в медицине	3 256	26 821	22 125	19 286	5 957	8 635	8 878
	Количество открытых медицинских датасетов	47	212	180	377	53	66	59

Рисунок 4

Доля расходов на здравоохранение в ВВП по оценке OECD, Health at a Glance в 2019

Исходя из проведенного сравнительного анализа определено, что Москва в достаточной мере обеспечена врачами, но имеет нехватку среднего медицинского персонала (чем меньше врачей и медсестер, тем выше потребность в ИИ-системах); обеспеченность аппаратами МРТ и КТ в сравнении с мировыми городами-лидерами имеет средние показатели, однако важно отметить низкое количество публикуемых работ по теме применения ИИ и недостаточное количество открытых медицинских датасетов, что является проблемой для реализации инновационных технологий и решений.

Существует несколько вызовов, стоящих перед здравоохранением Москвы:

1 вызов – рост количества людей старшего поколения – постепенное повсеместное старение населения. Наблюдается ускоренный рост доли населения старше 60 лет к 2050 г. в мире (2 млрд чел. или 22% от общей численности) (11, 2020). В Москве проживает 3 млн пенсионеров (28% от общей численности населения), при этом за последние 10 лет прирост этого показателя составил 5 процентных пункта. Также для города характерно увеличение доли хронических заболеваний в общем профиле болезней, требующих системного мониторинга и многие люди старше 60 лет живут с двумя и более хроническими заболеваниями.

2 вызов – рост расходов на здравоохранение: по прогнозам, в странах ОЭСР доля расходов на здравоохранение в ВВП вырастет на 15-20% к 2030 году по сравнению с 2015 годом.

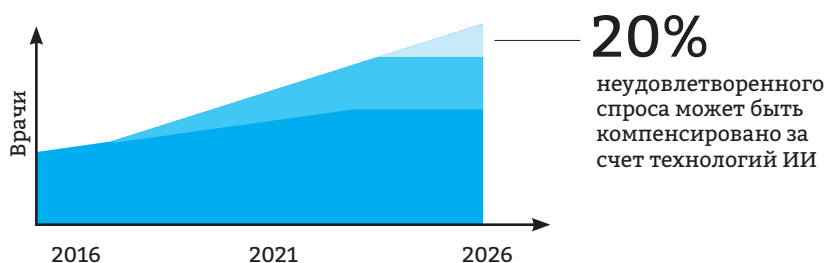
В России доля расходов на здравоохранение в ВВП в 2020 году составила 4%, при этом рост расходов на здравоохранение в ВВП за 2018 – 2020 гг. составил +25%.

3 вызов – дефицит медицинского персонала. Дефицит врачей и медсестер в мире к 2030 году составит 9,9 млн чел. «В России нехватка высшего и среднего медперсонала составит, по оценке, около 50 000 врачей и также 50 000 – среднего медицинского персонала» (11, 2020).

Частично (на 20%) компенсировать дефицит медицинского персонала можно за счет использования технологий ИИ, поэтому от их успешной реализации зависит,

Рисунок 5

ИИ как инструмент снижения нагрузки (13, 2020)

насколько в дальнейшем будет удовлетворен спрос населения на медицинские услуги.

Однако эффективность систем искусственного интеллекта как правило достигается за счет достаточного количества данных и готовых датасетов (наборов данных, специальным образом размеченных для того, чтобы их понимали и воспринимали нейросети и алгоритмы искусственного интеллекта) и в ситуации острой нехватки данных система не сможет функционировать должным образом, выполнять задачи, определенные в планах реализации.

Выявлены и иные барьеры развития здравоохранения и, в частности, ИИ в Москве:

- Данные, передаваемые ИИ являются неполными, неструктурированными, невалированными или же персональными, однако искусственный интеллект, обученный на такой базе, будет давать некорректные результаты (к тому же, по закону личные данные передавать нельзя, но при обезличивании теряется связь с данными других учреждений);
- Проблемы с сертификацией: до сих пор остается открытым вопрос о том, как правильно устроить тестирование (провести клинические исследования) и валидацию ИИ, какие требования должны быть к алгоритмам и данным;
- Сильно замедляет применение ИИ проблема с оплатой данной технологии через страховую медицину, поскольку система искусственного интеллекта имеет сквозной характер и внедряется во многие существующие решения, увеличивая, таким образом, стоимость. При этом отдельная плата только за ИИ, как правило, невозможна поскольку он является несамостоятельным продуктом и нет соответствующих кодов классификаторов оплаты;
- Не регламентирована ответственность врача или клиники за просчеты, неверные выводы и иные последствия решений, принятых на основе данных, полученных с помощью ИИ;
- Отсутствует полная уверенность в безопасности системы, поскольку имеется возможность непредсказуемых решений, рекомендаций и диагнозов, принятых ИИ;
- Дефицит компетенций, необходимо дополнительно обучать врачей подходам и различным технологиям использования ИИ в работе.

В ходе исследования также выявлены основные тренды реализации ИИ в здравоохранении Москвы. Так, все больше взаимодействий врача и пациента переходят в электронный формат, что в дальнейшем может способствовать появлению, так называемых, «облачных клиник», ведь уже сейчас стали реальностью удаленный прием пациентов, мониторинг и диагностика. Все больше из этих реализуемых технологий становятся ориентированными на помощь и поддержку врачей (в базовых операциях или при принятии решений), а не на их замену. Увеличивается мобильность медицинских процедур в клиниках, они все больше становятся не привязанными к физическому месту. Также у врача все меньше времени решать те или иные задачи, поэтому требуются быстрые алгоритмы для оценки и прогнозирования ситуации.

Помимо вышеперечисленного, актуальным трендом является геймификация для пользователей медицинских услуг. Ведь элемент игры повышает вовлеченность пользователя, поэтому в медицинские продукты начали внедряться элементы игр (достижение целей, набор баллов и т.д.), что открывает возможности для ML-анализа поведения и мотивации пользователей.

На основании выявленных трендов в здравоохранении Москвы, можно сформулировать возможные ключевые направления дальнейшей реализации ИИ. Во-первых, перспективным направлением является визуализация и диагностика, то есть улучшение качества диагностики снимков благодаря распознаванию изображений. При этом, речь не только о лучевой диагностике, но и, например, биометрии: распознавании мелких изменений кожи, сетчатки глаз и т.д.

Во-вторых, поддержка и помощь врачам в принятии решений с помощью системы, анализирующей анамнез. Так, уже сейчас ИИ ставит диагноз и предлагает программу лечения пациента, однако окончательное решение о применении данных рекомендаций остается за врачом.

В-третьих, ИИ может помочь в разработке новых молекул лекарственных препаратов, что значительно сократит издержки на создание лекарств.

В-четвёртых, искусственный интеллект может использоваться в риск-анализе, и данная практика с 2020 года все больше развивается в Москве. Например, ИИ анализирует базу датасетов, тысячи различных параметров и данных, находя и отмечая возможные отклонения. В дальнейшем следует развивать выявление рисков некорректной диагностики, лечения пациента, а также возможное дальнейшее развитие патологий.

В-пятых, одно из ключевых направлений реализации ИИ – анализ клинических испытаний (КИ), поскольку они представляют собой огромный массив информации со сложной статистикой. Искусственный интеллект может быстро проанализировать не только одно КИ, но и построить мета исследование на нескольких КИ.

В-шестых, ИИ возможно использовать в прогнозе эпидемий (на основе исторических данных, последних новостях и т.д.).

Кроме того, «в мегаполисе важен такой тренд как «бесшовные клиентские пути», и очень важно, что Москва внедряет инициативы для его создания». Например, организация обслуживания на дому в рамках развития паллиативной помощи, присоединение женских консультаций к роддомам для непрерывности оказания

медицинской помощи при беременности и родах и введение комплексного тарифа, создание сети «сосудистых» центров.

Для того, чтобы при развитии данных ключевых направлений избежать возникновения проблем и исключить возможные негативные факторы, применение и реализацию искусственного интеллекта рекомендуем проводить в соответствии со следующими 4 стадиями:

1. Цифровизация. Введены электронные карты, идет сбор данных о пациентах и лабораторных анализах, есть возможность выгрузки данных для обработки и анализа (данная стадия является основной и служит базой для реализации ИИ);

2. Аналитика. На основе данных проводится аналитика, можно строить простые предиктивные модели по запросу врача для отдельного пациента;

3. Поддержка. Внедрена минимум одна система поддержки принятия решения врача в стандартный процесс работы. ИИ является частью повседневной работы врача;

4. Персонализация. Врач использует ИИ-продукты для диагностики пациента и выбора лечения. Благодаря ИИ пациент получает персонализированное лечение.

Несомненно, внедрение инноваций в здравоохранении непосредственно связано с процессом научных исследований в медицине. Однако, по результатам сравнительного анализа, в секторе здравоохранения отмечается также снижение эффективности НИОКР, крайне медленное создание новых методов лечения, отсутствие прорывных методов терапии многих острых и хронических заболеваний (рака, депрессии, болезни Альцгеймера и др.). В то же время эксперты надеются, что активизация НИОКР и инновационной деятельности в здравоохранении в связи с пандемией COVID-19 поможет преодолеть спад эффективности медицинских инноваций, наблюдавшийся в последние десятилетия.

В связи с актуальностью данной проблемы следует определить приоритетные шаги для ускорения внедрения новых клинических технологий:

1. Сформулировать, протестировать и развить теоретическую основу внедряемой инновации.

2. Разработать эффективную стратегию внедрения, основанную на фактических данных о результатах испытаний.

3. Получить обобщенные знания о возможных обстоятельствах, которые могут повлиять на успех или неудачу при внедрении инноваций.

Также для обеспечения внедрения медицинской инновации необходимы клинические наблюдения. Например, при внедрении новых методов в психотерапии клиническое наблюдение может осуществляться посредством формального наблюдения, за которым следует регистрация случаев проявления каких-либо отклонений и постоянное наблюдение со стороны практикующего специалиста.

В разрезе составления рекомендаций по преодолению проблем реализации инноваций, технологии ИИ в медицине Москвы следует рассмотреть прогноз перспективных направлений развития ИИ на ближайшие 1-3 года в городе, чтобы учесть возможные изменения в инновационной составляющей системы здравоохранения:

1. «Автоматическое распознавание патологий по снимкам КТ, МРТ и рентгена;

2. Системы поддержки принятия врачебных решений, основанных на анамнезе пациента и результатах исследований;

3. Предиктивная аналитика в медицине» (11, 2020).

Согласно экспертной оценке IP Laboratory наиболее активно в краткосрочной перспективе будут развиваться направления с наибольшим количеством готовых коммерческих разработок.

В рамках развития данных направлений важно точно сосредоточиться на использовании ИИ сервисов в лучевой диагностике. Например, в Москве успешно прошел эксперимент по использованию компьютерного зрения для анализа медицинских изображений и выявления патологий. Было проанализировано 800 000+ исследований, а 12 ИИ-сервисов работает в ЕРИС.

Внедрение ИИ в ЕМИАС стало также одним из важнейших практик реализации инновационных технологий, в системе уже работает 660 медицинских учреждений, 23 000 медицинского персонала и почти 9 млн уникальных пользователей.

Давая рекомендации, следует отметить, что клиники и компании, которые разрабатывают инновационные решения в здравоохранении имеют большую трудность с доступом к данным, в том числе для обучения ИИ. По этой причине, важно продумать создание общедоступных медицинских датасетов.

На основании проблемных факторов, текущих выявленных трендов и описанных в экспертной оценке IP Laboratory ключевых направлений применения ИИ, автором выявлены перспективные направления реализации ИИ в Москве на последующие 5 и более лет.

1. Персонификация: создание систем, подбирающих индивидуальный план терапии на основе анамнеза пациента, противопоказаний и курса лечения;

2. Геймификация виртуальных медицинских услуг с целью упрощения использования систем и большего вовлечения пользователей (пациентов). В том числе, для проведения дополнительных ML-исследований;

3. Создание систем прогнозирования результатов клинических испытаний на основе исторических данных фармацевтических компаний;

4. Разработка новых лекарственных препаратов в системах, предлагающих новые молекулы на основе исторических данных фармацевтических компаний;

5. Система предсказания эпидемий, уровня заболеваемости, смертности и рождаемости на основе новостных сводок и исторических данных.

Выбор долгосрочных направлений развития основывается на ключевых мировых трендах и областях с наибольшим финансовым потенциалом роста.

Заключение

В результате исследования было выделено пять основных трендов системы здравоохранения Москвы:

- пациент активно и осознанно начинает управлять своим здоровьем на всех этапах лечения – от профилактики до реабилитации;
- значительный упор делается на предотвращение заболеваний – фокус смещается на все более сегментированную профилактику;

- новые технологии и цифровые решения трансформируют все этапы и сферы лечения – использование больших данных («Big data») и искусственного интеллекта повышает точность и качество диагностики и лечения;
- происходит реорганизация форматов системы городского здравоохранения – она все больше смещается из стационара в амбулаторное звено;
- вместе с системой здравоохранения и пациентом меняется и облик врача – врач концентрируется на наиболее важных медицинских задачах, построении партнерских отношений с пациентами, непрерывном повышении своих компетенций и развитии новых. Все рутинные обязанности передаются среднему персоналу и автоматизируются. Новые технологии на основе искусственного интеллекта поддерживают врача в повышении качества лечения – наступает эра «врача 2.0». Москва принимает правильные шаги по всем обозначенным тенденциям и делает это с завидной скоростью.

Проведенные SWOT-анализ и сравнительный анализ эффективности реализации инноваций и, в частности, ИИ, позволили выявить основные тренды (персонификация, геймификация и т.д.), ключевые направления развития, составить рекомендуемый план реализации инновационных технологий и решений, а также составить прогноз перспективных направлений реализации инноваций в медицине на 5 и более лет.

Список литературы

1. Анализ Карты искусственного интеллекта России // Агентство стратегических инициатив Москвы. URL: <http://airussia.online/#titul>.
2. В 2021 году расходы бюджета Москвы на реализацию Государственных программ социальной направленности выросли почти на семь процентов // Открытый бюджет города Москвы. URL: <https://budget.mos.ru/news/6574>.
3. В Москве расширят применение технологий компьютерного зрения и искусственного интеллекта для диагностики заболеваний // Mos.ru. 2021. 26.01. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/18299/7099050/>.
4. Ежегодный обзор ПСТ, 2019 год. Резюме // WIPO. 2019. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_901_2019_exec_summary.pdf.
5. Здоровье и благополучие // Инвестиционный портал города Москвы. URL: <https://investmoscow.ru/about-moscow/cur/3>.
6. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // AI Russia Works. URL: <https://ai-russia.ru/case/zdravoohranenie>.
7. Москва в тройке мировых лидеров и на первом месте в Европе в рейтинге антиковидных инноваций // 1 канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-12-01/417308-moskva_v_troyke_mirovyh_liderov_i_na_pervom_meste_v_evrope_v_reytinge_antikovidnyh_innovatsiy.
8. Основные сведения о Государственных программах // Открытый бюджет города Москвы. URL: <https://budget.mos.ru/budget/gp/passports/02>.
9. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Развитие здравоохранения города Москвы (Столичное здравоохранение)» от 04.10.2011 № 461-ПП // Консультант Плюс. 10.01.2022 г. – с изм. и допол. В ред. От 30.03.2021.
10. Рынок венчурных инвестиций Москвы 2020 // Агентство инноваций города Москвы. URL: <https://ict.moscow/research/gynok-venchurnykh-investitsii-moskvy-2020/>.
11. Тренды развития искусственного интеллекта в медицине // Агентство инноваций города Москвы. URL: https://innoagency.ru/files/AI_in_Healthcare_AIM_2020.pdf.
12. Key insights – Coronavirus Resilience Innovation Index – StartupBlink Blog // StartupBlink. URL: <https://www.startupblink.com/blog/coronavirus-resilience-map-rankings/>.
13. Transforming healthcare // McKinsey&Company. URL: <https://eithealth.eu/wp-content/uploads/2020/03/EIT-Health-and-McKinsey-Transforming-Healthcare-with-AI.pdf>.

Современные проблемы и перспективы сотрудничества России и стран ЕАЭС в области развития цифровых технологий

Проценко Т.Д.

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день цифровые технологии являются ключевым аспектом в конкурентоспособности государств и экономических союзов. В качестве перспективного вектора экономического развития ЕАЭС может выступать цифровая экономика. Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года раскрывает весь потенциал технологических преобразований. В 2017 г. были приняты Стратегические направления развития цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года. С 2017 года идет реализация Цифровой повестки ЕАЭС. Были приняты различные акты и стартовали первые проекты. Реализация Цифровой повестки началась не так давно, поэтому эта область исследований находится в стадии становления. Но уже на данном этапе можно выделить основные препятствия и проблемы, с которыми сталкиваются государства-члены ЕАЭС в рамках имплементации Цифровой повестки, а также возможные варианты ее дальнейшей реализации.

RESUME

Today, digital technologies are a key aspect in the competitiveness of states and economic unions. The digital economy can act as a promising plan for the economic development of the EAEU. The digital agenda of the EAEU until 2025 reveals the full potential of technological transformations. In 2017, the Strategic Directions for the Development of the EAEU Digital Agenda until 2025 were adopted. Since 2017, the EAEU Digital Agenda has been implemented. Various acts were adopted and the first projects started. The implementation of the Digital Agenda began not so long ago, so this area of research is in its infancy. But already at this stage, it is possible to identify the main obstacles and problems that the EAEU member states face in the implementation of the Digital Agenda, as well as possible options for its further implementation.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Евразийская экономическая комиссия, цифровая повестка, цифровая интеграция, цифровая трансформация, информационно-коммуникационные технологии, регулятивные песочницы

Key words: Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Commission, digital agenda, digital integration, digital transformation, information and communication technologies, regulatory sandboxes

Проценко Тимофей Дмитриевич, студент Института государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия, timoxa98@mail.ru

Timofei D. Protsenko, student of the IPACS RANEPa, Moscow, Russia, timoxa98@mail.ru

Развитие цифровой повестки

Цифровая повестка раскрывает массивный потенциал для развития экономик ЕАЭС. Цифровая трансформация также повысит уровень конкурентоспособности в странах на региональном и глобальном уровнях.

Исходя из данных возможностей, странам-членам необходимо прикладывать серьезные усилия для стимулирования процессов реализации цифровой повестки.

Единой цифровой инфраструктура ЕАЭС раскрывает потенциал для оптимизации и наращивания ресурсов, развития новых зон активности, увеличения рабочих мест.

В ходе исследования были рассмотрены основные инициативы Цифровой повестки в национальных рамках и рамках Союза, были сделаны выводы касательно эффективности реализованных проектов.

Чтобы получать максимальную выгоду от цифрового развития, странам необходимо действовать скоординировано как на национальном, так и союзном уровнях. Благодаря этому цифровая интеграция позволит получать максимальный эффект от реализации национальных цифровых решений.

Цифровая повестка поможет достичь всеобщего экономического роста, развитию и масштабированию сферы ИКТ, а также к повышению эффективности в приоритетных областях.

Можно выделить основные факторы, которые указывают на необходимость цифровых преобразований:

- утечка мозгов: становится все меньше квалифицированных кадров в ИТ-сфере;
- уменьшение конкурентоспособности традиционных органов управления и хозяйствующих субъектов в условиях цифровизации бизнес-процессов и формирования экономики данных;
- доминирование глобальных цифровых платформ и игроков, диктующих свои правила.

При цифровой интеграции экономик стран-членов существенно повысится их эффективность. Цифровая трансформация облегчит многие процессы между государствами ЕАЭС, обеспечит рост конкурентоспособности.

Цифровая повестка отражает миссию ЕАЭС, а именно обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы для достижения видения, направленного на повышение конкурентоспособности региона и государств-членов и повышение уровня жизни граждан стран Союза (8, 2022).

В 2016 году были выделены основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года (24, 2020).

¾ повышение глобальной конкурентоспособности ЕАЭС и устойчивое экономическое развитие на региональном уровне;

¾ развитие квалифицированных кадров и развитие новых индустрий и рынков.

¾ реализация взаимовыгодных эффектов от цифровизации

Согласно данным направлениям, были выбраны следующие векторы развития:

¾ создание цифровой системы прослеживаемости движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов в ЕАЭС;

¾ расширение электронной торговли между государствами-членами Союза;

¾ организация цифровых транспортных коридоров ЕАЭС;

¾ развитие цифровой промышленной кооперации между государствами-членами Союза;

¾ создание системы «регулятивных песочниц» ЕАЭС – экспериментальных режимов для разработки и использования оптимальных правовых решений в новых сферах.

Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года предусматривает три этапа трансформации:

¾ первый этап (2018–2019) – разработка первых инициатив и запуск приоритетных проектов;

¾ второй этап (2020–2022) – формирование «институтов цифровой экономики и цифровых активов, а также развитие цифровых экосистем»;

¾ третий этап (2023–2025) – реализация проектов цифровых экосистем и цифрового сотрудничества на «глобальном, региональном, национальном и отраслевом уровнях».

В 2019 г. были утверждены Механизмы реализации проектов в рамках цифровой повестки ЕАЭС (21, 2019). Порядок взаимодействия центров компетенций государств-членов ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии в рамках реализации цифровой повестки Союза (20, 2019), Концепция трансграничного информационного взаимодействия (19, 2019).

В итоге были выбраны следующие инициативы и проекты в рамках имплементации Цифровой повестки (9, 2020):

¾ создание цифрового технического регулирования в рамках ЕАЭС, которая подразумевает цифровизацию процессов требований к продукции, разработку общих стандартов и формирования единого перечня продукции;

¾ создание унифицированной системы поиска «Работа без границ» – платформа, расширяющая возможности трудоустройства и поиска работы для граждан-резидентов Союза;

¾ создание экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС – цифровой площадки с едиными стандартами для транспортно-логистических сервисов;

¾ создание Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий, которая облегчает взаимодействие хозяйствующих субъектов в целях промышленной кооперации.

Можно отметить особый вклад России в продвижении цифровой трансформации. Разрабатывая и внедряя разные технологические проекты, Россия одновременно ищет эффективные пути для ускорения цифровизации и старается мотивировать другие государства Союза к активному вовлечению в цифровую повестку.

В июле 2021 года Россия запустила собственную Национальную систему прослеживаемости товаров (Постановление, 2021), а годом ранее приняла Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (Федеральный закон, 2020).

Концепцию специальных режимов или «регулятивных песочниц», еще в 2018 году (Распоряжение, 2018) в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза») решил разработать Евразийский межправительственный совет. «Регулятивные песочницы» — это специальный правовой режим регулирования, проработки и пилотирования решений, в том числе регуляторных, для определения наиболее эффективной модели взаимодействия и построения бизнес-процессов в какой-либо новой сфере. Впервые такая инициатива была опробована на примере международной электронной торговли (Демченко, Шайдуллина, 2020).

Россия была первой страной, которая начала реализовывать проект экспериментальных правовых режимов для разработки новых технологий. Идея была озвучена в январе 2020 года в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина (Послание, 2020), а уже в июле был принят федеральный закон. На данный момент из всех остальных государств ЕАЭС начали использовать концепцию «регулятивных песочниц» только Казахстан и Киргизстан.

На текущий момент была реализована только одна инициатива – унифицированная система поиска «Работа без границ». Проект был запущен 1 июля 2021 года. В проект не вошли функции информационной поддержки соискателей и работодателей, электронных трудовых договоров и мобильного приложения (11, 2021).

Проект цифрового технического регулирования в рамках ЕАЭС был запущен еще в 2009, однако должных результатов по цифровизации процессов достигнуто не было. В 2020 году экспертиза выявила (23, 2020), что до этого года было автоматизировано только 10 из 80 процессов между уполномоченными органами стран-членов. Совет Евразийской экономической комиссии решил перезапустить программу заново в течение 2021 года (22, 2021).

Экосистема цифровых транспортных коридоров ЕАЭС также теряет темпы развития. В 2018 г. были разработаны проект Договора об экосистеме цифровых транспортных коридоров ЕАЭС и закон «О цифровой платформе государств-членов Евразийского экономического союза экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза». В 2019 году разработчики проекта ЭЦТК разработали концепцию самой экосистемы. Однако потребовался еще год, чтобы только определить перечень необходимых сервисов и элементов инфраструктуры (6, 2019).

Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий стартовала в апреле 2019 года (Сборник, 2019). Однако на сегодняшний день была реализована только «карта индустриализации ЕАЭС». Это интернет-ресурс, который содержит информацию об инновационных проектах государств-членов ЕАЭС.

Проблемы в реализации проектов в сфере цифровых технологий России и стран ЕАЭС

Для более точного анализа темпов замедления цифровизации в странах, можно прибегнуть к различным индексам. Например, к индексу готовности к сетевому обществу (29, 2021), индексу развития электронного правительства (27, 2022) и индексу электронной торговли (28, 2021).

Индекс готовности к сетевому обществу отображает уровень развития информационно-коммуникационных технологий и сетевой (цифровой) экономики. Он учитывает 62 различных показателя, объединенных в четыре группы: технологии (Technology), люди (People), управление (Governance) и эффекты влияния (Impact).

Индекс ООН развития электронного правительства отображает показатели стран мира по трём основным аспектам электронного правительства: объем и качество государственного онлайн-обслуживания; состояние развития

телекоммуникационной инфраструктуры; состояние внутреннего человеческого капитала.

Индекс ООН электронной торговли определяется для 152 стран мира, в том числе, с учетом доли населения, использующего интернет, доли населения в возрасте 15 лет и старше, имеющих банковский счет, числа безопасных серверов (на млн. жителей) и индекса почтовой надежности Всемирного почтового союза.

В Таблицах 1–3 приведены данные по показателям и их динамика для государств-членов ЕАЭС. Были также добавлены страны, возглавляющие рейтинг стран-лидеров европейской цифровой трансформации. К сравнению была добавлена Польша, как лидирующая страна Центральной и Восточной Европы по темпам цифровизации (31, 2022).

Таблица 1

Индекс готовности к сетевому обществу (Networked Readiness Index), место стран в рейтинге

Страна	2019	2020	2021
Евразийское интеграционное пространство			
Российская Федерация	48	48	43
Беларусь	61	65	-
Казахстан	60	56	61
Армения	62	55	60
Кыргызстан	91	94	92
Европейское интеграционное пространство			
Германия	9	9	8
Италия	34	32	28
Испания	25	25	23
Франция	18	17	14
Соединенное Королевство	10	10	10
Польша	37	33	33

Как следует из данных таблицы 1, в течение 2019 и 2020 годов сохранялся положительный рост показателей Индекса готовности к сетевому обществу трех из пяти государств-членов ЕАЭС (Армения, Казахстан, Россия), однако ЕАЭС все равно отстает от европейских государств.

Таблица 2

Индекс развития электронного правительства (E-Government Development Index), место в рейтинге

Страна	2016	2018	2020
Евразийское интеграционное пространство			
Российская Федерация	35	32	36
Беларусь	49	38	40

Казахстан	33	39	29
Армения	87	87	68
Кыргызстан	97	91	83
Европейское интеграционное пространство			
Германия	15	12	25
Италия	22	24	37
Испания	17	17	17
Франция	10	9	19
Соединенное Королевство	1	4	7
Польша	36	33	24

Согласно таблице 2 несмотря на то, что показатели Казахстана, России и Беларуси близки к европейским, благодаря развитию государственного онлайн-обслуживания, а также небольшой рост показателей у Армении и Кыргызстана, общее развитие электронного правительства постепенно замедляется.

Таблица 3

Индекс электронной торговли (UNCTAD B2C E-Commerce Index), место в рейтинге

Страна	2017	2018	2019	2020
Евразийское интеграционное пространство				
Российская Федерация	43	42	40	41
Беларусь	44	37	37	35
Казахстан	51	53	56	60
Армения	78	66	78	84
Кыргызстан	117	114	110	97
Европейское интеграционное пространство				
Германия	9	16	9	6
Италия	41	44	36	29
Испания	34	36	34	24
Франция	20	23	16	17
Соединенное Королевство	6	4	4	5
Польша	38	35	32	28

Электронная торговля играет важную роль в развитии цифровой интеграции ЕАЭС. Помимо продаж через интернет, она включает в себя и другие операции, такие как взаимодействие с использованием ИКТ, цифровых платформ, информационных и социальных сетей (Доклад, 2019).

Страны Союза обладают различными уровнями развития ИТ-инфраструктуры. Например, в Кыргызстане примерно вдвое меньше широкополосных Интернет-сетей,

чем в других государствах-членах. Также есть различия в моделях финансирования ИТ-сферы: в Беларуси местные предприятия финансируют ИКТ, в Казахстане финансирует национальное правительство, а в России инвестируют частные лица.

Темпы цифровой интеграции замедляет отсутствие связанной группы стратегических документов, в которых были бы обозначены четкие планы реализации цифровизации.

Можно выявить основные причины различия в показателях Индекса электронной торговли стран-членов ЕАЭС.

Республика Армения: показатели ухудшились из-за фрагментированного законодательства и нестабильной политической обстановки в 2018–2021 годах.

Республика Беларусь: рост показателей связан с тем, что электронная коммерция является одним из приоритетных направлений стратегии развития государства. В ней присутствует система налогообложения и регулирования (Декрет, 2017).

Республика Казахстан: не совсем очевидно, по каким причинам показатель снижается. В государстве реализуются проекты по развитию электронной торговли. Запущен государственный проект «Цифровой Казахстан». Торможение роста показателей может быть связано с сокращением торговли услугами с Российской Федерацией и Киргизской Республикой почти на 20% (Глазатова, 2021).

Киргизская Республика: улучшение показателей цифровой торговли связано с созданием транзитных глобальных линий связи и проникновением интернета в сельскую местность.

Российская Федерация: доля рынка цифровой торговли ЕАЭС составляет более 60%. На данный момент, снижение характеристик можно объяснить торможением роста экономики и сокращением доходов (13, 2020).

Темпы цифровой интеграции ЕАЭС замедляются несмотря на то, что государства ЕАЭС осуществляют цифровые трансформации на государственном уровне (12, 2021).

Отсутствие должного прогресса объясняется и тем, что был выбран проект ускоренной цифровой трансформации. Реализация многих инициатив происходила в период пандемии covid-19. Кризис экономики, а также политические кризисы в государствах-членах отодвинули цифровую повестку на второй план.

Существует «разновекторность» стран-членов по поводу цифровых трансформаций. Для Беларуси Парк высоких технологий являлся основным приоритетом в ИКТ-сфере. Армения и Кыргызстан при разработке ИТ-инициатив обращаются к повесткам ЕС или АСЕАН. Эксперты полагают, что они успешнее инициатив ЕАЭС (10, 2022). Казахстан стремится стать лидирующим актором региона, выстраивая политику вокруг всего региона Центральной Азии. Это закреплено в Концепции внешней политики (Указ, 2020). В документе также упоминается поддержка инициативы Международный финансовый центр «Астана», Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос» Центр торгово-экономического сотрудничества «Центральная Азия». В данной Концепции в большей степени определяется вектор на сотрудничество со странами США, АСЕАН, ЕС, чем с Россией и другими государствами ЕАЭС.

Исходя из контекста становится ясно, почему попытки России стимулировать ускорение развития цифровой интеграции остаются без внимания.

Заключение

Пандемия covid-19 приостановила экономическое взаимодействие, политические кризисы в государствах не способствуют стабильному развитию ИКТ-инфраструктуры. Согласно данным ЕЭК (12, 2021) и Евразийского банка развития, статистике развития цифровой экономики в России (Абдрахманова, Вишнеvский, Гохберг, 2021), цифровой переход увеличил рост ВВП государств на 0,1%. Однако ожидалось, что вклад цифрового перехода в рост ВВП будет равен 11%. Это предусматривалось Основными направлениями реализации цифровой повестки ЕАЭС (Решение, 2017).

Разный уровень экономического и цифрового развития стран-членов Союза негативно сказывается на цифровую трансформацию. Низкий уровень взаиморасчетов в национальных валютах, недостаток цифровых стартапов и малого и среднего бизнеса в сфере, недостаток ресурсов Евразийского фонда стабилизации и развития, по сравнению с Европейским стабилизационным механизмом. (8,5 млрд. долларов США у ЕАЭС (7, 2022) и 80 млрд. евро у Евразийского фонда стабилизации (30, 2021).

Необходимы уверенные основы цифровой повестки ЕАЭС (30, 2021), которые характеризовались активным вовлечением стран в реализацию цифрового перехода. Необходимы также эффективные механизмы координации цифровой повестки.

Важную роль играет налаживание отношений между странами-участниками Союза. Успех интеграции зависит не только от постановлений и главных актов ЕАЭС, но от различных связей между государствами. Необходимо согласовывать интересы стран на всех уровнях.

Учитывая данные рекомендации и опыт Европейского Союза, можно построить эффективные решения по проектированию и поиску взаимных интересов. Полная цифровая трансформация невозможна без рассмотрения данных вопросов.

Список литературы

1. Абдрахманова Г. И., Вишнеvский К. О., Гохберг Л. М. и др. Цифровая экономика: 2021: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ. 2021. 124 с.
2. Глазатова М. К. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2021. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2021. 253 с.
3. Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» // Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-7-ot-23-nojabrja-2017-g-17533>.
4. Демченко М. В., Шайдуллина В. К. Правовое регулирование электронной торговли в условиях функционирования специальных правовых режимов // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 37-45.
5. Доклад о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС. М.: Евразийская экономическая комиссия. 2019 г. 78с.
6. ЕАЭС запускает создание экосистемы цифровых транспортных коридоров // РусСертКом. URL: <https://gk-russert.com/eaes-zapuskaet-sozdanie-ekosistemy-tsifrovyyh-transportnyh-koridorov/>.
7. Евразийский фонд стабилизации и развития // Координационный совет партнеров по развитию в КР. URL: <http://www.donors.kg/ru/agentstva/638-acf-ru>.
8. Евразийский Экономический Союз. Презентация о ЕАЭС. URL: <http://www.eaeunion.org/presentation/#about>.
9. Евразийский экономический союз. Цифры и факты. Внутренние рынки, информатизация и ИКТ. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020. 16 с.

10. Лаумулин М.Т. Пределы и возможности евразийской интеграции // Международный научный центр «Астана». URL: <https://isca.kz/ru/analytics-ru/3247>.
11. Новое в российском законодательстве с 31 мая по 21 августа 2021 года. // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/fed/fd2021-05-31.html/>
12. Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств-членов Евразийского экономического союза и мерах, принятых государствами-членами в области макроэкономической политики. Годовой доклад за 2020 год. М.: Евразийская экономическая комиссия. 2021. 80 с.
13. О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки // Банк России. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/27288/bulletin_20-01.pdf.
14. Сборник «Цифровая повестка ЕАЭС: 2016-2019-2025». М.: Евразийская экономическая комиссия, 2019. 199 с.
15. Послание Президента Федеральному Собранию. 2020. 15 января. // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>
16. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июля 2021 г. № 1108 «Об утверждении Положения о национальной системе прослеживаемости товаров» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107080023>.
17. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 28 ноября 2018 г. № 17 «О разработке концепции применения специальных режимов («регулятивных песочниц») в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза» // Алта Софт. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/18mr0017/>.
18. Решение ВЕЭСот11 октября 2017г. №12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года» // Евразийская Экономическая Комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%92%D0%95%D0%AD%D0%A1%20%E2%84%9612_%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B8%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1.pdf
19. Решение Евразийского межправительственного совета №7 «Об утверждении концепции трансграничного информационного взаимодействия» от 9 августа 2019 г. // Консорциум Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/560943025>.
20. Решение Евразийского межправительственного совета №9 «Об утверждении Порядка взаимодействия центров компетенций государств-членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии в рамках реализации цифровой повестки Союза» от 25 октября 2019 г. // Консорциум Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/563601539>.
21. Решение Евразийского межправительственного совета «О механизмах реализации проектов в рамках цифровой повестки Евразийского экономического союза» от 1 февраля 2019 года // Консорциум Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552401676>.
22. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 апреля 2021 г. № 42 «О плане мероприятий по созданию, обеспечению функционирования и развитию интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на 2021 год» // Консорциум Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603608587>.
23. Совет ЕЭК одобрил проведение комплексной технической экспертизы интегрированной информационной системы ЕАЭС // Евразийская Экономическая Комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/23_09_2020-1.aspx.
24. Стратегические направления формирования и развития цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2025 года. URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5-%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1%20\(%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82\).pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5-%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1%20(%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82).pdf)
25. Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 г. № 280 «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody.

26. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.
27. Country Data // UN E-Government Knowledgebase. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Data-Center>.
28. E-commerce and the digital economy // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/topic/ecommerce-and-digital-economy>.
29. Network Readiness Index 2021. URL: <https://networkreadinessindex.org/>.
30. The EAEU 2025 digital agenda: prospects and recommendations – overview report // World Bank Group. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/850581522435806724/pdf/EAEU-Overview-Full-ENG-Final.pdf>.
31. The rise of Digital Challengers: How digitization become the next growth engine for Central and Eastern Europe. URL: <https://digitalchallengers.mckinsey.com/>.

Капитальный ремонт, реконструкция и реставрация как инструменты повышения туристической привлекательности городов

Прямичкин В.А.

АННОТАЦИЯ

В данной работе автор рассматривает капитальный ремонт, реконструкцию и реставрацию в качестве как инструментов повышения туристической привлекательности городов. Приведены юридические термины, характеризующие каждый из инструментов. Рассмотрены элементы туристского каркаса города: объекты показа, туристская инфраструктура, проработанные туристические маршруты. Отмечено, что к вопросу создания и формирования туристского каркаса города, в целях повышения туристической привлекательности, следует подходить с позиции стратегического планирования, используя такой инструмент как мастер-планирование, а также следует опираться на стратегии развития более крупных территориальных образований. В вопросах, связанных с развитием и эксплуатацией исторических территорий и объектов культурного наследия, следует придерживаться определённых механизмов управления. Отмечено, что использование указанных выше инструментов (капитальный ремонт, реконструкция, реставрация) допустимо и необходимо при работе с такими объектами. На примере Калининграда рассмотрен успешный опыт использования такого инструмента, как реконструкция. На примере Суздаля показан опыт комплексного подхода к стратегическому развитию городской территории и города в целом, отмечена целесообразность и необходимость использования таких инструментов, как реставрация и приспособление объекта культурного наследия для современного использования. Сделан вывод о том, что использование рассматриваемых автором инструментов будет положительно сказываться на повышении туристической привлекательности, за счёт обновления и улучшения общего вида городской среды, а также сделав её более комфортной и привлекательной. Отмечено, что повышение комфортной среды важно не только для туристов, но и для самих жителей, так как это влияет на уровень общего благосостояния города и восприятия окружающей среды.

RESUME

In this work, the author considers major repairs, reconstruction and restoration as tools to increase the tourist attractiveness of cities. Legal terms characterizing each instrument are given. The elements of the tourist frame of the city are considered: display objects, tourist infrastructure, developed tourist routes. It was noted that the issue of creating and forming a tourist framework of the city, in order to increase tourist attractiveness, should be approached from the point of view of strategic planning, using such a tool as master planning, and should also be based on development strategies for larger territorial entities. In matters related to the development and exploitation of historical territories and cultural heritage sites, certain management mechanisms should be adhered to. It is noted that the use of the above tools (overhaul, reconstruction, restoration) is permissible and necessary when working with such objects. On the example of Kaliningrad, we considered the successful experience of using such an instrument as reconstruction. On the example of Suzdal, the experience of an integrated approach to the strategic development of the urban area and the city as a whole was shown, the feasibility and need to use such tools as restoration and adaptation of the cultural heritage site for modern use was noted. It was concluded that the use of the tools considered by the author will have a positive effect on increasing tourist attractiveness, by updating and improving the general type of urban environment, as well as making it more comfortable and attractive. It is noted that increasing the comfortable environment is important not only for tourists, but also for the residents themselves, as this affects the level of general well-being of the city and environmental perception.

Ключевые слова: капитальный ремонт, реконструкция, реставрация, стратегическое развитие города, комфортная городская среда

Key words: overhaul, reconstruction, restoration, strategic development of the city, comfortable urban environment

Прямичкин Валентин Андреевич, архитектор 1-й категории, ГАУ «Мосжилниипроект», ORCID: 0000-0003-0002-2421, valentinpryamichkin@yandex.ru

Valentin A. Pryamichkin, architect of the 1st category, GAU Moszhilniiproekt, ORCID: 0000-0003-0002-2421, valentinpryamichkin@yandex.ru

Введение

При рассмотрении вопросов, связанных с развитием городов и регионов России в условиях экономических санкций, не последнее место занимает тема повышения туристической привлекательности городов. Роль туристской отрасли в региональном и городском развитии крайне велика. Вопросам активного развития внутреннего туризма уделяется особое внимание со стороны Правительства РФ:

1. В мае 2018 года утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 – 2025 годы)», в которой внутренний туризм «рассматривается как одна из задач импортозамещения, а развитие въездного туризма является одним из перспективных путей решения задачи по увеличению доли несырьевого экспорта в общем объеме экспорта страны, поставленной Президентом Российской Федерации» (Концепция, 2018).

2. В сентябре 2019 года утверждена Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. В ней отмечено, что «Экономическая отдача от созданных в последние годы туристских организаций стабильна» (Стратегия, 2019).

3. В апреле 2021 года был представлен национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», являющимся одним из важнейших документов стратегического планирования и развития для всей туристической отрасли.

Вице-премьером Д. Чернышенко отмечалось, что на российскую «туриндурию приходится почти 4% ВВП. Она влияет более чем на 50 смежных отраслей» (8, 2022).

Учитывая влияние беспрецедентного давления, оказываемого на нашу страну, важность и актуальность развития внутренней среды, комфортной для пребывания наших граждан в качестве туристов-потребителей внутреннего национального турпродукта, выходят на первый план в текущей повестке Правительства РФ и бизнес-сообщества. Здесь следует отметить важность повышения туристической привлекательности городов, не только в крупных и крупнейших, а также в малых и средних городах, особенно в тех, где сохранилось культурно-историческое наследие.

Всего на 1 января 2021 года, по данным Росстата, в РФ насчитывалось 1117 городов, из них 946 – малые и средние, что составляет 84,7% от общей численности. Все эти города также составляют основу пространственного опорного каркаса страны, являясь её неотъемлемой частью. Поэтому крайне важно задействовать механизмы создания комфортной городской среды, повысить туристическую привлекательность, создать и сформировать полноценные туристские дестинации.

По нашему мнению, инструментами, которые могут послужить повышению туристической привлекательности городов, являются капитальный ремонт,

реконструкция и реставрация. Следовательно, целью данной работы является рассмотрение капитального ремонта, реконструкции и реставрации, как инструментов повышения туристической привлекательности городов. А также дальнейшие исследования по данному направлению.

Темы повышения туристической привлекательности городов, развития дестинаций, разработки стратегий развития городов и регионов, развития малых и средних городов, рассмотрены у ряда исследователей. Так, вопросам анализа туристских дестинаций посвящены работы Зырянова А.И., Аигина Е.В., Морозова М.А., Рубина Ю.Б., Бубновой Г.В., Львовой Т.В. Отмечают роль музеев различного уровня в создании нового и креативного туристского продукта Колкова М.Ю. и Шерешева М.Ю. Про сущность и содержание понятия «туристской дестинации» подробно написано у Павленко И.Г., Османовой Э.У. Теоретико-экономическое содержание понятия «туристская дестинация» рассматривают и классифицируют Морозов М.А. и Войт М.Н. Вопросы формирования туристского каркаса нашли отражение в исследованиях Фёдоровой Т.А., Саранчи М.А., Александровой А.Ю. и Сорокина Д.П., Архиповой В.Ф. и Левизова А.С., Оборина М.С., Морозова М.А. и Морозовой Н.С., Авдеевой К.В. и Апатовой Н.В., Хасбулатовой Б.М.

Иностраный опыт изучал Жихаревич Б.С., описав разработку стратегий развития малых городов США. Талалушкина Ю.Н. рассматривает зарубежный опыт организации малых городов. Английский учёный Р. Хадсон рассматривает реорганизацию и восстановление экономики малых городов за счёт «перехода на экономику «обслуживания». Особое внимание малым городам в цикле своих работ, представленном серией книг, посвятили Р. Сун, Р. Аксельрод, Н. Гильберт. Р. Йенсен приводит некоторые особенности экономики впечатлений, имеющие важное значение для развития туристской индустрии, Д.Б. Пайн и Х.Д. Гилмор выделяют четыре области экономики впечатлений.

Нормативно-правовое регулирование

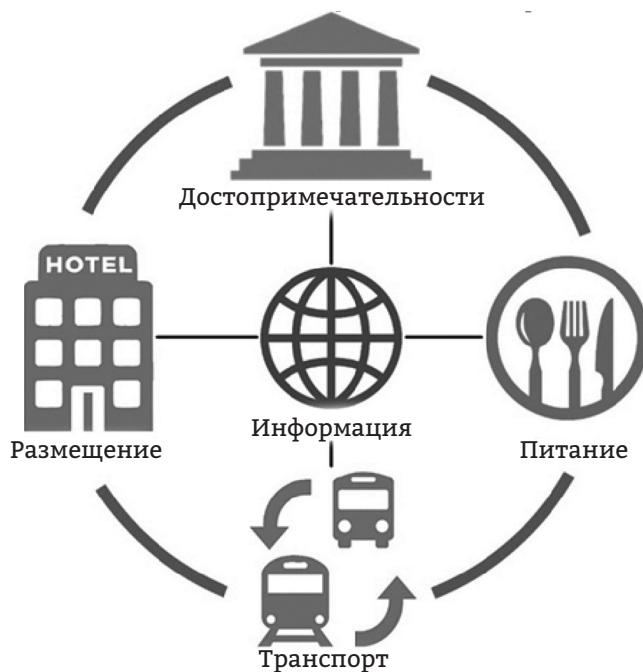
Прежде чем подробнее говорить о том, каким образом возможно использовать капитальный ремонт, реконструкцию и реставрацию, следует обратиться к законодательству и определить, что из себя представляет конкретный инструмент повышения туристической привлекательности городов.

В первой статье «Градостроительного кодекса Российской Федерации» указаны определения понятиям «реконструкция» и «капитальный ремонт» (Градостроительный кодекс, 2004), а именно:

«14) реконструкция объектов капитального строительства (за исключением линейных объектов) – изменение параметров объекта капитального строительства, его частей (высоты, количества этажей, площади, объема), в том числе надстройка, перестройка, расширение объекта капитального строительства, а также замена и (или) восстановление несущих строительных конструкций объекта капитального строительства, за исключением замены отдельных элементов таких конструкций на аналогичные или иные улучшающие показатели таких конструкций элементы и (или) восстановления указанных элементов;

Рисунок 1

Туристский каркас малого города

14.2) капитальный ремонт объектов капитального строительства (за исключением линейных объектов) – замена и (или) восстановление строительных конструкций объектов капитального строительства или элементов таких конструкций, за исключением несущих строительных конструкций, замена и (или) восстановление систем инженерно-технического обеспечения и сетей инженерно-технического обеспечения объектов капитального строительства или их элементов, а также замена отдельных элементов несущих строительных конструкций на аналогичные или иные улучшающие показатели таких конструкций элементы и (или) восстановление указанных элементов;» (Федеральный закон, 2004).

В статье 166 «Жилищного кодекса Российской Федерации» приведён перечень услуг и работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме.

Для того, чтобы перейти к понятию «реставрация», следует обратиться к ФЗ № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (Федеральный закон, 2002), в 43 статье которого указано:

«Реставрация памятника или ансамбля – научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, проводимые в целях выявления и сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия.» (Федеральный закон, 2002).

А статья 44 дополняет:

«Приспособление объекта культурного наследия для современного использования – научно-исследовательские, проектные и производственные работы, проводимые в целях создания условий для современного использования объекта

культурного наследия, включая реставрацию представляющих собой историко-культурную ценность элементов объекта культурного наследия.» (Федеральный закон, 2002).

Использование инструментов для повышения туристической привлекательности городов.

По мнению автора, для повышения туристкой привлекательности муниципальных образований как туристских дестинаций, необходима реализация таких проектных шагов, как: разработка туристского каркаса малого города; выявление и формирование атрибутов привлекательности для будущего легендирования и рекламы; разработка чёткой последовательности шагов по повышению привлекательности в виде «дорожной карты».

Рассмотрим подробнее для примера туристский каркас города, представленный на рисунке 1 в виде системы основных взаимосвязанных групп – опорных узлов (составлено автором).

Туристский каркас города включает в себя такие элементы, как:

- объекты показа (достопримечательности, историко-архитектурные и культурные ценности и т.д.);
- туристскую инфраструктуру (гостиницы, отели, рестораны и кафе, туристский информационный центр, транспортная сеть и т.д.);
- проработанные туристические маршруты (например, маршруты «Исторический центр города», «Лучшие театры и музеи города» и т.д.).

Объекты показа, туристская инфраструктура – всё это требует ухода, развития, грамотной эксплуатации, обновления и ремонта. Как раз для вышеперечисленных элементов актуально использование описываемых нами инструментов: капитальный ремонт, реконструкция, реставрация.

Стоит также учитывать тот факт, что применение данных инструментов возможно и будет наиболее эффективным только при комплексном подходе при создании и формировании комфортной городской среды. В частности, такой инструмент стратегического планирования, как мастер-план, может существенно структурировать все запросы и предложения, поступающие по вопросы реорганизации и реновации пространства, в рамках которого планируются какие-либо изменения. Как уже отмечалось в другом исследовании: «мастер-план представляет собой гибкую градостроительную, социально-экономическую структуру объемно-пространственного развития территории.» (Беляева, Прямычкин, 2020).

Необходимо также предметно и внимательно рассматривать, а также внедрять успешные примеры механизмов управления историческими территориями и объектами наследия на региональном и муниципальном уровнях. Об этом можно подробнее узнать в исследовании Беляевой О.И. в соавторстве с Коневым С.В. и Коневой Е.Ю. (Беляева, Конев, Конева, 2020).

Если же непосредственно рассматривать развитие малых и средних городов, то в исследовании автора, посвященном стратегическому подходу к развитию туризма в малых городах отмечено, что «Стратегии малых городов должны опираться на стратегии развития территориальных образований регионального или федерального

уровней или на стратегические документы более крупных населенных пунктов и включать в себя по возможности аспекты по развитию туризма.» (Прямичкин, Беляева, 2022).

Таким образом, на основании вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что к вопросу создания и формирования туристского каркаса города, в целях повышения туристической привлекательности, следует подходить с позиции стратегического планирования, используя такой инструмент как мастер-планирование, а также следует опираться на стратегии развития более крупных территориальных образований. А если речь идёт об исторических территориях и объектах культурного наследия, следует придерживаться определённых механизмов управления. В рамках данных мер применимо использование указанных выше инструментов: капитальный ремонт, реконструкция, реставрация.

Рассмотрим каждый из инструментов подробнее на конкретном примере.

Одним из ярких и успешных примеров реконструкции объектов жилого фонда можно считать реконструкцию жилых домов в Калининграде, построенных во второй половине XX века, выполненную по проекту московских архитекторов.

Всем известно, что город очень сильно пострадал во время Великой Отечественной войны. Большая часть города была разрушена. Завалы разбирались вплоть до 60-х годов прошлого века.

В ходе реконструкции произошли следующие изменения, отразившиеся на внешнем облике зданий, а также изменившие ТЭПы (технико-экономические показатели объекта):

- 1) созданы мансарды;
- 2) выполнено устройство утеплённых вентилируемых фасадов с высококачественной штукатуркой и керамической клинкерной плиткой под кирпич, отличающейся высокой прочностью и морозостойкостью (что очень важно для климатических особенностей региона);
- 3) заменены оконные блоки;
- 4) на кровле уложена керамическая черепица.

В ходе реконструкции дома изменились до такой степени, что многие туристы уверены в том, что это историческая застройка. Данные работы положительно сказались на создании комфортной городской среды.

Развивая тему пространственного развития городской территории, следует обратиться к примеру города Суздаля, Владимирская область. Именно к данному городу был применён комплексный подход в проектировании и планировании среды. «Стратегию пространственного развития до 2030 года» (далее – Стратегия) представили в августе 2020 года. Стратегия включает в себя комплексное обновление города:

- 1) сохранение памятников архитектуры;
- 2) развитие общественных пространств;
- 3) строительство объектов социальной и транспортной инфраструктуры;
- 4) создание единого дизайн-кода;
- 5) разработка объёмно-пространственного регламента (ОПР);
- 6) разработка проектов благоустройства отдельных территорий.

Реализация данной Стратегии будет разбита на два этапа: 1-й – до 2024 года, 2-й – до 2030 года. Требуемая сумма реализации: 23,3 млрд рублей.

«Безусловно, предложенный мастер-план представляет собой продолжение долгой истории попыток предложить городу внятную и устойчивую стратегию его развития как туристического центра.» – считает автор материала (6, 2020). Мы согласны с мнением автора, так как у города есть все шансы «пережить второе рождение», так как Суздаль обладает значительным историко-культурным наследием (порядка 960 объектов).

В рамках данной Стратегии как раз предполагается активное использование таких инструментов повышения туристической привлекательности, как реставрация и приспособление объекта культурного наследия для современного использования (например, преобразование здания пожарной части в гастромаркет).

Выводы

Таким образом, использование таких инструментов, как капитальный ремонт, реконструкция, реставрация, может положительно сказываться на повышение туристической привлекательности, путём обновления и улучшения общего вида городской среды, сделать её более комфортной и привлекательной. Здесь также стоит отметить, что повышение комфортной среды важно не только для туристов, но и для самих жителей, так как это влияет на уровень общего благосостояния города и восприятия окружающей среды.

Несомненно, механизм использования данных инструментов связан со строгим исполнением всех строительных и проектных норм, разумным использованием бюджетных средств, относительно долгими этапами согласования. Всё это также требует привлечения опытных специалистов и экспертов. Но без использования описанных инструментов, создание комфортной городской среды невозможно.

Список литературы

1. Беляева О.И., Конев С.В., Конева Е.Ю. Механизмы управления историческими территориями и объектами наследия на муниципальном уровне // Современное управление: векторы развития : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Калининград, 23 декабря 2020 г.). Калининград, 2020. С. 77-79.
2. Беляева О. И., Пряничкин В. А. Стратегический подход к развитию туризма в малых городах // Региональная экономика. Юг России. Т. 10, № 1. С. 126–136.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 декабря 2004 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 декабря 2004 г. // Рос. газ. 2004. 30 декабря.
4. Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)» : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 5 мая 2018 года № 872-р : в ред. распоряжения Правительства Рос. Федерации от 11 июля 2019 № 1509-р // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июня 2002 г. // Рос. газ. 2002. 29 июня.
6. Подтянуть уровень города до уровня памятников // archi.ru : российский интернет-портал

- в сфере архитектуры. 2020. 03 сентября. URL: <https://archi.ru/russia/87202/podtyanut-uroven-goroda-do-urovnya-ramyatnikov>.
7. Прямычкин В. А., Беляева О. И. Разработка мастер-плана как инструмента стратегического и территориального планирования города // Современное управление: векторы развития : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Калининград, 23 декабря 2020 г.). Калининград, 2020. С. 11-16.
 8. Росстат раскрыл новый способ оценки доли туризма в ВВП // vedomosti.ru : рекл.-информационное приложение к газете «Ведомости». 2022. 26 января. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/01/25/906393-otsenki-turizma>.
 9. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р : в ред. распоряжения Правительства Рос. Федерации от 07 февраля 2022 № 187-р // «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/.

Положение научно-образовательного комплекса Томской области в условиях экономических санкций

Стрельникова Е.Д.

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе рассматривается влияние экономических санкций на положение научно-образовательного комплекса Томской области. Выделены следующие аспекты: ограничение иностранных инвестиций, поступающих в научно-образовательный комплекс Томской области, импорта зарубежного оборудования и технологий, экспорта природных ресурсов региона.

Их влияние на положение научно-образовательного комплекса в Томской области неоднозначно. В краткосрочной перспективе можно выделить негативные аспекты. При ограничении импорта научное производство и исследования приостанавливаются, а на разработку импортозамещения требуется определенное время. Ограничение иностранных инвестиций ставит под вопрос развитие завязанных на них проектов научно-образовательного комплекса. Ограничение экспорта природных ресурсов, которыми богата Томская область, может привести к неустойчивости экономики региона.

Также экономические санкции могут способствовать развитию отечественных технологий и разработок, горизонтальных связей внутри государства по вопросам инвестиционного сотрудничества и окончательно закрепить приоритет научной сферы развития. При преодолении ранее указанных проблем, учитывая имеющийся у региона потенциал в научной сфере, в долгосрочной перспективе экономические санкции могут способствовать развитию научно-образовательного комплекса. Кроме того, можно заметить, что в регионе он сохраняется как приоритетное направление, о чем свидетельствует начало строительства нового межвузовского кампуса. Научно-образовательный комплекс может не только сохранить свое положение, но и заметно его укрепить, и тем самым стать путем преодоления последствий экономических санкций, а также эффективным двигателем как региональной экономики, так и развития региона в целом.

RESUME

The present paper considers how economic sanctions affect the development of research and education complex in Tomsk Oblast'. These sanctions include: limitations on foreign investments into the regional research and education complex, imported equipment and technologies, and exported natural resources.

The impact of these sanctions on the development of research and education complex in Tomsk Oblast' is ambiguous. In the short-term perspective there are some negative aspects. Limitations on imported scientific appliances set back research study, since import substitution is time-consuming. Limitations on foreign investments hinder the development of scientific projects being implemented. Limitations on exported natural resources produced in Tomsk Oblast' can destabilize the local economic situation.

However, the sanctions can also contribute to developing new equipment and technologies, establishing new relationships between national organizations involved in investment partnership, and identifying scientific research as a priority. In the long-term perspective, the above-mentioned challenges can be overcome and the scientific potential of the region might promote the development of research and education complex. It is worth noting that this complex is currently regarded as a crucial aspect of regional development, which is evidenced by constructing a new interuniversity campus. The research and education complex can not only keep its status, but also significantly strengthen its position as a trigger for the development of Tomsk Oblast'.

Ключевые слова: научно - образовательный комплекс, иностранные инвестиции, импортозамещение, экспорт, санкции, регион

Key words: research and education complex, foreign investments, import substitution, export, sanctions, region

Стрельникова Екатерина Дмитриевна студентка ФИПН НИ Томского государственного университета, Томск, Россия, katyaS10@yandex.ru

Ekaterina D. Strelnikova, student of the Tomsk state university, Tomsk, Russia, katyaS10@yandex.ru

Введение

В первую очередь хотелось бы обозначить, что в этой работе понимается под научно – образовательным комплексом.

Итак, научно-образовательный комплекс – это организованные в систему информационных и экономических связей звенья и структуры сферы науки и образования, а также звенья опытно-экспериментальных производств (Марков, 2003).

В современной России в связи с обрушившимися экономическими санкциями остро стоит проблема развития регионов. Учитывая тот факт, что импорт российского сырья поэтапно ограничивается, модель развития регионов с опорой на экспорт сырьевых ресурсов окончательно себя исчерпала. В свою очередь, наука и образование становятся все более важным двигателем социально-экономического и социокультурного развития городов и регионов.

Что касается Томской области, ее развитие на данный момент в основном определяет научный вектор. В настоящее время в Томске функционируют 2 национальных исследовательских университета (ТГУ и ТПУ), 4 федеральных государственных образовательных организаций высшего образования (ТУСУР, СибГМУ, ТГАСУ, ТГПУ), а также 3 филиала крупных учебных заведений из других регионов России (СТИ – филиал НИЯУ «МИФИ», ТСХИ – филиал НГАУ, Западно-Сибирский филиал РГУП).

По решению Межведомственной комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций трем учреждениям науки (ИОА СО РАН, ИФПМ СО РАН, ТНИМЦ РАН) и четырем томским университетам (ТГУ, ТПУ, ТУСУР и СибГМУ) присвоена наивысшая первая категория. Получение такого статуса подтверждает мировой уровень образовательной деятельности, а также высокий уровень научных исследований и разработок.

Научными исследованиями и разработками в регионе занимаются научные организации СО РАН и исследовательские подразделения томских университетов, а также отраслевые НИИ.

В рамках реализации федерального проекта «Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок» национального проекта «Наука» открыто 11 новых молодежных лабораторий, выполняющих исследования по тематикам, соответствующим Стратегии научно-технологического развития РФ.

В 2020 году томские научные разработки получили высокие оценки на федеральном уровне. Проекты ТГУ и ТПУ вошли в число победителей конкурса, проводимого в рамках постановления Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 220. В результате созданы четыре новые лаборатории, научными руководителями которых являются крупные зарубежные ученые. На реализацию их деятельности Министерством науки и высшего образования РФ до 2023 года будет выделено 360 миллионов рублей.

Всего в научно-образовательном комплексе Томской области задействовано более 15% экономически активного населения региона (2, 2022). В организациях научно – образовательного комплекса работают 50 академиков и членов-корреспондентов различных государственных академий. Научную деятельность осуществляют 1890 работников, в том числе более 300 – молодых ученых со степенью доктора или кандидата наук. Совокупный бюджет организаций научно-образовательного комплекса составляет более 30 млрд. рублей. Развитие комплекса входит в число приоритетных направлений развития Томской области. Поэтому, именно положение научно-образовательного комплекса, как одного из основных двигателей развития региона, в настоящее время, его дальнейшее функционирование и развитие требует особого внимания.

Основная цель: определить последствия экономических санкций, влияющие на положение научно – образовательного комплекса в Томской области.

Иностранные инвестиции

Одним из последствий экономических санкций является ограничение иностранных инвестиций. Томская область, несмотря на территориальную удаленность имеет как внутригосударственные, так и международные связи. Так, например, по объему накопленных прямых иностранных инвестиций за период 2008 – 2013 годов Томская область занимает 1-е место среди регионов Сибирского федерального округа и 16-е место среди всех субъектов Российской Федерации.

Быстрое экономическое развитие стран АТР способствует наращиванию связей Томской области с регионами и странами данного региона. КНР является крупнейшим партнером в АТР как по размерам ежегодного товарооборота, так и по проектам с участием китайских инвесторов на территории Томской области. В настоящее время АО «Рускитинвест» и ООО «Хенда-Сибирь» реализуется инвестиционный проект по созданию «Асиновского лесопромышленного парка» включающий ряд объектов по комплексной переработке древесины. Проект контролируется в рамках Межправительственной Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. Создание индустриального парка в Асино, вошло в план мероприятий по реализации распоряжения Правительства Российской Федерации в части создания на территории Томской области центра инновационного развития ИНО Томск. Томская область также активно развивает партнерские отношения с китайскими провинциями Ляонин, Шаньдун и Цзянсу. В 2018 году продолжилось взаимодействие с городом Шицзячжуан. Во время визита делегации города Шицзячжуана в Томскую область в июне 2018 года были подписаны документы о сотрудничестве между Томским государственным университетом, Томским политехническим университетом и Открытой высокотехнологической зоной г. Шицзячжуан.

По состоянию на 1 июня 2019 года в Особой экономической зоне технико-внедренческого типа «Томск», являющейся одним из элементов региональной инновационной инфраструктуры, зарегистрировано 56 резидентов, из которых 10

– компаний с участием иностранного капитала. Резидентами создано более 2500 рабочих мест.

В связи с сложившейся ситуацией, объем иностранных инвестиций может заметно сократиться, а, следовательно, и проекты, связанные с развитием науки и образования, поддерживаемые иностранными инвестициями, в этом случае будут приостановлены. Таким образом, научно – образовательный комплекс не будет развиваться так активно, как раньше и, соответственно, может утратить свое значение, как приоритетное направление развития Томской области.

Импортозамещение

Также, в рамках экономических санкций, большинство компаний ограничивают или прекращают поставки в Россию. Наиболее значительно это может сказаться на деятельности учреждений, занимающихся научными исследованиями, таких как НИИ, лабораторий и частных предприятий, связанных с научной деятельностью.

Проблема ограничения поставок иностранного оборудования и технологий может быть решена импортозамещением и в целом дать толчок развитию отечественных технологий, однако на это потребуется определенное время, и в краткосрочной перспективе эта проблема может стать препятствием как для деятельности отдельных учреждений, так и для всего научно – образовательного комплекса в целом.

Экспорт ресурсов

Нельзя забывать о том, что природные ресурсы также являются стратегическим преимуществом Томской области. Например, Лесопромышленный комплекс Томской области является экспортноориентированным (доля импорта лесной продукции в регион незначительна) (3, 2022). В 2018 году томскими участниками внешнеэкономической деятельности экспортировано товаров из древесины на сумму 176,8 млн. долларов США (в структуре регионального экспорта – 55,1 %). Экспорт продукции осуществляется в 19 стран мира, крупнейшими потребителями в 2018 году стали Узбекистан и Китай.

Также, Томская область входит в десятку российских регионов, ведущих интенсивную добычу нефти и газа.

На территории области работают дочерние предприятия ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть», других крупнейших российских и зарубежных компаний. Самая крупная в регионе нефтяная компания – АО «Томскнефть» ВНК – ежегодно добывает более 10 млн тонн нефти. Основной поток промышленных инвестиций направлен в ТЭК.

Таким образом, ограничение экспорта ресурсов может негативно повлиять на развитие региона в целом, от которого зависит и развитие научно – образовательного комплекса. Однако в долгосрочной перспективе отказ от развития на основе экспорта

природных ресурсов может дать еще больший толчок росту науки и образования в регионе, и научно-образовательный комплекс станет двигателем региональной экономики, а его положение в региональной структуре укрепит еще сильнее. Но для развития такого сценария необходима заинтересованность как органов власти и государственных учреждений, так и частных предприятий, бизнеса.

Выводы

В целом, на основе проведенного анализа, можно сказать, что влияние последствий экономических санкций на положение научно-образовательного комплекса в регионе неоднозначно. В краткосрочной перспективе можно выделить негативные аспекты, как например проблемы импортозамещения, ограничение иностранных инвестиций и неустойчивость экономики региона. Все эти вопросы могут быть успешно решены, но для этого им необходимо уделить пристальное внимание. При таком подходе, учитывая имеющийся у региона потенциал в этой сфере, в долгосрочной перспективе экономические санкции могут способствовать развитию научно-образовательного комплекса. Кроме того, в Томске в ближайшее время начнется строительство межуниверситетского кампуса, что означает сохранение приоритета науки и образования. Таким образом, научно-образовательный комплекс может не только сохранить свое положение, но и заметно его укрепить, и тем самым стать путем преодоления последствий экономических санкций, а также эффективным двигателем как региональной экономики, так и региона в целом.

Список литературы

1. Марков В. Н. Научно-образовательный комплекс в системе общественного воспроизводства : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2003. 25 с.
2. Научно – образовательный комплекс Томской Области. URL: <https://tomsk.gov.ru/Nauchno-obrazovatelyniy-kompleks>.
3. Лесной комплекс Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/Lesnoy-kompleks>.

Оценка перспектив сотрудничества Индии и России: сценарный подход

Сухаг В.

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен анализ трех сценариев развития внешнеполитических отношений Индии и России. По мнению автора, выбор модели сотрудничества Индии с Россией зависит от внутренних и внешних факторов. Внутренние потребности в сотрудничестве с Россией обусловлены крайней заинтересованностью Индии в обеспечении своей энергетической и военной безопасности; в повышении своей научно-технологической международной конкурентоспособности; необходимости налаживания диалога с Китаем и взаимного участия в российских проектах. Кроме внутренних факторов автор выделяет три важнейших внешних фактора: 1) Китай, сближение которого с Россией беспокоит Индию; 2) США, с которыми Индия связана торгово-экономическими отношениями, военно-технологическим сотрудничеством; 3) активизация военно-политических альянсов США в зоне АТР. С этих позиций высока вероятность, что Индия выберет модель балансирования между разными центрами силы.

RESUME

This article presents an analysis of three scenarios for the development of foreign policy relations between India and Russia. According to the author, the choice of the model of cooperation between India and Russia depends on internal and external factors. Internal needs for cooperation with Russia are due to India's extreme interest in ensuring its energy and military security; in increasing its scientific and technological international competitiveness; the need to establish a dialogue with China and mutual participation in Russian projects. In addition to internal factors, the author identifies three major external factors: 1) China, whose rapprochement with Russia worries India; 2) the United States, with which India is connected by trade and economic relations, military-technological cooperation; 3) activation of US military-political alliances in the Asia-Pacific region. From these positions, it is highly likely that India will choose a model of balancing between different centers of power.

Ключевые слова: Индия, западные санкции, российско-индийские отношения, внешняя политика Индии

Keywords: India, Western sanctions, Russian-Indian relations, Indian foreign policy

Сухаг Викрам, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, vikram.suhag499167@gmail.com

Vikram Suhag, PhD student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, vikram.suhag499167@gmail.com

В ответ на «коллективное давление запада» Россия активизировала сотрудничество со странами Азии, что создало благоприятные условия для развития сотрудничества Индии и России, и стало стартовой точкой в участии Индии в ряде значимых проектов, например, в энергетическом секторе, в секторе сельского хозяйства, в российских арктических проектах и других. Продолжается сотрудничество и в военно-технической сфере. Вместе с тем, Индии все сложнее сохранять нейтралитет в условиях формирования оси Россия – Китай и консолидации «коллективного запада». Индия вынуждена балансировать между центрами влияния

для сохранения своей независимости, наращивания своего международного статуса.

Мы рассмотрим три сценария и возможные траектории развития индийской внешней политики.

При реализации первого сценария Индия объединится с США и их западными союзниками; при втором сценарии – Индия выступит в поддержку России и бросит вызов США и их западным союзникам; третий сценарий предполагает компромисс и попытку сохранить стратегические отношения и с Россией, и с США. Сценарии были разработаны на основе анализа военно-политической, военно-технологической безопасности и геостратегических соображений Индии. Учтено и влияние на Индию санкций, которые применяются в отношении России, а также российские контрсанкции, так как Индия внимательно оценивает риски и угрозы, которые несут санкции, в отношении индийского экономического сектора и сектора безопасности.

Сценарий 1 – Индия следует линии США и их западных союзников. Если развернется этот сценарий, Индия присоединится ко всем санкциям США и Запада по отношению к России. Однако такая позиция приведет к сильной зависимости Индии от США в военно-политическом смысле. Также Индии необходимо учесть вопрос готовности США и их союзников предоставить ей новейшие платформы и технологии. При положительном раскладе Индия поменяла бы свои долгосрочные стратегические интересы и стала бы зависеть от США, отойдя от военно-технического сотрудничества с Россией.

Но, полагаясь только на США, как на стратегического союзника, Индия не может быть уверена, что партнерство с ними будет эффективным.

Два инцидента летом 2021 года привели к тому, что Индия пересмотрела свои взгляды на отношения с США как на надежного партнера. Первым инцидентом стал уход США из Афганистана – этот шаг заставил индийский истеблишмент задуматься о ценности гарантий безопасности, которые дают США (Migliani, 2021). То, как обстоят дела вокруг специальной военной операции, начатой Россией на Украине в феврале 2022 года, еще больше ставит под вопрос надежность США как союзника (Maheshwari, 2022). По мнению индийского истеблишмента, США хотели подтолкнуть Украину к действиям, которые Россия не смогла стерпеть (23, 2022). Однако в то же время США не обеспечили каких-либо конкретных мер в области безопасности на Украине после возникновения кризиса, которые, как они утверждали, будут приняты.

Это коррелирует с восприятием Индией угрозы и со Индо-Тихоокеанского региона. Индия скептически оценивает группу «Четверки» и последующие гарантии безопасности, предоставленные США в Индо-Тихоокеанском регионе (Barthwal, 2019). По мнению Индии, когда дело доходит до открытого столкновения, США могут отступить, что не является качеством, которое Индия хотела бы видеть в стратегическом партнере в отношении своей региональной безопасности. Существует также мнение, что США уделяют гораздо меньше внимания театру военных действий в Индо-Тихоокеанском регионе по сравнению с театром военных действий, развернувшимся в Европе в результате начатой Россией военной спецоперации на Украине в феврале 2022 года. Индия не уверена в том, что США будут выполнять свои обязательства в отношении архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Вторым инцидентом, ставящим под сомнение обязательства США, является характер их стратегического партнерства с Индией. Это сомнение появилось в Индии после того, как США объявили о создании новой группировки безопасности – Австралия/Великобритания/США (AUKUS), в рамках которой Австралия должна получить американские атомные подводные лодки (Durden, 2022). До нового соглашения «Четверка», состоящая из США, Австралии, Индии и Японии, считалась фундаментальной группировкой. Этот инцидент вызвал замечания со стороны Франции и Индии. Франция находилась в середине переговоров о предоставлении Австралии подводных лодок. Впоследствии Австралия отменила сделку на 37 миллиардов долларов. Что касается стратегического партнерства с Индией, США отмечают, что они не могут делиться чувствительными технологиями, такими как атомные подводные лодки, с Индией, однако в рамках AUKUS они готовы делиться ими с Австралией (Sharma, 2021). Эти события заставляют задуматься об истинных намерениях США. По причине ненадежности США, как военно-политического партнера, ненадежности в исполнении своих обязательств, первый сценарий не будет являться для Индии стратегически верным.

Аргументом в пользу этого вывода является относительно длительный опыт доверительных отношений и более надежное военно-техническое сотрудничество Индии с Россией. В системе военно-технического обеспечения Индии имеется ряд систем российского происхождения – как устаревших, так и современных. Данные по поставкам оружия, приведенные Стокгольмским институтом исследования проблем мира (SIPRI), отражают зависимость Индии от России в отношении военной техники. С 2001 по 2021 год Индия импортировала военную технику на сумму 58 061 миллион долларов США, при этом импорт из России составил 37 680 миллионов долларов США, что составляет примерно 65% всего индийского импорта за последние 20 лет (Wezeman, 2021). Если сравнить военное сотрудничество Индии и США, Индия недавно начала закупать современные системы вооружений, но зависимость от США по сравнению с зависимостью от России у Индии гораздо меньше. С 2001 по 2021 год военный импорт Индии из США составил 4847 миллионов долларов США, а ежегодный импорт в стоимостном выражении всегда был ниже годовой стоимости импорта из России (Wezeman, 2021).

Российское оборудование в большинстве случаев поставляется с лицензионным соглашением о производстве и положениями о передаче технологий. Для Индии это существенный факт в пользу отношений с Россией, поэтому разрывать такие связи не выгодно. Учитывая то, что Индия четко видит плюсы и минусы сотрудничества с США, мало вероятно, что она полностью откажется от такого надежного партнера, как Россия, чтобы направить усилия в сторону укрепления сотрудничества с США.

Сценарий 2 – Индия полностью поддерживает Россию и бросает вызов Соединенным Штатам и западным союзникам. Второй сценарий заключается в том, что руководство США и Индии продолжают идти индивидуальными путями, при этом Индия будет расширять контакты с Россией с целью удовлетворения своих военно-технических потребностей и привлечения России к взаимодействию с Китаем для нормализации отношений и уважения интересов друг друга в регионе (Куприянов, 2018), а также примет меры, направленные на укрепление взаимного доверия.

Прочность российско-китайских отношений и поддержание стратегических отношений с Россией позволяют Индии видеть в России надежного партнера в вопросах общения с Китаем.

Этот сценарий сведет связи между Индией и США к минимуму, а также сведет на нет все возможности, которые Индия получила бы, являясь союзником США в Индо-Тихоокеанском регионе. Отношения с США усложнятся еще больше, если произойдет нормализация отношений между Индией и Китаем. Но эта позиция имеет определенные стратегические риски для Индии из-за недоверия к Китаю, близости Китая к Пакистану (14, 2021), а также из-за положительной динамики международного взаимодействия России и Китая (Kuczynski, 2019) и, по сути, формирования оси Россия-Китай. Некоторые эксперты в индийском сообществе (после украинского кризиса 2022 года и последующей попытки изоляции России «коллективным западом») отмечают зависимость России от Китая и видят в этом начало эпохи, когда Китай в российско-китайских отношениях становится старшим партнером (Куприянов, Королев, 2019). В случае растущего влияния Китая в регионе Индийского океана, а также растущего китайского военного присутствия на спорных пограничных территориях Гималайского региона, Индии действительно может понадобиться стратегическое партнерство с США в военно-морской области, так как выстроена архитектура безопасности США в Индо-Тихоокеанском регионе, хотя она и резонирует с точкой зрения Индии.

Индия укрепляла связи с США в области военного сотрудничества в течение последних 5 лет (Wezeman, 2021) и, скорее всего, она их продолжит, чтобы иметь источник диверсификации военных технологий. Кроме того, экономика Индии связана с экономикой США. 17,9% от всего индийского экспорта составляет экспорт в США (8, 2022). Индустрия услуг Индии, в первую очередь, индийская индустрия информационных технологий, оказывает большое влияние на США, интегрирована в экономику США, что выгодно для Индии. Маловероятно, что Индия рассмотрит этот сценарий, поскольку он ставит Индию в невыгодное экономическое и стратегическое положение, в первую очередь, по отношению к Китаю, а также ограничит отношения Индии с западом и США.

Сценарий 3 – Индия сохраняет свои стратегические отношения с Россией и идет на компромиссы с Соединенными Штатами. Два варианта, приведенные выше, указывают на концепцию «игры с нулевой суммой» во внешней политике, которая предполагает принцип «либо ты с нами, либо ты против нас». Третий сценарий вытекает из концепции конструктивизма, продвигающей принцип, согласно которому «представление государством своих интересов, его самопрезентация на международной арене и его поведение могут меняться в результате межгосударственного взаимодействия». С точки зрения Индии конструктивизм, как объяснил Александр Вендт (IR Constructivist), изменил неореалистическую позицию, утверждая, что «анархия — это то, что из нее делают государства» (Wendt, 1992). Следовательно, ситуация нынешней глобальной анархии может быть использована, если Индия найдет способы действовать в этой среде.

В растущем многополярном мире меняется структура международного взаимодействия субъектов и у Индии возникает потребность взаимодействовать как

с Россией, так и с США. Данная структура глобальной политики вынуждает Индию взаимодействовать с Китаем в областях «низкой политики» (экономическая политика и политика благосостояния) несмотря на то, что между двумя странами существуют проблемы в «высокой политике» (внешняя политика, безопасность, оборона) — концепции, введенной Стэнли Хоффманом (1966) в его межправительственной критике неофункционалистского подхода. В ней подчеркивается, что в областях, представляющих жизненно важный национальный интерес национальные правительства не желают компенсировать свои потери выгодами в других областях. Национальные правительства предпочли бы свести к минимуму неопределенность и сохранить жесткий контроль над процессами принятия решений. Тем не менее, участие в «низкой политике» может улучшить ситуацию в высокой политике и наоборот.

При активации третьего сценария Индия предоставит значительные возможности американским производителям военной техники и согласится на определенные важные условия, поставленные США, а взамен получит возможность взаимодействовать с Россией в областях стратегической военной и геополитической безопасности, а также в области энергетической безопасности. Военные отношения между Индией и США растут, но все еще далеки от отношений между Индией и Россией. Россия является крупнейшим поставщиком военной техники Индии. Эта ситуация вынуждает Индию поддерживать тесные отношения с Россией. Мы уже видим подобные тенденции, когда Индия, столкнувшись с санкциями в отношении закупок систем противоракетной обороны S-400, во время обсуждения освобождения от санкций CAATSA предоставила США значительные рычаги, подписав Соглашение о возможностях и безопасности связи (COMCASA) (Basu, 2018) и Базовое соглашение об обмене и сотрудничестве (BECA) (Nair, 2020). Эти соглашения позволяют Индии и США обмениваться геопрограммной разведкой и получать доступ к зашифрованным системам связи. Это было очевидно и в случае с индийскими закупками вертолетов огневого поддержки Apache вместо российских вертолетов серии «Ми» и другой военной техники США (Sudakov, 2011). Эта позиция, по-видимому, позволяет Индии продолжать стратегическое сотрудничество как с Россией, так и с США, одновременно налаживая свои отношения с Китаем (Куприянов, 2018).

Развитию третьего сценария способствует и энергетическая дипломатия Индии. Как было показано выше, Индия крайне обеспокоена вопросами энергетической безопасности. Сегодня она является третьим по величине потребителем энергии, и ее потребление будет расти в несколько раз вплоть до 2040 года (7, 2021). Ежегодное потребление энергии в Индии, которое в настоящее время составляет 723 миллиона тонн нефтяного эквивалента (МТОЕ), выросло на 5,75% за последнее десятилетие (2007-2017 годы). Ожидается, что к 2040 году спрос на нефть в Индии вырастет с 4 до 10 миллионов баррелей в сутки. Прогнозируется, что потребление природного газа увеличится с 50 до 175 миллиардов кубометров (5, 2016). При таком спросе Индия пытается сосредоточиться на всех источниках импорта по выгодной цене. Для Индии и США, и Россия являются важными партнерами. Индия может диверсифицировать свою базу поставщиков в обоих направлениях.

Кроме того, если Индия будет иметь серьезный вес в своей энергетической дипломатии с США, то, вероятно, она сможет найти способ обойти вторичные

санкции и осуществить свое стратегическое взаимодействие с Россией. Расширение закупок энергоносителей в США и параллельная закупка нефти в России со скидкой выгодны для Индии. По сути, Индия может использовать сложившуюся международную конъюнктуру в свою пользу. На фоне санкций против России и заявлений стран Евросоюза о снижении закупок, а затем и об отказе от российских источников энергии, Россия начала диверсифицировать свой энергетический рынок. В тоже время, учитывая целевые показатели роста ВВП, Индия рассчитывает на доступные цены на энергоносители. При реализации третьего сценария она сможет получить гарантированное предложение и приемлемые цены из России. Это уже прослеживается по текущим закупкам нефти в России по сниженной цене: объем нефти, закупленной с начала года до конца марта 2022 года равен объему российской нефти, закупленной Индией за весь 2021 год (16, 2021).

Исходя из моделей нейтралитета, продемонстрированных индийским правительством после событий февраля 2022 года, исторической модели укрепления сотрудничества с Россией после крымского инцидента 2014 года, несмотря на риск американских санкций за действия с под санкционными российскими военными структурами, Индия больше всего хотела бы продолжать пытаться сбалансировать свои интересы как с США, так и с Россией. По мнению большей части индийских экспертов, наращивание энергетических и военных связей с США позволит Индии обойти последствия санкций в отношении России и российских контрсанкций, и наращивать сотрудничество с Россией.

Учитывая аргументы вокруг трех внешнеполитических вариантов, наиболее вероятно реализация третьего сценария. Индия будет сотрудничать как с Россией, так и с США со стратегической точки зрения, в том числе чтобы снизить риски напряжения отношений с Китаем. У Индии был территориальный спор с Китаем относительно определенных районов Гималаев. Между двумя странами была одна крупная война в 1962 году, и в последние несколько лет также наблюдались напряженные отношения между двумя странами из-за пограничного спора. Китай является более крупной державой по сравнению с Индией как в военном, так и в экономическом плане (Joshi, 2020). Рычаги влияния, которые Индия сохранила с точки зрения балансирования Китая, находились в регионе Индийского океана и, более конкретно, в узких точках «Малаккского пролива» (Singh, 2019). Индия занимает важнейшее положение в Индо-Тихоокеанском регионе. Это очевидно из того факта, что основная часть морских перевозок, проходящих через Малаккский пролив, проходит через морскую прилегающую зону Индии или вблизи нее (Joshi, 2020). Действительно, большая часть трафика поступает из Персидского залива, проходит мимо оконечности полуострова Индия, достигает Малаккского пролива и впадает в Южно-Китайское море (Joshi, 2020). Китай зависит от судоходного маршрута для большинства своих поставок нефти и газа из стран Персидского залива (Joshi, 2020). Но в последнее время регион превратился в важнейшее стратегическое пространство, где Китай все чаще бросает вызов главенству Индии (Singh, 2019). Индии не хватает возможностей самостоятельно противостоять Китаю в регионе Юго-Восточной Азии. Однако на протяжении многих лет она налаживала связи с США, Сингапуром и Японией, которые имеют важные последствия для региона. Кроме того, Индия имеет

свои собственные важные двусторонние связи с Индонезией и Шри-Ланкой (Singh, 2019). Индия опасается, что повышение интереса Китая к Арктике и замораживание международного взаимодействия в Арктическом регионе по отношению к России, могут вынудить Соединенные Штаты перенести свое основное внимание с Индо-Тихоокеанского региона на Арктику (Suhag, 2021). Без противовеса Китай неизбежно расширит свою мощь в обоих направлениях (Suhag, 2021). Активность Индии в Арктике в основном является реакцией на расширение китайской экспансии на приполярном севере с целью устранения ее зависимости от Малаккского пролива, который является одним из основных индийских рычагов воздействия на китайскую политику (Suhag, 2021).

Индия и Россия обсуждают Соглашение о взаимном обмене логистическими услугами (RELOS). Соглашение о взаимном обмене материально-техническим обеспечением является долгожданным административным соглашением, которое позволит военным обеих стран получить доступ к объектам материально-технического обеспечения и поддержки на военно-морских базах и портах друг друга (Sharma, 2022). Это облегчило бы пополнение запасов топлива, пайков, запасных частей и стоянок для войск, военных кораблей и самолетов при выполнении операций вдали от портов приписки и баз во время военных и мирных миссий (Sharma, 2022). Соглашение позволит обеспечить техническое обслуживание военных кораблей и военных самолетов на базах друг друга. RELOS дополнительно обеспечит бесперебойное использование существующих сетей материально-технического обеспечения принимающей страны, что позволит снизить общие расходы миссии и обеспечит стратегическое преимущество в военных операциях друг друга (Sharma, 2022). В прошлом Индия подписала соглашения о военной логистике с несколькими странами. Это включает в себя Меморандум о соглашении об обмене логистическими услугами между Индией и США (LEMOA), Соглашение о приобретении и перекрестном обслуживании между Индией и Японией (ACSA) и Соглашение о взаимной логистической поддержке между Индией и Австралией (MLSA), демонстрирующее все страны QUAD (15, 2021; Saxena, 2020). Кроме того, Индия поддерживает такие соглашения о военной логистике с Францией, Сингапуром и Южной Кореей. В настоящее время он находится в процессе завершения такого соглашения с Великобританией и Вьетнамом (15, 2021; Saxena, 2020). Подписание RELOS с Россией способствовало бы расширению стратегического сотрудничества между двумя странами. Подписание RELOS между Индией и Россией открыло бы Индии доступ к российским арктическим военно-морским портам и военным базам от Владивостока до Мурманска. По мере роста стратегического охвата и присутствия Китая в Арктике для Индии становится чрезвычайно важным иметь такое соглашение, как RELOS (Sharma, 2022). Аналогичные линии, по которым RELOS позволят ВМС Индии достичь российского Дальнего Востока и Арктического региона, а также обеспечат материально-техническую поддержку и легкий доступ к необходимым объектам для ВМФ России через индийские военно-морские порты и военные базы, расположенные в Индийском океане (Sharma, 2022). RELOS таким образом, без вовлечения России в QUAD, облегчит и усилит российское военно-

морское присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе на случай любых будущих враждебных сценариев в регионе. Существуют возможности расширения военного сотрудничества между Индией и Россией в Арктике и регионе Индийского океана. Обе страны благодаря существующему сотрудничеству имеют платформу для дальнейшего укрепления своего военного сотрудничества за счет увеличения числа совместных учений в Арктике. Страны также могут изучить возможности проведения учений по обеспечению безопасности на море и свободы судоходства в Арктике (Куприянов, Королев, 2019).

Таким образом, имеются, как минимум, следующие барьеры в российско-индийском сотрудничестве, обусловленные зависимыми торговыми отношениями Индии и США; тесным партнерством России и Китая в военно-политической сфере; рисками больших экономических потерь из-за вторичных санкций со стороны «коллективного запада» в отношении индийских предприятий, сотрудничающих с Россией. Сопоставление выгод и рисков сотрудничества Индии с Россией показывает наличие противоречий, требующих дальнейшего научного анализа и интерпретаций.

Список литературы

1. Куприянов А.В. Влияние антироссийских санкций США на российско-индийское сотрудничество в военно-технической сфере // Отчет РСМД. 2018. № 19. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vliyanie-antirossiyskikh-sanktsiy-ssha-na-sotrudnichestvo-rossii-i-indii-v-voenno-tekhnicheskoy-sfer/>.
2. Куприянов А.В., Королёв А.С. Евразийская хорда, океанское кольцо. Россия и Индия как третья сила нового миропорядка // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь 2019.
3. Barthwal N. India in the Indo-Pacific 'Regional Security Complex' // National Maritime Foundation. 2019. URL: <https://maritimeindia.org/india-in-the-indo-pacific-regional-security-complex/>.
4. Basu N. India Close to Signing COMCASA with US // The Hindu Business Line. 2018. URL: <https://www.thehindubusinessline.com/economy/india-close-to-signing-comcasa-with-us/article23366048.ece>.
5. BP Statistical Review of World Energy June 2016 // British Petroleum. 2016. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf>.
6. Durden T. India mulling rupee-ruble payments system trade with Russia // ZeroHedge News. 2022. URL: <https://www.zerohedge.com/geopolitical/india-mulling-rupee-ruble-payments-system-trade-russia>.
7. IEA. India Energy Outlook // IEA, Paris. 2021. URL: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/IndiaEnergyOutlook_WEO2015.pdf. ITC, Trade statistics for international business development-Monthly, quarterly, and yearly trade data. 2022. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>.
8. Joshi M. India and the Malacca conundrum // Observer Research Foundation Report. 2020. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-and-the-malacca-conundrum/>.
9. Kuczynski G. Russia-China's Junior Partner // Report by The Warsaw Institute. 2019. URL: <https://warawainstitute.org/russia-chinas-junior-partner/>.
10. Maheshwari D. Sputnik, Crisis didn't make it to QUAD joint statement because of India reckons Australian expert // Sputnik News. 2022. URL: <https://sputniknews.com/20220211/ukraine-crisis-didnt-make-it-to-quads-joint-statement-because-of-india-reckons-australian-expert-1092935505.html>.
11. Miglani S. India's Military chief concerned about U.S. pull out from Afghanistan // Reuters. 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/indias-military-chief-concerned-about-us-military-pullout-afghanistan-2021-04-15/>.
12. Nair S. India, US sign BECA Agreement: What is BECA, how will it help India? // Jagranjosh news. 2020. URL: <https://www.jagranjosh.com/current-affairs/india-us-sign-beca-agreement-what-is-beca-agreement-know-all-about-it-1603778233-1>.

13. Rajagopalan R. P. India's Military Outreach: Military Logistics Agreements // Observer Research Foundation report in *The Diplomat*. 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/09/indias-military-outreach-military-logistics-agreements/>.
14. Rajagopalan R.P. The China Pakistan Partnership Continues to Deepen // *The Diplomat*. 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/07/the-china-pakistan-partnership-continues-to-deepen/>.
15. Reuters. India's Russian oil purchases since Ukraine invasion more than double 2021 total // *The Times of India*. 2022. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/indias-russian-oil-purchases-since-ukraine-invasion-more-than-double-2021-total/articleshow/91083214.cms>.
16. Saxena V. K. Logistic Support Agreements- A Growing Footprint // Vivekananda International Foundation. 2020. URL: <https://www.vifindia.org/article/2020/october/27/logistic-support-agreements-a-growing-footprint>.
17. Singh A. India, Singapore & Thailand navy exercise is Delhi's chance to one-up China in Bay of Bengal // Observer Research Foundation Report. 2019. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-singapore-thailand-navy-exercise-is-delhis-chance-to-one-up-china-in-bay-of-bengal-55702/>.
18. Sharma P. AUKUS fallout: for years, US told -us-told-india it couldn't share nuclear submarine technology // *South China Morning Post*. 2021. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3149446/aukus-fallout-years-us-told-india-it-couldnt-share-nuclear>.
19. Sharma B. Reciprocal Exchange of Logistics Agreement: Roadmap to India's Strategic Access in the Arctic // Report of Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses (MP-IDSA). 2022.
20. Sudakov D. India prefers USA'S Apache to Russia's Night Hunter // *Pravda news*. 2011. URL: https://english.pravda.ru/russia/119442-india_russia/.
21. Suhag V. India's Arctic Push: «Thought through» or «A Remedial process to address an Insecurity». 2021 // *Russian Arctic*. № 15. P. 47-48.
22. TASS. Russia thanks India for balanced position on Ukraine crisis // *TASS News*. 2022. URL: https://tass.com/politics/1414979?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.
23. Wendt A. 'Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics' // *International Organization* 2. 1992. P. 391-425.
24. Wezeman S. T. 'Trends in International Arms Transfers, 2021' // SIPRI Arms transfer report, SIPRI. 2022. URL: <https://sipri.org/publications/2022/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2021>.

Миротворческие операции и прогнозирование экономических процессов

Тимофеев В.В.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется корреляция между количеством реализуемых миротворческих операций в год и коэффициентом Шиллера. Цель исследования – выявить, каким образом конфликтотенность на международной арене создаёт риски нового мирового экономического кризиса. Автор нашёл корреляцию и её аналитическую форму. Связь между переменными прямая и линейная. Автор делает вывод, что миротворческое урегулирование, содействуя стабилизации политической и экономической ситуации, может способствовать поддержанию глобальной капиталистической системы. Однако нивелирование кризисных трендов в экономике, вызванных политическими факторами, работает полноценно только в рамках миротворчества. Влияние глобальных конфликтов на мировую экономику не может быть преодолено. Нестабильность на международной арене на фоне негативных экономических перспектив может вызвать мировой экономический кризис.

RESUME

The article examines the correlation between the number of peacekeeping operations per year and the Shiller PE ratio. The aim of the study is to identify how international conflicts create the risks of a new global economic crisis. The author found the correlation and its analytical form. The relationship between the variables is direct and linear. The author concludes that peacekeeping can help to maintain the global capitalist system by stabilizing the political and economic situation. However, this effect works only within the framework of peacekeeping. The impact of global conflicts on the world economy cannot be overcome. Given negative economic prospects, instability in the international scene can cause a global economic crisis.

Ключевые слова: миротворчество, международные конфликты, коэффициент Шиллера, S&P 500, мировой экономический кризис

Key words: peacekeeping, international conflicts, Shiller PE ratio, S&P 500, global economic crisis

Тимофеев Владимир Владимирович, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, ORCID: 0000-0003-1714-3406, SPIN-код: 3786-9272, Санкт-Петербург, Россия, TimoteoVV@yandex.ru

Vladimir V. Timofeev, PhD student of the St. Petersburg State University, ORCID: 0000-0003-1714-3406, SPIN-код: 3786-9272, Russia, St. Petersburg, TimoteoVV@yandex.ru

Возрастающие экономические риски и обострение внешней и военно-политической обстановки в мире делают актуальной взаимосвязь политических и экономических явлений и процессов. Экономический прогноз для мира ещё до развернувшихся событий в системе международных отношений был негативным. Высокие уровни инфляции, подстёгиваемые монетарными мерами центробанков в формате скупки активов, замедленные темпы восстановления после пандемии, увеличивающееся неравенство и ограничения в сфере международной торговли создают серьёзные риски для неокрепшей мировой экономики (Anstey, 2022). Теперь же на фоне высокого уровня конфликтотенности в мировой политике

прогнозы для глобальной экономики ещё менее утешительны (Elliott). Возможность надвигающегося экономического кризиса также актуальна в контексте высоких значений коэффициента Шиллера, индикатора, который можно рассматривать как предиктор экономического кризиса (Shiller, 2022). Особый интерес в данном свете представляет возможность использования политических явлений в качестве прогностических факторов экономических трендов.

В науке серьёзное внимание уделяется вопросу существования экономических причин конфликтов. В различных исследованиях находили взаимосвязи между такими факторами, как:

- 1) Экспорт сырья и вероятность войны (Ross, 2004);
- 2) Добыча нефти и начало конфликта (Ross, 2004);
- 3) Присутствие полезных ископаемых и процесс восстановления мира (Ross 2004: 339);
- 4) Экономические проблемы и возникновение конфликтов (Stewart, 2002);
- 5) Снижение экономического роста и провоцирование конфликта (Miguel, Satyanath, Sergenti, 2004);
- 6) и т. д.

Что же касается влияния конфликтов на экономику, данный вопрос менее изучен. Кроме того, проблема зависимости экономических кризисов от уровня конфликтности ещё не рассматривалась через призму взаимосвязи миротворческих операций и индикатора приближения экономического кризиса. Данная работа является попыткой выявить, каким образом конфликтность на международной арене создаёт риски нового мирового экономического кризиса. Таким образом, цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать взаимосвязь между показателем способности системы международных отношений стабилизироваться и индикатором кризисности в мировой экономике.

Исследование. Выявим, есть ли корреляция между числом миротворческих операций как показателем политической стабилизации международной системы и коэффициентом Шиллера как предиктором экономических кризисов, и определим аналитическую форму связи. В целях проверки гипотезы о зависимости между числом миротворческих миссий и значениями коэффициента Шиллера используем коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Для нахождения аналитического вида связи применим регрессионный анализ.

Представленная ниже таблица 1 содержит данные о числе инициированных на определённый год миротворческих операций ООН и годовых значениях коэффициента Шиллера за период 1947–2014 гг. Число миротворческих миссий принимается за факторный признак, а коэффициент Шиллера – за результативный признак. Сведения о числе миротворческих миссий взяты с сайта Our World in Data (Roser, Nagdy, 2022). Информация о ежегодных средних показателях коэффициента Шиллера была получена с сайта, содержащего исторические показатели индекса S&P 500 (Shiller, 2022).

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена

Число степеней свободы равно 66. При данном числе степеней свободы критическая точка двусторонней критической области распределения Стьюдента по уровню значимости равна:

Рисунок 1

График коэффициент Шиллера и числа миротворческих миссий ООН

⇒ , т.е. принимается альтернативная гипотеза. Зависимость является статистически значимой.

Вывод: зависимость имеется. Связь прямая. Сила связи – заметная.

Найдём уравнение регрессии:

Также следует отметить, что график коэффициент Шиллера и числа миротворческих миссий ООН показывает, что колебания значений коэффициента Шиллера следуют за колебаниями в числе операций ООН (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – График коэффициент Шиллера и числа миротворческих миссий ООН

Таким образом, миротворческие операции действительно нужно рассматривать в качестве факторной переменной, а изменения коэффициента Шиллера – в качестве результативной.

Интерпретация. Конфликты (как межгосударственные, так и внутригосударственные) ухудшают возможности для глобального бизнеса. Нарушение логистических путей, отсутствие безопасности, ухудшение институциональной среды и, как следствие, условий хозяйственной деятельности создаёт риски для множества транснациональных корпораций, наладивших свои бизнес-процессы. Миротворческие операции создают условия, которые способствуют увеличению коэффициента Шиллера. Улучшение международной политической ситуации, реализуемое путём миротворческого урегулирования, может содействовать развитию благоприятной экономической динамики, которая в свою очередь может быть бустером роста рыночной стоимости компаний S&P 500. Например, такая американская компания из списка S&P 500, как Caterpillar, являющаяся

поставщиком горнодобывающего оборудования, существенно выигрывает, если в раздираемых конфликтами странах, где добывающие корпорации осуществляют свою хозяйственную деятельность, операции по принуждению к миру обеспечивают стабилизацию ситуации.

Таким образом, миротворчество стабилизирует экономическую ситуацию в мире. Однако нивелирование кризисных тенденций посредством нормализации политической среды работает только тогда, когда возможно эффективное поддержание мира. Крупный конфликт, который в принципе не может разрешиться путём миротворчества, ведёт к дестабилизации мировой экономической системы. Если такая конфликтогенность растёт, то её эффективна экономику «погасить» нельзя.

На фоне увеличения уровня глобальной конфликтогенности могут обостряться ряд экономических противоречий. Есть сигналы, свидетельствующие о довольно высокой вероятности наступления мирового экономического кризиса:

1. Будущая доходность компаний S&P 500 может быть низкой ввиду имевшегося до этого долгосрочного роста. Акции компаний переоценены, и фондовый рынок нагрет. Возможная резкая корректировка котировок на рынке акций.

2. Не до конца восстановившуюся мировую экономику ожидает рецессия, которая подогревается санкционной войной.

3. Следует отметить и такую структурную экономическую проблему в США, как преобладание спекулятивного капитала над реальным. Обострение данной экономической проблемы может оказать серьёзное воздействие на протекание негативных трендов в мировой экономике.

В работе была выявлена корреляция между числом миротворческих миссий и значениями коэффициента Шиллера, и была найдена аналитическая форма связи. Автор пришёл к выводу, что миротворческие миссии способствуют росту акций компании из списка S&P 500, и дал следующую интерпретацию найденной причинно-следственной связи:

1. Степень конфликтогенности напрямую влияет на вероятность кризиса в мировой экономике.

2. Миротворческие операции способствовали нивелированию кризисных тенденций посредством обеспечения политической стабильности на международном уровне.

3. Нивелирование кризисных трендов в экономике, вызванных политическими факторами, работает полноценно только в рамках миротворчества.

4. Влияние глобальных конфликтов на мировую экономику не может быть преодолено.

5. Нестабильность на международной арене на фоне негативных экономических перспектив может вызвать мировой экономический кризис в краткосрочной перспективе.

Список литературы

1. Anstey C. How a Global Recession Becomes 'Unavoidable' // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2022-03-23/what-s-happening-in-the-world-economy-mounting-recession-risks>.
2. Miguel E., Satyanath S., Sergenti E. Economic Shocks and Civil Conflict: An Instrumental Variables // Approach Journal of Political Economy, 2004. Vol. 112. No. 4. P. 725-753.
3. Roser M., Nagdy M. Peacekeeping. URL: <https://ourworldindata.org/peacekeeping>.
4. Ross M. L. What Do We Know about Natural Resources and Civil War? // Journal of Peace Research, 2004. Vol. 41. No. 3. P. 337-356.
5. Shiller PE Ratio by Year. URL: <https://www.multpl.com/shiller-pe/table/by-year>
6. Stewart F. Root Causes Of Violent Conflict In Developing Countries // BMJ: British Medical Journal, 2002. Vol. 324. No. 7333. P. 342-345.

Приложение

Таб. 1.

Год	Число санкционированных операций ООН по поддержанию мира	Среднегодовое значение коэффициента Шиллера
1947	0	11.47
1948	1	10.42
1949	2	10.25
1950	2	10.75
1951	2	11.90
1952	2	12.53
1953	2	13.01
1954	2	12.00
1955	2	15.99
1956	3	18.29
1957	3	16.72
1958	4	13.79
1959	3	17.98
1960	4	18.34
1961	4	18.47
1962	5	21.20
1963	6	19.26
1964	6	21.63
1965	6	23.27
1966	6	24.06
1967	4	20.43
1968	3	21.51

1969	3	21.19
1970	3	17.09
1971	3	16.46
1972	3	17.26
1973	4	18.71
1974	5	13.53
1975	5	8.92
1976	5	11.19
1977	5	11.44
1978	6	9.24
1979	6	9.26
1980	5	8.85
1981	5	9.26
1982	5	7.39
1983	5	8.76
1984	5	9.89
1985	5	10.00
1986	5	11.72
1987	5	14.92
1988	7	13.90
1989	10	15.09
1990	10	17.05
1991	14	15.61
1992	16	19.77
1993	19	20.32
1994	19	21.41
1995	20	20.22
1996	19	24.76
1997	20	28.33
1998	18	32.86
1999	20	40.57
2000	18	43.77
2001	15	36.98
2002	16	30.28
2003	14	22.90
2004	16	27.66
2005	17	26.59

2006	16	26.47
2007	17	27.21
2008	17	24.02
2009	16	15.17
2010	16	20.53
2011	16	22.98
2012	16	21.21
2013	15	21.90
2014	16	24.86

Таб. 2.

x	y	x ²	y ²	xy
11.47	0	131.5609	0	0
10.42	1	108.5764	1	10.42
10.25	2	105.0625	4	20.5
10.75	2	115.5625	4	21.5
11.9	2	141.61	4	23.8
12.53	2	157.0009	4	25.06
13.01	2	169.2601	4	26.02
12	2	144	4	24
15.99	2	255.6801	4	31.98
18.29	3	334.5241	9	54.87
16.72	3	279.5584	9	50.16
13.79	4	190.1641	16	55.16
17.98	3	323.2804	9	53.94
18.34	4	336.3556	16	73.36
18.47	4	341.1409	16	73.88
21.2	5	449.44	25	106
19.26	6	370.9476	36	115.56
21.63	6	467.8569	36	129.78
23.27	6	541.4929	36	139.62
24.06	6	578.8836	36	144.36
20.43	4	417.3849	16	81.72
21.51	3	462.6801	9	64.53
21.19	3	449.0161	9	63.57
17.09	3	292.0681	9	51.27
16.46	3	270.9316	9	49.38
17.26	3	297.9076	9	51.78
18.71	4	350.0641	16	74.84
13.53	5	183.0609	25	67.65
8.92	5	79.5664	25	44.6

11.19	5	125.2161	25	55.95
11.44	5	130.8736	25	57.2
9.24	6	85.3776	36	55.44
9.26	6	85.7476	36	55.56
8.85	5	78.3225	25	44.25
9.26	5	85.7476	25	46.3
7.39	5	54.6121	25	36.95
8.76	5	76.7376	25	43.8
9.89	5	97.8121	25	49.45
10	5	100	25	50
11.72	5	137.3584	25	58.6
14.92	5	222.6064	25	74.6
13.9	7	193.21	49	97.3
15.09	10	227.7081	100	150.9
17.05	10	290.7025	100	170.5
15.61	14	243.6721	196	218.54
19.77	16	390.8529	256	316.32
20.32	19	412.9024	361	386.08
21.41	19	458.3881	361	406.79
20.22	20	408.8484	400	404.4
24.76	19	613.0576	361	470.44
28.33	20	802.5889	400	566.6
32.86	18	1079.7796	324	591.48
40.57	20	1645.9249	400	811.4
43.77	18	1915.8129	324	787.86
36.98	15	1367.5204	225	554.7
30.28	16	916.8784	256	484.48
22.9	14	524.41	196	320.6
27.66	16	765.0756	256	442.56
26.59	17	707.0281	289	452.03
26.47	16	700.6609	256	423.52
27.21	17	740.3841	289	462.57
24.02	17	576.9604	289	408.34
15.17	16	230.1289	256	242.72
20.53	16	421.4809	256	328.48
22.98	16	528.0804	256	367.68
21.21	16	449.8641	256	339.36
21.9	15	479.61	225	328.5
24.86	16	618.0196	256	397.76
1260.77	593	27334.5995	7915	13289.32

Актуальные вопросы развития городов и регионов России в условиях экономических санкций. Воздействие экономических санкций на деятельность Москвы в рамках достижения ЦУР

Тормозова А.С.

АННОТАЦИЯ

В условиях меняющегося мира и развития урбанизации, современные города и, в частности, мегаполисы, сталкиваются с большим количеством вызовов. Тенденции роста урбанизации, миграция и высокая плотность населения, создают нагрузку на естественные ресурсы, транспортную систему, землепользование, индивидуальное потребление, качество воздуха и др. Именно по этой причине, путем изучения и применения инновационных решений, Правительство содействует инклюзивному росту для повышения уровня жизни, следуя достижению 17 Целей устойчивого развития (ЦУР). По мнению автора, устойчивость города – наиболее актуальная и важная задача. Усложнение логистических процессов, ограничение воздушного пространства, эмбарго, приостановка или полное изъятие инвестиций, прекращение партнерских отношений и другие санкционные меры оказали наибольшее воздействие, обязывая Правительство города выработать новые меры поддержки граждан и возможные перспективы стабилизации уровня и скорости процесса достижения ЦУР.

Основная цель работы – анализ воздействия экономических санкций 2022 года на деятельность города Москвы в контексте достижения Целей устойчивого развития ООН. В статье приводится ряд примеров направлений деятельности столицы, на которые было оказано большее влияние. В работе также рассмотрены возможные варианты развития событий и уже реализующаяся политика по достижению ключевых ЦУР в условиях дестабилизации внешнеэкономических отношений.

RESUME

In the context of a changing world and the development of urbanization, modern cities and, in particular, megacities, face a large number of challenges. Urbanization growth trends, migration and high population density put pressure on natural resources, transport system, land use, individual consumption, air quality, etc. It is for this reason that, through the study and application of innovative solutions, the Government promotes inclusive growth to improve living standards, in line with the achievement of the 17 Sustainable Development Goals (SDGs). According to the author, the sustainability of the city is the most relevant and important task. Complicated logistics processes, airspace restrictions, embargoes, suspension or complete withdrawal of investments, termination of partnerships and other sanctions measures had the greatest impact, obliging the City Government to develop new measures to support citizens and possible prospects for stabilizing the level and speed of the process of achieving the SDGs.

The main goal of the work is to analyze the impact of the economic sanctions of 2022 on the activities of the city of Moscow in the context of achieving the UN Sustainable Development Goals. The article provides a number of examples of areas of activity of the capital, which were more influenced. The paper also considers possible scenarios for the development of events and the already implemented policy to achieve key SDGs in the context of destabilization of foreign economic relations.

Ключевые слова: экономические санкции, торговое эмбарго, развитие города, ЦУР, устойчивость, умный город, Москва

Keywords: economic sanctions, trade embargo, city development, SDGs, sustainability, smart city, Moscow

Тормозова Анда Сергеевна, студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, aidaavak@mail.ru

Aida S. Tormozova, student of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, aidaavak@mail.ru

Краткий обзор исследований

Теме экономических санкций в контексте их роли и воздействия на развитие регионов и городов и достижение ими ЦУР, посвящен ряд исследований. К числу зарубежных авторов, которым принадлежит изучение данных вопросов, относятся Lim Sojin, Seyfi Siamak, Collin Michael Hall, Li Fangxuan, Guojie Zhang.

Среди работ отечественных авторов, стоит прежде всего выделить статьи А.Г. Сахарова, О.И. Колмар, М.К. Черняков, А.В. Пахолук, Н.А. Афанасьева и другие.

Несмотря на то, что на сегодняшний день конкретных работ, посвященных влиянию санкций 2022 года на деятельность Москвы в контексте достижения ЦУР нет, что придает данной статье новизну и актуальность, есть другие труды, авторы которых стремились раскрыть эту тему на примере других стран, регионов и городов в рамках стационарных режимов прошлых лет. К примеру, Lim Sojin в своей работе основное внимание уделяет механизму подотчетности процесса реализации ЦУР и анализу того, как Северная Корея, ее города и регионы участвовали в нем в условиях санкций (Lim, 2022). А Seyfi Siamak и Collin Michael Hall исследуют использование санкций в качестве инструмента внешней политики, учитывая влияние санкций на миротворческий потенциал туризма и их связи с ЦУР (Seyfi, Hall, 2022). В работе сказано, что введение подобных санкций международными государственными субъектами в качестве средства установления мира парализует иранскую индустрию туризма и оказывают негативные последствия на процесс достижения ЦУР. М.К.Черняков посвящает свою работу исследованию инвестиционной привлекательности города Новосибирска в условиях экономических санкций, учитывая ЦУР в рамках рисков и угроз бедности, демографического кризиса, угрозы углубления социального неравенства и прочего (Черняков, Чернякова, 2016). А.В. Пахолук, в частности, рассматривает аспекты социально-экономического развития города Сочи и влияние на него режима политических и экономических санкций (Пахолук, Иконников, 2016).

Экономические санкции 2022 года и сущность ЦУР

Как известно, ключевой целью, созданной в 1945 году межправительственной Организации Объединенных Наций (ООН), является поддержание международного мира и безопасности, развитие дружественных отношений между народами, достижение международного сотрудничества, а также централизованное согласование действий народов. В связи с этим, в условиях меняющегося мира на конференции по устойчивому развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 2012 году, было решено создать набор глобальных целей, связанных с экологическими, политическими

Рисунок 1

Цели в области устойчивого развития ООН (16, 2022)

1 ликвидация нищеты	2 ликвидация голода	3 хорошее здоровье и благополучие	4 качественное образование	5 гендерное равенство	6 чистая вода и санитария
7 недорогостоящая и чистая энергия	8 достойная работа и экономический рост	9 индустриализация, инновации и инфраструктура	10 уменьшение неравенства	11 устойчивые города и населённые пункты	12 ответственное потребление и производство
13 борьба с изменением климата	14 сохранение морских систем	15 сохранение экосистем суши	16 мир, правосудие и эффективные институты	17 партнёрство в интересах устойчивого развития	

и экономическими проблемами, с которыми сталкивается человечество. Таким образом, в 2015 году ООН путем голосования выбрала 17 целей, универсально применимых для преобразования мира, и определила срок их достижения за период 2015-2030 гг., заменив тем самым 8 целей развития тысячелетия. Сегодня Цели устойчивого развития (ЦУР) — это обязательство, направленное на решение актуальных глобальных проблем и достижения модели всеобщего процветания.

ЦУР представляют собой набор из 17 взаимосвязанных глобальных целей, призванных стать «схемой достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех. Они включены в резолюцию ГА ООН, которая называется «Повестка дня на период до 2030 года». В 17 ЦУР входят: 1: Ликвидация нищеты 2: Ликвидация голода 3: Хорошее здоровье и благополучие 4: Качественное образование 5: Гендерное равенство 6: Чистая вода и санитария 7: Недорогостоящая и чистая энергия 8: Достойная работа и экономический рост 9: Индустриализация, инновации и инфраструктура 10: Уменьшение неравенства 11: Устойчивые города и населенные пункты 12: Ответственное потребление и производство 13: Борьба с изменением климата 14: Сохранение морских экосистем 15: Сохранение экосистем суши 16: Мир, правосудие и эффективные институты 17: Партнерство в интересах устойчивого развития. Наличие ограниченных по времени универсальных целей приводит к мобилизации и укреплению сотрудничества международного сообщества для последующего обмена передовым опытом и ресурсами. В данном случае требуется инновационный подход к формированию городского порядка, включающий новые инструменты, возможности и эффективные решения. Инновационная деятельность является одним из ключевых факторов развития социального общества крупных

городов, а сами инновации представляют собой наиболее эффективные инструменты решения ежедневных задач городов в быстро меняющихся условиях.

Обострившаяся ситуация в Украине в феврале 2022 г. сподвигла глав Луганской и Донецкой народных республик обратиться к Президенту Российской Федерации В. Путину с просьбой о признании независимости и подписания соглашения о дружбе и взаимопомощи. Специальная военная операция, целью которой, по словам В. Путина, является «...защита людей от киевского режима...», началась 24 февраля, когда российские войска вошли на территорию Украины. В последующем против России массово был введен ряд санкций со стороны других государств, выступающих против проведения спец. операции. Если до 22 февраля у России было более двух тыс. санкций, то на сегодняшний день – более восьми тыс. В связи с этим, Россия заняла лидирующую позицию в «рейтинге» стран с наибольшим количеством санкций, обогнав даже Иран, Сирию и Северную Корею (4, 2022). Наибольшее число ограничений было введено Великобританией, Швейцарией, США, ЕС, Канадой, а также Австралией. По секторам санкций ограничения были введены на импорт энергоносителей, ввоз и вывоз металлов, ввоз и вывоз предметов роскоши, экспорт технологий, доступ к фондам МВФ и Всемирного банка, суверенный долг, корреспондентские счета российских банков и их доступ к SWIFT (Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи), а также был аннулирован режим наибольшего благоприятствования, по которому Россия номинально получала равные торговые преимущества (низкие тарифы или высокие импортные квоты) со стороны страны, предоставляющей такой режим.

В связи с этим, санкционный режим не мог не отразиться на регионах и городах России, и, в частности, на столице, Москве. Городские власти вынуждены разрабатывать новую эффективную политику, программы и услуги для удовлетворения социально-культурных, экономических, технологических, экологических и прочих потребностей в условиях быстро меняющегося мира. По словам Мэра Москвы, Сергея Собянина, за десять лет численность населения столицы выросла на 1,5 млн и приблизилась к 13 млн человек (РБК). Глава города также высказывает мнение о том, что «...подобный прирост населения предполагает новые вызовы в плане развития инфраструктуры, строительства новых детских садов, школ, больниц, поликлиник и транспорта...» (15, 2018). Правительство содействует инклюзивному росту для повышения уровня жизни, следуя ЦУР, тем самым ликвидируя нищету и голод, а также обеспечивая благополучие, качественное образование, равенство, экономический рост, международное партнерство в интересах общества и др. Реализация новых задач, связанных с увеличением числа жителей, имеет особое значение и усиливает важность достижения ЦУР. Модель устойчивого развития обеспечивает экономический рост, а также управление развитием окружающей среды и инфраструктуры.

Влияние экономических санкций на деятельность Москвы в рамках достижения ЦУР

На сегодняшний день, в условиях санкций 2022 года, экономические, демографические, социальные и экологические задачи и проблемы, решаемые с

помощью концепции умных городов, требуют новых подходов со стороны институтов и органов власти. Современная экосистема нуждается в гибкости, однако в условиях санкций возможность удовлетворения потребностей общества, повышения производительности и конкурентоспособности сужается, в связи с огромными изменениями, происходящими во внешней торговле. Сокращение экспорта и импорта, а также изменение их структуры приводят к изменению поступающего бюджета, инвестиций, и в данном случае, к дефициту необходимых технологий, которые применяются в инновационной деятельности столицы для развития города и достижения ЦУР.

Принципы устойчивого развития в Москве легли в основу программных документов: Инвестиционная стратегия 2025 (3, 2016); Стратегия умного города 2030; Генеральный план Москвы 2035 (1, 2017). На сегодняшний день в столице реализуются проекты «Стратегии социально-экономического развития города Москвы на период до 2025 года» (12, 2007), «Территориальный подход к целям ЦУР» (13, 2022) запущенный ОЭСР для 11 пилотных городов, и другие. Далее следует обратиться к наиболее масштабным проектам и программам, направленным на достижение ЦУР, которые реализуются в городе.

В первую очередь, следует отметить, что Правительство Москвы стремится ликвидировать нищету (ЦУР 1), голод (ЦУР 2), обеспечив население города качественным образованием (ЦУР 4), с учетом гендерного равенства (ЦУР 5), и достойной работой с возможностью экономического роста (ЦУР 8). Однако, сегодня, в условиях санкционного режима, одним из наиболее проблематичных аспектов является уход иностранных крупных предприятий, а также транснациональных компаний, что напрямую связано с увеличением числа безработных и созданием ряда рисков для более чем 200 тыс. сотрудников (8, 2022), при том, что «перемещение» граждан с одних рабочих мест на другие может быть трудоемким и занять длительный промежуток времени. В связи с этим, в рамках поддержки, решением города стало выделение средств из бюджета в размере 3,36 млрд руб. на поддержку работников, находящихся в ситуации дестабилизации. Следует отметить и то, что из столицы наблюдается отток представителей креативных индустрий и ИТ в страны СНГ. Однако, примечателен тот факт, что в Москве реализуются субсидии и льготы, направленные на ИТ-сектор, к примеру, ставка по налогу на прибыль равна 0%, предоставляются гранты до 300 млн руб., компенсируется покупка оборудования до 50% и др. (8, 2022).

При прочих равных, также стоит учитывать и тот факт, что уход с рынка одних компаний, создает поле для появления и развития других. Условно говоря, «красный океан» снова переходит в «голубой» (Blue Ocean Strategy, Harvard Business Review Russia). На сегодняшний день Правительство Москвы обеспечивает крупные предприятия и МСП необходимой финансовой поддержкой, а также способствует созданию новых сетей. Основными направлениями деятельности являются: сохранение рабочих мест, импортозамещение, соц. поддержка и др. В связи с чем столичным бизнесменам будут предоставлены специальные программы субсидирования льготных ставок по кредитам, при условии сохранения рабочих мест, на что было выделено 7 млрд руб. из городского бюджета. Говоря об импортозамещении, следует указать на то, что, к

примеру, на льготное кредитование проектов по созданию отечественных сетей быстрого питания было выделено 500 млн руб.

За последний год (2020-2021) внешнеторговый оборот Москвы увеличился на 40,5 % – составил 334,6 млрд долл., товарный импорт увеличился на 25,3 %, а экспорт – на 52 % – все это демонстрирует позитивную динамику развития внутренней и внешней экономики столицы. Однако, в современных условиях санкционного режима, данный процесс приостанавливается на неопределённый срок, в связи с тем, что власти стран мира запрещают ведение бизнеса с РФ, а их представители массово расторгают контракты с российскими учреждениями. Помимо прочего, трудности возникают в сфере логистики: так в отношении России были введены запреты на полеты в воздушном пространстве стран Европы, Северной Америки и др., а также ограничены проливы для российских судов и т.д. – все это негативным образом влияет на экономическую составляющую города Москвы, последующее развитие и, следовательно, достижение ЦУР.

Как известно, наиболее распространенным типом экономических санкций является эмбарго, то есть запрет на экспорт и импорт. К примеру, ограничения на поставку высоких технологий, машин, специального оборудования, строительных материалов и прочего оказывают негативное влияние на достижение ЦУР напрямую. Очевидное воздействие оказано на ЦУР 1,3,8 и 9, к которым относятся следующие проекты:

1. Трансформация промышленных территорий и, в частности, проект «Индустриальные кварталы»;

2. Строительство современного жилья на смену выводимому из эксплуатации по Программе реновации, которые позволят внедрить качественную инфраструктуру в городскую среду, обеспечив москвичей разноплановыми социально и культурно-развлекательными объектами, и новыми рабочими местами. Модернизация проводится в целях соответствия высоким экологическим стандартам.

3. Реконструкция стадионов «Лужники» и «Динамо» (2, 2018; 5, 2016), строительство стадионов «Спартак» и «ЦСКА» (ЦУР 3);

4. Строительство спортивного кластера «Прокшино» (Комплекс градостроительной политики города Москвы), начало которому положено в 2021 году (6, 2021);

5. Создание и обеспечение функционирования особой экономической зоны (ОЭЗ) «Технополис «Москва» (14, 2022) (ЦУР 8,9);

6. Редевелопмент территорий: проекты по созданию мест приложения труда (МПАТ) (7, 2020) на территории города (ЦУР 8,9). Очевидно, что перечисленные проекты и программы требуют импортных строительных материалов, специальной техники, элементов оборудования и др., к чему, к сожалению, на данный момент ограничили доступ санкционные меры, а доступные ресурсы сильно выросли к цене.

По проекту «Энергия Москвы», замена автобусного парка на электробусы и развитие инфраструктуры автомобилей (ЦУР 7) согласована с КамАЗ (18, 2022), крупнейшей автомобильной корпорацией РФ, так как именно она занимается поставкой зеленого транспорта в автопарк столицы. Однако, сегодня ключевой проблемой является то, что компания столкнулась с дефицитом импортных

запчастей, поэтому в ближайшем будущем она планирует перейти на полное импортозамещение, что займет определенное время, и скорее всего, повлияет на план проекта, сдвинув ряд дедлайнов и продлив срок достижения ЦУР (11, 2022).

Следует также упомянуть об отразившихся на финансовой части изменениях, которые связаны с продажей российских активов фондами. В частности, фонды ESG, которым поручено минимизировать инвестиционные риски, связанные с экологическими, социальными и управленческими вопросами, сталкиваются с ключевой дилеммой сегодняшнего дня и со значительными препятствиями при поиске покупателей для российских активов, поскольку санкции теперь распространяются на традиционно нейтральные страны. Стоит подчеркнуть, что на Москву приходится половина накопленных иностранных инвестиций РФ, при этом, накопленный объем поступающих инвестиций постоянно увеличивается (+7% за первую половину 2021 года). Большая часть инвестиций ранее приходила из таких стран как США, Франция, Италия, Германия, Сингапур, Китай и др. В нынешних условиях организации данных стран пытаются найти способ сократить инвестиции в российские операции (ранее исследование, проведенное Bloomberg, подтвердило прямые инвестиции 300 фондов в Россию в размере 8,3 млрд долл.) или же, изъять их полностью. Приостановка или изъятие инвестиций влияет на сокращение скорости достижения ЦУР 8 и других связанных целей, так как основная деятельность города напрямую зависит от финансовых ресурсов.

Определенно, санкционные меры, введенные рядом стран мира, оказали очевидное влияние на достижение ЦУР Москвой, однако, следует отметить, что в условиях сегодняшнего дня, перед столицей все еще открыто сотрудничество со странами Латинской Америки и рядом стран Азии, что позволяет определить возможные перспективы развития дальнейших отношений в контексте сотрудничества в рамках достижения ЦУР (ЦУР 17 и другие). Помимо этого, в рамках специальной программы импортозамещения, которая реализуется в России с 2014 года, после введения взаимных санкций странами Запада, Москва также способствует развитию отечественного производства товаров и услуг, что способствует последующему достижению ЦУР.

В связи с санкционным режимом, город также начал «терять свой имидж» для части международного сообщества и опускаться в рейтингах или же совсем исключаться из них. Изменение позиций напрямую влияет на столицу, снижая ее привлекательность для иностранных граждан, и тем самым экономическую конкурентоспособность среди других городов мира (ЦУР 8, ЦУР 17 и др.). Однако, очевидно, что результатом этого являются необоснованные оценки, связанные исключительно с политической ситуацией на международной арене и не имеющие прямого отношения к достижениям или проблемам города в тех или иных сферах деятельности. Обратимся к Nomad List, рейтингу, оценивающему качество жизни экспатов и привлекательность для переезда более 1,3 тыс. городов мира. Исследования агентства использовались в крупных мировых СМИ: BBC, The New York Times, CNN, Forbes, The Next Web, Wired и др. За последний год сайт посетили более миллиона пользователей, а с момента запуска в 2014 году списком воспользовались более миллиарда раз. Рейтинг оценивает города по 31 индикатору, каждому из которых присваивается оценка «Плохо» / «Нормально»

/ «Хорошо» / «Отлично» на основе данных, предоставленных сайтами-партнерами и общедоступных данных ООН, ВОЗ, МВФ, Всемирного банка. В конце 2021 г. Москва занимала 25 место в рейтинге, постоянно поднимаясь с начала осени и дойдя до данной позиции в ноябре, что говорит о положительной динамике. Лидерами на тот момент являлись Лиссабон, Кейптаун, Мадейра, Порту, Эрисейра – на сегодняшний день данные города продолжают занимать лидирующие позиции и входят в топ-10, чего нельзя сказать о столице России. За несколько месяцев, будучи одним из лучших городов мира для проживания, Москва спустилась с 25 места на 1330 с оценкой 0,55 из 5 (март 2022). Наихудшими оценками представлены такие показатели как уровень безопасности и преступности, мир и отсутствие политических конфликтов, а также свобода слова и самовыражения. Мифы легко развеять статистическими данными, которые говорят о том, что город в целом становится безопаснее, и число преступлений уменьшилось на 2,1%, уличная преступность сократилась почти на 4%, а москвичи стали на 2,8% реже нарушать ПДД в сравнении с предыдущим годом (10, 2022). Свобода слова и самовыражения в Москве регулируются законодательством (Статья 29 Конституции РФ). Низкие показатели именно по данным индикаторам демонстрируют их взаимосвязь с политической обстановкой. Изменение позиций в рейтингах частично влияет на международный имидж и, следовательно, оказывает негативное влияние на достижение ЦУР, в частях, касающихся сотрудничества, обеспечения равенства, труда и экономического развития.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что Повестка в области устойчивого развития, определенная в 2015 году ООН, на период до 2030 года представляет собой один из ключевых планов достижения благосостояния населения Москвы, в рамках которого реализуются проекты и программы, позволяющие «построить город вокруг людей». Однако, начале 2022 года рядом стран мира были введены экономические санкции, которые оказали негативное влияние на деятельность города в контексте достижения 17 ЦУР, применимых для преобразования мира.

Одним из наиболее проблематичных вызовов для Москвы является уход иностранных крупных предприятий и ТНК, которые создают пробел в экономике и повышают уровень безработицы (риск для более чем 200 тыс. сотрудников), что, в свою очередь, требует выделение дополнительного бюджета на поддержку сотрудников. Не менее важной проблемой стал отток представителей креативных индустрий и ИТ. Однако, стоит отметить, что уход иностранных компаний с рынка открывает возможность для создания отечественного бизнеса в условиях низкой конкуренции. Не менее важной проблемой для развития города является замедление внешнеторгового оборота столицы из-за запрета ведения бизнеса с РФ, усложнения логистических поставок, блокировки возможности транзакций и прочих санкционных мер. Негативное влияние на деятельность в контексте достижения ЦУР оказывает и эмбарго, сущность которого заключается в ограничении поставок высоких технологий, строительных материалов, запчастей и др., используемых при

строительстве/реконструкции экологически чистых зданий (к примеру, стадионов города), сборе электробусов и развитии/внедрении других инноваций в столице. Приостановка, сокращение инвестиций и продажа российских активов фондами ESG негативно воздействует на скорость достижения ЦУР. Помимо прочего, город также частично теряет свой имидж для международного сообщества, так как опускается в рейтингах или полностью исключается из них.

Торговые эмбарго, возникновение трудностей, касающихся вопросов логистики, приостановка сотрудничества и инвестирования в город и другие санкционные меры, принятые рядом представителей международного сообщества, непосредственно влияют на план и замедляют скорость достижения ЦУР, так как воздействуют на каждую цель и ее составляющие, а также на общий уровень развития города. Определенно, санкционные меры, введенные некоторыми странами мира, оказали очевидное влияние на достижение ЦУР Москвой, однако, следует отметить, что в условиях сегодняшнего дня, перед столицей все еще открыто сотрудничество со странами Латинской Америки и рядом стран Азии, что позволяет определить возможные перспективы развития дальнейших отношений в контексте сотрудничества в рамках достижения ЦУР (ЦУР 17 и другие).

Ключевые рекомендации, которым стоит придерживаться Правительству города для своевременного достижения ЦУР, а именно, до 2030 года, включают в себя определение новых возможностей сотрудничества с дружественными странами. К примеру, подписание соглашений на поставку недостающих товаров и услуг, организация многосторонней совместной научной работы, создание совместных технологических кластеров для развития программы импортозамещения, создание общих проектов и программ, направленных на достижение ЦУР и прочее.

Список литературы

1. Генеральный план города Москвы до 2030 года. URL: https://genplanmos.ru/project/generalnyy_plan_moskvy_do_2035_goda/.
2. Динамо/Комплекс градостроительной политики города Москвы. URL: <https://stroimsk.ru/stadionymoskvy/>.
3. Инвестиционная стратегия Москвы. URL: <https://investmoscow.ru/about-moscow/moscow-investment-strategy>.
4. Карта санкционных ограничений – Castellum.ai. // Russia sanctions dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>.
5. Лужники // Комплекс градостроительной политики города Москвы. URL: <https://stroimsk.ru/stadionymoskvy/stadium-luzhniki/rekonstrukciya-stadiona-luzhniki-1>.
6. Мегaproекты Новой Москвы // Прокшино. URL: <https://stroimsk.ru/new-moscow/mieghaproiektynovoi-moskvy>.
7. Места приложения труда // Экономика Москвы. URL: <https://economy.mos.ru/projects/mestaprilozheniya-truda>.
8. Портал Мэра Москвы. URL: <https://www.sobyanin.ru/>.
9. Пахолук А. В., Иконников Д. А. Общая характеристика социально-экономического развития и влияние экономических санкций на город-курорт Сочи // Муниципальная академия. 2016. № 1. С. 71-75.
10. Преступность в Москве // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%D0%B2_%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B5.
11. Проект «Энергия Москвы» // Сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/electro/>.

12. Стратегия социально-экономического развития города Москвы. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3674212>.
13. Территориальный подход в достижении ЦУР // Инвестиционный портал города Москвы. URL: <https://investmoscow.ru/about-moscow/cur/main>.
14. Технополис Москва. Территория особой экономической зоны. URL: <https://technomoscow.ru/>.
15. Умный город 2030 // Сайт Мэра Москвы. URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf.
16. Цели в области устойчивого развития (ЦУР) // ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.
17. Черняков М. К., Чернякова М. М. Стратегия сохранения инвестиционной привлекательности города в условиях санкций // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2016. №. 4 (97). С. 66-71.
18. Электробусы для Москвы // КАМАЗ. URL: https://kamaz.ru/press/releases/tysyachnyy_elektrobus_dlya_moskvy/.
19. Li F. S., Zhang G. Border resident perceptions of sanctions and tourism: A case study of North Korea // Tourism Management Perspectives. 2021. Т. 38. С. 100821.
20. Lim S. The Paradox of Unsustainability in UN Sustainable Development Goals (SDGs): The North Korean Case in the Context of Accountability and the Fragile Nomad List. URL: <https://nomadlist.com/>.
21. Seyfi S., Hall C. M., Vo-Thanh T. Tourism, peace and sustainability in sanctions-ridden destinations // Journal of Sustainable Tourism. 2022. Т. 30. №. 2-3. С. 372-391.

Правовые подходы к понятиям дружественности и добрососедства в международном и национальном аспектах

Тюлякова С.А.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются юридические трактовки понятий «дружественность» и «добрососедство» на основе международных и национальных нормативно-правовых актов, межгосударственных соглашений. Применение термина «добрососедство» универсально – оно применяется как в международных актах, межгосударственных соглашениях, так и в национальном законодательстве. Термин «дружественность» мало употребим в официальных юридических документах. На данный момент тема определения данных терминов актуальна в силу их многозначности и абстрактности. В период, когда происходят значительные изменения в международном публичном праве, юридическое закрепление трактовок данных понятий способно актуализировать их применение.

RESUME

This article discusses the legal interpretations of the concepts of «friendliness» and «good neighborliness» on the basis of international and national legal acts, interstate agreements. The use of the term «good neighborliness» is universal – it is used both in international acts, interstate agreements, and in national legislation. The term «friendliness» is rarely used in official legal documents. At the moment, the topic of defining these terms is relevant due to their ambiguity and abstractness. At a time when there are significant changes in international public law, the legal consolidation of interpretations of these concepts can update their application.

Ключевые слова: дружественность, добрососедство, международное право, юридическое закрепление

Key words: friendliness, good neighborliness, international law, legal consolidation

Тюлякова Софья Андреевна, исследователь Национального исследовательского института развития коммуникаций (НИИРК), обучающаяся Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), ORCID ID: 0000-0002-0338-798X, SPIN-код: 7176-1716, Москва, Россия, sofya.tyulyakova@yandex.ru

Sofya A. Tyulyakova, Researcher of the National Research Institute for the Development of Communications, student of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University (MSLU), ORCID ID: 0000-0002-0338-798X, SPIN-code: 7176-1716, Moscow, Russia, sofya.tyulyakova@yandex.ru

«Дружественность» и «добрососедство» – относительно новые понятия для обозначения внешнеполитического курса государства, относящиеся к фундаментальным основам современных международных отношений, однако их применение встречается всё чаще в международных и национальных нормативно-правовых актах, межгосударственных соглашениях.

Добрососедство

Понятие «добрососедство» получило широкое правовое распространение на всех уровнях законодательства. Регламентации и толкования принципа добрососедства в юридических документах нет, поэтому оно стало предметом интереса для многих учёных.

Прежде всего, данное понятие закреплено в ст. 74 Устава ООН (Устав, 1945), где говорится, что страны-члены организации соглашаются вести свою политику, «основываясь на общем принципе добрососедства». Согласно данному принципу, государства обязываются «пытаться согласовать свои интересы с интересами соседних государств» (12, 1973).

Попытки конкретизировать и унифицировать понятие не были успешны. Первая попытка дать юридическое определение этому вопросу было сделано на Бандунгской конференции, которая состоялась в апреле 1955 г. в Индонезии. Позже, в 1980-х годах, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (Генеральная Ассамблея ООН) приняла множество резолюций о развитии и укреплении добрососедства, ни одна из которых, однако, не содержала общепринятого правового определения. В 1984 г. австрийский правовед Альфред Фердросс отмечал, что «добрососедство» – это «постепенно формирующийся принцип, который теперь торжественно привязан к Преамбуле Устава» ООН (Verdross, 1964) (имеется в виду фраза: «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи»).

Дополнительно в документах ООН понятие встречается лишь однажды. В Резолюции N 56/18 обозначается необходимость «укрепления добрососедства» между государствами Юго-Восточной Европы. В контексте сложной геополитической обстановки на Балканах на момент принятия Резолюции, важным представляется упоминание данного концепта для урегулирования конфликтной обстановки.

Часто понятие «добрососедство» встречается в международном экологическом праве. Исследователи по-разному толкуют этот термин в контексте защиты окружающей среды:

- принцип добрососедства отождествляется с принципом непричинения значительного ущерба (сущность добрососедства заключается в обязанности государства обеспечить, чтобы деятельность под его юрисдикцией и контролем не причиняла ущерб окружающей среде другого государства или территориям за пределами национальных юрисдикций (Kulesza, 2016);
- принцип добрососедства отождествляется с принципом сотрудничества (Nanda, Pring, 2013);
- принцип добрососедства является самостоятельным материальным принципом, который не следует сводить к иным нормам международного экологического права (государство должно использовать природные ресурсы так, чтобы иные государства могли осуществлять свои права

равным образом или, по меньшей мере, получать разумную и справедливую долю таких ресурсов (Viikari, 2008).

На уровне права Европейского союза термин не получил широкого распространения, однако п.1 ст. 8 Договора о Европейском союзе устанавливает обязанность Союза 1. Союз развивает с соседними ему странами привилегированные отношения в целях создания пространства процветания и добрососедства, которое основано на ценностях Союза и характеризуется тесными и мирными отношениями, базирующимися на сотрудничестве. П.2 данной статьи предлагает достижение этой цели путем заключения «конкретных соглашений с заинтересованными странами», возможно, на основе взаимности прав и обязанностей и/или совместные мероприятия. Например, в стратегическом документе говорится о развитии добрососедских отношений (to develop good neighbourly relations). Видно, что само изначальное понятие «добрососедские отношения» подчинено другому слову, определенному через необходимость их развития, что нивелирует контекстуальную значимость понятия.

Межгосударственные договоры часто основываются на принципе дружественности и добрососедства. Ст. 1 Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС провозглашает, что «Договаривающиеся Стороны развивают долгосрочные отношения добрососедства» (3, 2007).

Особенным примером в ряде межгосударственных соглашений, отсылающих к принципу добрососедства, является Соглашение между Правительством Киргизской Республики и Правительством Республики Таджикистан о взаимном отводе земельных участков 2005 г. Государства, «действуя в духе добрососедства», договорились о конкретных мерах для строительства электростанции и автомобильной дороги для обеспечения интересов граждан обоих государств (Соглашение, 2005). Данный пример демонстрирует конкретизацию принципа добрососедства во взаимовыгодных партнёрских решениях, направленных на улучшение инфраструктуры граждан и укрепление взаимоотношений, т.е. добрососедство здесь подразумевает вполне реальный, конкретный, практический характер сотрудничества.

Российская Федерация употребляет термин «добрососедства» более, чем в десятке межгосударственных соглашений: с Казахстаном, ЛНР, Беларусью, Грузией, Туркменистаном, КНР, КНДР и др. Добрососедство в настоящее время является не только и не столько географической ситуацией, сколько договорной формой сотрудничества и не должно интерпретироваться однозначно географически. Примечательно, что принцип добрососедства упоминается в договорах с теми странами, с кем РФ соседями в прямом смысле не является (Договор РФ с Колумбией – 1994 г., с Канадой – 1992 г. и др.).

Частое употребление термин «добрососедство» находит в национальном законодательстве. В РФ термин носит концептуальный характер, в частности провозглашается «формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устранению имеющихся очагов напряженности и конфликтов на их территориях и предотвращению возникновения таких

очагов и конфликтов» (Указ, 2016), т.е. в силу геополитического положения страны добрососедство рассматривается как инструмент разрешения межтерриториальных и межэтнических конфликтов.

Федеральный закон N179 «Об основах приграничного сотрудничества» (Федеральный закон, 2017) среди задач приграничного сотрудничества выделяет «создание обстановки доверия, взаимопонимания и добрососедства» (ч. 4 п.2 ст. 5). Важно отметить, что не стоит перемежать гражданско-правовой (в частности, с опорой на Жилищный кодекс РФ) и международно-правовой принципы добрососедства.

По Степному уложению Республики Калмыкии (6, 1994), субъект «привержен принципам мира и добрососедства, его территория не может быть использована для угроз и применения силы в отношении соседей, вмешательства в их дела» (ст. 6 Степного уложения Калмыкии), т.е. Калмыкия выступает «буферной зоной» и обладает нейтралитетом.

Основываясь на опыте применения термина, «добрососедство» воспринимается как совокупность. Очевидно, данная концепция является потенциальным источником обязательств для сторон.

Добрососедство как существующая в соответствии с главными принципами международного права форма (тип) отношений между государствами, как правило, не получает специального институционального оформления, пока нет примеров секретариатов по реализации таких отношений либо председательства в кругу «добрых соседей». В этом отношении добрососедство — организационно слабая субстанция с довольно размытым смыслом, поэтому необходимо работать над преданием единого смысла и расширением его употребления.

Очевидно, что понятие «добрососедство» располагается в многомерном пространстве, определяемом и географическими координатами, и принципами, и целями, и

формами международных отношений, и т.д. Иногда добрососедство, точнее «развитие добрососедства», присутствует в перечне европейских ценностей, таких как верховенство закона, соблюдение прав человека и национальных меньшинств и т.д. (см., например, раздел «Введение ...» к стратегии Европейской программы соседства).

Исходя из анализа международных и национальных правовых актов, а также работ учёных-правоведов в качестве мер по реализации принципа добрососедства предлагается заложить следующие критерии во всех аспектах межгосударственного сотрудничества:

- поддержание мирных и гармоничных межгосударственных отношений и сотрудничать мирным путем (аспект взаимовыгодного сотрудничества)
- невмешательство во внутренние дела (аспект уважения суверенитета и основ государственности стран-партнёров)

Здесь важно обратиться к истории вопроса. Понятие добрососедства было введено Рузвельтом в прошлом веке в контексте политики США в отношении Латинской Америки. Важной стороной инициативы Рузвельта было то, что «политика доброго соседа» повышала суверенность независимых государств американского и

других континентов. Значимым было и то, что теперь, по крайней мере теоретически, государственный суверенитет не ставился в зависимость от географического положения страны. До этого широко действовало иное геополитическое правило: чем ближе малая страна к сильному соседу, чем меньше у нее суверенитета. Принцип ограниченного суверенитета действовал и в отношении соседей СССР (так называемая доктрина Брежнева). После инициативы Рузвельта добрососедство как концептуальный принцип стало распространяться и на другие регионы мира, что означало большой прогресс в международных отношениях вообще.

- неиспользование силы и угрозы силой, в т. ч. реализация международно-правового принципа мирного сосуществования (аспект безопасности)
- мирное разрешение споров, в т. ч. реализация международно-правового принципа неприменения оружия (аспект применения диалоговой модели сотрудничества)

В контексте внешней политики РФ данный критерий представляется особенно важным, учитывая, что РФ выступает гарантом мира и стабильности в ряде регионов, участвует в стабилизации посткризисных ситуаций. Российская миротворческая миссия сильна и важна.

- уважение прав человека (аспект антропоцентрической парадигмы)

Итак, под добрососедством предлагается понимать совокупность конвенционных и обычных норм международного публичного права, имплементируемых в национальное законодательство, регулирующих отношения между соседними государствами в прилегающих частях их территории, призванных сохранять мир и совместно обеспечивать безопасность, действовать в интересах народов в целях поддержания взаимовыгодных, продуктивных отношений для развития многоаспектного сотрудничества.

Дружественность

Термин «дружественность», как и термин «добрососедство» не имеет юридического толкования, но употребляется в международно-правовых актах. Более того, само слово «дружественность» не употребляется, а заменяется сочетанием слов «дружественные отношения».

Декларация ООН закрепляет реализацию принципа «дружественных отношений» как одну из основных целей Организации (Декларация, 1970). В этом же документе упомянуто, что существуют принципы международного права, касающиеся «дружественных отношений», но их перечень не приводится, что даёт почву для широкой трактовки понятия.

В российской правоприменительной практике термин используется в негативной коннотации – им обозначаются «недружественные страны» (Распоряжение, 2022). Недружественность представляет собой ряд факторов её формирующих, в т. ч. секьюритизацию, предпринимаемые дестабилизирующие двустороннее сотрудничество действия, нарушение дипломатического и консульского права, очернение образа РФ и др.

Концептуальной и методологической разработкой данного понятия занимается Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК). В рамках оценки дружественности и специально разработанного рейтинга В. Гасумянов и В. Комлева предложили собственную систему оценки дружественности страновых коммуникационных режимов и предложили авторское понятие «дружественности».

Под дружественностью авторы понимают «благожелательные решения и действия стран в отношении друг друга на основе взаимного уважения, взаимных интересов и ценностей мирного сосуществования в многополярном мире» (Гасумянов, Комлева, 2021). Данное определение представляется исчерпывающим, что даёт возможность его широкого использования, в том числе и в юридической практике.

Выводы

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что отсутствие правового закрепления толкования приведённых понятий может быть связано с тем, что различные государства понимают под «добрососедством» решение различных стратегических задач, иногда кардинально разных, что не даёт им возможности договориться на международном уровне о единой трактовке.

Приведённые понятия широко используются в различных трактовках, в том числе для выражения воли актора (субъекта международного или национального права) о нейтралитете, выражения воли межгосударственного (международного) объединения о стабилизации ситуации, выражения принципа сотрудничества.

В эпоху тотального нивелирования международного права как базисного институционального гаранта равных и справедливых взаимоотношений между государствами, а также в период особой напряженности между ключевыми мировыми игроками появилась возможность придать особое значение терминами «дружественность» и «добрососедство», введя и юридически закрепив трактовку этих понятий в контексте позитивного и продуктивного развития внешней политики РФ.

РФ имеет возможность стать гарантом добрососедства и дружественности не только на приграничных территориях, но в силу абстрактности и широты понятия сразу в нескольких регионах, где выступает гарантом стабильности (Ближний Восток, Восточная Европа, Центральная Азия и др.).

Список литературы

1. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Дружественность страновых коммуникационных режимов: интерпретация и оценка // Международная жизнь. 2021. №8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2547>.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года).
3. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС (г. Бишкек, 16 августа 2007 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902086025>.

4. Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 года №430-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001>.
5. Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Таджикистан о взаимном отводе земельных участков (Душанбе, 18 мая 2005 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30308597.
6. Степное Уложение (Конституции) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/720705887>.
7. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. N 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>.
8. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.
9. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. N 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42132>.
10. Kulesza J. *Due Diligence in International Law*. Leiden; Boston : Brill, 2016. 332 p.
11. Nanda V., Pring G. R. *International environmental law and policy for the 21st century*. Leiden; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2013. 684 p.
12. «New Perspectives on International Environmental Law». *The Yale Law Journal*. 82 (8): 1664. July 1973.
13. Verdross A., *Völkerrecht*, Vienna 1964, p. 292-295, translated in: J.G. Lammers, *Pollution of International Watercourses*, The Hague 1984, p. 565.
14. Viikari L. *The Environmental Element in Space Law: Assessing the Present and Charting the Future*. Leiden; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2008. Vol. 3. 396 p.

Политико-правовые аспекты «хумусных войн»: хумус между нациями и цивилизациями

Успенских Т.А., Семенова А.А.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается один из самых ярких примеров современных кулинарных споров, получивший название «хумусные войны». Протекая в таком богатом культурами и насыщенном противоречиями регионе как Ближний Восток, а также затрагивая столь чувствительный вопрос арабо-израильских отношений, «хумусные войны» предоставляют обширную почву для исследования стоящих за кулинарными спорами причин, интересов и современных феноменов международной жизни таких, как, например, гастроционализм и гастродипломатия. Освещая вышесказанное с точки зрения международных отношений, данная статья также дает правовой анализ попытки использования в рамках хумусного спора юридических инструментов, в частности европейских наднациональных институтов, с точки зрения международного права и права интеллектуальной собственности, опираясь при этом на идею о том, что диалог цивилизаций носит многогранный характер и может быть реализован различными путями и субъектами. Помимо этого, взаимодействие европейских и ближневосточных стран в данном контексте рассматривается также в рамках средиземноморской политики Европейского Союза, в особенности ее культурной составляющей, распространяющейся на стран-участников хумусного спора и предлагающей свое видение принадлежности культурного наследия охватываемого пространства.

RESUME

The article examines one of the most striking examples of contemporary culinary disputes usually referred to as “hummus wars”. Occurring in a region as rich in culture and controversy as the Middle East and touching on the sensitive issue of Arab-Israel relations, the “hummus wars” provide ample ground for exploring the causes, interests, and various aspects of world politics, in particular gastronationalism and gastrodiploamacy, standing behind the food disputes. While covering the above from the perspective of international relations, this article also provides a legal analysis of the attempt to use legal instruments, particularly the ones offered by European supranational institutes, within the hummus dispute from the standpoint of international law and intellectual property law, drawing on the idea of the dialogue of civilization’s multifaceted nature and the possibility to undertake it by different means and actors. In addition, the interaction between European and Middle Eastern countries is also considered within the framework of the Euro-Mediterranean Partnership (EUROMED), especially with regard to its cultural component, which extends to the countries involved in the hummus dispute and offers its vision of the cultural heritage’s belonging of the embraced area.

Ключевые слова: хумус, Ближний Восток, международные отношения, кулинарные споры, культурное наследие, национальная идентичность, гастроционализм, гастродипломатия, экономические интересы, ЕС, право интеллектуальной собственности, НМПТ, Евро-средиземноморское партнерство

Key words: hummus, Middle East, international relations, food disputes, cultural heritage, national identity, gastronationalism, gastrodiploamacy, economic interests, EU, intellectual property law, protected designation of origin, Euro-Mediterranean Partnership

Семенова Анастасия Александровна, аспирант Университета Лилля (Франция), Москва, Россия, anastasiya.semenova@gmail.com

Успенских Тамара Александровна, выпускница магистратуры Струсбургского института политических исследований, Москва, Россия, t_uspenskih@mail.ru

Anastasia A. Semenova, PhD student at the University of Lille (France), Moscow, Russia, anastasiya.semenova@gmail.com

Tamara A. Uspenskikh, graduate of the Master's degree program of the Strasbourg Institute of Political Studies, Moscow, Russia, t_ustpenskikh@mail.ru

Введение

Существуют разные формы и способы взаимодействия между цивилизациями, которые могут иметь различные характер и последствия. Так, на протяжении многих веков взаимодействие Запада, в первую очередь со стороны Европы, и Востока как особых политических и культурно-цивилизационных единиц принимало разнообразные формы, среди которых политическое противостояние, «борьба с неверными» в рамках крестовых походов, включение части европейской цивилизации в территории восточных империй, колониальное подчинение территорий современных Ближнего Востока и Северной Африки и др. Политическим наследием последнего, в частности, стали искусственное очерчивание границ государств ближневосточного региона карандашом колониальных картографов и политиков (Соглашение Сайкса-Пико 1916 г. как наиболее яркий тому пример) и, как следствие, политико-религиозная нестабильность и конфликтность региона, сохраняющиеся и по сей день. Вместе с тем, конфликтность и противостояние между странами Ближнего Востока принимают порой неожиданные формы, например, так называемых «хумусных войн», то есть споров о национальной принадлежности одного из самых известных ближневосточных блюд – хумуса.

Термин «хумусные войны» был введен в широкий научный оборот историком и исследователем современных международных отношений из Университета штата Айова, США, Ари Ариелем, который в своей работе «Хумусные войны» (“HummusWars”) описал самые яркие события противостояния Ливана и Израиля в вопросе принадлежности хумуса, а также дал анализ тому, что кроется за этими событиями с точки зрения международных отношений сквозь призму междисциплинарного подхода (Ariel, 2012). В своей статье А. Ариель указал на взаимосвязь между едой, аутентичностью, национализмом и глобализацией, что в дальнейшем было дополнено, уточнено или переосмыслено другими исследователями, подчеркивающими, что хумусный спор вызывает такой интерес, поскольку ведется не по вопросам рецептуры, вкуса или методики приготовления, а за возможность культурного и экономического (право)обладания блюдом (Avieli 2016: 20) и служит отражением современных реалий и тенденций мировой политики. Для того, чтобы раскрыть эти реалии, а также дать правовой анализ попыток перевести происходившие события в юридическую сферу, данная статья будет состоять из трех разделов, рассматривающих хумус в плоскости международных отношений, через призму права интеллектуальной собственности и, наконец, через межкультурный диалог.

Хумус в международных отношениях

Вообще, кулинарных споров в мире много, но хумусный спор такой один. За право быть главным (право)обладателем хумуса борются сразу несколько стран от

Сирии до Египта, иногда притягивая к себе и Турцию (Spechler, 2017), однако наиболее активными участниками спора выступают государства Израиля и Ливана, а также палестинцы. Как уже видно из списка участников, уникальность спора заключается, в первую очередь, в том, что он накладывается на продолжающееся «горячее» военное противоборство сторон и вплетается в более широкое противостояние в рамках арабо-израильского конфликта.

Само же слово хумус – арабского происхождения и обозначает нут, один из основных ингредиентов блюда, в которое также добавляются тахина, то есть паста из молотых семян кунжута, а также чеснок, оливковое масло и соль (Jackson, 2015). Поэтому полное название блюда зачастую обозначается как «хумус би-т-тахина» (араб. *فتة بحبات كزبرة*) или хумус с тахиной, однако в данной статье для упрощения будет использоваться сокращенный вариант названия блюда. Основные компоненты хумуса неизменны, а вот его принадлежность зависит от точки (то есть страны) зрения. Тот факт, что ингредиенты блюда тысячелетиями произрастали на территории ближневосточных стран, были легко доступными для всех, в том числе бедных, слоев населения, а потому с древних времен широко использовались для приготовления еды народами региона, лишь способствует превращению хумуса в объект притязаний со стороны разных стран Ближнего Востока. Так, одни исследователи и участники событий настаивают на арабском происхождении хумуса, говоря, что первые упоминания о блюде, похожем на современный хумус, относятся к египетско-арабским книгам рецептов 13 века (Spechler, 2017). Другие же настаивают на том, что истоки такого блюда как хумус восходят к другой книге, а именно еврейской Библии, а упоминание о нем произошло еще в Ветхом Завете приблизительно 3500 лет назад (Там же.). Есть и те исследователи, и представители региона, кто утверждает, что хумус зародился в средние века на территории «Bilad Al Sham» (араб. *بلاد الشام* – старый арабский термин для обозначения Леванта), включавшей в себя территорию современных Сирии, Иордании, Ливана и исторической Палестины (Macintyre, 2008), то есть как раз тех, кто сегодня активнее всего и борется за исключительные права на хумус.

Между тем, многие исследователи (Ariel, 2012; Çopuroğlu, 2018; Power, 2017) хумусного спора сходятся на том, что разнообразные арабские продукты и блюда, в том числе хумус, были переняты еврейскими переселенцами, обосновавшимися в Палестине в первой половине 20 в., в рамках процесса подражания арабскому поведению для подчеркивания своего «нативизма», своей связи с местностью и легитимизации своего присутствия на ней. При этом эксперты отмечают, что разрастание конфликта между арабами и евреями, обострившегося после образования государства Израиль, приводило к все большему отторжению всего арабского в новом еврейском государстве. Однако вместе с образованием государства усилилась и иммиграция в Израиль со стороны ближневосточных еврейских общин, что привело к приписыванию блюд палестинской и арабской кухни кулинарному наследию ближневосточных евреев несмотря на то, что эти блюда не были частью их кулинарной традиции. Так произошел процесс «натурализации» пищевых практик и превращение их в объект национального культурного достояния.

Данный процесс вписывается в общую логику конструирования национальной идентичности, где кулинарные практики становятся одновременно одной из опор и одним из инструментов построения идентичности, формирование которой является острой необходимостью для всех молодых государств, таких как Израиль. С другой стороны, Ливан также является достаточно молодым государством на мировой сцене, состоящим к тому же из различных религиозно-территориальных единиц. Поэтому вопрос построения своей особой идентичности и поиска конструирующих ее элементов стоит для Ливана так же остро. В результате, хумус и обращение к его многовековой истории выступают в качестве аргумента легитимизации своей государственности и ее важности на мировой арене для обеих стран.

Такая трансформация кулинарных блюд и практик в инструмент политической повестки, служащий для демаркации национальных границ и идентичностей, а также создания у населения эмоциональной привязанности к нации и ее особенностям была концептуализирована как гастроционализм (Desoucey, 2010). Гастроционализм подразумевает, что нападки на национальные блюда и кухню со стороны «других» рассматриваются как нападки на национальную культуру и ее наследие, что может вызвать у нации бурную эмоциональную реакцию. Данные характеристики отчетливо проявляются в рамках хумусного спора, где оба государства, Ливан и Израиль, считают хумус неотъемлемой частью своего кулинарного наследия. Примечательно к тому же, что в случае Ливана и Израиля гастроционализм этих государств усиливается фактом соседского географического расположения и сталкивающимися позициями в рамках арабо-израильского конфликта, что ведет к еще большему желанию обозначить взаимные различия и провести разграничения, в том числе культурные, которые к тому же подчеркиваются отсылкой на одно и то же кулинарное блюдо.

Однако, как уже отмечалось ранее, Израиль и Ливан не единственные претенденты на обладание хумусом и не единственные активные участники «хумусных войн». Особое отношение к блюду и связь с ним наблюдается и у палестинцев, для которых употребление и продвижение хумуса как традиционного блюда палестинской кухни приобретает, помимо прочего, значение сохранения своей идентичности в рамках потери своей национальной государственности. Отождествляя хумус со своей культурой и исторической связью с землей их родины, палестинцы (Израиля, Палестинской Национальной Автономии, ПНА, или зарубежных диаспор) рассматривают утверждения Израиля о том, что хумус является основой традиционной еврейской кухни, как очередное посягательство на Палестину со стороны государства Израиль, который, с их точки зрения, отбирает у палестинцев не только землю, но и их культуру, традиции, обычаи – все, что им принадлежит (16, 2016). Более того, свою связь с хумусом палестинцы рассматривают также через призму принадлежности к общей арабской культуре. Отождествляя хумус с арабским миром и его традициями, палестинцы, в некотором смысле, опираются на него для противопоставления себя израильским культурным практикам и идентичности. (Power, 2017). Пример

палестинцев отчетливо демонстрирует как идеи о нации и о том, что она из себя представляет, поддерживаются и воспроизводятся обычными людьми через их привычные практики повседневной жизни. Такой методологический сдвиг на наблюдение за практиками обычных людей в процессе национального конструирования, который может происходить не только «сверху вниз», к чему особенно обращается теория конструктивизма, но и подкрепляться обратным движением, был произведен в подходе, получившего название «повседневный национализм» (“everydaynationalism”) (Knott, 2015). Помимо прочего, данный подход постулирует идею о том, что нация не перестает существовать, когда ее «не активизируют» или «не мобилизуют» «сверху», она сохраняется благодаря разнообразным повседневным практикам, приводимым в жизнь обычными людьми (Goode, Stroup, 2015). Таким образом, активные действия палестинцев по сохранению своих традиционных практик приготовления хумуса и передаче этих знаний новым поколениям делают необходимым учитывать роль «повседневного национализма» в рамках анализа хумусного спора.

Вместе с тем, в конструировании национальной идентичности и ее составляющих участвуют также и крупные коммерческие корпорации, которые, в результате получают возможность извлекать финансовые и экономические выгоды от создания успешного национального бренда, например, через продажу представляющих его элементов, как в случае с хумусом, на международных рынках (Çorıçoğlu, 2018). В этом контексте интересно, что первые «выстрелы» в «хумусных войнах» были произведены именно крупнейшими израильскими компаниями, занимающимися продажей и экспортом хумуса. Так, 14 марта 2006 года нью-йоркская компания Sabra Foods, частично принадлежащая Strauss-Elite, ведущему израильскому производителю продуктов питания, установила рекорд Гиннеса на самую большую в истории тарелку хумуса диаметром 3,5 метра, приготовив не ней 362 кг продукта. Сама же компания пояснила, что действие было направлено на увеличение популярности ее продукции, в частности хумуса, в Америке и на расширение присутствия на американском рынке (Avieli, 2016). В мае 2008 г. в борьбу за прибыльный американский рынок вступила израильская компания Osem, соперник Sabra Foods, которая установила новый мировой рекорд, приготовив в Иерусалиме около 400 кг хумуса на тарелке диаметром 4 метра (Ichijo, Ranta, 2016).

Такая демонстрация всему миру, что хумус – это блюдо израильской кухни, не могла остаться незамеченной другими участниками спора. Так, в октябре 2008 г. Фади Аббуд, президент Ассоциации ливанских промышленников (Association of Lebanese Industrialists, ALI), обвинил Израиль в краже элементов традиционной ливанской кухни, таких как фалафель, табулех, хумус и др., а также выразил недовольство тем, что присвоение хумуса Израилем приводит к потерям миллионов долларов для Ливана ежегодно (Avieli, 2016). В данном случае стоит отметить также, что использование элементов национальной кухни происходит не только для достижения внутривнутриполитических целей построения и сохранения национальной идентичности или преследования коммерческих интересов, но и для проецирования и позиционирования себя на международной арене, создания

и укрепления национального бренда. В результате в контексте политики «мягкой силы» все чаще описывается такой феномен как гастродипломатия, который проявляется в использовании национальных кулинарных блюд и практик для усиления национального имиджа на международной арене через создание положительных ассоциаций с национальным брендом в глазах иностранной общественности (9, 2022). В данном контексте показательными являются слова Фадди Абуда о том, что вопрос хумусного спора стоит не столько в краже названий и рецептов блюд, он главным образом заключается в «организованной краже, осуществляемой Израилем не только земли, но и истории, традиций [...]», что приводит к тому, что в представлении мира все плохое, что исходит от Ближнего Востока, является арабским, а «все приятное и хорошее, что есть в этом регионе, исходит от Израиля» (Ariel, 2012).

В результате Ассоциация решила запустить кампанию «Руки прочь от наших блюд» («HandsoffOurDishes»), направленную на то, чтобы остановить маркировку хумуса и других кулинарных товаров, принадлежащих, по их мнению, арабам, как израильских на международных рынках (Ariel, 2012), и решила действовать с нескольких сторон. Во-первых, Ф. Аббуд заявил, что лучший способ объявить миру о ливанском происхождении хумуса – это войти в Книгу рекордов Гиннеса с уже новым мировым рекордом (16, 2016). Это было сделано в октябре 2009 г., когда 300 ливанских шеф-поваров приготовили в Бейруте блюдо, содержащее около 2 000 кг хумуса (Avieli, 2016). Во-вторых, Аббуд решил использовать международно-правовые инструменты и обратился в Европейский Союз. Так была сделана попытка вывести хумус из поля противостояния наций в рамках одной цивилизации и превратить его в объект правового регулирования посредством диалога цивилизаций.

Хумус и право интеллектуальной собственности

Есть такая английская поговорка: «в любви и войне все средства хороши». В нашем случае – в любви к кулинарным изыскам и в борьбе за самоидентичность – в ход пошли, действительно, практически все возможные средства. Что особенно ярко всегда освещалось прессой? Конечно, иски и юридические разбирательства, особенно если они затрагивают государства. И, имея это в виду, несложно догадаться, что обращение к институтам права – в частности, права интеллектуальной собственности – стало значимой вехой в истории «хумусных войн». Знала это и Ассоциация ливанских промышленников, которая решила попробовать покорить европейский рынок с помощью правовых институтов, совместив это с попыткой провозгласить хумус блюдом исключительно ливанского происхождения.

То, что «шампанское» – напиток, происходящий из определенного региона Франции, а сыр «фета» может быть произведен только в Греции – заслуга права интеллектуальной собственности, в частности, такого института как Наименование места происхождения товара (далее – «НМПТ»), который запрещает

другим пользователям – кроме правообладателя – использовать это название для определенного продукта на определенной территории. Таким образом, зарегистрировав НМПТ, правообладатель получает исключительное право использовать название данного продукта в данной юрисдикции (на территорию которой распространяется регистрация) и запрещать всем другим использовать это название. Такое право подразумевает определенную монополию на рынке, которая, разумеется, дает неоспоримые конкурентные преимущества – ведь, по сути, ты закрепляешь за собой право продажи этого продукта. С другой стороны, такая регистрация – своеобразная декларация: это – наше культурное и историческое наследие, мы готовили его испокон веков и гордимся нашими древними традициями. А в этом, как мы помним, и заключалась цель Ливана – убедить всех в оправданном историей владении хумусом.

Перед правовым регулированием ЕС, помимо сохранения традиций изготовления блюд, то есть европейского культурного наследия, стояла также задача вывести эту охрану на уровень единого рынка – иными словами, распространить охрану на территории всех государств ЕС сразу. Так, в 2006 году был принят Регламент Council Regulation (EC) No 510/2006 of 20 March 2006 on the protection of geographical indications and designations of origin for agricultural products and foodstuffs (сейчас заменена Regulation (EU) No 1151/2012 of the European Parliament and of the Council of 21 November 2012 on quality schemes for agricultural products and foodstuffs). Благодаря возможности получить охрану сразу на территории всего ЕС (а) потребитель был уверен в том, что покупает сыр или вино, изготовленное в строгом соответствии с этими традициями, и (б) сами производители не опасались недобросовестной конкуренции со стороны других компаний, желающих производить похожие продукты и таким образом зарабатывать на их истории и репутации.

Разумеется, необходимость отождествлять продукт с местом его производства известна праву интеллектуальной собственности уже достаточно давно – так, во Франции данный институт начал зарождаться с начала 20 века с принятием закона, касающегося охраны наименований мест происхождения от 1919 г. (Gautier, Humbert, Wolikow, 2019) Таким образом, в самом факте наличия данного института в ЕС нет ничего удивительного, однако главная его особенность заключается именно в распространении охраны на все 27 стран сразу. Следовательно, если заявитель получит такое исключительное право, то он сможет запрещать любым третьим лицам использовать это название на территории всех стран ЕС, а не одного государства.

Идея подать заявку на регистрацию хумуса как НМПТ возникла у Ассоциации ливанских промышленников по следам недавнего, еще не «остывшего» спора в Суде ЕС (Federal Republic of Germany (C-465/02) and Kingdom of Denmark (C-466/02) v Commission of the European Communities) относительно закрепления за греческим сыром фета статуса НМПТ. На протяжении тринадцатилетнего спора несколько европейских стран, среди которых Франция, Дания и Германия, пытались оспорить решение Европейской комиссии предоставить Греции исключительное право продавать сыр под таким названием. Решение суда, оставившего исключительное

право за Грецией, и было обосновано давними историческими традициями и особенностями производства: настоящий сыр делается исключительно из овечьего молока, в то время как другие страны пытались продавать под названием «фета» сыр из молока коровьего. Древние традиции овцеводства греческих племен и природные особенности местности, придававшие сыру его отличительный вкус, стали главными аргументами для присвоения ему статуса НМПТ (п. 22 указанного Решения).

Вдохновившись этим примером, Ассоциация и решила объявить о подаче заявления о признании хумуса НМПТ на территории ЕС, чтобы исключительное право его продажи принадлежало только Ливану. Заявка так и не была подана, но, возможно, сама новость о планах ее подать сыграла не последнюю роль с позиции эмоционального, а не юридического противостояния, до которого, кстати, дело так и не дошло (Percival, 2008). Ведь вдобавок Ассоциация также заявляла о своих планах подать в суд на Израиль за нарушение прав интеллектуальной собственности – использование названия «хумус» для продажи данного продукта. Однако, на основании чего и в какой орган – история (да и сама Ассоциация) умалчивает. Рассмотрим в качестве предположения несколько органов, которые, в принципе, могли бы рассмотреть данный спор.

Нарушение прав на объекты права интеллектуальной собственности на территории ЕС подается в национальные суды государств в соответствии с их компетенцией в отношении рассмотрения споров с иностранным заявителем. Последней инстанцией будет Суд ЕС, суммирующий и гармонизирующий судебную практику государств-членов. Однако для подачи иска необходимо соответствующее правовое основание. Исключительное право на НМПТ возникает только после регистрации, а, насколько известно, в отношении хумуса не была подана даже соответствующая заявка: в этом можно убедиться, изучив соответствующую базу данных ЕС (6, 2022). Если бы заявка была подана только в одну страну ЕС, то это давало бы право истребовать правовую защиту только в отношении территории этой одной страны ввиду территориального характера данного института.

Регистрация НМПТ в самом Ливане не позволит исключительному праву приобрести глобальный характер по все той же причине территориального характера действия исключительного права. Регистрация в Ливане, в силу территориального характера права, позволит правообладателю запрещать третьим лицам использовать название «хумус» только на территории самого Ливана. Кроме того, Ливан не является и членом ВТО (20, 2022), которая, пусть и содержит некоторые соглашения об интеллектуальной собственности (например, не обладающее прямым действием и содержащее лишь общие стандарты Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, ТРИПС), все равно не дает Ливану возможности подать жалобу против Израиля и ссылаться на эти соглашения ввиду отсутствия его членства в организации.

С чисто юридической точки зрения, ситуация выходит несколько абсурдная, а вот с маркетинговой – отнюдь. Громкое заявление, подразумевающее претензию на долгую историю блюда, да еще и вовлекающее попытку покорить европейский рынок – неплохая тактика. Но все-таки более рекламная, нежели чисто юридическая

– подтверждением тому служит даже путаница в освещавших события статьях относительно выбора нужного средства защиты: в некоторых статьях говорится об авторском праве, в некоторых – о товарном знаке, хотя оба в данном случае практически невозможны ввиду их правовой природы. Предлагаем ниже рассмотреть указанные институты и разобраться, почему возможности выбора их в качестве способа охраны хумуса нет практически никакой.

Товарный знак служит для обозначения и индивидуализации товаров и услуг на рынке – любое слово, обозначение, рисунок, который регистрируется лицом для определенной сферы деятельности. Возникающее после регистрации исключительное право также позволяет запрещать любым третьим лицам использовать этот товарный знак для тех же самых или однородных товаров и услуг. Однако существует ряд ограничений – так, зарегистрированное обозначение не может быть описательного характера. Как указывает ст. 7 Regulation (EU) 2017/1001 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the European Union trademark, если обозначение в заявке описывает товары и услуги (например, слово «зеленый» для продажи цветов), то такой регистрации будет отказано. Именно в том числе ввиду этого требования мы не сможем зарегистрировать, например, слово «фета» как товарный знак – оно же описывает один из видов сыра. А вот как НМПТ можем – тут требования связаны с географическими и культурными особенностями, доказывающими, что именно благодаря ним этот продукт стал известен под этим названием. Такая же ситуация будет и со словом «хумус» – при подаче заявки на товарный знак такому обозначению будет отказано ввиду того, что оно самым прямым образом описывает продукт. А для НМПТ это не является никаким препятствием – ведь именно по такому названию исторически знают это блюдо (и именно это, кстати, обязан доказать заявитель).

Авторским правом охраняются обычно результаты творческой деятельности человека при наличии их воплощения в объективной форме и достаточной степени оригинальности (картины, рассказы, стихи, танцы и т.д.). Для его возникновения не нужна регистрация – достаточно просто самого факта создания произведения. Ввиду действия положений Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (1886) охрану можно считать практически глобальной – на основании ст. 5 действует национальный принцип охраны, то есть каждая страна-участник конвенции предоставляет гражданам других стран-участниц по меньшей мере те же авторские права, что и своим собственным гражданам. Казалось бы, практически идеальный вариант?

Однако авторское право в кулинарной сфере было и остается вопросом крайне спорным. Мировая практика знает несколько споров, большая часть из которых приходили к отрицательному ответу на вопрос о возможности охранять рецепты авторским правом. Например, в деле *Publications International, Ltd. v. Meredith Corp.* (88 F.3d 473 (7th Cir. 1996)) было установлено, что рецепты, в первую очередь, это нечто функциональное, а следовательно, не подлежащее охране авторским правом. Да, авторским правом может охраняться книга рецептов или ее текст (при наличии достаточной степени оригинальности!), но в данном случае никто не запретит готовить и продавать описанное там блюдо. Таким образом, такой

вариант пригодится только для охраны, например, книги рецептов, но никак не самого блюда.

Подведем итог: регистрация слова «хумус» как товарного знака не представляется возможным ввиду запрета регистрировать описательные обозначения, а авторское право в целом не будет охранять способ приготовления. Из всего указанного следует несомненный вывод: несостоявшаяся подача заявки на НМПТ была, пожалуй, единственным юридически возможным вариантом.

Все указанное выше еще раз подтверждает, что намерения Ливана использовать правовые инструменты в рамках хумусного спора носили в большей степени маркетинговый характер. Безусловно, с точки зрения привлечения внимания к блюду, «хумусные войны», широко освещавшиеся местной и международной прессой, выступили в роли мощной пиар кампании. Ливанские рестораны традиционной кухни стали привлекать все больше внимания по всему миру, а рестораны арабской еды стали особенно популярны в Израиле на волне вышеописанного противостояния, в какой-то степени пробудившего в еврейских жителях Израиля желание попробовать арабский хумус (Galili, 2010). В то же время, израильские компании, экспортирующие хумус, также оказались в прибыли: в 2013 г. компания Sabra, которая и спровоцировала выход конфликта на новый уровень Книги рекордов Гиннеса, контролировала уже более половины американского рынка продажи хумуса (Ichijo, Ranta, 2016).

Межкультурный диалог: хумус между нациями и цивилизациями

Между тем, в то время как Ливан пытался привлечь к событиям правовые инструменты, к «хумусным войнам» присоединились палестинские арабы, проживающие на территории Израиля. Так, в январе 2010 г. в небольшом палестинском поселении Абу Гош на территории Израиля, израильский шеф-повар арабского происхождения организовал приготовление очередной рекордной тарелки с 4 000 кг хумуса, и вернул, таким образом, знамя Книги рекордов Гиннеса в Израиль. Однако одним из главных мотивов этого мероприятия было продвижение идеи арабо-израильского примирения. Так, организатор события, шеф-повар Ибрагим Джавадат, неоднократно заявлял в интервью по поводу организации события, что хумус – это то, что может объединить арабов и евреев. В результате поселение Абу Гош выступило своеобразным посредником в «хумусных войнах», а, учитывая отождествление спора с общей ближневосточной конфликтной ситуацией, неким посредником в арабо-израильском мирном урегулировании, продвигая идею о необходимости межкультурного диалога с помощью такой неотъемлемой части культуры как кухня и предлагая своего рода «гастромедиацию» через заявления о том, что переговоры о мире можно вести «в Абу Гош за тарелкой хумуса» (Avieli, 2016).

В свою очередь, Ливан, который еще мог бы смириться, что хумус может считаться блюдом не только ливанской, но и арабской кухни (Ariel, 2012), все же

никак не мог согласиться с официальным закреплением рекорда по самой большой тарелке хумуса за Израилем. Всего несколько месяцев спустя после событий в Абу Гош, в мае 2010 г., ставшие уже знаменитыми 300 ливанских шеф-поваров вновь повторили свой успех и приготовили огромную тарелку уже с 11,5 тоннами хумуса (Galili, 2010). Поселение Абу Гош и ее знаменитый шеф-повар несколько раз намеревались побить данный рекорд, и последняя попытка была предпринята в 2015 г., однако представители Книги рекордов отказались выезжать на место для регистрации события в связи с очередным обострением арабо-израильского противостояния (Avieli, 2016).

Таким образом, активные действия в «хумусных войнах» пока прекращены, а рекорд по самой большой тарелке хумуса остается закрепленным за Ливаном. Споры о том, кому принадлежит блюдо – арабам или евреям, ливанцам, палестинцам или израильтянам – больше не носят такой широкой медийной и государственной огласки. Однако, пока между ближневосточными странами-соседями решение спора так и не найдено, Европейский Союз, возможно, может предложить свой вариант происхождения хумуса – средиземноморский. Так, в рамках запущенного в 1995 г. барселонского процесса и развивающегося на его основе Евро-средиземноморского партнерства Евросоюз стремится углубить свои отношения со странами юго-восточных берегов Средиземного моря, в том числе через развитие культурного сотрудничества и построения общей средиземноморской идентичности, иногда сопровождающейся высказываниями о единстве средиземноморской цивилизации (Тимакова, 2022). Средиземноморская диета, одной из составляющих которой является хумус, выступает в качестве одной из опор построения общности средиземноморского пространства. При этом в 2021 г. комитет регионов Европейского Союза выдвинул идею создать специальный лейбл для маркировки им продуктов, принадлежащих к средиземноморской диете (Fortuna, 2021). В результате хумус индустриального производства, продаваемый в ЕС, может вскоре получить лейбл средиземноморского продукта. Остается лишь задуматься, каков будет результат данного «диалога цивилизаций» и не вызовет ли данная идея в дальнейшем споров о том, какой цивилизации – ближневосточной или средиземноморской – принадлежит столь известное в обеих блюдо как хумус.

Заключение

Изучение «хумусных войн» показывает, насколько вопросы культуры, культурного наследия и национальной идентичности являются важными и чувствительными в современных международных отношениях и насколько «мягкая сила» имеет многогранный характер, проявляясь и в таких неожиданных формах, как гастродипломатия. Культура, в том числе кухня как один из важнейших ее аспектов, используются различными акторами международных отношений для преследования политических, экономических и других интересов, а также самоидентификации на мировой арене и своеобразной легитимизации

«своего места под солнцем». Возможность использовать кулинарное наследие для достижения политических целей сопровождается созданием инструментов правовой защиты объектов этого наследия, в число которых входит и НМПТ. Однако получение исключительных прав, которые они предоставляют, требует серьезной доказательной базы и тщательной проверки обоснованности заявляемых прав на кулинарное наследие. При этом, как в случае «хумусных войн», обращение к правовым институтам, как оказалось, может выступать и маркетинговым ходом, способом заявить миру о принадлежности блюда и инструментом его продвижения на новые международные рынки. Между тем, культурная политика ЕС, политика диалога культур и цивилизаций через построение единого средиземноморского пространства, совмещенные с повышенным вниманием по отношению к месту производства товаров и продуктов, например, через их маркировку, также могут оказать влияние на вопрос о принадлежности блюд стран, входящих в зону влияния средиземноморской политики ЕС.

Таким образом, в современных международных отношениях культура и различные ее аспекты приобретают все более значимую роль, выступая в качестве способа достижения диалога или ведения борьбы, инструмента политики или объекта защиты, а вместе с тем создавая все новые концепты мировой политики, пытающиеся описать важность и возможности культуры на мировой сцене.

Список литературы

1. Тимакова О.А. Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня» // Азия и Африка сегодня. Выпуск 2, 2022 г. С. 29-37. URL: <https://asaf-today.ru/s032150750015837-2-1/>.
2. Ariel A. The Hummus Wars // *Gastronomica*. California, 2012, Vol. 12, No. 1, PP. 34-42.
3. Avieli N. The Hummus Wars Revisited: Israeli-Arab Food Politics and Gastromediation // *Gastronomica*. California, 2016, Vol. 16, No. 3, PP. 19-30.
4. Çopuroğlu O. Behind Hummus Wars: The Role of the Food in National Identity in the Middle East // *Transnational Marketing Journal*. London, 2018, Vol. 6, No: 2, PP. 121 – 137.
5. Desoucey M. Gastronationalism: Food Traditions and Authenticity Politics in the European Union // *American Sociological Review*. 2010, Vol. 75, No. 3, PP. 437-439.
6. eAmbrosia. The EU geographical indications register. URL: <https://ec.europa.eu/info/food-farming-fisheries/food-safety-and-quality/certification/quality-labels/geographical-indications-register/>.
7. Fortuna G. EU regions' advisory body proposes 'Mediterranean diet' label // *Euractiv*. 2021. URL: <https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/eu-regions-advisory-body-proposes-mediterranean-diet-label/>.
8. Galili S. Lebanese Hummus in Tel-Aviv // *The Hummus Blog*. 2010. URL: <https://hummus101.com/EN/2010/11/27/lebanese-hummus-in-tel-aviv/>.
9. *Gastrodiplomacy.net*. What is Gastrodiplomacy? URL: <http://www.gastrodiplomacy.net/#home>.
10. Gautier J., Humbert F., Wolikow S. Histoire et évolution des appellations d'origine françaises // *Bio Web Conference*. 42nd World Congress of Vine and Wine. 2019, Vol. 15. URL: https://www.bio-conferences.org/articles/bioconf/full_html/2019/04/bioconf-oiv2019_03013/bioconf-oiv2019_03013.html.
11. Goode P., Stroup D.R. Everyday Nationalism: Constructivism for the Masses // *Everyday Nationalism: Constructivism for the Masses*. 2015, Vol. 96, No. 3. PP. 717-739.
12. Ichijo A., Ranta R. National Identity and Nationalism: From Everyday to Global Politics. 2016. URL: <https://books.google.ru/books?id=OBveCgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
13. Jackson G. Spread the word: if you think hummus is a dip, you've been doing it wrong // *The Guardian*. 2015. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/australia-food-blog/2015/jun/29/spread-the-word-if-you-think-hummus-is-a-dip-youve-been-doing-it-wrong>.

14. Knott E. Everyday nationalism. A review of the literature // Studies on National Movements. The State of Nationalism: An International Review (SoN). 2015, No.3. PP. 1-16.
15. Macintyre D. Lebanon lays claim to favourite Israeli dish [Electronic resource] // Independent. 2008. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/lebanon-lays-claim-to-favourite-israeli-dish-957653.html>
16. NPR. Give Chickpeas A Chance: Why Hummus Unites, And Divides, The Mideast // National Public Radio (NPR). 2016. URL: <https://www.npr.org/sections/thesalt/2016/07/18/483715410/give-chickpeas-a-chance-why-hummus-unites-and-divides-the-mideast>.
17. Percival J. Lebanon to sue Israel for marketing hummus as its own // The Guardian. 2008. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/oct/07/israelandthepalestinians.lebanon>.
18. Power B. E. Falafel and Hummus as Symbols of National Identity for Palestinians and Israelis: How Are They Mobilized in the Nationalistic discourses of Palestine and Israel, in a Context of Conflict // Conference: 2017 Annual Meeting American Anthropological Association. Washington D.C. 2017. PP. 1-27.
19. Spechler D. Who invented hummus? // BBC Travel. 2017. URL: <https://www.bbc.com/travel/article/20171211-who-invented-hummus>.
20. WTO. List of members and observers // WTO Official Website. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm.

Арктическая зона РФ: приоритеты и перспективы стратегического планирования

Филиппова А.Б.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие «стратегическое планирование» как механизм государственной социально-экономической политики на территории Арктической зоны Российской Федерации, этапы его становления и нормативное регулирование, в сравнение приводится зарубежный опыт стратегического планирования территорий. Дополнительно Арктическая зона России раскрывается с точки зрения геостратегической территории. В ходе анализа основных источников были выявлены приоритеты и перспективы внедрения элементов стратегического планирования в региональную политику субъектов и в целом в Арктическую зону России. В результате проведенного исследования было выявлено, что на данном этапе в стратегической документации Арктической зоны РФ основное внимание уделяется инфраструктурным и инвестиционным проектам, судостроению, добыче полезных ископаемых, некоторое внимание уделено сфере помощи в развитии и сохранении коренных малочисленных народов Севера. На основе этих показателей автор статьи рекомендует сконцентрировать внимание органов власти на решении управленческих задач по развитию Арктической зоны РФ в следующих направлениях: социальные гарантии граждан, проживающих в арктических регионах РФ; профориентация и образование с учетом потребности северных регионов; развитие транспортной инфраструктуры, мощностей переработки углеводородов в местах добычи; качественное здравоохранение; поддержка коренных малочисленных народов Севера и др. В дополнение к этому предлагается включить в список приоритетов при составлении следующей арктической Стратегии направление по развитию арктического туризма, так как уже сейчас имеются серьезные предпосылки к совершенствованию данной отрасли как с позиции предпринимателей, так и со стороны федеральных ведомств, разрабатывающих проекты, относящиеся к туризму в русской Арктике.

RESUME

The article deals with the concept of «strategic planning» as a mechanism of state socio-economic policy in the Arctic zone of the Russian Federation, the stages of its formation and regulatory controls, in comparison with the foreign experience of strategic planning of territories. Additionally, the Arctic zone of Russia is revealed in terms of geostrategic territory. During the analysis of the main sources, priorities, and prospects for the introduction of strategic planning elements into the regional policy of the subjects and in general in the Arctic zone of Russia were identified. As a result of the conducted research, it was revealed that at this stage in the strategic documentation of the Arctic zone of the Russian Federation, the main attention is paid to infrastructure and investment projects, shipbuilding, mining, some attention is paid to the field of assistance in the development and preservation of indigenous peoples of the North. Based on these indicators, the author of the article recommends focusing the attention of the authorities on solving management tasks for the development of the Arctic zone of the Russian Federation in the following areas: social guarantees for citizens living in the Arctic regions of the Russian Federation; vocational guidance and education taking into account the needs of the northern regions; development of transport infrastructure, hydrocarbon processing facilities in the production sites; quality healthcare; support for indigenous minorities peoples of the North, etc. In addition, it is proposed to include in the list of priorities when drawing up the next Arctic Strategy the direction of the development of Arctic tourism, since there are already serious prerequisites for improving this industry both from the position of entrepreneurs and from the federal agencies developing projects related to tourism in the Russian Arctic.

Ключевые слова: региональная политика, механизмы региональной политики, стратегическое планирование территорий, Стратегия, Арктическая зона Российской Федерации, геостратегическая территория

Key words: regional policy, mechanisms of regional policy, strategic planning of territories, Strategy, Arctic zone of the Russian Federation, geostrategic territory

Филиппова Александра Борисовна, студентка Института государственной службы и управления РАНХиГС, Москва, Россия, alyafilippova02@gmail.com.

Aleksandra B. Filippova, student of the IPACS RANEPa, Moscow, Russia, alyafilippova02@gmail.com.

В последние годы возрастает стратегическая значимость северных территорий как с сырьевой, так и с политической точки зрения. Здесь производится значительная часть ВВП страны, развиты отрасли экономики, в которых Россия успешно соперничает с зарубежьем и даже занимает лидирующие позиции в мире, например, нефтегазовая промышленность. Большие потоки инвестиций направлены на развитие местности, в том числе потому, что резидентам Арктической зоны России предоставляется масса льгот и преференций. А это показатель заинтересованности государственных органов в успешном развитии территории. Но Арктическая зона России (сокращенно – АЗРФ) – это обширные пространства с экстремальными природными условиями, управление которыми требует грамотного распределения управленческих ресурсов, и не все механизмы государственного регулирования могут в полной мере поспособствовать этому.

Стратегическое планирование как механизм социально-экономического развития территорий как раз предусматривает четкое позиционирование задач развития территории. Именно поэтому в последние два десятилетия со стороны органов власти постепенно вводятся все новые нормативные акты, направленные на применение планирования в сфере развития Арктической зоны России. В каких сферах применяются эти нормы и на что нужно будет делать упор в будущем – основные вопросы, ответы на которые будут даны в данной статье.

Степень изученности. Среди российских ученых, внесших существенный вклад в разработку теорий и эффективных механизмов социально-экономического развития территорий Арктической зоны РФ, можно выделить В. А. Крюкова, В. В. Кулешова, В. Е. Селиверстова и др.

Зарубежный опыт использования стратегического планирования в государственной экономической политике изучали многие ученые, такие как Э. Е. Быдтаева (Быдтаева, 2013), Н. С. Мельникова (Мельникова, 2015), Л. В. Коношкин, Г. И. Татенко и др. Также автор статьи обращается к исследованиям стратегий и инструментов арктической политики в России, раскрытых в трудах А. В. Крутикова, Ю. Ф. Лукина, Т. С. Красниковой, В. Киушкиной и др.

Исходя из цели определить перспективы и приоритеты применения стратегического планирования как управленческого механизма федеральных и региональных органов государственной власти на территории Арктической зоны Российской Федерации, автором были поставлены следующие задачи исследования:

- рассмотреть понятие, регулирование и этапы развития стратегического планирования в России как механизма региональной политики;
- охарактеризовать нормативно-правовое регулирование в сфере стратегического планирования Арктической зоны РФ;
- изучить зарубежный опыт в сфере стратегического планирования;
- составить природную и социально-экономическую характеристику АЗРФ как геостратегической территории на современном этапе;

- определить приоритеты и перспективы стратегического планирования Арктической зоны Российской Федерации как управленческого механизма органов государственной власти.

Понятие, регулирование и этапы развития стратегического планирования в России как механизма региональной политики

Наше общество и конкретно государства на разных этапах их становления пробовали разные формы управления своими территориями и их развития. Разрабатывались различные механизмы, которые действовали как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. Одним из таких механизмов стало стратегическое планирование, как понятие, появившееся повсеместно в системе государственного управления в западных странах в 60-х годах XX века и являющееся в наши дни неотъемлемой его частью.

Изначально широкое распространение механизм получил в бизнес-кругах, потом он появился в общественных организациях и только в последнюю очередь государственные органы добавили его в свой инструментарий.

Если говорить о российском опыте внедрения стратегического планирования, то можно сказать, что он был довольно постепенным. Исторические предпосылки наблюдались еще во второй половине XIX века. Это время можно обозначить как первый этап развития понятия. Своеобразным символом стратегического плана того времени принято считать железнодорожное строительство. Тогда Российская империя заметно отставала в темпах покрытия железнодорожным полотном своих территорий от западных стран, таких как США и Британия.

Первым крупным проектом в этой сфере стала всем известная Царскосельская железная дорога, построенная в 1837 году, протяженностью 25 верст. Все дальнейшие подобные проекты создавались уже после смерти Николая I, начиная с 60-х годов XIX века. Реализация планов железнодорожного строительства поспособствовала более эффективной перевозке пассажиров и транспортировке грузов.

Второй этап развития понятия стратегического планирования начался в 20-е годы XX века. И главными теоретиками этого явления признаются такие деятели как Владимир Вернадский, Глеб Кржижановский, Василий Леонтьев, Владимир Базаров. Например, В. И. Вернадский со своими коллегами заложил основы изучения и рационального использования природных условий и ресурсов. По его предложению была создана постоянно действующая Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Академии наук. В наши дни она известна как Совет по изучению производительных сил или сокращенно СОПС. Он является составной частью Российской Академии Наук и закреплен за Министерством экономического развития Российской Федерации.

Отдельно также стоит упомянуть вклад Г. М. Кржижановского, который создал орган, разработавший первый в послереволюционной России долгосрочный стратегический план экономического развития государства. Он касался энергетического обеспечения территории и получил соответствующее название – Государственный план электрификации России (сокращенно ГОЭЛРО). Можно сказать, что этот план стал единственным в своем роде и не получил аналогов в мире. Благодаря ему советская энергетика к 1935 году стала третьей в мире после США и Германии.

Н. Д. Кондратьев в 20-х гг. XX в. активно занимался разработкой теории народнохозяйственных планов и стал автором концепции научного планирования экономики в рыночных условиях. Ее методологические основы он раскрыл в Генеральном плане восстановления и развития сельского хозяйства России.

Главным государственным методом планирования являлась работа центральных и местных плановых органов, таких как Госплан СССР, плановых комиссий исполкомов Советов депутатов трудящихся. Эта система включала три взаимосвязанные формы планов: долгосрочные, среднесрочные (пятилетние) и текущие (годовые). Долгосрочные перспективные планы определяли приоритеты и генеральные направления экономического, технического и социального развития общества. Они разрабатывались на 15 лет с разбивкой по пятилеткам и продлевались каждые пять лет. Решение крупных комплексных задач экономического и социального характера, предусмотренных долгосрочным планом, осуществлялось в рамках пятилетних планов. На основе пятилетних планов разрабатывались и утверждались годовые планы.

После распада СССР первым российским долгосрочным плановым документом стала утвержденная в 2008 году Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.

12 мая 2009 года вышел Указ Президента России №536 «Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации». В 2014 г. вышел Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», составивший основу системы государственного стратегического планирования (Федеральный закон, 2014). В систему включено три уровня стратегического планирования – федеральный, региональный и муниципальный.

Согласно ФЗ №172, стратегическое планирование – деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

Зарубежный опыт в сфере стратегического планирования территорий

В мировой практике на современном этапе деятельности государств выделяются различные модели стратегического планирования. Из числа крупнейших это европейская (объединяющая, к примеру, Францию, Германию, Великобританию), американская (Канада и США) и азиатская (Япония, Корея, Сингапур) модели.

Франция. Многие эксперты при анализе деятельности государственных органов, использования ими механизмов государственного регулирования, сходятся

в мнении, что отечественные органы власти отчасти опираются на опыт данной европейской страны. Данный вывод можно сделать и при анализе практики применения стратегического планирования. Рассматриваемый механизм стал активно внедряться во Франции после Второй Мировой войны в виде пятилетних планов, которые выпускались директивно и предполагали централизованное распределение ресурсов. В России в наши дни пользуются подобным подходом при распределении финансов по государственным и федеральным программам, национальным проектам или ведомственным программам.

Французские пятилетние планы часто имеют форму «государство – регион». Они ориентированы на приоритетное использование региональными органами власти и всегда учитывают индивидуальные особенности регионов. При этом они носят не распорядительный, а скорее рекомендательный характер.

Соединенные Штаты Америки. Истоки американской системы стратегического планирования идут из практики стран Скандинавии. В США широко применяется взаимодействие университетов и местных органов власти.

Но, в отличие от Франции, Соединенные Штаты пользуются децентрализованным подходом к планированию. Программы экономического развития составляются на уровне штатов и ниже. Они основываются на прогнозах, составляемых специализированными учреждениями, которые получают контрактные заказы. В некоторых штатах присутствуют специальные комиссии, занимающиеся разработкой долгосрочных планов. Стратегическое планирование осуществляется, привлекая местные сообщества.

Германия. Система планирования данной страны имеет в свою очередь некоторые сходства с французской и скандинавской. Она состоит из четырех уровней: федерального, федеральных земель, регионального и муниципального. Решения, принятые на каждом из уровней, являются императивными для звеньев, находящихся ниже в цепочке.

Территориальное планирование в Германии осуществляется поступенчато. На федеральном уровне ставятся рамки, в пределах которых предпринимаются меры по пространственному развитию страны. На уровне федеральных земель разрабатывается земельная программа территориальной организации, основанная на Земельном законе «О планировании», в которую включены основные положения пространственной организации и развития федеральной земли. Среди задач регионального планирования – конкретизация поставленных плановыми органами целей на уровне земель и координация плановых решений, принятых общинами. Местное планирование в Германии разделяется на комплексное планирование развития общин и внедрение разработанных общинами стратегий строительства на их территории. Можно сказать, что данная система также схожа с российской. Она имеет вид «сверху-вниз» и работает централизованно.

Китайская система выражается в использовании комплексной стратегической программы развития Китайской Народной Республики. Как и во Франции, китайская программа имеет срок в пять лет. Она действует в рамках всех управленческих уровней. Механизм формирования и реализации стратегий экономического развития можно встретить в функционировании всех сфер общественной жизни. Причем

стратегическая программа используется только там, где рыночные механизмы не могут эффективно регулировать развитие отрасли. Формированием и реализацией отраслевых программ занимаются исключительно отраслевые ведомства Китая. Как пример, китайская сеть высокоскоростных железных дорог, финансирование которой осуществляется за счет государственных финансовых институтов и банков КНР.

На основе вышесказанного можно утверждать, что стратегическое планирование как регулятор экономической политики в разных странах используется по-разному. Некоторые государства предпочитают централизованный подход (например, Франция, Германия, Китай), другие же отдают все или часть своих полномочий по планированию региональным органам власти, которые на основе собственных показателей развития территории самостоятельно составляют стратегические планы и принимают управленческие решения (США, страны Скандинавии).

Нормативно-правовые основы в сфере стратегического планирования Арктической зоны РФ

Помимо Федерального закона №172 недавно был принят Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года, различные постановления Правительства Российской Федерации, сопряженные федеральные законы и указы Президента, более обширно контролирующую рассматриваемую сферу.

Отдельно органами государственной власти было принято решение создать нормативный комплекс, касающийся конкретных территорий. Так появились долгосрочные стратегии и концепции социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации, разрабатываемые региональными администрациями. Подобные документы позволяют более эффективно реализовывать потенциал территории. То есть активнее использовать и развивать сильные стороны, а также качественно преобразовывать слабые стороны при управлении регионом. Это достигается ввиду того, что местные администрации лучше понимают политическую и экономическую ситуацию внутри субъекта.

Меж тем, кроме субъектного деления территории нашей страны существует деление на так называемые макрорегионы. Среди них, к примеру, выделяют экономические районы, федеральные и военные округа. Но отдельное место среди макрорегионов занимает Арктическая зона Российской Федерации.

Арктическая зона России – это северная оконечность Европейской и Азиатской частей РФ, расположенная вдоль побережья морей Северного Ледовитого океана: Баренцева, Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского. Эта зона детерминирована географическими условиями, но при этом она имеет важные качества как экономического, так и геополитического толка. Именно поэтому органы государственной власти уделяют ей особое внимание.

Границы Арктической зоны РФ (сокращенно АЗРФ) были утверждены Указом Президента Российской Федерации № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». В нем перечислены все субъекты РФ и отдельные

муниципальные образования в составе субъектов, входящие в Арктическую зону. Также они прописаны в Общероссийском классификаторе экономических регионов (ОКЭР).

Пожалуй, основополагающим на данный момент среди документов, регулирующих статус, цели и основные направления политики государства на территории Арктической зоны, является Указ Президента России «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (Указ, 2020). В данном нормативном акте также присутствует определение Арктической зоны РФ как сухопутных территорий, определенных Указом Президента Российской Федерации № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», а также прилегающих к этим территориям внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации. Также там прописаны основные национальные интересы России в Арктике.

В документе подчеркнута роль арктических территорий страны как стратегически важных, поскольку он принимается для защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности. Среди механизмов реализации государственной политики на этих территориях отдельно обозначена разработка Стратегии развития Арктической зоны РФ (Указ, 2020).

Сама Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года была утверждена Указом Президента России от 26 октября 2020 г. В ней описано значение Арктической зоны в развитии страны, а также в обеспечении национальной безопасности, этапы и механизмы реализации мер по развитию зоны, а также возможные угрозы, с которыми могут столкнуться государственные органы при выполнении своих обязательств в макрорегионе.

Во исполнение намеченных целей Правительство Российской Федерации в 2021 году разработало и утвердило «Единый план мероприятий по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года и Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Отдельно Правительством России была разработана и утверждена Государственная программа №484 «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации».

Для определения правового статуса Арктической зоны Российской Федерации, а также порядка осуществления предпринимательской деятельности в 2020 году был дополнительно введен в действие Федеральный закон №193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». Его цели сопряжены с целями ранее указанных в данном исследовании нормативных государственных документов. К примеру, указано создание экономической основы для опережающего социального развития и улучшения качества жизни в Арктической зоне России. Также в документе обращено внимание на финансовое обеспечение развития инфраструктуры в регионе, прописаны территории Российской Федерации, на которых предприниматели считаются резидентами Арктической зоны, а также обозначены механизмы управления макрорегионом в сфере предпринимательства.

В целом, можно сказать, что в последние годы государство прилагает значительные усилия по обеспечению Арктической зоны РФ нормативными регуляторами. Ими выступают как федеральные законы, нормативные акты федеральных органов власти, так и стратегическая документация разных видов. Но пока российские государственные плановые документы недостаточно взаимосвязаны и скоординированы. Одной из причин является отсутствие единого государственного органа планирования. В результате система стратегического планирования теряет всеобъемлющий характер, а это значительно мешает проведению эффективной государственной политики в отдельных регионах, особенно в таких специфических, как Арктическая зона Российской Федерации.

Арктическая зона РФ как геостратегическая территория

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года прописано, что «геостратегическая территория Российской Федерации — территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности» (Распоряжение, 2019). Среди прописанных в Стратегии-2025 двенадцати существующих в стране макрорегионов Арктическая зона отдельно не выделяется, но при этом она присутствует в списке геостратегических территорий.

О важности региона для государства говорит и пристальное внимание властей к положению и участию в деятельности нашей страны в Арктическом Совете. К слову, с 2021 по 2023 годы Россия занимает в нем позицию страны-председателя. Приоритеты Председательства РФ в данном совете практически полностью соотносятся с национальными приоритетами Стратегии развития Арктической зоны РФ.

Подобная позиция федеральных властей вполне обоснована. Начнем с того, что территория Арктики как физико-географического района составляет около 27 млн кв. км. Если говорить конкретно об АЗРФ, ее площадь составляет порядка 5 млн кв. км, учитывая тот факт, что общая площадь территории России составляет около 17 кв. км.

Ранее упоминалось, что границы АЗРФ были определены в 2014 году в Указе Президента «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». В нее вошли территории девяти субъектов России: все районы Мурманской области и трех автономных округов – Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского, а также отдельные муниципалитеты республик Карелия, Коми, Якутия, Архангельской области и Красноярского края. К примеру, 38% Карелии находятся в пределах АЗРФ.

Территории российской Арктики – земли с уникальными, но довольно суровыми природно-климатическими условиями, которые затрудняют качественное улучшение инфраструктурного комплекса. Это районы вечной мерзлоты, арктические пустыни, где дуют сильные ветра и выпадает небольшое количество осадков, которые практически не тают.

Стратегическое значение Арктической зоны России связано с сосредоточением здесь основных углеводородных ресурсов, образующих основу развития морской нефте-газодобычи и резерв развития топливно-энергетического комплекса страны, а также основных запасов важнейших полезных ископаемых, цикл освоения которых сопровождался развитием соответствующей региональной инфраструктуры, в т.ч. монопрофильных городов и поселков, обслуживающих крупные промышленные предприятия, а также закрытых административных территориальных образований.

Крупные месторождения нефти сосредоточены у Обской губы, возле Енисейского залива Карского моря и Енисей-Хатангского прогиба. На полуостровах Ямал, Гыданский и на шельфе моря Лаптевых присутствуют крупные залежи газа, который впоследствии сжижают. Открытие новых месторождений обуславливает создание минерально-сырьевых центров. В наши дни территория Арктической Зоны России располагает месторождениями твердых полезных ископаемых, образующими рудные провинции и районы, которые, в свою очередь, создают уникальный минерально-сырьевой район. Среди самых заметных можно назвать Карело-Кольские месторождения руд, Норильский рудный район, районы добычи алмазов в Архангельской области и Республике Якутия. Говоря о геостратегической важности территории, нельзя не вспомнить процентные показатели, которые говорят сами за себя: 80% нефтегазового комплекса, практически все объёмы добычи алмазов, кобальта, никеля, платиноидов, больше половины добываемого золота, меди, апатитов, вольфрама, олова, редких металлов сконцентрированы в АЗРФ. Ямало-Ненецкий автономный округ – крупнейший экспортер газа как на внутрироссийском, так и на международном рынке. По данным Росстата Арктическая зона производит практически десятую часть ВВП страны.

Государственные и региональные власти участвуют в поддержании уникальных природных экосистем в максимально нетронутом состоянии путем создания особо охраняемых природных территорий (ООПТ). На данный момент в российской Арктике действует 27 ООПТ федерального значения: 12 заповедников, 6 национальных парков, 8 федеральных заказников, 1 дендрологический парк – Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н. А. Аврорина КНЦ РАН, а также 191 ООПТ регионального значения. Почти половина ООПТ федерального значения в российской Арктике включают участки морской акватории.

Большинство населенных пунктов в АЗРФ расположено на побережье арктических морей или в непосредственной близости от него. Причем соотношение городских и сельских жителей на данных территориях составляет 89 к 11% соответственно (самый высокий процентный показатель по степени урбанизации в стране). В России находятся три самых крупных в мире города, расположенных за Северным полярным кругом – Мурманск, Норильск и Воркута. По данным Росстата на 2021 год на пространствах Арктической зоны проживает более 2,5 млн человек. В пределах Арктической зоны проживает довольно большое число разных этносов, во всех субъектах, входящих в ее состав, проживают представители коренных малочисленных народов. В рамках Арктического совета совместными усилиями Российской Федерации и Норвегии был разработан проект «Цифровизация лингвистического и культурного наследия коренных народов Арктики», направленный на сохранение и развитие языков коренных народов, традиционных

знаний и культуры коренных народов Арктики. Это показывает стратегическую важность сохранения и поддержки коренного населения арктических территорий.

В сущности, Арктическая зона России – это территория экстремального климата, наделенная как существенным количеством противоречивых характеристик. И все же по совокупности показателей Арктическая зона, несомненно, является территорией геостратегического значения, контроль за развитием которой должен продолжаться осуществляться во всех направлениях.

Приоритеты и перспективы стратегического планирования в Арктической зоне России.

Ранее уже говорилось о том, что основу стратегического планирования составляет Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, чьим основным механизмом реализации является и новая Государственная программа социально-экономического развития Арктики, утвержденная в 2021 году. Главная цель госпрограммы – обеспечение условий для ускоренного экономического развития территорий Арктической зоны Российской Федерации. Документ включает две подпрограммы: «Создание условий для привлечения частных инвестиций и создания новых рабочих мест в Арктической зоне Российской Федерации» и «Создание условий для устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации». Включенные в госпрограмму мероприятия направлены на:

- создание новых рабочих мест и привлечение трудовых ресурсов на территории арктических субъектов Российской Федерации;
- инфраструктурную поддержку инвестиционных проектов, повышение доступности кредитных ресурсов;
- обеспечение нормативно-правового регулирования социально-экономического развития АЗРФ;
- снижение издержек резидентов АЗРФ при создании новых рабочих мест;
- поддержку традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера.

Все эти направления власти стараются развивать. Примером поддержки инвестиционного блока могут служить представленные ниже данные (см. таблицу 1). Наглядно видно, что за последние пять лет инвестиции, направленные на охрану окружающей среды, заметно увеличивались в объеме.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации, млн рублей, в фактически действовавших ценах

	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
Всего	25962	26104	34714	22878	99352
из них на охрану:					

атмосферного воздуха	18873	21393	23042	16457	71236
водных ресурсов	2967	2046	4990	3356	7264
земель	767	395	2650	1216	18424

Также органы власти стараются увеличить инвестиционные потоки с помощью предоставления различных преференций резидентам Арктической зоны РФ. Присутствуют как общие преференции, так и отдельные региональные и муниципальные льготы. На данный момент на территории заявлено 388 резидентов, которые создали более 16 тысяч рабочих мест и вложили в свои инвестиционные проекты около 528 млрд рублей.

Для обеспечения социально-экономического развития территорий Арктической зоны РФ принят курс на развитие нефтегазовой индустрии, который предполагает развитие наземного транспорта, морской портовой инфраструктуры, новых транспортных коридоров. Также запланировано выделение восьми опорных зон развития: Кольской, Архангельской, Ненецкой, Воркутинской, Ямало-Ненецкой, Таймыро-Туруханской, Северо-Якутской и Чукотской. Функционирование указанных опорных зон способствует серьезному укреплению позиций Северного морского пути, расширит возможности его использования в качестве ценной транспортной артерии и обеспечит развитие инфраструктуры на всех его участках.

К сожалению, пока самой непроработанной частью в рамках реализации Стратегии-2035 является обеспечение охраны окружающей среды Арктической зоны РФ, ее защита от антропогенного влияния. Законодательного подкрепления этому мы пока не имеем. В рамках мероприятий по данному направлению присутствует мониторинг экосистем российской Арктики, очистка территорий АЗРФ (морских и материковых) от мусора, обеспечение сохранения биоразнообразия и другие мероприятия, где присутствуют довольно расплывчатые формулировки.

Обращаясь к цели нашего государства в отношении улучшения качества жизни и увеличения численности населения на территории АЗРФ, следует упомянуть начавшую в 2021 году работу программу «Гектар в Арктике», являющуюся продолжением программы «Дальневосточный гектар», бесплатно предоставляющей гектар территории дальневосточных регионов в собственность любому жителю РФ. В отличие от дальневосточного гектара, гектар в Арктике предоставляется в зоне непосредственной близости от крупных поселений и даже на их территории.

Предполагается, что успешная реализация мероприятий в рамках направлений государственной политики Российской Федерации в Арктике позволит обеспечить:

- а) устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации;
- б) опережающий общероссийские темпы рост качества жизни и доходов населения Арктической зоны Российской Федерации, в том числе лиц, относящихся к малочисленным народам;
- в) рост ВРП, произведенного в Арктической зоне Российской Федерации, и создание новых рабочих мест;
- г) увеличение объема национальных и международных перевозок грузов по Северному морскому пути;

д) охрану окружающей среды в Арктике, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов.

Достижение вышеперечисленных целей, являющихся наиболее перспективными в рамках стратегического планирования Арктической зоны РФ, возможно только при учете приоритетов развития исследуемой территории.

Помимо всего прочего автором данной статьи предлагается внести в список реализуемых мер в рамках основных задач в сфере экономического развития Арктической зоны «Стратегии-2035» совершенствование туристической отрасли, так как отмечается ее удобство и перспективность с точки зрения раскрытия потенциала Арктической зоны для жителей остальных частей России и определенная заинтересованность властей в ее развитии и использовании в отношении арктических территорий. Она будет интересна обычным гражданам как потенциальным туристам и жителям АЗРФ, а также инвесторам, способным за счет дополнительных вложений ускорить реализацию ключевых целей Стратегии развития Арктической зоны РФ на период до 2035 года, Государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» и других программных документов. К тому же уже имеются предпосылки к этому.

При содействии Арктического совета, Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, и Проектного офиса развития Арктики был создан туристический портал Арктической зоны России. На сайте можно найти различные готовые туры по АЗРФ, которые проводятся туристическими агентствами, рекомендуемыми Порталом, а также маршруты для самостоятельных путешествий с описанием всех встречающихся на пути объектов, их истории и интересных фактов. В дополнение начинающим путешественникам рекомендуется изучить полезные советы для исследования арктических территорий. Также 2021 году по заказу Федерального агентства по туризму РФ был специально разработан так называемый полярный паспорт, являющийся туристическим продуктом. Пока он выдается только полярным, ученым и блогерам-путешественникам. Еще одним подтверждением преимущества туристической отрасли в регионе и заинтересованности органов власти является то, что участки, выделенные под вышеупомянутую программу «Гектар в Арктике», можно использовать для оказания туристических услуг. При этом ожидается, что именно этот вид пользования гектарами будет одним из приоритетных.

Также потенциал дополнительно раскрывается с учетом введенных с недавних пор внешних санкций со стороны зарубежных государств, которые являются своего рода побуждающим фактором развития внутреннего туризма, включая арктический.

При грамотном проведении внутренней политики на территории АЗРФ и эффективном пользовании ресурсами стратегического планирования, данный макрорегион может стать одним из наиболее развитых не только в пределах России, но и во всем мире.

Список литературы

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630>.
2. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года : Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255>.
3. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAQQfxN6Xlt6ti6XzpTVAvQy.pdf>
4. Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. : Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р // ГАРАНТ.РУ Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/72174066/>.
5. Быдтаева Э. Е. Зарубежный опыт стратегического планирования регионального экономического развития // Вестник ГУУ. 2013. №22.
6. Мельникова Н. С. Адаптация зарубежного опыта стратегического планирования применительно к российской практике // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2015. №26.

Российское приграничное сотрудничество: ракурс национальной безопасности

Шевелёва Ю.Р.

АННОТАЦИЯ

В статье автором проводится анализ нормативно-правовой и институциональной базы международного сотрудничества субъектов РФ на предмет включенности в нее принципов национальной безопасности России, определяются историческая ретроспектива складывания механизма международных контактов с уровня регионов, современные приоритеты и тенденции в развитии приграничных территорий. Автор приходит к выводу, что в России сложилась уникальная модель приграничного сотрудничества, обусловленная историческим стремлением страны к охране своих рубежей, при ней барьерность границы не является препятствием социально-экономического роста соседствующих субъектов РФ, а контактность, в свою очередь, не способствует росту регионов, близлежащих «прозрачной» границе. В то же время существующая модель не является всеобъемлющей, самостоятельно (без государственной поддержки и мотивации) к ее использованию прибегают только экономически сильные регионы. В этой связи, автором предлагается усилить инициативность России в вопросе предложения форматов и форм для приграничного сотрудничества с дружественными странами, что ускорит евразийскую интеграцию и усилит евразийскую идею. Кроме того, предлагается перегруппировать центробежные силы российского пространства за счет включения в трансграничные регионы, обеспечивающие приграничные контакты, ближайших «полюсов роста».

RESUME

In the article the author analyzes the legal and institutional framework for international cooperation of the constituent entities of the Russian Federation in order to include the principles of Russia's national security in it. Author determines the historical retrospective of the formation of the mechanism of international contacts from the regional level, modern priorities and trends in the development of border areas. The author comes to the conclusion that a unique model of cross-border cooperation has developed in Russia, due to the country's historical desire to protect its borders. In Russia the barrier nature of the border is not an obstacle to the socio-economic growth of neighboring entities of the Russian Federation, and the contact nature, in turn, does not contribute to growth regions near the «transparent» border. At the same time, the existing model is not comprehensive; on its own (without state support and motivation), only economically strong regions resort to its use. In this regard, the author proposes to strengthen the initiative of Russia in the issue of offering formats and forms for cross-border cooperation with friendly countries, which will accelerate Eurasian integration and strengthen the Eurasian idea. In addition, it is proposed to regroup the centrifugal forces of the Russian space by including the nearest «growth poles» in the transboundary regions that provide border contacts.

Ключевые слова: регионы России, приграничное сотрудничество, национальная безопасность, интеграция, ЕАЭС

Keywords: border, regions of Russia, cross-border cooperation, national security, integration, EEU

Шевелёва Юлия Романовна, аналитик Института региональных и международных исследований, ORCID 0000-0003-2055-437X, Москва, Россия; sheveleva@irmi.ru.com

Yulia R. Sheveleva, analyst of Institute of Regional and International Research, ORCID 0000-0003-2055-437X, Moscow, Russia, sheveleva@irmi.ru.com

Введение

События марта 2022 г. показали, что приграничное сотрудничество субъектов РФ всецело зависит от геополитической конъюнктуры. 4 марта 2022 г. в ответ на начало специальной военной операции на Украине Европейская комиссия опубликовала заявление о приостановке реализации трансграничных проектов с Россией, в которые включены регионы северо-запада и севера страны. В этой связи автору статьи представлялось интересным рассмотреть готовность приграничных субъектов РФ к переориентации и смене векторов международного сотрудничества, оценить, насколько имплементированы интересы национальной безопасности и внешней политики в институциональные основы международного сотрудничества субъектов РФ, определить, соотносимы ли используемые в данном сотрудничестве понятия контактности и барьерности с таковыми в межгосударственных отношениях, характерно ли в принципе России понимание границы как формы сотрудничества и кооперации.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования автором использовались сравнительно-исторический метод, метод анализа документов, статистические методы. Опорными материалами послужили законодательные и нормативные акты РФ, касающиеся приграничного и международного сотрудничества субъектов РФ, регионального развития, концепции внешней политики России, информационные и статистические материалы Росстата и Российского экспортного центра.

Ретроспектива складывания международного сотрудничества российских регионов

Приграничное сотрудничество регионов современной России складывалось в условиях формирующейся федерации. Фасадный федерализм, присущий советскому строю, в начале 90-х гг. находился в состоянии кризиса. Власть на местах стремилась к обособлению и самостоятельности в принятии решений на фоне привнесенной демократией идеи децентрализации. Крайними проявлениями следования наставлению Б.Н. Ельцина «Берите суверенитета столько, сколько сможете переварить» стали обсуждения о создании Уральской и Дальневосточной республик, внесение в региональные конституции атрибуты независимых государств. На излете 90-х гг. правительство Е.М. Примакова вынуждено было прибегать к заключению двусторонних договоров с субъектами формирующейся федерации в целях эффективной имплементации региональных предпочтений в строящуюся модель (Кузьменко, 2022). Наиболее ярко история запечатлела кейсы урегулирования ситуации в Татарстане и Чечне.

Выраженная атлантическая направленность в умах политических элит начала 90-х в значительной мере способствовала наделению регионов статусом субъектов международного сотрудничества. Указ Б.Н. Ельцина №803 от 03 июня 1996 года (10, 1996) закреплял европейские практики взаимодействия «Центр-регионы». Лейтмотивом Указа служила децентрализация и «закрепление возможно большего числа полномочий в сфере совместного ведения за субъектами РФ». В частности, отдельно выделялось федеральное «содействие активизации международных экономических связей регионов Российской Федерации». Данные связи планировалось использовать «для обеспечения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов Российской Федерации на международной арене», каковые, согласно Концепции внешней политики 1993 года, были связаны с всеобъемлющим партнерством с Европой – провозглашался курс на имплементацию западных политических образцов (Концепция, 1993).

Отдельно в контексте исследования нас интересует то, что Указ 1996 года фиксировал необходимость проведения научно обоснованной политики в отношении приграничных регионов. Особый акцент в нем был сделан на территории Дальнего Востока, Арктики и Крайнего Севера. Как и другим субъектам РФ, им предоставлялось право выстраивать экономические и культурные связи с соседними государствами. Однако отметим, что субъекты, представляющие другую сторону, четко не определялись. В отношении СНГ даже применялась формулировка, на первый взгляд легитимирующая прямые контакты иностранных органов государственной власти и российских регионов: «содействие установлению тесных связей между регионами России и государствами – участниками Содружества Независимых Государств».

Тем не менее, номинальная субъектность российских регионов при выстраивании международного сотрудничества реальной на деле не стала. Глобальное переформатирование внутренней системы страны потребовало включенности региональных правительств, скорее, во внутривнутриполитический, чем во внешнеполитический контекст. Исследователи отмечают, что заимствованная у Запада модель региональной политики не работала. Несистемной, но все же действующей формой её реализации на тот момент можно считать лишь федеральные целевые программы, фокусирующиеся (хоть и хаотично) в том числе на приграничных территориях (Кузнецов, Кузнецова, 2019).

Факт того, что «парад суверенитетов» чуть было не охватил и отличные от вышедших из состава СССР республик территории, приводит исследователя к выводу о преопределенности централизации международного сотрудничества российских регионов. Как видится, на рубеже веков «вольность» субъектов РФ в части позиционирования себя как независимых государств сменилась тенденциями «закрепощения». В частности, данный факт подтверждает законодательное урегулирование международных и внешнеэкономических связей регионов в 1999 году. В основу их построения был заложен принцип разграничения предметов ведения федеральных и региональных органов власти. Проекты соглашений регионов о международном сотрудничестве отныне согласовываются с федеральным центром, случаи заключения таковых соглашений с органами государственной власти иностранных государств признаны исключительными и требующими

особой санкции со стороны Правительства России (12, 1999). Больше степеней свободы предоставлено сотрудничеству на уровнях регион-регион, муниципалитет-муниципалитет; регион-муниципалитет.

Кроме того, результатом 2000-х гг., когда институционализировалась внешнеторговая деятельность (8, 2003), создавались особые экономические зоны (9, 2005), инвестиционные фонды, стало то, что международные контакты регионов в большей степени стали рассматриваться как внешнеэкономические, возросло их значение для экспортно-импортных отношений страны в целом.

Концепция же внешней политики 2016 года фактически на 180 градусов развернула ставившиеся Россией в 1993 году на внешнем контуре приоритеты. Россия открыто выразила несогласие с гегемонией коллективного Запада и ребром поставила вопросы архитектуры глобальной и региональной безопасности (в т.ч. ядерных потенциалов), объявила о готовности вести диалог с Европой только на равных правах (10, 2016). За этим в 2017 году последовала имплементация принципа учета особенностей межгосударственных отношений и интересов национальной безопасности в основы приграничного сотрудничества (9, 2017), что свидетельствует о сращивании интересов национальной безопасности с политикой международного сотрудничества регионов России. В частности, Указ Президента РФ № 13 от 16 января 2017 г. «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (признавший утратившим силу Указ Б.Н. Ельцина №803 от 1996 г.) (11, 2017; 16, 1996) уже не рассматривал содействие регионам в установлении международных контактов как форму реализации региональной политики. Новые основы были ориентированы на выравнивание пространственного дисбаланса развития исключительно внутренними усилиями.

Концепция приграничного сотрудничества 2020 года отдельно обозначила для органов государственной власти, органов субъектов РФ и органов местного самоуправления необходимость учитывать характер военно-политических отношений сопредельных государств при выстраивании международного сотрудничества (Концепция, 2020). В тексте документа был закреплен приоритет развития системы национальной безопасности на приграничных территориях.

Таким образом, современем акценты международного сотрудничества регионов современной России сместились на внешнеэкономическую деятельность, в его основу были заложены принципы национальной безопасности, субъектность регионов была определена федеральными рамками, наметилась централизация вопросов выстраивания международных связей административно-территориальными единицами всех уровней.

Современные приоритеты России в развитии приграничья

Сохранение приверженности внешнеэкономическому характеру взаимодействия субъектов РФ с зарубежными странами прослеживается в том, что на сегодняшний день курирует международную деятельность регионов

Департамент развития и регулирования внешнеэкономической деятельности Минэкономразвития. Не придается забвению и принцип учета интересов национальной безопасности. Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года, принятая в 2019 году, подчеркивает то, что приоритетность развития территорий во многом связана с обеспечением национальной безопасности. Согласно Стратегии, геостратегическими являются именно приграничные регионы России, однако к приоритетным отнесены только Республика Крым и Севастополь, Калининградская область, Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральные округа, Арктическая зона РФ. Отличные от вышеперечисленных геостратегических субъектов РФ не наделены приставкой «приоритетные» (Стратегия, 2019).

Высвечивает приоритетность развития тех или иных приграничных субъектов РФ существование профильных ведомств и институтов. Так с 2014 по 2020 г. в России существовало Министерство по делам Северного Кавказа. До 2020 года действовала и на 94% была реализована (7, 2021) Государственная программа «Развитие Северо-Кавказского федерального округа». С 2014 г. по настоящее время функционирует Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики, распоряжением Правительства в 2015 году была определена концепция развития приграничных территорий субъектов ДФО. Кроме того, определены отдельные стратегии развития для Арктической зоны РФ и Дальнего Востока, Указами Президента закреплены основы проведения политики в данных макрорегионах, в Государственной Думе VIII созыва сформирован отдельный комитет, занимающийся вопросами Дальнего Востока и Арктики. В марте 2019 г. Постановлением Правительства утверждена новая редакция Госпрограммы по развитию Калининградской области с учетом продления срока ее реализации до 2025 года. В конце 2021 года была продлена сроком на 2 года ФЦП по развитию Республики Карелия, ранее в 2019 году регион был включен в число субъектов РФ, требующих индивидуального плана развития. Реализуются государственная программа и ФЦП по социально-экономическому развитию Крыма и Севастополя (продолжены в 2022 году), работа Департамента реализации региональных инвестиционных программ и координации социально-экономического развития регионов Минэкономразвития сфокусирована на Крымском полуострове.

На лицо тенденция к имплементации военно-политических интересов в политику регионального развития. Дабы противостоять влиянию недружественных в своей политике стран Россия направляет внутренние ресурсы и усилия на эксклавные территории, соседствующие с западными партнерами; на наиболее протяженный в границах с ЕС субъект РФ – Карелию; на территории, способные обеспечить баланс положения России в мировой системе (Дальний Восток и Арктику). В 2020 году приоритет движения в Арктику обозначился особенно ярко на фоне ряда вышедших нормативных правовых документов и, скорее всего, временного институционального сворачивания политики на Северном Кавказе.

В контексте исследования стоит обратить особое внимание на институционализированность развития именно приграничья России (в предыдущем разделе нами упоминались Концепция и Федеральный закон,

касающиеся приграничного сотрудничества; вышеперечисленные институты регионального развития также ориентированы на приграничье). Наблюдается исторически обусловленное стремление РФ к охране своих рубежей, в том числе и к социально-экономической охране. С 2000-х концептуальные документы закрепляют нежелательность периферийности позиций приграничных регионов в сравнении с соседствующими государствами (например, показатели развития Калининградской области, определяются исходя из уровня, задаваемого ЕС) (Кузнецов, Кузнецова, 2019). Сворачивая политику благоприятствования установлению международных контактов регионов с соседями, федерация стремится сохранить суверенитет над социально-экономическими эффектами приграничья, направляя туда свои ресурсы. Тем самым Россия компенсирует недостатки традиционного подхода к лимологии, который подразумевает приоритет предотвращения военной угрозы над «коридорами развития» и экономической диффузией на границе. Однако отметим, что на фоне общего концепта барьерности российских границ перечень приоритетных приграничных регионов свидетельствует о реальном строительстве такого барьера именно на Западе.

В целом, можно заключить, что ввиду обусловленного историческими событиями и масштабами территории стремления защитить свои рубежи Россия после распада СССР пока не смогла комплексно подойти к вопросу международного сотрудничества субъектов РФ. Начальная институциональная база давала выходящие за рамки возможности и, что предотвратило дезинтеграционные процессы, фактически не реализовывалась на практике. Собрание и закрепление федерации в 2000-х, сопровождавшееся централизацией, упорядочило и умерило права и свободы субъектов РФ в международной сфере, в некоторой степени экономически детерминировало контакты регионов с зарубежными странами. В международные связи регионов были встроены иерархия согласования, учет особенностей межгосударственных отношений, интересы национальной безопасности. Фокус был смещен на приграничье и экспортно-импортные отношения, в приоритете остаются именно геостратегические территории, граничащие с недружественными во внешней политике России странами.

Барьерные и контактные границы приграничного сотрудничества для регионов России

Стремление обеспечить независимость развития граничащих с Европейским союзом регионов от трансграничных эффектов начинает прослеживаться в России с приходом к власти В.В. Путина. Небезызвестные доклады Европейской комиссии о «широкой Европе» 2003-2004 г. запустили механизм европейской политики сотрудничества (ЕПС) с соседними странами. Однако РФ от выполнения «плана действий» в рамках такой политики отказалась, отдав предпочтение партнерству исключительно в сфере энергетики. Россия обозначила свой особый статус во взаимоотношениях с Европой и нежелание вписываться в европейскую архитектуру. В частности, это нашло отражение в согласовании форматов международного

сотрудничества приграничных регионов. Трансграничные проекты «Интеррег» стороны договорились реализовывать на особом финансовом механизме, по которому российский бюджет направлял средства в регионы России, а европейский бюджет – в регионы ЕС (Кондратьева, 2022). Допускалось финансирование со стороны Европейского банка реконструкции и развития (но лишь потому, что Россия была его участником). Ситуация марта 2022 г. доказала действительность существования барьера на границах Мурманской, Архангельской, Псковской, Ленинградской, Калининградской областей, Санкт-Петербурга, Республики Коми и Республики Карелия. «Временная заморозка» трансграничных проектов несильно ударила по российской стороне, которая выполнила все финансовые обязательства перед своими регионами, включенными в программы «Интеррег». Средства они не потеряли, т.к. Европейская комиссия не оказывала помощи субъектам РФ.

Активизация же темы евразийской интеграции под патронатом России после Мюнхенской речи В.В. Путина (2007), подкрепленная впоследствии новой внешнеполитической концепцией РФ (2008), стала катализатором выделения в ЕПС механизма «Восточного партнерства» (ВП). Одним из главных условий включения в данное партнерство был отказ стран порубежья от вступления в Таможенный союз ЕАЭС. Ассоциированные соглашения в рамках ВП подстыковали страны к ЕС в политической, экономической, гуманитарной сферах, в визовом режиме, в вопросах безопасности. Работа данного механизма расширила барьерные границы для приграничного сотрудничества России: таковые установились на рубежах с Украиной и Грузией. В то же время наметились контактные границы сотрудничества: экономически прозрачными в 2010 году становятся границы с Белоруссией и Казахстаном, с начала 2000-х по линии ШОС Россия благоприятствует разнонаправленным контактам с Китаем. В 2021-2022 годах активизировалось сотрудничество российских регионов, в т. ч. трансграничное, с рядом других зарубежных стран (Азербайджан, Армения, Абхазия, Киргизия, Индия, Иран, Таджикистан, Узбекистан и др.) (Комлева 2022: 11).

Таблица 1

Основные рынки сбыта и динамика экспорта приграничных субъектов РФ (январь-сентябрь 2021 г.)

(составлено автором по материалам: 19, 2022)

Субъект РФ	Основные рынки	Стремительный рост экспорта	Стремительное падение экспорта	Динамика экспорта на приграничье
Санкт-Петербург	1. Нидерланды: 5,65 млрд долл. 2. Великобритания: 1,99 млрд долл. 3. Китай: 1,95 млрд долл.	ЦАР (+139507%) Эфиопия (+14145%) Буркина Фасо (+6992%) Тунис (+5025%) Нигерия (+2289%)	Норвегия (-90%) Румыния (-79%) Вьетнам (-78%) Болгария (-69%) Израиль (-69%) Швеция (-66%) Франция (-60%)	Литва (+766%) Дания (+532,7%) Польша (+60%) Латвия (-3%) Германия (-11%) Финляндия (-25%) Эстония (-25,7%) Швеция (-66%)

Калинин-градская область	<ol style="list-style-type: none"> 1. Норвегия: 0,30 млрд долл. 2. Белоруссия: 0,19 млрд долл. 3. Китай: 0,18 млрд долл. 	<p>Египет (+21739%) Южная Осетия (+8948%) Туркмения (+2528%)</p>	<p>Австралия (-98%) Индия (-97%) Малайзия (-95%) Венгрия (-84%) Румыния (-81%)</p>	<p>Дания (+132%) Норвегия (+103%) Финляндия (+70%) Литва (+52%) Швеция (+49%) Польша (+29%) Латвия (+15%) Германия (+13%)</p>
Ленин-градская область	<ol style="list-style-type: none"> 1. Китай: 0,95 млрд долл. 2. Эстония: 0,59 млрд долл. 3. Финляндия: 0,48 млрд долл. 	<p>Гватемала (+4766%) Гондурас (+2523%) ЮАР (+1744%)</p>	<p>Тунис (-85%) Гонконг (-84%) Албания (-76%)</p>	<p>Литва (+240%) Латвия (+184%) Норвегия (+81%) Эстония (+55%) Польша (+30%) Финляндия (+21%) Германия (+12%) Швеция (-32%) Дания (-51%)</p>
Мур-манская область	<ol style="list-style-type: none"> 1. Нидерланды: 1,37 млрд долл. 2. Финляндия 0,67 млрд долл. 3. Китай: 0,53 млрд долл. 	<p>Республика Корея (+15265%) ЮАР (+12951%) Испания (+4714%)</p>	<p>Мексика (-96%) Индия (-81%) Германия (-77%) Япония (-75%)</p>	<p>Финляндия (+30%) Норвегия (+35%) Дания (+12%) Канада (+0,01%) США (-33%) Швеция (-46%)</p>
Белго-родская область	<ol style="list-style-type: none"> 1. Китай: 0,52 млрд долл. 2. Турция: 0,32 млрд долл. 3. Италия: 0,29 млрд долл. 	<p>Индонезия (+397268%) Гана (116360%) Республика Корея (+28120%) Танзания (+15122%)</p>	<p>Малайзия (-98%) Бельгия (-84%) Финляндия (-80%)</p>	<p>Украина (+36%)</p>
Ростовская область	<ol style="list-style-type: none"> 1. Турция: 1,78 млрд долл. 2. Украина: 1,05 млрд долл. 3. ОАЭ: 1,04 млрд долл. 	<p>Сирия (+4735%) Гвинея (+3583%) Мьянма (+2348%)</p>	<p>Кувейт (-98%) Филиппины (-97%) Мозамбик (-95%)</p>	<p>Украина (+35%)</p>
Краснодар-ский край	<ol style="list-style-type: none"> 1. Турция: 0,59 млрд долл. 2. Швейцария: 0,40 млрд долл. 3. Китай: 0,38 млрд долл. 	<p>Аргентина (+315118%) Колумбия (+42625%) Финляндия (+14481%) Мексика (+11875%)</p>	<p>Филиппины (-99%) Катар (-98%) Норвегия (-96%) ЮАР (-92%)</p>	<p>Абхазия (+70%) Украина (+23%) Турция (+11%) Грузия (-22%)</p>
Астра-ханская область	<ol style="list-style-type: none"> 1. Индия: 0,23 млрд долл. 2. Туркмения: 0,20 млрд долл. 3. Китай: 0,17 млрд долл. 	<p>Китай (+186166%) Латвия (+82781%) Туркмения (+10700%)</p>	<p>Иордания (-76%) Таджикистан (-71%)</p>	<p>Туркменистан (+10700%) Казахстан (+28%) Иран (-26%) Азербайджан (-38%)</p>

Самарская область	1. Монголия: 0,44 млрд долл. 2. Казахстан: 0,29 млрд долл. 3. Турция: 0,22 млрд долл.	Гонконг (+42942%) Австрия (+11232%) ЮАР (+2750%)	Албания (-99%) Аргентина (-99%) Никарагуа (-97%)	Казахстан (+4%)
Новосибирская область	1. Китай: 0,74 млрд долл. 2. Казахстан: 0,41 млрд долл. 3. Индия: 0,15 млрд долл.	Ирландия (+135573%) Сингапур (+93182%) Непал (+49356%) Новая Зеландия (+13308%)	Венгрия (-99%) Мексика (-99%) Словения (-94%) Саудовская Аравия (-93%)	Казахстан (+37%)
Тюменская область	1. Китай: 0,14 млрд долл. 2. Турция: 0,13 млрд долл. 3. Бельгия: 0,11 млрд долл.	Перу (+2015125%) Иордания (+73424%) Ирак (+26323%) Норвегия (+21395%) Турция (+15297%)	Ливан (-99%) Южный Судан (-98%) Япония (-91%) Индия (-74%)	Казахстан (+72%)
Приморский край	1. Республика Корея: 0,84 млрд долл. 2. Китай: 0,81 млрд долл. 3. Япония: 0,27 млрд долл.	Южная Осетия (+13574%) Чехия (+4334%)	Египет (-99%) Гватемала (-99%) Кения (-99%) Швейцария (-97%)	КНДР (+47,61%) Япония (+45,71%) Китай (-17,52%) Республика Корея (-100%)

Принимая во внимание частоту ассоциации международного сотрудничества регионов России с внешнеэкономическими связями, рассмотрим сегодняшние барьерность и контактность границ России на показателях экспорта приграничных субъектов РФ в январе-сентябре 2021 года. Мы выделили на приграничье регионы – экономические центры, основываясь на результатах наших предыдущих исследований (Шевелёва, 2022) и показателях динамики численности их населения с 2010 по 2020 гг. (13, 2021), и агрегировали данные по их основным зарубежным рынкам сбыта, направлениям стремительного роста и снижения экспорта в указанный период, показателям их экспорта в соседние страны (см. таблицу 1).

Полученные результаты свидетельствуют о следующем: в большинстве случаев основные экономические связи приграничных регионов имеют трансграничный характер. Более выражено приграничное сотрудничество лишь на Балтике и на Дальнем Востоке. Однако и там, и в субъектах, основные рынки сбыта которых ориентированы на не граничащие с ними страны, в январе-сентябре 2021 г. наметилась тенденция переориентации на экспорт в Африку, Латинскую Америку, Ближний и Дальний Восток, Юго-Восточную Азию (в сотни и тысячи крат возросли объемы). Обозначаются лидеры в числе внешнеэкономических партнеров приграничья – Китай и Турция, причем чаще всего взаимодействие с ними носит внерегиональный характер.

Если же рассматривать взаимодействие регионов и исключительно стран, имеющих с ними общую границу, то можно заметить, что в целом, несмотря на

геополитическую конъюнктуру, положительную динамику имело приграничное сотрудничество со странами Запада, сравнительно небольшой прирост наблюдался в экспорте в Украину и среднеазиатские страны, нестабильным было (то наращивалось, то снижалось в экспортных объемах) сотрудничество со странами Востока. Тем не менее, прослеживалось общее снижение объемов товарооборота с Европой, экспорт в страны Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки имел колебательную динамику.

В целом, можно сказать, что дружественные интеграционные форматы, которые Россия начинает формировать в 2000-е и 2010-е, обозначили для приграничных субъектов РФ контактные границы на Юге страны (с Абхазией, Южной Осетией, Казахстаном), на Западе (с Беларусью), на Востоке (с Монголией, Китаем). Признание и подписание соглашений с ДНР и ЛНР в феврале 2022 г. немного расширило протяженность контактной границы на Западе. Барьерными, фильтрующими по ходу современной российской истории стали рубежи со странами ЕС, ассоциированными участниками ВП – Украиной и Грузией. Следуя позиции постмодернистов, о полноценной контактности границы мы говорим в случае наличия у стран соглашения о военно-политическом сотрудничестве. Исходя из этого, у России таких границ две – с Казахстаном (по линии ОДКБ) и с Беларусью (по линии Союзного государства).

Тем не менее, актуальная (с учетом временных лагов ее представления) статистика говорит о том, что зачастую приграничные регионы следуют общим экспортным трендам России и потому в большей степени ориентированы на трансграничное сотрудничество. Границы в рамках дружественных форматов недостаточно контактны. Действительно контактной сегодня в экономическом плане можно считать границу с Китаем, т.к. на нее значительно ориентировано сотрудничество регионов. В целом же установление барьера для региональных контактов на Западе не повлекло за собой настройки контактных границ. Централизация международного сотрудничества российских регионов, ориентированная на поддержание барьерных границ, не способствует развитию контактов субъектов РФ с дружественными странами.

Таблица 2

Динамика численности населения и федеральных инвестиций в основной капитал на приграничье (2010,2020)

(составлено автором по материалам: 13, 2021)

Приграничье	Состав	Доля российско-го населения в 2010 и 2020 гг.	Доля федеральных инвестиций в основном капитале в 2010 и 2020 гг. (в среднем)
Западное приграничье	г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Псковская область, Республика Карелия	2010 – 6,8% 2020 – 7,3%	2010 – 13% 2020 – 16%

Славянское при- граничье	Смоленская область, Брянская область, Курская область, Белгородская область, Воронежская область, Ростовская область, г. Севастополь Республика Крым	2010 – 8% 2020 – 9,3%	2010 – 15% 2020 – 23,8%
Южное пригра- ничье	Астраханская область, Волгоградская область, Краснодарский край, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Кабардино – Балкарская Республика, Карачаево – Черкесская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика	2010 – 11,2% 2020 – 11,5%	2010 – 22,9% 2020 – 34,3%
Центрально-Ази- атское приграни- чье	Самарская область, Саратовская область, Оренбургская область, Курганская область, Тюменская область, Челябинская область, Новосибирская область, Омская область	2010 – 12,7% 2020 – 12,9%	2010 – 8,1 % 2020 – 9 %
Восточное пригра- ничье	Алтайский край, Республи- ка Алтай, Республика Тыва (Тува), Республика Бурятия, Забайкальский край, Амурская область, Хабаровский край ЕАО, Приморский край	2010 – 6,5% 2020 – 6,7%	2010 – 24 % 2020 – 21,2%

Уникальные черты положения приграничных регионов России

Как и во многих других вопросах, Россия уникальна при рассмотрении и изучении ее приграничного сотрудничества и положения ее приграничных регионов. Во многом из-за того, что приграничное сотрудничество рассматривается как способ обеспечения национальной безопасности.

Барьер, но не периферия. Существование барьера на границе, в традиционном понимании, влечет за собой периферийность приграничных территорий (Черная, Шинковский, 2005). Однако российское приграничье априори нельзя назвать всецело периферийным, т.к. ввиду географии расселения на нем сосредоточилось 47,7% населения (и это без субъектов, имеющих приморские границы). В рамках исследования мы разбили приграничные субъекты РФ по группам в соответствии с геополитическими приоритетами страны и проанализировали в них динамику отдельных показателей. С 2010 по 2020 г. население приграничных территорий повсеместно приросло (см. таблицу 2). В частности, как мы ранее выяснили, федерация компенсирует устанавливаемые в целях безопасности барьеры федеральными инвестициями. Доля таковых в основном капитале с 2010 по 2020

г. возросла на всех рубежах, за исключением восточного (на фоне сохранения приоритетов развития Дальнего Востока это свидетельствует о диверсификации привлекаемых в восточные регионы инвестиций). Устанавливая барьеры, РФ стремится избежать периферийности располагаемых около них территорий.

Контакт, но не экономический рост. Согласно теории, на контактных границах образуются «коридоры развития», открытость границ способствует экономическому росту приграничья (Савельев, 2010). Однако граничащие с Беларусью, Казахстаном, частично признанными республиками субъекты РФ не являются «передовиками» социально-экономического развития, не наблюдалось стремительного и динамичного роста этих территорий с момента усиления интеграции по линии Союзного государства и ЕАЭС. Отмечается, что и при наличии контактной границы на рубеже регионы тяготеют к трансграничному экономическому сотрудничеству с экономическими «гегемонами» (Китаем, Турцией). В стратегии пространственного развития нет блока, посвященного встраиванию регионов в евразийское экономическое пространство (ЕАЭС) и Союзное государство.

Опираясь на выявленную тенденцию выстраивания субъектами РФ именно экономических контактов с зарубежными странами и топ субъектов-экспортеров (по данным РЭЦ) мы можем говорить о том, что в большей степени на международное сотрудничество ориентированы регионы России, расположенные не у границ, что вполне логично – контакты выстраивают сильные в экономическом плане игроки (столичные регионы, Поволжье, нефтегазоносные территории). Повсеместно открываются «окна» в АТР, африканский и латиноамериканский регионы. Приграничные субъекты РФ вовлекаются в форматы международного сотрудничества, однако таковое не имеет для них масштабных по меркам европейского опыта проведения такой политики социально-экономических эффектов.

В то же время в современных геополитических реалиях приграничное сотрудничество регионов России (с учетом того, что в его основу заложены интересы национальной безопасности) может рассматриваться как механизм ускорения евразийской интеграции.

Запуск такого механизма может быть обеспечен заложением в основу сотрудничества субъектов РФ с зарубежными странами не приграничного, а трансграничного региона. Трансграничный регион, в нашем понимании, с обеих сторон включает в себя приграничные политико-территориальные образования и охватывает территорию дальше от границы до ближайшего «полюса роста». Переконфигурация центробежных сил может двусторонне (со стороны «полюса роста» и зарубежных субъектов) обратить на периферийные территории России экономические эффекты (Черная, Шинковский, 2005). Так, исходя из ранее проводимых автором исследований и социально-экономических позиций регионов, на границе с Казахстаном перспективным представляется рассмотрение в качестве «полюсов роста» такого трансграничного региона Свердловской области, Пермского края, Республики Татарстан, Томской области, на границе с Беларусью – Липецкой области. В таком трансграничном регионе перспективны реализация кластерных инициатив, обучение кадров на местах порядку и способам трансграничного взаимодействия.

Выводы

Основы приграничного сотрудничества РФ обусловлены исторически. На фоне повторявшихся из века в век претензий со стороны внешних акторов на территории Россия рассматривает границу как способ предотвращения военной угрозы и обеспечения национальной безопасности. Геоэкономика ориентируется на геополитические приоритеты российского государства. Международные и внешнеэкономические связи субъектов РФ сохранились как форма региональной политики, однако активное содействие им в 90-х сменилось усмирением региональных амбиций с начала 2000-х: контакты регионов с зарубежными странами упорядочили, централизовали, заложили в них внешнеэкономическую основу. Международное сотрудничество субъектов РФ отныне проходит через фильтр интересов национальной безопасности и особенностей межгосударственных отношений.

Барьерными для международного сотрудничества субъектов РФ в современных реалиях выступают границы со странами ЕС и ассоциированными членами Восточного партнерства (Украиной, Грузией). Всецело контактными – границы с Беларусью и Казахстаном. Однако проведенное исследование показало, что приграничные контакты регионов преимущественно активны на Балтике и Дальнем Востоке, в остальных случаях порубежье ориентировано на трансграничные контакты, соотносимые с общероссийскими экспортными трендами. Экономические шоки 2021-2022 гг. усилили вектора сотрудничества приграничных субъектов с внерегиональными партнерами – Африкой, Латинской Америкой, Ближним и Дальним Востоком, Юго-Восточной Азией. Настоящая модель приграничного сотрудничества субъектов РФ не в полной мере ориентирована на евразийскую интеграцию.

Уникальность российской модели приграничного сотрудничества, сфокусированной на обеспечении безопасности, проявляется в следующем. Устанавливая барьерные границы, федерация, дабы исключить периферийность статуса находящихся возле них субъектов, компенсирует сдерживаемые барьером социально-экономические эффекты за счет перераспределения и целевого направления внутренних ресурсов на эти территории. В то же время при установлении контактных границ в приграничных субъектах РФ не наблюдается предполагаемых теорией экономического роста и диффузии. В первом случае Россия политически «обыгрывает» теорию, а во втором случае – «проигрывает» теоретическим положениям.

В этой связи представляется целесообразным скоординировать политику на приграничных территориях, сделать в ней упор не только на действия около барьерных границ, но и предусмотреть возможности для максимального использования контактности границ в пользу субъектов РФ. Укрепление дружественных интеграционных форматов также соответствует интересам национальной безопасности, потому приграничное сотрудничество российских регионов следует рассматривать как механизм ускорения евразийской интеграции. Необходимо разрабатывать соответствующие форматы и программы для запуска такого механизма. Перегруппировка центробежных сил за счет включения в трансграничные регионы ближайших «полюсов роста» может оказать значительное положительное воздействие

на развитие приграничных территорий. Синергия действия с двух сторон «полюсов роста», подкрепленная кластерными инициативами, обучением кадров на местах, может поспособствовать успеху научно-технической и культурной кооперации.

Список литературы

1. Комлева В.В. Международное сотрудничество регионов России: институциональные основы и характерные модели // Россия: общество, политика, история. 2022. №1(1). С. 10-34.
2. Кондратьева Н. Б. Европейская комиссия приостанавливает трансграничное сотрудничество с Россией // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. Выпуск 1. С.71-76.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. расп. Президента РФ от 23.04.1993) // Всеобщая история государства и права: библиотека Пашкова Романа по источникам права. URL: <https://constitutionallaw.ru/?p=3666>.
4. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (утв. расп. Правительства РФ от 07.10.2020 № 2577-п) // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/MnASiQeMZvg94D1jToaVcdAyXzgFpGAC.pdf>.
5. Кузнецов А.В., Кузнецова О.В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 58-75.
6. Кузьменко Е.А. Стратегические взгляды Е.М. Примакова на проблемы взаимодействия Центра и регионов Российской Федерации // Россия: общество, политика, история. 2022. №1(1). С. 82-89.
7. Минэкономразвития РФ подвело итоги госпрограммы развития СКФО в 2021 году / Новости // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rf_podvelo_itogi_gosprogrammy_razvitiya_skfo_v_2021_godu.html.
8. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности : Федеральный закон РФ от 08.12.2003 №164-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/.
9. Об основах приграничного сотрудничества : Федеральный закон РФ от 26.07.2017 №179-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/.
10. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.11.2016 №640 // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>.
11. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента РФ от 16.01.2017 №13 // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/.
12. Окоординации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 04.01.1999 №4-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21476/.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели / Статистические издания // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат): официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
14. Савельев Ю. В. Региональная экономическая политика в приграничном регионе: постановка исследовательских задач // Региональная экономика: теория и практика. 2010. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-ekonomicheskaya-politika-v-prigranichnom-regione-postanovka-issledovatel'skih-zadach>.
15. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. расп. Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-п) // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVALqUtT08o60RktoOXl22jAe7irNxc.pdf>.
16. Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10590/.
17. Черная И. П., Шинковский М. Ю. Приграничный регион в условиях глокализации: теоретико-концептуальные подходы // Пространственная экономика. 2005. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prigranichnyy-region-v-usloviyah-glokalizatsii-teoretiko-kontseptualnye-podhody>.
18. Шевелёва Ю. Р. Связность экономического пространства новых макрорегионов России // Социальные процессы и явления. 2022. №1(2). URL: <https://socph.ru/ru/2022/04/%d1%81%d0%b2%d1%8f%d0%b7%d0%bd%d0%be%d1%81%d1%82%d1%8c-%d1%8d%d0%ba%d0%be%d0%bd%d0%be%d0%bc%d0%b8%d1%87%d0%b5%d1%81%d0%ba%d0%be%d0%b3%d0%be-%d0%bf%d1%80%d0%be%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b0%d0%bd%d1%81%d1%82/>.
19. Экспорт регионов: аналитический портал // АО Российский экспортный центр. URL: <http://regionstat.exportcenter.ru/regions/map/>.

Приграничное сотрудничество сопредельных регионов в действии (на примере г. Санкт-Петербурга)

Яндуткина А.И.

АННОТАЦИЯ

Российская Федерация занимает первое место в мире по протяженности государственной границы, что обуславливает наличие значительного количества стран-соседей: 18 государств имеют общую сухопутную границу с Россией, еще два – граничат по морю. Внутри страны приморским или приграничным положением обладают 49 субъектов РФ и более 400 муниципальных образований. Все это не только создает возможность, но и порождает необходимость развития международных связей в приграничных регионах. В статье автором описывается современная нормативно-правовая и институциональная базы осуществления приграничного сотрудничества, рассматриваются особенности реализации программ в данной сфере при участии г. Санкт-Петербург, а также выявляются проблемы и оцениваются перспективы взаимодействия города с государствами-соседами посредством ППС. По итогам анализа предлагаются конкретные меры, направленные на устранение выявленных проблем и повышение эффективности реализации ППС при участии г. Санкт-Петербург.

RESUME

The Russian Federation has the longest state border in the world. 18 states have a common land border with Russia and 2 states border it by sea. Within the country, 49 subjects of Russia and more than 400 municipalities have a seaside or border position. It creates a great opportunity as well as the need for developing international relations between border regions. In the article, the author describes the modern legal and institutional framework for the implementation of cross-border cooperation (CBC), examines the specifics of the implementation of CBC programmes with the participation of St. Petersburg, as well as identifies problems and assesses the prospects of interaction between St. Petersburg and neighboring states through the CBC programmes. Then the author suggests specific measures aimed at eliminating the identified problems and improving the effectiveness of the implementation of CBC programmes, in which St. Petersburg participates.

Ключевые слова: Приграничное сотрудничество, программы приграничного сотрудничества, международные связи регионов государств

Keywords: Cross-border cooperation, cross-border cooperation programmes, international relations of regions of states

Яндуткина Анастасия Игоревна, студент Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, yandutckina2017@yandex.ru

Anastasia I. Yandutkina, student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, yandutckina2017@yandex.ru

Введение

Приграничное сотрудничество как форма международного взаимодействия подразумевает под собой согласованные действия органов власти различных

уровней, юридических и физических лиц, а также различных неправительственных организаций, направленные на достижение устойчивого социально-экономического развития приграничных регионов, обеспечение национальной безопасности страны и укрепление добрососедских отношений (Вардомский 2004: 1).

Начиная с 1990-х гг., Россия активно реализует различные программы, направленные на развитие сотрудничества с сопредельными государствами. Тем не менее, в настоящее время мы можем наблюдать напряженность в отношениях с рядом приграничных стран, снижение с их стороны интереса к участию в таких мероприятиях, отсутствие видимого эффекта от осуществления ряда проектов (Рустамова 2019: 713-729), что говорит о необходимости совершенствования механизмов реализации приграничного сотрудничества со стороны органов власти РФ.

Таким образом, цель данной статьи состоит в анализе основных особенностей, проблем и перспектив осуществления приграничного сотрудничества г. Санкт-Петербург, а также разработке предложений по совершенствованию его реализации.

Материалы и методы исследования

Статья основана на научных исследованиях в сфере приграничного сотрудничества, нормативно-правовых актах, регулирующих данную область, а также материалах органов государственной власти РФ и полномочных органов, участвующих в реализации ППС между Россией и ЕС. При написании статьи автор использовал такие методы исследования, как описание, теоретический анализ статистических и аналитических материалов, сравнительный метод.

Результаты исследования

Приграничное сотрудничество – одна из самых ранних форм межрегионального взаимодействия, которая начала свое развитие вместе с появлением границ между государствами. Несмотря на расширение и углубление международных связей регионов и стран, совместная деятельность приграничных территорий продолжает играть важную роль в силу своей экономической и политической значимости.

Основополагающим условием приграничного сотрудничества является общность положения регионов, которая определяет их близость в природном и этнокультурном плане. В то же время не менее значимы и различия соседних регионов по структуре экономики, инвестиционному и налоговому законодательству, уровню цен на товары и услуги, что дает возможность обмениваться различными факторами производства и конечными продуктами экономической деятельности, использовать институциональные различия при ведении бизнеса. Однако в определенных ситуациях слишком значительные различия в законодательстве или уровне социально-экономического развития приграничных регионов могут негативно влиять на возможность осуществления межрегиональных связей.

Роль приграничного сотрудничества для сопредельных территорий и государств в целом сложно переоценить. Оно помогает преодолеть периферийность приграничных регионов в национальных экономических системах, решить проблемы занятости и доходов населения, а также наполнить региональные рынки более качественными товарами и услугами. Кроме того, для государства приграничное сотрудничество выступает геополитическим инструментом распространения своего влияния на сопредельные страны (Дергачев 2017: 110).

Как известно, любая сфера жизни общества должна быть законодательно регламентирована. Нормативно-правовую базу приграничного сотрудничества РФ составляют Федеральный закон от 26.07.2017 №179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества»; Федеральный закон от 04.01.1999 №4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»; Концепция приграничного сотрудничества в РФ и Концепция внешней политики РФ.

Федеральный закон от 04.01.1999 №4-ФЗ закрепляет за субъектами РФ право осуществлять международные связи с иностранными государствами и их территориальными образованиями (Федеральный закон, 1999).

Фундаментом же нормативно-правовой базы выступает Федеральный закон от 26.07.2017 №179-ФЗ, который дает определение таким ключевым понятиям, как «приграничное сотрудничество», «приграничные субъекты РФ» и т.д., а также формулирует основные принципы, направления и задачи приграничного сотрудничества. Кроме того, в данном законе прописаны полномочия органов государственной власти и местного самоуправления в данной сфере (Федеральный закон, 2017).

Основными документами, задающими вектор развития приграничного сотрудничества на ближайшие годы, являются Концепция внешней политики РФ и Концепция приграничного сотрудничества в РФ. Первый документ закрепляет систему взглядов на принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики РФ. В частности, в качестве одной из ключевых задач определено формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устранению и предотвращению очагов напряженности на их территориях. Также в Концепции выделены региональные приоритеты внешней политики, среди которых следует упомянуть поддержание интенсивного и взаимовыгодного диалога с ЕС (Указ, 2016).

Концепция приграничного сотрудничества в РФ определяет цели, направления, принципы и факторы деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в данной сфере. Кроме того, документ устанавливает конкретные виды реализации приграничного сотрудничества и более детально описывает направления деятельности органов власти. В третьей же части определены меры по стимулированию развития приграничного сотрудничества (Распоряжение, 2020).

Все субъекты-представители г. Санкт-Петербург при осуществлении приграничного взаимодействия, помимо законодательства федерального уровня, опираются на Закон Санкт-Петербурга от 08.07.2008 №418-70 «О международном сотрудничестве, международных и внешнеэкономических связях Санкт-Петербурга», который определяет полномочия органов государственной власти города в сфере

Рисунок 1

Программная территория ППС «Россия – Юго-Восточная Финляндия»

Финансируется Европейским Союзом, Российской Федерацией и Республикой Финляндия

приграничного сотрудничества, а также особенности финансирования расходов из средств городского бюджета и обмена информацией между законодательной и исполнительной ветвями власти региона (Закон, 2008). Исполнительным же органом, непосредственно занимающимся вопросами приграничного сотрудничества, является Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга.

Основным инструментом реализации взаимодействия с сопредельными регионами выступают программы приграничного сотрудничества (ППС). В настоящее время Санкт-Петербург является участником следующих программ:

- «Россия – Юго-Восточная Финляндия»;
- «Россия – Эстония»;
- «Россия – Латвия».

Данные программы реализовывались в 2007 – 2013 и 2014 – 2020 гг. и были продлены на период 2021 – 2027, однако конкретные проекты до сих пор не были определены и находились в доработке в ходе консультаций обеих сторон. В качестве примера рассмотрим одну из программ.

Основной программный регион ППС «Россия – Юго-Восточная Финляндия» включает в себя финские Кюменлааксо, Южное Саво и Южную Карелию и российские

Ленинградскую область и Санкт-Петербург (см. рисунок 1). В качестве тематических целей были выделены развитие МСП; поддержка образования, научных исследований, развития технологий и инноваций; охрана окружающей среды, смягчение последствий изменения климата и адаптация к ним; и содействие обеспечению пограничного контроля и безопасности границ. Общий объем финансирования с 2007 по 2020 гг. составил 144 млн. евро. За аналогичный период с участием Санкт-Петербурга было реализовано более 70 проектов. Так, благодаря проекту «Развитие образования в сферах строительства и ЖКХ» при участии Эдустрой Финланд Лтд и Комитета по строительству Санкт-Петербурга была разработана концепция российско-финского Учебно-производственного центра повышения квалификации и переподготовки рабочих и специалистов для отраслей строительства и ЖКХ.

Как уже упоминалось выше, с 2019 г. шел процесс разработки программных документов на 2021 – 2027 гг. Запуск ППС был запланирован на конец 2022 г., но 4 марта стало известно о решении Европейской комиссии приостановить реализацию ППС России и ЕС в связи со сложившейся геополитической ситуацией. Данный факт сводит на нет любые перспективы относительно ближайшего будущего, но не означает бессрочного прекращения совместной деятельности в данной сфере, что дает надежду на возобновление показавшего себя эффективным взаимодействия при помощи ППС. Исходя из этого, видится целесообразным выявить проблемы и перспективы сотрудничества города с сопредельными территориями посредством ППС.

Среди недостатков стоит выделить несвоевременное выполнение ряда поставленных задач. Так, в соответствии с общей схемой реализации программного периода 2021 – 2027 Программные документы должны были быть утверждены Европейской Комиссией во второй половине 2021 г. В реальности Программный комитет ППС «Россия – Юго-Восточная Финляндия» в феврале 2022 г. еще только обсудил содержание проекта Программного документа.

Значительным препятствием для повышения информированности о ходе и результатах деятельности в рамках ППС, а также привлечения резидентов РФ к участию в ней, является недостаток информации на русском языке. Так, на данный момент отсутствует русскоязычная версия сайта ППС «Россия-Эстония». Единственным документом на государственном языке РФ является трехстраничная брошюра, содержащая справочную информацию о программе.

В качестве еще одного недостатка можно выделить почти полное отсутствие деятельности по продвижению программ через социальные сети – один из основных источников информации для россиян. Так, из трех программ только одна имела аккаунты в Фейсбуке*, и две – в Твиттере и Инстаграме*. При этом, например, число подписчиков на странице ППС «Россия-Латвия» в Инстаграме*[1] не превышало 300 человек, что крайне мало для программы, решающей масштабные задачи на достаточно большой территории. К тому же данные страницы велись почти полностью на английском языке. На самой же популярной в России платформе «Вконтакте» не была представлена ни одна из ППС. Сделаю ремарку, что в настоящее время российские органы власти не могли бы работать на названных выше платформах, за исключением «Вконтакте», тем не менее, это, на мой взгляд, лишь частный пример того, как реализуется деятельность по продвижению программ через один из самых

популярных источников информации. Все это, безусловно, негативно сказывалось на обеспечении надлежащего оповещения общественности о деятельности стран-участниц в рамках ППС.

Также многие бенефициары указывали на запутанность программных процедур, отмечая при этом, что они понимают характер Программы и необходимость в сложных процессах. Действительно, ППС имеют разветвленную структуру полномочных органов и нетривиальную систему требований к бенефициарам и их проектам. Например, полномочные органы ППС «Россия-Латвия» включают в себя Совместный мониторинговый комитет, Управляющий орган, Национальные органы России и Латвии, Совместный технический секретариат, Аудиторский орган и Контрольный консультационный центр, а проектная заявка должна соответствовать административным и качественным критериям, а также техническим требованиям. Без сомнения, описанная выше сложность процедур и системы управления обусловлена масштабным характером ППС, который вряд ли можно значительно упростить. Решением данной проблемы, по моему мнению, может быть создание специального отдела, занимающегося разъяснением правил участия в Программе и консультационным сопровождением бенефициаров в течение всего срока реализации проекта. Проработав указанные выше проблемы, на мой взгляд, можно добиться еще большей эффективности от реализации ППС.

Оценивая перспективы, стоит отметить, что, несмотря на резкое ухудшение отношений России и ЕС и приостановку Европейской комиссией всех программ приграничного сотрудничества, говорить о бессрочной их отмене не стоит. Многие российские и западные политики всегда рассматривали ППС как чрезвычайно ценный инструмент взаимодействия, направленный на укрепление доверительных добрососедских отношений и совместное достижение устойчивого социально-экономического развития. Этот факт дает основание надеяться, что в долгосрочной перспективе деятельность в рамках ППС не только будет восстановлена, но и продолжит совершенствоваться и приносить еще большие результаты.

Заключение

Таким образом, приграничное сотрудничество продолжает играть важную роль в современной системе международных отношений. Благодаря совместным усилиям смежных регионов становится возможным эффективно решать вопросы в различных сферах жизни общества.

Россия ведет активную деятельность в данной области. В РФ создана достаточно разветвленная сеть НПА, направленных на регулирование сферы приграничного сотрудничества, которая не только выступает фундаментом осуществления эффективного взаимодействия с сопредельными регионами, определяя его основные принципы, виды и меры, но и задает вектор развития на ближайшие годы с учетом накопленного опыта и текущей ситуации.

Санкт-Петербург как активный участник приграничного сотрудничества имеет необходимую нормативно-правовую и институциональную базы: в городе принят

специальный закон и осуществляет свою деятельность Комитет по внешним связям. Основным инструментом реализации взаимодействия со смежными территориями выступают программы приграничного сотрудничества, а именно: «Россия – Юго-Восточная Финляндия», «Россия – Эстония» и «Россия – Латвия». В период 2007 – 2020 гг. они показали себя достаточно эффективными и привели к позитивным количественным и качественным изменениям в сопредельных регионах.

Однако в ходе анализа был выявлен ряд второстепенных проблем, а именно: несвоевременное выполнение ряда поставленных задач, запутанность программных процедур, недостаток информации на русском языке, а также неполная реализация стратегии коммуникаций. Устранение данных проблем в долгосрочной перспективе позволит достигнуть еще больших результатов.

Говоря о перспективах осуществления программ, стоит сказать, что, несмотря на ситуацию с приостановкой ППС по инициативе Европейской Комиссии, ведущие политики России и ЕС признают крайне ценным вклад от реализации данных программ, что дает всем участникам надежду на скорое восстановление сотрудничества.

Список литературы

1. Вардомский Л.Б. Новые факторы приграничного сотрудничества стран СНГ. Конкурентоспособность и модернизация экономики. М., 2004. С. 1-11.
2. Дергачев В.А. Регионоведение: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Регионоведение», «Международные отношения». М., 2017. 519с.
3. Об основах приграничного сотрудничества: Федеральный закон от 26.07.2017 №179-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 31.07.2017. №31. ст. 4728.
4. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента от 30.11.2016 №640 // СЗ РФ. 05.12.2016. №49. ст. 6886.
5. Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 07.10.2020 №2577-р // СЗ РФ. 19.10.2020. №42. ст. 6650.
6. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 04.01.1999 №4-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 11.01.1999. №2. ст. 231.
7. О международном сотрудничестве, международных и внешнеэкономических связях Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 08.07.2008 №418-70 (ред. от 08.02.2018).
8. Рустомова Л. Р. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества еврорегионов с участием России. Регионоведение, 2019. Вып. 4. С. 711-733.

*Признаны экстремистскими на территории РФ

Гасумянов Владислав Иванович, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, доктор экономических наук

Марголин Андрей Маркович, проректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

Рыбаков Антон Львович, заместитель начальника Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

Комлева Валентина Вячеславовна, руководитель оргкомитета конференции, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций, доктор социологических наук, профессор

Наумкин Виталий Вячеславович, научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, главный редактор журнала "Россия и мир: научный диалог", доктор исторических наук

Оганесян Армен Гарникович, главный редактор журнала “Международная жизнь”

Халевинский Игорь Васильевич, председатель Совета Ассоциации российских дипломатов

Коргачин Руслан Николаевич, и.о. директора Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат технических наук

Дейнего Владислав Николаевич, министр иностранных дел ЛНР (онлайн-включение)

Грибин Николай Петрович, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, доктор юридических наук, профессор

Маслов Алексей Александрович, директор Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

Гасумянова Алина Владиславовна, заместитель директора по медиа деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований МИЭП МГИМО (У) МИД России, директор Издательского дома «Проект медиа групп», кандидат юридических наук

Матвеев Игорь Александрович, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, эксперт Российского совета по международным делам, эксперт международного дискуссионного клуба «Валдай», кандидат исторических наук

Беликова Анна Алексеевна, старший преподаватель МГУ, РАНХиГС и МГИМО (У) МИД России, советник Группы стратегического видения «Россия-Исламский мир», главный специалист службы внешних коммуникаций RT

Егоров Владимир Георгиевич, заместитель директора Института стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции), доктор исторических наук

Раванди-Фадаи Лана Меджидовна, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, заведующая Восточным культурным центром Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук

Чернышов Михаил Михайлович, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией проблем пространственного развития Института проблем рынка Российской академии наук, государственный советник Российской Федерации 1 класса, кандидат экономических наук, доктор государственного управления

Пядышева Евгения Борисовна,
заместитель главного редактора
журнала «Международная жизнь»,
кандидат исторических наук

Егоров Владимир Константинович,
заведующий кафедрой ЮНЕСКО
Института государственной службы
и управления РАНХиГС, доктор
философских наук, профессор

Гуржиева Ольга Валерьевна,
руководитель направления по
взаимодействию с органами власти
Национального исследовательского
института развития коммуникаций

Коваль Василий Петрович, доцент
кафедры зарубежного регионоведения
и международного сотрудничества
РАНХиГС, чрезвычайный и
полномочный посланник 2 класса,
кандидат юридических наук

Кузьменко Елена Алексеевна, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества РАНХиГС, кандидат исторических наук

Конаровский Михаил Алексеевич, чрезвычайный и полномочный посол, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, член Российского совета по международным делам, кандидат исторических наук

Великая Анна Алексеевна, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества РАНХиГС, кандидат политических наук

Борিশполец Ксения Петровна, профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России, кандидат политических наук

Нессар Мохаммад Омар, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока РАН, директор Центра исследований современного Афганистана, кандидат исторических наук

Акимбеков Султан Магрупович,
директор Казахстанского института
азиатских исследований, кандидат
исторических наук

Поважная Галина Ивановна,
главный советник Департамента
стратегического планирования МИД
РФ, кандидат педагогических наук

Прямыцын Владимир Николаевич,
военный историк, доктор
исторических наук

Харитонова Елена Марковна,
старший научный сотрудник
Института мировой экономики и
международных отношений РАН,
кандидат политических наук

Семедов Семед Абакаевич,
заведующий кафедрой
«Международное сотрудничество»
Института управления и
регионального развития РАНХиГС,
доктор философских наук, профессор

Устинова Ирина Гавриловна, Заведующий справочно-библиографическим отделом Управления научно-информационного развития и библиотечного обеспечения РАНХиГС

Буданов Владимир Григорьевич, руководитель Сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН, доктор философских наук, профессор

Лазоркина Ольга Игоревна, начальник отдела Белорусского института стратегических исследований, кандидат исторических наук, доцент

Воротников Владислав Владиславович, руководитель Центра прибалтийских исследований Института Европы РАН, директор Центра европейских исследований МГИМО, кандидат исторических наук

Голубченко Игорь Вячеславович, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества РАНХиГС, кандидат географических наук

Лалетин Юрий Павлович, доцент МГИМО (У) МИД России, кандидат исторических наук

Тюлякова Софья Андреевна, исследователь Национального исследовательского института развития коммуникаций, обучающаяся Института международного права и правосудия МГЛУ, стажер-исследователь

Суहाг Викрам, аспирант кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества РАНХиГС

Звонова Мария Евгеньевна, стажер-исследователь Национального исследовательского института развития коммуникаций, студент ИГСУ РАНХиГС

Тихонов Юрий Павлович, специалист Факультета международного регионоведения и регионального управления РАНХиГС, стажер-исследователь Национального исследовательского института развития коммуникаций

Шевелёва Юлия Романовна, аналитик Института региональных и международных исследований

**Вилела Трехо Мария дель Пилар,
магистрант ИГСУ РАНХиГС**

**Лубенец Евгений Вячеславович,
аспирант РАНХиГС**

**Леже Илинка Вержиния Веро,
магистрант ИГСУ РАНХиГС**

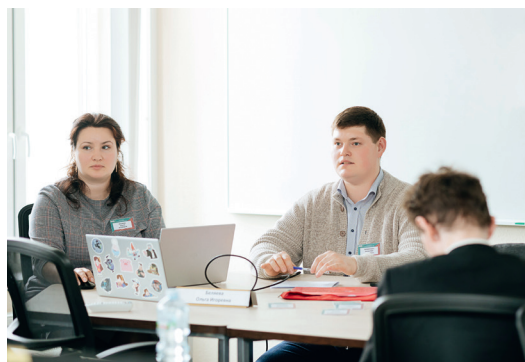
**Молодцова Юлия Николаевна,
студент ИГСУ РАНХиГС**

**Андрейченко Наталья Николаевна,
студент ИГСУ РАНХиГС**

*Искусство диалога
и доверия*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
И НСТИТУТ
РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАЦИЙ

NIC

2022